

РУССКАЯ
БАСНЯ

РУССКАЯ БАСНЯ
XVIII-XIX ВЕКОВ

МОСКОВСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

РУССКАЯ БАСНЯ XVIII-XIX ВЕКОВ

Вступительная статья Н. Л. Степанова

Составление, подготовка текста и примечания

В. П. Степанова и Н. Л. Степанова

Биографические справки В. П. Степанова

Настоящее издание представляет собой наиболее обширный свод образцов басенного жанра, одного из наиболее популярных в русской поэзии XVIII—XIX веков. Сборник включает более пятисот басен, принадлежащих перу около восьмидесяти баснописцев, от Тредиаковского и Ломоносова до Козьмы Пруткова включительно. Признанными мастерами этого жанра являются А. П. Сумароков, И. И. Дмитриев, А. Е. Измайлов и другие. Блестящего расцвета русская басня достигла в творчестве И. А. Крылова. Характерные образцы басен создавались и писателями, ныне забытыми. В настоящем сборнике они представлены наряду с известными баснописцами.

© Издательство «Советский писатель». 1977 г.

РУССКАЯ БАСНЯ¹

Басня — один из древнейших видов искусства, восходящий своими корнями к животному эпосу, к мифологической стадии мышления. Басни Эзопа и притчи индийской «Панчатантры» на многие столетия определили развитие басни, ее широкую популярность. Имена Федра, Бабрия, Лафонтена, Лессинга, Геллерта, Крылова знаменовали новые вершины в победоносном шествии этого жанра в европейских литературах.

В России басни Эзопа были переведены и изданы еще в петровское время, в XVII веке, а с Кантемира начинается бурный расцвет и русской национальной басни. «Басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, — писал по этому поводу Белинский, — что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и применения. Вот самое убедительнейшее доказательство того, что литература непременно должна быть народной, если хочет быть прочною и вечною».²

Широкая распространенность этого жанра, народность басни, ее тесная связь с народным творчеством и делали басню важным звеном в становлении национальной литературы, в выражении национального характера. Еще Пушкин, говоря о Крылове и сопоставляя его с Лафонтеном, отмечал: «Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté*, *bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов».³

¹ Вступительная статья Н. Л. Степанова публикуется посмертно.

² В. Г. Белинский, Литературные мечтания. — Полн. собр. соч. в 13-ти тт., т. 1, М., 1953, с. 61.

³ А. С. Пушкин, О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. — Собр. соч. в 10-ти тт., т. 6, М., 1962, с. 15.

Развитие русской басни проходит через несколько этапов, отражая процесс всего развития литературы. Это, прежде всего, просветительский этап, период господства классицизма в XVIII веке, породивший особенно большое количество баснописцев. Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Василий Майков, Хемницер, Херасков и многие другие поэты русского Просвещения немало сил и таланта отдали басне. Второй этап — начало XIX века, когда выступает новая плеяда русских баснописцев: Дмитриев, Василий Пушкин, Измайлов, Пнин, Нахимов и многие другие. Этот расцвет жанра во многом совпал с появлением басен Крылова, открывавших дорогу реалистическому изображению жизни. После Крылова популярность басни идет на убыль. Сатира избирает другие жанры, сколько-нибудь значительных баснописцев не появляется. Лишь в 50-х годах возникают иронические басни Козьмы Пруtkова; уделяют внимание этому жанру и некоторые поэты-искрывцы. Новый этап развития басни начинается в годы между двух революций, когда она становится острым политическим оружием.

Жизнь жанра на длительном отрезке времени неизбежно меняется: какие-то признаки его отмирают, какие-то рождаются вновь. Как справедливо писал по этому поводу Б. В. Томашевский, признаки, характеризующие жанр, «не представляют собой безразличную сумму, а именно — совокупность, систему, т. е. находятся во взаимной зависимости».¹ Поэтому басня, какой она была в XVIII веке у Сумарокова, и басня Крылова сильно отличаются друг от друга, хотя их принадлежность именно к этому жанру бесспорна. Более того, басни Сумарокова отличаются от басен Хемницера, выступившего на два десятилетия позже. Хемницер видоизменил направленность сумароковской басни, ее элементы, придав ей поучительно-рационалистический характер в отличие от гротескно-сатирических произведений Сумарокова. Сохраняли механическое следование уже готовому образцу лишь эпигоны. Сам же жанр изменялся в результате изменений в сочетании составляющих его признаков.

Такие признаки, как сюжетность, краткость размера, аллегорически-иносказательный смысл, наличие персонажей животных, разноstopный ямб, самый образ «фабулиста»-рассказчика, разговорный диалог, могут находиться полностью лишь в идеальной модели басни, но реальное соотношение их различно и некоторые из них могут отсутствовать (например, персонажами могут быть и люди).

¹ Б. Томашевский, Стилистика и стихосложение, Л., 1959, с. 502.

Все равно — наличие или отсутствие этих признаков воспринимается на фоне общего представления о жанре.

Мы воспринимаем любое литературное явление на фоне уже знакомой нам литературной традиции. Ощущение непрерывности жанра, то есть того вида литературы, к которому ближе всего примыкает новое произведение, помогает его осознать, в первую очередь выделить в нем то новое, что оно несет с собой, и вместе с тем ставит его в определенный исторический ряд. Более того, ощущение жанровой принадлежности помогает классифицировать его, упорядочить, соотнести с определенной системой, найти присущие ей закономерности.

Даже в наше время, когда границы между жанрами стали зыбкими и относительными и жанровые рамки отпали, мы все же соотносим литературные произведения с тем или другим традиционным жанром. «Жанровая память», известная инерция представления о жанровой принадлежности и структурных особенностях способствуют этому.

В басне это ощущение традиции, общности самой художественной структуры особенно сильно и наглядно. Несмотря на изменения басенного жанра под воздействием литературной эволюции, влияния различных поэтических направлений — классицизма, сентиментализма, реализма, — структурная первооснова в ней сохраняется, пожалуй, с большей определенностью, чем в любом другом жанре. Басни Михалкова или Демьяна Бедного основаны на тех же структурных принципах, что и басни Эзопа, Лафонтена, Крылова, хотя они приобрели новые черты, которых не знала классическая басня и которые более или менее органично вошли в уже определившуюся структуру, в какой-то мере подчинились ей.

1

Русская басня сложилась в век русского Просвещения. Кантемир, Ломоносов, Тредиаковский, положившие начало новой русской литературе, явились и зачинателями басни. В обстановке прогрессивных просветительских идей, веры в конечное торжество разума, свойственной просветителям, басня приобретала особенно большое значение.

По справедливому замечанию Г. А. Гуковского, «искусство классицизма, как оно было воплощено Корнелем и Расином, как оно было определено Буало в его поэме «Поэтическое искусство», — антииндивидуалистично, отвлеченно и рационалистично. Для поэта-классика

весь мир культуры основан на чистой логичности; мысль, разумное построение логики, а не чувства обеспечивают сознание истины, т. е. познание действительности...». ¹

Басня являлась для классицизма жанром, в котором рационалистическая схема, логичность морально-дидактического вывода оставалась неизменной.

Басня была выражением просветительской направленности литературы, морально-сатирическим видом поэзии, в котором осмеивались и обличались пороки общества, нарушения идеальных представлений и моральных норм. Это обусловило ее социальную остроту, ее читательский успех и распространенность. Нравоучительные и политические наставления преподносились в ней не в отвлеченно-дидактической форме, а в конкретном, живом рассказе.

Такой видный деятель русского классицизма и влиятельнейший баснописец XVIII века, как Сумароков, следуя за философией рационализма, в своих философских воззрениях отводил «разуму» господствующую роль. В статье «О разумении человеческом по мнению Локка» он писал: «Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина». ²

Басня в России с самого начала была жанром сатирическим, публицистически заостренным. Уже басни Кантемира, написанные в 1731 году, имели злободневное публицистическое значение. Злободневны и наполнены сатирическими намеками и басни Сумарокова, злая политическая издевка звучит в единственной басне Фонвизина («Лисица-кознодей»). Даже морализирующие басни Хемницера нередко обращены к острым вопросам политической жизни.

Белинский вообще признавал басню лишь как сатирический жанр, высоко ценя басни Крылова за их сатирическое начало. Он писал: «Басня как нравоучительный род поэзии в наше время — действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для детей... Но басня как *сатира* есть истинный род поэзии». ³

В силу своей политической злободневности и остроты басня, естественно, должна была прибегать к «эзоповскому языку» намеков

¹ Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII века, М., 1939, с. 122.

² А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, 2-е изд., ч. 6, М., 1787, с. 306.

³ В. Г. Белинский, Иван Андреевич Крылов. — Полн. собр. соч. в 13-ти тт., т. 8, М., 1955, с. 575.

и иносказаний. Нередко и практически так было легче обойти цензурные рогатки. П. А. Вяземский писал в своей «Старой записной книжке»: «Если бы мнение, что басня есть *уловка рабства*, еще не существовало, то у нас должно было бы оно родиться. Недаром сочинейшая отрасль нашей словесности — басни. Ум прокрадывается в них мимо цензуры. Хемницер, Дмитриев и Крылов часто кололи истинною не в бровь».¹

С утверждением, что басня только «уловка рабства», никак нельзя согласиться. Пользуясь «эзоповским языком» намеков, баснописец не только обходит непосредственные препятствия, но и создает ту обобщенность образа, ту типологическую манеру изображения, которая позволяет расширить конкретные, фактические поводы для сатиры, найти широкую типологическую формулу, под которую подходят не только явления современной баснописцу действительности, но и аналогичные факты другой эпохи. Этим определяется долгая жизнь басни в веках. Но справедливо, что басня как жанр народный, родившийся в угнетаемых слоях общества, демократична, направлена против господствующих сословий, выражает, как правило, народную, трудовую мораль. Это проявляется не только в баснях с определенной сатирической направленностью, но и в баснях далеких от нее — моралистических.

Сохраняя жанровую традицию, своего рода жанровую «память», басня в своем историческом развитии и бытовании находит все новые и новые возможности и варианты, общая модель басенного жанра приобретает своеобразные, индивидуальные особенности у баснописцев разных литератур и поколений.

Что отличает басню как жанр, жанровую структуру? Прежде всего ее сюжетность, сжатость действия. Второй признак басенной структуры — ее аллегоричность, иносказательность. Персонажи басни — чаще всего животные — являются носителями определенных моральных качеств, раскрывающихся в действии басни. И, наконец, третье свойство басни — ее нравоучение, мораль, вытекающая из действия.

Схематически модель басенной структуры можно представить следующим образом: а) экспозиция, б) действие басни, в) кульминация, г) «перелом», д) мораль-концовка. Отдельные члены этой структуры могут перемещаться (например, мораль дается не в конце, а в начале басни, кульминация и «перелом» сливаются и т. д.), могут

¹ П. Вяземский, Старая записная книжка. — Полн. собр. соч., т. 9, СПб., 1884, с. 25.

и просто опускаться (например, мораль может сама собой вытекать из действия басни). Но в целом ощущение этой структурной схемы остается.

Басня в России как стихотворный жанр впервые возникает у А. Д. Кантемира, который (правда, еще в силлабических стихах) дал образцы басенного жанра на сюжеты Эзопа. Это, однако, был не перевод, а самостоятельные басни, являвшиеся большей частью острой сатирой против политических противников Кантемира. Обращаясь к сюжетам эзоповских басен, Кантемир отказывается от их лаконизма, рисуя живописные картины, стремясь к наполнению их конкретными подробностями, совершенно не характерными для басен Эзопа. В басне «Городская и полевая Мышь» подробно описывается реальная бытовая обстановка, условия жизни обеих мышей:

Мох один около стен, на полу солома
Составляла весь убор, хозяйке пристойный;
В лето собранный запас, щель, лишь ей знакома,
К умеренну корму ей тут же сокрывая,
Торовата для гостя крупы, и горохи,
И оглоданный кусок от окорка края. . .

Так первым в русской литературе Кантемир создавал не абстрактно-моралистическую, но реалистическую басню, намечал пути ее дальнейшего развития как жанра сатирического и полемического. Древним эзоповским сюжетам он придал злободневную полемическую направленность. В басне «Огонь и восковой Болван» подразумеваются ненавистные автору «верховники», стремившиеся уничтожить петровские завоевания, звучит призыв к их «искоренению»:

Кто дело свое вершив, утвердить желает
В долги веки, должен всё, что ему мешает,
Отдавать и, что вредит, искоренять скоро;
Без того дело его не может быть спору.

Такое политическое применение традиционного сюжета станет после Кантемира весьма частым, расширяя и осовременивая аллегорический смысл басни.

Хотя М. В. Ломоносов свои «притчи» рассматривал прежде всего как примеры — образец для «Риторики», — они имели бесспорное художественное значение.

Если басни Кантемира при жизни писателя не были напечатаны, то басни Ломоносова стали широко известны и выполнили

задачу, поставленную автором. Уже значительно позже их появления, в 1816 году, автор книжки «О басне» В. Г. Маслович писал: «Баснь его «Волк и Пастух» по изобретению предмета, по приятному и легкому стихосложению, по непринужденному, краткому и кстати выведенному нравоучению всегда будет почитаться образцом искусства баснописания».¹ В этой басне Ломоносов стремится дать не краткую сюжетную схему, а поэтическую картину, подробное описание, сохраняя в то же время изящество изложения и не прибегая к гротеску. Завершается притча эпиграмматически кратким остроумным нравоучением:

Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился Волком,
Тому Лисицей не бывать.

Не следует забывать и о другом зачинателе басни в России — В. К. Тредиаковском, который также одним из первых выступил со своими «эзоповскими басенками». В «Сочинениях и переводах» 1752 года он поместил более полусотни басен, являющихся вольным переводом эзоповских.

Кантемиром, Ломоносовым, Тредиаковским басня была воспринята как жанр серьезный, поучительный, призванный исправлять людские недостатки и заблуждения.

Басне еще предстояло найти и выработать свой собственный стиль, обрести разговорное просторечие, преодолеть скованную книжность литературного языка. Этот процесс начинается с Ломоносова и Тредиаковского и завершается лишь Крыловым.

Самая форма басни, ее поэтическая структура имела поисковый характер, представляла поэтический эксперимент. Басни Кантемира написаны были еще силлабическим стихом, во многом архаическим языком, далеким от разговорного просторечия. Ломоносов проявил «продерзость», установив принцип силлабо-тонического стихосложения, считая, что «российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству», как писал он в «Письме о правилах российского стихотворства». Басни, помещенные в его «Кратком руководстве к красноречию», являлись примерами, специально написанными для его «Риторики» 1748 года правильным пятистопным и шестистопным ямбом, далеким еще от того свободного, разностопного басенного стиха, который позже станет обязательным для этого

¹ В. Г. Маслович, О басне, СПб., 1816, с. 95.

жанра. После тяжеловесно-силлабических стихов Кантемира написанная четырехстопным ямбом басня Ломоносова кажется особенно легкой и выразительной. Наконец, произведения Тредиаковского представляли метрический эксперимент, что подчеркнуто было в их названии: «Несколько эзоповых басенок, для опытка гексаметрами ямбическим и хореическим составленных»¹ (ямбическим гекзаметром Тредиаковский называл шестистопный ямб, а хореическим — тринадцатисложный размер с семью ударениями — двух чередующихся по двуступишным типам). Тяжеловесный и во многом искусственный стих Тредиаковского еще не похож на вольный басенный стих. Вот, например, басня «Петух и Жемчужина»:

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее, «Что нужды, — говорит, —
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?..»

Как это еще далеко от предельно простой и яркой фразы Крылова:

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно...

Здесь особенно наглядно видно, какую большую работу надо было проделать писателям над языком чтобы от книжного, тяжеловесного, архаического языка со сложным синтаксисом и старинной лексикой прийти к точному, ясному и простому языку Крылова.

Отсутствие, ненайденность гибкого и выразительного басенного стиха связывала авторов, мешала широкому распространению этого жанра. Лишь в середине 50-х годов А. П. Сумароков, создавший гротескно-комическую басню, положил начало плодотворной традиции русской басни. Сумароков впервые осознал ее как жанр народный, преобразовал ее метрическое строение, сделал ее не только дидактическим, но и сатирическим, «шутейным» жанром.

Басня в истории русского стиха занимает особое место. Она, как правило, начиная с «притч» Сумарокова, писалась разностопным стихом, необычайно гибким и особенно полно передающим разговорную интонацию. Поэтому басня стала жанром, емко вбравшим народную речь, просторечие, еще не получившее признания в «высоких» литературных жанрах.

¹ «Сочинения и переводы В. Тредиаковского», ч. 1, СПб., 1752, с. 185.

Проблема создания национального литературного языка в басне решалась с наибольшей остротой и последовательностью. Используя традиционные для мировой литературы сюжеты, идущие еще от Эзопа и Федра, русские баснописцы видели свою задачу и заслугу в превращении их в национальные, выражающие русские нравы, быт, язык. Сумароков ставил себе в заслугу:

На русску стать я Федра превращу,
И русским образом я басню плести хочу.

Именно в басне, обращавшейся к быту, к просторечию, впервые возник народный колорит, национальный образец повествования.

Сумароков был создателем русской басни как жанра национального и самобытного. Он не только продолжил традицию Лафонтена, которого много переводил, но и создал совершенно новые принципы басенного жанра, обратился к сюжетам, взятым из действительности, из жизни. Его басни («притчи») густо заселились русскими мужиками и бабами, приобрели яркий национальный колорит. «Притчи» Сумарокова злободневны, переполнены фактами современной политической и литературной жизни, намеками (нередко ставшими уже непонятными), полемическими выпадами. Эта пестрота и полемичность содержания сумароковских басен стали своего рода их конструктивным принципом.

Сумароков выступал против «невежества» дворян, против продажности чиновников, против развращенности дворянского общества. Он отнюдь не был радикально настроен, но идеи просветительной философии во многом усвоил и с этой позиции критиковал и осмеивал дворянское общество. В басне «Жуки и Пчелы» он решительно противопоставляет работу трудовых пчел тунеядству бесполезных жуков. Недаром радикальный просветитель Н. И. Новиков стих из этой басни — «Они работают, а вы их труд ядите» — взял эпиграфом к своему журналу «Трутень». В баснях «Безногий солдат», «Подьячья дочь» он обличает эгоизм, ханжество, взяточничество подьячих, претензии на «благородство». В басне «Болван» развивается излюбленная просветителями мысль о корыстолюбии и невежестве служителей религии — «жрецов». Деревянный болван, «выбранный» в боги, идол, которому все «зачали» «молиться», на деле служит лишь для обогащения «жрецов», которые «искусно слабят» мощны молящихся и «деньги грабят». И баснописец призывает «бросить болвана» в воду.

Сумароков и его последователи создали новый тип басни, в которой на первом месте была не дидактика, а сатирическая острота,

гротескная неожиданность сопоставлений, гиперболическая буффонность образов. Смешное, комическое в баснях Сумарокова подается крупным планом. Устная интонация, ритмическая гибкость стиха подчеркивают это гротескное начало. Так, в басне «Чинолюбивая Свинья» рассказ о том, как свинья «взмурзилась» (возмутилась) и возжаждала чина — «чтоб ей повеличаться и чином отличаться», — переходит в комическую сценку:

Отказано Свинье; в ней кровь кипит:
Свинья свиньей храпит,
Свинья змеей шипит
И от досады той не ест, не пьет, не спит.

Гротескность изображения усилена здесь метрическими сдвигами, фонетической звукоподражательностью. Сатирически острая направленность басни с особой силой выражена в заключительном диалоге философа с неразумной свиньей:

«...Скажи, голубушка моя,
К чему названия Свинья пустого хочет?»
Она отвечает ему:
«К тому,
Чтоб было сказано когда о мне в банкете,
Как я войду в чины:
„Превосходительной покушай ветчины“».
Он ей отвечивал: «Коль нет меня на свете,
На что мне чин, душа?
Свинина же притом не чином хороша».

В баснях Сумарокова создается неизбежное противоречие между логически-рационалистическим костяком, моделью басни как жанра, и ее конкретным наполнением, эмпирически бытовым и злободневным. Это приводило к натяжкам, к искусственным и нарочитым аналогиям. Нередко «притчи» Сумарокова не имеют никакого аллегорического содержания, превращаются в своего рода комические бытовые сценки. Да и мораль в таких баснях не является выводом из сюжетного повествования, а прибавляется по воле автора, зачастую не будучи мотивирована содержанием басенного рассказа. Подобная «бытопись» далека от подлинного реализма, она эмпирична, лишена типического начала, но в ней уже зарождается понимание действительности как неприкрашенной реальности, намечается преодоление абстрактности

художественного метода классицизма. Сумароков прибегает к веселому, гротескному балагурству, высмеивая недостатки и пороки общества, в котором он живет. Особенно достается от него подьячим:

Украл подьячий протокол,
А я не лицемерю,
Что этому не верю:
Впадет ли в таковой раскол
Душа такого человека!

(«Протокол»)

В этом громоздком юморе сказывается своеобразие сатирической манеры Сумарокова, обращавшегося к гротескному образу, к комическому абсурду. Басенный сюжет утрачивает аллегорический характер, который имеется в баснях Лафонтена, где животные хотя и олицетворяют слабости и пороки людей, но сохраняют свое звериное обличье, свою традиционную символику. У Сумарокова звери выступают как пародии на людей, как карикатуры. В басне «Две Крысы» «сошедшиеся» в кабаке крысы ведут себя точно так же, как забулдыги-приказные. Крыса, которая жила у подьячих, знает их «уставы» и проделки, беззастенчиво обманывает другую крысу, выпивая одна пиво, оставшееся в миске «мерю в два брюха». При этом крысы и «бурлацки песни» поют, и «почали» орать и «горло драть», совсем как захмелевшие подьячие. «Надутый гордостью Осел» (такое заглавие басни), который возит статую божества, думает, что все почести, оказываемые богу, относятся к нему, и вызывая кричит, что бог — это он. За что и получает дубиной по спине.

Все это грубо, без смягчения показывает Сумароков, не стесняясь изображать весьма натуральные сценки, заставляя своих персонажей вульгарно пьянствовать, ругаться, бахвалиться. Его кобель и сука (в басне «Кобель и Сука») далеки от элегантных персонажей лафонтеновских басен. Они говорят между собой, как рыночные завсегдатаи, на вульгарно-просторечном жаргоне, ничего общего не имеющем с рафинированной эстетикой классицизма. Водворившись в «квартире» на время, сука вывела детей и теперь угрожает хозяину: «...помни, позабыв пустые враки, Что стали уж мои щенки теперь собаки». Здесь нет намеков, иносказаний, — житейский случай, бытовая сценка, рассказанная прямо, без смягчения, становится сюжетом басни, а звериные или людские ее участники показаны в гротескно-гиперболизированном виде.

Исследователь басен Сумарокова так определяет их своеобразие: «Это не значит, что притчи Сумарокова — пародия на Лафонтена и других баснописцев, но, во всяком случае, частичное пародирование

басни лафонтеновского типа служит для него одним из комических приемов. Сумароков делает басни низким, вульгарным жанром». ¹

Сумароков не столько пародирует Лафонтена, сколько доводит до нелепости, до крайности и гротеска сюжетное построение его басен. Он обращается к фольклору, к народной сказке, анекдоту, поговорке, стремясь придать басне национальный характер. Так, «Пени Адаму и Еве», «Спорщица», «Коловратность», «Девка» и многие другие восходят к сказкам и народным анекдотам. В основе басни «Спорщица» — анекдот об упрямой жене, который, однако, кончается не гибелью упрямой спорщицы, а ее победой над мужем. А басня «Мыши и Кот» просто могла бы быть подписью к известной лубочной картинке «Как мыши кота хоронили». ²

В басни Сумарокова попадают живые куски быта, картинки, взятые непосредственно из жизни. Так, басня «Вдова-пьяница» начинается с конкретного указания на существование такой «героини»:

Престрашная пьяница где-то была
И полным стаканом хмельное пила,
Дворянского роду она, иль мещанка,
Или крестьянка,
Оставлю об этом пустые слова...

В баснях Сумарокова и его последователей смешаны разномастные события и явления. Наряду со значительными историческими событиями и обращением к примерам из мировой истории, Сумароков наполняет басни личными, литературными делами, полемикой, посрамлением своих критиков, бытовыми сплетнями и новостями. Так, в баснях «Портной и Мартышка», «Змея и Пила» и других Сумароков вступает в спор со своими критиками, прямо заявляя в басне «Змея и Пила»:

Не устремляйтесь того критиковать,
Кого немножечко трудненько подкопать,
Все ваши сборы
И наплетенны вздоры
Не сделают ему малейшего вреда,
А вам наделают премножество стыда.

¹ Л. Виндт, Басни сумароковской школы. — В кн.: «Поэтика», вып. 1, Л., 1926, с. 82.

² См. об этом: «Ученые записки Карело-Финского педагогического института», Петрозаводск, 1956, т. 1, вып. 2, с. 145—160.

Басня стала и фельетоном, и полемикой, и бытовой сценкой, сохраняя в то же время свою основу — иносказательность, «эзоповский язык».

О том, как высоко ценили современники басни Сумарокова, свидетельствует отзыв о них Н. И. Новикова, который в «Опыте исторического словаря» писал: «Притчи его почитаются сокровищем Российского Парнаса, и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де ла Фонтена, славнейших в сем роде». ¹ Едва ли восторженная оценка Новиковым «притч» Сумарокова полностью справедлива, но она говорит о том значении, которое они имели для современников, объясняет его влияние на дальнейшее развитие басенного жанра.

Да и самого Сумарокова нельзя упрекнуть в излишней скромности. В «Наставлении хотящим быть писателями» он сам себя считает ровней Лафонтену:

Склад басен Лафонтен со мною показал
Иль эдак Аполлон писати приказал.

Широкая распространенность басен Сумарокова сказалась и в том, что многие из них (например, «Лисица и Виноград») стали достоянием народного лубка, перешли в фольклор.

Сумароков породил целую школу баснописцев середины XVIII века. Василий Майков, А. Ржевский, М. Херасков и многие другие продолжили принципы, найденные Сумароковым.

Так, на народных анекдотах и фабулах основана басня В. Майкова «Повар и Портной», в которой рассказывается о находчивом и удачливом поваре, заслужившем своим ответом щедрый подарок богатого пана, тогда как глупый и завистливый портной не угодил пану и за свой неудачный ответ заслужил только побой. Уже с самого начала басня выдержана в разговорно-сказовом тоне, подчеркнуто просторечном, далека от аллегорического изображения:

Удобней Повару и жарить и варить,
Как о поваренном Портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли, или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше;

¹ Н. Новиков, Опыт исторического словаря, СПб., 1772, с. 207—208.

Я знаю только то, что ехал пан,
А ехал из гостей — так ехал пьян.
Навстречу вдруг прохожий,
И шелся с паном — рожа с рожей...

Мораль этой басни чем-то предвещает крыловскую: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник», но она раскрывается в сюжете новеллы, рассказанной подробно, с деталями, неторопливо. Майков обращается к живой народной речи, передает сценки и разговоры, которые возникают попутно, как иллюстрации к фабуле басни.

Вот этот бытовой, жизненный рассказ, гротескный юмор, хотя и не столь алогичный и пародийный, как у Сумарокова, отличает басни Майкова, охотно обращавшегося к фольклору, к анекдоту, нередко довольно соленому («Крестьянин, Медведь, Сорока и Слепень»). Именно в баснях (вышедших в двух книгах под заглавием «Нравоучительные басни Василия Майкова» в 1766—1767 годах) закладывалась основа того грубовато-бурлескного стиля, которым написана известная иронико-комическая поэма Майкова «Елисей, или Раздраженный Вах», появившаяся в 1771 году. Так, в басне «Наказание Ворожей» он рассказывает о судьбе ворожей, которая «дьяволам на жертву приносила прокляты ворожбы», благодаря чему ей служила «дьявольская сила». Свой рассказ он ведет в бурлескной манере, смешивая понятия и образы античной мифологии с крестьянской демонологией и нарочито вульгарными бытовыми аксессуарами:

В ее послушности был Стикс и Ахерон,
И сам Харон
По повелению ее людей из света
Перевозил во ад в цветущие их лета,
Погибнувших различными смертями;
И словом, баба эта
Была царица над чертьми.

Народная мудрость и мораль басни заключается в осуждении безграничного эгоизма и самодурства ворожей, поделом наказанной за свое человеконенавистничество.

Гротескный характер, идущий от сумароковских басен, сказался и в баснях Ржевского, печатавшихся в журналах 60-х годов. В них тоже обостренное внимание к быту, к комическим деталям, к уродливым отношениям между людьми. Такие басни Ржевского, как «Хозяин и Батрак», «Волк-откупщик» и другие, исполнены негодования

против эгоизма и самодурства богачей и знатных господ, наживающихся за счет беззащитных бедняков. В басне «Хозяин и Батрак» рассказывается, как некий «заживной мещанин» заставлял наемных работников сверх всякой меры трудиться — таскать мешки с мукой. Батрак «муку таскает, кули насилу поднимает», так что «не взмиллись уже и деньги Батраку». А в то же время его хозяин развлекается с любовницей и, придя от нее поздно вечером домой, возмущен тем, что застал батрака спящим после непосильной работы:

«Куда ленив! — кричит. — Лишь только чтобы спать,
Диковинка ль ему меня бы подождать?

Где твари этакн родятся?

Лишь спать, да есть бы им, да пьяным напиваться.

Я ночь не спал — да жив, могу еще не спать;

А он меня ленился подождать!»

Здесь явственны штрихи самой жизни, критика социальных ее сторон (хотя характерно, что не дворянства, а «заживного мещанина», купца). Во всей басне нет никаких аллегорических образов и персонажей, она говорит о реальных людях. Вот это обращение к действительности, эмпирически-гротескное изображение ее и является основным свойством басен сумароковской школы, сыгравших большую роль в развитии русской басни. Их сатирический характер, их жизненно-выразительные краски уже предвещали путь к крыловской басне, отличали ее от иноземных образцов.

Не менее насыщены социальным смыслом изданные в 1764 году «Нравоучительные басни» молодого Хераскова. В басне «Вдова в суде» он рассказывает о печальной участи некоей вдовы, муж которой погиб на войне. Она оказалась ограбленной и обобранной «бессовестными душами», вынужденной нищенствовать:

Подав полушку ей, дал некто сей совет:

«В суде побей челом о деревнях, мой свет,

Не век тебе с сумой и в рубищах таскаться».

Херасков не смягчает красок, показывая безнадежность обращения бедняка к суду, лицемерие и вопиющую несправедливость судебных. Вдова прождала, пока судья совершал у себя на дому «всенощну», а затем была изгнана из его дома слугами и посажена полицейским чином, «десятским», в тюрьму за то, что брела по улице без фонаря. Басня завершается пессимистически:

Суперники ее подъячих подкупили
И бедную Вдову в остроге уморили.
Пример вам подает несчастная Вдова,
Надежда в свете сем на правду какова.
Кто защищение и помощь потеряет,
Тот с справедливостью в гоненьи умирает.

Басня утратила свой аллегорический, условный характер. И ограбленная, обнищавшая вдова, и бессовестный богомольный судья — все это взято из жизни, здесь нет никакого иносказания, басня наполнилась фактическим, острозлободневным, сатирическим материалом. Принадлежность к басенному жанру сказалась в том, что случай, рассказанный Херасковым, приобретает обобщенный характер, становится типическим изображением социальных язв современного общества. Херасков не выдвигает здесь никакой политической программы: он стоит на позиции обличения несправедливостей и притеснений со стороны власть имущих.

Басня сумароковской школы в 60-х годах развивала реалистические тенденции басенного жанра, являлась прежде всего сатирой и тем самым сыграла немаловажную роль в подготовке реалистической литературы. Эта сумароковская традиция сказалась и в басенном творчестве первых писателей-разночинцев, таких как Чулков, Попов, Аблесимов, представителей «низовой», массовой литературы, являвшейся достоянием тогдашнего неискушенного демократического читателя, рассчитанной на его бесхитростный вкус.

Басни Чулкова и Аблесимова сохраняют сумароковское обращение к фольклору, «мужицкую» грубость языка, внимание к простому человеку, сюжетную новеллистичность. Такова басня Чулкова «Бережливость», в которой повествуется о мужике, пришедшем на заработки в столицу:

Из области Смоленской
Мужик иль житель деревенской,
Как серп поля их вытер,
Пришел к нам в Питер —
Не города смотреть, не с дамами водиться,
Не летнею порой на шлюпке веселиться,
Не в оперы ходить, не в рощах здесь гулять:
Пришел он работать.

Здесь описание столичных развлечений, чуждых и недоступных трудящемуся человеку, на стороне которого симпатии автора. Этот работяга («крестьянин лености и отдыху не знает») на заработанные

деньги хочет приобрести кафтан, с крестьянской осмотрительностью подходит к этому делу и после долгих торгов наконец его покупает. Вот и все. Но то, что в центре повествования стал не комический облик недотепы-мужика, как у Сумарокова, а честного парня-работяги, весьма показательно для Чулкова. Не случайно появляется и новый термин для обозначения этого рода басни — «быль», как называет свои басни Аблесимов, издававший в 1781 году даже особый журнальчик «Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или Когда кому делать нечего». Приведем одну из «былей» Аблесимова, помещенную анонимно в новиковском «Трутне» за 1769 год. Она называется «Муж и Жена» и сводится к злому осмеянию супружеской четы, в которой муж, ярый картежник, проигрывает все в карты, а жена поддерживает семейный бюджет, «с любви дань собирая»:

Охотник в карты Муж играть:

Над картами потеет,
От карт не богатеет —
Скудеет.

Охотница Жена с любви дань собирать:

Сбирая дань, потеет,
Трудом сим не скудеет,
Трудом сим богатеет.

Конечно, сатира здесь весьма умеренна, но она дает представление о фальши и безнравственности окружающего общества, о падении нравов. Басня превратилась в «быль», в фактографический анекдот, в юмористический рассказец, если определить ее применительно к литературным жанрам нашего времени. И в то же время она сохранила свою принадлежность к басенному жанру. Отдельные анекдотические случаи, бытовые зарисовки приобретают басенную обобщенность. «Быль», частный случай становится обобщением типического явления. Жанровая «память» заставляет рассматривать эмпирически плоскостное изображение как своего рода аллерию. Жанровая традиция прослеживалась и в использовании свободно-разговорного басенного стиха (в басне «Муж и Жена» чередование четырех-, трех- и одностопного ямба).

Выдающимся сатирическим произведением является басня Фонвизина «Лисица-кознодей», осмеивающая придворную фальшь и лицемерие. Фонвизин целил в самую запретную область, высмеивал цинизм и сервилизм правительственной камарилы. Острый сатирический смысл, политическая злободневность басни отнюдь не смяг-

чаются «зверинным маскарадом»: ее аллегорическое иносказание сохраняет конкретное значение. Басня Фонвизина — своего рода политический памфлет, в котором пародируются лицемерные выступления придворных, их подлая лесть и готовность служить любому новому властелину. Этот подтекст своей басни автор приоткрывает в заключительной реплике собаки, заменяющей традиционную «мораль»:

Собака молвила: «Чему дивишься ты?
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастью бредет презренными путями, —
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

Фонвизин сохраняет основную структуру басни: ее иносказательность, параллелизм двух планов — сказочно-басенного и второго, подразумеваемого, основанного на конкретных политических фактах. Своеобразие его жанровой структуры как в остроте политической нацеленности басни, так и в том, что она написана не вольным разностопным ямбическим размером, а правильным шестистопным ямбом.

2

Сатирически-гротескную басню школы Сумарокова сменяет басня моралистическая, просветительская, в которой бытовой, конкретный план, приобретший в сумароковской басне первостепенное значение, оттесняется, а на первое место выступает морально-дидактическая направленность. Комические подробности, грубоватая раешная манера рассказа сменяются спокойно-рассудительным повествованием, наставительной моралью. Наиболее значительное и весомое место в этом направлении занимают басни Хемницера, выступившего в 1779 году с небольшим анонимным сборничком «Басни и сказки». Но и до него, уже в 60-е годы, эта моралистическая линия намечалась у ряда баснописцев, в частности, у того же Хераскова.

Херасков-баснописец, как выше говорилось, в основном представлял сатирическую линию, но одновременно у него появлялись и басни отвлеченно-моралистического характера, аллегории, проповедующие правоучение в духе просветительской философии. Такова басня «Источник и Ручей», образы которой аллегоричны, а мораль сводится к утверждению общего блага в противовес частному, индивидуальному, эгоистическому интересу:

Источник некогда с вершины гор стремился,
Шумящим в быстрине течением гордился,
И в пышности своей Ручей он презирал,
Который светлый ток в долину простирает.
На все его слова сказал он с тишиною:
«Источник! можешь ли за то гнушаться мною,

Что я в теченьи тих,

А ты опасен, вреден, лих?

Твоим достоинством я сердца не прельщаю,
Хотя передо мной имеешь громкий глас.
Ты землю пустошишь, а я обогащаю,
Так кто ж полезнее для общества из нас?»

Мы видим, насколько эта басня по художественным принципам противоположна сумароковской. Она написана в основном повествовательным шестистопным ямбом и представляет не забавную гротескную сценку, а дидактическое рассуждение, в котором ручей и источник не конкретные, реальные предметы, а символы-аллегории, сразу же определяющие отвлеченно-моралистический смысловой план произведения. Да и весь рассказ выдержан в книжном, возвышенном стиле: «светлый ток», который ручей в долины «простирает», «громкий глас» источника — все это подчеркивает «высокую», книжную семантику аллегорий. Здесь басня устремлена не к конкретным проявлениям жизни, а к сфере искусственных символов, эмблем, которые выражают философско-моралистическую идею.

Примером такого преобладания аллегорий могут служить басни Леонтьева, в которых второй, аллегорический план подчеркнуто выступает, а первый, сюжетный, лишен жизненных красок. В басне «Серебряный Сосуд и хрустальный» рассказывается о том, как хрустальный сосуд «ослепил» «простака», не понимавшего ценности серебра. Эта аллегория тут же расшифровывается в моральном плане:

Одетый хорошо глупец живет в почтении,
А бедный с разумом под вретисцем в презренье.

И далее следует подробное истолкование аллегорического смысла притчи, обличающей тех, кто не знает «доброты разума». Мы видим, как упор на аллерию сразу же приводит к дидактической отвлеченности, к утере реалистической рельефности первого, сюжетно-изобразительного плана.

Эту философскую наполненность басни, отказ от занимательности во имя усиления аллегорического значения можно найти и

у молодого Муравьева, выступившего в 1773 году с книжкой басен. В своих баснях Муравьев часто обращается к развернутой аллегории, в заключительной морали объясняя ее политический или моралистический смысл. Так, в программной для него басне «Верхушка и Корень», в которой утверждается концепция просвещенного абсолютизма, Муравьев говорит о жалобах корня на праздную верхушку, лишь истощающую его силы. Однако, отказавшись питать верхушку, корень и сам засох и превратился в бесполезную колоду:

Что ж?

Вить то не ложь,

И басенка моя не простенька игрушка.

Итак, какой же бы из ней нам выбрать плод?

Правительство — Верхушка,

А Корень — то народ.

Эта басня предваряет крыловскую «Листы и Корни», ставящую ту же тему, решая ее в демократическом плане. Следует отметить здесь стремление к пояснению аллегории, которая определяет структуру всей басни. Любопытно, что, в отличие от первоначального текста этой басни в авторизованной тетради, Муравьев на замечание анонимного рецензента, усмотревшего в басне умаление роли правительства, продолжил концовку, добавив, что «на Верхушку Корень часто негодует, мнит вредным, что она ко благу предписует». Здесь любопытно не только устранение критического отношения к верхушке, но и перенесение центра тяжести с басенного сюжета на его разъяснение, на раскрытие самой аллегории.

Муравьев, Херасков уже намечали путь к басне-аллегории, басне-рассуждению, которая наивысшего своего расцвета достигает у Хемницера.

В баснях Хемницера сказались основные идеи Просвещения: о справедливом общественном устройстве, о естественном равенстве людей, о моральной ответственности. В основе антифеодальной морали басен Хемницера лежала прежде всего философия немецкого Просвещения XVIII века, в особенности учение о естественной морали и осуждение феодальных порядков, знаменовавшие умеренно-бюргерскую линию немецкого просветительства. Особенно большое значение имел для него Геллерт, который был не только автором популярных «Лекций о морали», но также комедиографом и баснописцем.

Басни Хемницера подчинены дидактической схеме, он находится в мире отвлеченных понятий. Если для Сумарокова натуралистиче-

ские подробности были проявлением «низкого» стиля классицистической поэтики, то Хемницер далек от его гротескности и «грубости». Для него басня — серьезный, философический жанр. В ней он защищает «истины вещей», показывает пути общественных отношений и явлений. Ее тематика, мораль касается широкого круга человеческой жизни, вопросов социального устройства, проповедует просветительские принципы нравственности. Аллегория снова приобретает важное значение.

Басни Хемницера обращены прежде всего против господствующей бюрократической верхушки. В басне «Лев, учредивший совет» автор зло издевается над тупоумием царских вельмож и приближенных. Лев утверждает совет из слонов, к которым добавил ослов. «Совет» — нечто вроде сената — задуман был с тем, чтобы ослы набрались ума от слонов. На деле же вышло наоборот:

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы Слонов с ума свели.

Хемницер был не только моралистом, но и сатириком. Он неоднократно возвращался к вопросу о социальном неравенстве. Значительная часть его басен обличает социальное неравенство и несправедливость («Побор львиный», «Привилегия», «Лестница» и др.), а главное — разительный контраст между богатыми и бедными, на стороне которых неизменно выступает сам автор. Так, в басне «Богач и Бедняк» он наиболее последовательно развивает свою точку зрения, точно отмечая вопиющую несправедливость такого устройства общества, которое все предоставляет богатым и обрекает бедняков на униженное и бедственное положение:

Сей свет таков, что, кто богат,
Тот каждому и друг и брат. . .
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей, —
Того почтения не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

Таким образом, Хемницер видит уже несправедливость не только феодальных отношений, но и тех общественных сил, которые выступили в нарождающемся буржуазном обществе.

В басне «Конь верховый» он противопоставляет «гордому» верховому коню простую труженицу клячу. Конь важничает и кичится

своим великолепным убором, тем, что ему дорогу «всяк уступает», на что рабочая лошадь многозначительно замечает:

«Тебе ль со мной считаться

И мною насмехаться?

Не так бы хвастать ты умел,

Когда бы ты овса моих трудов не ел».

Демократизм, отрицание феодальных привилегий, противопоставление праздной и роскошной жизни знатных и богатых людей — жизни честного, простого труженика лежит в основе мировоззрения Хемницера. Это придает его басням сатирическую направленность. Хемницер смело поднимает голос против злоупотреблений, несправедливостей, коррупции всего государственного аппарата. Такие басни, как «Побор львиный», «Путешествие львово» и т. п., содержат беспощадную критику круговой поруки, казнокрадства и произвола вельмож и высших чиновников, которые захватили в свои руки власть в стране, обирают народ и обманывают самого царя. В этом сказались и иллюзорные представления Хемницера о справедливом и просвещенном монархе, каким тот выступает в басне «Путешествие львово» (во многом предваряющей крыловскую басню «Рыбы пляски»). Правда, здесь «добрый Лев» является «добрым», как иронически поясняет сам Хемницер, «затем, что со зверей хотя он кожи драл, Да обдирать промеж собой не допускал». Этот «добрый Лев» собирается осмотреть «свое владенье», чтобы познакомиться с жизнью народа. Но местные власти предупреждаются многочисленной свитой льва об этом намерении и во время посещения скрывают от него вопиющие недостатки и преступления:

Как царского куда прихода ожидают,
Все знают. Да и я не раз при том бывал,
Как, например, в тюрьму обиженных сажали,
Чтоб, сидя там, своей обиды не сказали;

Иному — чтобы промолчал —

Против того, чего из взяток получили,

Вдвойне и втрое возвратили;

И тысячи таких и хуже этих дел...

Басня превращается в смелый политический памфлет (напомним, что она не была напечатана при жизни баснописца), разоблачающий злоупотребления бюрократической машины и лицемерный обман даже

самого царя. Хемницер не стремится придать своим персонажам звериное обличье, он пользуется этим переключением описания в условный план лишь из цензурных соображений. Для него важнее всего развить политическую идею, обличить существующие порядки.

В критике феодально-самодержавного порядка и социальной несправедливости Хемницер приходит к пессимистическим выводам. В басне «Привязанная Собака» он с горечью говорит о том, что собака, перегрызшая свою цепь, была снова посажена на еще более короткую привязь. Отказ от активности означает не примирение Хемницера с существующим порядком вещей, а следствие его политических взглядов просветителя, верящего в силу законов, силу просвещения.

Хемницер перенес центр тяжести своих басен на вопросы морали, нравственности, характер семейных отношений. Алчность, скупость, неблагодарность, зависть, хвастовство и прочие недостатки и пороки людей у него обнаруживаются в частных, бытовых и семейных обстоятельствах. Так, в басне «Друзья» — одной из лучших басен Хемницера — баснописец рассказывает о мужике, чей воз провалился во время переправы по льду. На призывы и крики его другие мужики из обоза, его односельчане и друзья, хотя охотно говорили о помощи, но так и не помогли делом:

«Робята, что же вы стоите?
Поможемте», — один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.
«Поможем», — каждый подтвердил.
Но к возу между тем никто не подходил.
А должно знать, что все одной деревни были,
Друзьями меж собою слыли,
Не раз за братское здоровье вместе пили. . .

По живости интонаций, удачно найденным подробностям, выразительной краткости всей картины эта басня Хемницера непосредственно предвещает уже крыловские басни. Да и по теме и морали она предваряет одну из басен Крылова — «Крестьянин в беде».

В частной, семейной жизни Хемницер хочет найти отношения, основанные на подлинной любви и скромном счастье. Но и здесь он видит фальшь, обман, эгоизм. Так, в басне «Счастливое супружество» рисуется идеальная картина супружеских отношений:

Взаимной воле угождали
И ссоры никогда между собой не знали.

Однако в концовке басни говорится, что эта идиллия продолжалась всего лишь неделю.

Хемницер ратует за трезвое отношение к жизни, за деловое, практически полезное поведение человека — в противовес абстрактному, отвлеченному теоретизированию. В своей известной басне «Метафизический ученик» («Метафизик») он смеется над ложным, оторванным от жизни учением. «Метафизический ученик» после учения «еще глупее возвратился», потому что:

Попался к школьным он врялям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.

Попавши в яму, метафизик, которому спустили туда веревку, чтобы его вытащить, вместо того чтобы воспользоваться веревкой, обращается к отцу:

«Нет, погоди тащить, скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Так ложная ученость, оторванная от практики, превращается в схоластику, в псевдонауку. Конкретность истины, скептическое отношение к религии, осуждение деспотизма, утверждение разумного начала — такова просветительская программа Хемницера.

Его басни всегда наставительны, дидактичны. Нравоучительный вывод в них не заслонен бытовыми сценами, живописностью изложения, а с неукоснительной логикой заложен в самом сюжете, подчеркнуто аллегорическом, и в обычной заключительной части, еще раз точно формулирующей басенную мораль. Такова, например, его басня «Дерево» (послужившая основой для одноименной басни Крылова). Дидактический замысел определяет здесь и ее сюжет и стиль. Мораль сводится к утверждению скромной, добропорядочной жизни, к признанию общих для всех моральных норм, к отказу от индивидуальной «гордыни», от противопоставления своей личности окружающей среде. С первой же строки дерево выступает как некий символ человеческой строптивости, а не как реальное дерево. Мы не найдем в басне каких-либо конкретных примет (дерево — вообще, даже не дуб или ель), никаких бытовых штрихов, — условный лес, который сотрясает буря, вызванная гневом Зевеса. Все сюжетное развитие басни подчинено заранее заданной идее, моральной максиме

(схожей с моралью лафонтеновской басни «Дуб и Тростник»). Эта мораль покорности, отказа от индивидуального начала, от «гордыни» подчеркнута и в концовке:

Мне кажется, легко из басни сей понять,
Что страшно иногда на высоте стоять.

Автор не разговаривает, не шутит с читателем, — он его поучает, преподносит определенную моральную концепцию, которая выражена в аллегорическом смысле образов. Слова в басне приобретают абстрактное значение, лишены конкретных жизненных ассоциаций: «судьба», «вершина», «гора», «погибель» — все это или отвлеченные понятия, или названия, свободные от предметного содержания.

И басня «реальная», выдвигающая бытовые подробности на первый план, и басня аллегорическая равно закономерны. Большая популярность басен Хемницера об этом свидетельствует. Басни Хемницера далеко не всегда стремятся к условной аллегории. Он также включает в них черты реальной действительности. Такова, например, басня «Два соседа», о ссоре двух соседей из-за пустячного повода — «соседская свинья грядку изрыла»! И далее возникла «непримиримая между соседов злоба», завершившаяся бесконечной судебной тяжбой, вконец разорившей обоих «соседов». Эта басня характерна для Хемницера своей новеллистичностью. Он любит басни с новеллистическим сюжетом, происшествием, являющимся центром басенного рассказа. Причем в самом рассказе он стремится к простоте повествования, соблюдая правило, сформулированное в двестишши, поставленном эпиграфом к изданию басен 1799 года:

В природе, простоте он истину искал:
Как видел, так ее писал.

Слог Хемницера не украшен ни гротескными, ни языковыми «излишествами». Он стремится к точной передаче мысли, к конкретному изложению фактов. Например, история ссоры двух «соседов» начинается с описания деяний свиньи, забредшей в чужой сад:

На двор чужой Свинья к соседу забрела,
А со двора потом и в сад его зашла.
И там бед пропасть накрутила:
Грядку изрыла.

Политические взгляды Хемницера отличаются умеренностью, сознанием неизбежности примирения с существующим положением ве-

шей. Протестуя против социальной несправедливости, критикуя пороки и недостатки современного общества, Хемницер видел выход из всех зол в просвещении и моральном воспитании общества. Но не следует преуменьшать и обличительно-сатирическую направленность творчества Хемницера, видеть в нем только моралистическое начало.

Обращение к басне характерно и для писателей-просветителей, группировавшихся с 1800 года вокруг «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», деятельность которых приходится на первое десятилетие 1800-х годов. Басни И. Пнина и близкого к нему А. Бенитцкого продолжали традиции просветительской басни с ее рационалистической аллегоричностью, философической морализацией. Такова, например, басня Пнина «Царь и Придворный», в которой говорится о мудром царе и лъстивом придворном. Придворный, желая подольститься, говорит царю при виде египетских пирамид, что, как они сложены из камней только для того, чтобы поддерживать самый верхний камень, так и народ служит для верховной власти царя. Царь, выступающий здесь как философ-просветитель, возражает льстецу, указывая на значение для царя поддержки народа:

Тот камень, что свой блеск бросает с высоты,
Разбился б в прах — частей его не отыскали, —
Когда б минуту хоть одну
Поддерживать его другие перестали.

Эта философическая аллегоричность сказалась на отвлеченности самых образов басни, на отсутствии в ней черт реальной действительности. Условно-аллегорический второй план здесь совершенно вытеснил первый.

Зашифрованный смысл (у Хемницера, Пнина) нередко превращает басню в острую политическую сатиру, лишь слегка завуалированную прозрачной аллегорией. Так было с баснями Сумарокова, Фонвизина и с особенной наглядностью сказалось в относящихся к 1800-м годам басням Дениса Давыдова, распространявшимся из-за их антимонархической направленности в рукописных копиях. Такие басни, как «Голова и Ноги», «Река и Зеркало», говорили о деспотизме царской власти, предупреждали о возможности неповиновения, о праве «ног» споткнуться и «твое величество (т. е. голову. — Н. С.) об камень расшибить». Еще более ядовитой иронией отличается басня «Река и Зеркало», в которой осужденный на казнь философ рассказывает царю притчу о зеркале. Ребенок разбил его, увидав свой «бе-

зобразный вид», но не смог ничего поделаться с рекой, в которой увидел то же отражение.

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать. . .
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила.

Эта заключительная реплика придает политический смысл всей басенной аллегории, делает ее смелой сатирой.

3

Басня Хемницера завершала развитие басни в XVIII веке. Она уже намечала переход к крыловской басне и в то же время была еще дидактична, сохраняла рационалистическое начало в своей структуре, свойственное литературе Просвещения. Басни Дмитриева, В. Л. Пушкина, Жуковского и, конечно, прежде всего Крылова демонстрируют новое понимание басенного жанра. Стала отчетливо ясна разница между прозаической и поэтической «баснью».

Начало XIX века отмечено появлением сентиментализма, оказавшего воздействие и на развитие басенного жанра, на его «поэтизацию» (басни Дмитриева, В. Л. Пушкина, Жуковского). С другой стороны, возникает бытовая, натуралистически сниженная басня А. Нахимова, А. Е. Измайлова, превратившаяся в своего рода фельетон. И, наконец, в 1806 году появляются басни Крылова, которые знаменуют новую эпоху в развитии жанра.

В статье В. А. Жуковского «О басне и баснях Крылова» (1809) совершенно отчетливо сформулирована эта противоположность принципов прозаической и поэтической басни: «В истории басни можно заметить три главные эпохи: первая, когда она была не иное что, как простой риторический способ, пример, сравнение; вторая, когда получила бытие отдельное и сделалась одним из действительнейших способов предложения моральной истины для оратора или философа нравственного, — таковы басни, известные нам под именем Эзоповых, Федровы и в наше время Лессинговы; третья, когда из области красноречия перешла она в область поэзии, то есть получила ту форму, которой обязана в наше время Лафонтену и его подражателям. . . »¹

¹ В. Жуковский, Собр. соч. в 4-х тт., т. 4, М.—Л., 1960, с. 404—405.

Жуковский писал свою статью по поводу только что появившейся первой книжки басен Крылова, да и для него самого вопрос о басне был очень важным, так как незадолго до того он обращался к этому жанру. Для него уже полностью ясен новый принцип поэтической басни: «...сделавшись собственностью стихотворца, басня переменила и форму: что прежде было простою принадлежностью, — я говорю о действии, — то сделалось главным... Чего же я от него требую? Чтобы он пленял мое воображение верным изображением лиц; чтобы он своим рассказом принудил меня принимать в них живое участие... чтобы волшебством поэзии увлек меня вместе с собою в тот мысленный мир, который создан его воображением».¹ Соглашаясь с разделением Лессинга на прозаическую и поэтическую, стихотворную басню, Жуковский считает, что в последней «вымысел украшен всеми богатствами поэзии, в которой главный предмет стихотворца: запечатлевая в уме нравственную истину, нравиться воображению и трогать чувство».²

Даже в Лафонтене он видит прежде всего «сына природы», наделенного «неискусственною чувствительностью». Согласно эстетическому кодексу сентиментализма, Жуковский в басне ценит больше всего чувствительность, то, что «любезно» «нашему сердцу»: «...мы трогаемся судьбою увядающего цветка, разделяем заботливость ласточки, свивающей для малюток своих гнездо...». Отсюда и несколько неожиданный вывод о баснях Лафонтена: «Не ищите в баснях его морали — ее нет! — но вы найдете в них его душу, которая вся изливается перед вами в прелестных чувствах...»³ Естественно поэтому, что одной из лучших басен Лафонтена он считает «Два голубя».

Таково же было отношение к басне сентименталистов Дмитриева и В. Л. Пушкина, которые отвергли строгий просветительский дидактизм, моралистическую поучительность басни и перенесли внимание на чувствительность и поэтическое изящество стиля. Сатирическое содержание отходило у них на второй план.

Казалось бы, что нет направления, более далекого от басни, чем сентиментализм. Вся его стилистическая система чужда строгой, рационалистической поэтике басни. Басни Дмитриева и других представителей сентименталистского направления знаменовали новый этап в развитии басенного жанра в русской литературе. Они сделали басню изящным, салонным видом искусства, придав ей чувствительность, остроту, занимательность сюжетной ситуации. Изысканное

¹ В. Жуковский, О басне и баснях Крылова. — Собр. соч., т. 4, с. 405—406.

² Там же, с. 406.

³ Там же, с. 407—408.

остроумие, превращение автора-рассказчика в светского «козёра» создавали новый тип басни, в котором мораль, дидактическая наставительность отходили на задний план, а то и вовсе исчезали.

В первую очередь эти изменения сказались в языке, в стиле басни, отказавшейся от просторечия, «облагородившей» стихотворный язык. Как справедливо указывал В. В. Виноградов, «*проблема создания литературных образцов «светского», чувствительного, остроумного и изящного разговора* выдвигается Н. М. Карамзиным и его последователями, в том числе и И. И. Дмитриевым, как одна из основных задач культуры русской речи в конце XVIII в.»¹ Отбор слов разговорно-салонного языка, интонация живой, непринужденной беседы, остроумное «*causerie*», при перифрастичности и эмоциональной окрашенности словаря, — основной принцип поэзии сентиментализма.

Этот новый этап в развитии русской басни, сложившийся под влиянием сентиментализма, определил А. Мерзляков: «Мы очень богаты притчами, — писал он, — *Сумароков* нашел их среди простого, низкого народа; *Хемницер* привел их в город, *Дмитриев* отворил им двери в просвещенные, образованные общества, отличающиеся вкусом и языком».² Здесь отмечены различные стадии развития докрыловской басни, постепенное превращение басни из «низкого» рода в равноправный жанр литературы, ее переход в чтение «образованного общества». Правда, эта эволюция не обошлась без потерь: связь басни с фольклором, столь прочная у Сумарокова, постепенно ослабевала, — но общий диапазон языковой культуры расширился.

Дмитриев создал басню, являющуюся полной противоположностью сумароковской. Для него неприемлема была сумароковская «грубость», гротескность. Басни Дмитриева — салонные, изящные басни, испытывавшие воздействие школы Карамзина. Вяземский писал о них: «Кажется неоспоримо, что он первый начал у нас писать басни с правильностью, красотой и поэзией в слог».³

Дмитриев «рассказывает» свою басню, однако он избегает фразеологической и лексической подчеркнутости, стремясь к «чистоте», сглаженности устной речи:

¹ В. В. Виноградов, Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. — «Материалы и исследования по истории русского языка», т. 1, М.—Л., 1949, с. 225.

² «Труды Общества любителей русской словесности при Московском университете». ч. 1, 1812, с. 103.

³ П. Вяземский, Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева. — В кн.: «Стихотворения И. И. Дмитриева», СПб., 1823, с. XXIX.

О дети, дети! как опасны ваши лета!
Мышонок, не выдавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей. . .

(«Петух, Кот и Мышонок»)

Речь рассказчика-автора в сущности никак не отличается от речи мышонка, вся интонация, синтаксис, ритмическое движение стиха ориентированы на устный рассказ. Это уже не тяжеловесный стих баснописцев XVIII века, а свободный басенный стих, предваривший разговорность крыловских басен.

Изящной безделкой является басня Дмитриева «Кокетка и Пчела», сюжет которой заимствован из одноименной басни Флориана. Дмитриев и не пытается ее «обрусить», а как бы подчеркивает ее переводной характер. Герония басни — «прелестная Лизета», светская кокетка, которая испугалась пчелы, севшей на ее «розовый роток». Даже пойманная служанками пчелка изъясняется как светская дама и говорит Лизете комплимент, который красавица по достоинству оценивает:

А пленница в слезах в отчаяньи жужжала:
«Клянуся Флорою! Хотела ли я зла?
Я маленький роток за розу приняла».

Столь жалостная речь Лизету воскресила.
«Дуняша! — говорит Лизета, — жаль Пчелы;
Пусти ее, она почти не уязвила».

И в заключение вывод: «Как сильно действует и крошечка хвалы!» Как видим, даже самая мораль басни не обязательна, довольно случайно привязана к ее сюжету.

Дмитриев переводит басни Лафонтена, в том числе «Старик и трое молодых», «Дуб и Трость» и «Два Голубя», вслед за ним переведенные Крыловым. Надо сказать, что переводы Дмитриевым этих басен, относящиеся к 90-м годам XVIII века, уже намечали путь к басням Крылова, преодолевали книжную затрудненность и риторичность Хемницера. Белинский отмечал: «Басни Хемницера и Дмитриева относятся к басням Крылова, как просто талантливые произведения относятся к гениальным произведениям, — но тем не менее Крылов много обязан Хемницеру и Дмитриеву».¹ Белинский правильно

¹ В. Г. Белинский, Сочинения Александра Пушкина. — Полн. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 442.

указал на связь Крылова с его предшественниками. На примере истории басни можно особенно ясно видеть, как постепенно накапливалось «новое качество», как басня совершенствовалась, приобретала выразительность, разговорную простоту.

Сравнивая две односюжетные басни Дмитриева и Крылова, восходящие к лафонтеновской «Дуб и Трость», особенно наглядно можно увидеть это различие в нюансах, в языковой манере. Язык дмитриевской басни естествен, прост, он богаче и правильнее языка Хемницера, но в то же время беднее крыловского, лишен той живописности, которая сказалась уже в первых баснях Крылова.

«Язык дмитриевской басни действительно чист и прост, — замечает по этому поводу историк языка Г. Винокур, — но лишен тех живых красок народности, какими отличается язык в баснях Крылова». ¹

Эта суховатая правильность языка басен Дмитриева противостояла сумароковской басне с ее комической гиперболизацией, просторечной «грубостью». Но в то же время она не достигала той изобразительной яркости и силы, богатства народной речи, которыми отличались басни Крылова.

Напомним, что друг и единомышленник Дмитриева Карамзин в статье «Отчего в России мало авторских талантов» (1803) отстаивал право «писать, как говорят», преодолевал различия разговорного и книжного языка. Ведь даже Хемницер не смог еще побороть тяжеловесность книжного слога, достичь разговорной легкости и свободы выражения. Но Дмитриев при всей разговорной правильности и чистоте своей речи еще далек от живописности и народности языка Крылова. «Поселянин», то есть крестьянин, говорит у него тем же языком, что и мудрец-философ:

Природа мне букварь, а сердце мой учитель.
Вселенну населил животными творец;
В науке нравственной я их брал в образец:
У кротких голубков я перенял быть нежным...

Это говорит не крестьянин, а писатель-сентименталист. Персонажи Дмитриева не становятся типическими. Отсутствие сословных и социальных признаков и черт, языковая бледность в обрисовке лишает их типической выразительности, той яркой жизненной расцветки, которая характерна для басенных персонажей Крылова.

¹ Г. О. Винокур, Русский язык, М., 1945, с. 152.

Дмитриев усвоил заветы просветительства XVIII века — о ценности человеческой личности, о справедливом законодательстве, о роли воспитания. В своих баснях он осуждает пороки современного общества, развращающее влияние социального неравенства: чинов, знатности, богатства. В этом отношении он во многом продолжает тематику басен Хемницера. В басне «Воспитание Льва» (переработке басни Флориана) Дмитриев развивает философско-политическую концепцию просветителей, их теорию просвещенного абсолютизма. В басне воспитателем молодого львенка, будущего государя, делается мудрая собака, которая учит львенка уму-разуму, воспитывает его в духе учения просветителей, раскрывая перед ним подлинную картину страданий народа и произвола вельмож и богатеев:

И Львенок в первый раз узнал насилие власти,
Народов нищету, зверей худые страсти:
Лиса ест кроликов, а Волк душил овец,
Оленя давит Барс; повсюду, наконец,
Могучие богаты,
Бессильные от них кряхтят,
Быки работают без платы,
А Обезьяну золотят.

Но Дмитриев далек от радикальных выводов: львенок, воспитанный добродетельной собакой, получил «рассудок» и «мудрость», вполне достаточные для того, чтобы править государством. Боязнь социальных потрясений, признание желательности перемен путем мирного, постепенного совершенствования правопределяют жизненную философию Дмитриева, перенесение им социальных проблем в круг моральных вопросов, личного самоанализа, лирического переживания. Как справедливо замечает Г. Макогоненко, «басне Дмитриева чужда сатира. Поэт не обличает, не рисует картин социальной несправедливости, не поучает, но рассказывает о каких-то событиях, обнаруживая в ходе самого повествования важные моральные истины». ¹

Басня у Дмитриева проникается лирическим началом, чувствительностью, нередко переходя в лирическое повествование. Эта эмоциональная лирическая окрашенность придает ей камерное, интимное звучание, даже иногда сближающее басню с элегией. Так, переделывая известную лафонтеновскую басню «Два Голубя», Дмитриев уси-

¹ Г. П. Макогоненко, «Рядовой на Пинде воин». — В кн.: И. И. Дмитриев, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1967, с. 39—40.

ливаает в ней лирический элемент, превращая ее конец в элегическое признание:

Любовь, поверьте мне, всё заменит для вас.
Я сам любил: тогда за луг уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах! . . . Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?
Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых обольщений
И полно мне любить?

Что это — заключение басни или лирическое стихотворение? Дмитриев стремится к изящной простоте слога, к его освобождению от архаического словаря и синтаксиса. Басню «Ласточка и Птички» он начинает с лирического описания полета ласточки, добиваясь разговорной чистоты и легкости стиха, избегая просторечия. В этой басне Дмитриев употребил слово «пичужечка», по поводу которого Карамзин писал ему: «Пичужечки не переменяй — ради бога не переменяй! . . . Имя *пичужечка* для меня отменно приятно, потому что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезные идеи: *о свободе и сельской простоте*». И Карамзин резко ограничивает это народное, но «приятное», эстетизованное слово от грубого просторечия: «То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно».¹

В этом высказывании Карамзина дано решительное разграничение между «приятным» языком поэзии и неприемлемой для сентименталистов «грубостью» просторечия, которая отличала слог баснописцев сумароковской школы. Этот критерий «приятности», эстетической отобранности слов отличает басни Дмитриева и других поэтов, близких сентиментализму. Ведь самая действительность в эстетике сентиментализма предстает очищенной от низменного быта, от некрасивых проявлений реальной жизни. У Дмитриева даже отрицательные герои его басен рисуются не в гротескно-грубом виде, а в сентиментальном преломлении. Так, змея, жалующаяся пиявице на несправедливое к ней отношение людей, говорит подобно чувствительному персонажу: «Как я несчастлива! И как завидна часть твоя!»

Дмитриев уже вступил на путь превращения басни в комическую сценку. П. А. Вяземский писал о нем: «Соглашаясь с Шамфором, ко-

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, с. 39.

торый говорит, что баснописец, перенося в свои басни изображение нравов, присваивает апологу одну из прекраснейших принадлежностей комедии — характеры; прибавим, что разговорный язык поэта нашего, встречающийся в баснях и сказках его, удостоверяет нас, что он, верный в изображении лиц, умел бы сохранить ту верность и в языке, коим он заставил бы говорить их на сцене». ¹ В этом отношении басни Дмитриева являются важным этапом в развитии басенного жанра и оказали большое влияние на поэтов-баснописцев карамзинского направления — в первую очередь на В. Л. Пушкина, Жуковского, Вяземского.

Басни Дмитриева не столько противостоят басням Крылова, сколько предваряют их. Дмитриев уже приближался к его разговорной свободе. Еще Вяземский указал на это значение басен Дмитриева для Крылова: «...г. Крылов, с искренностью и праводушием возвышенного дарования, без сомнения сознается, что если не взял он предместника за образец себе, то по крайней мере имел в нем пример поучительный и путеводителя, угладившего ему стезю к успехам... Г. Крылов нашел язык выработанный, многие формы его готовые...» ²

Салонным изяществом отмечены и басни В. Л. Пушкина. Они лишены широкого сатирического адреса, в них прежде всего ценится остроумие, словесная находчивость, тонкая ирония. Так, в басне «Быль» рассказывается о старике-богаче, женившемся на молодой девушке, которая вечно недовольна им:

«...Всё ты сидишь в углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вечно *вы* да *вы*.
Дружочек, любушка! скажи мне нежно: *ты* —
И шаль турецкая готова».
При слове «шаль» жена переменила тон:
«Как *ты* догадлив стал! Поди ж скорее вон!»

Здесь остроумная игра на местоимениях «ты» и «вы», на оттенках интонации выступает на первое место. Сатира не очень-то глубока, это лишь ирония, да и никакой аллегории не содержится в беглых зарисовках старого мужа и молоденькой жены, вышедшей замуж по расчету. Но включенные в басенный жанр, эти персонажи приобре-

¹ П. Вяземский, Известия о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева. — В кн.: «Стихотворения И. И. Дмитриева», СПб., 1823, с. XXXVI—XXXVII.

² Там же, с XL—XLI.

тают обобщенное значение, создается своего рода басня-эпиграмма с ее лаконизмом и остроумием, установкой на словесную игру.

В начале XIX века широкую популярность приобретает эпиграмма, жанр, во многом отличный от басни. Одним из видных эпиграмматистов этих лет был П. А. Вяземский, который отдал дань и басне. В своих баснях Вяземский сочетал принципы басенной структуры с эпиграмматической манерой, с лаконизмом и остроумием. Возьмем его басню, написанную на излюбленный баснописцами сюжет — «Две Собаки». Она сведена к краткому четверостишию:

«За что ты в спальне спишь, а зябну я в сенях?» —
У Мопса жирного спросил Кобель курчавый.
«За что?» — тот отвечал. — Вся тайна в двух словах:
Ты в дом для службы взят, а я взят для забавы».

Мы видим, что Вяземский здесь не отвлекается на подробности, не стремится создать жизненную сценку, подобно тому как это сделал Крылов в одноименной басне. Наоборот, предельный лаконизм подчеркнут характерным для эпиграммы отчетливым синтаксическим членением по отдельным стихам: каждый стих включает целостный смысл. Завершающий стих приобретает афористическую заостренность, в нем дается объяснение, а не моралистическое наставление, которое вытекает из всей басни.

Это сведение басни до краткой эпиграммы, ее логическая стройность меняют традиционную структуру басни, во многом возвращая ее к лапидарности прозаических басен Эзопа. Но басни Вяземского представляют собой в какой-то мере отступление от жанра, тяготевавшего (в особенности с появлением басен Крылова) к бытовой наполненности, к преодолению логистической схемы. В этом отношении басни Вяземского полная противоположность басням Крылова. Не случайна и та недооценка Вяземским басен Крылова, за которую упрекал его Пушкин. Их жизненная, бытовая полнокровность, реалистическая убедительность, их словесный демократизм казались Вяземскому отступлением от изящества и «легкости» басен Дмитриева.

4

В начале XIX века басенный жанр разделяется на два разных течения. Одна часть баснописцев, приверженцы сентиментализма, поэты карамзинской школы (Дмитриев, В. Л. Пушкин, Жуковский, Вяземский), стремились «облагородить» басню, сделать ее салонным,

лирическим жанром, остроумной эпиграммой, зачеркнуть ее «плебейское» происхождение, простонародную «грубость». Но были баснописцы, которые продолжали считать басню «низким жанром», бытовой сатирой, чуждой эстетизации и салонному изяществу. Здесь прежде всего следует назвать харьковского баснописца А. Нахимова, автора известной сатирической «Песни Луже», и плодовитого баснописца А. Е. Измайлова.

Басни Нахимова, опубликованные вскоре после его ранней смерти, продолжают традиции сумароковской школы. Предметом их сатиры по-прежнему остаются подьячие и судейские чиновники, любители набить свои карманы за счет просителей. Это очень заземленные, архаичные по своей словесной фактуре басни, напоминающие баснописцев XVIII века. Басни Нахимова зачастую основаны на символике судебно-приказных понятий («Моль и Кафтан», «Крыса и Секретарша»), разоблачают коррупцию, гнусные нравы и порядки судебных инстанций. В круговой поруке и хищничестве люди и животные как бы меняются местами. В басне «Крыса и Секретарша» ловкая жена судейского секретаря заводит дружбу с крысой («любила Крысу страстно»), так что крыса имела «все привилегии» и стала принимать участие в решении дел. Кончается басня тем, что по настоянию секретарши крысу производят в стряпчие:

Сутяги с Крысою знакомство вдруг свели,
В карманах сахарны гостинцы ей несли.
В приказе шайка их победоносна стала
И с стряпчим Крысою законы все попраля.

Это сказочное превращение крысы в стряпчего воспринимается в басне Нахимова как реальный факт, как закономерность того хищного «крысиного мирка», который ограничен отравленной канцелярской атмосферой.

Не менее мелок мирок провинциальных обывателей, помещиков-самодуров, столичных литераторов, канцелярских чиновников в баснях А. Е. Измайлова.

Первая книжка басен Измайлова вышла в 1814 году. Один из современников метко сказал про него: «Это был Крылов, навеселе, зашедший в казарму, в харчевню или в питейный дом».¹ Басни Измайлова — весьма натуральные бытовые сценки, показывающие пьяных приказных, квартальных, купцов. Все животные у него похожи на подгулявших чиновников и подьячих.

¹ Ф. Вигель, Записки, ч. 3, М., 1892, с. 153.

Белинский исчерпывающе охарактеризовал своеобразие басен Измайлова. «Александр Измайлов... — писал он, — заслуживает особенное внимание по своей оригинальности... он создал себе особый род басен, герои которых: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеич, сивуха, пиво, паюсная икра, лук, соленая севрюжина; место действия — изба, кабак и харчевня. Хотя многие из его басен возмущают эстетическое чувство своею тривиальностью, зато некоторые отличаются истинным талантом и пленяют какою-то мужиковатою оригинальностью».¹ Этот натурализм, фактографичность басен Измайлова проявляются как в выборе героев, так и в любви к бытовым подробностям, в «фламандском» колорите, в грубоватом просторечии:

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.
Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А, здравствуй, Емельян
Архипович! да ты, брат, видно,
Уже позавтракал! Ну как тебе не стыдно?
Еще обеден нет, а ты как стелька пьян!»

Мы погружаемся здесь в самую гущу будничной жизни города, картина которой заслоняет довольно простое, бесхитростное нравоведение о том, что пить не следует. Это бытовая сценка, в которой подробно описано поведение Пьянюшкина, сразу же отправившегося в трактир:

Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан,
Другой... и наконец — о диво! —
Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.

Измайлов — бытописец, превративший басню в нравоописательный очерк, в своего рода фельетон, предваряя этим писателей «натуральной школы» 40-х годов. Моральный, дидактический момент в его баснях в значительной мере ослаблен этой непосредственной живописью «натуры». Следует отметить, что басни Измайлова создаются

¹ В. Г. Белинский, Басни Ивана Крылова. — Полн. собр. соч., т. 4, 1954, с. 148.

почти одновременно с баснями Крылова, и в то же время они совершенно самостоятельны. В основу басни Измайлов нередко кладет фактическое происшествие, житейский случай, описывает определенное лицо. В письме к Яковлеву из Твери (1827) он сообщает: «Артиллерийские и уланские офицеры просят преубедительно написать сказку на старую и злую девку Храповицкую, которая в соборное воскресенье так толкнула в соборе одну девушку, что та полетела с ног. Ну как не уважить такой просьбы». И вот появляется басня «Дворянка-буянка», с подзаголовком «Быль», в которой бесхитростно описывается данное происшествие. После морализирующего вступления начинается подробный рассказ о недостойном поведении дворянки-буянки, причем это поведение описывается нарочито «низким», вульгарно-просторечным языком:

Рванулася вперед, как львица.
С отважностью лихого мясника,
Который с братией своей из кабака
Стремится на площадь рвать голову с быка,
Идет она и всех толкает под бока
На обе стороны локтями,
Ступает с форсу каблуками
На ноги секретарш смиренных и купчих. . .

Басни Измайлова эмпиричны, не вырастают в типическое обобщение, рассказывают о частных, бытовых случаях. Они до предела насыщены бытовыми подробностями, которые дают представление о среде, о серой, будничной городской жизни. Басня превращается в бытовой фельетон, своего рода анекдот, изобилуя нарочито прозаическими подробностями. Он даже называл подобные басни «сказками» (различие между баснями и сказками у него стирается). Это поучительные истории, преимущественно из нравов средних слоев общества, рассказанные в качестве иллюстраций к весьма житейским, обыденным взглядам. Они проникнуты обывательской моралью, сокрушением по поводу порчи нравов дворянского и купеческого общества. В «сказке» «Простодушная» говорится о провинциальной дворянской барышне, которую родители привозят в Москву в поисках жениха. В Москве она ходит по модным лавкам и танц-классам, окружена женихами, знакомится с ротмистром Пустельгиным и выходит за него замуж:

Но всех счастливее был ротмистр Пустельгин:
Параше только он понравился один,
И чем же? — черными поддельными усами.

Другие были с орденами,
И лучше во сто раз,
Но без усов, так им отказ.

Эта история провинциальной невесты завершается неожиданным скандалом: во время свадебного пира невеста почувствовала приближение родов и пришлось вызывать акушера. Так, в кругу обывательских сплетен и благонамеренной морали, «добропорядочности» и определяется позиция автора. Это не передовые идеалы просветительства баснописцев XVIII века и не народная мудрость басен Крылова, а защита обывательского «здорового смысла», общепринятых устоев. В этой «морали» есть и социальный оттенок — она направлена против развращенности высшего света и против самоуправства и самодурства знати и богатеев, в защиту «честного» обывателя, соблюдающего правила дворянско-буржуазного общества. Сатира Измайлова поэтому мелкоотравчата, эмпирична.

Для басни Измайлова важен образ рассказчика, автора — «фабулиста». У баснописцев XVIII века этот образ менее заметен и не конкретизирован, он обобщен в отвлеченном понятии носителя разумной передовой морали — философа-просветителя, особенно характерном для басен Хемницера. В баснях Крылова возникает облик народного мудреца, так сердечно наименованного «дедушкой Крыловым». В баснях же его современника Измайлова этот «фабулист» во многом сходен со своими персонажами. Но неперменной чертой «фабулиста» является «простодушие», наивное (и вместе с тем лукавое) отношение к событиям, происходящим в басне. Об этом неоднократно писали как сами баснописцы, так и теоретики басенного жанра. Приводя в пример Лафонтена, писали об этом Мармонтель, Флориан, в России Измайлов. Цитируя «*Poétique française*» французского просветителя конца XVIII века Мармонтеля, Измайлов в особенности выделяет его трактовку «простодушия»: «Однако, — писал Мармонтель о Лафонтене, — ни философия, ни поэзия не вредят его простодушию, напротив того, чем более употребляет он той и другой в своих повествованиях, в размышлениях и описаниях, тем более кажется уверенным в справедливости того, что нам рассказывает, и, следовательно, простодушнее». Сам А. Измайлов определяет это так: «Простодушие состоит в том, когда мы, по простоте своей либо по неосторожности, говорим то, что для собственной нашей выгоды должны были бы скрывать от других, или когда забавляем других нашу простотою и легковерием».¹

¹ А. Измайлов, Соч., т. 2, СПб., 1890, с. 697, 700.

Этот принцип «простодушия», наивности, «неосторожности» фабулиста дает возможность изображать всерьез смешные и невероятные события, показывать картины и нравы человеческой жизни в звериных образах. У Измайлова это приобретает характер наивный, у Крылова — эпически-народный.

5

Вершиной развития басенного жанра в России явились басни Крылова.

Белинский видел их главное достоинство в своего рода синкретизме, в наличии элементов разных жанров — повести, комедии, басни как сатиры.¹ Крылов смело включил в басню элементы других жанров, в то же время сохранив ее моралистическое значение. Но эта моральная направленность раскрывается не дидактически, а в живых, реальных образах и характерах, даже в тех случаях, когда героями басни являются не люди, а животные.

Исследователи басенного жанра утверждают, что в басне как в элементарном виде поэзии есть зерно и лирики, и эпоса, и драмы. Такой синкретической была в первую очередь басня Крылова. Сатира, комедия, лирика и эпос в своем зачаточном виде сочетались в ней, придавая многогранность и конструктивную сложность.

Басни Крылова — кульминация басенного жанра. Они вобрали и сатирическую гротескность Сумарокова, и поучающую разумность Хемницера, и изящную сдержанность Дмитриева. И в то же время они явились совершенно новым этапом в развитии басенного жанра. Басни Крылова отличаются подлинной народностью, глубоким пониманием и выражением национального характера, реализмом в обрисовке действующих лиц.

Поэты XVIII века, и прежде всего Сумароков, широко обращались к фольклору, но отражали не народное восприятие жизни, а отношение к ней просвещенного идеолога дворянства, снисходительно относящегося к простому народу, рассматривающего его сверху вниз, находя в нем источник для бурлескного изображения. Крылов был первым баснописцем, который видел в народе основу основ и сделал басню выражением народного мнения. Именно это отметил Гоголь, который писал: «Тот ошибется грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев,

¹ См.: В. Г. Белинский. Басни Ивана Крылова. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 148—149.

Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа». ¹ Дело здесь не только в народном колорите или просторечии, а в демократическом, народном осознании самой действительности, в басенной морали, определивших органичность усвоения принципов народного творчества.

Крылов создал басни, не только подлинно народные по своей мысли и форме, но и реалистические, утверждавшие принципы правдивого и верного изображения жизни. Действительно, его персонажи «поворачиваются как живые», говоря словами Гоголя, являются характерными образами, типичность которых подчеркнута обобщающим началом басенного жанра.

Крылову чужда аллегория, абстрагированная мораль. Он всеми своими корнями в жизни, в житейских и социальных обстоятельствах, формирующих свойства человека. Характерно, что даже в том случае, когда Крылов пересказывает известную басню Эзопа о галке в чужих перьях, заменив галку вороной, то считает необходимым добавить к отвлеченной морали этой басни свою моралистическую концовку, которая разрастается в конкретную бытовую сценку («Ворона»):

Я эту басенку вам былью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
 Чтоб в знатную войти родню.
 Приданого за ней полмиллиона.
 Вот выдали Матрену за Барона.
 Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
 Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая — за то, что к знатым приплелась.
 И сделалась моя Матрена
 Ни Пава, ни Ворона.

Мы видим, что моралистическое заключение превратилось в особую басню — «быль», чрезвычайно конкретную и реальную. Именно в этом и секрет басен Крылова: мораль, поучение в них всегда дано через конкретно-реалистическую образную ткань. Это можно продемонстрировать на примере басни «Кот и Повар». В ней заключены как бы три смысловых плана: конкретно-бытовой, подразумеваемое историческое событие и моральный, отвлеченно-дидактический. Причем первый — реально-бытовой — план вполне завершен, имеет самостоятельное значение, рисует конкретную среду, характер и психологию персонажа. В ней все достоверно и реально. Есть здесь и третий, ал-

¹ Н. В. Гоголь, Собр. соч. в 6-ти тт., т. 6, М., 1953, с. 165.

легорический, план, общечеловеческий смысл: осмеяние разрыва между словом и делом, пустого разглагольствования. Это значение басни утверждается заключительной моралью:

А я бы Повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

В сущности этот смысл басни остается действительным и ныне и является основным, создает обширное пространство, в котором возникает общее представление, морально-философический вывод. В этом принципиальное отличие крыловских басен, скажем, от басен Измайлова, в которых поучительность житейского случая, данного факта не становится «всеобщей», не переходит в широкое обобщение. Его «Дворянка-буйанка» остается бытовой зарисовкой, единичным малопримечательным случаем, тогда как крыловский «Кот и Повар» приобретает все новое наполнение и истолкование. При всей конкретности и реалистической тщательности изображения первого, бытового, плана, басня у Крылова сохраняет свое моралистическое значение, свою поучительность, свой внутренний аллегорический смысл.

В своих баснях Крылов показывает типические характеры, обладающие определенными социальными свойствами. Возьмем для примера его басню «Музыканты», в которой рассказывается про хор певчих, не умеющих петь. Ведь «хозяин», организовавший этот хор, не только ограниченный человек, который хотя и «музыку любил», но терпел неистовое горланье своего хора, — он и ханжа, оправдывающий вопиющую разногласицу певчих тем, что они «в рот хмельного не берут». И на упрек своего приятеля, что «хор горланит вздор», хозяин благодушно отвечает:

«То правда, — отвечал хозяин с умилением, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут
И все с прекрасным поведением».

«Прекрасное поведение» для него неизмеримо больше значит, чем хорошее пение. Но ведь это ханжество, желание иметь полностью покорных себе исполнителей — черты не просто незадачливого меломана, а «хозяина», представителя господствующих слоев общества. Этот социальный смысл басен Крылова дан не прямо в лоб, а ис-

подволю, намеком, лукавым оттенком самой морали: «А я скажу: по мне уж лучше пей, Да дело разумеи».

Изобразительные возможности басни расширились, ее персонажи перестали быть условной аллегорией, приобрели реалистический характер. В этом было основное, что внес в развитие басенного жанра Крылов. Особенно наглядно это видно на примере его басен «Демьянова уха», «Квартет», «Кот и Повар» и другие. В них и развитие сюжета, и, главное, действующие лица не традиционны, а подсказаны самой действительностью, сохраняют типически-обобщающую функцию.

Прежде всего, Крылов отказался от дидактической морализации и решительно изменил самую структуру басенного жанра. Он ввел в басню элементы драматизации, превратив ее в «маленькую комедию», в драматизованную сценку. В этом обогащении басни элементами других жанров было одно из главных завоеваний Крылова. Опыт драматурга-комедиографа и сатирика-прозаика во многом оказался для него весьма полезным. Говоря о басне Крылова «Крестьянин и Овца», Белинский писал: «Это просто — поэтическая картина одной из сторон общества, маленькая комедийка, в которой удивительно верно выдержаны характеры действующих лиц и действующие лица говорят каждое сообразно с своим характером и своим званием».¹

Крыловская басня тяготеет к следующей модели структурного построения: к сочетанию двух планов — реального сюжета, дающего живое наглядное изображение, рисующего рельефную, бытовую картину, нравоописательную сценку, и его переносного, моралистического истолкования, чаще всего раскрываемого в особом «заключении» (или «предварении»). Персонажи басен Крылова вовсе не аллегоричны: это жизненно убедительные, хотя и обозначенные двумя-тремя штрихами, типические характеры, поставленные в типические обстоятельства.

Басенный мир Крылова — слепок с самой действительности. Его действующие лица не похожи на условных аллегорических персонажей античной басни. В звериных образах отражены конфликты и непорядки современного общества. В социальной типичности и психологической определенности характера — основа их реализма. Но в то же время людские слабости и пороки выступают в «остраненной», гротескной форме. Гротеск в крыловских баснях, однако, не

¹ В. Г. Белинский, Иван Андреевич Крылов. — Полн. собр. соч., т. 8, с. 574.

алогичен, как у Сумарокова, а реалистичен: он лишь подчеркивает, усиливает комизм изображения.

Уже самое перенесение людских действий и поступков в мир животных создает это гротескное «остранение», тот смешной «микромир», в котором звери ведут себя как люди, наделены их пороками и слабостями. Смешна щука, отправившаяся ловить мышей. Это несвойственное ей занятие стоило самонадеянной щуке хвоста, который отъели крысы. Гротеск возникает и в басне про осла, который решил, после того как ему на шею навязали колокольчик, что он «знатный господин», и стал сдуру вытапывать огороды. Поведение осла, естественное для животного, нелепо и смешно с точки зрения человеческих понятий. Вот это гротескное смешение двух планов — человеческого и звериного — делало басню смешной, сатирической, способствовало усилению разоблачительного ее смысла.

Конечно, гротескность проявлялась не только в этой замене человека животным. Людские персонажи тоже даны в баснях Крылова в гротескном виде: повар, вместо дела читающий коту длиннейшую нотацию; лжец, не решающийся перейти по мосту, который якобы не выдерживает лгунов; скупой, погибший от голода, сторожа чужие сокровища. Гротеск у Крылова всегда реален, логичен, мотивирован. Ирония, сатирическое разоблачение, основанное на гротескном изображении, проявляется в несовпадении читательского восприятия и «простодушного» рассказа самого баснописца, повествующего о событиях так, как если бы совершаемое в басне было вполне закономерно.

Крылов нередко обращается к знакомому, традиционному сюжету. Знакомая схема не только облегчает восприятие басни, но и подчеркивает в первую очередь индивидуальную манеру изображения, своеобразие трактовки басенных характеров и в особенности языка и стиля. Большое значение здесь, конечно, имеет и исторический этап в развитии языка и господствующих стилевых норм. Басни Крылова «вписываются» в иную систему литературного языка, чем басни Сумарокова. Полстолетия во времени во многом определили их различия. Но в ряде случаев эта разница во времени совсем не велика, и тем не менее басни на один и тот же сюжет возникают. Так, например, басни Крылова и Дмитриева «Дуб и Трость» и «Два Голубя» по времени написания близко стоят друг к другу, что не помешало Крылову вступить в соперничество со своим предшественником.

Для наглядной иллюстрации обратимся к басням Сумарокова, Хераскова и Крылова, написанным на один и тот же сюжет, являю-

щимся вольным переводом басни Лафонтена «Le Corbeau et le Renard». В басне «Ворона и Лиса» Сумарокова мы сразу узнаем и его нарочито вульгарную манеру устного балагурства, и резкие изменения ритма, и синтаксическую затрудненность, столь характерную для его стихов:

И птицы держатся людского ремесла:
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она: «Я дам Вороне сок,
Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок. . .»

Сумароков гораздо многословнее, разговорчивее Лафонтена, да и во многом грубее и фамильярнее говорит о своих героях. Он считает необходимым подробно объяснить замыслы лисы, подчеркнуть просторечие и вульгаризмы: «кус», «дать сок». Грубоватый юмор, переключение басенного сюжета в простецкую бытовую обстановку — все это характерно для всего басенного творчества Сумарокова. Такова и концовка басни, в которой ворона изображена опростоволосившейся, глупой птицей. Здесь Сумароков применил и гротескное описание самой позы вороны, выронившей из клюва сыр:

Разинула уста
И дождалась поста:
Чуть видит лишь конец лисицына хвоста.
Хотела петь — не пела;
Хотела ссть — не ела;
Причина та тому, что сыру больше нет;
Сыр выпал из роту Лисице на обед.

Установка на описание позы, статичность мизансцены, стремление к точности воспроизведения движений вороны напоминают кукольный театр Петрушки. Херасков снова пересказал эту басню в духе гротескно-бытовой манеры Сумарокова. Но он переносит основное действие с вороны на лисицу. По сравнению с басней Лафонтена (и Сумарокова) он вводит новый мотив — лисица предлагает вороне: «Изволь-ка песенку какую ты начать, А я пойду плясать». Но в целом Херасков остается на позициях Сумарокова, описывая внеш-

ний комизм сцены, подчеркивая смешную нелепицу поведения вороны:

Лисица, сыр схватя, не думала плясать,
Но стала хохотать,
Потом сказала ей: «Вперед ты будь умняе
И знай, что твоего нет голосу гнусняе».

На фоне этих архаичных по языку, тяжеловесных по интонации и ритму басен Сумарокова и Хераскова басня Крылова «Ворона и Лисица» выглядит особенно смелой и художественно полноценной. Здесь и ворона и лисица предстали в отличительных чертах своего характера: тщеславного и недалёковидного у вороны, хитрого и расчетливо-умного у лисицы, прекрасно учитывающей слабые стороны вороны.

Басня превратилась в живую сценку, в своеобразный поединок между глупой и тщеславной вороной и хитрой, догадливой лисицей. В них отчетливее проглядывает человеческое начало, еще более усиленное свободным и сочным диалогом. Напомним только лицемерную речь лисицы, исполненную незаслуженных похвал и лести. Это удивительный по тонкости нюансов и красочности монолог, идущий от сказки, от народной речи. Он весь светится ее интонациями, лексикой, всей манерой (даже рифмы состоят из по-народному уменьшительно-ласкательных слов). Здесь сочетается чудесная русская речь с тонкой психологической игрой на тщеславии вороны, пронизательно разгаданном лисицей. Читатель забывает, что перед ним звери, — настолько ярко раскрыты «характеры» персонажей. Конечно, за время, отделявшее крыловскую басню от басен Сумарокова и Хераскова, радикально изменился стиль и язык поэзии, но если мы обратимся даже ко многим современным Крылову баснописцам, таким как Д. И. Хвостов или Анна Бунина, то увидим, что они еще не отмежевались от баснописцев XVIII века. Следовательно, новаторство и совершенство басен Крылова — результат не только общего литературного процесса, но и индивидуальной одаренности автора. Не следует, однако, полагать, что традиционный сюжет полностью сохраняет свою роль в басне. Он также изменяется, но не столько в плане композиции басни, сколько в обогащении его психологическим усложнением характеров персонажей и отношений между ними.

Изящная, даже галантная речь Лафонтена, у которого лисица обращается к ворону с вежливо-уважительным «господин Ворон», у Сумарокова приобретает характер нарочито вульгарного просторечия. Однако Крылов позаимствовал и у Сумарокова стих, в котором лиса льстиво восхваляет ворону. У Сумарокова:

Дружок Воропушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица;
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша...

У Крылова: «Какие перушки! какой носок». Есть у Крылова и «сестрица» и «светик». Но в целом басня Сумарокова архаична, язык ее устарел и кажется затрудненным, тогда как басня Крылова и до сих пор является образцом народной красочности и богатства речи.

В басне, и прежде всего в крыловской басне, большое значение имеет структурный момент, который определяет перелом действия, является своего рода «острием». Это ударное место, оно характеризуется внезапностью, неожиданностью, определяющей переосмысление всего предыдущего. В басне «Ворона и Лисица» авторская реплика «Ворона каркнула» — кульминационный пункт басни. Это и результат вожделений лисы и ее непомерной лести и «катастрофа» для вороны, потерявшей свой сыр. Она уже предрешает конец басни и ее мораль. «В катастрофе басня, — пишет по этому поводу Выготский, — собирается как бы в одну точку и, напрягаясь до крайности, разрешает одним ударом лежащий в ее основе конфликт чувств».¹

В басне «Волк и Ягненок» такой фразой является реплика волка: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Она зачеркивает все доводы волка, который пытается «законно» обосновать свои претензии к ягненку, совершенно резонно им отвергаемые. Она разрешает внутреннее противоречие: с одной стороны невинность ягненка, казалось бы, избавляет его от смерти, а с другой — циничное признание волка обрекает ягненка на гибель, разоблачает беззаконие и произвол. Эти фразы-реплики Выготский называет «замыканием».

Басня Крылова двупланна. Ее действующие лица убеждены в своей правоте, тогда как и автор и читатель прекрасно понимают всю нелепость и вред их поступков. Так, в «Демьяновой ухе» чрезмерное радушие и гостеприимство Фоки расцениваются как тягостное насилие над соседом Демьяном. В басне «Квартет» серьезность, с какой мартышка и прочие звери занимаются вовсе им не собственным делом, воспринимается рассказчиком и читателями как нелепая и невежественная возня. Слова соловья: «Чтоб музыкантом

¹ Л. С. Выготский, Психология искусства, 2-е изд., М., 1968, с. 185.

быть, так надобно уменье» — ставят все на место: неумелая возня самозванного «квартиста» окончательно разоблачается.

Пословица является своего рода структурной моделью басен Крылова. В пословицах, по удачному определению фольклориста — современника Крылова — И. Снегирева, «отсвечивается внутренняя жизнь народа, отличительное его свойство и господствующее в нем мнение», и он указывает, что русские баснописцы, и прежде всего Крылов, «удачно пользуясь отечественными гномами, умели тем самым придавать сочинениям своим приманчивую оригинальность и народную физиогномию и обновить устаревшие пословицы». ¹ Такие пословицы, как «В семье не без урода», «Видит око, да зуб неймет», «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться», «Что ты посеял, то и жни» и многие другие, являются не просто моральной формулой, раскрываемой в басне, но и сюжетной основой ее, осуществленной в своего рода инсценировке. Нередко басня становится инсценированной пословицей, совершая путь, обратный по сравнению с тем, который, по словам А. Потебни, проделывал «относительно длинный рассказ», «сжимающийся» в пословицу. ² Так, Крылов создает басню «Синица» на основе пословицы «Летела синица море зажигать, море не зажгла, а славы наделала», наполняя ее конкретными реальными подробностями. Он показывает, как похвальба синицы произвела панику в «Нептуновой столице», то есть в Петербурге, рисуя реалистически-гротескными чертами столичное общество, объятые страхом и ожиданием чудес:

И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.

Эта сатирическая деталь — упоминание про богатея-откупщика, угощающего «секретарей», то есть нужных ему чиновников, и про «охотников таскаться по пирам», которые пришли к берегу моря с ложками в ожидании «богатой» ухи, — уточняет сатирический смысл басни, расширяет лаконичное содержание пословицы, наполняет ее

¹ И. Снегирев, Русские в своих пословицах, кн. 1, М., 1831, с. 4.

² А. Потебня, Из лекций по теории словесности, Харьков, 1914, с. 91.

злободневным жизненным материалом, в то же время оставляя неизменной народную мораль, которая сводится к осуждению хвастовства и зазнайства.

Именно этот, по выражению Пушкина, «живописный способ выражаться» прежде всего отличает басни Крылова. Точно найденная выразительная деталь, меткое словцо, красочный народный оборот, неожиданно яркое сравнение, богатство интонационного рисунка и создают эту живописность. Как нагляден жест мартышки, разбивающей ненужные ей очки, в басне «Мартышка и очки»:

О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

Именно «брызги» передают это сокрушение очков, да еще «засверкали»! Крылов с необычайной точностью изображает характер и наружность, жесты и движения своих героев. В басне «Госпожа и две Служанки» он рисует старую барыню двумя-тремя штрихами:

Лишь он вспоет — старуха встала,
Накинёт на себя шубейку и треух,
У печки огонек вздувает,
Бредет, ворча, к прядильщицам в покой,
Расталкивает их костлявою рукой,
А заупрямятся — клюкой. . .

Здесь беспокойная старая барыня, со своей шубейкой и клюкой, показана как на гравюре. А в той же басне до чего нагляден глагол: «Пошло плясать веретено!» В басне «Пруд и Река» пруд видит, как по реке идут «то с грузом тяжкие суда», то «долговязые плоты». Здесь эпитеты с поражающей зоркостью передают речной пейзаж. Рисуя, казалось бы, условный аллегорический пейзаж, Крылов изображает его столь же конкретно, как и реальный, действительно существующий:

А бедный Пруд год от году всё глож,
Заволочен весь тиною глубокой,
Зацвел, зарос осокой
И наконец совсем заглох.

Поэтому и крыловский «Тришкин кафтан» вовсе не условный кафтан, а самый настоящий, поношенный, старый кафтан, который на локтях «продрался».

В басне «Мот и Ласточка» Крылов «живописует» голую схему эзоповского сюжета описаниями местного колорита, зимнего русского пейзажа:

И подлинно: опять отколь взяли морозы,
По снегу хрупкому скрипят обозы,
Из труб столбами дым, в оконницах стекло
Узорами заволокло.

Это совершенно реальный зимний пейзаж, придающий всей басне русский колорит. Эти жизненные, реально-бытовые черты рассеяны по всем басням Крылова, они создают впечатление достоверности, делают самое раскрытие басенного сюжета не условным, а реальным.

Крыловская басня тяготеет обычно к короткому повествованию или сценке, выдержанным в реальном плане. Рассказ отмечен наивно-серьезным восприятием изображаемого, как будто сам автор-рассказчик как должное рассматривает неурядицу и нелепость всего происходящего перед его глазами. С полной серьезностью он рассказывает о смешной возне новоявленных музыкантов в «Квартете», неудачных портняжных потугах Тришки, перекраивающего свой кафтан, о мартышке, неумело примеряющей очки. Именно серьезность рассказа создает обстоятельность повествования, его насыщенность конкретными реалиями.

Национальное своеобразие русской басни Вяземский определял подобно Пушкину, видя «особенно нам сродную и нравственную причину» укоренения баснотворчества в национальном характере: «Яркая черта ума русского есть насмешливость лукавая; но наша острота, не заключающаяся, как острота французская, в игре слов или тонком выражении мысли, есть более живописная». Именно живописность — основное качество русского юмора и русской басни: «Русский владеет кистью, коею расписывает лица насмех».¹

Эта живописность, хотя и в разной степени, присуща как Сумарокову и Майкову, так и Хемницеру и Дмитриеву, а затем с особой силой сказалась в баснях Крылова. Выразительность сатирического рисунка, лукавый, задорный юмор в изображении осмеиваемого у него приобрели особенно наглядное свойство. Язык басен Крылова восходит к языку пословиц, присказок, поговорок — к фольклорной

¹ П. Вяземский, Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева. — В кн.: «Стихотворения И. И. Дмитриева», СПб., 1823, с. XXXII.

стихии слов. Уже самое обилие пословиц и поговорок, народно-просторечная лексика басен Крылова создавали эту живописность языка, подчеркивали лукавый юмор его сатиры.

У Крылова эта живописность усилена интенсивностью и многоголосностью интонации. Так, в басне «Осел и Соловей» в самой интонационной и звуковой организации стиха заключен необычайно выразительный контраст. Осел изображен самодовольным и тупым самодуром, наделенным властью и поэтому покровительственно-фамильярно разговаривающим с другими, зависящими от него. Здесь интонация рисует самый характер новоявленного «мецената», его самодовольство и невежество. И тут же передано пение соловья, которое автор не только описывает, но как бы воспроизводит самым подбором звуков, ритмико-мелодической музыкальностью:

Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роше рассыпался...

«Инструментовка» имеет изобразительный характер, показывает благозвучие соловьиного пения в противовес спотыкающемуся, фамильярно-грубоватому, «прозаическому» монологу осла. Так в самой художественной структуре басни показана противоположность двух начал: прозаического, враждебного искусству (осел) и самого искусства, пленяющего своей музыкальностью (соловей).

Не менее значительны самый размер, ритм и синтаксис басни, которыми Крылов виртуозно пользовался. На это обратил внимание еще Жуковский в своей статье 1809 года о баснях Крылова. На примере басни «Пустынник и Медведь» он наглядно демонстрирует эту изобразительность крыловского ритма и синтаксиса: «...картина, и картина совершенная. Стихи летают вместе с мухою. Непосредственно за ними следуют другие, изображающие противное: медлительность медведя; здесь все слова длинные, стихи тянутся:

Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватить друга камнем в лоб!

Все эти слова: Мишенька, увесистый, булжник, корточки, переводит, думает, и у друга, подкарауля — прекрасно изображают медлительность и осторожность: за лятью длинными, тяжелыми стихами следует быстро полустихие:

...хвать друга камнем в лоб!

Это молния, это удар! Вот истинная живопись, и какая противоположность последней картины с первою!»¹

Басня в развитии литературного языка имела особое значение. Она ввела в стихотворную речь устный, народный язык, разговорный монолог, «сказ», элементы диалога, тем самым расширив границы поэтического языка, установленные поэтикой классицизма. Стиховая речь стала выражать простые жизненные понятия, сочетать живую разговорную интонацию с метром и ритмом стиха.

Басня, и в первую очередь крыловская басня, приобрела еще и потому такое большое значение в литературном процессе начала XIX века, что в ней с особой полнотой и определенностью решался вопрос о формировании нового поэтического языка, синтезирующего книжный язык с народной, разговорной речью. На вопрос, заданный критиком 1820-х годов А. Глаголевым, о том, почему наши басни «спорят в преимуществе с Лафонтеном», а комедия находится в младенческом состоянии, он сам же отвечал: «Лирики наши заимствовали благородный и высокий тон свой в книгах священных, баснописцы нашли красоты свои в языке народном...»² Язык басен гораздо больше ориентировался на народное просторечие, чем язык других жанров, даже комедии. П. А. Плетнев писал по поводу языка крыловских басен: «Крылов обладал неизъяснимым искусством сливать этот язык (т. е. народный язык. — Н. С.) с общенашею поэтическою речью».³

Таким образом, басня являлась тем жанром, где раньше и полнее всего совершался синтез книжной и разговорно-народной речи как в лексике, так и в интонационно-синтаксических формах. Об этой роли басни В. В. Виноградов писал: «В истории басни, как в миниатюре, отражается история простого и среднего стиля русского ли-

¹ В. А. Жуковский, О басне и баснях Крылова. — Собр. соч., т. 4, с. 417—418.

² А. Глаголев, О русских приветствиях. — «Труды Общества любителей российской словесности», ч. 5, 1824, с. 230—231.

³ П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. 2, СПб., 1885, с. 34.

тературного языка XVIII и начала XIX века и их роль в создании новой системы общерусского национального языка».¹

Искусство повествования имеет особо большое значение для баснописца. Это не значит, конечно, что другие элементы басни не несут соответствующей нагрузки. И сюжет, и идейно-моралистическая направленность басни, и характеры ее персонажей при всей традиционности имеют важный эстетический смысл, но именно в языке басни проявляется с особой очевидностью индивидуальность автора.

Вы всегда узнаете Сумарокова по его архаически-грубоватой речи, по сложной синтаксической конструкции, нарочито вульгарной фразеологии и лексике:

А Ванька говорит: «Дубина здесь готова;
Да только, государь, держись боярска слова...»

(«Мышь и Кошка»)

Разговорная или сказовая интонация, такие словесные сигналы, как «дубина», «кус», «тузить», окрашивающие речь в простонародный тон, типичны для Сумарокова.

Иное дело грамматически и синтаксически правильная, но во многом книжная фраза Хемницера, лишенная многокрасочной сумароковской живописности языка:

Читал печатное, не помню, где-то я,
А повесть вот сия:
Когда б подъячих мы не сами баловали
И повод им к тому не сами подавали...

(«Приказная уловка»)

Изящная разговорная фраза И. Дмитриева передает уже характер светской речи, сентиментальной чувствительности:

«Здорово, душенька! — влетя в окно, Пчела
Так Мухе говорила. —
Сказать ли весточку? Какой я сот слепила!
Мой мед прозрачнее стекла...

(«Пчела и Муха»)

¹ В. В. Виноградов, Язык и стиль басен Крылова. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1945, т. 4, вып. 1, с. 25.

И наконец свободная и живописная речь басен Крылова, лишенная грубости и архаической окраски языка его предшественников:

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает. . .

(«Волк и Журавль»)

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик куманек!
Терплю напраслину, и выслана за взятки. . .»

(«Лисица и Сурок»)

Таким образом, басня — лаборатория разговорного языка, во многом предшествующая комедийным жанрам. Белинский по поводу басни «Лисица и Сурок» писал: «Много ли стихов и слов нужно переменить в этой басне, чтоб она целиком могла войти, как сцена, в комедию Грибоедова, если б Грибоедов написал комедию «Взятчик»?»¹

Здесь зорко подмечена родственность басни и комедии. Недаром Лафонтен называл басни пространной, стоактной комедией, разыгрываемой на сцене мира. Характеристика персонажа через его речь, склад его сознания, выражаемый именно в особенностях его языка, драматический конфликт, лежащий в основе басни, — все это сближает басню и комедию. Наибольшей близости между этими жанрами достиг Крылов, структурное построение басен которого напоминает комедию в миниатюре.

Конечно, факторы пространства и времени в комедии и басне различны, ими определяется своеобразие и отличие басенного жанра, но в структуре басни и комедии с их преимущественно монологической или диалогической речью много сходства. Столкновение интересов разных персонажей (Волк и Ягненок, Волк и Журавль и т. д.) создает драматическую, комедийную коллизию, которая придает динамическую стремительность сюжетному развитию басни.

¹ В. Г. Белинский, Иван Андреевич Крылов. — Полн. собр. соч., т. 8, с. 575.

Басни Крылова явились и тем высоким барьером мастерства, который на долгое время затруднил дальнейшее развитие жанра. Басни таких авторов, как Е. Алипанов и М. Суханов, не внесли ничего нового. При всей органичности для них крестьянской тематики, как для поэтов, вышедших из народа, они не смогли перейти за пределы крыловской манеры, сохранив основные особенности басен Крылова.

Лишь в 50-х годах появляются басни Козьмы Пруткова, которые одновременно пародируют механизировавшуюся систему басенного жанра, его привычную структуру и представляют злую сатиру на современные порядки и нравы. Уже самые заглавия басен Пруткова напоминают столь частые в басне парные заглавия: «Незабудки и Запятки», «Цапля и Беговые дрожки», «Звезда и Брюхо». Столь же пародийно и построение басни, и неожиданная, немотивированная ее мораль. Прутковские басни в основе имеют алогичное сюжетное построение, нарочито комически-бытовое применение, но за внешней упрощенностью и нелепицей чувствуется едкая и желчная ирония, сатирическое жало. Такова, например, басня «Червяк и Попадья». Прутков, казалось бы, говорит о забавном бытовом случае, избирая предметом своей сатиры попадью, на самом же деле он осуждает лицемерие и фальшь окружающего общества:

Однажды к Попадье заполз Червяк за шею;
И вот его велит достать она Лакею.

Слуга стал шарить Попадью...

«Но что ты делаешь?!» — «Я Червяка давлю».

Эта колоритная бытовая сценка завершается лукавой иронией:

Ах, если уж заполз к тебе Червяк за шею,
Сама его дави и не давай Лакею.

Нарочитое простодушие и алогизм басен Пруткова связаны со всем обликом этого выдуманного литературного персонажа. Они прежде всего пародия, доведение до нелепости шаблонов басенного жанра. Такова басня «Цапля и Беговые дрожки». Уже самое заглавие пародирует многочисленные басенные заголовки. «Цапля» — традиционно, «Беговые дрожки» — неожиданно и смешно, так как никак не вяжется с цаплей. Здесь пародирована басенная манера олицетворения человеческих характеров в образах животных или даже вещей. Параллель между едущим на дрожках помещиком и

летающей длинноногой цаплей нарочита и умышленно нелепа, основана на случайном и внешнем сходстве длинных ножек цапли и мечты помещика о длинных ногах. И самое желание помещика, и его разговор с цаплей — нелепы. Они подчеркивают глупость помещика, отсутствие у него каких-либо серьезных мыслей и желаний. Самый смысл басни сведен к короткому апологу. Но моралистическая концовка целиком в плане басенного жанра, хотя тоже пародирует традиционную мораль, разоблачает ее благонамеренно-официозный смысл, утверждение ею неизбежности социального неравенства:

Пусть баснь сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татаринoм рожден, так будь татарин;
Коль мещанином — мещанин,
А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что наконец
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дробки.

Так пародия сочеталась с социальной сатирой, приобретала общественный смысл. Поэтому на басни Пруtkова нельзя смотреть только как на литературную пародию, не замечая их сатирической направленности. Недаром они печатались в «Современнике» и «Свистке» как острая боевая сатира.

Иронически-пародийный оттенок в использовании басенной формы присущ и басням поэтов-искровцев. Таковы басни Д. Минаева «Добрый пес» и «Современная басня». Здесь тоже традиционный басенный сюжет служит для издевки над современными явлениями общественной жизни. Уже самое начало «Современной басни» в одно и то же время и пародийно и публицистично:

Вороне, хищнице известной, где-то бог
Послал с начинкой вкусом пирога...
Хоть ей грозил путь отдаленный,
Всё ж уплетать ворона начала
Пирог казенный.

Басни искровцев, при всей их немногочисленности, предупредили публицистическую басню революционных поэтов 1905 года и Д. Бедного.

В последние десятилетия XIX века басня исчезает из литературной жизни, ютится где-то на провинциальных задворках. Появляются

довольно многочисленные баснописцы, которые сами себя рекомендуют как продолжателей и последователей Крылова («Басни» Крылова-внука — С. А. Образцова, Макарьев-на-Унже, 1904; Чуть-не-Крылов (А. Лотерштейн), «Наши басни», Умань, 1916; «Басни» А. Антонова, М., 1871; «Басни провинциала», М., 1864; «Басни» Н. Плисского, СПб., 1897; «Басни» Д. Словоохотова, М., 1874; даже «Нравоучительные басни» протоиерея Л. Ефремова, М., 1869, и многих других столь же малонизвестных и достаточно бездарных авторов). Все это стоит вне магистральных путей литературы и свидетельствует о временном угасании басенного жанра.

После нескольких десятилетий молчания басня снова подымает свой голос в годы первой русской революции (1905—1907) в обстановке общественного подъема и широкого распространения сатирических журналов.

С общим подъемом сатиры связан и вновь возникший интерес к басенному жанру. Конечно, в основном сатира этого времени, пользуясь уступками и замешательством властей, выступала с открытым забралом, нарушала привычные для басни рамки «эзопова языка», обращалась к разным поэтическим жанрам. Но басня впервые за долгое время вышла на политическую и литературную арену. Она стала острой политической сатирой, памфлетом, полемическим фельетоном, сохранив, однако, при всей конкретности своего политического адреса, способность к типологическому обобщению.

Новое возрождение басни в начале XX века, в годы первой русской революции и последующие годы, знаменовало решительное изменение принципов басенного жанра. В отличие от басни XVIII—начала XIX века с ее моралистической и философской ориентацией, опыты баснописцев 900-х годов знаменуют превращение басни в острый политический памфлет. Она потеряла свое моралистическое значение, абстрактность аллегорического смысла, стала сугубо предметной, вбирая злободневные события и факты. Это политическое наполнение басни, смелая и принципиальная позиция автора, резкость его полемики сказались в беспощадности иронии, в непримиримости сатирического обличения, в карикатурной остроте рисунка.

На страницах большевистской печати с 1912 года вновь появляются политически-агитационные басни Демьяна Бедного, составившие новый этап в развитии русской басни.

Бедный вернул новую жизнь старому, казалось бы, уже исчезающему жанру. Его басни стали образцом жгучей злободневной сатиры, примером политически действенной, агитирующей поэзии, пробудили интерес к басне у многих советских поэтов. В 20-х годах широкой популярностью пользовались басни Ивана Батрака, печат-

тавшиеся в газетах (в «Бедноте»), выходившие многочисленными изданиями. Этот баснописец во многом использовал опыт Д. Бедного по созданию политической басни, басни-фельетона. И. Батрак, так же как его учитель Д. Бедный, в основу своих басен берет наиболее острые и злободневные факты современной политической жизни.

Басня как жанр жива и в наше время. Она заняла видное место в литературной деятельности не только Д. Бедного и Ивана Батрака, С. Маршака и С. Михалкова, украинских писателей Никиты Годованца и Степана Олейника, белорусского поэта Кондрата Крапивы, но и многих других поэтов многонациональной советской литературы.

Творчество современных авторов, развивающих традиции кыповской басни, лишней раз доказывает жизненность басенного жанра, не утратившего своего значения и в наши дни.

Н. Л. Степанов

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Д. Кантемир

1. ЯСТРЕБ, ПАВЛИН И СОВА

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит быв, на его чин из воздушна рода
Трое у царя Орла милости просили,
Ястреб, Сова и Павлин, и все приносили,
Чтобы правость просьб явить, правильны доводы.
Ястреб храбрость представлял и многие годы,
В которых службы на ся военной нес бремя;
Сова сулила не спать век в ночное время;
Павлин хвастал перьями и хвостом пригожим.
Кто, мнишь, казался царю в воеводск чин гожим? —
Сова; Ястребу отказ, отказ и Павлину.
Орел, своего суда изъяснив причину,
Сказал, что Ястреб, хоть храбр, хоть и многи леты
В военной службе служил, достойно приметы
Ничего не учинил, почему уж мало
И впредь плода ожидать: в ком бо славы жало
С младых лет не действует — седина бесплодна;
Что Павлину перья так, как и гордость, сродна;
А Сова нравом тиха, ссор она напрасно
Не ищет, знает себя защищать согласно
Своим силам, когда кто вредить ей желает;
Недремно та бодрствует, пока унывает
Прочее племя во сне. Таков воевода
Годен к безопасности целого народа.

1735

2. ГОРОДСКАЯ И ПОЛЕВАЯ МЫШЬ

Издавна в дружбе к себе верною познанну,
Градскую некогда Мышь полевая в гости
Зазвала в убогую нору непространну,
Где без всякой пышности, от воздуха злости
Щитясь, вела век свой в тишине покойный.
Мох один около стен, на полу солома
Составляла весь убор, хозяйке пристойный;
В лето собранный запас, щель, лишь ей знакома,
К умеренну корму ей тут же сокрывая.
Торовата для гостя крупы, и горохи,
И оглоданный кусок от окорка края
И подносит черствые ему хлеба крохи,
Разнством яств приятнее обед учинити
Желая; но гордым той зубом, пожимаясь,
Того, другого куснет — и невкусно быти
Всё находит; а бедна хозяйка стараясь
Гостю, пищу лучшую себя, угодити,
Ест сама вялый ячмень и гнилу мякину.
Напоследок он так к ней начал говорити:
«Никак я, дружок, дознать не могу причину,
Для чего ты на горах пустых меж лесами
Жить избрала и людей обществу любезну,
И городов красоте, обильных сластями,
Так бедную предпочла жизнь и бесполезну?
Оставь, поверь мне, твое жилище, так дико,
И мне следуй. Всякому животну земному
Земной рок пал, и хотя мало, хоть велико
Неизбежную смерть ждет, всякому знакому.
Для того можно пока, отложив всё бремя
И печалей и сует, живи, наслаждаясь
Мира вещьми, и помни, сколь коротко время
Жизни твоей, на всяк час к концу приближаясь».
Лестны дружины слова нетрудно склонили
Мышь лесную, и тотчас из норы легонько
Выскочив, в намеренный обе путь вступили,
В темный час в город войти имея тихонько.
Средину неба уж ночь самую обняла,
Когда обеим был вход в огромны палаты,
Златотканна где парча обильно блистала
На кроватях костяных; останки богаты

Где пышной вчерашняя ужины хранены
В многих зрились кошницах. Тогда полевую
Гостью уложив на те парчи позлащенные,
Гражданка бежит, тащит то ту, то другую
И подносит лакому еству, прикушая
Сама прежде, как слуги все звыкли чинити.
Поселянка, на златых себя растягая
Коврах, радость всю в себе не может вместити
В счастья премене такой: пирует обильно,
Веселым другу себя гостем являть ищет, —
Когда вдруг у дверей стук, поднявшийся сильно,
Обеих с ложа согнал. По комнате рыщет
Без ума, в дрожи, в поту, одна за другою;
Еще страх удвоился, когда зазвучали
Криком меделаянских псов своды. Уж с душою
В зубах, лесная тогда другу, что с печали,
С стыда и страха поднять чуть голову может,
«Нет, такая, — говорит, — жизнь мне неугодна;
Пред тобой в лесу, в щели, хоть корку зуб гложет,
От наветов я живу в покое свободна».

Степень высока, богатство бывают
Без беды редко, всегда беспокойны.
Кои довольны в тишине быть знают
Малым, те зваться умными достойны.

1738

М. В. Ломоносов

3. (ВОЛК-ПАСТУХ)

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастуший посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широко шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит
И овцы все лежали сряду,

Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь рот разинул,
Раздался в роще волчий вой.
Пастух свой сладкий сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой:
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедный волк заметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и шкуру снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

(1747)

4. (УТОНУВШАЯ ЖЕНА)

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что притом и кошелек не спор.
Всего несноснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
«Не усмотрел ли он, — спросил, — утопшей следа?»
Сосед советовал вниз берегом идти,
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о том не сомневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

(1747)

5. (СТАРИК, ЕГО СЫН И ОСЕЛ)

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять за благо рассудилось.
Он ехал на осле, а следом парень шел;
И только лишь с горы они спустились в дол,
Прохожий осудил тотчас его на встрече:
«Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?»
Старик сошел с осла и сына посадил,
И только лишь за ним десяток раз ступил,
То люди начали указывать перстами:
«Такими вот весь свет наполнен дураками:
Не можно ль на осле им ехать обойм?»
Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
Однако чуть минул местечка половину,
Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
Тогда старик осла домой поворотил
И, скуки не стерпя, себе проговорил:
«Как стану я смотреть на все людские речи,
То будет и осла взвалить к себе на плечи».

(1747)

6. (СВИНЬЯ В ЛИСЬЕЙ КОЖЕ)

Надела на себя
Свинья
Лисицы кожу,
Кривляя рожу,
Моргала,
Таскала длинный хвост и, как лиса, ступала.
Итак, во всем она с лисицей схожа стала,
Догадки лишь одной Свинье недостает:
Натура смысла всем свиньям не подает.
Но где ж могла Свинья лисицы кожу взять?
Нетрудно то сказать.
Лисица, всем зверям подобно, умирает,
Когда она себе найти, где есть, не знает.
И люди с голоду на свете много мрут,
А паче те, которые врут,
Таким от рока суд бывает:
Он хлеб их отымает

И путь им ко вранью тем вечно пресекает.
В наряде сем везде пошла Свинья бродить

И стала всех бранить,

Лисицам всем прямым, ругаясь, говорила:

«Натура-де меня одну лисой родила,

А вы-де все ноги не стоите моей,

Затем что родились от подлых вы свиней,

Теперя в гости я сидеть ко Льву собираюсь,

Лишь с ним я повидаюсь,

Ему я буду друг,

Не делая услуг.

Он будет сам стоять, а я у него лягу,

Неужто он меня так примет, как бродягу?»

Дорогою Свинья вела с собою речь:

«Не думаю, чтоб Лев позволил мне там лечь,

Где все пред ним стоят знатнейши света звери,

Однако в те же двери

И я к нему войду.

Я стану перед ним, как знатный зверь, в виду».

Пришла пред Льва Свинья и милости просила.

Хоть подлая и тварь, но много говорила,

Однако всё врал

И с глупости она ослом Льва назвала.

Не вспал тем Лев

Во гнев.

С презрением на нее он глядя, рассмеялся

И так ей говорил:

«Я мало бы тужил,

Когда б с тобой, Свинья, вовеки не видался,

Тотчас знал я,

Что ты свинья,

Так тщетно тщила ты лисою подбегать,

Чтоб врать.

Родился я во свет не для свиних поклонов,

Я не боюсь громов,

Нет в свете сем того, чтоб мой смутило дух.

Была б ты не свинья,

Так знала бы, кто я,

И знала б, обо мне какой свет носит слух».

И так наша Свинья пред Львом не полежала.

Пошла домой с стыдом, но, идучи, роптала,

Ворчала,

Мычала,
Кричала,
Визжала
И в ярости себя стократно проклинала,
Потом сказала:
«Зачем меня несло со львами спознаваться,
Когда мне рок велел в грязи валяться».

1760 или 1761

В. К. Тредиаковский

7. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Подавился костью острою Волк в некий день,
Так что не был в силе ни завывать, да стал весь
в пень.
Для того вот Журавля нанял он ценою,
Чтоб из горла ту извлечь носа долгою;
А Журавль способно службу ту и сослужил,
И уж за работу платы он себе просил.
Улыбаясь, Волк тогда с скрежетом зубами
Журавлю так отвечал грубыми словами:
«Иль тебе та плата кажется, мой друг, мала,
Что из волчья зева голова твоя цела?»

(1751)

8. ГОРА, МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ

Напружившись, Гора из глубины стонала;
Как будто час настал родить ей, тем казала.
Сей случай всех привел людей в прекрайний страх,
Боящихся, чтоб как не задавил их прах.
Но выскочила Мышь из той внезапным спехом,
И так людска боязнь скончилась общим смехом.

(1751)

9. МУХА И МУРАВЕЙ

Думаючи много Муха о себе сама
И притом же зная, что она есть не нема,
Начала уничтожать Муравья словами,
А себя превозносить пышными речами.
«Посмотри, сколь подлость, — говорила та ему, —
Есть твоя велика. Слово в слово, как в тюрьму,
Под землю ты заключен, жить бы там в домишке;
Да и ползаешь всегда только по землишке,
Ищуши с прекрайним пропитания трудом,
Силишкам же слабым с неминуемым вредом.
Но что до меня, то вверх крыльями взлетаю,
И за царским я столом многажды бываю;
Из золотых сосудов и серебряных тож пью,
Сладко ем, гуляю по порфире, по белью;
А к тому ж прекрасных лиц я целую щечки
И сажусь потом цветков к ним же на пучочки».
Дмящейся тем Мухе отвечает Муравей:
«Должно то прибавить к роскоши еще твоей,
Что бездельничество всем есть твое известно,
Ненавистно всем оно, от него всем тесно;
Что бичи готовят и отраву на тебя
И что счастье мнимо, ведай, матка, про себя:
Полгода твое-то всё только пребывает,
А зимою и с тобой бедно погибает.
Но я не чрез силу летом для того тружусь,
Что зимой в покое ни о чем уж не крушусь».

(1752)

10. ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде Ворону унести сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того домогаться б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши
И его вещбу еще также похваливши,

Прямо говорила: «Птицею почту тебя
Зевсовою впредки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон, похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал сколько можно громче кричать и кричать,
Чтоб похвал последнюю получить себе печать.
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой ворон, только ты без сердца
мех».

(1752)

11. ЛИСИЦА И ВИНОГРАДНА КИСТЬ

Виноградна кисть вверху на лозе висела.
Но когда Лисица там ону усмотрела,
То с земли вот стала не однажды вверх скакать,
Прилагая силы к силам, чтоб ее достать.
Изнемогшая вконец, только ж без успеха,
И как будто ей была в том сия утеха,
Что, прочь отходящи, говорить так начала:
«Ягода ведь эта ныне очень неспела!
Мне хотя б и на пути где она попалась,
Также от зеленой прочь я идти потщалась».

(1752)

12. ВОРОНА, ЧВАНЯЩАЯСЯ ЧУЖИМИ ПЕРЬЯМИ

Набрала Ворона перышек от прочих птиц,
Убралась та всеми снизу вверх без мастериц;
Величаться начала сею пестротою,
Презирая птичек всех в том перед собою.
Ласточка всех прежде, перышко на ней свое
Усмотревши, тотчас вырвала, сказав: мое.
То увидели когда и другие птички,
Щебетливы по большей части те певички,

Начали ворону сами так же все клевать
И свои природны перышки с нее срывать,
Так что наконец ее всю уж обнажили,
Чем всех обще и себя ею насмешили.

(1752)

13. ОСЕЛ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖЕ

Во львиную Осел как нарядился кожу,
И ею он покрыл зад, ноги, спину, рожу,
То в той он устрашал, как лев, везде зверей,
А инде приводил чрез то в страх и людей.
Усмотренны потом сверх головы и туши
Те долгие его, Ослу природны уши
Вот обличили тем, что он и весь Осел,
И только на себя ту львину кожу вздел,
Чтоб недостойно всех страшил он и гордился
И всюду б, где ни шел, незнающими чтился.
Так признанный Осел бит прежде дубиной,
На мельницу потом с глаз тотчас сбит долой.

(1752)

14. САМОХВАЛ

В отечество свое как прибыл некто вспять,
А не было его там, почитай, лет с пять,
То завсе пред людьми, где было их довольно,
Дел славою своих он похвалялся больно,
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всем, ни ровни по всему;
А больше, что плясал он в Родосе исправно,
И предпочтен за то от общества преславно,
В чем шлется на самих родосцев ныне всех,
Что почесть получил великую от тех.
Из слышавших один ту похвальбу всегдашнюю
Сказал ему: «Что нам удачу знать тогдашнюю?
Ты к родянам о том, пожалуй, не пиши;
Здесь Родос для тебя, здесь, нут-ка, попляши».

(1752)

А. И. Сумароков

15. ЖУКИ И ПЧЕЛЫ

Прибаску
Сложу
И сказку
Скажу.
Невежи Жуки
Вползли в науки
И стали патоку Пчел делать обучать.
Пчелам не век молчать,
Что их дурачат.
Великий шум во улье начат.
Спустился к ним с Парнаса Аполлон,
И Жуков он
Всех выгнал вон,
Сказал: «Друзья мои, в навоз отсель подите;
Они работают, а вы их труд ядите,
Да вы же скаредством и патоку вредите».
1752 (?)

16. СОВА И РИФМАЧ

Расхвасталась Сова,
В ней вся от гордости и злобы кровь кипела,
И вот ее слова:
«Я перва из птиц в сей роще песни пела,
А ныне я за то пускаю тщетный стон:
Попев, я выбита из этой рощи вон,
За сладко пение я бедство претерпела».
Ответствовал Сове какой-то стихоткач,
Несмысленный Рифмач:
«Сестрица! Я себе такую ж часть наследил,
Что первый в городе на рифмах я забредил».
1752 (?)

17. ВОЛК, СТАВШИЙ ПАСТУХОМ

Когда приятным сном пастух в лугах умолк
И овцы спали,
А караульщики уж больше не брехали,
Пришел для добычи голодный к стаду волк.
«Способен случай мне», — подкравшись, Волк
мыслит,
Десятка полтора овец своими числит.
Не силу он, обман
Употребляет:
Аркасов он кафтан
И шляпу надевает,
И подпирается он посохом его,
Мнит, волчьего на нем нет больше ничего.
Изрядный молодец в пастушьем Волк наряде!
А если б грамоте он знал,
Конечно бы на шляпе подписал:
«Аркас мне имя, я пастух при этом стаде».
К Аркасу схожим быть,
Чего еще тогда ему не доставало? —
Чтоб голосом его немного повопить.
Лишь только закричал — всё дело явно стало!
Перетревожил всех противный стаду слух;
Все овцы заблеяли,
Собаки лаять стали,
Проснулся и пастух.
Кафтаном лицемер окутан. Как спастись?
Не мог бежать, ни защищаться.

(1755)

18. МЫШЬ ГОРОДСКАЯ И МЫШЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ

Пошла из города Мышь в красный день промяться
И с сродницей свосй в деревне повидаться.
Та Мышь во весь свой век всё в закроме жила
И в городе еще ни разу не была.
Как стали ужинать, Мышь градска говорила,
Какая тамо жизнь, и очень то хвалила:
«Ты ешь простой здесь хлеб, а я там сахар ем;
Что ради там господ, и я питаюсь тем».

— «Про сахар много раз, сестрица, я слыхала,
Однако я его и сроду не едала, —
Та говорила ей. — Попотчивай меня».
А та, сим лакомством сестру свою взмая,
Ответствовала ей: «Коль хочешь то отведасть,
Так завтра ты ко мне пожалуй отобедать».
И сделалось так. Тут сахар, сыр, мяса, —
Такого гостя ввек не видела часа.
Но как их повара за кушаньем застали,
С какою трусостью они от них бежали!
И только лишь ушли — ан Кошка им в глаза!
Ужаснее еще и перьвые гроза.
Ушли и от тоя, и тут была удача.
Но гостя у сестры домой просилась, плача:
«Пожалуй, поскорей, сестрица, отпусти.
Ешь сахар ты одна, и с городом прости.
Я сладких еств таких вовек не позабуду,
А впредь, доколь жива, на твой обед не буду».

(1756)

19. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк ел — не знаю что — и костью подавился,
Метался от тоски и чуть он не вздурился.
Увидел Журавля и слезно стал просить,
Чтоб он потщился в том ему помощник быть,
И всю он на него надежду полагает.
Журавль свой долгий нос в гортань ему пускает
И вынимает кость. Потом он просит мзды,
Что он от таковой злой спас его беды.
«Довольствуйся ты тем, — зверь хищный
отвечает, —
Что Волк тебя в таком здоровье оставляет,
Какое до сея услуги ты имел,
И радуйся тому, что нос остался цел».
Тот, право, честности немало собирает,
Кто людям никогда худым не помогает.

(1756)

20. МУЖИК С КОТОМОЙ

Без разбору ты ври про чужие дела:
Та работа не так, как твоя, тяжела.
Нет, не дивно нимало и мне, как тебе,
Что милые на свете всего ты себе;
Да чужого труда ты не тщишься умалять,
И чего ты не знаешь, не тщишься похулять;
Если спросишь меня,
Я скажу, не маня,
Что честной человек

Этой гнусности сделать не может вовек.

Посмотри,

И держи то в уме.

Нес мужик пуда три

На продажу свинцу в небольшой котоме;

Нагибается он, да нельзя и не так:

Ведь не грош на вино он несет на кабак.

Мир ругается, видя, что гнется мужик, —

Свинценосца не кажется труд им велик.

Им мужик отвечал:

«Труд мой кажется мал;

Только бог это весть,

Что в котомишке есть,

Да известно тому,

Кто несет котому».

(1758)

21. СТАРИК СО СВОИМ СЫНОМ И ОСЕЛ

Один то так, другой то иначе зовет:

На свете разны нравы,

На свете разны правы,

Но всё ли то ловить, рекою что плывет?

Кто хочет,

Пускай хлопочет,

Пускай хохочет, —

Хула не яд,

А без вины никто не попадется в ад.

Хулитель ко всему найдет себе привязку.

Я к этому скажу старинную вам сказку.

Ни года, месяца не помню, ни числа,
Как вел мужик дорогою осла.
С крестьянином был сын, мальчишка лет десятка;
Но то одна догадка:
Я в зубы не смотрел, да я ж не коновал,
И отроду в такой я школе не бывал.
Мужик был стар и с бородою.
С какой? С седою.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «Идут пешками,
А есть у них осел; ослы вы, видно, сами».
Не празден стал осел.
Крестьянин на него полез и сел.
Без шпор крестьянин был, толкал осла пятами.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «Конечно, брат, ты шумен
Или безумен.
Сам едешь ты верхом,
А мальчика с собой волочишь ты пешком».
Мужик с осла спустился,
А мальчик на осла и так и сяк,
Не знаю как,
Вскарабкался, взмогнулся.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,
И говорил: «На глупость это схоже.
Мальчишка помоложе,
Так лучше он бы шел, когда б ты был умен,
А ты бы ехал, старый хрен».
Мужик осла еще навьютил,
И на него себя, и с бородою, взрютил;
А парень-таки там.
«Не будет уж теперь никто смеяться нам», —
Ворчал мужик, предведав то сердечно.
Конечно,
Я мышлю так и сам,
Никто смеяться уж не станет;
Известно то давно, что сердце не обманет.
Прохожий, встретившись, смеялся мужику,
Как будто дураку,

И говорил: «Старик и в грех не ставит,
Что так осла он давит,
А скоро седока и третьего прибавит».
Удачи нет: никто не хочет похвалить.
Не лучше ль на себя, мужик, осла взвалить?

(1759)

22. ОТРЕКШАЯСЯ МИРА МЫШЬ

С Лягушками войну, злясь, Мыши начинали.
За что?

И сами воины того не знали;
Когда ж не знал никто,
И мне неизвестно то;
То знали только в мире,
У коих бороды пошире.

Затворник был у них и жил в голландском сыре;
Ничто из светского ему на ум нейдет,
Оставил навсегда он роскоши и свет.

Пришли к нему две Мышки
И просят, ежели какие есть излишки
В имении его,

Чтоб подал им хотя немного из того,
И говорили: «Мы готовимся ко брани».
Он им отвечивал, поднявши к сердцу длани:
«Мне дела нет ни до чего.

Какия от меня, друзья, вы ждете дани?»
И как он то проговорил,
Вздохнул и двери затворил.

(1759)

23. ПОДЬЯЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Не ложно,
Что можно
Себя по виду обмануть
И тварью тварь почесть иною.
Случилось ныне то со мною,
Не на прямой попал я путь.
Кокетку видел я в подьяческой беседе,
У регистратора быв в праздник на обеде.

Я сам не ведаю, как я туда зашел,
А то еще чудней, кокетку тут нашел:
Кокетствовать не в моде
Подьяческой породе,
И, помнится, нигде того в указах нет,
Чтоб им носить корнет.
Льзя им чепец носить, треух, а, по приволью,
И шапку иногда соболью —
К уборам эдаким приказных женщин лоб;
И можно им носить кумачну телогрею
От самых пят по шею,
А на этой — корнет и флеровый салоп.
По-благородному она всю речь варила,
Новоманерными словами говорила, —
Казалось, что в ней была господска кровь.
То фрукты у нее, что в подлости морковь;
Тут сидя, не пила ни кислых щей, ни квасу
И спрашивала, где промыслить ананасу;
Коврижки сахарной кусочки клала в рот
И знала то, что это цукерброт;
По моде нынешней некстати всё болтала,
Некстати хохотала;
Играть хотела и в трисет,
Да троек нет:
Подьячие из карт те карты выбирают,
Понеже ни в трисет, ни в ломбер не играют.
Нахлюставшись, писцы о взятках стали врать,
И что-де надлежит за труд и кожу драть,
Не только брать:
«За то ругают нас, да это нам издевка...»
При сих словах вздохнула девка
Во всю девичью мочь
И отошла, зардевшись, прочь.
Она — подьяческая дочь;
Блаженной памяти ее родитель грешен,
За взятки он повешен;
До взяток был охоч
И грабил день и ночь.
Живот его остался весь на рынке,
Однако деньги все остались ей в скринке.

(1759)

24. ГОРА В РОДАХ

Ужасная гора на сносях уж была:
Не басней басня та, историей слыла.
Неправильным дела народ аршином мерит:
 Что хочешь, то скажи,
 Ничем не докажи —
 Всему народ поверит.
 Не всяк
 Дурак,
Однако многие не видят ясно врак.
 Обманщик — вякай,
 Безумец — такай,
 Что хочешь, то набрякай.
 В поход
 Весь ломится народ;
Уставились все смотреть туда, откуда
Из матери ийти лежит дорога чуда.
Всё бредит, мучится, кричит, ревет гора:
 Родить пора.
Рабята говорят: «Страшней того не ведя;
 Слона
 Или медведя
 Родит она».
А люди в возрасте, наполнены обманом,
Поздравить чаяли родильницу с Титаном.
 Но что родилось бишь?
 Мышь.

(1759)

25. ШУБНИК

На денежки оскалив зубы,
На откуп некто взял народу делать шубы.
 Сломился дуб:
Скончался откупщик, и шуб
 Не делает он боле.
 Так шубы брать отколе?
А шубников уж нет, и это ремесло
 Крапивою заросло.
Такую откупом то пользу принесло.

(1760)

26. ЛИСИЦА И ТЕРНОВНЫЙ КУСТ

Стоял Терновный куст.
Лиса мошейничать обыкла
И в плутни вникла:
Науку воровства всю знает наизусть,
Как сын собачий
Науку о крючках,
А попросту — бессовестный подьячий.
Лисице ягоды прелестны на сучках,
И делает она в терновник лапой хватки,
Подобно как писец примается за взятки.
Терновный куст
Как ягодой, так шильем густ,
И колетса; Лиса ярится,
Что промысел ее без добычи варится.
Лисица говорит Терновнику: «Злодей!
Все лапы исколол во злобе ты своей».
Терновник отвечал: «Бранись, как ты изволишь.
Не я тебя колю — сама себя ты колешь».
Читатель! знаешь ли, к чему мои слова?
Каков Терновный куст, сатира такова.
(1760)

27. ОСЕЛ ВО ЛЬВОВОЙ КОЖЕ

Осел, одетый в кожу львову,
Надев обнову,
Гордиться стал
И, будто Геркулес, под оною блистал.
Да как сокровищи такие собирают?
Мне сказано: и львы, как кошки, умирают,
И кожи с них сдирают.
Когда преставится свирепый лев,
Не страшен левий зев
И гнев;
А против смерти нет на свете обороны.
Лишь только не такой по смерти львам обряд:
Нас черви, как умрем, едят,
А львов едят вороны.
Каков стал горд Осел, на что о том болтать?

Легохонько то можно испытать,
Когда мы взглянем
На мужика
И почитати станем
Мы в нем откупщика,
Который продавал подовые на рынке
Или у кабака,
И после в скринке
Богатства у него великая река,
Или ясней сказать, и Волга и Ока,
Который всем теснит бока
И плавает, как муха в крынке,
В пространном море молока;
Или когда в чести увидишь дурака,
Или в чину урода
Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа.
Ворчал,
Мычал,
Рычал,
Кричал,
На всех сердился, —
Великий Александр толико не гордился.
Таков стал наш Осел.
Казалось ему, что он судьей сел.
Пошли поклоны, лести
И об Осле везде похвальные вести;
Разнесся страх,
И все перед Ослом земной лишь только прах,
Недели в две поклоны
Перед Ослом
Не стали тысячи, да стали миллионы
Числом,
А все издалека поклоны те творятся:
Прогневавшие льва не скоро помирятся,
Так долг твердит уму:
Не подходи к нему.
Лисица говорит: «Хоть лев и дюж детина,
Однако ведь и он такая же скотина,
Так можно подойти и милости искать;
А я то ведаю, как надобно ласкать».

Пришла и милости просила,
До самых до небес тварь подлу возносила.
Но вдруг увидела, все лести те пропев,
Что то Осел, не лев.
Лисица зароптала,
Что вместо льва Осла всем сердцем почитала.
(1761)

28. ЛИСИЦА И СТАТУЯ

К Елизавете Васильевне Херасковой

Я ведаю, что ты парнасским духом дышишь,
Стихи ты пишешь.
Не возложил никто на женский разум уз;
Чтоб дамам не писать, в котором то законе?
Минерва — женщина, и вся беседа муз
Не пола мужеска на Геликоне.
Пиши! Не будешь тем ты меньше хороша:
В прекрасной быть должна прекрасна и душа.
А я скажу то смело,
Что самое прекраснейшее тело
Без разума — посредственное дело.
Послушай, что тебе я ныне донесу
Про Лису.
В каком-то Статую нашла она лесу;
Венера то была работы Праксителя.
С полпуда говорит Лисица слов ей, меля.
«Промолви, кумушка», — Лисица ей ворчит,
А кумушка молчит.
Пошла Лисица прочь, и говорит Лисица:
«Прости, прекрасная девица,
В которой нет ни капельки ума;
Прости, прекрасная и глупая кума».
А то ты ведаешь, Хераскова, сама,
Что кум таких довольно мы имеем,
Хотя мы дур и дураков не сеем.
(1761)

29. КИСЕЛЬНИК

Гороховый кисель мужик носил
И конопляно масло;
Кисель носить его желание погасло,
Так это ремесло кисельник подкосил.
Маленок от него доход. Ему потребно
Другое, и другим он начал торговать,
А именно — он начал воровать, —
Такое ремесло гораздо хлебно.
Замаранная маслом тварь
Зашла в алтарь.
Не повинуюся ни богу, ни закону,
Украл из алтаря кисельник мой икону,
И другу своему он это говорил.
А тот его журил:
«Кафтана твоего не может быть гаже;
Ты весь от масла будто в саже.
Пристойно ль в алтаре в такой одежде красть?
Не меньше я тебя имею эту страсть,
И платьице почище я имею,
Да я из алтаря украсть не смею».
Кисельник отвечал: «Не знаешь ты Творца,
Отъемля у меня на вышнего надежду:
Не смотрит бог на чистую одежду,
Взирает он на чистые сердца».

(1761)

30. ЗМЕЯ И ПИЛА

Не устремляйтесь того критиковать,
Кого немножечко трудненько подкопать:
Все ваши сборы
И наплетенны вздоры
Не сделают ему малейшего вреда,
А вам наделают премножество стыда.
Змея нашла Пилу, зверок ее то взгляду;
Змея не думает усердно ни о ком
И не скупится тратить яду —
Грызет Пилу и лижет языком.
Что больше вокруг Пилы она, яряся, вьется,
То больше крови льется;

И, проливая кровь потоком из себя,
Пилу губя,
Кровь собенну за кровь чужую почитает
И кровью тает.
Пилу пилит,
Язык болит,
Истрескались губы.
Увидела Змея, переломавши зубы,
Что тронута она была,
А не Пила.
(1761)

31. ФЕБ И БОРЕЙ

С Бореем был у Феба разговор,
Иль паче спор,
Кто больше сил из них имеет
И больше властвовать умеет.
Проезжий на коне — холодноват был час —
Накинул епанчу проезжий. Крышка греет,
И есть у нас
Указ,
Во время холода теплей прикрыться
И никогда пред стужей не бодриться:
Ее не победишь,
Себе лишь только повредишь.
«Противу холода невозможно умудриться, —
Сказал Борей. — Смотри, с проезжего хочу
Я сдернуть епанчу,
И лишек на седле я в когти ухвачу».
А Солнце говорит: «Во тщетной ты надежде.
А если я хочу,
Так эту епанчу
Сниму я прежде.
Однако потрудишься ты
И сделаешь истину из бреда и мечты».
Борей мой дует,
Борей мой плюет,
И сильно под бока проезжего он сует;
Борей орет,

И в когти епанчу берет,
И с плеч ее дерет.
Толчки проезжий чувствует
И в нос, и в рыло, и в бока;
Однако епанча гораздо жестока —
Хлопочет
И с плеч идти не хочет.
Устал Борей
И поклонился ей!
Вдруг солнце воссияло,
И естество другой порядок восприняло:
Нигде не видно туч,
Везде златой играет луч;
Куда ни возведешь ты взоры,
Ликут реки, лес, луга, поля и горы.
Проезжий епанчу долой с себя сложил,
И, сняв, о епанче проезжий не тужил.
Репейник хуже райска крина.
О чем я в притче сей, читатель, говорю?
Щедрота лютости потребнее царю:
Борей — Калигула, а Феб — Екатерина.
(1762)

32. ПИР У ЛЬВА

Коль истиной не можно отвечать,
Всего полезнее молчать, —
С боярами как жить, потребно это ведать.
У Льва был пир,
Пришел весь мир
Обедать.
В покоях вонь у Льва —
Квартера такова;
А львы живут не скудно,
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чухнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупам нас еще не облупили,
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговли мужики.

Пришла вонь Волку к носу.
Волк это объявил беседе без допросу,
Что запах худ.
Услышав, Лев кричит: «Бездельник ты и плут!
Худого запаха и не бывало тут.
И смеют ли в такие толки
Входить о Львовом доме волки?»
А чтобы бредить Волк напередки не дерзал,
Немножечко он Волка потазал
И для поправки наказал,
А именно — на части растерзал.
Мартышка, видя страшны грозы,
Сказала: «Здесь нарциссы, розы
Цветут».
Лев ей ответствовал: «И ты такой же плут:
Нарциссов, роз и не бывало тут.
Напередки не сплетай ты лести;
А за такие вести
И за приязнь
Прими и ты достойну казнь».
Преставился Волчишка,
Преставилась Мартышка.
«Скажи, Лисица, ты, — хозяин вопрошал, —
Какой бы запах нам дышал?
Я знаю, что твое гораздо чувство нежно:
Понюхай ты прилежно».
Лисица на этот вопрос
Сказала: «У меня залег сегодня нос».

(1762)

33. ШЕРШНИ

Шершни на патоку напали
И патоку поколупали.
Застала их хозяйка тут,
И тварь, которая алкала,
Хозяйка всю перещелкала.
Недолог был хозяйкин суд.
Хозяйка — истина, а выколупки — взятки,
Шершни — подьячие, которые к деньгам падки.

(1762)

34. КОЛОВРАТНОСТЬ

Собака Кошку съела,
Собаку съел Медведь,
Медведя зевом Лев принудил умереть,
Сразити Льва рука охотничья умела,
Охотника ужалила Змея,
Змею загрызла Кошка.
Сия
Вкруг-около дорожка.
А мысль моя,
И видно нам неоднократно,
Что всё на свете коловратно.

(1762)

35. СОБАКА И ВОР

Старый обычай и давняя мода —
Были б ворота всегда на крепь;
В доме всегда у приказного рода
Пес на часах у ворот на цепи.
Дворник, забывшись, не запер калитки,
Следственно, можно втереться во двор;
В вымыслах мудрые остры и притки,
Входит мудрец тут, а именно — вор.
Ластится, ластится льстец ко собаке,
Бросив ей жирного мяса кусок.
Пес, рассердясь, закричал, будто в драке:
«Рвется напрасно нахал, а не впрок.
Вор подкупити меня предпримает,
Хочешь прибраться ты к нашим крохам;
Верна подарками пса не сломаешь,
Я не повинен приказным грехам.
Знаю сего я приветства причину;
Взавтре, пожалуй, да в день, а не в ночь,
Мясо снеси моему господину,
Он до подарков поболее охоч».

(1762)

36. КОМАР

Какой-то негде шел обоз,
Клячонка на гору тянулась,
Везла она тяжелый воз
И стала, больше не тронулась.

Сердясь, как будто на жену,
Лишь только больше погоняет,
Кричит извозчик: «Ну, ну, ну!» —
И кляче палкой лень пеняет.

Ни с места Конь; гора трудна,
Трудней извозчикова клика,
А кляча воз везет одна,
Поклажа на возу велика.

Внутри у клячи адский жар,
А на спине морская пена,
А на возу сидит Комар
И мнит: «Горчай я кляче хрена».

Вся тягость, мыслит, от него —
У Комара ведь есть догадка;
Сскочил он для ради того
И говорит: «Ступай, лошадка».

(1762)

37. ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб Трости говорил: «Конечно, Трость,
Тебе долгонько рость,
Быть равной крепости и вышины со мною.
Какою ты виною
Прогневала богов — и столько ты слаба?
Боярин я, а ты — раба.
Пускай ветер сильный стонет,
Пускай ревет и воет он,
Мне столько ж, как Зефир, ужасен Аквилон,
И не погнет меня. А ты, лишь только тронет
Зефир поверхность вод,

Нагнешься до земли; когда ж разинет рот
Ветр сильный на тебя, лишь губы он посунет
И хоть немножко дунет —
Падешь и ляжешь ты.
Ты образ слабости, ты образ суеты
И вид несовершенства;
Я — образ крепости, вид высшего блаженства».
Восстала буря; треск
И блеск
На горизонте,
И треволнение в просторном понте;
Внимают ветра крик
Дуброва и тростник.
Ветр бурный с лютым гневом
Дышит отверстым зевом,
Яряся, мчится с ревом
Сразиться с гордым древом;
Через тростник летит
И весь тростник мутит.
Трость пала.
Так сила ветрова на воздухе пропала,
А он на гордый Дуб жестокость устремил.
Дуб силен; но того сил ветра не имеет,
А гнуться не умеет;
Ударил ветр и Дуб тотчас переломил.
Крепчайша сила древо сшибла,
Дуб пал — и Дуб погиб, спесь пала — и погибла.
(1762)

38. ГОЛОВА И ЧЛЕНЫ

Член члену в обществе помога,
А общий труд ко счастью дорога.
Послушайте, какой был некогда совет!
Сказала Голова Желудку: «Ты, мой свет,
Изрядно работаешь:
Мы мучимся, а ты глотаешь.
Что мы ни накопим, стремишься ты прибрать,
И наши добычи стараешься сожрать.
Какой боярин ты, чтоб мы тебе служили?»
Все члены, весь совет Желудку извещал:

«Мы твердо положили,
Чтоб так, как ты живешь, и мы спокойно жили».
Но что последует? Желудок истощал
И в гроб пошел. А при его особе,
Увянув купно с ним, подобно как трава,
Все члены и сама безмозгла Голова
Покоятся во гробе.

(1762)

39. СВЕЧА

В великом польза, польза в малом,
И всё потребно, что ни есть;
Но разна польза, разна честь:
Солдат, не можешь ты равняться с генералом.
Свеча имела разговор,
Иль паче спор.
С кем? С Солнцем: что она толико ж белокура
И столько ж горяча.
О дерзкая Свеча!
Великая ты дура.
И Солнцу говорит: «Светло ты в день,
А я светла в ночную тень».
Гораздо менее в тебе, безумка, жиру,
И менее в тебе гораздо красоты;
Избушке светишь ты,
А Солнце светит миру.

(1762)

40. ПРОТИВУЕСТЕСТВЕННИК

Был некой человек;
Такого не было вранья под небесами,
И чудесами
Наполнил век.
Являлися ему гораздо часто черти.
Противестественник, как мы, подвержен смерти.
О, лютая печаль!
Скончался враль:
Ходил купаться,

Воды излишно почерпнул,
Хлебнул,
Стал пьян, заснул,
Не мог проспать.
То сведала жена
И в верх реки за мужем рыщет,
Повыше, где тонул, утопша мужа ищет,
И говорит она:
«Противу естества ему казались черти;
Река его несет, конечно, вверх по смерти».
(1762)

41. ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Кто притчи презирает
И пользы в них не зрит,
И ничего из них себе не избирает,
О людях таковых Федр это говорит.
Петух нашел Зерно жемчужно;
Оно ему не нужно.
Куда его девать?
На шею он его не хочет надевать.
Невеже Федр ума не умножает.
Невежа — ум, петух — жемчуг уничтожает.
(1762)

42. ДЕВКА

Вдруг девка на реке, мыв платье, зарыдала
И в тяжкой горести об этом рассуждала:
Как замужем родит иль сына, или дочь,
А что носила во утробе,
Увидит то во гробе. . .
Вообрази себе ты, девка, первую ночь!
Повеселее девка стала
И вдруг захохотала.
Не плачь, не хохочи, дружочек мой,
Да платье мой!
(1762)

43. ОСЛОВА КОЖА

Был осел, и всякий день
От хозяев был он бит; часто погоняли
Под беременем; за лень
Всякий час они ему палкою пеняли.
Умер сей несчастный зверь;
Окончал он бедну жизнь и труды несносны;
Успокоился теперь.
Но хозяева ему и по смерти зlostны;
И, не помня прежних ран,
Как бивали по спине, в голову и в рожу,
Продали на барабан
Доброго работника за работу кожу.
Пересекся век вотще,
Чтоб избавиться ослу палок и убоя;
И по смерти бьют еще
Часто палками его посреди покоя.
Отлучася суеты,
Если б чувствовал ты боль, в злой бы ввек
был доле;
Преблагополучен ты,
Что не чувствуешь, осел, ты побоев боле.
Всех минется тварей век:
Что родится, то живот смертью заключает;
Будь доволен, человек,
Что твои, конечно, смерть суеты скончает.
(1762)

44. ОБЕЗЬЯНА-СТИХОТВОРЕЦ

Пришла Каstialских вод напиться обезьяна,
Которые она Каstialскими звала,
И мыслила, сих вод напившись допьяна,
Что вместо Греции в Испании была.
И стала петь, Гомера подражая,
Величество своей души изображая.
Но как ей петь!
Высоки мысли ей удобно ли иметь?
К делам, которые она тогда гласила,
Мала сей твари сила.

Нет мыслей — за слова приняться надлежит.
Вселенная дрожит,
Во громы громы бьют, стремятся тучи в тучи,
Гиганты холмиков на небо мечут кучи,
Горам дает она толчки.
Зевес надел очки
И ноздри раздувает,
Зря пухлого певца,
И хочет истребить нещадно, до конца,
Пустых речей творца,
Который дерзостно героев воспевает.
Однако рассмотрев, что то не человек,
Но обезьяна горделива,
Смеясь говорил: «Не мнил во весь я век
Сему подобного сыскать на свете дива».

(1763)

45. БЛОХА

Блоха, подъявля гордо бровь,
Кровь барскую поносит,
На воеводство просит.
«Достойна я, — кричит, — во мне всё барска
кровь!»
Ответствовано ей: «На что там барска слава?
Потребен барский ум и барская расправа».

(1769)

46. ОСЬ И БЫК

В лесу воспитанная с негой,
Под тяжкой трется Ось телегой
И неподмазанна кричит;
А Бык, который то везет, везя, молчит.
Изображает Ось господчика мне нежна,
Который держит худо счет,
По-русски — мот;
А Бык — крестьянина прилежна.

Страдает от долгов обремененный мот,
А этого не вспомянет,
Что пахарь, изливая пот,
Трудится и тягло ему на карты тянет.
(1769)

47. САТИР И ГНУСНЫЕ ЛЮДИ

Сквозь темную пред оком тучу
Взгляни, читатель, ты
На светски суеты!
Увидишь общего дурачества ты кучу.
Однако для ради спокойства своего,
Пожалуй, никогда не шевели его;
Основана сия над страшным куча адом,
Наполнена различным гадом,
Покрыта ядом.
С великим пастухи в долине были стадом.
Когда?
Не думай, что тогда,
Когда для человека
Текли часы златого века;
Когда еще наук премудрость не ввела
И в свете истина без школ еще цвела;
Как не был чин еще достоинства свидетель,
Но добродетель.
И словом, я скажу вот это наконец:
Реченны пастухи вчера пасли овец.
По всякий день у них была тревога всяка:
Вздор, пьянство, шум и драка;
И словом, так
Из паства сделали они себе кабак:
Во глотку,
И в брюхо, и в бока
Наместо молока
Цедили водку,
И не жалел никто ни зуб, ни кулака,
Кабачный нектар сей имеючи лекарством,
А бешеную жизнь имел небесным царством.
От водки голова болит,
Но водка сердце веселит;

Молочное питье не диво,
Его хмельней и пиво;
Какое ж им питье и пить,
Коль водки не купить?
А деньги для чего иного им копить?
В лесу над долом сим Сатир жил очень близко,
И тварию он их презренною считал,
Что низки так они, живут koliko низко.
Всегда он видел их, всегда и хохотал,
Что нет ни чести тут, ни разума, ни мира.
Поймали пастухи Сатира
И бьют сего,
Без милосердия, невинна Демокрита.
Не видит помощи Сатир ни от кого.
Однако Пан пришел спасти Сатира бита.
Сатира отнял он, и говорит им Пан:
«За что поделали ему вы столько ран?
Напередки меньше пейте;
А что смеялся он, за то себя вы бейте.
А ты вперед, мой друг,
Ко наставлению не делай им услуг:
Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много».

(1769)

48. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

По мрачной нощи
Приятно воспевал на древе Соловей;
Еще прекраснее тогда казались рощи
От песни сей.
Ребята у дерев тут ветви отнимали,
Деревья свежие ломали
И песне Соловья нимало не внимали.
Кукушка говорит: «Ты пой или не пой,
Невнятен, Соловей, прохожим голос твой;
Такая песенка приятна не бывала.
А если я открою рот,
Так пенье в рощах сих пойдет наоборот».
Закуковала
И вопит на суку.

Ребята песню ту внимают
И прутья не ломают,
Да только лишь кричат за ней: «Ку-ку, ку-ку!»
Кукушке подражать нетрудно,
Она поет не чудно.
С пастушкой шел пастух,
И стали зажимать от хорной песни слух.
Потом и Соловей запел. Они внимают,
Увеселяя дух,
А те опять себе деревья тут ломают.
«Что, — спрашивал Кукушку Соловей, —
Не лучше ль песенка моя твоей?»
Достойной похвалы невежи не умалят;
А то не похвала, когда невежи хвалят.

(1769)

49. ОСЛИЩА И КОБЫЛА

Себя лъзя логикой и физикой ласкать,
И математикой, чтоб истину сыскать;
А инако не можно,
И заключение, конечно, будет ложно.
Четвертый способ был доныне прежде кнут,
Кто добрый человек, узнать, или кто плут.
Лишь только трудно,
Когда не врать,
О вкусе во вещах нам ясно разобрать.
А это чудно:
Ведь истина и тамо есть,
Хотя и нелегко там истину обрести.
Кобыла
Осла любила.
Какой к ослищу жар!
Ослище сух, и дряхл, и стар,
Изморщен, жиловат и мерзок,
Кричать ослиным зыком дерзок,
И недостоин был
Не только он кобыл,
Но ни болотная лягушки,
Не стоя ни полушки.
Спросили у нея,

Такого скарёда с чего любить ей сродно
И что в нем ей угодно?
Она ответствует на то: «В нем я
Всё вижу, что прельстить удобно нежны души:
Большие уши
И с фальбалою лоб,
Кабаньи зубы
И сини губы,
А паче, что Кашей мой пахнет будто клоп».
Читатель! чем гадка скотина, коя чахнет,
И роза чем клопа гораздо лучше пахнет?
(1769)

50. АРАП

Чье сердце злобно,
Того ничем исправить не удобно;
Нравоучением его не претворю:
Злодей, сатиру чтя, злодействие сугубит,
Дурная бабища ведь зеркала не любит.
Козицкий! Правду ли я это говорю?
Нельзя во злой душе злодействия убавить.
И так же критика несмысленным писцам
Толико нравится, как волк овцам;
Неможно автора безумного исправить;
Безумные чтецы им сверх того покров,
А авторство — неисходимый ров:
Так лучше б авторов несмысленных оставить.
Злодеи тшятся пусть на свете сем шалить,
А авторы себя мечтою веселить.
Был некто в бане мыть искусен и проворен;
Арапа сутки мыл — арап остался черен;
В другой день банщик тот арапа поволок
На поллок:
Арапа жарит,
А по-крестьянски-то — арапа парит
И черноту с него старается стереть.
Арап мой преет,
Арап потеет,
И кожа на арапе тлеет, —
Арапу черным жить и черным умереть!

Сатира, критика совсем подобны бане:
Когда кто вымаран, того в ней лъзя отмыть;
Кто черен родился, тому вовек так быть.
В злодее чести нет, ни разума в чурбане.

(1769)

51. ЧИНОЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ

Известно то, что многим
Чины давно вошли в оброк четвероногим.
Калигулы коню великое давно
Достоинство дано.
Однако не одни лошадки
Имели таковы припадки,
Но многие скоты
Носили без плодов почетные цветы.
Взмурзилась и Свинья, чтоб ей повеличаться
И чином отличаться:
За чин-де более всего на свете чтут,
Так точно, главное достоинство всё тут,
А без того была какая бы причина
Искать и добиваться чина?
Отказано Свинье; в ней кровь кипит,
Свинья свиньей храпит,
Свинья змеей шипит
И от досады той не ест, не пьет, не спит.
О чем Свинья хлопочет!
Какой-то философ то видит и хохочет,
И говорит он ей: «Безумная Свинья!
Скажи, голубушка моя,
К чему названия Свинья пустого хочет?»
Она отвечает ему:
«К тому,
Чтоб было сказано когда о мне в банкете,
Как я войду в чины:
„Превосходительной покушай ветчины“».
Он ей отвечивал: «Коль нет меня на свете,
На что мне чин, душа?
Свинина же притом не чином хороша».

(1769)

52. НЕПРЕОДОЛЕВАЕМАЯ ПРИРОДА

Не сыщешь рыбы в луже,
Колико во трудах прилежен ты ни будь
И целый год хотя ты в луже рыбу удь;
Не сыщешь никогда ты розы в зимней стуже,
 Ни мягкости во черством калаче,
 Ни жалости во пьяном палаче,
 Ни разума в безмозглom рифмаче.
Ворону говорить учил учитель:
Ворону сек и был вороний он мучитель,
И над наукою ворону он морит —
 Ворона ничего не говорит.
Не сделаешь вовек красавца из уроды,
Никто того не даст, чего не даст природа.

(1769)

53. РУЖЬЕ

Среди дни бела волк к овечушкам бежит.
Имел пастух ружье; вздремал, ружье лежит;
Так волк, озревшись, не очень и дрожит.
 Ружье его страшает
 И застрелити обещает.
А волк отвечает: «Гроза твоя мелка,
Ружье не действует, с ним нет когда стрелка.
Худая без него тобой овцам отрада», —
И, к лесу потащив овечушку из стада,
 Сказал наш волк: «Лес этот очень густ.
Так ежели меня, друзья, сыскать вам надо,
Так это буду я, стреляйте в этот куст».
Сокрылся волк; овца за труд ему награда.
А следующую речь я знаю наизуст:
Коль истины святой начальники не внемлют
И, беззаконников не наказуя, дремлют,
 На что закон?
Иль только для того, чтоб был написан он?

(1769)

54. КАЛИГУЛИНА ЛОШАДЬ

Калигула, любовь к лошадушке храня,
Поставил консулом Коня.
Безумну цесарю, и смрадному, маня,
Все чтут боярином сиятельна Коня,
Превосходительством высоким титулуют,
Как папу в туфлю, все лошадушку целуют.
В Сенате от Коня и ржание и вонь.
По преставлении Калигулы сей Конь,
Хотя высокого указом был он роду,
Не кажется уже патрицием народу,
И возит консул воду.
Невтон,
Не брав к почтению рецептами лекарства,
В почтеньи жил без барства,
В почтеньи умер он.

(1769)

55. ИСТИНА

Хотя весь свет
Изрыщешь,
Прямые истины не сыщешь,
Ее на свете нет:
Семь тысяч лет
Живет
Она высоко,
В таких местах, куда не долетает око,
Как быстро взор ни понеси,
А именно, живет она на небеси.
Так я тебе скажу об этом поученье.
О чем ты сетуешь напрасно, человек,
Что твой недолог век
И скоро наших тел со духом разлученье?
Коль свет наполнен суеты,
Так ясно видишь ты,
Что всё на свете сем — мечты,
А наша жизнь — не жизнь, но горесть и мученье.

(1769)

56. НАДЕЖДА

Надежда нашими сердцами обладает
И часто суетным весельем услаждает.
Надеюся иметь я тысячу рублей;
Однако столько же они в мошне моей,
Как те, которые в мошне моей лежали
И убежали.

Что было у меня и от меня ушло,
То стало не мое уж боле,

А что меня еще поныне не нашло,
Подобно не в моей же воле.

К чему ж мечтанье плестъ?

Что было,

То сплыло,

Что может быть, так то моим еще слыло:
Мое лишь только то, что есть.

(1769)

57. ПУЧОК ЛУЧИНЫ

Нельзя дивиться, что была
Под игом Росская держава
И долго паки не цвела,
Когда ее упала слава.

Ведь не было тогда
Сего великого в Европе царства,

И завсегда

Была вражда

У множества князей едина государства.

Я это в притче подтвержу,

Которую теперь скажу,

Что Россов та была падения причина.

Была пучком завязана лучина, —

Колико руки ни томить,

Нельзя пучка переломить;

Как Россы, так она рассыпалась подобно,
И стало изломать лучину всю удобно.

(1769)

58. ЗМЕЯ СОГРЕТАЯ

Змею мужик нашел: она гораздо дрябла,
Озябла.
Прикладывает он усердие свое
И отогрел ее.
Он думал, это так и сделать надлежало, —
Она в него вонзила жало,
И говорит она ему слова сии:
«Не согревай змеи».

59. ДЕРЕВЕНСКИЕ БАБЫ

Во всей деревне шум,
Нельзя собрати дум,
Мешается весь ум:
Шумят сердиты бабы.
Когда одна шумит,
Так кажется тогда, что будто гром гремит:
Известно, голоса сердитых баб не слабы.
Льет баба злобу всю, сердитая, до дна,
Несносно слышати, когда шумит одна.
В деревне слышится везде Ксантиппа древня,
И зашумела вся от лютых баб деревня;
Вселенную хотят потрясть.
О чем они кричат? — Прискучилось им прясть,
Со пряжей неразлучно
В углу сидети скучно
И в скуке завсегда за гребнем воздыхать.
Хотят они пахать.
Иль труд такой одним мужчинам только сроден?
А в поле воздух чист, приятен и свободен.
«Не нравно, — говорят. — всегда здесь быть:
Сиди,
Пряди
И только на углы избы своей гляди.
Пряди и муж, когда сей труд ему угоден».
Мужья прядут,
А бабы все пахать и сеяти идут.

Бесплодны нивы, будто тины,
И пляшет худо вертено:
В сей год деревне не дано
Ни хлеба, ни холстины.

60. ВОЛОСОК

В любви некогда не знаю кто горит,
И никакого он взаимства в ней не зрит.
Он суетно во страсти тает,
Но Дух к нему какой-то прилетает
И хочет участи его переменить,
А именно, к нему любезную склонить,
И сердцем, а не только взором,
Да только лишь со договором,
Чтоб он им вечно обладал.
Детина на это рукописанье дал.
Установилась дружба
И с обеих сторон определенна служба:
Детину Дух контрактом обуздал
Нерасходимо жить в одной и дружно шайке;
Но чтоб он перед ним любовны песни пел
И музыкальный труд терпел,
А Дух бы, быв при нем, играл на балалайке.
Сей Дух любил
Забаву
И любочестен был,
Являть хотел ему свою вседневно славу:
Давались бы всяк день исполнить дела,
Где б хитрость видима была.
Коль дела тот не даст, а сей не исполняет,
Преступника контракт без справок обвиняет.
Доставил Дух любовницу ему,
Отверз ему пути Дух хитрый ко всему.
Женился молодец; богатства в доме тучи
И денег кучи.
Однако он не мог труда сего терпеть,
Чтоб каждый день пред Духом песни петь;
А Дух хлопочет
И без комиссии вон выйти не хочет,

Богатством полон дом, покой во стороне.

Сказал детина то жене:

«Нельзя мне дней моих между блаженных числить;

От песен не могу ни есть, ни пить, ни мыслить,

И сон уже бежит, голубушка, от глаз:

Что я ни прикажу, исполнит Дух тотчас».

Жена отвечает: «Освободишься мною,

Освободишься ты, душа моя, женою,

И скажешь ты тогда, что я тебя спасла».

Какой-то волосок супругу принесла,

Сказала: «Я взяла сей волос тамо;

Скажи, чтоб вытянул Дух этот волос прямо.

Скажи ты Духу: «Сей ты волос прими;

Он корчится, так ты его спрями!»

И оставайся с сим ответом,

Что я не ведаю об этом».

Но снят ли волос тот с арапской головы?

Не знаю. Знаете ль, читатели, то вы?

Отколь она взяла, я это промолчу;

Тому причина та: сказать не хочу.

Дознайся сам, читатель!

Я скромности всегда был крайний почитатель.

Пошел работать Дух и думает: «Не крут

Такой мне труд».

Вытягивал его, мя, прям он быти станет,

Однако тщетно тянет.

Почувствовал он то, что этот труд высок;

Другую он себя работою натужил,

Мыл мылом и утюжил,

Но не спрямляется нимало волосок.

Взял тяжкий молоток,

Молотит,

Колотит

И хочет из него он выжать сок.

Однако волосок

Остался так, как был он прежде.

Дух дал поклон своей надежде,

Разорвался контракт его от волоска.

Подобно так и я стихи чужие правил,

Потел, потел и их, помучився, оставил.

61. ГОРШКИ

Себя увеселять
Пошел гулять
Со глиняным горшком горшок железный;
Он был ему знаком и друг ему любезный.
В бока друг друга — стук!
Лишь только слышен звук,
И искры от горшка железного блистались;
А тот недолго мог идти,
И более его нельзя уже найти —
Лишь только на пути
Едины черепки остались.
Покорствуя своей судьбе,
Имей сообщество ты с равными себе.

62. ЕДИНОВЛАСТИЕ

Единовластие прехвально,
А многовластие нахально.
Я это предложу
Во басенке, которую скажу.
При множестве хвостов, таская их повсюду,
Стоглавый был дракон —
Согласья не было законов ниоткуда:
Глава главе тьму делает препон;
Хвосты. . . лежат они ни в избу и ни вон,
Лежат они, куда занес дракона сон.
При множестве хвостов, подобно как и он,
Единоглавый был дракон —
Согласен был закон.
Я крепко в том стояти буду,
Что счастья
И праведного там не может быть указа
Между людей,
Где равных множество владеющих судей;
Где много мамушек, так там дитя без глаза.
Не о невольниках я это говорю,
Но лишь о подданных во вольности царю.

63. НЕДОСТАТОК ВРЕМЕНИ

Жив праздности в уделе,
И в день ни во един
Не упражнялся в деле
Какой-то молодой и глупый господин.
Гораздо, кажется, там качества упруги,
Где нет отечеству ни малые услуги.
На что родится человек,
Когда проводит он во тунеядстве век?
Он член ли общества? Моя на это справка,
Внесенная во протокол:
Не член он тела — бородавка,
Не древо в роще он, не иссушенный кол;
Не человек, но вол,
Которого не жарят,
И бог то ведаёт, за что его боярят.
Мне мнится, без причин
К таким прилог и чин.
Могу ль я чтить уroda,
Которого природа
Произвела ослом?
Не знаю, для чего щадит таких и гром.
Такой и мыслию до дел не достигает,
Единой праздности он друг;
Но ту свою вину на время возлагает;
Он только говорит: «Сегодня недосуг».
А что ему дела во тунеядстве — бремя,
На время он вину кладет,
Болтая: времени ему ко делу нет.
Пришло к нему часу в десятом Время.
Он спит,
Храпит;
Приему Время не находит
И прочь отходит.
В одиннадцать часов пьет чай, табак курит
И ничего не говорит.
Так Времени его способный час неведом.
В двенадцать он часов пирует за обедом;
Потом он спит,
Опять храпит;
А под вечер болван он, сидя, убирает,

Не мысли, волосы приводит в лад,
И в сонмищи публичны едет гад,
И после в карты проиграет.
Несчастлив этот град,
Где всякий день почти и клоб и маскарад.

А. И. Дубровский

64. ВОРОН, ХОТЯЩИЙ ОРЛУ ПОСЛЕДОВАТЬ

Как Ворон на лету голодный усмотрел
Ягненка, что унес у пастуха Орел,
Такое ж учинить он дело не сумнилсЯ,
Хоть меньше сил имел, но жадностью сравнилсЯ.
Он к стаду полетел в надежде несомненной,
Что прилетит назад с добычей вожаденной.
Приметив, что баран пасетсЯ тучный там,
Кой в жертву посвящен давно уже богам,
Доброюю его пленился чрезвычайно
И, льстясЯ, говорил такие речи тайно:
«О, как воспитан ты среди зеленых трав!
Какой кус для меня!» И бросился стремглав.
КазалсЯ равен быть Орлу и в самом деле,
Но сколь пред сыром был баран ему тяжеле!
Запутавшись в его сгустившуюсЯ шерсть,
Не мог ногтей своих удержанных разверзть.
Пастух его схватил веселою рукою
И в клетку засадил, чтоб детям был игрою.

Кто, не изведав сил, стремится ко всему,
Подобен должен быть тот Ворону сему.

(1755)

65. ЛЕВ И КОМАР

Как некогда Комар обижен был от Льва,
Что говорил ему поносные слова,
Немедленно восстал за честь свою и славу,
Сказал: «Бранишь меня ты по какому праву?»

Иль мнишь, что страшен мне, как подданным твоим?
Однако не страшусь я именем одним.
Ты покажи себя на деле предо мною».
Проговоря сие, Льва вызывает к бою,
К сраженью знак дает пронзительной трубой,
Вдруг барабанщик был, вдруг флейтщик и герой.
Сначала строем стал, вдруг Льву влетел на шею
И столько наложил язв палицей своею,
Что учинилась в нем ужасна перемена:
В глазах горел огонь, в устах кипела пена;
Рыкает и во всех скрывается местах,
Вокруг его крик, стон, трясение и страх.
Но недоволен тем Комар был раздраженный,
Лев в тысяче местах еще был уязвленный.
Ревел и сам себя в неистовстве терзал,
Рвал острыми когтями и в немощи упал.
Какое торжество тут поднял победитель!
Везде был сам своей победы объявитель.
Старался слуху всех то правило внушить,
Что малые могут сильнейших повредить.

(1755)

М. М. Херасков

66. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк костью подавился.
Не знал он, что начать;
А Волку докторов, конечно, негде взять.
У нас бы доктор тем весьма обогатился,
Когда б из горла кость случилось доставать;
Но звери не лечатся,
То, следственно, врачи от них не богатыся.
Из горла кость нейдет,
Волк бедный смерти ждет.
«Умру, — он говорит, — умру необходимо».
По счастью его, Журавль тогда шел мимо.
Волк жизнь уже кончал,
Насилу проворчал,

Чтобы Журавль его при нужде не оставил,
От смерти чтоб избавил.
Журавль не доктор был,
Но прибыль он любил;
Хотел о плате с ним сперва договориться.
Волк обещал на всё, что хочет, согласиться,
Лишь только б носом он
Кость вынул вон.
Звериному врачу то стало вдруг утешно.
Употребил к тому не капли и не масть,
Но всунутую шею в пасть;
Кость вытащил поспешно.
Лишь опыт своего искусства учинил,
То платы запросил.
Волк, больше смерти не бояся,
Сказал ему смеясь:
«И тем бы ты, мой друг, уже доволен был,
Что головы тебе совсем не откусил».

(1756)

67. БАСНЯ

Народы разные живут здесь на земли;
В одном что городе безделкой почитают,
В другом за чудо признавают.
Так некуда впервой павлина привезли.
Как будто к барину большому на поклон,
Павлина посмотреть бегут со всех сторон.
Павлин любит, павлин собой гордится;
Хоть был при всей красе он так, как птица,
прост,
Но все к кому бегут, в том скоро спесь родится:
Павлин,
Как господин,
Вверх поднял голову и распустил свой хвост.
Все вдруг возопияли,
Павлина расхвалили,
Небесной птицею павлина называли.
Павлин за похвалы благодарить хотел:
Расширися еще, по-свойски он запел.
Но, ах! несчастье! услыша ту музыку,

Смех воздали ему за множество похвал,
И от несносного все разбежались крику.
Павлин! ты голосом нелепым потерял,
Что перьями достал.

Пример спесивого павлин сей господина,
Который на себя приемлет гордый вид:
Дивятся все ему и хвалят, как павлина,
Но, ум его узнав, ему наносят стыд.

⟨1760⟩

68. МУХА И ОГОНЬ

Когда горит огонь,
Тогда его не тронь.
Но тварь не всякая опасность ту приметит,
И муха иногда летит туда, где светит.
Я самовидец был,
Огонь как погубил
Летящу прямо к свету
Безумную тварь эту.
Подобясь скотам,
И люди иногда сетей не примечают
И счастья ищут там,
Где, ложный видя свет, несчастье встречают.
Огонь сиянием прельщает часто мух;
Находка ложная так смертных род прельщает
И человеческий к пременам склонный дух
К погибели его нередко обращает.

⟨1761⟩

69. ЖИВОПИСЕЦ И САПОЖНИК

Давно пословица на свете сем твердится,
Что всякий ведай то, кто в свет к чему родится.
Умеют стряпчие безделье говорить,
А доктора людей морить,
Портные красть сукно и шить кафтаны,
Купцы искусны на обманы, —
Кто в свете сделан для чего,
Так дело то его.

Однако, сей закон пренебрегая смело,
Мешаются в чужое дело;
И с петиметром спор заводит философ,
Что будто он чесать не смыслит волосов,
Как тайну эту
Открыло естество всему учену свету.
Другой, не доучась и по складам читать,
Разумные дела стремится просвистать
И цену у того пред всеми отнимает,
Чего не понимает.
В каком-то городе, а точно где, забыл,
Искусный живописец был;
Художник был разумен
И честолюбием не шумен.
Он мастерство свое на рынок вывозил
И слушал: если кто о деле худо скажет,
Так он погрешности замажет.
Героя наконец письмом изобразил.
Сапожник, мимо шед, глаза свои уставил
(Не всё таскаются по рынку простяки)
И говорит: «Куда как кривы башмаки!»
Кривые башмаки наш мастер переправил
И выставил опять картину напоказ.
Сапожник и в другой приходит раз;
Он думает надежно,
Что всё уж от его поправки неизбежно.
И говорит ему: «Совсем теперь герой;
Да в платье худ покрой».
Но мастер, будучи в том мнения иного,
Сказал: «Приятель мой,
Для этой критики пришли ко мне портного,
А ты ступай домой».

(1761)

70. МАРТЫШКА ВО ДВОРЯНАХ

С полфунта накопя умишка,
Разумной сделалась Мартышка
И стала сильно врать;
А этим возгордясь, и морду кверху драть.

Но разве для глухого
Казалась речь умна оратора такого.
Оратор этот врал,
А сверх того и крал.
И так он сделался из зверя дворянином,
Пожалован был чином.
В дворяне, господа, Мартышку занесло,
Так, следственно, у ней и спеси приросло.
Поймала счастье в руки,
На что уж ей науки?
Мартышка дворянин, как ты ее ни весь,
Обыкновенный герб таких героев — спесь.
Но, благородный став из подлости, детина
Сквозь благородие всем кажется скотина.
(1761)

71. ТРУБА И СВИРЕЛКА

Природою своей ужасна и груба
Военная Труба;
В надменности она Свирелку презирает,
Гремящий голос свой и силы собирает
И так она гремит:
«Одно блистание мое тебя затмит;
Отважишься ль со мной равняться, пищалка,
Ты — выдолбленна палка?
Настрою только глас,
То войско целое собирается тотчас.
И не завидуешь моей ты славной доле?»
Читатель, этот спор восстал в каком-то поле.
Труба моя шумит,
Труба моя гремит;
И сердце бы могла воспламенить героико,
Но в поле не было сражения тогда,
А были пастухи; подумали, что войско
Вблизи от них стоит; бегут, забыв стада.
Которую Труба Свирелку презирала,
В ответ на шум ее Свирелка заиграла.
Ее приятный глас
По рощам и горам разносится тотчас.
Пастушек пастухи в поля к стадам выводят;

Как будто на небо вечерни звезды всходят,
Так жители полей, украшены, в цветах,
Являться начали при пастве и стадах,
И скоро начались веселий разных роды:
Гулячки, жмурки, караводы.

Что на это сказать?
Кто правее из них, не смышлю доказать,
И важное равнять осмелюсь ли с безделкой?
Читатель, разбирай ты сам Трубу с Свирелкой.
(1764)

72. ЧЕЛОВЕК И ХОМЯК

Наспавшись в норе, Хомяк окончил сон,
А только полгода изволил выспать он.
«Не стыдно ль засыпаться, —
Увидев Хомяка, вещает Человек, —
И, сокращая век,
В норе своей валяться?»
Хомяк отвечал насмешке таковой:
«О, бедный Человек! живот скучнее твой.
Я лучше проводить хочу во сне полвека,
Чем, следуя тебе,
Полвека проводить в безделках и в гульбе
И в свете представлять скота, не человека».
(1764)

73. СТАРЫЙ ЛЕВ

Свирепый самый Лев,
Которого зверям бывал опасен гнев,
Пришел в глубокую старость:
Простыла кровь, простыла ярость,
От слабости дрожит,
Вздыхает и лежит.
Оставлен ближними, обижен был слугами:
Иной — копытами, иной его — рогами;

А паче оттого и память Лев губил,
Что и Осел его копытами убил.

Досады хуже нет, и нет вреда такова,
Нет злобы скаредней, как злоба дуракова;
И нет плачевнее судьбины таковой,
Когда тебя в напасти,
Кто взыскан был тобой, приводит к злейшей части,
Забудут ближние и друг оставит твой.

(1764)

74. ЦВЕТНИК

Без пользы время тот намерен проводить,
Кто всем желает угодить;
Колико видом мы своим разнообразны,
Толико вкусы разны;
А если бы могли проникнуть в сердца,
То их различия не зрели бы конца.
Что нравно одному, другому то постыло;
Один гнушается, другого что прельстило,
И я дивлюсь чему,
Безделкой мнится то соседу моему.
Что так различен свет,
Причина: двух вещей на свете равных нет.
Далёко я всегда от басни убегаю,
Нравоучения когда я прилагаю;
Окончу их теперь началом сей строки.
Садовник негде был и делал цветники,
Которы красила приятностью Аврора
И оживляла Флора;
Зефиры нежные всегда играли там
И крылышки свои пускали по цветам.
Такие цветники собираются увидеть;
Но всяк хорошее старается обидеть,
И если вещь своей сияет красотой,
Нередко пагубной мрачится клеветой.
Пришед ко цветнику, иной порочит угол;
Другой сказал: «Цветник хорош, но только кругол»;
Иной кричит: «Я здесь не вижу красоты,
И этот плох цветник: в нем мало пестроты»;

Другому гадко то, чему один дивится.
Один цветник для глаз
И в самый тот же час
Хорошим и дурным явится:
Тот хвалит в нем узор,
У тех различие цветов прельщает взор,
Где угол, там иной полкруга видеть хочет,
И всякий тут хлопочет.
Садовник сколько ни молчал,
Но из терпения он вышел и вскричал:
«Не знаю, сделан ли цветник мой неисправно,
Но я дивлюсь тому:
Что нравно одному,
Другому то не нравно.
А я, не будучи в своем искусстве трус,
Скажу: цветник хорош, да ваш различен вкус».

Подобно так стихи от критик неизбежны:
Тот хулит важну мысль, тот хулит мысли нежны,
Тот хвалит пышный слог, тот слога красоту,
Тот погруженную во притчах простоту,
Тому плачевное пиши, тому забавно, —
Какой ни возьмем путь,
Но будет что-нибудь
Трудов моих чтецам постыло или нравно.

{1764}

75. КОМАР

Летающий Комар во уши всем журчал,
И многим он своим журчаньем докучал.
Встречаем комаров таких же и в народе,
Которы льнут к ушам
И шепчут нам
О свадьбах, о вестях — журчанье это в моде.
Свалит лишь только жар,
Летает мой Комар
По рощам, по гуляньям,
По балам, по собраньям
И носится, как ветер,
Иль песни страстные поющий петиметр,

Иль тварь иного роду,
 Которья язык
 Во век свой не дает в покое жить народу, —
 Зловредный клеветник.
 Когда бы мы язык комарий разумели,
 То, чаю, бы вестей с три короба имели.
 По рощам и полям,
 Ямышлю, нам
 Комар вот это трубит:
 Вот этот эту любит,
 Та с тем была вчера,
 А этот в шашки
 Недавно прошахал деревни до рубашки, —
 Мы слышали бы то от Комара.
 Безделки от вралей такие ж люди слышат,
 Когда клеветники во уши нам поют:
 Как люди говорят, и кашляют, и дышат,
 Где банки делают, где любятся, где пьют.
 Комар в собраниях своим языком волен;
 Однако не был он музыкою доволен,
 Людей он стал кусать
 И кровь из них сосать.
 Сносить от тварей боль, так то против рассудка!
 Когда кусают нас, какая это шутка?
 И некто Комару обиды не спустил,
 И, дав ему щелчка, нахальство отомстил.
 Что гнусен клеветник, так то пример не новый,
 Но бойся, злой язык, судьбины Комаровой,
 (1764)

76. КАРТИНА И РАМЫ

Не знаю, кто купил маранье древних лет,
 Повесил на стене — и в рамах золоченых;
 Нередко отдают в богатый переплет
 Негодные труды людей полуученых.
 Висящая картинка на стене
 Чего не зрела и во сне,
 Так это ныне видит;

Такая тварь других скорей всегда обидит,
Примеров на это найдется миллион.
 Та, скинув балахон,
И в силу общего посадских жен устава,
В роброндах парчевых гордится, будто пава,
 И кверху нос дерет,
Увидя в зеркале богатый свой портрет.
Картина так моя, как будто эти дамы,
Гордилась, впяляся в золоченые рамы,
 И наущеньем сатаны
 Себе не ставит и цены.
Такая смертных часть: кто к подлости поближе,
 Других умом пониже,
Те мыслят о себе гораздо выше мер.
 Картинка в том пример.
 Но сколько ни гордится,
А спесь безумная когда-нибудь отмстится, —
 Лишилася картина рам.
 Теперь скажи ты нам,
Где прелести твои, где прежнее убранство?
За рамами ушли все пышности и чванство,
Прости сияние, прости и красота!
Картинка ты еще, но ах! совсем не та.

Так часто рок людей в их свойствах обнажает,
Когда отнимется то, что их окружает.

(1764)

В. И. Майков

77. ВОР

Мужик был плут,
Украл у палача
 Ременный кнут.
 Его поймали;
 Не волоча,
 То дело окончали;
 Но как он был введен в приказ,
Так множество нашлось его тогда проказ:

Он деньги у людей,
В церквах он крал иконы,
А ныне таковы законы:
Таких людей
Выводят, будто змей.
Сей кнут, что вор украл, ему же пригодился:
Он питан тем кнутом;
Потом
И жизни вор лишился.

Но сила басни в том:
Когда по истине дела вершиться станут,
Так воровать навек злодеи перестанут.

(1766)

78. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ О ЦАРЕ

Лягушки некогда Юпитера просили,
Чтоб дал он им Царя;
А просьбу вот они какую приносили
Правителю небес, со плачем говоря:
«Живем мы своевольно;
Неправд у нас довольно,
У нас
На всякий час
Друг дружку ненавидят,
Бессильных сильные обидят,
А сильный сильного считает за врага,
И кто кого смога,
Так тот того в рога;
И, словом, всё у нас наполнилось сим ядом,
Мы стали фурии, болото стало адом».
Зевес
Услышал просьбу их с небес
И ко просящему народу
Отрубок древа бросил в воду,
Сказав: «Вот, бедна тварь,
Вам дался Царь».
Чурбан от высоты упал и сделал волны;
Лягушки, радости и страха полны,

С почтеньем на владыку зрят
И тако говорят:
«Теперь дадутся нам полезные законы,
Восстановятся здесь правдивые суды,
И не останется вдовы без обороны, —
Все, словом, кончатся у нас теперь беды».
И, в ожидании сего повсеминутном,
Лягушки много дней сидели в блате мутном,
Не выходя на свет.
Но всё у них равно: Царя как будто нет.
Потом Лягушек миллионы
Восстали и Царю все делали поклоны.
Перед Царем тварь бедная дрожит,
А Царь лежит,
Поклонов их не примечает
И ни словечушка на речь не отвечает,
Которую ему Лягушки говорят.
Лягушки это зрят
И думают, что их владетель горд безмерно;
Однако ж служат все Царю нелицемерно;
Притом
Жалеют лишь о том —
Угодна ли Царю лягушечья услуга,
И вопрошают все друг друга,
Ко уху говоря:
«Знать, Царь не ведает лягушечья языка;
Повеселим Царя,
У нас изрядная вокальная музыка».
Запели все: одна кричит,
Другая тут ворчит,
А третья клекочет,
Четвертая хохочет,
Иная дребезжит;
Но Царь лежит,
Музыки их не внемлет
И головы, как мертвый, не подымлет.
Лягушки целый день кричали: «Крак, крак, крак!»
Конечно, Царь наш почивает».
А Царь и не дышит, и не зевает.
Сказали наконец: «Владетель наш дурак
И ничего не знает;
К себе нас не зовет и прочь не отгоняет.

Приступим мы к нему —
 Учить его уму».

Но что за чудеса! Лишь ближе подошли —
 Чурбан, а не царя в Царе своем нашли;
 В противность всей природе,
 Опять друг дружку бьют.

Восстал опять мятеж в лягушечьем народе,
 Опять бессильные на небо вопиют:
 «Умилосердися, Юпитер, над рабами!
 Смягчися нашими мольбами!
 Воззри на бедну тварь!
 Какой тобою дан нам Царь?
 Он наших бед не ощущает,
 Обидимых не защищает.
 Пошли ты нам Царя,
 Который бы, на бедства наши зря,
 И царство управлял, как кормщик правит судно».

Юпитеру нетрудно
 Спокоить тварь:
 Послал Аиста к ним, и стал Аист их царь.
 Приняв престол, Аист Лягушек всех считает,
 Обидчиков хватает
 И их глотает.
 Аисту царску честь
 Даюť бессильные Лягушки,
 Что им истреблены обидчиков всех душики;
 А Царь их всякий день не может, чтоб не есть.
 Так не осталось в болоте ни лягушки.

(1766)

79. НЕРОНУ ОСТРЫЙ ОТВЕТ ДВОРЯНИНА, ПРИЕХАВШЕГО В РИМ

Насмешка вредная бывает иногда
 Причиной самому насмешнику вреда.
 Ко Нерону один представлен был детина,
 Похожий на него и ростом, и лицом;
 А Нерон всем была известная скотина,
 Он матерью своей ругался и отцом.
 С насмешкой сей тиран детину вопрошает:
 «Скажи, пожалуй, мне всю правду, молодец,

Бывала ль в Риме мать твоя, как мой отец
Владел престолом сим?» Дитина отвечает:
«Как Клавдии носил порфиру и венец,
Тогда в Рим мать моя не ездила ни разу,
А только многажды по цесарску указу
Приезживал сюда покойный мой отец».

(1766)

80. ГОЛОВА И НОГИ

Средь склизкия дороги
Расспорилися Ноги
И упрекались, так друг другу говоря:
«Ты б, свет мой, без меня ни разу не ступила,
Когда бы я себя к земле не прилепила». —
И тако идет пря.
Но как они Главу имели за царя,
То спор свой разрешить судом ее хотели,
И тотчас их слова во уши прилетели.
Сей умный царь их спор сим словом развязал:
И повелительно обеим им сказал:
«Вы так сотворены премудрою судьбою,
Чтоб жить в согласии вам век между собою.
То если кончится согласие меж вас,
Мне будет вред и вам». Они, сей слыша глас,
Пошли, дорогою друг друга сберегая,
И так дошли они дороги склизкой края.

Баснь учит быть судьбе послушным нам всегда,
И тако мы свой век пробудем без вреда.

(1766)

81. РОЗА И ЗМЕЯ

Как некогда Змея так Розе говорила:
«Натура нас с тобой подобных сотворила:
Ты жалишься, как я».
Тогда в ответе речь была Змее сия:
«Злохитрая Змея,
Напрасно ты себя ко мне приткнула боком
И хочешь замарать меня своим пороком:

Я жалю только тех,
Которые меня с невежеством ломают,
А ты, хотя тебя и вечно не замают,
Ты жалишь всех».

Читатель мой, внимли, что пела лира:
Змея — преподлая, а Роза — умная сатира.
(1766)

82. СУД КАРТИНЕ

Один то так, другой то иначе толкует,
И всякий по своей всё мысли критикует.
Льву вздумалось себе Венеру написать,
А дело рассудил Мартышке приказать.
Призвав ее к себе, и тако ей вешает:
«Мартышка, знаю я, что зверь искусный ты;
Примись и сделай мне богиню красоты,
Изобрази ее всех прелестей черты».
Мартышка дело всё исполнить обещает,
Пошла домой исполнить Львов приказ.
Ей дочь была своя красавица для глаз;
«Довольно, — говорит, — мне будет для примеру
Намалевать с нее прекрасную Венеру».

И написала в точь
Свою Мартышка дочь.
«Вот, — с радости кричит, — для удовольствия
Львова

Красавица готова!»
И тако своего Мартышка ремесла
Картину принесла.
Лев, зря картину живу:
«Но только, — говорит, — прибавить должно
гриву,

Которая б во всем подобилась моей,
Тогда-то должно честь отдать картине сей».
Мартышка говорит: «То было бы безбожно,
Когда Венерин лик похулить здесь возможно;
Она точь-в-точь

Похожа на мою большую дочь,
Которая, скажу, красавица, я прямо».
Но Лев стоит упрямо.

«Пожалуй, — говорит, — сей мысли не порочь,
Которой никогда не думаю оставить;
Конечно, надобно, чтоб гриву к ней приставить».

И тако идет спор.

Но Лев решить тем сей вздумал разговор:

Собрать зверей и всю скотину

Судить картину.

Мартышка идет в суд

И мнит, что честь ее картине отдадут;

Так думала Мартышка.

Пришла всех прежде Мышка:

«Прекрасно, — говорит, — лицо ее и рост,
Да только надлежит прибавить ей мой хвост,
Тогда совсем она красавица явится».

Пришел тут Слон и, зря, дивится:

«Куда, — он говорит, — развратен ныне свет!

У сей красавицы и хобота уж нет».

Верблюд сказал: «Когда б моя спина и ноги,
То прямо бы она красавица была».

Оленю речь была верблюжья не мила:

«Когда бы, — говорит, — мои ей только роги;

Да можно ль, чтоб когда без рог могли быть боги?»

Тут Бык сказал: «Тогда б хорошей лъзя назвать,

Когда бы роги ей мои прималевать», —

И в том стоял упрямо.

Но Вепрь заговорил: «Не знаете вы прямо

Прямого хорошства, итак, вы — дураки;

Ей надобно мои клыки».

Потом пришел Осел к написанной картине:

Не полюбила и сей она скотине;

Он прочих мнение опроверг

И говорит: «Поверх

Сея прекрасной туши

Когда бы написаť мои большие уши,

Тогда б сказал и я,

Что прямо хороша красавица сия».

Козел восстал против зверей и всей скотины,

Когда пришла ему промолвить череда:

«Ко украшению прекрасной сей картины,

Конечно, надобна, — сказал он, — борода».

Крот выполз из норы, сказав: «Хоть я не вижу,

Однако ж думаю, что я вас не обижу,
Когда скажу теперь полезное для вас:
По мненью моему, быть должно ей без глаз».
Противу сих речей тут все взнегодовали,
Невежею Крота и глупым называли;
Однако же Крота хотя всяк глупым звал,
Но мненья своего никто не отставал.
Тогда Мартышка Льву и всем зверям пеняла,
А мненья и она того не отменяла,
Что точно ею Львов исполнен был приказ
И что она должна всем нравиться для глаз:
«А если вашего держаться мне примеру,
Так должно написать прегнусную химеру,
А не Венеру»,
(1767)

83. ЛИСИЦА И БОБР

Лисица некогда к Юпитеру ходила
И, идучи оттоль, сошлася со Бобром.
«Куда, — спросил Лису Бобр, — кумушка бродила?»
— «Ходила я туда, отколь к нам мещут гром,
И множество с собой я весточек имею, —
Лисица в гордости рассказывала так. —
То ведает не всяк,
Что ныне я, сошед с Олимпа, разумею.
Теперь
Не всякий по земли скитаться будет зверь.
Там вышло повеленье,
И так угодно небесам,
А то определенье
Скрепил Юпитер сам:
Вол с зайцем будут в поле;
Баран, конь, бык и пес
Останутся в неволе;
Медведям, тиграм, львам дремучий отдан лес;
В степях отныне жить слонам дано великим;
Стремнины, горы, рвы — козам, баранам диким;
Болота отданы в дом вечно кабанам;
Бобрам в реках со выдрами вселиться,
А прочее во власть оставлено всё нам».

— «Но человеку чем осталось веселиться?» —

Лисицу Бобр спросил.

«Сию Юпитер тварь всего того лишил
И не дал нашего проворства ей, ни сил;
Единое ему в утеху он оставил,
Чтоб больше нашего умом своим он правил.

И только, кум,

Для человека лишь один оставлен ум.
Какая для него оставлена безделка!»

Но Бобр Лисе в ответ:

«Ах, кумушка, мой свет,
Худая будет нам со человеком сделка,
И дар сей кончится, конечно, не добром.
Не осердись, что я слова промолвлю грубы:
Он будет лисьи шубы
Опушивать бобром».

Читатели, и вы, мною, скажете здесь то же,
Что качество души — телесных сил дороже.

(1767)

84. ПЧЕЛА И ЗМЕЯ

Перед пришествием прохладныя Авроры
Зефир свой аромат на воздух разольет
И оросит власы возлюбленныя Флоры;
Тогда Пчела с цветов сладчайши соки пьет;
Тогда же и Змея цветочки посещает
И соки, как Пчела, на жало истощает,
Которы станут мед на жале у Пчелы,
А у Змеи они ж вредительны и злы.

Баснь эта коротка, читателям не скучит;
Я в ней сказал, что нас писанье разное учит:
С которых книг один полезное сберет,
Другой с того ж письма собирает только вред,
Которым после он себя и прочих мучит.

(1767)

85. ДУБ И МЫШЬ

На хóлме превысоком
Матерый Дуб стоял,
Едва его кто оком
Вершины доставал.
Борей вокруг толста древа
Летает и ревет,
Но наглостию зева
Ни ветки не сорвет.
Дуб горд, велик, надежен,
Толст, крепок и широк. . .
Но к сильным так же смежен,
Как и ко слабым рок.
На верх холма высока вскарабкалася Мышь
И корни подглодала.
Где, Дуб, твоя краса? Она уже увяла,
И ты, скатясь на низ, поверженный лежишь.

Вы, гордостью надуты
Имев свои сердца,
Помыслите минуты
Толь лютого конца,
Которым свержен Дуб:
Так время острый зуб
Подобно вашу жизнь, как Мышка, подъедает,
А рок на свете всем и вами обладает.
(1767)

86. СОЛНЦЕ И ЛУНА

Так Солнце некогда распорилось с Луною:
«Не можешь, — говорит, — равняться ты со мною:
Я только что с одра Фетидина вскочу,
Все звезды омрачу,
И ты передо мной бледнеешь,
Сиянью моему противиться не смеешь;
Один останусь я
На целом свете».
На то речь от Луны сия
Была в ответе:

«Великий господин,
 Иль в том ты своему блаженству быти чаешь,
 Что ты меня собой и звезды помрачаешь
 И светишься один?
 А я хожу в странах небесных,
 Нимало не мрача
 Сиянья звезд прелестных,
 Сама меж их блещу, как ясная свеча».

О вы, которые имеете ум здравый,
 Внемлите басне сей!
 Возможно ль тихую жизнь равнять с блестящей
 славой,
 В которой никогда нельзя иметь друзей?

(1767)

А. А. Ржевский

87. СМИРЕННАЯ ВДОВА

Что, видя мы в других, пересмеем,
 То ж сами делая, себя мы извиняем.
 Пороков мы своих
 Не видим, как чужих.
 Кто глазом крив, того приметить всем удобно;
 А кто душою крив, приметить неспособно.
 Смеялась всем вдовам смиренная вдова,
 Что идут за других, мужей своих лишая,
 И говорила так: «Нет, я не такова,
 С своим я мужем разлучая,
 Вовеки не хочу второй принять брак».

То сама истина, да только лишь не так:
 Не для того вступить она в брак не желала,
 Чтоб верность к первому супругу сохраняла,
 А для того, что был любовник уж у ней,
 Но прежде, как в нее влюбился,
 Он на другой женился,
 И выйти за него неможно было ей.

(1761)

88. ДУБ И ВЕТЕР

На хóлме превысоком
Великий Дуб стоял,
Превозносясь над роком,
Он вихри презирал.
Далёко простирался
Обширностью корней
И ветров не боялся
Он в гордости своей.
Надежда обольстила:
Жестокий Ветр настал,
Ослабла Дуба сила,
Ветр этот Дуб сорвал.
О гордый! опасайся,
Услышавши сие,
Отнюдь не полагайся
На счастье свое:
Оно тотчас обманет,
В нем постоянства нет;
Когда ж оно отстанет,
Так ветер тебя сорвет.

(1761)

89. МОДНЫЙ ДОКТОР

Что худо жить по моде,
А лучше по природе,
Хотя и прежде я слыхал,
А ноньча сам узнал.
Вдруг новый доктор появился,
Всем доктор полюбился,
Горазд лечить.
Всяк хочет жить;
Хоть болен кто, хоть нет, но всяк лечился;
А доктор богатился.
Пословица лежит: куда-де конь с ногой,
Туда и жаба со клешней.
Посадский некакий с боярами равнялся,
Затем что откупов держался,

Умел он торговать,
Умел он деньги собирать.
Нередко то бывает,
Когда кто деньги собирает,
Того и всякий почитает.
Одна дочь у него любимая была;
А девушка чахоткой немогла.
Отец ее крушится
И смерти дочерней боится.
Тотчас по нового он доктора послал
И дочь лечить его призвал.
Дочь вылечить отцу сей доктор обещает,
А доктора отец обогащает.
Мой доктор не ленив,
Весьма трудолюбив:
Всечасно девушку больную посещает.
Не стал и денег брать — он славы лишь желает.
Чрез полгода больную излечил,
Однако же болезнь другую приключил:
Неизлечимый ей припадок приключился,
Такой, от коего никто не излечился.
Неможно и лечить,
Натура лишь сама ей может пособить.
Что ж сделалось потом, уж я того не знаю,
А басню тем мою кончаю,
Что худо жить по моде,
А лучше по природе.

(1761)

90. ФОРТУНА

Фортуны ты слепой хотя и называешь,
Однако же не знаешь,
Какой
Причиной сделалась она слепой.
Фортуна красотой во днях молодых блистала
И многих молодцов прельщала.
Женился Рок на ней;
Имеет в свете всё во власти он своей.

В Фортуну он влюбился,
Влюбясь, на ней женился.
Женясь, он был ревнив,
И был в том справедлив:
Фортуна всех прельщала,
Ко многим и сама любовью пылала
И страстию за страсть взаимной награждала.
Кому была мила,
К тем гордой не была.
Рок, сведавши сие, был огорчен женою,
Озлился на жену, — вредна его гроза!
И за неверность ей он выколол глаза.
Спознавшись с неверною такою,
Возможно ль на нее надежду полагать!
Любовников она привыкла пременять.
Фортуна хоть любовь свою к кому являет,
Не льстите: верности она не наблюдает.
(1761)

91. КЛОП

Я лег вчера спать;
Клоп ночью к сонному ко мне взлез на кровать
И стал меня кусать
И спать мешать.
Хотя не больно он кусает,
Да очень дурно он воняет;
Вонь часто больше нам и боли докучает.
У нас таких клопов довольно здесь бывает.
(1761)

92. КОШКА, ЕЖ И МЫШЬ

От Кошки Мышь бежала;
Спасаясь от нее, в глаза Ежу попала.
Еж Мышь тотчас поймал,
Еж Мышку растерзал.
Так часто мы не в том злодея обретаем,
Кого злодеем почитаем.
(1761)

93. ПРИТЧА О САТИРЕ

Как Истину изгнали
Из града люди вон,
Пороку власть отдали,
Ему восставя трон;
Насильство и обманы
Власть стали разделять.
Когда сии тираны
Всех начали терзать,
То Истина святая,
В изгнании от них,
На хищну власть взирая
Губителей своих,
Пошла просить у Музы,
Защитницы своей,
Чтоб разрешила узы
Несчастливых людей.
Тогда еще имели
Власть Музы во сердцах,
Когда Гомеры пели
Героев на полях,
Как греков прославляли
Они в стихах своих
И жар тем зажигали
Во юношах младых.
Та склонность показала
Любимице своей,
Сатиру ниспослала
Она в защиту ей.
Порок стал в утеснение
От справедливых Муз,
Нашел и он спасенье
От сих тяжелых уз:
Он сам родил Сатиру,
На Зависти женясь,
И стал вторично миру
Владелец он и князь.
Так неотменно должно
Во всем нам наблюдать,
Писать чтоб осторожно
И первой подражать.

Пороки утесняли
Сатира чтоб была,
Чтоб Правду защищати
Без Зависти и Зла.

(1761)

94. СОБАКА И СЕНО

Из короба не лезет,
А в коробе не едет
И короба не отдает, —
Пословица у нас идет.
Собака сено охраняла,
На всех брехала
И к сену не пускала никого;
Не ела и сама его.

Так все завистники собаке подражают:
Хоть нет в чем нужды им,
Однако ж не хотят владеть отдать другим;
На свете худо жив, всем прочим жить мешают.

(1761)

95. ПРАВДА, ПОРОК И ОБМАН

Когда Порок судьей сел
И стал вселенной всею обладати,
Тогда Обман стал Правду утеснять: .
Он ссору с ней давнишнюю имел.
Как Правда меж людей святая обитала,
Всеобщего врага Обмана утесняла;
Но как Порок судьей сел,
Обман с Пороком дружество имел,
Друг друга истинно они любили
И так, как братья, жили,
Обман нашел случай, чтоб Правде отомстить
И Правду погубить.
На Правду ложное прошение составил,
А что в нем написать, Порок его наставил:

Подъяческих крючков в прошение начинил,
*Понеже*ми везде прошение испестрил.
В суд Правда позвана, пришла, к суду предстала.
Надежно шла на суд, вины она не знала.

Порок стал Правду вопрошать,
Обман стал Правду уличать;
А Правда начала им отвечать,
И, просто говоря, крючков она не знала,
И в оправдании *понеже* не сказала.
За то судья тут Правду обвинил,
И приговор он тут скрепил:
*«Понеже де она понеже презирает,
Так тем она весь штиль приказный наш ругает».*
И то вина, когда нельзя другой найти:
Винна она иль нет, да надо обвинить.

Нередко не дела нас обвиняют,
И правость не дела — судьи нам причиняют.
Скажу вам прямо я:
На дело не смотри, смотри лишь, кто судья.

(1761)

96. ВОЛК-ОТКУПЩИК

Волк денег накопил
И шерсть у Пастуха овечью откупил;
Дороже Пастуху за шерсть он заплатил,
Лишь только б по своей он мог овец стричь воле, —
При откупе он в договоре положил.
Пастух тот думает: «Чего ж желати боле?» —
Считает откуп сей за клад;
И Волк не меньше рад.
Пастух обманутым продажей Волка числит,
А Волк: «Обманут мной Пастух», — конечно,
мыслит.

Как ты себя, Пастух, ни нудь,
Волк сам ведь у себя, его не обмануть.
Он дело всё уж смыслит
И лучше твоего свои прибыли счислит.
Я бьюся об заклад,
Что ты напрасно рад:

Где деньги Волк заплотит,
Тут вдвое поворотит.
Волк сам ведь не дурак:
Когда он откупает,
Знать, в откупе прибýtка чаёт.
Конечно, это так,
И деньги он свои хотя тебе заплотит,
С тебя ж их поворотит.
Послушайте, что было наконец:
Волк летом откупных два раза стриг овец,
Его то не смущает,
Что тем овец он сокрушает, —
Карман лишь смотрит свой.
О пользе общества совсем он не трудится,
Лишь был бы он богат, весь свет хоть разорится:
Он пользу общества чтит пользой не своей.
Настали лютые морозы,
Все овцы померли, одни остались козы,
А с коз ведь шерсти нет,
О том известен свет.
Пастух откупщика в обмане упрекает,
А откупщик ему вот тако отвечает:
«Мой друг, я шерсть на то и откупал,
Чтоб я разбогател, а ты бы беден стал.
Я ту-то откупом и пользу получаю,
Что сам я богачусь, а прочих разоряю.
Не будешь шерсти ты теперь уж продавать,
Так я уж впятеро за шерсть-то буду брать».

(1762)

97. ВОЛК И ЛИСИЦА

Лисица с Волком побранилась,
Лисица очень осердилась
И хочет Волку мстить,
Лукавством хочет Волка погубить.
Охотников она слыша близко в поле:
«Теперь-то, — думает, — злодей в моей уж воле».
Пошла к охотникам, о Волке чтоб сказать
И, где он, указать.

Из лесу только лишь к собакам появилась,
То выдумка совсем ее переменялась:

Ее
Собаки самое
Поймали
И растерзали.

Рва недругу не рой, в ров сам ты попадешь,
Искав другим беды, беду себе найдешь.

(1762)

98. КОЗА И ЛЬВИЦА

Коза козляток родила
И лучше всех детей чужих их почитала:
«Вот то-то родила я деток!» — всем болтала.
Как некогда в поля гулять их повела,
Навстречу ей попалась Львица;
А Львица — не Козе сестрица:
Получше, кажется, Козы она была,
И львенка за собой вела;
А львенок красотой козляток превышает.
Увидевши Коза тут львенка, рассуждает
И так от зависти болтает:
«Куда годится он?
И гадок и смешон.
Когда бы я таких родила,
Я всех детей своих бы била.
Хоть он моих детей и перерос,
Однако ж он курнос.
К тому же он без рог, и шерсть на нем клочками,
Козляточки мои и гладки и с рожками,
Да он же и дурак».
Престань ты с зависти, Коза, болтати так.
Козлятам век твоим Льва лучше не бывать:
Все Львом Льва, а Козла Козлом век будут звать.

(1762)

99. УЧЕНЫХ СПОР

Случилось двоим
Ученым ехать в дороге;
А по дорогам тем случились рвы, пороги,
Так скучно ехать им:
Спешить никак не можно,
А если поскакать, так то неосторожно:
В минуту упадешь
И тут толчок найдешь;
А ехать неспешно,
Так очень неутешно;
А чтобы скуку им промчать,
Так лучше не молчать,
И стали
Говорить,
Чтоб скуку заморить.
Ученые умы в минуту возблистали,
Пошло учение учению в упор,
Доводы сильные доводами встречали,
Вошел ученые в горячность, воскричали,
И начался тут спор.
Один вещает тако:
«На равный все конец сотворены,
Все твари меж собой соравнены,
И люди и скоты взаимно сплетены,
Служить друг другу все осуждены».
Другой инако
Рассуждает
И мнение свое примером утверждает:
«Смотри, — он говорит, — что конь для седока, —
Толкнул коня в бока,
Конь, чувствуя толчки, во все пустился ноги,
И не взирает он на ямы и пороги.
Седок поводья дал, а конь всей прытью нес;
А впереди коня случился лес:
Не остерегся мой седок, беды не видя,
Медведю встречу он попал,
Медведь его, поймав, немного потрепал;
Медведь ли для тебя иль сам ты для медведя?»
А я скажу вам так: коль кто кого смога,
Так тот того в рога.

(1763)

100. НЕКСТАТИ

Пословица лежит: чему-де посмеешься,
Сам в то же попадешься.
Со мной
Был случай таковой:
Некстати что узря, нередко я смеялся,
И сам некстати я попался.
На этих днях
Некстати был в гостях.
Как в гости занесло меня, я сам не знаю.
Приехав к воротам, слугу я вопрошаю:
«Хозяйка дома ли?» Ответ был: «У себя».
Поехал я на двор, а на дворе карета;
Лишь я к крыльцу — другой слуга ко мне бежит
И говорит:
«Хозяйка не одета».
— «Так я и подожду».
Он, зря свою беду,
Мне отвечает:
«Она недомогает,
Нельзя увидети вам госпожи моей».
Я с сердцем говорил: «Да гости вон у ней!»
Слуга отвечивал: «Есть гости, то не ложно,
Да для того-то вам увидеть и невозможно.
Она хоть у себя,
Да то не для тебя».

(1763)

Н. В. Леонтьев

101. ПАВЛИН И КУРИЦА

Павлин, великостью гордясь и красотою,
С презрением всегда на Курицу взирал;
Несносно всякий день ее он обижал,
Не знала никогда она себе покою.
К несчастью, она, цыплят своих любя,
Имела, бедная, их много у себя.
Кормить их надлежало,
Но корму и себе у ней недоставало:

Весь корм, что господин давать повелевал,
Павлин у ней всегда насильно отнимал.
Пришло с цыплятами ей по миру шататься.
Однако же она могла еще ласкаться

Удар сей отворотить:

К хозяину пошла защит себе просить.
Но, бедную, ее к тому не допустили
И взащей от хором учтиво проводили.
Что делать? По миру от бедности пошла;
Яиц хозяину уж больше не несла,

Усердые потеряла.

Другая курочка ее увещевала,
Сказала ей: «Мой друг, издревле свет таков,
Что страждут бедняки всегда от богачёв,

А слабые от сильных».

На свете много есть таких чудес предивных.

(1766)

102. ЧЕТЫРЕ КУПЦА

Один из сих купцов красу желал продать,
Другой из них хотел чинами торговать,
А третий — исстари весьма почтенной модой,
А именно — большой и знатною породой,

Четвертый же — умом.

Согласно наняли купцы к продаже дом,
В котором продавать товары начинали.
Чины, красу тотчас с породой расхватили.
Ума ж отнюдь никто себе не покупал,
Затем что всяк себя разумным почитал.

(1766)

103. ЗЕМЛЯ И ПАРЫ

Случилось из Земли подняться Парам
По воле древнего светила к облакам.
Пары на высоте чрезмерно возгордились,

Совсем там позабылись

И Землю начали несносно презирать,
В ничто ее вменять.

«Куды годишься ты? — Земле они сказали. —
Столь гнусного, как ты, доднесь мы не видали;
Нестройный, грубый ты и непрозрачный шар.
Но мы перед тобой большой имеем дар:
Пространных мы небес владеем высотами
И там различными сияем красотами,
Светило зрим всегда удобнее тебя».
— «Конечно, детушки, забыли вы себя, —

Земля Парам сказала. —

Ведь были вы во мне, ведь я вас воспитала;
Вы — часть меня, росли в утробе вы моей.
Так лъзя ль гордиться вам пред матерью своей?
Светило, что меня собою оживляет,
Не для того вверху вам быть повелевает,
Чтоб вам забыть, что вы и для чего вы есть;
Но для того дает оно сию вам честь,
Чтоб, в дождь вы превратясь, меня бы орошали
И тем бы здравие мое вы сохраняли,
Чтоб плод животным я могла всегда давать,
Для пользы, для красоты различное рождать.
Вот, детки, для чего прекрасное светило
Поверх меня, Земли, вам быть определило».

О вы, которым власть
Монархов отдает правленья знатну часть!
Не для того верхи честей людских вам дали,
Чтоб мнить лишь о себе, гордиться, презирать
И в пышностях свой долг совсем позабывать;
Но для того, чтоб вы дождь сладкий изливали,
Щедроты, правды дождь на смертных в обществах.
Честь, слава без сего — един лишь только прах.

(1766)

104. СВЕЧА В ФОНАРЕ

Презрение Свеча имея к Фонарю,
Сказала: «Подло то, что я в тюрьме горю.
Фонарь обширно мне всегда блистать мешает,
Со всех сторон мои лучи он запирает;
Я важное могу пространство освещать.
Итак, чтоб более не мог он мне мешать,

Оставлю я его, высоко вознесуся,
Оттоле покажуся
Во всей я красоте,
Ничто не будет мне мешать на высоте.
Сказав сие, Свеча Фонарь свой оставляла,
Брела, куды желала;
Но вдруг закапал дождь и Свечку потушил,
Долой с дороги сбил.
Упала Свечка в грязь; чрезмерно сожалела
О том, что в Фонаре с покоем не сидела.
Способности свои потребно измерять;
Искать того, чего не в силах исполнять,
Гораздо бесполезно;
Сыскав — бывает слезно.
Быть малу с пользою похвальнее того,
Когда в больших чинах не значить ничего.

(1766)

105. ЛЕВ, ПРЕДПРИНИМАЮЩИЙ ВОЙНУ

Лев, будучи войну намерен предпринять,
Велел во все места указы разослать,
Чтоб звери все к войне себя изготавляли.
Приказ исполнен был. Зверей распределяли:
Слонам повелено сражаться на войне,
Военные везти припасы на спине;
А обезьянам быть при войске без отлучки,
Чтоб недруга провесть, выкидывая штучки;
Медведям штурмами велели нападать;
Лисицам — разные обманы вымышлять.
Но некто Льву сказал: «Ослы куда годятся?
Они ведь дураки. И зайцы боятся
Пустого завсегда.
Так брать нам их с собой — лишь тягость да беда».
Но Лев сказал: «Без них невозможно обойтись:
Один из них у нас курьером быть годится,
Другой же трубачом».
Читатель! Есть места на свете людям всем.
Премудрый государь ничто не упускает,
Он с пользою худых и добрых помещает.

(1766)

106. СЛЕПОЙ И СОРОКА

Слепой, поймав нечаянно Сороку,
Принес ее к себе домой;
Сорокину угодно было року,
Чтобы у ней хозяин был такой.
Сорока — птица-говорунья,
Большая шепетунья,
И день и ночь не скучит
Шепетать.
Слепой ее по-русски учит
И то и се болтать.
Сорока рада врать,
Язык охотница чесать;
Слов пять или десяток затвердила,
Плутца и дурака чистенько говорила.
Сорокино вранье Слепому полюбилось,
Он ею утешался,
Он ею забавлялся.
К чему ж то обратилось?
Сорока от Слепого не отходит,
Слепой
С собой
Сороку всюду водит,
Червончики при ней считает;
Сорока всем про денежки болтает,
Куда пришла, о том твердит.
Хоть деньги не магнит,
Однако притягают;
Сыскались молодцы и денег захотели;
К Слепому ночью налетели
И дверь в чулан ломают.
Слепой, услышав стук,
Кричит, на помощь призывает,
Но вор наш не плошает,
Тащит вон с деньгами сундук,
Смеясь Сороку прославляет,
Прийти в другой раз обещает.

Слепой тогда-то спохватился,
Что он Сорокою всего лишился.
Но поздно было то:
И злато и серебро дочиста уж взято,
И меди нет.
Велел согнать с двора Сороку;
Однако сам до сроку
С тоски оставил свет.
Когда б бродяг к себе мы не пускали,
Немало бы тем ссор и бед мы избежали;
Но мы привыкли всем к себе вход позволять
И вольно обо всем со всяким рассуждать,
Забывши, что себя в досады тем ввергаем
И только лишь к несчастью поспешаем.

(1769)

107. ГУДОК И СКРЫПКА

Гудку со Скрыпкой вместе быть
Когда-то у бояр случилось;
Сердечко у Гудка забилося,
Что Скрыпка та прослыть
Искусною умела:
Она манеры римски разумела,
С приятностью играла,
На голос всё прелестно поднимала.
Гудок же наш всё попросту гудил,
Старинны песенки играл,
К рожку, к волынке подставал,
И в пляску русскую вводил.
Скрыпица на себя вниманье всех влекла,
Гудок в забвенье привела:
Бояра до скрыпиц поболее охочи.
Гудку не стало мочи
Досаду ту сносить;
Престал гудить,
С двора ушел.
«Когда здесь счастья не нашел, --
Гудок дорогой говорил, --
Когда здесь на меня
Никто боярин не глядит,

Как Скрипка заскрипит,
Зачем же мне для них и мучить себя?
И так уже головушка болит.
Не лучше ли куда в деревню мне убраться?
Пускай там станут мной крестьяне забавляться,
Однако я у них останусь во знати:
В лугах, в полях, в клети,
В избе, у богачей,
Всяк песенкой моей
Похочет веселиться».
Взялся за ум Гудок
В том месте поселиться,
Где теплый уголок
Мог всякий раз иметь.

Из басни сей нам можно разуметь,
Что всяко существо природой награжденно
И правами от ней пристойными снабденно;
Когда кто предо мной в чем первенство берет,
Взаимно в том другой мне оное дает.
Но грусть, досаду, скорбь напрасно ощущаем,
Напрасно жалобы на небо воссылаем,
Когда совсем не то желаем мы иметь,
Чем не дано природой нам владеть.

(1769)

108. (ЛУНА И ЕЕ МАТЬ)

Луна просила мать,
Чтоб платье ей под стать
Велела сшить,
В котором бы ходить
Не стыдно было ей.
На то мать дочери своей:
«Ты, доченька, про то довольно знаешь,
Что тело ты свое частенько пременяешь:
То вдруг велика, то мала,
То вдруг остра, то вдруг кругла.
Какое же тебе мне платье сшить?
Кто вóзьметса его скроить?»

Премам таковым подвержен человек;
Судьбой доволен быть не может он вовек:
Всяк день и всякий час другим он быть желает,
И так всю жизнь свою в мученьи провождает.

(1769)

А. А. Аблесимов

109. ЛИСИЦА И КОЛДУН

Лисица и Колдун в лесу сошлись
И так, как старые знакомцы, обошлись;
Потом расхвастались друг другу удалством,
Иль лучше плутовством,
Которое они употреблять обькли:
Обманывать привыкли.
Тот хвастал о себе, что он-то и делец,
Что он-то и хитрец
И уж против его не сыщется резец!
Ответствует на то пронырлива Лисица,
Что встарь была
В обманах и она не мелка мастерица
И делала дела
Такие, что ей честь довольну приносили, —
Так с ним она
Равна.
Те речи Колдуна
Немного повзбесили.
Он мнит, что первому быть должно одному
Кому:
Большинством
Иль старшинством.
Тотчас о том Колдун Лисице предложил,
И уговор такой он с нею положил:
Тот первенство достанет,
Кто чем кого сперва проворнее обманет.
Не струсила Лиса,
Но этого ж часа
Назначила тот день и место для обману.

Колдун мнил: уж его никто не проведет.
Он дня того нетерпеливо ждет
И так намеренье свое кладет:
«Поране-де Лисы уж я, конечно, встану
И ждать не стану,
Лисицу наперед обманом подкушу
И спор решу».
Как время лишь приспело,
Идет Колдун в лес смело.
Пришел и ждет
Он в поле
Часов пять-шесть и боле.
Лисица ниотколе
К нему нейдет.
Колдун дивится:
Уж тот ли это день назначен им сойтиться
Друг друга обмануть?
Пришло ему на ум, чтоб на небо взглянуть
И дни смекнуть.
И как Колдун добрался,
Какой тогда был день, —
Стал в пень,
Как в вершу сом попался:
День этот был тогда обманов ремесло —
Апреля первое число.
(1769)

110. КОНЬ И МЕШОК

Сорвавшись Конь со стойла
И бегал по пути;
На воле думал он найти
Довольней, нежели в узде, сенца и пойла.
А как тогда была
Земля покрыта снегом,
Коню хоть вольность и мила,
Но в усталь приходил, искавши корму бегом.
От усталости голодный Конь лежал,
От стужи он дрожал,

От голоду Конь ржал
Дни три или и боле.
По счастью Коня, проезжий ехал в поле;
Увидя Конь его, за ним бежал.
Проезжий в этот раз от сильного мороза
Закутав ехал нос,
Дабы не повредил его мороз,
И потерял Мешок, набитый сеном, с воза.
Конь бросил мужика, —
За ним ему бежать дорога далека, —
Переменил походку
И поскакал туда, где зрел сию находку.
Заботы больше нет,
Нашел себе обед.
Конек перед Мешком почтенье изъясняет,
Ласкательства ему великие творит
И, как с любовницей, умильно говорит;
Придвинувшись к сенцу, свой голод утоляет,
Сенцо он убавляет
И в чрево голодом немедля отправляет.
Потом, когда Мешок он весь опустошил
И тучности его лишил,
На произвол судьбы на месте оставляет,
Сказав ему: «Прощай, товарищ мой,
А мне пора домой.
Лежи ты здесь теперь в тиши;
А ежели станешь ты опять благополучен,
Травкою будешь тучен,
К нам грамотки пиши! . . .»
Почасту то бывает:
При нужде мужика всяк другом называет,
А надобность пройдет,
То дружбы и следов услужник не найдет.
(1781)

111. ОСЕЛ-НАСЛЕДНИК

Взрастил старик Осла, как сына, в детской неге,
Не думал изнурять он сил его в телеге;
Зимой Осла в дому лелеял и ласкал,
А летом он его в луга гулять пускал.

Осел в полях шатался,
С друзьями там спознался:
С Волками и с Лисой;
В Лисе красу нашел безмерною красой!
И Волки и Лиса Осла всегда ласкали
И из виду его ничуть не упустили:
У взрослого его проводили домок,
Где чаяли себе со временем кормок.
Так точно и сбылось: мужик скончался,
Осел остался,
Как рождшийся сынок.
Мужик был одинок.
Сосед тому посредник;
Имения его Осел стал быть наследник!
Имения того остался сена стог
Да живших во дворе и птиц и животных.
Послушны сделались Ослу все тут скотины.
Осел добром себя навьючил сколько мог,
К красавице помчался;
Но с Волком повстречался.
К себе Волк пригласил наследника сего,
И для ради него
Пирушечку устроил,
И дружество свое к нему в пять раз устроил!
Развесил уши сей Осел,
К приятелям подсел,
И попил, и поел;
Казалось ему, что это из приятства;
Не думая, что то на счет его богатства
Поставят наконец,
Не тужит удалец!
Хоть собственной своей покормки тут лишился,
Без бремени домой от Волка поскакал,
О сем не покрушился!
Он тем себя ласкал:
Друзей прямых сыскал,
И ни о чем не мыслит,
Как только что иметь у них утеху числит.
По времени к друзьям он всё перетаскал,
Сам голодом остался;
Во крайность оную друзья его ввели,
Без всякого сумнения

Лиша всего имения,
И так оставили, как рака на мели.
Осел, как есть осел, польстясь Волков приветством,
Пожертвовавши им он всем своим наследством,
В надежде сей прибред к друзьям, но те его,
Узря безо всего,
Неласково встречают
И обще в мотовстве его же уличают.
Осел из грубых сих
Приемов тут от них
Насилу догадался,
Что тщетно от Волков приязню ласкался!
Им надобен его один лишь был кормок.
Побред в другой домок.
К кому же из друзей, к кому он ни таскался!..
Никто к нему тогда, никто не приласкался,
И в бедности помочь бедняжке не сыскался
Приятель никакой.
Я басенкой такой
Здесь Федру подражаю
И то изображаю:
Осел мой есть таков,
Как участь тех у нас бывает игроков,
В картишки кто играет,
А козырей не знает!
Приятство острижет такого вмиг кружком:
В карете прикатит, пойдет домой — пешком.

(1781)

112. СТРАННИКИ СЛЕПЫЕ

Я притчу рассказать еще потщуся вновь.
Слепая шла Любовь
И с ней слепое ж Счастье
В великое ненастье.
Слепой слепую взяв, друг друга и вели,
Не видя ничего, так ощупью брели.
От странствия сего они и приустиали;
Слабела более всего тогда Любовь,
И стала холодеть от стужи в ней вся кровь.

Попали в сад они и сели тут под грушей,
А дождик все-таки бесперестанно лил;
Не стало на Любви ни мушек, ни белил!
И сделалось на них всё платье — юша юшей.

А наступала ночь...

На этот раз была вблизи крестьянска дочь,

Полола гряды;

Увидя странников, желая им помочь,

Работница точь-в-точь

Странноприимства все исполнила обряды.

Трудам ее в тот час уже был дан шабаш;

Она звала к себе сих странников в шалаш,

Расклавши огонек, и их пообсушила,

В услугах им всю ночь, не спавши, совершила.

При рассветаньи дня, настала как пора

Наследникам и в путь подняться со двора,

Собираются, но их вот это убеждает:

«Ночлег сей мы спешим теперь покидать,

Но чем же за труды хозяйке сей воздать?» —

С Любовью Счастье об этом рассуждает.

И, посоветовав между собой, оне

Один на одине,

Как сделать, рассудили,

Так то и утвердили:

Чтоб земледелице сей память сохранить —

Ей участь пременить,

От тяжких сих работ ее избавить

И благоденствие такое ей восставить,

Дабы могла она весь век безбедно жить!

И чтоб не в дальное то время отложить,

Сим Счастье начинает.

Как дома этого хозяин бывши скуп,

Своей он всей семейке

Не верил ни в копейке,

То прятал деньги все свои в саду под дуб.

Но будущее кто из смертных предугадает?

Он стал и одинок;

Один остался лишь к наследию сынок;

Отец же паче всех ему ни в чем не веря,

То и покажет нам развязка то теперь.

Не зная сам кому, старик сие берег,
Рок смертный жизнь его прервать не поотсрочил,
Во гроб без денег лег —
Кому ж он это прочил?

С одной отпискою на тот отправлен свет,
А у наследника копейки в доме нет.

Но что ж потом случилось?
Вдруг небо помрачилось!
Ударил сильный гром!

И с денег дуб свалил, подсек как топором.
Прошла та грозна туча.

Крестьянка провожать наследников пошла
И, шед назад, сей клад нашла.

Лежала денег тут превеличайша куча!

Она, увидя их, не зная, что начать,
Сказать ли ей кому или о сем молчать;
Тревожило ее и это и другое.

Но как оставить столь сокровище драгое?
Ну, деньгам кто не рад? — та мысль у ней была.
Она украла ль их? — Земля ведь ей дала.

Сперва удобное им место приискала,
Потом все деньги те туда перетаскала;

И в этот день она,
Сидевши в шалаше своем одна,
За благо рассудила

И что предприняла, часа не погодила:
Наследнику о сем немедля донесла
И сим от нужд его и горести спасла.
А он сокровищем таким ее пленился

И в благодарность ту на ней женился.

Сим Счастье и Любовь крестьянку наградя
И прямо жизнь уж ей благую учредя;
Соседи хоть о сем и невесть как судили,
Однако ж в гости все к нему ходили.

Престранных случаев таких довольно есть,
И можно ль все исчезть?

Любовь и Счастье чресчур своеобычны.

Стихи к сему еще и оные приличны:

Летает Купидон,

И без разбору он
Сердца чьи уязвляет,
Нередко тем иным и бедства составляет.

Фортуна, скользкий шар имея под ногой,
На оном и катится,
И встретилась хотя б с безграмотным слугой,
То вскоре и слуга чресчур обогатится
И после на ступень чиновную взмостится.
А ежели путь ее не следует к кому,
Трудненько жить тому.
(1781)

М. Н. Муравьев

113. СУД МОМОВ

К М. А. Засодимскому

Ты часто, слушая стихи мои с раченьем,
Прочь гонишь от меня прельщающий туман:
Здесь рифмой оскорблен, там смысла опущеньем,
Свергаешь без чинов мной чтимый истукан.
Послушай: я еще являюсь с сочиненьем,
Чтоб случай дать тебе свой править важный сан.

Насмешник греческий, писатель остроумный,
Такую повесть нам оставил Лукиан,
Что будто в день какой-то шумный
Нептун, Минерва и Вулкан
Похвастать вздумали верховностью своею
В художествах: кто лучше из троих
Покажет образец способностей своих —
И Мома выбрали судьбою.
Известно, парень вострый Мом:
Ума имеет он палату,
И уж не спустит он приятелю, ни свату,
Лишь только бы блеснуть умом.
Условье сделано, и день суда назначен.
Вулкан к мехам, Нептун во глубину,

Богиня мудрости в Афинскую страну —
И ну трудиться. Труд удачен.
В условный день, лишь начало светать,
В какой-то роще отдаленной,
В низу Олимпа насажденной,
Изволили мои художники предстать
Суда во ожиданье.
Работу рук своих, Нептун вола привлек;
Минерва — на столпах великолепно зданье;
Вулканом изваян (возможно ль?) человек.
Приходит Мом. И что вы, добры люди,
Подумаете, — он учтивость сохранит?
«Твой вол прекрасный зверь, — Нептуну говорит, —
Но он бы был сильней, рога имел у груди».
Минерве: «Сей фасад
Сияющ, и по всем он правилам построен;
Но ежели сосед и зол, и беспокоен —
Что сделаешь? Нельзя перенести палат».
Впоследствии очередь дошла и до Вулкана:
«Вся хитрость во твоём труде истощена.
Но для чего в груди не сделано окна,
Чтоб правду отличать лъзя было от обмана?»
Окончен суд, и участь всех равна.
Тогда мои узнали поздно боги,
Что трудно и богам на Мома угодить.

Зачем же критике, пииты! вас щадить?
К чему ваш крик и шум? Судьи должны быть строги.

1772

114. КУЧЕР И ЛОШАДИ

Не ведаю того, в каком то было лете
И точно коего то месяца и дня;
Лишь ехал господин по улице в карете, —
То только знаю я.
На козлах кучер был с предолгими усами
И тамо управлял упрямыми конями.
Не так на небесах гордился Фаетонт
Иль Ахиллесов вождь коней Автомедонт

В то время, как то он без правил и закона
Скакал к стенам прегорда Илиона,
Как козел с высоты, скиптр кучерский в руках,
Подобно как индейский шах,
Гордился кучер мой и так превозносился:
«Какая часть моя!
Где я?
В какой высокий чин на свет я сей родился?
Се подданны мои, на них мне власть дана,
Тварь бедна, для меня лишь ты сотворена!»
Но в час, плачевный час, как хвастал он надменно,
Неслыханное зло в то время совершенно:
Конь в брюхо брык,
Упал мужик.
Поднялся крик.
Кто прежде в высоте вверху был над конями,
Тот стал под коньими ногами.

О вы, великие и сильны на земли!
Толь страшну истину из уст моих внимая,
Страшитесь, чтобы не могли
Вы гордостью дойти погибели до края.
И вы, всевышнего подобие и вид,
Цари, я к вам мой глас днесь обращаю,
Простите мне, коль я воспоминать дерзаю,
Что не презрение любовь к вам в нас родит.
(1773)

115. ВЕРХУШКА И КОРЕНЬ

Когда-то Корень так в себе сам говорил:
«Зачем мне истощать своих лишь токмо сил,
Чтобы Верхушку,
Такую лишь вертушку,
Кормить,
Поить
И на себе носить?
Затем ли сделан я, чтоб ей слугою быть?
Ниже́ она мой повелитель,
Ниже́ и я ее служитель:
Всегда ль мне ей оброк платить?»

Вить

И без тебя, мой друг, могу же я прожить.
Ин сем-ка ей давать свои не стану соки,
Не ссохнут ли ее авось-либо широки

Боки,

На коих лишь сидят вороны да сороки».
Так страшно, в ревности своей, мой Корень рек
И с словом все пути к Верхушке он пресек,
Чрез кои он ей слал питательную воду.
Приблекло деревцо, свернулись ветви вдруг,
И наконец Верхушка — бух;
И Корень мой с тех пор стал превращен в колоду.

Что ж?

Вить то не ложь,
И басенка моя не простенька игрушка.
Итак, какой же бы из ней нам выбрать плод?
Правительство — Верхушка,
А Корень — то народ.

{1773}

116. ПОЛОВИЦА

Когда-то половица
Изволила поднять носок
И вздвинуть свой бочок
Так, что другая уж сестрица
Высокородия ея
Была подножием сестрицы ног сея.
«Поди, — она ей говорила, —
И с нами не якшись;
Поди и побегии во всю досочью рысь,
Поколе будет сила».
Увидев господин, что досочка поднялась,
Велел ее стесать: она с другой сровнялась.

Я, горделивец, баснь пишу тебе сию:
Подобно унизят кичливость и твою.

{1773}

117. ПЕРО

*К его превосходительству
Александру Петровичу Ермолову*

Не на берегах прозрачной Аретузы,
Но там, где Вологда медлительно течет,
В смиренну сень мою спустились кротки музы,
И прелесть некая с тех пор меня влечет

Их несть приятны узы.

Уже и Олешев внимал стихам моим

Средь сельских долов;

Теперь хочу я именем твоим

Украсить басенку, чувствительный Ермолов.

Когда-то (может быть, теперь)

Перо со Автором быть стало несогласно,

Сказало так ему: «Мой друг, себе не верь

И не хвали свое сложение прекрасно.

Напрасно

Ты стал бы без меня головушку ломать;

Тебе бы никогда стихов не написать.

Когда бы за меня не думал ты приняться,

Не стал бы ты со мной за рифмою гоняться.

А ты меня отнюдь не бережешь,

Раз со сто всякий час в чернила обмакнешь, —

Чей тут

Поболе труд?

Спокойно ты сидишь, я только что черкаю —

И после то ж мараю.

Так потому стихи сии,

Без прекословия, мои».

Писатель, тронутый, сказал во оправданье:

«Неправедно сие, мой свет, твоё желанье:

Орудьем было ты стихи сии писать,

Но я их сочинитель».

Сильнее можно бы сказать:

Невидимый в нас ум — деяньям повелитель;

Льзя быть деятельным, хотя не хлопотать;

Победой славится не воин — предводитель.

(1773)

118. БАСНЬ

Подражание Де Ла Фонтеню

Гора в родах
Стон страшный испускала
И причиняла смертным страх.
Вселенна представляла,
Что город та родит, поболе, как Париж, —
Она родила мышь.
Когда себе сию я баснь воображаю,
Рассказ которой лжив,
Но смысл правдив,
Я стихотворца представляю,
Что в восхищенье восклицает:
«Пою, как поборал врагов Великий Петр!»
То много обещать, что ж из того бывает?
Ветр.

(1773)

119. ЗЕРКАЛО

Венецианского искусства труд чудесный,
Стояло Зеркало в палате золотой,
И прямо против точки той,
Где солнце из-за волн спешит на свод небесный.
Уж первый луч его взливался на буграх
И нежным горизонт румянцем багрянился,
Пастух, что мучим быв любовью, пробудился,
Бродил глухой стезей с овечками в полях.
Уже настал тот час, что солнце выходило
Из туч
И, луч
В пространство устремив воздушное, открыло
Во тьме лежавший свет.
За ним вослед
Такой же солнца круг и в Зеркале явился,
И золотом кристалл горящим воспалился.
Сиянье Зеркало в кичливость привело,
И вот какую речь оно произнесло:

«Вселенной взоры днесь я с солнцем разделяю
И всё то презираю,
На что я ни гляжу:
Сиянья равного ни в чем не нахожу».
Но туча мрачная закрыла солнце с краю;
Весь блеск пропал;
Кристалл
Сумрачен стал.

Лучами милости вельможа осиянный
Мечтает, что пред ним преклонится весь мир;
Но только станет ветер дышать непостоянный —
Льстецы бегут, один останется кумир.

(1773)

120. ИЗГНАНИЕ АПОЛЛОНА

На Феба некогда прогневался Зевес
И отлучил его с небес
На землю в заточенье.
Что делать? Сильному противиться нельзя;
Так Аполлон тотчас исполнил изречение:
В простого пастуха себя преобразя,
В мгновение с небес свое направил странство
Туда, где пенится Пенеев быстрый ток.
Смиренно платье, посошок
И несколько цветов — вот всё его убранство.
Адмету, доброму Фессалии царю,
Сей кроткий юноша услуги представляет
И скоро царскими стадами управляет.
Находит в пастырях худые нравы, прю,
Сердец ожесточенье,
О стаде нераченье, —
Какое общество поборнику искусств!
Несчастлив Аполлон. Но сладостной свирелью
Старается еще открыть пути веселью,
Поет — и се уже владыка грубых чувств:
Влагает в пастырей незнаемую душу,
Учтивость, дружество, приятный разговор,
Желанье нравиться; к нему дриады с гор
И нимфы ручейков сбегаются на сушу.

Небесны боги сами,
Один по одному,
С верхов Олимпа вниз сходились к нему,
И сельские поля сравнились с небесами.
Зевес изгнанника на небо возвратил.

Искусства исправляют нравы.
Тот первый варваров в людей преобразил,
Который выдумал для разума забавы.

1786

И. И. Хемницер

121. КОНЬ И ОСЕЛ

Конь, всадником гордясь
И выступкой храбрясь,
Чресчур резвился
И как-то оступился.
На ту беду Осел случился
И говорит Коню: «Ну, если бы со мной
Грех сделался такой?
Я, ходя целый день, ни разу не споткнулся;
Да полно, я и берегуся».
— «Тебе ли говорить? —
Конь отвечал Ослу. — И ты туда ж несешься!
Твоею выступкой ходить —
И вóвек не споткнешься».

(1779)

122. ДЕРЕВО

Стояло дерево в долине,
И, на судьбу свою пеняя, говорит,
Зачем оно не на вершине
Какой-нибудь горы стоит;
И то ж да то же всё Зевесу докучает.
Зевес, который всем на свете управляет,

Неудовольствие от дерева внимает
И говорит ему:
«Добро, переменю твое я состояние,
Ко угожденью твоему».
И дал Вулкану приказанье
Долину в гору пременить;
И так под деревом горою место стало.
Довольным дерево тогда казалось быть,
Что на горе стояло.

Вдруг на леса Зевес за что-то гневен стал
И в гнѣе приказал
Всем ветрам на леса пуститься.
Уж действует свирѣпых ветров власть:
Колеблются леса, листы столпом крутятся,
Деревья ломаются, валятся,
Всѣ чувствует свою погибель и напасть;
И дерево теперь, стоявши на вершинѣ,
Трепещет о своей судьбинѣ.
«Счастливы, — говорит, —
Деревья те, которые в долине!
Их буря столько не вредит».
И только это лишь сказало —
Из корня вырванно упало.

Мне кажется, легко из басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ стоять.

(1779)

123. ПОЖИЛОЙ ГАДАТЕЛЬ

Детина молодой хотѣл узнать вперед,
Счастливо ль он иль нѣтъ
На светѣ проживет
(О чем нередкий размышляет
И любопытствует узнать),
И для того велѣл гадателя призвать,
И счастье от него свое узнать желает.

Гадатель был старик и строго честь любил,
Он знал людей и в светѣ жил,
Детинѣ этому печально отвѣчает:

«Не много жизнь твоя добра предвозвещает;
Ты к счастью, кажется, на свете не рожден:
Ты честен, друг, да ты ж умен».
Печальный прорекатель!
Какой стоический урок!
Но к счастью, что ты гадатель,
А не пророк!

(1779)

124. ОБОЗ

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

(1779)

125. ТЕНЬ МУЖНЯ И ХАРОН

Красавицы! ужли вы будете сердиться
За то, что вам теперь хочу я рассказать?
Ведь слава добрых тем никак не уменьшится,
Когда одних худых я стану осуждать.
А право, мочи нет молчать:
Иным мужьям житья от жен своих не стало;
А этак поступать вам, право, не пристало.

Жил муж, жила жена,
И наконец скончались оба;
Да только в разны времена
Им отворились двери гроба:
Жена скончалась наперед,
Потом и муж, прожив не помню сколько лет,
Скончался.

Как с светом здешним он расстался,
То к той реке приходит он,

Где перевозит всех Харон
 Тех, кои свет сей оставляют.
 А за рекою той, пииты уверяют,
 Одна дорога в рай, другая в ад ведет.
 Харон тень мужнюю везет,
 И как через реку́ они переезжают,
 Тень говорит: «Харон, куда моя жена
 Тобою перевезена?
 В рай или в ад?» — «В рай». — «Можно ль
 статься?»
 Меня куда ж везешь?» — «Туда ж, где и она».
 — «О, нет; так в ад меня! Я в аде рад остаться,
 Чтоб с нею вместе лишь не жить».
 — «Нет, нет, мне над тобой хотелось подшутить,
 Я в ад ее отвез; ей кстати в аде быть
 И с дьяволами жить и знаться:
 И в свете ведь она
 Была прямая сатана».

{1779}

126. ЗЕМЛЯ ХРОМОНОГИХ И КАРТАВЫХ

Не помню, где-то я читал,
 Что в старину была земляца небольшая,
 И мода там была такая,
 Которой каждый подражал,
 Что не было ни человека,
 Который бы, по обычаю века,
 Прихрамывая не ходил
 И не картавя говорил;
 А это всё тогда искусством называлось
 И красотой считалось.

Проезжий из земли чужой,
 Но не картавый, не хромой,
 Приехавши туда, дивится моде той
 И говорит: «Возможно ль статься,
 Чтоб красоту в том находить —
 Хромым ходить
 И всё картавя говорить?

Нет, надобно стараться
Такую глупость выводить».
И вздумал было всех учить,
Чтоб так, как надобно, ходить
И чисто говорить.
Однако, как он ни старался,
Всяк при своем обычае остался;
И закричали все: «Тебе ли нас учить?
Что на него смотреть, робята, всё пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умеем мы ходить
И говорить,
Однако не ему уж нас перемудрить;
Да кстати ли теперь поверье отменить
Старинное такое?»
(1779)

127. БАРОН

Жил-был скупой богач, и у него один
Был сын.
Отец его скончался;
Наследства миллион молодчику достался,
И захотел сынок, имевши миллион,
Бароном сделаться, — и сделался барон.
Баронство куплено. Теперь задумал он
Быть сверх того еще и знатным господином
И слыть бароном с чином.
Хоть знатных он людей достоинств не имел,
Да он их представлять умел;
И всё сбирался и хотел
Министром быть при кабинете,
Чтоб в царском заседать совете,
Иль славным полководцем быть.
Барон! достоинство за деньги не купить!
Но всё барон не мог решиться,
К чему бы лучше прилепиться,
Где б больше чести доступить:
Министром быть ли добиваться
Иль в полководцы помогаться?

И так в намереньях одних живет барон,
А всё достоинство барона — миллион.

Он удивленье был народов
Толпою гайдуков своих и скороходов;
Доходами его почти весь город жил,
Он в золото себя и слуг всех обложил;
И ежели когда в карете проезжался,
То больше лошадей своих он величался.

Льстецам он покровитель был
И ревностно тому служил,
Кто, ползая пред ним, его о чем просил;
А кто поступки все и вкус его хвалил,
Талантами его бесстыдно восхищался,
Тот верно помещен в число друзей тех был,
Которые на счет баронов ели, пили,
Смеясь в глаза, его хвалили;
И в тот же самый час мешки его щечили,
Как уверяли все его,
Что против глаз таких, какие у него,
И Аргусовы — ничего.

Надолго ль моту миллиона?
Ему другого нет закона,
Как только чтоб по воле жить,
Страстям и прихотям служить.
Барон наш перестал уж больше говорить
Министром, полководцем быть,
И только к роскошам одним лишь прилепился:
Пил, ел и веселился.
А как весь миллион баронов истощился,
То стал опять ничто барон,
Таков, как был и прежде он;
Без денег он от всех оставлен очутился,
И доказал своим житьем
Барон наш правду эту всем,
Что детям только зла родители желают,
Когда лишь им одно богатство оставляют:
Богатство — пагуба и вред
Тому, в ком воспитанья нет.

(1779)

128. ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами Слонов,
 Большую часть прибавил к ним Ослов.
Хотя Слонам сидеть с Ослами и неуместно,
Но Лев не мог того числа Слонов набрать,
 Какому прямо надлежало
 В совете этом заседать.
Ну, что ж? Пускай числа всего бы не достало,
 Ведь это б не мешало
 Дела производить.
Нет, как же? А устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.
А сверх того, как Лев совет сей учреждал,
 Он вот как полагал
 И льстился:
 Ужли и впрямь, что ум Слонов
 На ум не наведет Ослов?

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
 Ослы Слонов с ума свели.
(1779)

129. КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый Конь, увидя Клячу в поле
 В работе под сохой
 И в неге не такой,
 И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый Конь у барина имел,
С пренебрежением на Клячу посмотрел,
 Пред Клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился, и тем и сем хвалился.
 «Что? — говорит он Кляче той. —
Бывал ли на тебе убор когда такой,
 Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает?
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает,
Всяк обо мне твердит и всякий похваляет,
 Тебя же кто на свете знает?»

Несносна Кляче спесь Коня.
«Пошел, хвостун! — ему на это отвечает. —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».
(1779)

130. ВЕЛИКАН И КАРЛИКИ

Купались Карлики. К ним Великан пришел,
Который тож хотел
Купаться.
Да видит, для него река
В том месте, где они купаются, мелка.
Их спрашивать и добиваться:
Не знают ли, где глубина?
«Поди туда, — ему сказали, —
Вот там она», —
И место указали.
Однако же река
Для Великана всё мелка,
Чтобы купаться.
Еще у них он добиваться.
«Ну, — говорят, — так там такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы через это место плыли».
Но всё, где Карлики и дна не находили,
Вброд переходит Великан.
Иному и в делах лужайка — океан.
(1782)

131. ЖЕЛАНИЕ КАЩЕЯ

«Вот эту б тысячу мне только докопить,
А там уж стану я довольствуясь жить», —
Сказал Кашей, давно уж тысячи имея.

Сбылось желание Кашея,
Что тысячу он докопил;

Однако же Кашей всё недоволен был:
«Нет, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, более желать уже не стану».
Увидим. Тысячу и эту он достал,
Однако слова не сдержал
И тысячу еще желает;
Но уж последнюю, в том точно уверяет.

Теперь он правду говорил:
Сегодня тысячу и эту докопил,
А завтра умер он; и всё его именье
Досталось по нем другим на расточенье.

Когда б Кашей нной,
Доход приумножая свой,
Еще сегодня догадался
И пользоваться им старался!

(1782)

132. ПАУК И МУХИ

«Постой, — Паук сказал, —
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается всё мелочь: дай раскину
Пошире паутину,
Авось-либо тогда поймаю и больших».
Раскинув, наживает их;
Всё мелочь попадает:
Большая муха налетит —
Прорвется и сама, и паутину мчит.

А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда.
Вор, например, большой, хоть в краже попадетсЯ,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.

(1782)

133. ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА

В неволе неутешно быть;
 Как не стараться
 Свободу получить?
Да надобно за всё подумав приниматься,
Чтобы беды большой от малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотела
 И привязь стала было рвать;
Не рвется привязь; грызть ее — и переела.
 Но тою ж привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежнего собаку привязали.

(1782)

134. СОЛОВЕЙ И ВОРОНЫ

Кто как ни говори, что будто нет страстей
В животных и других, какие меж людей,
 А зависть в них бывает,
И, может быть, людской еще не уступает.

Свист Соловья каков, известно без того,
 Чтобы хвалить его.
Что ж? Вздумай на него воронья чернь озлиться
Из зависти, что он, когда бы петь ни стал,
 Всех голосом своим прельщал.
«Нам должно, — говорят друг другу, —
согласиться,

Чтоб Соловью не дать уж больше отличиться,
Всем вместе с ним запеть, когда он петь начнет,
То голос весь его за нашим пропадет;
А если он и тут над нами верх возьмет,
Так будем сказывать, что дурно он поет,
Всем тем, которые ни стали б им прельщаться.
Что, долго ли ему и впрямь торжествовать,
А нам с стыдом пред ним, Воронам, оставаться?»

 И только Соловей свистать —
 Воронье стадо ну кричать!
Но голос Соловья не только не терялся —
Приятнее еще по роще раздавался.
Другой бы голос, может быть. . .

Да голос Соловья хотели заглушить!
Теперь хотел бы я спросить,
Кого с Воронами поставить здесь в сравненье?
Мое бы мнение,
К ним сочинителей негодных применить,
Которые на стать воронью поступают,
Когда на авторов хороших нападают
И клеветой хотят их славу помрачить.
(1782)

135. СЛЕПЦЫ

Шло несколько слепцов, как все слепые ходят,
Когда их зрячие не водят:
Почти что шаг пройдут —
Споткнутся или упадут.
Прохожий, чтоб слепцам не столько спотыкаться,
Дает им палку опираться.
Взяв палку, передом один слепец пошел,
А за собой других повел.
Пошли, друг за друга держались,
И меньше прежнего при палке спотыкались.
Вдруг спор между слепцов зашел:
Вожатым каждый быть хотел;
И спор еще другой о палке затевают:
Какого дерева почесть ее — не знают.
Кто говорит,
Что палка та кленова;
Другой твердит:
Дубова.
И ошупью слепцы хотят о том судить,
Что должно зрячему глазами различить.
Слепцы не могут согласиться,
И всё сильнее спор о палке становится.
Из спора в спор слепцы, потом до бранных слов
Уже доходит меж слепцов,
А там и в драку меж собою,
И палкою друг друга тою,
Котора им дана была, чтоб их водить,
Немилосердо бить.

Но всё не думают друг другу уступить:
Хоть умереть, готовы драться,
А в споре не поддаться.
И до того не унялись,
Пока насмерть передрались.

Вот так слепцам во вред служило,
Что в пользу их дано им было.
А этаких слепцов,
От ересей и спорных слов,
Которые они рассеяли в законы,
На свете не одни погибли миллионы.

(1782)

136. ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛ

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.
Повел осла казать по улицам дурак;
И старики, и молодые,
И малый, и большой,
Где ни взялись, кричат: «Ахти! осел какой!
Сам зелен весь, как чиж, а ноги голубые!
О чем слыхом доселе не слыжать!
Нет, — город весь кричит, — нет, чудеса такие
Достойно вечности предать,
Чтоб даже внуки наши знали,
Какие редкости в наш славный век бывали».
По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,
Леса, подмости подставляют;
Всем видеть хочется осла, когда пойдет,
А всем идти с ослом дороги столько нет;
И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,
С боков, и спереди, и сзади забегая.

Что ж? Два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.

Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, робят чтоб укачать,
Кота уж полно припевать, —
Осла зеленого робятам припевали.

На третий день осла по улицам ведут;
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней.
Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить, —
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали:
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

(1782)

137. СТЯПЧИЙ И ВОРЫ

Какой-то стряпчий был всем стряпчим образец,
Такой делец,
Что, стряпческими он ухватками своими
Пред всеми стряпчими другими
Взяв первенство, к себе всех истцев приманил;
И, словом, так проворен был,
Что часто им и тот оправдан оставался,
Который сам суду в вине своей признался
И суд которого на казнь уж осудил.

В покраже двух воров поймали,
И должно по суду воров за то казнить;
А это воры знали.
Однако как они о стряпчем тож слыхали,
Что, если за кого возьмется он ходить,
Бояться нечего, то стряпчего сыскали;

Сулят ему, что за душой
Из краденых и денег и вещей,
Лишь только б их оправить,
А пуще бы всего от смерти их избавить.
Ведь тяжко умирать, как есть кому чем жить!

Надеясь от воров подарки получить,
Стал стряпчий за воров ходить,
И выходил, что их на волю отпустили,
Всех вообще судей заставляя разуметь,
Что их напрасно обвинили:
Вот каково старателя иметь!

Как скоро их освободили,
В дом стряпчего снесли они, что посулили;
Благодарят
И впредь дарить его сулят.

Как это всё происходило,
Что стряпчий от воров подарки принимал
И с ними в радости на счет их пировал,
Уж на дворе не рано было;
И стал гостей он унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только в доме улеглись,
За промысл гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчего пожитки расщечили,
Потом до сонного дошли и самого
И в барышах ему бока отколотили,
Оставя чуть живым его.

Кто плутнями живет и плутням потакает,
От них и погибает.

(1782)

138. ЛЕСТНИЦА

Всё надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, всё будет без пути.

Хозяин некакий стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних мечь. Хоть с нижней сор
сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были. —
Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?
(1782)

139. ЛЕНИВЫЕ И РЕТИВЫЕ КОНИ

В одних повозках шли ретивые Коні,
В других — ленивые. Пришед к горе они,
Ленивые — ни с места! Стали —
А ведь в дороге не стоять,
Так должно что-нибудь начать.
Побившись, способа другого не сыскали,
Чтоб помощь этому подать,
Как лошадей ленивых
Вон выпрячь из возов и впрячь коней ретивых.
Повозку только лишь взвезут,
Другую их взвезти опять перепрягут.
Да что ж? Когда кормить обоз остановили,
Всех на одну траву на тот же луг пустили.

Я сам в себе, случившись тут,
Подумал: вот житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тот же корм, какой ленивому дают.

140. НЕВЕЖЕСТВО И СКУПОСТЬ

От зла и одного чего не отродится!
Что ж, если вместе их и более случится?

Невежда, и притом скупой,
По милости судьбы слепой,
Нашел в земле одну старинную стату́ю,
Такую,
Что, говорят, теперь не сделают такой
Работы мастерской.
Тотчас невежество и скупость вобразили
В стату́е этой вещь, в которой деньги скрыли,
И, чтобы вынуть их, такую вещь разбил,
Которой, может быть, цены не находили
Тогда, когда ее художник сотворил.

141. ЛИСИЦА И СОРОКА

«Давно уже тебя мне хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить? —
С Сорокой свидевшись, Лисица ей сказала. —
Я чаю, что тебя послушать рассуждать —
Есть подлинно что перенять».
— «Всё, что я говорю, — Сорока отвечала, —
Относится к тому, чтоб, истину вещей
Открыв, других наставить в ней;
И я большим моим стараньем в том успела,
Что я, кого бы ни взяла,
Пред всеми прочими найти ее умела,
С летучей мыши до орла».
— «Большое б, — говорит Лисица, — одолженье
Твое услышать наставленье,
Когда бы ты не в труд сочла».

Как на кафэдре врач глубокоизученный,
И знаньем, и своей особой зараженный,
Когда готовится преподавать урок,
Сперва вперед и назад кафедры пошагает,
С осанкой в носовой свой шелковый платок
Утрется и потом уж слово начинает, —

Так точно, на суку Сорока находясь
И поучение давать расположась,
Сперва вперед и взад с осанкой выступала,
И справа нос об сук и слева подчищала.
Потом, приняв лица учнейшего вид:
«Я рада всем служить, что знаю, — говорит, —
Я не люблю своим таиться дарованьем:
Пусть пользуются все открытым мне познанием.

Не так ли? Ты ведь у себя

Четыре все ноги считала?

Но не четыре их! Хоть странно для тебя,
Однако должно знать: чего б я ни сказала,
Без доказательства еще не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда.

Приметила ли ты когда:

Как скоро ступишь ты, нога твоя в движеньи?
Когда же ты стоишь в покойном положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Да полно, этим я не всё еще сказала,
А слушай, что теперь я стану говорить,
Чего большим трудом недавно я узнала:
Всегда, когда тебе случается ходить,
То ты не иначе как по земле ступаешь.
Приметь же ты свой хвост, и ты тогда узнаешь,
Что всякий раз, когда нога твоя шагнет,
За нею тож и хвост подастся твой вперед;
И как нога твоя то тут, то там бывает,
Точнехонько и хвост твой так же выступает,
Когда на ловлю кур изволишь ты ходить.
Из этого теперь выходит заключенье,
Что хвост твой пятою ногою должен быть.
И вот, сударыня, на ваше предложенье
Вам с доказательством решенье».

Как, право, веселит, что даже меж скотов

Способности больших умов,

Дающих всем вещам и толк и объясненье!

Мне это важное сороки рассужденье

Лисица рассказав заподлинно сама,

Примолвила при том от хитрости ума:

«Чем меньше сведущи скоты и чем глупее,

Тем в доказательствах сильнее».

142. ОСЕЛ В УБОРЕ

Одень невежду
В богатую одежду —
Не сладишь с ним тогда:
В наряде и ослы по спеси господа.
По случаю, не помню по какому,
Но разумеется, что не в лице посла,
Отправил Лев Осла
К соседу своему и другу, льву другому,
Какие-то, никак, ему подарки снести.
Посольство отправлять у Льва Лисица есть;
Но хоть подарки снести Осла употребили,
Однако, как посла, богато нарядили,
Хотя б турецкого султана ослепить
И мир или войну заставить объявить.
Не вспомнился Осел в уборе, взбеленился:
Лягается и всех толкает, давит, бьет;
Дороги ни встречным, ни поперечным нет;
Ни откупщик еще так много не гордился,
Сам Лев с зверьми не так сурово обходился.
Ослов поступок сей
Против достойнейших Осла других зверей
Стал наконец им не в терпенье;
Пришли и на Осла Льву подали прошение,
Все грубости ему Ослы рассказав.
Лев, просьбу каждого подробно разобрав, —
Не так, как львы с зверьми иные поступают,
Что их и на глаза к себе не допускают,
А суд и дело их любимцы отправляют, —
И так как Лев зверей обиду всю узнал,
И видя, отчего Осел так поступает,
Осла призвав, ему сказал,
Чтоб о себе, что он осел, не забывал:
«Твое достоинство и чин определяет
Один убор твой
Золотой,
Других достоинство ума их отличает».
И наказать Осла, Лев снять убор велел;
А как Осел других достоинств не имел,
То без убора стал опять простой осел.

143. ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал Лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог с кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?

Об этом чтоб указе знали,

Его два раза не читали.

Уж то-то было пиршество!

И кожу, кто лишь мог с кого,

Похваливают знай указ да обдирают.

Душ, душ погибло тут,

Что их считают, не сочтут!

Лисице мудрено, однако, показалось,

Что позволение такое состоялось:

Зверям указом волю дать

Повольно меж собой друг с друга кожи драть!

Весьма сомнительным Лисица находила

И в рассуждении самой, и всех скотов.

«Повыведать бы Льва!» — Лисица говорила

И львиное его величество спросила,

Не так чтоб прямо, нет, — как спрашивают львов,

По-лисьи, на весы кладя значенье слов,

Всё хитростью, обиняками,

Всё гладкими придворными словами:

«Не будет ли его величеству во вред,

Что звери власть такую получили?»

Но сколько хитрости ее ни тонки были,

Лев ей, однако же, на то ни да, ни нет,

Когда ж, по Львову расчисленью,

Указ уж действие свое довольно взял,

По высочайшему тогда соизволенью

Лев всем зверям к себе явиться указал.

Тут те, которые жирные всех казались,

Назад уже не возвращались.

«Вот я чего хотел, — Лисице Лев сказал, —

Когда о вольности указ такой я дал:

Чем жир мне по клочкам собирать с зверей трудиться,

Я лучше дам ему скопиться.

Султан ведь также позволяет

Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает;
Так я и рассудил пример с султана взять». Хотела было тут Лисица в возраженье

Сказать свое об этом мненье
И изъясниться Льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорит со Львом. . .

А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лиси промолчать.

144. ПОБОР ЛЬВИНЫЙ

В числе поборов тех, других,
Не помню, право, я, за множеством, каких,
Определенных Льву с звериного народа
(Так, как бы, например, крестьянский наш народ
Дает оброки на господ),
И масло также шло для львина обихода.
А этот так же сбор, как всякий и другой,
Имел приказ особый свой,
Особых и зверей, которых выбирали,
Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
А сборщиков немало было!

Да речь и не о том; мне хочется сказать
То, что при сборе том и как происходило.
Большая часть из них, его передавая,
Катала в лапах наперед;
А масло ведь к сухому льнет,
Так, следственно, его немало
К звериным лапам приставало;
И, царским пользуясь добром,
Огромный масла ком стал маленьким комком.
Однако как промеж скотами,
Как и людскими тож душами,
Не все бездельники, а знающие честь
И совестные души есть,

То эти в лапах ком не только не катали,
Но сверх того еще их в воду опускали,
Чтоб масло передать по совести своей.
Ну, если бы честных зверей
При сборе этом не сыскалось,
То сколько б масла Льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил?
Я Льву, на жалобу об этом, говорил:
«Где сборы,
Там и воры;
И дело это таково:
Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

145. РЕЗЧИК И СТАТУЯ

Художник некакий, Резчик,
В художестве своем и славен и велик,
Задумал вырезать Статую
Такую,
Которая б могла ходить
И говорить
И с виду человеком быть.
Резчик Статую начинает,
Всё мастерство свое Резчик истощевает:
Статуя движется, Статуя говорит
И человеческий во всем имеет вид;
Но всё Статуя та не человек — машина:
Статуя действует, коль действует пружина;
Статую нравственной души недостает.
Искусством чувств не дашь, когда природных нет.

146. БУКВЫ

Чтобы ученых отучить
В словах пустых искать и тайну находить,
Которую они, по их речам, находят
И в толки глупые свои других заводят,

Царь у себя земли одной
Их шуткой осмеял такой:
Под городом одним развалины стояли,
Остатки башен городских,
А около обломки их,
Землей засыпаны, лежали.
На сих обломках царь, ученым в искушение,
Исечь по букве приказал;
Потом те буквы на решение
За редкость по своим ученым разослал.
«Посмотрим, — царь сказал, —
Какое выведут ученые значенье.
Уж то-то толки тут
Пойдут!»
И подлинно, пошли. Хлопочут, разбирают,
Чтоб тайный смысл найти словам.
Рассылка букв по всем ученым и землям;
Все академии к решению приглашают,
Записки древностей, архивы разбирают;
Газеты даже все о буквах говорят;
Робята все об них и старики твердят;
Но мрачность древности никто не проникает.
Царь наконец, хотев их глупость обличить,
Всем приказал к себе своим ученым быть
И заданные сам им буквы объясняет.
Весь смысл неразрешимых слов
Был тот: «Здесь водопой ослов».

147. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слышал,
Что за море детей учиться посылают
И что вообще того, кто за морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с *знанием* таких людей считают;
И, смотря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отставать,

Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупее возвратился.

Попался к школьным он врялям,
Ненстолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенья».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.
Не оборвись! . . .»
— «Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
«Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
— «На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».
— «Да время надобно, — отец ему на то, —
А это, благо, уж готово».
— «А время что?»

— «А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать? ..
Да яма надобна большая!

148. ДОБРЫЙ ЦАРЬ

Какой-то царь, приняв правленье,
С ним принял также попеченье
Счастливым сделать свой народ;
И первый шаг его был тот,
Что издал новое законам учрежденье
Законам старым в поправленье;
А чтоб исправнее закон исполнен был,
То старых и судей он новыми сменил.
Законы новые даны народу были
И новые судьи, чтоб лучше их хранили.
Во всем и вся была отмена хороша,
Когда б не старая в судьях иных душа.
А тотчас это зло поправить
Царь способов не находил,
Но должен это был
И воспитанию и времени оставить.

149. ЛЕВ-СВАТ

Лев, сказывали мне, любовницу имел
(Ведь занимаются любовными делами
Не только меж людьми, но также меж скотами),
И жар к любовнице его охолодел.
А для того он тож (как люди поступают,
Что за другого с рук любовницу сживают,
Когда соскучится им всё одну любить)
Хотел красавицу, но не бесчестно, сжить:
Он Барса пестрого хотел на ней женить.

Но как он ни старался,
Жених замеченный никак не поддавался;
Да Лев бы только приказал —
Любить указ ведь не дается;
А в случаях таких политика ведется
И у зверей,
Как у людей.
К тому же дело щекотливо
Любовницу себе в жены такую взять,
Котору ищет сам любовник с рук отдать.
А потому ничуть не диво,
Что жениха не мог невесте он сыскать.
Но свадьбы не хотел уж больше отлагать;
Без всех чинов Осла он прямо избирает:
«Послушай — говорит, — назначил я тебя
Любовницы моей супругом,
Возьми ее ты за себя,
А я за то тебя
Пожалую в чины, и будешь ты мне другом».
Осла, не как других, раздумье не берет,
Осел в бесчестье не зазорен.
На предложенье Льва Осел тотчас сговорен,
Сказав: «Хоть чести мне в женитьбе этой нет,
Как говорит и судит свет,
Да милость Львиную она мне обещает.
К тому и меж людьми то ж самое бывает».

В. А. Левшин

150. ОСЕЛ-СТИХОТВОРЕЦ

Случилось, что Осел
Когда-то захотел
Ступить в след славных дел.
Затеял не свою сварить Осел мой брагу!
Он перья наострил, марати стал бумагу,
Набрался пышных мер
И вздумал о себе, что будто он Гомер.
Осел мой нос вздирает,

Стихи без стоп марают
И мыслит тако он:
«Не лучше ведь меня писал и Аполлон.
За что ж ему во власть отдали Геликон?
Мне лъзя с ним поделиться,
Лишь нужно потрудиться
И взъехать на Парнас;
Так будет двое нас».

Ему Феб отвечал: «С тобой нельзя мне спорить.
Коль можешь так спроворить,
Ступай ты на Парнас, а я долой уеду».
Готовою Осел считает уж победу
И гордо направлял к Парнасу свой полет;
Да та беда, что крыльев нет.
Однако он ползет,
Вздувается, ревет
И мнит, что он идет
С часу на час всё выше;

Осталось ему последний шаг шагнуть
И Феба вон толкнуть.
Но стой, Осел! потише!
Не полно ли уж врать?
Осмелюсь я сказать,
Немножечко поскучу:

Ты взшел не на Парнас, а на навозну кучу.

Читатель мой! Сего я не боюсь Осла,
Чтоб участь и меня туда ж не унесла.
Польстити я себе в трудах отнюдь не смею,
И хоть намеренье полезное имею,
Но, может быть, писать стихи я не умею.

(1787)

151. КУЗНЕЦ

Когда весна настанет,
Яснее солнце глянет
И травка прорастет;
Тут пахарь ладит соху;
А если оной нет,

Последню продаёт
Он кроху,
Чтоб соху нарядить,
Пахать исправну быть.
В деревне это знают,
И все там кузнецы,
Как будто бы купцы,
Из кожи лезут вон, потеют, работают
И сотни запасут и кос и сошников.
В деревне мастер был, не знаю, кто таков.
В огне железо жарил,
На наковальне бил,
Закаливал и парил,
На часточки рубил.
В весенню эту пору
Мнит быть доходу спору.
Взялся за сошники.
В полпуда шину он на уголье ворочал,
Тянул, корочал
И ловкие давал железу тумаки;
Однако сошников еще не видно следу,
Хотя и с двадцать раз в огне его морил.
Кузнец мой говорил:
«Ведь рано на дворе, исправлюся к обеду,
И тотчас докажу, работник я каков!»
Однак из шины той не вышло сошников;
Взялся он за труды без батюшкина спросу.
«Не вышло сошников, так сделаю я косу», —
Кузнец так рассуждал.
Опять железо он и жарил и ковал,
Водил его к допросу;
Но в бедственные часы
Не вышло и косы.
«Конечно на меня дурным взглянули глазом! —
Сказал кузнец. — Теперь поправлюся я разом,
И выдет у меня совсем уже не то:
Скую я долото.
Недаром я тружуся,
До толку доберуся;
По-свойски дело я впоследствии поверну
И молотом давну».
Он жарил, и сожег железо всё в горну;

Остался —
Золотник.
Кузнец с досады рвался,
Клещи он из горна с кусочком тем смыгнул
И в воду ткнул.
Пропала греза,
И из всего железа
Один лишь вышел пшик.

Не лучше ли, не зная, за дело нам не браться,
В убытке чтоб не быть, не стали чтоб смеяться?
(1787)

152. КАМЕНЩИК

Хотя себя от бед всяк тщится уберечь,
Но можно ли кому себя в том остеречь?
К сему я басню слажу,
В пример, не на продажу;
А к ней я приложу пословицу сию,
Чужую, не мою:
Хотя род-племя мило,
Но свой поближе рот.
Не знаю, где то было.
На верх больших ворот
Художник взгромоздился
И там трудился;
Высоко от земли гораздо он стоял,
Кирпичье ладил там и извязью поял;
Слететь долой наниз не чувствовал охоты,
Не птицей быть хотел и взлез лишь для работы.
Такой широкий шаг зачем ему шагнуть?
Он знал, что не всегда удастся вниз спрыгнуть
И можно оттого головку повихнуть.
Однако ведь дела не так идут, как хочешь,
И часто иногда и попусту хлопочешь.
Художник сей беды не чаял и не ждал,
Однако совершил нечаянно три дела:
Скользнулся, полетел и вниз с ворот упал.
Судьбина уморить его не похотела:

Он пал, но без вреда;
 И вся его беда
 Прохожему досталась,
 Прохожей головы лишь жижица осталась;
 Он так его давнул,
 Что тот и не зевнул.
 Народ к такому чуду
 Сбегается отвсюду.
 В народе меж других убитого сын был;
 Увидел мертвый труп, «увы! увы!» завыл,
 И в горе злом берет убийцу он за шею,
 Кропочет
 И виселицы хочет
 Отцовскому злодею.
 Невинный говорит: «Послушай ты, друг мой!
 Пожалуй, так не вой.
 Я гнев твой успокою:
 Когда я казни стою,
 Чрез сей убивства род
 Убей и ты меня, скочивши с сих ворот».
 Задумался тогда отцовой смерти мститель
 И, может быть, так мнил: «Покорный я служитель!
 С ворот я не прыгну, они хоть были б ниже:
 Хоть мило племя-род,
 Однако же свой рот
 Поближс».

(1787)

153. СНЕГИРЬ

Расхвастался Снегирь своим приятным пеньем,
 И в жаре он своим телегою скрипит;
 От пышности вся кровь в Снегирике кипит:
 «Поспорил бы со мной кто пения уменьем?
 Не должен ли хвалить меня за это свет?
 Певал я над Невою,
 Певал я над Москвою,
 Да спорить и поднесь со мной там смелых нет!»
 — «Мой свет, —
 Рек Чиж ему в ответ. —

В безлюдье и Кузьма бывает дворянином,
И нравятся иным все Кузины игрушки;
Себя ты не считай великим господином:
В небытность соловья — крик громок у лягушки».

(1787)

154. БЕССМЕРТНЫЙ АВТОР

Прославился писец одиножды трудами;
На нашем то веку случилось межъ нами,
 И целый тюк он драм на свет издал.
Издать свои труды писателю забавно;
Узнали же, однак, хотя то и недавно,
Что древних он писцов чистенько обокрал.
С покойников давно писцы оброк собирают,
 Труды их обдирают
И в новой шубе их за свой плод выдают;
Усопши авторы греху сему причастны
 И были не бесстрастны,
Хотя им и поднесь венки народы вьют.
 Все грешны человеки,
 И будет так вовеки,
 И общая в том будет дань:
В чужие сундуки не всунув длань,
 Не вдруг разбогатеешь,
 Гораздо попотеешь;
 И, может быть, сей пот
 Отнюдь не будет тот,
Который потечет пермесского от жару:
 Пойдет за грех
 И будет он припадок
 Бредливых лихорадок
 Или народный смех.
Бессмертный автор мой годился б в эту пару.
 Однако общество
 Невежд его хвалило,
 И, давши старшинство,
 С Расином посадило;
Семирина творца, Росьядина забыло;
Преславный Молиер меньшей ему стал брат,
Хотя он сей родне не очень был бы рад.

Хвала его расти дотолѣ не престанет,
Поколь язык невежд болтати не устанет;
И, может быть, они и громче заревут,
Как умные чтецы возьмут его на суд
И правду скажут.
Но скромно умные вездѣ себя ведут
И пальцем не укажут
На тех, которы врут.
Ликуйте, о врали! и множьте ваше племя:
За Фебовы грехи во всякій век вам время.
(1787)

И. Ф. Богданович

155. СКУПОЙ

Какую пользу тот в сокровищах имеет,
Кто в землю прячет их и ими не владеет?
Живет в провинции скупяк,
И хочет вечно жить дурак,
Затѣм что предки жили так.
По дедовскому он примеру
И по старинному манеру
Имеет к деньгам веру,
Не бреет никогда усов,
Не курчит волосов:
У прадеда его они бывали прямы,
Который прятывал всегда богатства в ямы.
Таков был дедушка, отец и сын таков.
Когда он при концѣ, в послѣдкѣ, рот разинул,
Едва успел сказать женѣ,
Что деньги он в землѣ покинул,
В саду, в такой-то сторонѣ,
Но чтоб не трогать их, — он умер с тем заветом;
Жена, не тронув их, простилась послѣ с светом;
Вступил в наследство внук,
Но деньги те еще людских не знали рук:
По завещанью он зарыл их в землѣ ниже,
Как будто для того, чтоб были к черту ближе.
(1761)

156. НЕУМЕРЕННОСТЬ

Всяк ищет лучшего, на том основан свет;
И нужен иногда к терпенью нам совет.
В Сибири холодно, в Китае больше преют,
И люди то сносить умеют.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
В Китае побывать и побывать в Сибири
Подале, нежели отсюда в Кашире,
И надобно туда дорогам быть пошире.
Поближе я найду в пример такой Осла.
Мужик, пастушья ремесла,
Гонял на корм сию скотину,
И выбрал лучшую долину.
Долина у реки, трава была густа,
И близки от двора хозяйского места;
На что же далеко носить ему дубину?
А на другом краю реки
Паслись Быки
У пастуха Луки;
Казалось, туда пути недалеки.
Их кормом мой Осел прельстился:
Прискучило ему давно
Есть каждый день одно,
И переправиться однажды покусился,
К Быкам пустился,
Да та беда,
Что не было туда
Сухой дороги,
А надлежало плыть: в болоте вязнут ноги,
Река
Была топка.
Кричит пастух и стонет,
Увидя, что Осел в болоте тонет.
Он мнил, что глупую скотину воплем тронет;
Однако мой Осел
На крик пастуший не смотрел
И на середине
Увяз по горло в тине.
Осел
В болоте сел;
Раздумал ехать в гости

И был бы рад
Отправиться назад;
Но, порывался он хотя сто крат,
Хотя пастух в него метал камня в злости,
Отчаян был его возврат.
К чему представлен здесь Осел, увязший в тине?
Легко поймешь, читатель, силу слов:
Великие стада найдешь таких Ослов,
Которые, своей противясь судьбине,
Пускаются в опасный путь,
Дабы сыскать там что-нибудь,
И часто на пути принуждены тонуть.
(1773)

157. ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ

Пчелино общество, с тех пор как создан свет,
Житейских должностей всегда примером было,
Всегда союз любило,
Всегда носило мед.
Вблизи каких-то Пчел, пчелиный подражатель,
Знакомец иль приятель,
Устроивши в земле конурку и постель,
Работал также Шмель.
Куда летит Пчела, туда и Шмель летает,
И так же мед таскает.
Хорош такой сосед,
Который носит мед;
И Пчелы, чтоб завести с соседом хлебосольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
Шмеля просить,
Чтоб вместе жить
И вместе мед носить.
К Шмелю от матки Пчел явились депутаты:
«Послушай, — говорят, — поди ты к нам в дупло,
У нас просторно и тепло.
Мы будем завсегда друзья твои и братья
И возьмем всех Шмелей к себе из-под земель».
— «Я род пчелиный почитаю
И вашу добродетель знаю, —
Ответствовал им Шмель, —

Но в вашем обществе живут нередко Трутни,
Которые творят и шалости и плутни;
Их плутни разбирать,
Так время потерять.
Я знаю цену службы
И всей пчелиной дружбы:
Хотя же у себя тружуся я один,
Но в доме я моем свободный господин.

(1783)

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

158. (СОКРАТОВО СЛОВО)

Сократ себе построил дом.
Все в доме сем пороки находили:
Иные внутренний порядок в нем хулили,
Другие внешний вид. О том и о другом
Различно хоть судили,
Однако ж все согласно заключили,
Что слишком в доме сем покой^малы были.
«Сократу ли, — кричат, — такой приличен дом!
Не повернешься в нем».
Подобными речами
Сократа довели, что он сказал: «Дай бог,
Чтоб дом мой, пусть хоть мал, но быть наполнен мог
Мне верными друзьями».
Он дельно говорил, и правду познаем
Мы из его наветки:
Друзей названием мы множество найдем,
Но дружбы истинной примеры в свете редки.

(1787)

159. БЫК И ЛЯГУШКА

Увидевши Быка,
Лягушка завистью вскипела
И, бывши вся не толще кулака,
С Быком сравняться захотела.

Ну дуться, мучиться, кряхтеть...
«Прошу вас, — говорит, — сестрицы, посмотреть:
Довольно ли?» — «Нет». — «Как? Еще я не
сравнялась?»
— «Далёко». — «А теперь? Ужли всё толще он?..»
— «И нет похожего!» — До тех пор надувалась,
Что, дура, лопнула — и дух из тела вон.
Лягушки не умней людей есть много в свете,
Страсть общая — себя стараться всё вознесть:
У всякого князька хоть рота войска есть,
И как ни будь кто гол, а чванится в карете.

160. СТРЕКОЗА

Лето целое жужжала
Стрекоза, не зная забот;
А зима когда настала,
Так и нечего взять в рот.
Нет в запасе, нет ни крошки,
Нет ни червячка, ни мошки.
Что ж? К соседу Муравью
Вздумала идти с прошеньем.
Рассказав напасть свою,
Так, как должно, с умилением
Просит, чтоб займы ей дал,
Чем до лета прокормиться.
Совестью притом божится,
Что и рост, и капитал
Возвратит она не дале,
Как лишь августа в начале.
Туго Муравей ссужал:
Скупость в нем порок природный.
«А как в поле хлеб стоял,
Что ж ты делала?» — сказал
Он заемщице голодной.
«Днем и ночью, без души,
Пела все я цело лето».
— «Пела! Весело и это.
Ну поди ж теперь пляши».

161. (ДУБ И ТРОСТЬ)

Когда-то Дуб с Тростинкой речь завел:
«Как ты обижена, — сказал он, — от природы!
Ведь для тебя и чижик уж тяжел;
Малейший ветерок чуть-чуть лишь тронет воды,
Чуть мелкая струя покажется на них,
Уж ты и гнешься вмиг.
А я, равняясь Кавказу высотой,
Чело взнеся до самых туч,
И солнца пресекаю луч,
И против бурь стою недвижною ногою.
Тебе всё — Аквилон, Зефир — всё предо мною.
Хотя б уж ты вблизи при мне росла;
Под сению моей укрыта,
Не столько б ты тревожена была,
И я б тебе от бури был защита.
Но жребий твой — большею частью рость
По топким берегам вод области бурливой.
Жестоко гонит рок тебя несправедливый!»
— «Ты очень жалостлив, — ответствовала
Трость, —
И похвалы за то достоин;
Однако будь о мне спокоен;
Мне мене, чем тебе, опасна ветров злость.
Я гнусь — и всё цела. Поныне ты держался
Против жестоких бурь и от порывов их
Еще не наклонялся;
Но подождем конца». — При разговорах сих
От дальних неба стран вдруг с яростью примчался
Исшедший с севера из недр
Лютейший самый ветр.
Трость пала — Дуб не уступает.
Но вихрь стремленье удвоет
И, ринувшись, вверх корнем повергает
Того, кто, небесам касаясь главой,
Зрел царство мертвых под пятой.

162. РЫБАК

Жил-был охотник рыбу удить.
Кто рыбу удил иногда,
Тот всяк легко рассудит,
Какого стоит то труда,
Какого беспокойства.
Охота рыбная не годна никуда,
Не моего охота эта свойства;
Однако же у всякого свой вкус.
Рыбак мой был не трус;
Сидит он у пруда, у озера, у речки,
Бросает уду днем, бросает и при свечке,
Но рыба не клюет.
Ловец напрасно рыбки ждет:
Сидит вся рыба дома,
Бойтся рыбака, как черт бойтся грома.
Казалось, что в водах нет больше рыб;
Иной бы, не привыкший к скукам,
Охоту всю свою отшиб
К форелям, к судакам и щукам.
Я плюнул бы на мокрых сих бояр, —
Пускай их чванятся и не хотят казаться;
А я для этого уж слишком стар,
Чтобы немых в передней дожидаться.
Однако же надежда рыбака
Толкает под бока
И много рыб ему сулит на уду.
Вот так
Мой думает рыбак:
«Сегодня счастливей я буду,
Сегодня много наловлю,
И засушу, и насолю,
Ухою голод утолю,
Сухоядение вчерашнее забуду».
С такой надеждою ранехонько встает
И рыб опять обманывать идет.
Уж под вечер, как он отчаявался,
И вправду карп ему попался.

Отяжелел на уде крюк,
И уда задрожала.
Весельем в рыбаке душа вострепетала.
Карп вытащен из влаги вдруг:
Карп этот был дороден, плотен;
Какая радость, кто есть рыб охотен!
«Здорово, карп, здорово ты, мой друг! —
Рыбак мой восклицает. —
Уже давно тебя очаг мой ожидает;
На ужин милости прошу к себе:
Я голоден, ты жирен,
Я в ужине себя дам знать тебе». —
Но карп мой дик, не смирен;
Он людям незнаком.
Заужиною с рыбаком
Быть не намерен и не хочет;
Вертится на крюку, хлопочет,
Недолго поскакав
И уду оторвав,
К безмолвному народу,
Как воздух бьет стрела насквозь,
Так поплыл он сквозь воду —
И сделал рыбака хоть брось.

Мы все, сему подобно,
За случаем гонясь,
По времени вертясь
И время наконец сыскав удобно,
Хватаемся с восторгом за случай;
Но счастье невзначай
Себя переменяет
И своего истца,
Как рыб сего ловца,
С насмешкой оставляет.

(1778)

163. МОР ЗВЕРЕЙ

За беззаконие львов, тигров, барсов,
Четвероножных оных Марсов,
Которым отданы в правление леса,
Разгневанные небеса

Послали мор; валятся звери,
Повсюду к смерти им отверсты страшны двери.
Окончились пиры, которые они

В спокойны прежде дни
На счет овец и зайцев устроили;
И звери в ужасе уже не звери стали.
Изнемогают все, хоть смерть разит не всех.

Гусей и кур лисицы не вкушают,
И горлицы друг друга убегают.
Нет более любви в лесах и нет утех.
Глас добродетели сам хищный волк стал слушать,
Исправил наконец и Волк свой грешный век

И стал он добрый человек;
Но отчего? — Не хочет боле кушать.
Сбирает Лев совет и говорит: «Друзья!
Конечно, за грехи несчастье нам такое.

Чтоб отвратить толико время злое,
Кто всех грешней, хотя б то был и я,
Тот должен искупить всё общество собою,
Тот должен умереть за общество один,
И будет славный он по смерти господин.

Доволен бы я был моей судьбою,
Когда б грешнее всех я был:
Я жизньню б народ звериный искупил,
И имя было бы мое всех львов слышнее.

Я признаюсь, и я не без греха,
Едал я и овец, едал и пастуха,

Но я неужто всех грешнее?
Пусть всяк, подобно мне, открыв смиренный дух,
Покаяся, грехи свои расскажет вслух».

— «Великий государь, — Лисица возглашает, —
Ты праведен и милосерд всегда;
Твоя священна лапа иногда

Овец, любя, тазает;
Но что же это за беда?

Что их изволишь кушать —
То честь для подлости такой:

Они на то и созданы судьбой.
Нет, слишком совести своей изволишь слушать.

И также нет греха
Терзать и пастуха;
Он из числа той твари пренесносной,

164. ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб гордый, головой касаяся до неба,
На гибку Трость смотрел с презреньем с высоты.
«Какая, — говорит он ей, — в тебе потреба?

Пастушьей простоты

Игра и шутка,

Бывает из тебя лишь только дудка;
Из ветвий же моих полубогам венцы
Сплетаются, победы их в награду.

Героям я даю отраду;

А ты — утеха ты барана иль овцы.

Творение, презренно целым миром,
Что дует, ты всему покорная раба;
Ты даже спину гнешь пред слабеньким Зефиром,
А мне ничто Бореева труба».

Как водится пред знатным господином,
Пред силой коего все — мелкая черта,
Трепещущая Трость, не разевавая рта,
Почтенному дубовым чином,
Чтоб лишних избежать сует,
Дает нижайшими поклонами ответ.

Но вот, нахмуря брови черны

И ветрену Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Всё бей, всё грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!»
Тирану этому уклончивая Трость,

Опять согнув хребтову кость,
Покорно бьет челом, ему упавши в ноги.
Не прикоснулася Бореева к ней злость;

Безвредно ей он мчится по дороге

Туда, где крепкий Дуб стоит;

Он ждет и от него поклона,

Но Дуб от спеси лишь кряхтит, —
Не хочет Дуб нести Бореева закона.

Сильнее ветер там, где более упор,

И гневаться Борей безмерно скор:

С такою яростью на Дуб упрямый дунул,
Что с места он его и с корнем ссунул.

(1787)

165. ОРЕЛ И СОЛНЦЕ

На Солнце некогда Орел
Весьма внимательно смотрел,
Потом вскричал: «О Феб! Отец великий мира,
Которого воспеть бессильна всяка лира,
Колико смертные одолжены тобой!
Ты, неприступною сияя красотой,
Везде свои лучи златые разливаешь
И всю вселенную, как точку, озаряешь.
Тобою движется и дышит всяка тварь:
Орел и воробей, и раб и государь.
Ты, проникая внутрь земли весьма глубоко,
Живишь природу всех в ней кроющихся тел.
Коль быстро быть должно твое, о Солнце, око!»

— «Ты правду говоришь, Орел, —

Титан ему отвещивает. —

Конечно так: мой луч вселенну озаряет.
Он светит на земли, он светит в небесах
И рассыпает блеск в пространнх всех морях.

Но должен я признаться,
Что сам я не могу сим благом наслаждаться.
Я свет даю другим от света моего,
А сам, божусь тебе, не вижу ничего».

(1787)

166. ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Кто льстит и лицемерит,
Тому никто не верит.
А что не ложно то, я басней докажу,
Про Петуха с Лисицею скажу.
Гуляла некогда Лисица подле леса
И Петуха узрела на суку,
Который пел «кокореку».
Лисица — не повеса

И знает, как подлезть,
Когда курятины задумает поесть,
«Здорово, куманек!» А кум на то: «Здорово!»
— «Ах, как высоко я зрю кума дорогого!
Но это не беда: кум тотчас для меня
Сойдет пониже, —
Промолвила Лиса, подшедши к куму ближе. —
Послушай, куманек! Почтение храня,
Я радостную весть пришла тебе доставить,
А именно — пришла тебя, сударь, поздравить:
По милости своей
Лев мирный заключил трактат между зверей;
О сем в приказе
Читала я сама в указе.
Сойди ж меня обнять, оставя прежний страх:
Лиса тебе уже не враг».
Петух, приметя лесть, сойти к куме не хочет.
А кумушка хлопочет
И балы куму точит:
«Сойди, любезный петушок!
Сойди, любезный куманек!»
— «Изволь, но что я вижу?
Собаки к нам бегут, конечно, поздравлять
И кумушку обнять».
Лисица, оробев, наостривает лыжу.
«Куда же ты? — кричит Петух Лисице взад. —
Или не заключен между зверьми трактат?»
— «Собаки редко, кум, бывают во приказе,
Так, может быть, они не знают о указе».

(1788)

И. И. Б а х т и н

167. ПРОПОВЕДНИК И РОСТОВЩИК

Нравоучение полезно нам бывает,
Сумнения в том нет;
Но вот о чем вопрос идет:
Нравоучению всегда ли отвечает
Желаемый успех?

А чтобы то узнать, посмотрим мы на тех,
 Чрезмерно кто влюблен, кто так же к картам
 страстен,
 Кто пьянствовать обык, кто, будучи несчастен,
 Отчаянью собой дозволил овладеть.
 Мне ж кажется мораль весьма зерну подобна,
 От коего, чтоб плод хозяину иметь,
 То ищет пусть земли, которая удобна.
 Но истину сию дабы мне доказать,
 Я притчу вздумал рассказать.
 Не знаю, было где, не помню тож и году,
 Как сказывал один священник речь к народу;
 А речи темою он взял,
 Что сребролюбие — порок гнуснейший в мире,
 И в оной доказал,
 Как дважды два — четыре,
 Что грех велик,
 Когда чрезмерную кто лихву получает,
 И всякий ростовщик
 Спасенья тщетно чаает.
 А слово окончав, доволен ритор мой
 Пошел домой:
 Искусством он своим душевно веселился.
 Назавтрее к попу нечаянно явился
 В дом некто из числа его духовных чад,
 Который, денежки имея
 И, как бы о себе, о ближних сожалел,
 Служил им часто, брав от них тройной заклад;
 А то творя отнюдь не ради роста,
 На месяц получал лишь пять копеек со ста.
 Он стал за проповедь попа благодарить,
 Вдобавок же еще и деньгами дарить,
 Прося, чтоб повторить
 О лихве слово потрудился.
 Поп, видя чудо то, немало удивился;
 От радости при том пришедши вне себя,
 Кашею возгласил: «О чадо! Коль тебя
 Я мог на путь прямой наставить,
 Когда толико я успешно говорю,
 То слово повторю;
 Но деньги можешь ты себе, мой друг, оставить,
 Иль можешь бедным их раздать.

Ах! мне ль во мзду что брать?
Имею я за труд довольную награду,
Когда мог возвратить погибшу овцу стаду
И грешника изъясил из мрежей сатаны».
Кашей же со своей дивился стороны,
Что поп его слова так худо понимает,
А более всего — что денег не примаёт;
И вот причину как он просьбы изъясняет:
«Я повторением желаю произвесть,
Чтобы в раскаянье товарищей привести;
И думаю, когда от промысла отстанут,
Тогда уже мешать мне более не станут».

(1790)

168. ЗМЕЯ-ЛЮБИМЕЦ

С Лисицей говоря, сказал однажды Волк:
«Смотри, кума, каков у нашего Льва толк!
Змею он произвел в свои любимцы ныне.
Не лучше ли тем быть большой какой скотине?
Почто бы не избрать ему на то Слона?
Тот ростом больше всех, притом и тверже силой...»
— «Ах! как же прост ты, кум мой милый! —
Сказала тут кума. —
Любимцем быть у Льва Слон дару не имеет:
Он ползать не умеет».

(1791)

П. П. Сумароков

169. ПЫЛЬ И АЛМАЗ

Однажды летнею порою
Ужасная гроза восстала после зною;
Завыл жестокий ветер, дуб гордый затрещал;
Стихии, меж собой заспорив, подрались;
Пыль, стружки, щепки, лист на воздух поднялися,
Взвились — и бурный вихрь ко тверди их помчал.

С главы красавицы, гуляющей с птиметром,
Не знаю, как-то вдруг Алмаз сорвало ветром,
И кто-то невзначай в навоз его втоптал.
Пыль между тем, узрев себя под небесами
И видя чуть Алмаз внизу, попран ногами,
Негодным подлецом, гордясь, его звала.
Однако же сия надменная хула
В Алмазе никакой досады не рождает;
Он ей с презрительной улыбкой отвечает:
«Пространство, правда, нас большое разделяет,
Но разность больше есть еще с тобой у нас:
Ты Пыль — а я Алмаз».

(1795)

170. ДВЕ СОБАКИ

У какой-то дворянки Собачка жила
И была госпоже своей столько мила,
Что всегда на одной с ней постеле спала,
С ней играла, с ней ела и чай с ней пила;
Словом, эта Собачка жила как в раю,
Равной в счастии не было ей в том краю.
Но ведь скучно, когда всё одно да одно;
Если кто и в раю год, другой посидит,
То и рай у того на душе замутит.
Собачонка однажды смотрела в окно
И, из горницы выждав хозяйку свою,
Благим матом прыгнула на двор из окна;
Там побегав, попрыгав, устала она;
С непривычки прогулка была ей трудна.
Собачонка, разинувши рот,
Дотащилась насилу до задних ворот.
Какой новый предмет пред нее там предстал!
Пес дворной тут в цепи на соломе лежал
И с великою жадностью кости глодал.
«Как не стыдно тебе дрянь такую глодать!» —
Закричала Фиделька. «Но где ж лучше взять? —
Тяжело вздохнув, ей отвечивал Пес. —
Я и то почитаю за клад

И без памяти рад,
Что такое мне лакомство дворник принес». —
«О бедняжка! — сказала Собачка ему. —
Как мне хочется горю помочь твоему!
Ты бы мог письмецо господину подать
И в нем службу и нужду свою описать».
Пес сказал ей в ответ:
«Благодарен, мой свет,
За твой добрый совет,
Но в нем пользы мне нет.
Господину известно уж несколько лет,
Как я жизнь здесь веду;
И надежду спастись от несносных сих бед
Я на смерть лишь кладу.
Голод, холод терплю
И всю ночь напролет я не сплю:
Стерегу, чтобы вор
Как-нибудь чрез забор
Не прокрался на двор;
От бреханья ж, как чирей, болит голова,
А награда за службу мне — вот какова!»

Вот такая мораль к этой басне годна:
Жизнь почти не всегда ль тех бедна,
От которых видна
Только польза одна?

(1802)

А. В. Храповицкий

171. ПОДРАЖАНИЕ ЛАФОНТЕНУ

книга 3, баснь 10

Картину выставил народу,
Не помню, Рубенс ли, Жордан или другой,
Где, смелой кисти дав свободу,
Написан страшный лев и человек нагой,
Который сильною рукой
Один льва убивает.

Народ победу возглашает,
Народ кричит: «Вот люди каковы!
Пред храбрыми людьми всегда трусливы львы».
Но лев живой, пришедши ненароком,
Заставил вдруг народ молчать:
Взглянул грозящим оком,
В картине находя то явственным пороком,
Чему противное всегда мог доказать,
И тут изволил всем сказать,
Что и в картинах львы поверхность бы имели,
Когда бы рисовать умели.
(1799)

172. БАСНЬ,
ПОСЛАННАЯ К И. И. ДМИТРИЕВУ

Телица белая и лучшая из стада
Богам на жертву избрана;
Она
Таким богам великая награда,
Которы никогда
Цены невинности не знали
И завсегда
Правдивых угнетали,
Чрез гром и молнию на пагубу людей
Богам только стали.
Но что ж случилось с телицею моею?
Ее украсили повязкою священной
И цепью, из цветов и листвия сплетенной;
Великий сонм ко храму с нею шел,
Хор громко пел,
Играли на трубах и в бубны били,
И все с почтением к телице подходили.
Телица видит то
И мыслит: «Почести такие мне за что?
Или я сей страны владетельна княгиня,
Или защитница, или богиня?
Когда то думают, то думаю и я;
Всегда небесный глас бывает глас народа;

Другая будет жизнь моя,
И будет новая богов порода».
Уже вошла телица в храм.
Горит священный огонь, курится фимиам;
Жрецы, служебники и жрицы,
Схватя рога невинных телиц,
Пред жертвенник влекут,
И тут
Главу ее топор от тела отделяет.

И так-то ищущий чинов не помышляет,
Что он в обманчивой великости своей
Падет без головы с телицею моей.

3 сентября 1799

173. МУЖИК И ГОСПОДА

Вне города жил царь и царский двор
С тех пор,
Как летние жары настали;
А в ближних деревнях крестьяне работали.
Из них один тащил на лошади навоз,
Другой, соломою набив тяжелый воз,
Подпряг волов ленивых пару,
Которые от усталости и жару
И с места не пошли.
Хозяин их за то нещадно бил дубиной.
Тут двое из господ сошлись с мужчиной
И звали мужика безмозглою скотиной,
Прямою дурачиной,
За то, что больно бил измученных волов.
Крестьянин, убоясь боярских грозных слов,
Сняв шляпу, говорит: «Виновен перед вами,
Вельможными панами;
И также виноват теперь перед волами:
Отнюдь не ведал я,
Что есть и при дворе волам моим друзья».

Г. Р. Державин

174. МЕДВЕДЬ, ЛИСИЦА И ВОЛК

Медведь, Лиса и Волк согласно жили,
Гуляли вместе, ели, пили,
На промысел ходили заодно.
Подцапали в одно
Они теличку время.
Медведь, добычу взяв в беремья,
«Послушайте, — сказал, — коль всем нам части брать,
То мало этого всем голод нам унять;
А старей кто из нас, пускай тот и владеет
Обедом сим:
Промыслим после мы другим;
Но старшинство везде ведь первенство имеет».
— «Изрядно, — говорит Лиса. —
Когда создались небеса
И твердь звездами убралася,
Тогда я родилася».
— «Стара, кума, и ты, — Волк начал говорить, —
Но не успели звезд ко тверди пригвоздить,
Как я на свет сей произошел!» —
И есть было телицу шел.
«Ну, врешь, — сказал Медведь, оскалившись зубами. —
Пусть молод, но сильней я всех теперь меж вами,
Да мне же хочется и есть:
Так мне принадлежит и старшинство и честь».
(1776)

175. ЛЕВ И ВОЛК

Волк Льву пенял, что он не сделан кавалером,
Что Пифик с лентою и с лентою Осел,
А он сей почести еще не приобрел
И стал его к себе немилости примером,
Когда их носит шут, да и слуга простой,
А он не получил доныне никакой.
Лев дал ответ: «Ведь ты не токмо не служил,
Но даже никогда умно и не шутил».
(1783)

176. ФОНАРИ

Случилось в паре
Быть фонарям в анбаре:
Кулибинскому и простому,
Такому,
Как ночью в мрачну тень
С собою носит чернь.
Кулибинский сказал: «Как смеешь, старичишка,
Бумажный фонаришка,
Ты местничать со мной?
Я барин, я начальник твой.
Ты видишь, на столбах ночью как порою
Я светлой полосой
В каретах, в улицах и в шляпках на реке
Блистаю вдалеке.
Я весь дворец собою освещаю,
Как полная небес луна».
— «Так, подлинно, и я то знаю, —
Ответствовал простой фонарь. —
Моя перед твоей ничто величина.
Сиянием вдали ты царь,
Лучами яркими ты барин;
Но только разве тем со мной не равен,
Что, вблизи и с стороны покажемся кому,
Во мне увидят свет, в тебе увидят тьму,
И ты окружных стекл лишь светишь лоскутками».
Иной и господин умен секретарями.

Между 1796 и 1798

177. СТРУЯ И ДОМ

Вод струйка, капелька, слезинка под землей
Сквозь берегу прокралась —
И всё час от часу извивистой змеей,
И так своей водой
Тихонько расширялась,
Что сделалась ручьем
И стала подмывать вседневно и всеночно
Прекрасный дом,

В котором весело, роскошно
Боярин знатный жил,
Столы давал, сады сажал
И в мысли не имел о ближущемся роке.
Но как сия
Уже струя
Усилилась в своем обширном быстром токе,
То вдруг открылась свирепою рекой.
Прости, прекрасный дом!
И место, где ты был, струя умчала.
Сей притчи смысл такой:
Предупреждай беду сначала,
Доколь не грянул гром.
Конец 1790-х

178. КРЕСТЬЯНИН И ДУБ

Рубил Крестьянин Дуб близ корня топором.
Звучало дерево, пускало шум и гром;
И листья на ветвях хотя и трепетали,
Близ корня видючи топор,
Но, в утешение себе, с собой болтали,
По лесу распуская всякий вздор;
А Дуб надеялся на корень свой, гордился
И презирал мужичий труд.
Мужик же всё трудился
И думал между тем: «Пускай их врут.
Как корни подсеку — и ветви упадут!»
(1802)

С. А. Тучков

179. ВОРОНА И ОРЛЫ

Ворона некогда с другими говорила:
«На то природа нас крылами одарила,
Чтоб их
На пользу мы употребляли,

Чтоб мы на них
По воздуху летали.
Так чем же лучше нас Орлы?
За что их больше почитают?
Неужели за то, что высоко летают?
Парим и мы быстрее стрелы.
Я так-то поднимусь высоко,
Что ваше всех воронье око
С орлом меня не различит».
Сказав сие, она простилась,
Взмахнула крыльями, пустилась —

Летит,
Крылами воздух хлещет,
Сама от радости трепещет;
Взвилась превыше облаков
И сверху на земле увидела Орлов,
Средь роши на лугу они добычу ели.
Узрев ее вдали, различно все запели.

Один кричит:
«Сокол летит»;
Другой ворчит:
«Орел парит».
Но старый тут Орел, зная не охотник вздорить,
Сказал другим Орлам: «На что нам много спорить!
Велим кому-нибудь из нас туда лететь

И поглядеть:
Он весь наш спор развяжет,
Какая птица, скажет.
Коль то Орел, велим позвать,
Чтоб к нам он прилетел добычки поклевать».

Орлы ему послушны были,
Моложе всех Орла шпионом отпустили.

Сей был ленив,
Обманчив, лжив;
Высоко не взлетевши,
На клене посидевши,
«Орел это летит!» — Орлам он закричал.

Старейший отвечал:
«Проси его откусать!»
Ворона с радости не знала, что начать.
Орлу не стала отвечать, —
Приятно ей то было слушать, —

И, прямо в стадо к ним спустясь,
С презрением на всех глядела;
Из гордости не поклонясь,
В большое место села,
Как будто б не было тут лучше никого
И будто перед ней Орлы уж ничего.
Младые все Орлы над нею хохотали,
Но старые на то им важно бормотали:
«Не должно ни к кому презрения казать;
И если кто из птиц так горделиво мыслит,
 Себя ровней с Орлами числит,
 Так лучше наглость наказать».
Лишь вымолвили то, вдруг смех все перервали,
По пруту доброму все взяли,
Ей спину ловко настегали
И выдали такой указ:
«Воронам впредь летать высоко запрещаем,
И сим еще мы подтверждаем,
Коль кто обманывать дерзнет орлиный глаз,
 Того тотчас
 Руками палача
 Жестоко наказать:
А именно, когтями грача
Велим на части растерзать».

(1785)

180. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Был зверь, и на людей он много походил,
То есть, как человек, на двух ногах ходил;
Лишь только был в шерсти, да рожка не румяна,
А попросту сказать, он звался — обезьяна.
В нем не было ума, да в том и нужды нет:
Голов, подобных сей, вмещает много свет.
Итак, его равнять с людьми нам можно смело,
Лишь только жаль, что всё его мохнато тело.
Он много дуростей людских в себя вмещал,
Себя умнее всех и лучше почитал;
Но паче красотой желал превозноситься
И мыслил, что его лицу весь свет дивится;

— «Довольно и они любителей имеют,
И многи из людей желают слушать их.
Но люди разнятся все в мнениях своих:
Иные до щеглят охотники бывают,
Иные чижичков всегда предпочитают,
Иной малиновку старается хвалить,
И, словом, вкус людей нельзя сообразить».
— «А обо мне, скажи, — Кокушка вопрошает, —
Что город говорит и с кем меня равняет?»
Пожался тут Скворец и отвечает ей:
«Не слышно ничего о похвале твоей,
И мыслят о тебе везде так люди мало,
Как будто бы тебя на свете не бывало».
— «Довольно! — прервала его Кокушка речь. —
Не могут все они бесславья мне навлечь.
Неблагодарности я их не удивляюсь;
Но славу я мою восставить постараюсь,
И, чтобы о себе заставить говорить,
Я буду имя всем одно свое твердить».

(1817)

182. СОВА И ВОРОН

Над мрачною в горе пещерой
Висели части древних стен;
Войной ли, временем иль верой,
Иль случаем других премен
Разрушен замок был старинный,
Никто давно в нем не живал,
Пути к горе такой пустынной
Колючий терн везде скрывал.
Хоть всяк бежал жилья такого,
Но так как нет нигде пустого,
Гласят ученых нам слова,
Так в месте том себе Сова,
Избрав, жилище основала
И редко кой-куда летала,
В уединении жила.
Тот — глупой звал, тот — звал спесивой:
У птиц мысль розная была.

Однажды Ворон к ней болтливый
В жилище мрачно прилетел
И с гордостью так запел:
«Скажи, за что тебя Минерва почитает?
Какие мудрости явила ты для нас?
Неслышен твой меж нами глас,
И редко кто тебя выдает».
Сова ему в ответ:
«Во тьме я вижу свет,
Молчу о том, что знаю,
И тем себя любить Минерву заставляю».
(1817)

П. М. Карбачков

183. ПЛЕШИВЫЙ И ОРЕЛ

Всего беречься и страшиться
Есть средство навсегда спокойствия лишиться.
Однако был такой на свете человек,
Который в трусости провел весь век,
Из дому своего не смел ступить ногою,
Боясь постигнут быть нечаянной бедою.
Людей
Он бегал, как зверей:
Они ему злодеями мечтались,
Которы дух его исторгнуть покушались;
А чтоб себя от рук убийцев сохранить,
Весь зеркалами дом внутри велел обить.
Теперь ужели он спокойствие вкушает?
Нет, дом его ему паденьем угрожает.
«Быть может, — мыслит он, — что стены упадут,
Иль вихри сильные всё здание потрясут;
Тогда какими я могу спастись судьбами,
Лежа под тяжкими раздавленный стенами?
Нет, нет, оставляю я и город и людей,
В пустыню удалюсь, где б не было зверей;
В долинах живучи, там нечего бояться,
Не буду там врагов и зданий ужасаться».

Намеренья сего мой трус не пременил
И на лугах спокойно жил.
Но там-то мы несчастье и встречаем,
Где оно не чаем.
Со черепахою меж облаков Орел
Над головой его плешивою летел,
Которую сочтя за камень твердый,
Орел немилосердый
Свою добычу опустил
И черепахою плешь трусу проломил.

Как ни живи на свете осторожно,
Но ежели чего избегнуть невозможно,
Того не избежишь нигде:
Ни в поле, ни в земле, ни в дебрях, ни в воде.

(1786)

184. УПОТРЕБЛЕНИЕ ВОЛЬНОСТИ

Из замка одного помещика бежали
Пес, Кот, Байбак, Скворец.
«Наш праздник! — в радости сообщники кричали. —
Мы вольны наконец.
Что ж станем делать мы?» Байбак им отвечает:
«Я, братцы, напролет
Спать буду целый год».
— «А я, — Скворец болтает, —
Чтоб корм себе достать,
Пушуся барина бранить и проклинать».
— «Нет, — Кот сказал, — своим я стану жить
манером:
Я тотчас сделаюсь корсером».
Остался Пес один,
Который так решил: «Мне нужен господин».

О ты, мой давний друг почтенный,
Который, на берегах Невы благословенной
Спокойно провождая век,
Познал искусство жить как вольный человек!

А в нашей стороне¹ как редко то искусство
В свободной Франции! Узнай мое ты чувство:
С свободой мудрости не может раб купить;
Он будет всё таков, каким привык уж быть.

(1793)

185. ОРГАНЫ

НА РАВЕНСТВО

По смерти брата своего
Капрал, пришедши в дом его,
Увидел там органы;
На них покойный брат играл.

Капрал

Не только нот — и слов не разбираю,
Играть же ничего не знал.
Вдруг застучали в барабаны!
Тут наш капрал, или драбант,
Стал настоящий музыкант;
В восторге надувает губы
И смотрит пристально на трубы,
Как будто на солдатский строй,
Кричит: «Вот я вам дам! Постой!»

И в клавикорды стал всей силой барабанить,
А после мастера цыганить

И так в сердцах сказал:

«Того скота пусть черт бы взял,

Кто этаким манером

Клавиры скверные скропал!

Божусь, что не бывал он унтер-офицером.

Как эти мальчики неровно все стоят!»

Вдруг вынул шпажищу и трубок целый ряд

Большие с малыми на свой равняет лад,

Подобно Геркулесу,

Что с гидры ссек главы с единого отвесу.

На мастерство свое с усмешкою глядит:

«Вот настоящий фрунт, — капрал мой говорит. —

¹ Оба сии друзья родились в Эльзасе.

Теперь прощай!» Пошел, попробовавши тоны,
Но симметрии сей толь правильны законы
Расстроили гармонию совсем,
Которую нельзя поправить уж ничем.

(1793)

И. П. Пнин

186. ЮЖНЫЙ ВЕТЕР И ЗЕФИР

«Какие всюду я ношу опустошенья:
Лишь дуну — всё падет от страшных моих сил! —
Так, с видом гордого презренья,
Ветр южный кроткому Зефиру говорил. —
Крепчайшие древа я долу повергаю,
Обширнейших морей я воды возмущаю,
И бурь ужаснейших бываю я творец.

Скажи, Зефир, мне, наконец,
Не должен ли моей завидовать ты части?
Смотри, как разнишься со мною ты во власти!
С цветочка на цветок порхаешь только ты,
Или над пестрыми летаешь ты полями;
Тебе покорствуют лужочки и кусты,
А я, коль захочу, колеблю небесами».
— «Тиранствуй, разоряй, опустошая мир,
Пусть будут все тебя страшиться, ненавидеть, —
С приятной тихостью сказал ему Зефир, —
Во мне ж пусть будет всяк любовь и благодать».

(1798)

187. ТЕРНОВНИК И ЯБЛОНЯ

Вблизи дороги небольшой
Терновник с Яблонью росли;
И все, кто по дороге той

Иль ехали, иль шли,
Покою Яблоне нимало не давали:
То яблоки срывали,
То листья обивали.
В несчастье зря себя таким,
Довольно Яблоня с собою рассуждала;
Потом
Накрепко предприняла
Обиды все переносить
И всем за зло добром платить.
Терновник, близ ее в соседстве возрастая
И злобою себя единою питая,
Чрезмерно тем был рад,
Что в горести, в тоске нет яблоне отрад:
«Вот добродетелям твоим какая мзда!
Вот что за них ты получила!
Но если б ты как я свою жизнь проводила,
То б ни несчастье, ни беда
Не смели до тебя вовеки прикасаться.
Ты стала б, как и я,
Покоем наслаждаться».
Терновник, Яблоне слова сии твердя,
Над муками ее язвительно смеялся.
Но вдруг — откуда, как, совсем не знаю — взялся
Прохожий на дороге той
И, Яблони прельстясь плодами,
Вдруг исполинскими шагами
Подходит к ней и мощною рукой
Всё дерево потрясает;
Валятся яблоки сюда, туда,
К ногам Терновника иное упадает.
Прохожий же тогда,
Не мысля ни о чем, лишь только подбирает;
И как-то невзначай за терн он зацепляет —
Мгновенно чувствует он боль в руке своей,
Зрит рану и зрит кровь, текущую из ней,
И чает,
Что сея злее раны не бывает.
Правдива ль мысль сия?
Кто хочет, тот о том пускай и рассуждает:
Рука его, а не моя.

Но это пусть всяк знает,
Что в гневе, в ярости своей
Прохожий до корня Терновник отсекает.

Читатель! В басне сей
Ты можешь видеть ясно,
Что люди добрые хоть терпят и ужасно,
Хоть сильно гонят их, однако ж почитают,
Злодеев же тотчас немедля истребляют.

(1798)

188. ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

Все люди в свете сем подвержены страстям.
К несчастью, страсти их почти всегда такие,
Что следствия от них бывают им худые;
Всечасно нашим то встречается глазам,
Привержен как иной ко взяткам и крючкам,
Как сильно прилеплен другой к обогащенью,
Иной к вину, тот к развращенью,
Иной к игре, другой к властям. . .
А Клит, читатели, пристрастен к лошадям.
Нетрудно согласиться,
Что бы полезнее то было во сто раз,
Когда бы всякий между нас
Ко пользе общества желал всегда стремиться;
Но, видно, этому так скоро не бывать!

Меж тем уж Клит идет ту лошадь торговать,
Которую к нему недавно приводили,
Которою в нем страсть лишь пуще возбудили,
И Клит купил. . . Но что ж? Как лошадь ни статна,
Собой как ни красива,
Погрешность в ней тотчас открылась одна,
А именно: была весьма пуглива.
Однако этого не ставит Клит бедой,
Он сей порок весьма легко исправить чаёт;
И только что успел приехать он домой,
То способ вот какой на то употребляет:
Велел тотчас салфетку взять
И лошади глаза крепче завязать.

Потом
Садится на нее верхом
И скачет близ всего,
Чего пугался конь до случая сего.
С завязанными конь глазами,
Не зря предметов пред собой,
Мчит смело седока, пыль вносит облаками. . .
И в ров глубокий водяной
С собою всадника с стремленьем вовлекает.

О вы, правители скотов или людей!
Заметьте через опыт сей,
Что тот безумно поступает,
Кто нужный свет скрывает
От их очей;
Что скот и человек, когда лишены зренья,
Опаснее для управления.

И. И. Дмитриев

189. ЖАВОРОНОК С ДЕТЬМИ И ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Пословица у нас: *на ближних уповай,*
 А сам ты не плошай!
И правда; вот пример. В прекрасные дни года,
В которые цветет и нежится природа,
Когда всё любитися: медведь в лесу густом,
 Киты на дне морском,
 А жаворонки в поле, —
Не ведаю того, по воле иль неволе,
 Но самочка одна
Из племя жаворонков летала да гуляла
И о влиянии весны не помышляла,
 А уж давно весна!
Сдалася, наконец, природе и она
И матерью еще назваться захотела.
 У птичек много ли затей?
Свила во ржи гнездо, снесла яицек, села
 И вывела детей.

Рожь выросла, созрела,
 А птенчики еще не в силах ни порхать,
 Ни корма доставать.
 Всё матушка ищи. «Ну, детушки, прощайте!
 Я за припасом полечу, —
 Сказала им она, — а вы здесь примечайте,
 Не соберутся ль жать, и тотчас голос дайте,
 Так я другое вам пристанище сыщу».
 Она лишь из гнезда, пришел хозяин в поле
 И сыну говорит: «Ведь рожь и жать пора,
 Смотри, как матера!
 Ступай же ты, не медля боле,
 И попроси друзей на помощь к нам прийти».
 — «Ах, матушка! лети, скорее к нам лети!» —
 Малютки в страхе запишали.
 «Что, что вам сделалось?» — «Ахти! мы все пропали:
 Хозяин был, он хочет жать,
 Уж сыну и друзей велел на помочь звать».
 — «А боле ничего? — ответствовала мать. —
 Так не к чему спешить: *день ночи мудренее*;
 Вот, детушки, вам корм, покушайте скорее,
 Да ляжем с богом спать!» Они того, сего
 Клевнули,
 Прижались под крыло к родимой и уснули.
 Ужь день, а из друзей нет в поле никого.
 Пичужечка опять пустилась за припасом;
 А селянин на рожь,
 И мыслит: на родню сторонний не похож!
 «Поди-ка, сын мой, добрым часом
 Ты к дяде своему, да свату поклонись».
 Малютки пуще взволновались
 И матери вослед все в голос раскричались:
 «Ах! милая, скорей, родима, воротись!
 Уж за родней пошли». — «Молчите, не пугайтесь! —
 Ответствовала мать. — И с богом оставайтесь».
 Еще проходит день; хозяин в третий раз
 Приходит на поле. «Изрядно учат нас, —
 Он сыну говорит, — и дельно! Впредь не станем
 С надеждою зевать, а поскорей вспомянем,
 Что всякий сам себе вернейший друг и брат;
 Ступай же ты назад

И матери скажи с сестрами,
Чтоб на поле пришли с серпами».
А птичка, слыша то, сказала детям так:
«Ну, детки, вот теперь к походу верный знак!»
И дети в тот же миг скорей, скорей сбираться,
Расправля крылья, в первый раз
За маткой кое-как вверх, вверх приподниматься
И скрылися из глаз.

1793

190. ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ

Кто на своем веку Фортуны не искал?
Что, если б силою волшебною какою
Всевидающим я стал
И вдруг открылись предо мною
Все те, которые и едут, и ползут,
И скачут, и плывут,
Из царства в царство рыщут
И дочери Судьбы отменной красоты
Иль убегающей мечты
Без отдыха столь жадно ищут?
Бедняжки! Жаль мне их: уж, кажется, в руках...
Уж сердце в восхищеньи бьется...
Вот только что схватить... хоть как, так увернется
И в тысяче уже верстах!
«Возможно ль, — многие, я слышу, рассуждают, —
Давно ль такой-то в нас искал?
А ныне как он пышен стал!
Он в счастии растет, а нас за грязь кидают!
Чем хуже мы его?» Пусть лучше во сто раз,
Но что ваш ум и всё? Фортуна ведь без глаз;
А к этому прибавим:
Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар, лучший всех даров,
Который в древности уделом был богов?
Фортуна — женщина! Умерьте вашу ласку,
Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.
Так милый Лафонтен давал советы нам
И сказывал в пример почти такую сказку.

В деревне ль, в городке,
 Один с другим невядалеке,
 Два друга жили;
 Ни скудны, ни богаты были.
 Один всё счастье ставил в том,
 Чтобы нажить огромный дом,
 Деревни, знатный чин, — то и во сне лишь видел;
 Другой богатств не ненавидел,
 Однако ж их и не искал,
 А каждую ночь покойно спал.
 «Послушай, — друг ему однажды предлагает, —
 На родине никто пророком не бывает;
 Чего ж и нам здесь ждать? Со временем сумы.
 Поедем лучше мы
 Искать себе добра; войти, сказать умеем;
 Авось и мы найдем, авось разбогатеет».

— «Ступай, — сказал другой, —
 А я остануся: мне дорог мой покой,
 И буду спать, пока мой друг не возвратится».

Тщеславный этому дивится
 И едет. На пути встречается цепи гор,
 Встречает много рек, и напоследок встретил
 Ту самую страну, куда издавна метил:
 Любимый уголок Фортуны, то есть двор:
 Не дожидаясь ни зову, ни наряду,
 Пристал к нему и по обряду
 Всех жителей его он начал посещать:
 Там стрелкою стоит, не смея и дышать,
 Здесь такает из всей он мочи,
 Тут шепчет на ушко, короче: дни и ночи
 Наш витязь сам не свой;
 Но всё то было втуне!
 «Что за диковинка! — он думает. — Стой, стой
 Да слушай об одной Фортуне,
 А сам всё ничего!
 Нет, нет! такая жизнь несноснее всего.
 Слуга покорный вам, господчики, прощайте
 И впредь меня не ожидайте;
 В Сурат, в Сурат лечу! Я слышал в сказках, там
 Фортуне с давних лет курится фимиами...»
 Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.
 Но что же? Не прошло недели,

Как странствователь наш отправился в Сурат,
А часто, часто он поглядывал назад,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок,
Бедняк бесился, клял — известно, лютый рок,
Себя, — и всем, и всем изрядна песня пета!
«Безумцы! — он судил. — На край приходим света
Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!»
Синеют между тем Индийски берега,
Попутный дунул ветер, — по крайней мере кстате
Пришло мне так сказать, — и он уже в Сурате!
«Фортуна здесь?» — его был первый всем вопрос.

«В Японии», — сказали.

«В Японии? — вскричал герой, повеса нос. —
Быть так! Плыву туда». И поплыл; но, к печали,
Разъехался и там с Фортуною слепой!
«Нет! полно, — говорит, — гоняться за мечтой».
И с первым кораблем в отчизну возвратился.
Завидя издали отеческих богов,
Родимый ручеек, домашний милый кров,
Наш мореходец прослезился
И, от души вздохнув, сказал:
«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал
И двор, и океан, и о слепой богине!
Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне».
Итак, с восторгом он и в сердце и в глазах
В отчизну наконец вступает.
Летит ко другу, — что ж? как друга обретает?
Он спит, а у него Фортуна в головах!

1794

191. ДВА ГОЛУБЯ

Два Голубя друзьями были,
Издавна вместе жили,
И кушали, и пили.
Соскучился один всё видеть то ж да то ж;
Задумал погулять и друга в том открылся.
Тому весть эта острый нож;

Он вздрогнул, прослезился
И к другу возопил:
«Помилуй, братец, чем меня ты поразил?
Легко ль в разлуке быть? . . Тебе легко, жестокой!
Я знаю. Ах! а мне. . . Я, с горести глубокой,
И дня не проживу. . . К тому же рассуди,
Такая ли пора, чтоб в странствие пускаться?
Хоть до Зефиров ты, голубчик, погоди!
К чему спешить? Еще успеем мы расстаться!
Теперь лишь Ворон прокричал,
И без сомнения — страшуся я безмерно! —
Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал,
А сердце в горести и пуще имоверно!
Когда расстанусь я с тобой,
То будет каждый день мне угрожать бедой:
То ястребом лихим, то лютыми стрелками,
То коршунами, то силками —
Всё злое сердце мне на память приведет.
Ахти мне! — я скажу, вздохнувши. — Дождь идет!
Здоров ли-то мой друг? Не терпит ли он холод?
Не чувствует ли голод?
И мало ли чего не вздумаю тогда!»
Безумцам умна речь — как в ручейке вода:
Журчит и мимо протекает;
Затейник слушает, вздыхает,
А все-таки лететь желает.
«Нет, братец, так и быть! — сказал он. — Полечу!
Но верь, что я тебя крушить не захочу.
Не плачь: пройдет дни три, и буду я с тобою
Клевать
И ворковать
Опять под кровлею одною;
Начну рассказывать тебе по вечерам —
Ведь всё одно да то ж приговорится нам, —
Что видел я, где был, где хорошо, где худо;
Скажу: я там-то был, такое видел чудо,
А там случилось то со мной,
И ты, дружок мой,
Наслушавшись меня, так сведущ будешь к лету,
Как будто бы и сам гулял по белу свету.
Прости ж!» При сих словах
Наместо всех *увы!* и *ах!*

Друзья взглянулись, поклевались,
Вздохнули и расстались.
Один, носок повеся, сел;
Другой вспорхнул, взвился, летит, летит стрелою
И, верно б, сгоряча край света залетел;
Но вдруг покрылось небо мглою,
И прямо страннику в глаза
Из тучи ливный дождь, град, вихрь, сказать вам
словом —

Со всею свитою, как водится, гроза!
При случае таком, опасном, хоть не новом,
Голубчик поскорей садится на сучок
И рад еще тому, что только лишь измок.
Гроза утихнула. Голубчик обсушился
И в путь опять пустился.

Летит и видит с висока
Рассыпанно пшено, а возле — Голубка;
Садится, и в минуту
Запутался в сети; но сеть была худа,
Так он против нее носком вооружился;
То им, то ножкою тянув, тянув, пробился
Из сети без вреда,

С утратой перьев лишь. Но это ли беда?
К усугубленью страха
Явился вдруг Сокол и со всего размаха
Напал на бедняка,

Который, как злодей, опутан кандалами,
Ташил с собой снурок с обрывками силка.
Но, к счастью, тут Орел с широкими крылами
Для встречи Сокола спустился с облаков;
И так, благодаря стечению воров,
Наш путник Соколу в добычу не достался,
Однако всё еще с бедой не развязался:
В испуге потеряв и ум, и зоркость глаз,

Задел за кровлю он как раз
И вывихнул крыло; потом в него мальчишка —
Знать, голубиный был и в том еще умишка —
Для шутки камешек лукнул
И так его зашиб, что чуть он отдохнул.
Потом... потом, прокляв себя, судьбу, дорогу,
Решился бресть назад, полмертвый, полхромой;

И прибыл наконец калекою домой,
Таща свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которых бог любви соединил!
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нил
И дале ближнего ручья не разлучайтесь.
Чем любоваться вам? Друг другом восхищайтесь!
Пусть один в другом находит каждый час
Прекрасный, новый мир, всегда разнообразный!
Бывает ли в любви хоть миг для сердца праздный?
Любовь, поверьте мне, всё заменит для вас.
Я сам любил: тогда за луг уединенный,
Присутствием моей подруги озаренный,
Я не хотел бы взять ни мраморных палат,
Ни царства в небесах! . . Придете ль вы назад,
Минуты радостей, минуты восхищений?
Иль буду я одним воспоминаньем жить?
Ужель прошла пора столь милых обольщений
И полно мне любить?

(1795)

192. СТАРИК И ТРОЕ МОЛОДЫХ

Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел.
Добро бы строить — нет! садить еще хотел!
А трое молодцов, зевая на работу.
Смеялися над ним. «Какую же охоту
На старости бог дал!» —
Один из них сказал.
Другой прибавил: «Что ж? еще не опоздал!
Ковчег и большего терпенья стоил Ною».
— «Смешон ты, дедушка, с надеждою пустою! —
Примолвил третий Старику. —
Довольно, кажется, ты пожил на веку;
Когда ж тебе дожждаться
Под тению твоей рябинки прохлаждаться?
Ровесникам твоим и настоящий час
Неверен;
А завтра льстить себя оставь уже ты нас».
Совет довольно здрав, довольно и умерен
Для мудреца в шестнадцать лет!

«Поверьте мне, друзья, — Старик сказал в ответ, —
 Что завтра ни мое, ни ваше,
 Что Парка бледная равно
 Взирает на течение наше.
 От Провидения нам ведать не дано,
 Кому из нас оно судило
 Последнему взглянуть на ясное светило!
 Не можете и вы надежны быть, как я,
 Ниже на миг один. . . Работа же моя
 Не мне, так детям пригодится;
 Чувствительна душа и вчуже веселится.
 Итак, вы видите, что мной уж собран плод,
 Которым я могу теперь же наслаждаться
 И *завтре*, может стать,ся,
 И далее. . . как знать — быть может, что и год.
 Ах! может быть и то, что ваш безумец хилый
 Застанет месяца восход
 Над вашей розами усыпанной. . . могилой!»
 Старик предчувствовал: один, прельстясь песком —
 Конечно, золотым, — уснул на дне морском;
 Другой под миртами исчез в цветущи лета;
 А третий — дворянин, за честь к отмщенью скор, —
 Войдя с приятелем в театре в легкий спор,
 За креслы, помнится. . . убит из пистолета.

(1795)

193. ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры:
 «Жалею, — Дуб сказал, склоня к ней важны
 взоры, —
 Жалею, Тросточка, об участи твоей!
 Я чаю, для тебя тяжел и воробей;
 Легчайший ветерок, едва струящий воду,
 Ужасен для тебя, как буря в непогоду,
 И гнет тебя к земли,
 Тогда как я — высок, осанист и вдали
 Не только Фебовы лучи пересекаю,
 Но даже бурный вихрь и громы презираю;
 Стою и слышу вокруг спокойно треск и стон;
 Всё для меня — Зефир, тебе ж всё — Аквилон.

Блаженна б ты была, когда б росла со мною:
Под тению моей густою
Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил
Расти, наместо злачна дола,
На топких берегах владычества Эола.
По чести, и в меня твой жребий грусть вселил». —
«Ты очень жалостлив, — Трость Дубу отвечала, —
Но, право, о себе еще я не вздыхала,
Да не о чем и воздыхать:
Мне ветры менее, чем для тебя, опасны.
Хотя порывы их ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождем конца». С сим словом вдруг завывла
От севера гроза и небо помрачила.
Ударил грозный ветер — всё рушит и валит;
Летит, кружится лист; Трость гнется — Дуб стоит.
Ветр, пуще вооружась, из всей ударил мочи —
И тот, на коего с трудом взирали очи,
Кто ада и небес едва не досягал, —
Упал!

(1795)

194. ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА

Какой-то государь, прогуливаясь в поле,
Раздумался о царской доле.
«Нет хуже нашего, — он мыслил, — ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое!
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля, чтоб народ мой ликовал в покое;
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.
Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут.
Бояра лишь чины берут,
Народ мой стонет, я страдаю,
Советуюсь, тружусь, никак не успеваю;
Полсвета властелин — не веселюсь ничем!»

Чувствительный монарх подходит между тем
К пасущейся скотине;
И что же видит он? Рассыпанных в долине
Баранов, тощих до костей,
Овечек без ягнят, ягнят без матерей!
Все в страхе бегают, кружатся,
А псам и нужды нет: они под тень ложатся;
Лишь бедный мечется Пастух:
То за бараном в лес во весь он мчится дух,
То бросится к овце, которая отстала,
То за любимым он ягненком побежит,
А между тем уж волк барана в лес тащит;
Он к ним, а здесь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастух рвет волосы, ревет,
Бьет в грудь себя и смерть зовет.
«Вот точный образ мой, — сказал самовластитель. —
Итак, и смиренньких животных охранитель
Таковыми ж, как и мы, напастьми окружен,
И он, как царь, порабощен!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Так думая, вперед он путь свой продолжал,
Куда? и сам не знал;
И наконец пришел к прекраснейшему стаду.
Какую разницу монарх увидел тут!
Баранам счету нет, от жира чуть идут;
Шерсть на овцах как шелк и тяжестью их клонит;
Ягнятки, кто кого скорее перегонит,
Толпятся к маткиным питательным сосцам;
А Пастушок в свирель под липою играет
И милую свою пастушку воспевает.
«Несдобровать, овечки, вам! —
Царь мыслит. — Волк любви не чувствует закона,
И Пастуху свирель худая оборона».
А волк и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потом один из них ягненокка догнал,
Который далеко от страха забежал,
И тотчас в кучку всех по-прежнему собрал;
Пастух же всё поет, не шевелясь нисколько.
Тогда уже в Царе терпения не стало.

«Возможно ль? — он вскричал. — Здесь множество
волков,
А ты один. . . умел сберечь большое стадо!»
— «Царь! — отвечал Пастух. — Тут хитрости не надо:
Я выбрал добрых псов».

(1802)

195. БАШМАК, МЕРКА РАВЕНСТВА

«Да что ты, долгий, возмечтал?
Я за себя и сам, брат, стану, —
Грудцою наскоча, вскричал
Какой-то карлик великану. —

Твои, мои — права одни!»
— «Не спорю, что равны они, —
Тот отвечает без задору, —
Но мой башмак тебе не впору».

(1803)

196. ПРОХОЖИЙ

Прохожий, в монастырь зашедши на пути,
Просил у братий позволенья
На колокольню их взойти.
Взошел и стал хвалить различные явления,
Которые ему открыла высота.
«Какие, — он вскричал, — волшебные места!
Вдруг вижу горы, лес, озера и долины!
Великолепные картины!
Не правда ли?» — вопрос он сделал одному
Из братий, с ним стоящих.
«Да! — труженик, вздохнув, отвечал ему: —
Для проходящих».

(1803)

197. ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

У Льва родился сын. В столице, в городах,
Во всех его странах
Потешные огни, веселья, жертвы, оды.
Мохнатые певцы все взапуски кричат:
 «Скачи, земля! Взыграйте, воды!
У Льва родился сын!» И вправду, кто не рад?
Меж тем, когда всяк зверь восторгом упивался,
Царь Лев, как умный зверь, заботам предавался,
Кому бы на руки дитя свое отдать:
Наставник должен быть умен, учен, незлобен!
Кто б из зверей к тому был более способен?
 Не шутка скоро отгадать.
Царь, в нерешимости, велел совет собрать;
В благоволении своем его уверя,
 Препоручил избрать ему,
По чистой совести, по долгу своему,
Для сына в менторы достойнейшего зверя.
 Встал Тигр и говорит:
«Война, война царей великими творит;
Твой сын, о государь, быть должен страхом света;
И так образовать его младые лета
 Лишь тот способен из зверей,
Который всех, по Льве, ужасней и страшней».
— «И осторожнее, — Медведь к тому прибавил, —
 Чтоб он младого Льва наставил
Уметь и храбростью своею управлять».
Противу мнения двух Лисе идти не можно;
Однако ж, так и сяк начав она влиять,
 Заметила, что дядьке должно
Знать и политику, быть хитрого ума,
 Короче: какова сама.
За нею тот и тот свой голос подавали,
И все они, хотя себя не называли,
 Но ясно намекали,
Что в дядьки лучше их уж некого избрать:
Советы и везде почти на эту стать.
«Позволено ль и мне сказать четыре слова? —
Собака наконец свой голос подала. —
Политики, войны нет следствия другого,
 Как много шума, много зла,

Но славен добрый царь коварством ли и кровью?
Как подданных своих составит счастье он?
Как будет их отцом? Чем утвердит свой трон?
Любовью.

Вот таинство, вот ключ к высокой и святой

Науке доброго правленья!

Кто ж принцу лучшие подаст в ней наставленья?
Никто, как сам отец». Тигр смотрит как шальной,
Медведь, другие то ж, а Лев, от умиленья
Заплакав, бросился Собаку обнимать.
«Почто, — сказал, — давно не мог тебя я знать?

О добрый зверь! Тебе вручаю

Я счастье мое и подданных моих:

Будь сыну моему наставником! Я знаю,
Сколь пагубны льстецы: укрой его от них,
Укрой и от меня — в твоей он полной воле».

Собака от царя идет с дитятей в поле,

Лелеет, пестует и учит между тем.

Урок был первый тот, что он Щенок, не Львенок,

И в дальнем с ним родстве. Проходит день за днем,

Уже питомец не ребенок,

Уже наставник с ним обходит все страны,

Которые в удел отцу его даны;

И Львенок в первый раз узнал насильство власти,

Народов нищету, зверей худые страсти:

Лиса ест кроликов, а Волк душит овец,

Оленя давит Барс; повсюду, наконец,

Могучие богаты,

Бессильные от них кряхтят,

Быки работают без платы,

А Обезьяну золотят.

Лев молодой дрожит от гнева.

«Наставник, — он сказал, — подобные дела

Доходят ли когда до сведенья царева?

Ах, сколько бедствий, сколько зла!»

— «Как могут доходить? — Собака отвечает. —

Его одна толпа счастливых окружает,

А им не до того; а те, кого съедят,

Не говорят».

И так наш Львенок, без дальних размышлений

О том, в чем доброту и мудрость ставит свет,

И добр стал и умен; но в этом дива нет:

Пример и опытность полезней наставлений.
Он, в доброй школе той взрастая, получил
Рассудок, мудрость, крепость тела;
Однако же еще не ведал, кто он был;
Но вот как случай сам о том ему открыл.
Однажды на пути Собака захотела
Взять отдых и легла под тению дерев.
Вдруг выскочил злой Тигр, разинул страшный зев
И прямо к ней, — но Лев,
Закрыв ее собою,
Взмахнул хвостом, затряс косматой головою,
Взревел — и Тигр уже растерзанный лежит!
Потом он в радости к наставнику бежит
И вопит: «Победил! Благодарю судьбину!
Но я ль то был иль нет? . . . Поверишь ли, отец,
Что в этот миг, когда твой близок был конец,
Я вдруг почувствовал и жар и силу львину,
Я точно. . . был как Лев!» — «Ты точно Лев и есть, —
Наставник отвечал, облившись слезами. —
Готовься важную услышать, сын мой, весть:
Отныне. . . кончилось равенство между нами,
Ты царь мой! Поспешим возвратом ко двору.
Я всё употребил, что мог, тебе к добру;
Но ты. . . и радости и грусти мне причина!
Прости, о государь, невольно слезы лью. . .
Отечеству отца даю,
А сам. . . теряю сына!»

(1803)

198. МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТ СВЕТА

Восточны жители в преданиях своих
Рассказывают нам, что некогда у них
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слепоего счастья играю,
Оставила сей шумный мир
И скрылась от него в глубокую пещеру:
В голландский сыр.
Там, святостью одной свою питая веру,
К спасению души трудиться начала:
Ногами
И зубами

Голландский сыр скребла, скребла
И выскребла досужным часом
Изрядну келейку с достаточным запасом.
Чего же более? В таких-то Мышь трудах
Разъелась так, что страх!
Короче — на пороге рая!
Сам бог блюдет того,
Работать миру кто отрекся для него.
Однажды пред нее явилось, воздыхая,
Посольство от ее любезных земляков;
Оно идет просить защиты от дворов
Противу кошечья народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крысополис их в осаде уж держал.
«Всеобща бедность и невзгода, —
Посольство говорит, — причиною, что мы
Несем пустые лишь сумы;
Что было с нами, всё проели,
А путь еще далек! И для того посмели
Зайти к тебе и бить челом
Снабдить нас в крайности посильным подаяньем».
Затворница на то, с душевным состраданьем
И лапки положила на грудь свою крестом,
«Возлюбленны мои! — смиренно отвечала. —
Я от житейского давно уже отстала;
Чем, грешная, могу помочь?
Да ниспошлет вам бог! А я и день и ночь
Молить его за вас готова».
Поклон им, заперлась, и более ни слова.

Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
Монах? — Избави бог и думать! . . Нет, дервиш.

(1803)

199. ДРЯХЛАЯ СТАРОСТЬ

«Возможно ли, как в тридцать лет
Переменилось всё! . . Ей-ей, другой стал свет! —
Подагрик размышлял, на креслах нянча ногу. —
Бывало, в наши дни и помолиться богу,
И погулять — всему был час;

А ныне. . . что у нас?
Повсюду скука и заботы,
Не пляшут, не поют — нет ни к чему охоты!
Такая ль в старину бывала и весна?
Где ныне красны дни? Где слышно птичек пенье?
Охти мне! Знать, пришли последние времена;
Предвижу я твое, природа, разрушенье! . . .»
При этом слове вдруг, с восторгом на лице,
Племянница к нему вбежала.
«Простите, дядюшка! Нас матушка послала
С мадамой в Летний сад. Все, все уж на крыльце,
Какой же красный день!» — И вмиг ее не стало.
«Какая ветреность! Вот модные умы! —
Мудрец наш заворчал. — Таковыми ли, бывало,
Воспитывали нас? Мой бог! Всё хуже стало».

Читатели! Подагрик — мы.
(1803)

200. КНИГА «РАЗУМ»

В начале мирозданья,
Когда собор богов,
Не требуя себе ни агнцев, ни цветов,
Всех тварей упреждал желанья,
В то время — слух дошел преданием до нас —
Юпитер в милостивый час
Дал книгу человеку,
Котора заменить могла библиотеку:
Титул ей — «Разум», и она
Самой Минервою была сочинена
С той целью, чтобы в ней все возрасты узнали
Путь к добродетели и счастливее стали;
Однако ж в даре том небесном на земли
Немного прибыли нашли.
Читая сочиненье,
Младенчество одни в нем видело черты;
А юность — только заблужденье;
Век зрелый — поздно сожаленье;
А старость — выдрала листы.

(1803)

201. МАГНИТ И ЖЕЛЕЗО

Природу одолеть превыше наших сил;
Смиримся же пред ней, не умствуя нимало.
«Зачем ты льнешь?» — Магнит Железу говорил,
«Зачем влечешь меня?» — Железо отвечало.

Прелестный, милый пол! Чем кончу я рассказ,
Легко ты отгадаешь.
Подобно так и ты без умысла прельщаешь;
Подобно так и мы невольно любим вас.

(1803)

202. СМЕРТЬ И УМИРАЮЩИЙ

Один охотник жить, не старее ста лет,
Пред Смертию дрожит и вопит,
Зачем она его торопит
Врасплох оставить свет,
Не дав ему свершить, как водится, духовной,
Не предвара его хоть за год наперед,
Что он умрет.
«Увы! — он говорит. — А я лишь в подмосковной
Палаты заложил — хотя бы их докласть;
Дай винокуренный завод мой мне поправить
И правнуков женить! А там. . . твоя уж власть!
Готов, перекрестясь, я белый свет оставить».
— «Неблагодарный! — Смерть отвечает ему. —
Пускай другие мрут в весеннем жизни цвете,
Тебе бы одному
Не умирать на свете!
Найдешь ли двух в Москве, — десятка даже нет
Во всей империи, доживших до ста лет.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранее тебя к свиданию со мной:
Тогда бы ты успел красивый дом достроить,
Духовную свершить, завод поправить свой
И правнуков женить; а разве мало было
Наветок от меня? Не ты ли поседел?
Не ты ли стал ходить, глядеть и слышать хило?

Потом пропал твой вкус, желудок ослабел,
Увянул цвет ума и память притупилась;
 Год от году хладела кровь,
В день ясный средь цветов душа твоя томилась,
И ты оплакивал и дружбу и любовь.
С которых лет уже отовсюду поражает
Тебя печальна весть: тот сверстник умирает,
 Тот умер, этот занемог
 И на одре мученья?
Какого ж более хотел ты извещенья?
Короче: я уже ступила на порог,
 Забудь и горе и веселье,
 Исполни мой устав!»
Сказала — и Старик, не думав, не гадав
И не достроя дом, попал на новоселье!

Смерть права: во сто лет отсрочки поздно ждать;
Да как бы в старости страшиться умирать?
Дожив до поздних дней, мне кажется, из мира
Так должно выходить, как гость отходит с пира,
Отдав за хлеб и соль хозяину поклон.
Пути не миновать, к чему ж послужит стон?
Ты сетуешь, старик? Взгляни на ратно поле;
Взгляни на юношей, на этот милый цвет,
Которые летят на смерть по доброй воле,
На смерть прекрасную, сомнения в том нет,
На смерть похвальную, везде превозносиму,
Но часто тяжкую, притом неизбежиму! . .
Да что! Я для глухих обедню вздумал петь:
Полмертвый пуще всех боится умереть!

(1805)

203. МУХА

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
 А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! Мы решили!»
(1805)

204. ЛИСА-ПРОПОВЕДНИЦА

Разбитая параличом
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всем телом дряхлая, но бодрая умом
И в логике своей из первых мастерица,
Лисица
Уединилась от света и от зла
И проповедовать в пустыню перешла.
Там кроткие свои беседы растворяла
Хвалой воздержности, смиренности, правоте;
То плакала, то воздыхала
О братии, в мирской утопшей суете;
А братий и всего на проповедь собиралось
Пять-шесть наперечет;
А иногда случалось
И менее того, и то Сурок да Крот,
Да две-три набожные Лани,
Зверишки бедные, без связей, без подпор;
Какой же ожидать от них Лисице дани?
Но лисий дальновиден взор:
Она переменила струны;
Взяла суровый вид и бросила перуны
На кровожаждущих Медведей и Волков,
На тигров, даже и на львов!
Что ж? Слушателей тьма стеклася,
И слава о ее витийстве донеслася
До самого царя зверей,
Который, несмотря что он породы львиной,
Без шума управлял подвластною скотиной
И в благочестие вдался под старость дней.
«Послушаем Лису! — Лев молвил. — Что за диво?»
За словом вслед указ;

И в сутки, ежели не лживо
Историк уверяет нас,
Лиса приведена и проповедь сказала.
Какую ж проповедь! Из кожи лезла вон!
В тиранов гром она бросала,
А в страждущих от них дух бодрости вливала
И упование на время и закон.
Придворные оцепенели:
Как можно при дворе так дерзко говорить!
Друг на друга глядят, но говорить не смели,
Смекнув, что царь Лису изволил похвалить.
Как новость, иногда и правда нам по нраву!
Короче вам: Лиса вошла и в честь и славу;
Царь Лев, дав лапу ей, приветливо сказал:
«Тобой я истину познал
И боле прежнего гнушаться стал пороков;
Чего ж ты требуешь во мзду твоих уроков?
Скажи без всякого зазренья и стыда;
Я твой должник». Лиса глядь, глядь туда, сюда,
Как будто совести почувствуя улику,
«Всещедрый царь-отец! —
Ответствовала Льву с запинкой наконец. —
Индеек. . . *малую толику*».

(1805)

205. ТРИ ЛЬВА

Его величество, Лев сильный, царь зверей,
Скончался.
Народ советовать собрался,
Кого б из трех его детей
Признать наследником короны.
«Меня! — сын старший говорил. —
Я сделаю народ наперсником Беллоны». —
«А я обогашу», — середний подхватил.
«А я б его любил», —
Сказал меньшой с невинным взором.
И тут же наречен владыкой всем собором.

(1804)

206. ОТЕЦ С СЫНОМ

«Скажите, батюшка, как счастья добиться?» —
Сын спрашивал отца. А тот ему в ответ:

«Дороги лучшей нет,
Как телом и умом трудиться,
Служа отечеству, согражданам своим,
И чаще быть с пером и книгой,
Когда быть дельными хотим».
— «Ах, это тяжело! Как легче бы?» — «Интригой,
Втираться жабой и ужом
К тому, кто при дворе Фортуной вознесется. . .»
— «А это низко!» — «Ну, так просто. . . быть глупцом:
И этак многим удается».

(1805)

207. ВОРОБЕЙ И ЗЯБЛИЦА

«Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен
Или подружкой недоволен,
А может, и несчастлив в ней!
Мне жалок он!» — сказал печально Воробей.
«Он жалок? — Зяблица к словам его пристала. —
Как мало в сердце ты читал!
Я лучше отгадала:
Любил он, так и пел; стал счастлив — замолчал».

(1805)

208. АМУР, ГИМЕН И СМЕРТЬ

Амур, Гимен со Смертью строгой
Когда-то шли одной дорогой
Из света по своим домам,
И вздумалось молодцам
Втащить старуху в разговоры.
«Признайся, — говорят, — ты, Смерть, не рада нам?
Ты ненавидишь нас?» — «Я? — вытараща взоры,
Спросила Смерть их. — Да за что?»
— «Ну, как за что! За то,
Что мы в намереньях согласны не бываем:

Ты всё моришь, а мы рожаем».
— «Пустое, братцы! — Смерть сказала им в ответ. —
Я зла на вас? .. Перекреститесь!
Людьми снабжая свет,
Вы для меня ж трудитесь».
(1805)

209. ЧАСОВАЯ СТРЕЛКА

«Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель,
И сторож, и министр, и алтарей служитель,
И доктор, и больной, и самый государь —
Все чувствуют, что я важней, чем календарь!
Я каждому из них минуты означаю;
Деля и день и ночь, я время измеряю!»
Так, видя на нее зевающий народ,
Хвалилась Стрелка часовая,
Меж тем как бедная пружина, продолжая
Невидимый свой путь, давала Стрелке ход!
Пружина — секретарь; а Стрелка, между нами. . .
Но вы умны: смекайте сами.
(1805)

210. ЛЕБЕДЬ И ГАГАРЫ

За то, что Лебедь так и бел и величав,
Гагары на него из зависти напали
И крылья, тиной замавав,
Вкруг Лебеда теснясь, нарочно отряхали
И брызгами его марали!
Но Лебедю вреда не сделали оне!
Он в воду погрузился
И в прежней белизне
С величием явился.

Гагары в прозе и в стихах!
Возитесь как хотите,
Но, право, истинный талант не помрачите:
Удел его — сиять в веках.
(1805)

Против Калифова огромного дворца
 Стояла хижина, без кровли, без крыльца,
 Издавна ветхая и близкая к паденью,
 Едва ль приличная и самому смиренью.
 Согбенный старостью ремесленник в ней жил;
 Однако он еще по мере сил трудился,
 Ни злых, ни совести нисколько не страшился
 И *тихим вечером* своим доволен был.
 Но хижинкой его Визирь стал недоволен:
 «Терпим ли, — он своим рассчитывал умом, —
 Вид бедности перед дворцом?
 Но разве государь сломать ее не волен?
 Подам ему доклад, и хижине не быть».
 На этот раз Визирь обманут был в надежде.
 Доклад подписан так: «Быть по сему; но прежде
 Строенье ветхое купить».
 Послали Кадия с соседом торговаться;
 Кладут пред ним на стол с червонными мешок.
 «Мне в деньгах нужды нет, — сказал им

прощаю. —

А с домом ни за что не можно мне расстаться:
 Я в нем родился, в нем скончался мой отец,
 Хочу, чтоб в нем же бог послал и мне конец.
 Калиф, конечно, самовластен,
 И каждый подданный к нему подобострастен;
 Он может при моих глазах
 Развеять вмиг гнездо мое, как прах;
 Но что ж последует? Несчастливым слезы в пищу:
 Я всякий день приду к родиму пепелищу,
 Воссяду на кирпич с поникшей головой
 Небесного под кровом свода
 И буду пред отцом народа
 Оплакивать мой жребий злой!»
 Ответ был Визирю до слова пересказан,
 А тот спешит об нем Калифу донести.
 «Тебе ли, государь, отказ такой снести?
 Ужель останется раб дерзкий не наказан?» —
 Калифу говорил Визирь наедине.
 «Да! — подхватил Калиф. — Ответ угоден мне;
 И я тебе повелеваю:

Впредь помня навсегда, что в правде нет вины,
Исправить хижину на счет моей казны;
Я с нею только жить в потомках уповаю;
Да скажет им дворец: „Такой-то пышно жил“,
А эта хижина: „Он правосуден был!“»

(1805)

212. БЫК И КОРОВА

«Как жалок ты! — Быку Корова говорила. —
Судьба тебя на труд всегдашний осудила». —
Наутро повели Корову на убой,
К закланию богам. Бык, вспомя речь вчерашню,
«Гордись, красавица, — сказал, — своей судьбой:
Ты к алтарям идешь, а я — опять на пашню».

(1810)

213. СВЕРЧКИ

Два обывателя столицы безымянной,
Между собою земляки,
А нацией сверчки,
Избрали для себя квартирой постоянной
Судейский дом;
Один в передней жил, другой же в кабинете,
И каждый день они видалися тайком.
«Нет лучше нашего хозяина на свете! —
Сказал товарищу сверчок. —
Как гнется, даром что высок!
Какая кротость в нем! Какая добродетель!
И как трудолюбив! Я сам тому свидетель,
Какую кучу он записок отберет,
И что же? Ни одной из них не издерет,
А все за ним тащат!» — «На произвол судьбины, —
Товарищ подхватил. —
Дружок! Ты, видно, век в прихожих только жил
И вместо лиц привык рассматривать личины;
Не то бы ты сказал, узнавши кабинет!

В передней барин то, чем хочет он казаться,
А здесь — каким родился в свет:
Богатому служить, пред сильным пресмыкаться,
А до других и дела нет.
Вот нашего ханжи и всё тут уложение!
Оставь же лишнее к нему ты уважение!
И в обществе людском,
Где многое тебе покажется превратным,
Умей ты различать двух человек в одном:
Парадного с приватным».
(1810)

214. ИСТОРИЯ

Столица роскоши, искусства и наук
Пред мужеством и силой пала;
Но хитрым мастерством художнических рук
Еще она блистала
И победителя взор дикий поражала.
Он с изумлением глядит на истукан
С такою надписью: «Блюстителю граждан,
Отцу отечества, утехе смертных рода
От благодарного народа».
Царь-варвар тронут был
Столь новой для него и благородной данью;
Влеком к невольному вниманью,
В молчаньи долго глаз он с лика не сводил.
«Хочу, — сказал потом, — узнать его деянья».
И вмиг толмач его, разгнув бытописанья,
Читает вслух: «Сей царь, бич подданных своих,
Родился к гибели и посрамленью их:
Под скипетром его железным
Закон безмолвствовал, дух доблести упал,
Достойный гражданин считался бесполезным,
А раб коварством путь к господству пролагал».
В таком-то образе Историей правдивой
Потомству предан был отечества отец.
«Чему же верить мне?» — воскликнул наконец
Смятенный скиф. «Монарх боголюбивый! —
Согнувшись до земли, вельможа дал ответ. —
Я, раб твой, при царях полвека пресмыкался;

Сей памятник в моих очах сооружался,
Когда еще тиран был бодр и в цвете лет;
А повесть, сколько я могу припомнить ныне,
О нем и прочем вышла в свет
Гораздо по его кончине».

1818

215. ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНИЕ

«Что сделалось с тобою ныне?
О милый куст! Ты бледен стал;
Где зелень, запах твой?» — «Увы! — он отвечал. —
Я на чужбине».

(1823)

216. РЕПЕЙНИК И ФИАЛКА

Между Репейником и Розовым кустом
Фиалочка себя от зависти скрывала;
Безвестною была, но горестей не знала.
Тот счастлив, кто своим доволен уголком.

(1823)

217. ПЛОДЫ МУДРОГО ПРАВЛЕНИЯ

При Пятом Льве Медведь за правду лез из кожи,
Вол сдабривал поля и был неутомим,
Конь смелостью блистал. Короче заключим:
Велик монарх — отличны и вельможи.

(1825)

218. ХЛЕБ И СВЕЧКА

«Прочь, дале! Близ тебя лежать я не хочу», —
Хлеб Свечке говорил; а та ему: «Напрасно,
Чем хуже я тебя? Подумай беспристрастно:
Ты кормишь — я свечу».

(1825)

219. МЯЧЕК

«Несносный жребий мой! То вверх, то вниз лечу,
Вперед, назад меня толкают.
Ракете смех, а я страдаю и молчу».
Проситель! И с тобой не лучше поступают.

(1825)

220. КАМЕННАЯ ГОРА И ВОДЯНАЯ КАПЛЯ

«С умом ли, Капля, ты? Меня пробить взялась!
Меня, гранитную! Ты, право, стоишь смеха».
Но Капля молча всё кап, кап... — и пробралась.
Настойчивость — залог успеха.

(1825)

221. УЗДА И КОНЬ

С чего Конь пышет, ржет? — Гортань дерут Уздою
Ослабили Узду, и Конь пошел на статью.
Властитель! Хочешь ли спокойно обладать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою.

(1825)

222. САДОВАЯ МЫШЬ И КАБИНЕТСКАЯ КРЫСА

«Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!
Умнее ль будешь ты? Пустая то мечта», —
Сказала Крысе Мышь, жилица в темном гроте.
Ответ был: «Что мне ум? Была бы лишь сыта».

(1825)

223. РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды он боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид:
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? — Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя? . .
Я — зеркало: разбей меня;
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя».
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать. . .
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта была на басню походила.

1803

224. ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:

«За что мы у тебя под властью такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться:
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людях, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами, —
И, словом, бедными ногами,
Как шашками, вертишь».
— «Молчите, дерзкие, — им Голова сказала, —
Иль силою я вас заставлю замолчать! . .
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»
— «Всё это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает. . .
Но должно — тс! — молчать: дурак, кто всё болтает.

1803

В. А. Озеров

225. ОРАТОР И БОЛВАН

Был некий человек,
Который целый век
От красноречия не знал себе покою:
Учение текло из уст его рекою.

Блистал мой говорун,
Подобно как перун,
И, бегая голов упорных,
Старался находить судей покорных.
В дубраву он зашел. Стоял в дубраве той
Болван. Под сенью древ вития мой
Гремит с воспламененным духом
Перед болваньим ухом
И чванится, как будто Цицерон,
Как за Лигария вступился он.

Кто ритор, кто болван — узнай, читатель!
Оратор мой — писатель,
Которому не могут быть с руки
Прямые знатоки,
И любит, чтоб ему дивились дураки.

(1797)

226. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

У Волка вечная привычка кушать жадно.
Какой-то постник Волк себя не остерег
И завтрак проглотил; но горлу лишь неладно
Пришла последня кость и села поперек.
Поблизости Журавль, для пищи ль, для игрушек,
Ловил у ручейка зевающих лягушек;
И Волк, которому кричать уже невмочь,
Махает Журавлю, чтобы пришел помочь.

Журавль услужлив, как известно,
И в Волчью пасть свой нос влагает честно
И тащит из нее засевшу в горле кость,
Нанесшую обоим им заботу.

Потом, подставя Волку горсть,
Покорно просит за работу.
Свирепый Волк сказал: «Благодари меня,
Что нынешнего дня

Ты в целости свою унести мог шею
Из-под моих зубов. Теперь себе поди,
Но только в когти мне вперед не попади».

Нам пагубно самим благотворить злодеев.

1790-е гг.

227. ОСЕЛ И СОБАЧКА

Не будем, вопреки способностям природным,
Искать несвойственных нам к счастью путей.
Природа не равно ущедрила людей:
Один родится в свет к художествам свободным,
Другой — к простому ремеслу.
Пусть каждый с долею своею остается,
И он не ошибется,
Как то случилось Ослу.

Одним хозяевам с потешницей большою,
С Собачкою, Осел служил.
Сравнив ее судьбу с своею он судьбою,
В лукавый час неловко рассудил:
«За что Собачка так мила всему здесь дому?
С тарелки кушать ей, из чашки пить дают,
А мне лишь жалуют овсяную солому
И в барыши за лень почасту только бьют.
Когда на задние Собачка ножки станет
И лапochку хозяину протянет,
Хозяин милует, берет ее с собой,
Когда ж хозяйошку она лизнет разочек,
Хозяйка сахарцу ей уделит кусочек,
А сахар нынче дорогой!
Собачка ластится: вот тут и вся причина.
Так выберу веселый день
И приласкаюсь сам: улучшится судьбина,
Пойдет и мне тогда ячмень,
И, может быть, мою понежат лень».
В сей мысли крайне бестолковой,
Завидев издали хозяина с обновой,
Осел бежит, и, равно перед ним
Став дыбом, он ему кладет тяжелу ногу
На правое плечо; горланьем же своим
На весь наводит двор и пушую тревогу.
Хозяин закричал: «Что сделалось с тобой?
Какая ласка и потеха!
Иль стал ты скот уж прямо круговой?
Гей, дайте плетъ сюда для смеха!»
Явилась плетъ; Осел переменял напев
И отшагал смиренно в хлев.

228. ВОРОНА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Имела некая Ворона вкус:
Любила муз;
И говорит Орфею,
По-русски — Соловью:
«Исполни просьбу ты мою,
О чем просить тебя я смею!
Имею
Лишь одного
Я сына;
Он в старости отрада мне едина;
Пожалуй, ты его
Наставь так петь, как сам поешь ты нежно!
Он скоро переймет, лишь поучи прилежно»,
А Соловей в ответ: «Голубушка моя,
Готов бы оказать тебе услугу я;
Но знай, не только я, да если с Геликона
Сынка сведешь учить всех муз и всех богов,
Не будет он в числе певцов:
Не может соловьем быть никогда ворона».

Вовек того не даст искусству мастерство,
Чего лишило нас, к несчастью, естество.

229. КУЗНЕЧИК

Кузнечик ветренный, про стужу позабыв,
Все красны дни пропел среди веселых нив,
Как вдруг зима: не стало в поле крошки,
Ни червячков, ни мушечек, ни мошки,
Чем душу пропитать.
Пришлось умереть иль где займы искать.
Кузнечик к Муравью, ближайшему соседу,
Явился к самому обеду:
«Почтенный Муравей, премудрый сын земли,
Запаса твоего частичку удели!
Я уверяю клятвой,
Что с ростом всё отдам пред будущей жатвой!»
Но Муравей довольно всем знаком:

Великий скопидом,
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит.
«Да как же запасть ты в лето не успел?» —
Спросил Кузнечика капиталист нечивый.
— «Я, малым быв счастливый,
И день и ночь напевы пел
Всем встречным
И поперечным,
Не чаяв летним дням конца».
— «Так ты, голубчик, пел? Пляши же голубца!»

Д. И. Хвостов

230. ДУБ И ТРОСТЬ

В кичливой гордости, самих небес
Касаясь головою,
Дуб Трости говорил: «Смотри, как я разнес
Далеко ветви пред собою
И тению моей пространства сколько крою.
Шумящий Аквилон, колебля целый мир,
Мне так ужасен,
Как, приближаясь вод, играющий Зефир;
Всегда я безопасен;
Но жребий твой
Совсем иной:
Лишь воды ручейков наморщиться успеют,
Твои все силы ослабеют
И ты приклонишься перед лицом земли;
Тебе несносно бремя,
Когда в весенне время
На плечах у тебя малиновки легли».
Трость Дубу отвечала:
«Конечно, я тонка, гибка,
Но не ломка».
Вдруг буря страшная настала,
И лютый ветер
Летит из мрачных недр;

Дуброву всю ломает,
И Дуб,
Как ни был тверд, упруг и груб,
Но ветер его из корня исторгает,
На землю повергает;
А Трость, хоть прежде всех легла,
Но также голову всех прежде подняла.
(1802)

231. МУЖИК И БЛОХА

Мы от кичливости, нередко и от лени,
Возносим к небесам бессмысленные пени:
Как будто с нас
Бог всякий час
Спускать не должен глаз.
Он будто пестун наш. Коль так, так где ж свобода?
Вопль мужика-глупца летел небес до свода.
О чем кричал мужик? Блоха
Его кусала.
Она как зверь лиха
И кровь сосала.
Он челобитствовал о том лишь у небес,
Чтобы управился с блохою Геркулес
Или чтоб на нее свой гром пустил Зевес.
Мужик! Не умничай — таскайся за сохою
И небу не скучай блохою.
(1802)

232. ГОРОДСКАЯ И ДЕРЕВЕНСКАЯ МЫШЬ

На ужин пребогатый,
С огромным пиршеством и тратой,
Соседку из полей мышь в городе звала;
Ей стол дала
Со вкусом, с роскошью и с прихотью чрезмерной,
И для другини верной
Все яствы ставили в фарфоре, серебре
На лучшем из всех, прекраснейшем ковре.
Но только жаль, что праздник прекратили.

Услышала хозяйка стук —
Не знаю, наверху во что-то колотили, —
И вдруг,
И вместе с гостейкой, не разобрав дороги,
Бежали по полям — отколь взялися ноги!
Но гостья ей: «Приди в поля ко мне
Откушать без чинов наедине.
Конечно, роскошь стол в полях не украшает,
Однако нам зато никто не помешает».

(1802)

233. ГОРА В РОДАХ

Гора беременна кричала
И о своих родах всем уши прожужжала.
Бежит со всех сторон народ,
Разиня рот,
Кричит: «Гора презнатного ребенка
На свет произведет, — не меньше как левёнка,
Иль тигра, иль слона». Все час ее стрегут.
Пииты на стихах уже ребенку лгут.
Но час приспел: гора-княгиня разрешилась,
Вселенна изумилась.
То, помню, имянно в полночну было тишь,
Гора родила — мышь.

(1802)

234. ОРЛИЦА И ЧЕРЕПАХА

Эзоп не говорит, с Орлицею вошла
Где Черепаха в речь, но ей урок прочла:
«Детей летать ты учишь;
Орляток бедненьких напрасно только мучишь.
Зачем летать в эфир,
Когда отселе мы прекрасный видим мир?
С начала света
Напасти на земле родятся от полета.
Ползя,
Упасть нельзя.
Царица! Моего послушайся совета».

Орлица ей в ответ: «Земной покинув шар,
С небес слетел Икар;
Глупцу смешно под облака взбираться.
Но стыдно Эйлеру ползти и пресмыкаться».

(1802)

235. ЩУКА И УДА

Щука уду проглотила,
Оттого в тоске была,
И рвалась, и вопила.
Близ ее плотва жила.
Вопрошает она щуку:
«Мне, кума, поведай муку,
Рвет которая тебя».
— «Ненавижу я себя, —
Щука отвечает. —
Всё меня здесь огорчает,
И в другую я реку
Плыть хочу — прогнать тоску».
— «Ни с какою
Ты рекою,
Кумушка, покою
Неспособна век добыть,
Хоть и в море станешь жить».
Если внутренность терзает —
Счастье убегает;
Нас тревожит каждый час
Совести немолчный глас.

(1802)

236. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушки не хотят как якобинцы жить,
Но верой-правдою хотят царям служить;
Толкуют, что негодно
Правление народно.
Как жить без головы? Мир, славный красотой,
Идет не сам собой.

Лягушки день и ночь об этом рассуждали,
Зевеса утруждали,
Чтоб им царя послал.
Зевес, склонясь мольбой лягушек дикой,
Средь вихря громом застучал:
Посланец с неба вдруг в лице толпы великой
Упал.
Тогда сварливый,
И глупый, и трусливый
Болотистый народ
Стал жаться к берегам, бежа пространства вод.
Нечаянность, прельстя, квакуш околдовала;
Все взапуски кричат: «Нам царь на славу дан!»
А самодержец их — сосновый был чурбан.
Одна лягушка осмелъчала,
К царю проворно подбежала
И, слова не сказав, в осоку отплыла;
Другая речь с деспотом завела;
Потом и смирные царя не трепетали
И на спину к нему скакали.
Опять молва пошла,
Опять за своеволие
К Юпитеру посольство:
«Зачем болоту дал пустую тварь?
Куда владетель наш ходит?»
Такого дай, чтобы умел пошевелиться;
Здесь бойкий нужен царь».
Юпитер, слыша то, аиста к ним отправил,
Который был одних с Наполеоном правил:
Лягушку — в лоб, другую — в нос,
Той — казнь, четвертую — в допрос;
В полгода времени лягушек род убавил.
Опять к Юпитеру: «Тот царь чрезмерно тих,
Другой несносно лих».
Зевес молчать сварливый род заставил
И речью невзначай квакушью спесь убавил:
«В ладу с аистом вы теперь извольте быть,
Чтоб хуже и его другого не нажить».

(1802)

237. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ-ЛЕКАРЬ

Лесной вельможа Волк однажды заболел:
 Неосторожно ел
 И подавился,
 И сил лишился
Кричать, чтоб вытащили кость.
 Нежданный гость,
 Журавль случился;
Отвесь низменный поклон,
 Кость длинным носом
Из Волчьей горла вынул вон;
 Потом с запросом:
«Дай плату мне!» А Волк не чив;
Сказал: «Давно ль в моей был власти?
 Журавль счастлив,
Что нос освободил из Волчьей пасти».

Вельможе хитрому кто оказал услугу,
 Советую, как другу,
Об этом язычком не много шевелить,
Награды у него за труд свой не просить.

(1802)

238. СОФОКЛ И ЕГО ДОНОСИТЕЛЬ

Что злые языки на свете ни болтают,
Поэтов на земли велик и славен дар;
 Они в себе питают
 Высокий дух, небесный жар.
Я разумею здесь Марона и Гомера;
 Лишь к ним мое почтение и вера,
А прочих, хоть я сам считаюсь в их толпе,
Не ставлю высоко. Не в рифме, не в стопе
 Стихотворения искусство:
Ум зрелый, чистый вкус, воображенье, чувство
Сплетают для певца бессмертия венец.
 Софокл, пресладостный певец,
Которому свой скиптр вручила Мельпомена,
 Софокл, средь Аттики сирена,

Софокл преклонных лет
Обязан дать в суде ответ:
Его в безумстве обвиняли,
На ослабление душевных сил пеняли.
Любитель истины, мудрец
Не расточителен на речи и на время,
Ему витийство — бремя.
Судьям певец
Неблагодарными гонимого читает
«Эдипа», именно, и слезы исторгает.
Судьи, плененные и силой и умом,
Торжественно его сопровождали в дом.
«Эдип» не конченный Софокла защищает.
Хоть ядом клевета изгибистых речей
Теснит и жалит,
Она достоинства не тронет, не умалит
И, право, солнечных не помрачит лучей.
(1802)

239. ЛЕВ И КЛОП

Боятся сильного, гнушаются лжецом,
Страмцом.
Клоп гордый некогда, свирепа льва кусая
И вонь несносную вокруг себя бросая,
Кичился, чванился: смотри, каков мой гнев!
Меня боится лев!
А лев сказал: «Пожалуй, не хвалился
И льва к клопу не применяй;
Как хочешь, так кусай и злился,
Но только не воняй!»
(1802)

240. ВЕТР И ДУБ

Дуб Ветру стал пенять: «Откройся мне, Борей!
Зачем ты разметал вдоль рощи, средь полей
Моих любезных деток?
По милости твоей
Я без листов и веток;

Вчера так крепко дул,
Что самого меня чуть с корня не свихнул;
Ты травку бережешь пустую,
Качаешь только трость, соседку дорожную,
А на меня
Глядишь нахмурясь, сердитей день от дня».
Борей в ответ кричит: «Признаюсь, Дуб спесивый!
Пусть осеняешь луг и золотые нивы, —
Упрямых не люблю голов;
Ты в бури час стоять, упорствовать готов,
А я привык всегда встречать одно покорство.
Изволь, я окажу охотно доброхотство;
Лишь в землю поклонись и будь передо мной,
Как лист перед травой».
Дуб Ветру возразил: «Сказать ли без обману?
Природой не дано мне изгибаться в лесть;
Храня бесперестанно честь,
Погибнуть я могу, но кланяться не стану».

Так добывал Наполеон
Себе Кутузова поклон.

1816

241. ЖИВОПИСЕЦ И НАЗЁМНАЯ КУЧА

Природу целую живописуй, Вернет!
Обдумав наперед,
Как озарить предмет.
Вот быль о том под видом сказки.
Какой-то Апеллес
Хитро употреблял и теней свет, и краски,
Но рисовал, забыв о множестве чудес,
Не громоносную, губительную тучу,
Не утра ранний блеск и не лазурь небес,
Смешно сказать — назёмную лишь кучу.
Старался оживлять в своих картинах,
В садах, полях и на равнинах,
Везде один предмет — везде один успех,
Который наконец родил всеобщий смех.
Я обращаю к вам усердные советы,
Жрецы парнасских дев — поэты.

Облагораживать учитесь предметы!
Везде изящного пред вами образцы;
 Не рабственные вы писцы,
Но подражатели разумных природы;
Покорны вам земля, и небеса, и воды;
Вы призваны греметь народам правду вслух;
Умейте смертного возвысить мысли, дух.
Поэта в лавровом пишите мне венке,
 Отнюдь не в колпаке.
(1817)

242. МОЛОЧНИЦА И КУВШИН С МОЛОКОМ

Одетая легко, Параша из села
В соседний городок на рынок побежала
 Безмерно весела.
В кувшине молоко на голове несла;
 Притом в уме смекала,
Что сливки проданы; на выручку яиц
 Уже себе купила;
Домой пришед, на них наседок посадила
И развела цыплят; смеясь говорила:
 «Не опасаяся лисиц!
Цыпляток сбуду с рук и скоро поросенка
 На деньги те куплю;
Его бардою откормлю,
Продам и заведу корову и теленка.
 Телят люблю!
Теленок на лужку при мне перед глазами
Играет, резвится нескладными прыжками!»
 Параша тут сама,
 Почти что без ума,
Мечтательный доход так дорого ценила;
 Короткий выбирая путь,
Затеяла чрез ров, и небольшой, прыгнуть,
Споткнулась — и кувшин на землю уронила;
Разбила вдребезги кувшин, а с черепка
По травке полилась молочная река.
Прощай телят прыжки, и ласки, и приятство,
 И всё Парашино богатство!

Хмельницкий прав. Мы все, в деревне, в городах,
Во сне и наяву здесь плаваем в мечтах;
Воздушные везде все люди замки строят,
Фортуны о себе тогда не беспокоят.
Я сам в углу своем являюсь в броне,
Даю Суворову уроки на войне,
Первопрестольные я покоряю грады,
Владею царствами Эллады;
Мой пышный долиман в алмазах, серебре;
На златошвейном я, разнежась, ковре,
Пашей и муфтия не соизволю слушать...
Слуга лишь позовет в гостиную чай кушать —
Как было смолоду, останусь при Кубре.

(1821)

243. ЗМЕЯ И ПЧЕЛА

Твержу, чтоб книг была свободная печать,
Чтоб разливалось учение в народе.

Или вельможеской породе.

Одной позволено свой разум украшать?

Простолюдим с пониклыми очами,

Не просветясь наук лучами,

И телом и умом век целый на земли,

Пусть пресмыкается в пыли?

Об этом басня в мысль попала.

На розе мед Пчела сбирала,

А под кустом Змея лежала

И с нею в речь вошла: «Давно я не видала,

Сестрица милая, тебя!

Коварный человек, Змеи не люблю,

В пустыни и леса прогнал ее напрасно.

Орудие одно

Тебе и мне дано;

За жало вся война; бесспорно это, ясно,

Что жалим обе мы, и ты и я.

Голубушка моя!

Пожалуй, объясни, за что тебя все любят,

А люди обо мне повсюду злое трубят?»

Пчела в ответ:

«То истинно, мой свет,
Что жало я имею;
Но им владеть умею:
Я жизнь тем берегу. Еще напомнить смею
Для объяснения примет:
Не яд один, как ты, я расточаю — мед».
Благотворителен наук, полезен свет,
Когда он льет
Без яда примеси прозрачный, чистый мед.
(1829)

Е. И. Станевич

244. ВЕЛЬМОЖА И МУДРЕЦ

Вельможа и Мудрец заспорили о праве,
Из них кто ближе к славе.
Вельможа указал на блеск, на пышность вокруг,
Примолвив, что талант и просвещение
Здесь менее в почтенье,
Чем знати украшение.
Все предстоящие то подтвердили вдруг.
От слов таких судей Вельможа возгордился
И к Мудрецу потом надменно обратился,
Чтоб опровергнуть он правдивость оных слов.
«Коль хочешь знать, — Мудрец Вельможе
отвечает, —
Из нас кто двух кого во праве превышает,
Не спрашивай о том рабов,
Но вопросы богов».
(1805)

245. ДЕРЕВО И ДРИАДА

Валится дерево; не время,
Ниже лет многих бремя
Его лишает красоты:
Ах! гады ядовиты,
То в корени сокрыты,

То влившиеся в листы,
Терзают дерево прекрасно!
Прости, о дерево несчастно!
Валишься ты
С своей толь грозной высоты.
Но благотворная дриада
Рекла ему: «Постой!
Цвети и украшай собой
Ты сад прекрасный мой».
Рекла! — и вдруг не стало гада.

Ах! так и наш язык,
Обильный, сладкогласный,
В час злобный и несчастный,
Как древо то, уже поник;
Но дар творца российска слова ¹
Его в паденьи удержал.
И се! язык наш снова
Цвести великолепно стал.

(1805)

246. ПОДУШКА И ПЕРО

«О, как пресчастливы барин мой! —
Перо в восторге восклицает. —
Не знает он, что есть покой;
И день и ночь он воспевает,
Как добрый соловей,
Своих приятность дней;
Шутлив, забавен, весел,
Свой славит век златой
И более ему нет нужды никакой;
И царь другой
На троне, так как он среди широких кресел,
Не может счастлив быть. . .»
— «Ну! полно уж так льстить, —
Прервала тут Подушка. —
Пиите твоему в стихах —
И всё игрушка.

¹ Смотри рассуждение о старом и новом слоге российского языка.

В ночи ж совсем не то его вещает душка:

Всё ох да ах!

И самое меня берет великий страх.

Я ведаю давно: пиита на бумаге

Всегда живет в отваге;

Послушай-ка его

Когда ты одного:

Себя несчастней никого

Тогда не видит в мире.

Он часто недоест, он часто недоспит;

А что на лире он бренчит,

За то не платит пошлин лире».

(1805)

247. ВОЛГА

Мы часто рассуждаем

О том, чего не знаем,

И то нередко охуждаем,

О чем и знать нам не дано.

Поносят так равно

Безумцы свой язык, хоть он богат, прекрасен,

Затем, что часто и аза

Не ведают в глаза;

Но толк невежд во всем согласен.

Случилось как-то мне

О Волге слышать речь какого-то угара,

Хотя и не без дара.

Бывал он в стороне

Французской,

Французски реки мог на память все сказать;

Однако Волги лишь проток увидел узкий,

Вскричал наш русский:

«Ах! можно ль Волгу звать

Обширную рекою?

Я вижу небольшой ручей лишь пред собою.

Ну, лъзя ли с Сеною когда ее сравнять?»

(1805)

248. ОСЕЛ

Осел увидел в кадке,
Как солнышко в воде свой отражало зрак;
Осел смекнул в своей догадке,
Что солнце из воды достать ему пустяк.
Нередко так дурак
О невозможном помышляет
И, научася кой-чему,
По глупому уму,
Достичь к тому
Все жилки напрягает;
С надсаду если он тогда не умирает,
Так он посмешищем бывает.
Осел подобно мой
Давай работать над водой
И выпивает воду.
Вот бедного Осла раздуло так горой,
Что сроду
Его не раздувало так.
Не снес Осел никак
Такой ужасной пытки,
И кверху он задрал
Тогда ж свои копытки,
А солнца не достал.

{1805}

А. С. Шишков

249. ГУСЬ И УТКА

Гусь Утке говорил:
«Куда ты, Утка,
Имеешь мало у себя рассудка!
И кто тебя такой походке научил
Дурной, нескладной?
Пристойно ль голову так низко потуплять,
Ходить и ковылять?
Взгляни, какой я статный!
С какою бодростью высоко вверх держу

Свою я шею,
Как ею
Повертывать умею
И гордо как хожу!
Кто в важной выступке со мною мог сравниться?
Оставь, соседка, свой манер,
Возьми с меня пример:
Как должно в свете жить, пора тебе учиться». —
На эту Утка речь сказала: «Ква, ква, ква» —
И повторила раза с два
Сии слова;
А значили они: куда-де ты, Гусишка,
Какой великий хвастунишка!
Поди-ка к Лебедю и там ты перед ним
Похвастай мастерством своим,
Изобличи его перед собой пороки
И после приходи давать ко мне уроки.
Не полюбился склад
Утиной Гусю шутки,
Пошел, нахмурившись, назад
И говорил: «Ума ни крошки нет у Утки!»
(1806)

250. ЛИСИЦА И ЛЕВ

Лисица, Льва наедине узрев,
Поджавши хвост, пришла к нему смиренно
И говорит уничиженно:
«Высокомочный Лев!
Осмелюсь донести неложно,
Что по моей к тебе любви невозможно
Никак того мне перенести,
Чтобы твою при мне кто трогал честь.
Осел меня совсем выводит из терпенья:
Он, не храня к тебе почтенья,
Мне часто говорит,
Что будто я хвалю тебя напрасно,
Что он в тебе достоинств тех не зрит,
О коих я ему толкую ежечасно;
Что будто мужества не видно твоего,
Великодушия в тебе что будто мало,

Что ты похвального не сделал ничего,
Что правосудия в тебе и не бывало».
Лев, выслушав сие, с минутку помолчал
И тако отвечал:
«Равны мне ваши лица:
На гнусну лесь Лисицы
И на Ослову брань и гнев
Не смотрит Лев».

(1806)

251. ГОЛУБЬ И ПЧЕЛА

Фортуна — колесо, катящееся по глади,
Вертится вверх и вниз, покорствуя судьбе;
Сегодня нищему ты подал христа ради,
А завтра, может быть, и он подаст тебе.

Упала в воду пчелка и тонула;
Увидел это голубок,
Принес и бросил ей листок;
И кой-как на него вспрыгнула
Обмоклая пчела,
И к берегу на нем счастливо приплыла.
По некоторым днях в смирении глубоком
Сидит мой голубок на дереве высоком.
Охотник из ружья прицелился в него,
Готовится ему смертельную дать муку.
Явилась вдруг пчела и жалом — тык его
В хотящую уже курок спустати руку!
Ружье хотя и — паф!

Однако, голубок, ты жив и здрав.

(1806)

252. БАСНЯ

(Подражательный перевод с немецкого)

Такие ходят вести,
Что будто бы назад тому лет двести,
А может быть, пятьсот,
Или еще и боле,
Звериный весь народ,
В лесах и в поле,

Был некогда учен,
 Подобно людям просвещен.
Бараны мудрые у них писали,
А прочие учились и читали;
 И всякий их писец
 Старался, чтоб начало,
 Средина и конец
В его творениях, как лучший образец,
Умом, и правдою, и кротостью дышало.
 За книгами смотрел медведь,
 Прозванием Мурчало;
Он позволял всем ворковать и петь,
Но запрещал кусаться, лаяться, шипеть.
 Вдруг жалобы восстали,
 Все в голос закричали:
 «Как можно нам терпеть,
 Чтоб наши сочиненья,
 И в них слова и мненья,
 Оспаривал медведь?»
Мы просвещение распространяем
И ничьему себя суду не покоряем».
Лев приказал медведя запереть
И дал указ: «Да знают всенародно,
Что сочинения искусство благородно
Отныне навсегда от всяких уз свободно».
 Лишь только сей указ
 В народе появился,
Умолк баранов мудрых глас,
Но всяк другой писать пустился;
Полезли грудой на Парнас
Козлы, лисицы, кошки, крокодилы,
Собаки, свиньи, сивучи, быки,
Кроты, лягушки, стрекозы, сверчки;
Свистят, шипят, пищат, мяучат из всей силы;
И сам с ушами длинными осел
Разинул рот и заревел.
Все принялись за чернилы —
 И ну писать!
Всех прежних в грош не ставить,
Себя хвалить и славить,
Доказывать и толковать,
Кому и как попало,

О круге, где его начало,
О носе комара, о действии страстей,
Когда и что от них бывало,
О пользе мыльных пузырей,
О том, в чем благо состоит народа,
Как стеснена законами природа,
Как миром управляет бог,
Как горы твердые трясутся,
Как курицы несутся
И сколько у козявки ног.
Все, словом, подноготню знали,
Яснее солнца толковали,
И так одно с другим смешали,
Несмешное досель,
Что стала каша и кисель.
Лев, покачав главою,
Сказал: «Наука, опыт нам.
Теперь я вижу сам,
Что должно иногда советовать с собою,
Чтоб ощутить умом,
Добро ли подлинно нам кажется добром.
Ошибку я свою охотно поправляю:
Писать баранам позволяю.
А прочие чтоб не шумели, бредя,
Велите выпустить медведя».

А я, без всякой злой привязки,
Из этой извлекаю сказки,
Что надобно тут знать,
Как и медведей выбирать.

1819

В. А. Жуковский

253. МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Творцы и прозой и стихами,
Которых громкий слог пугает весь Парнас,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой рассказ!

Один фигляр в Москве показывал мартышку
 С волшебным фонарем. На картах ли гадать,
 Взбираться ль по шнуру на крышку,
 Или кувыряться и вприсядку плясать
 По гибкому канату,
 Иль спичкой выпрямься, под шляпою с пером,
 На задни лапки став, ружьем,
 Как должно прусскому солдату,
 Метать по слову артикул:
 Потап всему горазд. Не зверь, а утешенье!
 Однажды в воскресенье
 Хозяин, подкурив, на улице заснул.
 Потапке торжество: «Уж то-то погуляю!
 И я штукар! И я, народ как тешить, знаю!»
 Бежит, зовет гостей:
 Индюшек, поросят, собак, котят, гусей!
 Сошлись. «Сюда! Сюда! Скорей скамьи, подушки
 В закуту господам!
 Добро пожаловать; у входа ни полушки,
 Из чести игрище!» Уж гости по местам,
 Приносится фонарь, все окна затворились,
 И свечи потушились.
 Потап в суконном колпаке,
 С указкою в руке,
 С жеманной харею, явился пред собором;
 Пренизкий всем поклон;
 Потом с кадушки речь, как Цицерон:
 Заставил всех зевать и хлопать целым хором!
 Довольный похвалой,
 С картинкою стекло тотчас в фонарь вставляет!
 «Смотрите: вот луна, вот солнце! — возглашает. —
 Вот с Евою Адам, скоты, ковчег и Ной!
 Вот славный царь Горох с Морковкою царицей!
 Вот журка-долгонос обедает с лисицей!
 Вот небо, вот земля... Что? видно ли?» Глядят —
 Моргают, морщатся, кряхтят!
 Напрасно! Нет следа великолепной сцены!
 «По чести, — кот шепнул, — кудрявых много слов!
 Но, бог с ним, где он взял царей, цариц, скотов?
 Зги божьей не видать! Одни в потемках стены!»
 — «Темно, соседushка, скажу и я, —
 Примолвила свинья. —

Мне видится! Вот!.. Вот!.. Я, правда, близорука,
Но что-то хорошо! Ой, старость! То-то скука!
Уж было бы о чем с детьми поговорить!»
Индейка кричала, хлоп-хлоп сквозь сон глазами.
А наш Потап? Кричит, гремит, стучит ногами!
Одно лишь позабыл: фонарь свой осветить!

11 октября 1806

254. СОН МОГОЛЬЦА

Однажды доброму могольцу снился сон
Уж подлинно чудесный:
Вдруг видит, будто он
Какой-то силой неизвестной
В обитель вознесен всевышнего царя
И там — подумайте! — находит визиря.
Потом открылася пред ним и пропасть ада.
Кого ж, прошу сказать, узнал он в адской мгле?
Дервиша... да, дервиш, служитель Орозмада

В котле

В клокочущей смоле
На ужин дьяволам варился.
Моголец в страхе пробудился,
Скорей бежать за колдуном,
Поклоны в пояс, бьет челом:
«Отец мой, изъясни чудесное виденье».
— «Твой сон есть божий глас, — колдун ему

в ответ. —

Визирь в раю за то, что в области сует,
Средь пышного двора, любил уединенье.
Дервишу ж поделом: не будь он суесвят,
Не ползай перед тем, кто силен и богат,
Не суйся к визирям ходить на поклоненье».

Когда б, не бывши колдуном,
И я прибавить мог к словам его два слова,
Тогда смиренно вас молил бы об одном:
Друзья! любите сень родительского крова;
Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины,
С забвением сует, с беспечностью свободы?
О, блага чистые, о, сладкий дар природы!
Где вы, мои поля? Где ты, любовь весны?

Страна, где я расцвел в тени уединенья,
Где сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу вас?
Когда, покинув свет, опять без принужденья
Вкушать мне вашу сень, ваш сумрак и покой?
О! кто мне возвратит родимые долины?
Когда и Феб и дочери Мнемозины
Придут под тихий кров беседовать со мной?
При них мои часы весельем окрыленны,
Тогда постигну ход таинственных небес
И выспренных светил стези неоткровенны.
Когда же мой удел — познание сих чудес,
Пусть буду напоен лесов очарованьем,
Пускай пленяюсь источников журчаньем,
Пусть буду воспевать их блеск и тихий ток!
Нить для меня совется не из злата,
Мой низок будет кров, постеля не богата,
Но меньше ль бедных сон и сладок и глубок?
И меньше ль он души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню в храм.
Придет ли час отбыть к неведомым брегам —
Мой век был тихий день, а смерть — успокоенье.

23 октября 1806

255. СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один неопытный мышонок
У старого кота под лапою пищал
И так его в слезах на жалость преклонял:
«Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!
Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье?
Твоя хозяйшка и вся ее семья
Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
И в чем же мой обед? Зерно, а много два!
Орех мне — на неделю!
К тому ж теперь я худ! Едва, едва
Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
Был болен! Потерпи! Пусти меня пожить!
Пусть деточки твои меня изволят скушать!»
— «Молчи, молокосос! Тебе ль меня учить?

И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
Я — кот, и стар, мой друг! прощения не жди,
А лучше без хлопот поди
К Плутону, милости его отведасть!
Моим же деточкам всегда есть что обедать!»
Сказал, мышонка — цап! Тот пискнул и пропал.
А кот, покушавши, ни в чем как не бывал!

Ужель рассказ без поученья?
Никак, читатель, есть!
Всем юность льстит себя! Всё мыслит приобрести!
А старость никогда не знает сожаленья!

26 октября 1806

256. КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.

Один
Московский гражданин,
Пришлец из Арзамаса,
Матюшка-долгохвост, по промыслу каплун,
На кухню должен был явиться
И там на очаге с кухмистером судиться.
Вся дворян взбегалась: цып-цып, цып-цып!

Шалун

Проворно,
Смекнувши, что беда,
Давай бог ноги! «Господа,
Слуга покорный!
По мне хотя весь день извольте горло драть,
Меня вам не прельстить учтивыми словами!
Теперь «цып-цып!», а там меня щипать
Да в печку! Да, сморчками
Набивши брюхо мне, на стол меня! А там
И поминай как звали!»

Тут сокол-крутонос, которого считали
По всей округности примером всем бойцам,
Который на жерди, со спесью соколиной
Раздувши зоб, сидел
И с смехом на гоньбу глядел,
Сказал: «Дурак каплун! с такой, как ты, скотиной
Из силы выбился честной народ!

Тебя зовут, а ты, урод,
 И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!
 Смотри, пожалуй! Я тебе ль чета? Но так
 Не горд! Лечу на свист! Глухарь, дурак!
 Постой! Хозяин ждет! Вся дворня за тобою!»
 Каплун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:
 «Князь-сокол, я не глух! Меня хозяин ждет?
 Но знать хочу, зачем? А этот твой приятель,
 Который в фартуке, как вор с ножом,
 Так чванится своим узорным колпаком, —
 Конечно, каплунов усердный почитатель, —
 Прогневался, что я не падок к их словам!
 Но если б соколам,
 Как нашей братье, каплунам,
 На кухне заглянуть случилось
 В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
 Тогда хозяйский свист и их бы не провел,
 Тогда б, как скот каплун, черкнул и князь сокол!»

27 октября 1806

257. РАССТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Жил муж в согласии с женой,
 И в доме их ничто любви не нарушало;
 Ребенок, моська, кот, сурок и чиж ручной
 В таком ладу, какого не бывало
 И в самом Ноевом ковчеге никогда!
 Но вот беда!
 Случился праздник, муж хлебнул — и в спор
 с женою!
 Чем кончилось? Он дал возлюбленной толчка!
 Жена — сечь сына, сын — бить моську, моська
 с бою —
 Душить и мять кота, кот лапкою — сурка,
 Сурок перекусил чижу с досады шею!

Нередко целый край один глупец смущал!
 Нередко без вины бессильный погибал
 Во мзду могучему злодею!

{1808}

258. СОБАКА

Собака, помнится, борзая,
От голода изнемогая,
Однажды к барину пришла
И речь такую повела:
«Лет десять уже я служу тебе всей силой,
А в бедности живу и нищете постылой.
Ну, как тебе не грех на старости морить
Собаку голодом? По совести признаться,
Давно б пора меня за службу наградить:
Невмочь уж стало мне за зайцами таскаться».
— «Изволь, мой друг, изволь, — тут барин ей
сказал. —
Об награждении давно я помышлял
И с год возмездие Лихому приготовил;
Да случай всё не позволял,
Чтоб я, как долг велит, Лихого успокоил.
Но наконец, изволь, день щедрости настал.
Ты храбро лаживал в болото, лес, репейник,
Не трусил никогда с медведями в борьбе,
Итак, в награду вот тебе...
Ошейник».

(1805)

259. СЫЧ, ФИЛИН, СОВЫ И НЕТОПЫРЬ

Сыч с Филином да две Совы,
В лесу слетевшись, горько выли:
«О горе нам! Увы, увы!
За что наш голос невзлюбили?
Уж наша ль песнь не песнь? Ей-ей!
Нам кажется, что соловей
Ничуть не лучше попевает.
Нам кажется, — но лишь начнем,
Лишь только, сладясь, запоем —
Вмиг уши всякий затыкает
И прочь бежит. Увы, увы!»
— «О чем это ревете вы? —

Спросил их Нетопырь. — Дубрава
От стону вашего дрожит». —
«Как не реветь! Дурная слава
Наш дух и сердце тяготит.
Мы поминутно распевали,
И поминутно нас ругали;
Никто не хочет похвалить!»
— «Обидна клевета, не спорю;
Но вашему, соседи, горю
Я научу, как пособить.
Вы птиц молвой пренебрегите
И с нынешнего ж дня начните
Назло самих себя хвалить.
Я уверяю вас без лести,
Что стоите вы всякой чести». —
Тотчас благой его совет
Сыч, Совы с Филином приняли:
Всю ночь друг другу проплескали.

С тех пор, лишь Филин заревет,
Сычи и ну кричать: «Прекрасно!
Как складно! Ладно! Доброгласно!..»
Проклятые! Умолку нет.

(1807)

260. ВОЛК И ЛИСИЦА

«А, благодетель наш, здорово! —
Вскричала, Волка стрев, Лиса. —
Уж сколько лет и зим мохнатого лица
Любимца Львова
Не видывала я! Да что ж ты так угрюм?
Конечно, надоел тебе придворный шум?
Открой, светлейший Волк, что сделалось с тобою?
Я любопытна знать весьма». —
«Светлейший? Ах, известною порою
Находит и на светлость тьма!
Велят блистать — блистишь, а там — изволь
померкнуть!
Увы! Уж лучше во сто раз
Родиться в свет без глаз,

Чем, проглянув на час,
Потом ослепнуть.
Блажен, блажен, кто знает двор
По слуху одному; блажен тысящекратно,
Кого не видит Львиный взор,
Не ищет кто и не теряет безвозвратно
Ни места, ни чинов! А я? Несчастный зверь!
Служил вождем у Льва, — о сю пору на коже
С десяток видно ран, — служил потом вельможей
Там верно, ревностно; не крал, не лгал. Теперь?
В отставку выброшен, иль так сказать, уволен;
Без хлеба, наг и бос, за сорок службы лет!»
— «Молчал бы ты, молчал! — Лиса ему в ответ. —
И наг и бос? Да цел. Так вот и будь доволен,
А не ропщи на царский гнев.
Знать, право, в добрый час великодушный Лев
Тебя от должности отставил,
Что в память верного слуги
Себе он не оставил
Твоих ушей или ноги».

(1807)

261. ПЕТУХ И АЛМАЗ

В обыкновенну пору,
Селянам возвестя наставший утра час,
Взлетел Петух на кучу сору
И, разгребаячи ее, нашел Алмаз.
«Какая вещь! И ты под кучей
Меж щепками лежишь? — он сам себе сказал. —
Недаром же все люди случай
Зовут слепым. На что Петух тебя сыскал?
Клевать каменья я не сроден,
А станется, что ты к чему-нибудь и годен.
Художнику твоя известнее цена.
Но для меня
Ты хуже хлебного зерна».

На что и трусу меч? Злой женщине приятства?
На что глупцу и честь, и слава, и богатства?

(1807)

Задумал Голубь быть историком зверей;

На правду много ли затей?

Сходил к Бобру в архив, спросил того, другого,

Кто с беспристрастием короче всех знаком,

Кто честностью живет, — так дело и с концом,

И бытопись у голубя готова.

Да что за бытопись! В ней лести ни полслова;

Нагая истина везде

Сияла, как брильянт в прозрачной воде.

Дела больших зверей и маленьких зверишек,

Начав от Льва и до Мартышек,

С возможной верностью наш Голубь описал

И в свет «Историю», как водится, издал.

Все, все ее читали,

Все Голубя до смерти выхваляли

В глаза; а за глаза пошел иначе толк.

Озлился первый Волк:

«Историк всех Волков до крайности обидел.

Кто, Волки, чудеса из вас такие видел,

Чтобы я мясо ел?»

— «А кто, — промолвил Тигр, вздымая страшно брови, —

Кто, звери, усмотрел,

Чтоб я охотник был до крови?»

— «А кто, — пристал и Крот, — захочет на меня

Всклепать, что будто бы ни зги не вижу я?»

— «А кто, — рыча, Осел к словам Крота прибавил, —

Кто скажет, чтобы я на дурака был схож?

Вот ложь-то, так уж ложь!

Представьте! И Осла он даже обесславил!»

— «Чего клеветнику на ум ни прибрело! —

Таща Лисица за крыло

Историка, зверям сказала. —

Вот он! Я с ним на суд, суд праведный предстала.

Скажите: кто и где слыхал

Такую небылицу,

Чтоб смирный род Лисиц кур ночью воровал?

Видали ль хоть одну Лисицу

В курятнике когда?»

— «Не видывали никогда!» —

И Тигр, и Волк, и Крот с Ослом ей отвечали.

«Смерть Голубю-лгуну! Сейчас злодей умрет!» —
С сим словом бросились к нему и зверь и скот,
По перышку бедняжку растерзали.

Диковинка ль?! Везде за правду погибали!
(1807)

263. РАК И СЫН ЕГО

Рак Раку говорил: «Как, сын, тебе не стыдно
Всё вкось да вкривь ходить? По чести, мне обидно
На эту выступку смотреть! Будь, сын, умней,
Принудь себя: поди прямей».

— «Согласен!

Отцу он отвечал. —

Но, батюшка, ведь я родясь не видал,
Чтоб кто-нибудь из нас не криво выступал.
Итак, дабы мой труд остался не напрасен,
Извольте наперед шажка два-три ступить;
Извольте вы, а я за вами».

Тот добродетели нас может научить,
Кто учит добрыми делами.
Вотще чернит порок пустая голова:
Пример над юными сердцами
Сильнее действует, чем красные слова.
(1809)

264. КЕДР И ЛОЗА

Насупился Борей,
Вздурился,
Завыл — и в ярости своей
На всё озлился;
Дохнул — и древний Кедр, что грудью защищал
Деревья слабые, качнулся, затрещал,
Пень, в мелкие щепы разбившись, сокрушился,
И царь растений... пал.
«А что? — сказала
Низкопоклонная Лоза,

Когда жестокая гроза
 И буря миновала.—
 А что? Улегся, наконец?
 Вот то-то же, гордец;
 Недаром я тебе, недаром говорила
 И всякую грозу твердила:
 Эй, Кедр! не будь ты так назойлив и упрям;
 Другим не уступай никак, а пред Борею —
 Скорее вниз челом. Что сделаешь с злодеем!
 Будь гибче, наклонись; не то увидишь сам,
 Что быть бедам.
 И правда: пополам
 Переломил тебя Борей, а я осталась,
 За то что перед ним всечасно изгибалась,
 Здорова и жива.
 Мне памятни дедов премудрые слова:
«Гнишь, внук! не свалится с поклонов голова».
 — «О, подлое растение! —
 С усмешкой Кедр сказал. —
 Не новость для меня такое рассужденье:
 Иначе никогда Лозняк не поступал;
 Пред всяким ветерком хребет ты нагибал
 И, в грязь ложась лицом, был очень тем доволен,
 Что мог бесчестьем *бесчестну* жизнь спасти.
 Всяк действовать, как хочет, волен:
 Ты волен ввек позор нести...
 Но что твой значит век? Лет пять! А много-много,
 Когда средь ужасов, под страхом и тревогой,
 Добьешь до десяти.
 Иную кедр стяжал от неба долю:
 Я с силой получил и волю
 Порывом бурь пренебрегать,
 Собой бессильных заслонять,
 И, где ты должен лечь, там должен я стоять.
 Сто лет я жил, сто лет Борея презирал,
 Но, старостью теперь ослаблен став моею,
 Лишился мочи и упал.
 Какая выгода от этого Борею?
 Победа для него не славная ничуть!
Переломить он мог меня, но не *нагнуть»*.

(1809)

И. А. Крылов

265. ДУБ И ТРОСТЬ

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
«Поистине роптать ты вправе на природу, —
Сказал он. — Воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеываясь и вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе всё бурей — мне всё кажется Зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья».
— «Ты очень жалостлив, — сказала Трость в ответ. —
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но — подождем конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождем шумящий Аквилон.
Дуб держится — к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

1805

266. КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров.

Нес, нес он их и утомился,

Остановился,

На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:

«Куда я беден, боже мой!

Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...

И выдался ль когда на свете

Хотя один мне радостный денек?»

В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовет он Смерть: она у нас не за горами,

А за плечами —

Явилась вмиг

И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»

Увидевши ее свирепую осанку,

Едва промолвить мог бедняк, оторопев:

«Я звал тебя, коль не во гнев,

Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей

Нам видеть можно,

Что как бывает жить ни тошно,

А умирать еще тошней.

(1807)

267. ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нужде дорога,

Но за нее не всяк умеет взяться:

Не дай бог с дураком связаться!

Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто, человек безродный, одинакой,

Вдали от города, в глуши.

Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,

А в одиночестве способен жить не всякой:

Утешно нам и грусть, и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»

— «Прекрасны, что и говорить!

А всё прискучится, как не с кем молвить слова».

Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.

В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.

О чем у них и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был неговорлив,
Мишук с природы молчалив:

Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнит
И Мишенькой не может нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.

То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».

Пустынник был сговорчив: лег, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села —
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

(1807)

268. ЛАРЧИК

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом;
Так, он и без замка:
А я берусь открыть, да, да, уверен в этом,
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою.
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной

Качает головой,
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуше рвется.
Потел, потел, но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.
1807

269. ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! Какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунына с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

(1808)

270. МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, — сказал он с удивленьем, —
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!»
— «То правда, — отвечал хозяин с умиленьем, —
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумеи.
(1808)

271. ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим;
Но мы истории не пишем,
А вот о том как в баснях говорят.
Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».
— «Когда светлейший Волк позволит,

Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью,

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу».

— «Поэтому я лгу!

Негодный! Слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

— «Помилуй, мне еще и от роду нет году», —

Ягненок говорит. «Так это был твой брат».

— «Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи.

— «Ах, чем я виноват?» — «Молчи! Устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

(1808)

272. СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!

Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
— «Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило».
— «А, так ты. . .» — «Я без души
Лето целое всё пела».
— «Ты всё пела? Это дело:
Так поди же попляши!»

(1808)

273. МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьей дворян,
Четверкою рыдван
Тащился.
Кони измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он
И лошадей, мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон;
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, зная, рыдван был плотно нагружен,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится:
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперек шныряет меж людей;

Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет
И только плачется на то,
Что ей ни в чем никто
Никак помочь не хочет.
Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукают тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всем заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу
Втащились на ровную дорогу.
«Ну, — Муха говорит, — теперь слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

(1808)

274. ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

(1809)

275. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало неуютно
Правление народно,
И показалось им совсем неблагородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен,
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиноый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком,
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К царю садятся уж и задом.
Царь терпит всё по милости своей.
Немного погода, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки — новое челобитье,

Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест, а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя инова;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, — вещал им с неба глас, —
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже;
Другой вам дан — так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

(1809)

276. СЛОН НА ВОЕВОДСТВЕ

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,

Однако же в семье не без уроды:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит —
Вступило от овец прошение в приказ:
Что волки-де совсем сдирают кожу с нас». —
«О, плуты! — Слоны кричат. — Какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволение?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил легонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять,
Да и того им жаль отдать».
— «Ну, то-то ж, — говорит им Слоны, — смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком:
По шкурке, так и быть, возьмите,
А больше их не троньте волоском».

(1809)

277. ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целый,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

(1809)

278. СЛОН И МОСЬКА

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ, —
Известно, что Слоны в диковинку у нас, —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей Шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться?
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
Вперед
И лаю твоего совсем не примечает». —
— «Эх, эх! — ей Моська отвечает. —
Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! Знать она сильна,
Что лает на Слона!»

(1809)

279. ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж и свеж на взгляд;
Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий краснобай, названный друг природы,
Недоученный Философ,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однакож за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить;
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моею

Далеко от тебя уеду,
 И огород твой при моем
 Казаться будет пустырем.
 Да, правду говорить, я и тому дивился,
 Что огородишко твой кое-как идет.
 Как ты еще не разорился?
 Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»
 — «И некогда, — соседа был ответ. —
 Прилежность, навык, руки:
 Вот все мои тут и науки;
 Мне бог и с ними хлеб дает».

— «Невежа! восставать против наук ты смеешь?»
 — «Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
 Коль ты что путное затеешь,
 Я перенять всегда готов».

— «А вот увидишь ты, лишь лета б нам дожждаться...»
 — «Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
 Уж я кой-что посеял, посадил,
 А ты и гряд еще не взрыл».

— «Да, я не взрыл, за недосугом:
 Я всё читал
 И вычитал,
 Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.
 Но время еще не уйдет».

— «Как вас, а нас оно не очень ждет», —
 Последний отвечал и тут же с ним расстался,
 Взяв заступ свой;
 А Философ пошел домой.
 Читал, выписывал, справлялся,
 И в книгах рылся, и в грядках, —
 С утра до вечера в трудах.
 Едва с одной работой сладит,
 Чуть на грядках лишь что взойдет,
 В журналах новость он найдет —
 Всё перероет, пересадит
 На новый лад и образец.
 Какой же вылился конец?
 У Огородника взошло всё и поспело:
 Он с прибылью, и в шляпе дело;
 А Философ —
 Без огурцов.

(1811)

280. ГУСИ

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиный:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем,
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?» —
Спросил прохожий их. «Да наши предки...» — «Знаю
И всё читал; но ведать я желаю:
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Рим спасли!»
— «Всё так, да вы что сделали такое?»
— «Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздражить.
(1811)

281. ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я

Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Зашелкал, засвистал,
На тысячу ладов тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Еще б ты боле навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей.

(1811)

282. ОТКУПЩИК И САПОЖНИК

Богатый Откупщик в хоромаш пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком, через край.
И, словом, кажется, в его хоромаш рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он недосыпает.

Уж божьего ль боится он суда
Иль просто трусит разориться,
Да только всё ему не крепко как-то спится.

А сверх того, хоть иногда
Он вздремлет на заре, так новая беда:

Бог дал ему певца-соседа.
С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
Сапожник, но такой певун и весельчак,

Что с утренней зари и до обеда,
С обеда до ночи без умолку поет
И богачу заснуть никак он не дает.

Как быть и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья его отвадить?
Велеть молчать: так власти нет;
Просил: так просьба не берет.

Придумал наконец и за соседом шлет.

Пришел сосед.

«Приятель дорогой, здорово!»

— «Челом вам бьем за ласковое слово».

— «Ну, что, брат, какво делишки, Клим, идут?»
(В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.)

— «Делишки, барин? Да не худо!»

— «Так от того-то ты так весел, так поешь?

Ты, стало, счастливо живешь?»

— «На бога грех роптать, и что ж за чудо?

Работою завален я всегда;

Хозяйка у меня добра и молода:

А с доброю женой, кто этого не знает,

Живется как-то веселей».

— «И деньги есть?» — «Ну, нет, хоть лишних не бывает,
Зато нет лишних и затей».

— «Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?»

— «Я этого не говорю;

Хоть бога и за то, что есть, благодарю,

Но сам ты, барин, знаешь,

Что человек, пока живет,

Всё хочет более: таков уж здешний свет.

Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало,

И мне бы быть богачей не мешало».

— «Ты дело говоришь, дружок:

Хоть при богатстве нам есть также неприятства,

Хоть говорят, что бедность не порок,

Но всё же коль терпеть, так лучше от богатства.
Возьми же, вот тебе рублевиков мешок;
Ты мне за правду полюбился.
Поди; дай бог, чтоб ты с моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сих денег не могли
И к нужде их ты береги!
Пятьсот рублей тут верным счетом.
Прощай!» Сапожник мой,
Схватя мешок, скорей домой
Не бегом, летом;
Примчал гостинец под полой
И той же ночи в подземелье
Зарыл мешок — и с ним свое веселье!
Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);
Всё подозрительно, и всё его тревожит:
Чуть ночью кошка заскребет,
Ему уж кажется, что вор к нему идет:
Похолодеет весь и ухо он приложит.
Ну, словом, жизнь пошла — хоть кинуться в реку.
Сапожник бился, бился
И наконец за ум хватился:
Бежит с мешком к Откупщику
И говорит: «Спасибо на приятстве,
Вот твой мешок, возьми его назад:
Я до него не знал, как худо спят.
Живи ты при своем богатстве,
А мне, за песни и за сон,
Не надобен ни миллион».

(1811)

283. ПОДАГРА И ПАУК

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и как, и почему:
Притом же, кажется, ему,
Зажмурясь, в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.

Как выросли они и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети — бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: «Подите
Вы, детушки, на свет, и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же отселе наперед,
Кто что из вас в удел себе возьмет —
Вон, видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижины убоги?
В одних простор, довольство, красота;
В других и теснота,
И труд, и нищета».
— «Мне хижин ни за что не надо», —
Сказал Паук. «А мне не надобно палат, —
Подагра говорит. — Пусть в них живет мой брат.
В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
Гонять из каждого богатого двора».
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились в мире.
В великолепнейшей квартире
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцвеченным
И по карнизам золоченым
Он паутину разостлал
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к рассвету, едва с работою убрался,
Пришел и щеткою всё смел слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался —
Оттоле Паука метлой.
Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щетка, иль крыло везде его достанет
И всю работу изорвет,
А с нею и его частехонько сметет.
Паук в отчаяньи, и за город идет
Увидеться с сестрицей.
«Чай, в селах, — говорит, — живет она царицей».

Пришел — а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
 Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит.
 Примета у простых людей,
 Что чем подагру мучишь боле,
 Тем ты скорей
 Избавишься от ней.
«Нет, братец, — говорит она, — не жизнь мне в поле!»
 А брат
 Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
 Подагра же — тотчас в дорогу,
 Простилася с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села в ногу.
Подагре рай! Пошло житье у старика:
Не сходит с ним она долой с пуховика.
С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
 Всяк при своем у них остался,
 Доволен участью равно:
Паук по хижинам пустился неопрятным,
Подагра же пошла по богачам и знатым;
И — оба делают умно.

(1811)

284. КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка,
 Осел,
 Козел
 Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, басá, альтá, две скрипки
И сели на лужок под липки —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит Мартышка. — Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
 Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
 Я, прима, сяду против вторы;
 Тогда пойдет уж музыка не та:
 У нас запляшут лес и горы!»
 Расселись, начали Квартет;
 Он все-таки на лад нейдет.
 «Постойте ж, я сыскал секрет! —
 Кричит Осел. — Мы, верно, уж поладим,
 Коль рядом сядем».
 Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
 А все-таки Квартет нейдет на лад.
 Вот пуще прежнего пошли у них разборы
 И споры,
 Кому и как сидеть.
 Случилось Соловью на шум их прилететь.
 Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
 «Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,
 Чтобы Квартет в порядок наш привести:
 И ноты есть у нас, и инструменты есть,
 Скажи лишь, как нам сесть!»
 — «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
 И уши ваших понежней, —
 Им отвечает Соловей, —
 А вы, друзья, как ни садитесь,
 Всё в музыканты не годитесь».
 (1811)

285. ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
 Бросая по долине тень,
 Листы на дереве с Зефирами шептали,
 Хвалились густотой, зеленью своей
 И вот как о себе Зефирам толковали:
 «Не правда ли, что мы краса долины всей?
 Что нами дерево так пышно и кудряво,
 Раскидисто и величаво?
 Что б было в нем без нас? Ну, право,
 Хвалить себя мы можем без греха!
 Не мы ль от зноя пастуха

И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотой своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, Зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами».
— «Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы Корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится —
Не станет дерева, ни вас».

(1811)

286. СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по уши досыта накупалась:
И из гостей домой
Пришла свинья свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —
Свинью спросил пастух. —
Ведь идет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не приметила богатства никакого:
Всё только лишь навоз да сор;

А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

(1811)

287. СИНИЦА

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? — и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но нычего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

(1811)

288. КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога, а Васька-Кот в углу,
Припав за укусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах ты обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет. —
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! Быв честным Котом до этих пор,
Бывало; за пример тебя смиренства кажут,
А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька всё жаркое съел.
А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

(1812)

289. ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор —

Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псаря кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат. — Огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щелкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий перервал в ответ, —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

1812

290. ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,

Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит. —
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ. — Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят;
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
И, может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

1812

291. ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что, кто за ремесло чужое братья любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей

Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить. —
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».
— «И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку провести он идет;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

1813

292. ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай».
— «Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье — ешь до дна!

Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарею подернулась она.

Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» —
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет:

Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян. — Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь

И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

(1813)

293. ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —
Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала;

И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? Да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько».
— «Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает;
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть;
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.

(1813)

294. ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?»
— «В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменя
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Каких зверей, каких там птиц я ни видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
— «А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
— «Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец,
виноват:

Слона-то я и не приметил».

(1814)

295. ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

1814

296. ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня;
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался:
«Не стыдно ль, — говорит, — средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперед чужой беде не смейся, Голубок.

1814

297. ТРОЕЖЕНЕЦ

Какой-то греховодник
Женился от живой жены еще на двух.
Лишь до Царя о том донесся слух
(А Царь был строг и не охотник
Таким соблазнам потакать),
Он Многоженца вмиг велел под суд отдать
И выдумать ему такое наказание,

Чтоб в страх привести народ
И покуситься бы никто не мог вперед
На столь большое злодеянье:
«А коль увижу-де, что казнь ему мала,
Повешу тут же всех судей вокруг стола».
Судьям худые шутки:
В холодный пот кидает их боязнь.
Судьи толкуют трои сутки,
Какую б выдумать преступнику им казнь.
Их есть и тысячи; но опытами знают,
Что все они людей от зла не отучают.
Однако ж наконец их надоумил бог.
Преступник призван в суд для объявленья
Судейского решенья,
Которым, с общего сужденья,
Приговорили: жен отдать ему всех трех.
Народ суду такому изумился
И ждал, что Царь велит повесить всех судей;
Но не прошло четырех дней,
Как Троеженец удавился;
И этот приговор такой наделал страх,
Что с той поры на трех женах
Никто в том царстве не женился.

1814

298. МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! — говорит она. — И тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали,
А проку на волос нет в них».

Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

(1815)

299. КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милый!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.

Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй, — говорит, — за что?» — «За что,
болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»
(1815)

300. ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют.
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.
(1815)

301. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может волк ни охнуть, ни вдохнуть:
Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный. —
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

(1816)

302. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, — говорит, — кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесать».
— «Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

(1816)

303. ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»
(1816)

304. ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие края
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насажали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их на родине своей
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудачки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянные колпаки;
А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам, — Пчела на это отвечала, —
А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите,
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны.
А рады пауки лишь будут вам
И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

(1817)

305. ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
— «В том, — отвечал сосед, —
Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

(1818)

306. ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая себе без шуму и шажком
Плетется,
Другая вскачь несется:
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;

Прохожий к стороне скорей от страху жметя,
Ее заслышавши издалека.

Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку.

Кто делов истинно — тих часто на словах.

Великий человек лишь громок на делах,

И думает свою он крепку думу

Без шуму.

(1819)

307. МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,

Какой не слыхано ни в древни времена;

Он даже (говорит его историк верный)

Мог поднимать больших ячменных два зерна!

Притом и в храбрости за чудо почитался:

Где б ни завидел червяка,

Тотчас в него впивался,

И даже хаживал один на паука.

А тем вошел в такую славу

Он в муравейнике своем,

Что только и речей там было, что о нем.

Я лишние хвалы считаю за отраву;

Но этот Муравей был не такого нраву:

Он их любил,

Своим их чванством мерил

И всем им верил,

А ими наконец так голову набил,

Что вздумал в город показаться,

Чтоб силой там повеличаться.

На самый крупный с сеном воз

Он к мужику спесиво всполз

И въехал в город очень пышно;

Но, ах, какой для гордости удар!

Он думал, на него сбежится весь базар,

Как на пожар,

А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит.
А он — дивит
Свой только муравейник.

(1819)

308. СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
— «Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».
— «Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут. —

Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

1822 или 1823

309. ПРИХОЖАНИИ

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений, и писатель;
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,
Не только, чтоб от них похвал себе дожидаться, —
В нем красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни былъ на это им скажу.

Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник)
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства,
Как цепью золотой,
Возъемя к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье:
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар! —
Из слушателей тут сказал один другому. —
Какая сладость, жар!
Как сильно он влечет к добру сердца народа!

А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» — «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода».

1822 или 1823

310. ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
Что от нее житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке сбирались:
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за прокурора.
И слух между народа шел,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила. —
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно, и опасно —
Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

(1830)

311. СОБАКА И ЛОШАДЬ

У одного крестьянина служа,
Собака с Лошадью считаются как-то стали.
«Вот, — говорит Барбос, — большая госпожа!
По мне, хоть бы тебя совсем с двора согнали.

Велика вещь возить или пахать!
Об удалстве твоём другого не слышать;
И можно ли тебе равняться в чём со мною?
Ни днем, ни ночью я не ведаю покою:
Днем стадо под моим надзором на лугу,
А ночью дом я стерегу».

— «Конечно, — Лошадь отвечала, —

Твоя правдива речь;
Однако же, когда б я не пахала,
То нечего б тебе здесь было и стеречь».

(1830)

312. РАЗБОЙНИК И ИЗВОЗЧИК

В кустарнике залегши у дороги,
Разбойник под вечер добычи нажидал,
И, как медведь голодный из берлоги,
Угрюмо даль он озирает.

Посмотрит, грузный воз катит, как вал.
«Ого! — Разбойник мой тут шепчет. — Знать,
с товаром

На ярмарку; чай всё сукно, камки, парчи.
Кручина, не зевай — тут будет на харчи:

Не пропадет сегодня день мой даром».
Меж тем подъехал воз; кричит Разбойник:
«Стой!» —

И на Извозчика бросается с дубиной.
Да лих; схватился он не с олухом-детиней:

Извозчик — малый удалой,
Злодея встретил мостовиной,
Стал за добро свое горой,

И моему герою

Пришлось брать поживу с бою —
И долог и жесток был бой на этот раз.
Разбойник с дюжины зубов не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбит глаз;

Но победителем однако ж он остался:
Убил Извозчика злодей.
Убил — и к добыче скорей.
Что ж он завоевал? — Воз целый пузырей!

Как много из пустого
На свете делают преступного и злого.

1833

313. ВЕЛЬМОЖА

Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее, — умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? Где родился?»
— «Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
— «Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
Да всё подписывал, что он ни подавал».
— «Скорей же в рай его!» — «Как! Где же
справедливость?» —
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец, — отвечал Эак. —
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью, —
Ведь погубил бы целый край! . .
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью:
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

1833 или 1834

314. КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!»

— «А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певички нет!»

— «Тебя, мой куманек, век слушать я готова».

— «А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова. . .

Отколь такой берется голосок?

И чист, и нежен, и высок! . .

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни — что твой Соловей!»

— «Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поешь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха! . .»

За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку.

1833—1834

А. Е. Измайлов

315. УМИРАЮЩАЯ СОБАКА

Султанка старый занемог,

Султанка слег в постелю;

Лежит он день, лежит неделю,

Никто из медиков Султанке не помог,

Час от часу лишь только хуже:

Все ребра у него наруже,

Как в лихорадке он дрожит

И уж едва-едва визжит.

В конуре, у одра больного.

Соколка, внук его, стоял,
Не мог он вымолвить от жалости ни слова
И с нежностью его лизал.
Султанка на него взглянул и так сказал:
«Ну, видно, мой конец приходит:
Нельзя ни встать, ни сесть;
Душа из тела вон выходит. . .
А перед смертью как хотелось бы поесть!
Послушай, милый внук, что я тебе открою:
Две кости спрятал я, как был еще здоров;
Умру, ведь не возьму с собою.
Они вот там лежат, у дров;
Поди же, принеси их обе
И старика утешь,
Который скоро будет в гробе. . .
Да только сам, смотри, дорогою не ешь».
Как из лука стрела, Соколка мой пустился,
В минуту воротился
И кости в целости принес.
Султанка тронут был до слез.
Ну, нюхать кости он, глодать уже не может;
Понюхал и промолвил так:
«Когда умру, пускай мой внучек это сгложет. . .
Однако же теперь не тронь ты их никак.
Кто знает? Может быть, опять здоров я буду;
Коль веку бог продлит, тебя не позабуду:
Вот эту кость отдам тебе,
Большую же возьму себе.
Постой, что мне на ум приходит:
Есть славный у меня еще кусок один;
Я спрятал там его, куда никто не ходит.
Сказать ли? Нет, боюсь: ты съешь, собачий сын!
Ох, жаль! . . .» — и с словом сим Султанка умирает.

На что сокровища скупой весь век собирает?
Ни для себя, ни для других!
Несносна жизнь и смерть скупых.

316. ГОРА В РОДАХ

О чудо естества! о страх!
Гора, гора в родах!
Стонает, силится и огонь и пламя мешет!
Кипит пучина вод, дрожит столетний лес!
Вселенна целая от ужаса трепещет!
Ужель не видишь ты со высоты небес,
Всесильный Юпитер! что делается с нами?
Ах! что сия гора на свет произведет?
Чудовищ, каковы Титаны были сами?
И, может быть, Олимп с землею пропадет?
Зло должно истреблять, едва лишь происходит,
Возьми скорей перун, моление услышь! . .
Но вот расселась уж — и се из ней исходит. . .
Всесильны небеса! Ахти! Да этомышь.

(1806)

317. СОВЕТ МЫШЕЙ

В мучном амбаре Кот такой удалый был,
Что менее недели
Мышей до сотни задавил;
Десяток или два кой-как уж уцелели
И спрятались в норах.
Что делать? выйти — страх;
Не выходить — так смерти ждать голодной.
На лаврах отдыхал Кот сытый и дородный.
Однажды вечером на кровлю он ушел,
Где милая ему назначила свиданье.
Слух до Мышей о том дошел;
Повыбрались из нор, открыли заседание
И стали рассуждать,
Какие меры им против Кота принять.
Одна Мышь умная, которая жила
С учеными на чердаках
И много книг переглодала,
Совет дала в таких словах:
«Сестрицы! отвратить грозящее нам бедство
Я нахожу одно лишь средство,

Простое самое. Оно в том состоит,
Чтоб нашему злодею,
Когда он спит,
Гремушку привязать на шею:
Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,
И не удастся нас врасплох ему поймать».
— «Прекрасно! Ах, прекрасно! —
Вскричали все единогласно.
Зачем откладывать? Как можно поскорей
Коту гремушку мы привяжем, —
Уж то-то мы себя докажем!
Ай, славно! Не видать ему теперь Мышей
Так точно, как своих ушей!»
— «Всё очень хорошо; привязывать кто ж станет?»
— «Ну, ты». — «Благодарю!»
— «Так ты». — «Я посмотрю,
Как духа у тебя достанет!»
— «Однако ж надобно». — «Что долго толковать?
Кто сделал предложение,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое нам покажи уменье». —
И умница равно за это не взялась.
А для чего ж бы так? . . Да лапка затряслась!

Куда как, право, чудно!
Мы мастера учить других;
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно.

1811

318. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк костью как-то подавился.
Не мудрено: всегда есть торопился;
Кость стала в горле у него.
Прожора захрипел, стеснилось в нем дыханье,
Ну, словом, смерть пришла его,
И он хотел в грехах принести уж покаянье.
По счастью, Журавль тут мимо проходил.
Страдалец перед ним пасть жалобно разинул;

Журавль в нее свой нос предлинный опустил
И кость удачно вынул.
Волк вспрыгнул с радости, избавясь от беды.
«А что ж мне за труды?» —
Спросил носатый врач. «Ах ты неблагодарный! —
Волк с сердцем отвечал. — Да как просить ты
смел?
Смотри какой нахальный!
Благодари за то, что нос остался цел».

(1812)

319. ФИЛИН И ЧИЖ

В лесу Соловушко зарей вечерней пел,
А Филин на сосне нахмурясь сидел
И укал что в нем было мочи,
Как часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка, голубчик, перестань, —
Сказал Чиж Филину, — ты Соловью мешаешь».
— «Молчи, дурак, молчи, ты ничего не знаешь.
Что Соловей твой? Дрянь!
Ну так ли в старину певали?
И так ли молодцы из нас теперь поют?»
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали,
Ему здесь первенство все птицы отдают».
— «Неправда! Он поет негодно, вяло, грубо,
А хвалит кто его, несет тот сущий бред.
Вот Ворон, мой сосед,
Когда закаркает, то, право, сердцу любо!
Изряден также черный Грач:
Хоть мал, а свил гнездо под крышкой храма славы!
Кукушкин на кладбище плач
Нам тоже делает забавы.
Но Сыч! Вот из певцов певец!
Его брать должно в образец:
Кричит без умолку, прекрасно!
Скажу пред всеми беспристрастно,
Что нет здесь равного Сычу. . .
Зато я сам его учу!»

1811

320. УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХ

Шли два прохожие по берегу морскому
И видят — устрица большая на песке
Лежит от них невядалеке.
«Смотри, вон устрица!» — сказал один другому,
А тот нагнулся уж и руку протянул.
Товарищ тут его толкнул
И говорит: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам, ведь устрица моя».
— «Да, как бы не твоя!»
— «Я указал тебе. . .» — «Что ты? Перекрестися!»
— «Конечно, первый я увидел. . .» — «Вот те раз!
И у меня остер, брат, глаз».
— «Пусть видел ты, а я так даже слышал носом».
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел судья к ним Миротвор.
Он начал с важностью по форме суд допросом,
Взял устрицу, открыл —
И проглотил.
«Ну, слушайте, — сказал, — теперь определение:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам».

Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да судьям!

Март 1813

321. ГОРЛИЦА И МАЛИНОВКА

«Позволь сказать тебе, сестрица: ты чудна, —
Так Горлица одна
Малиновке-певице говорила, —
Ты никого еще в лесу не полюбила.
Что ты монахиней живешь
И только от утра до вечера поешь?
Хоть петь и весело, а, право, веселее
Весною жить сам-друг.
Ах, поцелуй один всех песен мне милее!
Послушайся меня, мой друг:

Жить надобно для наслажденья;
Возьми любовника». — «Спасибо за совет, —
Сказала скромно ей Малиновка в ответ. —

Мне скучно быть без упражненья,
Я быть свободною хочу
И счастлива сама собою».

— «Прощай же, бог с тобою!
Пой на просторе ты, я к Голубку лечу».

При сих словах они расстались
И долго, долго не встречались;
Но наконец, лет через пять,
Увиделись опять.

Кокетка Горлица уж очень устарела,
Потух в глазах огонь, чуть ноги волокла.

Малиновка с трудом узнать ее могла.

«А, здравствуй, милая! Что так ты похудела? —

Спросила у нее она. —

С дружкой ты здесь или одна?»

— «Одна, — ей Горлица со вздохом отвечала. —

Ты видишь, какова я стала!

Кому теперь меня любить?

Мне платят за любовь лишь смехом да презреньем.

Куда несносно старой быть».

— «А мне так песни утешеньем

На старости моей», —

Малиновка сказала ей.

«Неужли и теперь ты петь не перестала?»

— «Я спала с голоса давно,

Но слуха я не потеряла;

Так слушаю других, а это всё равно».

О, как полезны нам искусства и науки!

Счастлив, кто в юности к занятиям привык:

И в самой старости не чувствует он скуки.

Пусть, сил лишась, старик

Не может более с успехом сам трудиться,

Но дарованием чужим он веселится.

Июнь 1813

322. ДВА ЧЕЛОВЕКА И КЛАД

Бедняк, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всем терпеть,

Задумал удавиться.

От голода еще ведь хуже умереть!

Избушку ветхую, пустую

Для места казни он поблизости избрал
И, петлю укрепив вокруг гвоздя глухую,

Вколачивать лишь в стену стал,

Как вдруг из потолка, карниза и панели
Червонцы на пол полетели.

И молоток из рук к червонцам полетел!

Бедняк вздрогнул, остолбенел,

Протер глаза, перекрестился

И деньги подбирать пустился.

Он второпях уж не считал,

А просто так, без счета,

В карманы, в сапоги, за пазуху накла.

Пропала у него давиться тут охота,

И с деньгами бедняжка мой

Без памяти бежал домой.

Лишь он отсюда удалился,

Хозяин золота явился.

Он всякий день свою казну ревизовал;

Увидя ж в кладовой большое разрушенье

И всех своих родных червонцев похищенье,

Всплеснул руками и упал, —

Лежал минуты две, не говоря ни слова;

Потом как бешеный вскочил

И петлею себя с досады удавил,

А петля, к счастью, была уже готова.

И это выгода большая для скупого,

Что он веревки не купил!

Вот так-то иногда не знаешь,

Где что найдешь, где потеряешь;

Но впрочем, верно то: скупой как ни живет,

Спокойно не умрет.

15 декабря 1814

323. ДВА ОСЛА

Шли два Осла дорогою одной
И рассуждали меж собой
О политических и о других предметах
(Они уж оба были в летах).
«Что, братец? — говорит один. —
Как может мнимый наш, бесхвостый господин —
Ну, знаешь, человек — ругаться так над нами?
В насмешку он зовет ослами —
Кого же? — самых уж безмозглых дураков!
А, право, у людей не много есть голов,
Какие у ослов!»
— «И ведомо! Да вот, без лести,
Каков ты, например, у них такого нет.
Гордился бы тобой Парламент иль Совет».
— «Помилуй, много чести!»
— «Нет, нет, что чувствую, то я и говорю.
Конечно, от тебя не скрою,
И я иного члена стою;
Но что же я перед тобою?
Советовал бы я Льву, нашему царю,
Чтоб воспитать тебе наследника дал трона:
Ты, без пристрастия, умнее Фенелона.
Не поленись, любезный брат,
О воспитании нам сочинить трактат».
— «То правда, я имею знанья,
Пригодные для воспитанья,
Но не имею остроты
И красноречия, как ты».
— «Э! шутишь! А твое похвальное-то слово
Ослицам!.. Лучше бы я сам не написал!»
— «Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебе». О, черт бы их побрал!
Друг дружку до того хвалили,
Что после и у всех ослов в почтеньи были.

Нет легче ничего, как нравиться глупцам:
Хвали их, и они равно тебя похвалят,
Притом и в нужде не оставят.
Где много дураков, житье там подлецам.

25 июня 1815

324. ГОРА В РОДАХ

Родами мучилась гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка простонала
С полудни до утра;
Расселась наконец — и родила мышонка!

Но это старая, все знают, побасенка,
А вот я быль скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал. . .
Шараду.

30 июня 1815

325. ЛЕСТНИЦА

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень пред нижними гордилась.
Шел мимо человек, на лестницу взглянул,
Схватил ее, перевернул —
И верхняя ступень внизу уж очутилась.

Так человек иной на вышине стоит,
Гордится — и глядишь: как раз наниз слетит.
Возьмем в пример Наполеона:
Как сатана с небес, так он слетел со трона.

19 июля 1815

326. СЛЕЗЫ КАЩЕЯ

Не знаю точно кто, а проповедник славный,
Платон, Леванда ли иль кто-то, с ними равный,
Однажды в пост великий говорил
О милостыне поученье
И слушателей всех привел во умиление.
Кащей у кафедры стоял и слезы лил.
Знакомый у него спросил:

«Да что за удивленье?
Ты плачешь, кажется?» — «Как слез не проливать!
Я эту проповедь вовек не позабуду».
— «Что ж, станешь ли убогим подавать?»
— «Нет, милостыню сам просить теперь я буду».

13 апреля 1816

327. ИСПРАВЛЕНИЕ

Бездушин прежде пил, играл,
И женщин и мужчин, как дьявол, соблазнял;
Ни чести, ни родства, ни бога он не знал;
Но вдруг потом переменился:
Ходить прилежно в церковь стал
И в землю всё молился,
А дома Библию да Штиллинга читал.
Вот этим сатана ужасно огорчился,
И говорит ему он так:
«Помилуй! ты ведь не дурак,
Не стыдно ли тебе с твоим умом молиться?
Поверь мне, в святости нималой пользы нет.
То ль дело веселиться!
Прими мой дружеский совет:
В объятия мои скорее возвратися.
Ну полно, братец, не сердися;
Увидишь, буду как вперед служить тебе».
Бездушин улыбнулся
И сам сказал в себе:
«Пусть думает его, что я ума рехнулся.
Поддел я славно сатану!
А уж людей теперь, конечно, обману».

11 мая 1816

328. ПЬЯНИЦА

Пьянюшкин, отставной квартальный,
Советник титулярный,
Исправно насандалив нос,
В худой шинелишке, зимой, в большой мороз,
По улице шел утром и шатался.

Навстречу кум ему, майор Петров, попался.
«Мое почтение!» — «А, здравствуй, Емельян
Архипович! да ты, брат, видно,
Уже позавтракал! Ну как тебе не стыдно?
Еще обедень нет, а ты как стелька пьян!»

— «Ах! виноват, мой благодетель!
Ведь с горя, мой отец!» — «Так с горя-то и пить?»
— «Да как же быть!

Вот бог вам, Алексей Иванович, свидетель:

Есть нечего, все дети босиком,
Жену оставил я с одним лишь пятаком.
Где взять? Давно уже без места я, несчастный!
Сгубил меня разбойник пристав частный!

Я до отставки не пивал:
Спросите, скажет весь квартал.
Теперь же с горя как напьюся,
То будто бы развеселюся.

— «Не пей, так я тебе охотно помогу».

— «В рот не возьму, ей-богу, не солгу;
Господь порукою! . .» — «Ну, полно, не божися,
Вот крестникам снеси полсотенки рублей».
— «Отец! . . дай ручку! . .» — «Ну, поди домой, проспися,
Да чур, смотри, вперед не пей».

Летит Пьянюшкин наш, отколь взялися ноги, .
И чуть-чуть не упал раз пять среди дороги;
Летит . . . домой? — О нет! — Неужели в кабак?

Да, как бы вам не так!

В трактир, а не в кабак зашел, чтобы промена
С бумажки беленькой напрасно не платить,

Спросил ветчинки там и хрена,
Немножко так перехватить,
Да рюмку водочки, потом бутылку пива,
А после пуншику стакан,
Другой. . . и наконец — о диво! —

Пьянюшкин напился уже мертвецки пьян.
К несчастью, еще в трактире он подрался,
А с кем? за что? — и сам того не знал;

На лестнице споткнулся и упал
И весь, как черт, в грязи, в крови перемарался.
Вот вечером его по улице ведут

Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной.

Толпа кругом. И кум, где ни возьмися, тут.

Увидел, изумился,

Пожал плечами и спросил:

«Что, верно, с горя ты, бедняк, опять напился?»

— «За здоровье твое от радости я пил!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,

Всегда есть случай пьяным быть;

Закается лишь только пить,

Да и напьется вскоре.

Однако надобно, чтоб больше пил народ:

Хоть людям вред, зато откупщикам доход.

16 мая 1816

329. ДВА КРАСАВЦА

Приехал в Ярославль валдайский дворянин,

Пригожий очень господин,

Красавец: волосы имел он золотые,

Природой в кудри завитые,

И ими так, как Феб, сиял,

Лишь только что не сожигал;

Лицо широкое в коричневых всё мушках,

Иль, попросту сказать, в веснушках;

Глаза сафирные, но только без бровей;

Нос длинный, с маленькой на кончике прибавкой,

Багряной с вишню бородавкой;

Рот самый крошечный, едва не до ушей;

Кривые, на манер клыков слоновых, зубы

И как сафьянные подушки обе губы.

Вот он пошел в ряды обноты покупать, —

Все безобразные ведь любят щеголять, —

И видит в лавке там сидельца молодого,

Курносого, рябого,

Такого, что пером не можно написать,

Ни в сказке рассказать.

Валдаец мой остановился

И, вздернув кверху нос,

Преважно делает ему такой вопрос:

«Не в Ярославле ль ты, голубчик мой, родился?»

— «На что вам? Так, сударь, я здешний мещанин».

— «Ты здешний? — подхватил со смехом
дворянин. —

Ну, правду говорят у нас, что ярославцы

В России первые красавцы.

Подобного тебе на белом свете нет!

Позволь списать с себя портрет.

Что за это с меня попросишь?

Да истину скажи, не маску ли ты носишь?»

Сиделец ничего на то не отвечал,

С поклоном лишь ему он зеркало представил.

Увидя в нем себя, Нарцисс мой замолчал,

Как розан покраснел и дале путь направил.

Мы ближнего нимало не щадим:

В других пороки замечаем,

Других браним, пересмежаем —

А на себя не поглядим.

18 июня 1816

330. СОВЕСТЬ РАЗБОЙНИКА

Попа пред казнию Разбойник попросил.

Приходит поп. Ему тот в ноги повалился

И прослезился:

«Простит ли бог меня?» — он у него спросил.

«Покаяться тебе чистосердечно должно...

Ну, сколько душ ты потерял?»

— «Да как упомнить можно!

Я, право, не считал».

— «А что, посты, чай, соблюдал?»

— «Помилуй, батюшка! да разве я татарин,

Чтоб не соблюл поста?

Избави бог! Я христианин;

Так стану ль мясом в пост сквернить свои уста!»

И не разбойники за грех большой считают

В пост оскоромиться, обедню прогулять;

А ближнего оклеветать,

Имение и с ним нередко жизнь отнять —

В достоинство еще и в честь себе вменяют.

7 октября 1816

331. КАЩЕЙ И ЛЕКАРЬ

Кащей не в шутку захворал,
Пять дней уж с сундука не сходит;
Не ест, не пьет и глаз почти не сводит;
Пришло невмочь, за лекарем послал.
Явился врач, ему лекарство прописал:
«Сейчас же, — говорит, — пошлите вы в аптеку».
— «А много ль денег дать велите человеку?»
— «Не знаю, право, что возьмут. . .
Ну, дайте двадцать пять, вам сдачи принесут».
— «Что ж делать? Так и быть! Сейчас pošлю
Ванюшку,
Иван, приподними ты у меня подушку;
Возьми, вот пять алтын!
Вот гривна! . . Кажется, дал лишний грош один.
Постой-ка: раз, два, три, четыре, пять — ну, верно!
Скорей с рецептом ты беги,
Да не зайди в кабак. Куда как это скверно! . .
Не грязно на дворе, так скинь ты сапоги».
Разинул лекарь рот, как будто видел чудо;
Не верил он своим глазам, ушам.
«Вы поняли меня, — сказал он, — очень худо;
Пошлите двадцать пять рублей. . .» — «Не дам, не дам!
Как двадцать пять рублей! О, господи мой, боже!
Во сне ли я иль наяву?»
— «Здоровье ведь всего дороже».
— «Как двадцать пять рублей! За что?»
— «Да за траву,
Микстуру, капли и пилюли».
— «Да полно, оживу ли
От этих я лекарств? Ведь я едва дышу;
За что же двадцать пять рублей терять напрасно!»
— «Хотя вы и больны опасно,
Не бойтесь: я еще кой-что вам пропишу
И, так сказать, из мертвых воскрешу,
Лишь только вы ко мне доверенность имейте
И денег не жалейте.
Я за свои труды полушки не хочу:
Вы бедный человек, без платы вас лечу,
А даром получать лекарство невозможно.
Вам подкреплять себя хорошей пищей должно;

Для супа рябчиков или цыплят купить,
 И лучшее вино с водой отварной пить.
 Возьмите вы себе рейнвейну иль лафиту,
 Хоть в пять рублей...» — «Совсем нет аппетита!»
 — «Придет. Пошлите ж двадцать пять...
 Коль денег нет у вас, пожалуй, я достану».
 — «Отец мой, за тебя молиться богу стану».
 — «Я вам служить сердечно рад.
 Вот этот сундучок отдайте мне в заклад».
 — «Да разве на полу больному мне валяться?»
 — «Нет, я пришлю кровать:
 На ней покойнее вам будет почивать.
 Давайте-ка сундук, извольте приподняться.
 Ты за извозчиком сходи теперь, Иван!»
 — «Куда? Остаься здесь, болван!..
 Помилуйте!» — «Ну, выбирайте:
 Лечитесь или умирайте».
 — «Уж лучше так умру; оставьте вы меня».
 — «Прощайте; не прожить вам дня.
 Отца духовного позвать вы прикажите
 И гроб получше закажите.
 Уж не ударьте в грязь лицом,
 Распорядите всё перед своим концом,
 Чтоб после не было ни споров, ни тревоги.
 В шесть лошадей возьмите дроги,
 Покров богатый, балдахин...»
 — «Не беспокойтесь, я не знатный господин;
 Не для того копил всю жизнь свою именье,
 Чтобы на мотовство пошло, на погребенье!
 Могу я обойтись без этих пустяков».
 — «Есть у меня собранье черепов,
 Но нету черепа скупого;
 Продайте мне свой труп, купить его готов;
 Не сыщете купца другого».
 — «Когда не шутите, то я себя продам».
 — «Серьезно говорю». — «А много ли дадите?»
 — «Ну, двадцать пять рублей я дам».
 — «Нет, мало!» — «Сколько же хотите?»
 — «По крайней мере сто». — «Как можно? Пятьдесят».
 — «Прибавьте». — «Шестьдесят
 И ни копейки боле.

Поверьте, что другой вас даром не возьмет.
Простите!» — «Быть по вашей воле:
Давайте по рукам, да деньги наперед!»

29 декабря 1817

332. КУПЕЦ БРЮХАНОВ

Когда б я был богат, я всё бы спал да ел,
Еще бы пил — и так бы растолстел,
Чтоб скоро с Пробтером сравнялся.
Ничем бы уже я тогда не занимался:
Сидел бы и лежал;
Стихов бы даже не писал,
А только б прежние приятелям читал.
Однако чересчур быть толстым также худо.
В Москве я знал купца — осьмое, право, чудо!
Представьте, он в сажень почти был в вышину
И два аршина в ширину.
Однажды из его кафтана,
Без спора, без хлопот,
Обил обойщик два дивана
И для жены еще украл тут на капот.
Ну, нечего сказать, мой Брюханов был диво!
А как тянул он пиво,
Как ел! Зато не мог ходить
И заставлял себя по комнатам водить.
Держал он, по совету
Искусных докторов, престорую диету,
Пускал и кровь — всё пользы нету.
Без ужина сыпал на жестком тюфяке
И, наконец, на голом сундуке.
В лице немного станет хуже;
Глядишь — а платье уже!
К несчастью, мой толстяк купец
Бездетный был вдовец.
Одни приказчики с ним жили,
И многие из них сродни ему хоть были,
Но в лавках у него и в доме все щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы от серебра.

Однако без смотренья
Дошел бы наконец совсем до разоренья:
Он счетов три года уже не поверял;
Так мудрено ль и весь утратить капитал?

Решился Брюханов жениться,
Не для того, чтобы наследников иметь,
А чтоб жена могла за домом приглядеть,
И перестал лечиться.

Когда есть деньги у кого,
Хоть будь урод, пойдут охотно за него.
Притом же не искал жених наш ни богатства,
Ни красного лица: искал себе жену
Для облегчения в заботах, для хозяйства;
И сваха честная нашла ему одну
Девицу пожилую,
Лет под сорок такую,
Пресмирную, хозяйку дорогую:
Без арифметики по пальцам всё сочтет,
Крупинка у нее и та не пропадет;
Пример для всех купчих: тиха, скромна, учтива,

В компании важна и молчалива.
Нельзя пересказать, как Брюханов был рад,
Что бог ему послал такой завидный клад.
Какое сделал он приданое невесте
И сколько подарил парчи ей, жемчугу,
Серег, перстней — всего припомнить не могу,
А свахе — сто рублей да лисью шубу в двести;
В три тысячи ему стал на другой день бал.
Лишь только молодой на нем не танцевал.
Вступила наконец в хозяйство молодая —

Пошла тут кутерьма такая,
Что боже упаси,
Святых вон понеси!

С утра до вечера бранится и дерется,
А мужу бедному всех больше достается.
Как скажет что — беда; беда, коль и молчит.
Пропал сон у него, пропал и аппетит.

Прошло недели три, четыре —
Кафтан день ото дня становится всё шире;
Вот начал уже сам ходить:
Пойдешь и нехотя, как палкой станут бить.
Нашел в супруге он находку!

Куда девалася его вся толщина!
Как раз избавила его от ней жена —
Простыми средствами — и вогнала в чахотку:
Осталась через год лишь тень его одна!

От лишней тягости кто хочет свободиться,
Тому на злой жене советую жениться.

22—23 января 1818

333. СЛУЖАНКА

Беда некстати разболтаться!
В какой-то дом пришла
Служанка наниматься.
— «Скажи мне, душенька, где прежде ты жила?
Что делала?..» — «Жила-с я у моста Тючкова,
У маклера Волчкова.
Женат, сударыня, на третьей он жене;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсем почти уж сед, а пристаивал ко мне!
Бог знает что сулил, да честь всего дороже!
Я отошла. Потом жила у Покрова,
У Галкиной. Она вдова;
При флоте здесь служил ее муж комиссаром.
У ней жил мичман бедный... даром...
Племянник — по ее словам.
Уж правда или нет, о том судить не нам.
Хоть беден, но зато и молодец собою!
Ему осьмнадцать лет, а ей уж тридцать пять!
А как она ряба! худа! доска доскою!..
Изволила меня к нему приревновать!
У немца-доктора я после нанялася —
И тут не ужилася:
Муж мот, жена скупа.
Представьте: кофею мне даже не давала!
Да и сама какой пивала?
С цикорием! — Еще жила я у попа;
Немного пил старик; дочь у него невеста.
Скажу, что модница! Зато коса, глупа!..
— «Прощай, голубушка, ищи другого места».
— «Помилуйте! Да чем я так противна вам?»

Сшить, вымыть, выгладить умею,
Всё в доме сделать разумею,
И десять лишь рублей...» — «Полушки я не дам».
— «Да чем же так я несчастлива?
Чем не понравилась?» — *«Болтлива!»*

21—22 ноября 1818

334. ЛЕВ И ЛИСИЦА

И умному всего предвидеть невозможно;
Но ежели придет беда,
То в случае таком ума терять не должно:
С умом и от беды спасешься иногда.

Лисица от собак в пещеру забежала
И, Льва увидев там, присела, задрожала.
Потрясиши гривую, разинув страшный зев:
«Добро пожаловать! — сказал с насмешкой Лев. —
Пора уж, право, и обедать.

Хочу я твоего мяса теперь отведать».

— «О, правосудие небес! —

Вверх голову подняв, Лисица возопила. —

Так точно, правду ты, Зайчиха, говорила:

За грех родителей и детям мстит Зевес.

И я... за мать свою... казнь люту принимаю».

— «Что бредишь ты? Совсем тебя не понимаю».

— «О, государь! Прости мой справедливый страх;

Всё в кратких объясню словах.

В осеннюю однажды пору

К покойной матушке моей

Зайчиха от дождя зашла погреться в нору.

Грех дурно говорить о матери своей;

Но от тебя, монарх, я ничего не скрою

И, как пред богом, пред тобою

Должна всю истину сказать:

Прожорлива была моя покойна мать.

Пришелицу она мгновенно растерзала.

Та, умираючи, сказала —

Не позабыть мне ввек ее последних слов, —

Сказала: «Будет тот наказан от богов,

Гостеприимства кто законы нарушает

И странников в своем жилище умерщвляет, —
Погибнет он, и весь его погибнет род!»

И подлинно, чрез год

В норе, где мать моя Зайчиху умертвила,
Земля, обрушившись, убийцу задавила». —
Лев призадумался. «Пошла, — сказал, — пошла!
Дарю тебе живот». Лисица поклонилась
Его величеству и от него пустилась,
Как из лука стрела.

16 февраля 1819

335. ЗОЛОТАЯ СТРУНА

На лире порвалась струна;
Обыкновенная была она.
Вот навязали вмиг другую,
Однако не простую,
А золотую!
И лира начала блистать.
Но стали как на ней играть,
Не та уже была гармония, что прежде.

Коль именитому невежде
Стул в Академии дадут —
Чего ждать тут?

16 декабря 1821

336. МАКАРЬЕВНИНА УХА

Макарьевна уху сварила:
Десятка три ершей,
Налимов двух и двух лещей,
Со стерлядью большой в кастрюлю положила,
Да лучку, корешков — и соли не забыла.
Кондрата Козмича с хозяйкой пригласила
И дорогим гостям ушицу подает.
Отведали — но в душу им нейдет.
Что ж так? Проклятая, уху пересолила.

Иной остряк иль баловень-пиит
Уж так стихи свои пересолит,

Или, как говорят поэты-обезьяны:
Положит густо так *румяны*,
Что смысла не видать.
Охота же кому бессмыслицу читать!

12 февраля 1823

337. ЛГУН

Павлушка *медный лоб* — приличное прозвание! —
Имел ко лжи большое дарованье;
Мне кажется, еще он в колыбели лгал!
Когда же с барином в Париже побывал
И через Лондон с ним в Россию возвратился,
Вот тут-то лгать пустился!
Однажды... ах, его лукавый побори!..
Однажды этот лгун бездушный
Рассказывал, что в Тюльери
Спускали шар воздушный.
«Представьте, — говорил, — как этот шар велик!
Клянуся честью, такого не бывало!
С Адмиралтейство!.. Что? нет, мало!
А делал кто его? — Мужик,
Наш русский маркитант, коломенский мясник,
Софрон Егорович Кулик,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это летом в ночь,
В день именин Наполеона.
На шаре вышиты герб, вензель и корона.
Я *срисовал* — хотите? — покажу...
Но после... слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шаре посадили
Пять тысяч человек стрелков
И музыку со всех полков.
Все лучшие тут виртуозы были.
Приехал Бонапарт, и заиграли марш.
Наполеон махнул рукою —
И вот Софрон Егорыч наш,
В кафтане бархатном, с предлинной бородою,
Как хватит топором —

Канат вмиг пополам; раздался ружей гром —
Шар в небе очутился
И вдруг весь газом осветился.
Народ кричит: «Diable! Vive Napoléon!
Bravo, monsieur Sophron!»¹
Шар выше, выше всё — и за звездами скрылся...
А знаете ли, где спустился?
На берегу морском, в Кале!
Да, опускаясь к земле,
За сосну как-то зацепился
И на суку повис;
Но по веревкам все спустились тотчас вниз;
Шар только прорвался и больше не годился...
Каков же мужичок Кулик?»
— «Повесил бы тебя на сосну за язык, —
Сказал один старик. —
Ну, Павел, исполать! Как ты людей морочишь!
Обманывал бы ты в Париже дураков,
Не земляков.
Смотри, брат, на кого наскочишь!...
Как шар-то был велик?»
— «Свидетелей тебе представлю, если хочешь:
В объеме будет... с полверсты».
— «Ну как же прицепил его на сосну ты?
За олухов, что ль, нас считаешь?
Прямой ты *медный лоб*! Ни крошки нет стыда!»
— «Э! полно, миленькой, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда*».

15 сентября 1823

338. КУЛИК-АСТРОНОМ

«Кулик велик! Кулик
Велик! Кулик велик!»
Так хрюкала в лесу Свинья, или Веприца,
Большая мастерица
И врать
И жрать.

¹ Черт возьми! Да здравствует Наполеон! Bravo, господин Софрон! (франц.). — *Ред.*

— «Да полно же тебе! — сказала ей Лисица. —
 Что клеплешь ты на Кулика?
 Чем эта птица велика?
 Лишь только нос большой, как у кастрюли ручка;
 А сам он что за штука!
 Ты, видно, спятила, Хавроньюшка, с ума».
 — «Ах ты, безбожница-кума!
 Да знаешь ли, Кулик мой *гений-самоучка!*
 Великий астроном!
 Чтó перед ним мясник коломенский Пахом!
 Кулик мой, по своей охоте,
 Весь день и ночь всё на болоте. . .»
 — «А что же делает он там?»
 — «На кочку с кочки он, мой миленький, летает
 И звезды носиком считает;
 А астрономии ведь выучился сам,
 Не зная грамоте, и по одним звездам
 Всё, всё тебе расскажет
 И, что где есть, покажет.
 Однажды указал мне кучу желудей. . .»

Есть свиньи из людей,
 Которые невежд хвалами превозносят,
 Да за это у них чего-нибудь и просят.

22 февраля 1824

339. СЛОН И СОБАКИ

Брылан, задорный беглый пес,
 С большой Свиньей схватился,
 Возился с ней в грязи, возился,
 Свиною кровью обагрился,
 Всю Свинью искусал, прогнал и. . . поднял нос.
 «Знай, наши каковы кусаки! —
 Сказал он ей. — И век Брылана поминай!»
 Возрадовались все его друзья, собаки.
 «Ай! ай! —
 Визжит, вертя хвостом, Брех, пудель сухощавый. —
 Покрывл себя, Брылан, ты славой!

Ай, ученик! Ай, друг!
Прославил ты наш круг!»
— Ай, ай! Брылан! ай! ай! — кричат тут
и щенята. —
Хвала, свиной герой!» — «Послушайте, ребята! —
Брыланпреважно возгласил. —
Чуть-чуть я у Свиньи хвоста не откусил.
Когда же сладил со Свиньею,
Примусь и за Слона. Ну что, в родню хоть толст,
Да не в родню, быть может, прост.
Друзья! за мной!
Я знаю, Слон идет теперь на водопой.
Марш на Волынский двор!» За ним все побежали...
Увидели Слона, смешались, задрожали,
Попятились. «Стой, толстый, стой! —
Кричит Брылан. — Как смел обидеть ты дворняжку?»
— «Какую?» — «Завиращку!
Проси прощения; не то, брат, на дуэль.
Заставлю пролежать в сарае пять недель».
— «Да отвяжись, чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, ведь на клыки наскочишь».
— «Что пред дворняжкою ты виноват, скажи,
И всею правдою в неправдах нам служи:
Велим ли проучить кого, так размозжи;
Кого лизать — лижи».
— «Лизать?» — Вот Слон тут осердился,
Брылана хоботом схватил,
Через решетку вмиг его в канал спустил,
И где же? — в полынье, каналья, очутился!..
А Пудель?.. На язык хотя он и остер,
Но немец так хитер,
И совестней притом: нет, он не горячился
И впереди щенят бежать назад пустился.

Хоть как собака ни сильна,
Но где ей укусить Слона!
Беда, когда дойдет до драки;
Не трогайте ж Слонов, Собаки!

2 апреля 1824

340. ЧЕРНЫЙ КОТ

Посв(ящается) А. Я. Н.

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота,
Малюткой вам еще достался;
Кто подарил его, тот с жизнью расстался.
Отличен всем ваш кот: умом и красотой,
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!
Гордясь быть у вас слугою,
Как важно спину он сгибает вверх дугою
И, ластясь вокруг вас, *мурлычет и ворчит*.
Как мил, когда против дивана,
Свернувшись клубком, он на шкафу лежит
И, шейку приподняв, по временам глядит,
Как госпожа его сидит
За нотами у фортепьяна;
Огонь блестит в его глазах;
Игрою вашей очарован,
Лежит, как будто бы прикован,
Не думает и о мышах.
Да ест ли он мышей? . . Он вами избалован;
Шерсть лоснится — так он жирен.
А, нечего сказать, прекрасен и умен!
Коты и все умны, но только лицемеры.
Я знаю многие примеры.
Сказать ли сказку вам про черного кота,
Который уж в преклонные лета
В молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился? . .
Кот этот был злодей;
В амбарах, в погребах его все трепетали
И усачом его, Арабом называли;
Жестокосердием превосходил судей
В республиках во время бунта —
Хотя говядины ел каждый день полфунта,
Но всё мышей, и крыс, и воробьев ловил,
Ловил — да и давил.
Однажды Мышку он увидел молодую,
Такую
Прелестную, какой ни раза не видал, —

Увидел — изумился,
Глазами засверкал
И по уши в нее влюбился
На старости мой черный Кот.
Подвластны все любви — и человек и скот.
Хотел Кот броситься пред Мышкой на колени,
Но та бегом, бегом из комнаты да в сени
И в норку юрк.
Простерся Кот перед норою,
«Лежит гора горою.
«Виновница моих смертельных мук! —
Он мышке говорит, вздыхая
И лапу в нору запуская. —
Люблю, люблю тебя — дай на себя взглянуть.
Я честный кот, все кошки это скажут,
И боги пусть меня накажут,
Коль я хочу. . .» — «Я не хочу! —
Из норки Мышь кричит Арабу-усачу. —
Ну не хочу и не хочу!»
Поджавши хвост, повеся вниз голову,
Пошел Кот бедный прочь;
Опять пришел назад, провел у норки ночь;
Не только говорил — и плакал; но плутовку
Никак не мог он убедить,
Чтоб вышла, показала глазки;
Напрасно было всё, как слезы, так и ласки.
Решился наконец ее он подарить
И говорит: «Послушай,
Вот, милая, тебе ветчинный свежий жир,
Голландский лучший сыр,
Конфеты. . . Я уйду, ты без меня покушай».
Сказал, дары свои у норки положил,
Вздыхнул и скрылся.
Назавтра Кот опять с гостинцами явился,
И с месяца каждый день к жестокой он ходил,
Чего он ей ни говорил,
Чего, чего ни приносил,
Но тщетно всё — любить его Мышь не хотела,
Или хотела, да не смела.
А Кот
Совсем уж стал не тот:

Разбоем он не занимался,
По крышам, чердакам, амбарам не таскался,
Мышей и крыс не ел,
Ужасно похудел,
Чуть ноги волочил и так, как тень, шатался.
К возлюбленной его о том дошла молва.
Неопытная удивилась;
От жалости едва-едва
Она не прослезилась;
Но на свидание с зубастым не решилась,
Хотя и слышала, что скоро он умрет.
Вот наконец приходит к норке Кот.
Чуть дышит! В чем душа! Совсем доска доскою!
«В последний раз тебя, мой свет, я беспокою, —
Так говорит губитель прежний крыс. —
Ты на меня не осердись —
Грешно и на врагов пред смертью их сердиться, —
Пришел с тобою я проститься.
Что делать, если я любимым быть не мог;
По крайней мере я умру теперь у ног
Твоих. . . Прости! . . .» — С сим словом протянулся. . .
Лежит час, два — не смеет идохнуть.
Вот Мышке вздумалось на мертвеца взглянуть;
Из норки выползла. . . поближе. . . Кот очнулся,
Как тигр на бедную прыгнул,
Когтями так ее давил,
Что только пикнула — *и поминай как звали!*
С отчаянья, с печали
Не знал, что делать, Кот.
Вот Мышку в зубы он берет,
Потом перед собой кладет. . .
Глядит, как сибарит на статую Венеры;
Глядел, глядел,
Да всю и съел, —
Опять стал есть мышей, опять он растолстел!

Всего противней мне Тартюфы-лицемеры!
О, как бы я был рад,
Когда бы поскорей они попали в ад!

341. ДВЕ КОЗЫ

По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
Навстречу ей другая.
«Ах, дерзкая какая!
Где у тебя глаза?
Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
Посторонись!»
— «Направо кру́гом обернись
Сама, а я упряма...
Да почему ты дама?
Такая же коза, как я». — «Как ты? Ты чья?
Ты шустера Абрама,
А я исправница! Исправник барин мой!
Майор!» — «Так что ж? И мой осьмого также
класса;
Честнее твоего драбанта Брамербаса,
Да поумней, чем твой.
Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь,
Всем лекарям у нас в губернии пример:
Он оператор, акушер;
Им не нахвалится аптекарь.
А твой Исправник-то головкой очень слаб,
В делах он знает меньше баб;
Лишь мастер драться с мужиками,
Дерет с них кожу он обеими руками.
Неправду, что ли, говорю?
Пойдем к секретарю,
Иль к стряпчему; спроси». — «Вот я ж тебя
рогами».
— «Есть роги и у нас; бодаемся мы сами».
Сошлись, нагнувшись, и стукнулись лбами;
Летит исправница, штаб-лекарша летит,
Летят вниз обе вверх ногами.
Ров преглубокий был; на дне лежал гранит,
Бух Козы об него, и поминай как звали!
Вороны с галками тут долго пировали.

Пустая, право, честь
Вперед идти иль выше сесть.

Что до меня, так я, ей-богу,
Дам всякому скоту дорогу.
Признаться, я ведь трус:
Скотов и женщин злых особенно боюсь.

30 августа — 2 сентября 1828

342. СКОТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Не бойся, говорят, суда,
А бойся вот судьи. И то беда:
Как секретарь доложит,
Так и судья плохой положит.
Напорют целую тетрадь,
Пропишут, спутают, завяжут,
И грамотному не понять,
А настоящего и главного не скажут.

Лев сделал приставом Собаку при Овцах;
Волкам Собака страх.
Один из них хотел Ягненком поживиться,
Схватил его и в лес понес;
Но нагнал вора верный пес,
И должен был Волк ужина лишиться
Да клоком шерсти поплатиться.
Волк с жалобою в суд идет —
Осел там был судья, а секретарь Лисица,
Докладывать большая мастерица, —
Гусенка на поклон секретарю несет.
Доклад Лисица подает:
От слова до слова прошение прописала,
Законы подвела,
Но об Ягненке не сказала,
И как сказать? Она при деле не была.
И вот, без всяких справок
И без очных, как должно, ставок,
Последовал журнал, что «в силу скотских прав
За оскорбление Волчьей чести
И вырванье с азартом шерсти
Взыскать с Собаки должно штраф,
Бесчестье и увечье;

А стадо всё овечье
Просителю *на время* поручить.
Собаку же от места удалить,
Для соблюдения пользы Львиной». *Львиной».*
Что делает доклад Лисы и суд Ослиный,
Особенно в дали, в глуши!
По дудке их там и пляши.

(1829)

343. ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ

Приятель у меня старик проказник был;
Богатый человек, почти и не служил —
Отставлен с крестиком. В Москве он мало жил,
А более в своей любимой подмосковной;
Имел там дом огромный,
Большой фруктовый сад,
И английский еще, иль парк-оранжереи,
В которых рос отличный виноград,
Зверинец, свой оркестр и разные затеи:
Имел актеров крепостных,
Актрис, певиц, танцовщиц ловких,
Наемных трех французов бойких
Да сотни две собак и гончих и борзых.
Пять тысяч душ ему досталось в наследство,
Да долгу нажил миллион;
Так деньгами сорить мог он.
Его любило всё соседство.
И как же не любить?
Где власть поесть, попить,
Повеселиться?
У Дурнева. А денег где занять,
Когда нужда случится?
У Дурнева ж. Расписку только дать,
Какую вздумает он сам продиктовать,
И на условия все тотчас согласиться.
Случалось, иногда брал туфли он в заклад,
Халат, кушак иль шапку, или миску;
А деньги возвратишь — отдаст тебе расписку,
Залог и сумму всю назад.
К своим собакам звал соседских по билетам;

Рожденье праздновал любимых лошадей;
Дурачился, сказать уж правду, не по летам;
Но, впрочем, не был он в числе дурных людей
И делал иногда, что должно.

Проказничать богатым можно.
В деревне Дурнева когда я навестил,
Меня он славно угостил;
Музыка за столом гремела,
И первая певица пела.

Вот отобедали. «Что, не угодно ль в сад?»
— «О, рад!»

Пошли. Какой чудесный там каскад!
Какие мостики, беседки и руины!
Куда ни взглянешь, всё картины.

«А это что за храм? —
Вскричал я в изумленье,
Увидя с куполом, с колоннами строенье;
Уж подлинно сказать, что было загляденье! —
Что там?

Какое божество сей храм в себе скрывает?»
— «Наружность иногда обманчива бывает,¹
И это, господин поэт, вам не во гнев,
Не храм, а хлев!»
— «Как хлев?» — «Войдите
И поглядите».

Толкаю дверь, вхожу
И с поросятами свиней тут нахожу.
«Ну, видишь ли мои затеи?
Не все еще; в другом покое есть и змеи.
Войди, увидишь сам, что правду говорю».

— «Покорнейше благодарю...
Повеса ты, повеса!
Ну стоит ли, скажи, потратить столько леса,
Искусства и труда
Для змей и для свиней? Ужели нет стыда
Тебе дурачиться в твои почтенны леты?»

— «А ваша братья-то, поэты,
Что делают? Не то ли ж, что и я?
На что дар многие из вас употребляют!
Цветы поэзии фигурно рассыпают,

¹ Стих И. И. Дмитриева

А под цветами глядь — или в грязи свинья,
Иль ядовитая змея.
Но свиньи у меня других хоть не марают,
А змеи не кусают.
Желаю знать, что б ты на это отвечал?»
Я... промолчал.

(1829)

344. ЧИЖ И СТРИЖ

Гулял с женою муж в саду,
И, на беду,
Пред ними птичка пролетела
И на рябину села.
«Смотри, смотри, жена: вон Чиж!»
— «Не Чиж, Иваныч, Стриж».
— «О, вздор ты, дура, говоришь,
Уж я сказал, что Чиж, так ты должна мне верить».
— «Вот хорошо! Не верь своим очам,
А верь твоим речам».
— «Я знаю, чем тебя уверить:
За палкой не заставь сходить».
— «Стриж! — стану всё я говорить.
Чижи зеленоваты,
Стрижи же черноваты
И длинноваты.
Слепой увидит: это стриж».
— «Молчи ж!» —
И хлоп жену по уху.
— «Разбойник! только пить сивуху
И бить жену. Пей, варвар, кровь мою,
А я за правду постою.
Стриж, а не Чиж!» Иваныч за сивуху
Еще дал плюху:
«Молчи». — «Не замолчу,
Не покорюся палачу.
Стриж, а не Чиж!» — И битва закипела.
Михевна уступить тирану не хотела,
Язвит его, чем в силах, языком,
А он так кулаком.

Кокошник на гряде свалился,
Иваныч мой остервенился,
Михевну за косу схватил
И сильною рукой в крапиву потащил.
На крик несчастной прибежали,
Но без десятских двух никак бы не отняли.
Калганиху-лекарку взяли!
Но знание ее, увы, не помогло!
Просили знахаря Вавилу —
Ничто Михевну не спасло:
От скверного стрижа пошла она в могилу.

Не спорь из пустяков
И не беси злых дураков;
Как язвы, ссоры удаляйся;
Но где потребует долг, совесть — не молчи
И говори, а не кричи,
Без сердца убедить старайся.

345. ГОРДЮШКА-КНИГОПРОДАВЕЦ

Был здесь давно один мерзавец
Гордюшка, плут-книгопродавец.
По честности и по уму
Вином бы торговать ему
В какой-нибудь корчме, и то не христианской —
В жидовской иль магометанской.
А походил он на жида!
Без совести и без стыда
На белый свет родился,
Рад удавиться и за грош;
А впрочем, всем он был хорош;
Немножко грамоте учился,
Мог двоеточие от точки отличить,
Мог объявление о книге сочинить,
Любил для барышей душой литературу,
В «Оракулах» держал всегда сам корректуру;
Ученых пьяниц он погодно нанимал
И компиляции в свет с ними издавал.
Жаль, не писал стихов Гордюшка!

Одна почтенная старушка
По смерти мужниной вдруг в нищету пришла;
Что было лишнее, кой-как распродала,
В ломбард иное заложила;
Одну лишь комнату топила —
Так берегла дрова
И деньги бедная вдова.
Занемоги она еще весной ненастной.
Как быть?
Лекарства не на что купить.
Но добрый лекарь частный
Старушке страждущей помог.
Да наградит его сам бог!
А он всегда тех награждает,
Кто бедным вдовушкам охотно помогает.
Узнал торгаш Гордей,
Что после мужа есть шкаф целый книг у ней.
Вот он к больной приходит,
В постели бедную находит,
И говорит: «У вас, я слышал, книжки есть...
Хоть торга книгами не можно нынче весть...
От книг так плохи авантажи,
Что лучше продавать, поверьте, калачи...
Но на комиссию я взял бы для продажи;
Позвольте посмотреть». Дают ему ключи.
Вот шкаф он отпирает —
Шкап книгами набит.
Гордюшка их перебирает.
На титулы глядит,
Понюхает иную,
То улыбнется плут,
То рожу сделает такую,
Как будто долг с него берут.
Смотрел, глядел час целый;
В затылке почесал;
Потом с осанкой гордой, смелой
Презрительно сказал:
«Хоть счетом книг и много,
Но разобрать коль строго,
Так мало тут добра.
Ну что? «Деяния Петра»,
Да Ломоносова, Державина творенья,

И Дмитриева сочиненья,
 Жуковского, Карамзина —
 И только ведь из русских!»
 — «А сколько, батюшка, зато здесь книг французских,
 Латинских, греческих?» — «Да все ведь старина!
 Расина, Буало, Корнеля всяк имеет;
 По-гречески ж не всякий разумеет.
 А, правду молвить, и латынь
 Хоть кинь!
 Народ наш деловой, торговый и воинский —
 Начто же нам язык латинский?..
 Однако, так и быть,
 Рад все у вас купить,
 Коль сходно отдадите.
 Ну, много ли, сударыня, хотите?»
 — «А сколько б дали вы?» — «Да что вас обижать?
 Извольте: дам я... двадцать пять».
 — «Как? Двадцать пять рублей? За все?.. Не грех
 вам это?»
 — «Да рассудите: нынче лето;
 А до зимы
 Почти ведь не торгуем мы.
 Не выручишь, ей-богу, и на лавку!»
 — «Я лучше их сожгу! Как? Двадцать пять!» — «Жаль
 вас!
 Извольте, так и быть, вдобавку
 Еще пять рубликов, и деньги сей же час!»
 — «Подите ж вон!» — «Ну, десять я прибавлю.
 Хотите тридцать пять?
 И шкаф, пожалуй, вам оставлю
 Да буду, матушка, вас вечно поминать».
 Старушка рассердилась,
 С Гордюшкой побранилась
 И гонит плута вон.
 Нейдет, однако, он,
 Торгуется, клянется,
 Что покупателя другого не найдется,
 И наконец
 За сотню книги все купил у ней, подлец!
 Возрадовался мой Гордюшка,
 Что им ограблена так бедная старушка.
 А после на пятак взял рубль он барыша.

Куда ж пойдет душа
Такого торговца?
В ад, разумеется, конечно!
По приказанию трех безжалостных сестер
Из книг, им проданных, там сделают костер,
И будет жариться он вечно.

346. ФОНАРЬ

Поставили на улице фонарь —
И уняли ночного вора.

Плут секретарь
Остерегается прямого прокурора.

То ль дело воровать впотьмах?
То ль дело командир, который не читает,
Не смыслит ничего в делах,
А подписью своей бумаги утверждает!
Хвала от всех воров, воришек — темноте,
Невежеству и глупой доброте.

347. ДВА КРЕСТЬЯНИНА И ОБЛАКО

«Смотри-ка, брат Антон! —
Соседу говорит крестьянин Агафон;
А сам весь побледнел и так, как лист, трясется. —
Смотри-ка, туча к нам несется!»
— «Так что ж?» — «Как что? Да град пойдет
И хлеб у нас поубьет;
Всё пропадет
Озимое и яровое;
Голодный будет год, а там, гляди, и мор!..»
— «Пустое, брат сосед, пустое!
Какой несешь ты вздор!
Не град, а дождь пойдет: давно к дождю уж парит!

Вот каплет, кажется. Уж то-то хлеб поправит!
Мы уберем его и много продадим
 Да браги наварим.
 Гуляй и пей уже зимою!
 Пусть дождь идет; я очень рад!»
 — «Ну, посмотри, посыплет град!»
— «Нет, дождь пойдет». — «Град!» — «Дожди!»
 Не спорь же ты со мною.
 — «Да что и спорить с дураком?»
Антон за это хватъ соседа кулаком;
Тот в ухо сам его — и драка началась.
 Ни град, ни дождь еще нейдет,
 А кровь из обоих уж льет!
Меж тем прочистилось, и туча пронеслася.
(1814)

П. И. Шаликов

348. БУМАГА И ПЕРО

«Скажи мне искренно, всегда ли ум иль чувство
Меня, безмолвную, пестрить тебе велят?
 Всегда ли знание, вкус, искусство
 Людей на счет мой веселят?» —
Спросила некогда страдалица Бумага
У легкого Пера, которое в ответ
Сказало тотчас ей: «Мой властелин — отвага,
 С ней покоряют свет!»
(1808)

349. ТАЛАНТ И ХАРАКТЕР

«Признаться ли, — сказал Таланту Характер, —
 Что мне подчас завидно,
 Подчас обидно,
Когда любят — нередко выше мер —
Тобой одним, когда тебя лишь превозносят,

А обо мне вовек не спросят,
Каков и существую ль я!..
Вот участь при тебе моя!»
— «Будь справедливее, — соперник отвечает. —
Тебя, так кажется, никто не замечает,
Когда соединить угодно нас судьбе.
Но, смело говорю, *последнюю* тебе
Приносит всякий дань любви и уваженья
Или... презренья».
(1808)

350. ГОРА В РОДАХ

Родами мучилась гора.
Безмолвно холмы, лес, долина —
Все ожидали исполина.
Вдруг с треском вскрылась нора,
И что же? — Выскочил мышонок.

Смысл этой басни прост, не тонок,
Но близок к истине зато:
Хвастливых речь, дела — ничто.

(1814)

351. ГЛУХОЙ И ЧАСЫ

Глухой купил часы с курантами стенные,
Прекрасные и дорогие;
Постановивши к месту их
И устремив свой взор на них,
Стал любоваться ими.
Глядит на стрелку: час проходит, и другой,
Но бою нет. «Итак, — вскричал сердясь глухой, —
Ты обманул меня хваленными своими
Часами, скверными, как сам купчишка — плут!
Ну, где ж куранты тут?
Да и часов не быют!
За наглый столь обман тюрьмы, конечно, мало!»

А между тем куранты, бой —
Всё было; ничего лишь не слышал глухой!..
А что он глух, на мысль совсем ему не вспало.

Какое множество таких
Во всяком роде есть глухих!
(1815)

352. ДОРОГА

Софрона кучер опрокинул
На леву сторону дороги — в ров
И барина едва-едва оттуда вынул
Со множеством на лбу рубцов.
Софрон мой кучера тогда ж переменяет;
А сей его роняет
Направо, также в ров. И что ж Софрон?
Опять расшибся он
И говорит, досадою пылая:
«Дороги нет! Всё ров да ров!»

Софрон! Дорога есть, и вовсе недурная,
Но ты дурных имеешь кучеров.

(1819)

353. ПОЭТ, ВЫШЕДШИЙ В ЗНАТЬ

Блестящих почестей достиг один Поэт.
Гордяся счастливой судьбою,
Он лиру, выведшу его из мрака в свет,
Нешадно растоптал ногою
И поклялся вовек на лире не играть,
Чтоб не унизиться подобным упражненьем.

Глупец лишь может презирать
Талант, которому он должен возвышеньем!

(1822)

354. КАРЕТА

По грязной улице, в суровую погоду,
Согнувшись, некто шел пешком
И, может быть, тишком
Роптал, сердился на природу,
Как вдруг лихая четверня
Кареты самой модной
Так хлынула в него густою грязью черной,
Что он невзвидел дня.
«О своенравная, слепая,
Фортуна дерзкая! — воскликнул пешеход, —
Он, видно, был не то, что мы зовем народ, —
Дарами щедрыми любимца осыпая,
На счет других всегда лелеешь ты его!
Он — едет, я — иду: подчас и это больно, —
Но этого еще, к несчастью, недовольно:
Я должен сюртука лишиться моего!»
Любимец счастья мнимый,
Услышавши упрек бедняжки справедливый,
К отраде истину сказал ему в ответ:
«Я еду не в своей карете,
И вовсе у меня, мой друг, кареты нет».

Наружный блеск — ничто. Итак, напрасно пени
За скудный свой удел возносим к небесам;
Блаженство часто мы предполагаем там,
Где нет его и тени.

(1822)

Б. К. Б л а н к

355. АМУР И ИНТЕРЕС

Случилось раз, что бог любви и Интерес
В одном жилище поместились.
О чудо из чудес!
Как можно, чтоб они друг с другом жить
решились,
Имея склонности противные совсем?

Один утехами всечасно занимался,
Другой, напротив, тем,
Что выгоду извлечь из всего старался.
«Ну, — молвил Интерес, — мне случая сего
Не надо пропускать; тут есть чем поживиться:
Прекрасный лук, колчан и стрелы у него.
Малютка будет мой, и мне ли ошибиться!
Я только лишь взглянул — узнал, что он простяк.

Так, точно так!

Не хочешь ли играть, Цитерский бог, со мною?
Смотри, какие есть вещицы у меня!
В заклад их получил вчера за деньги я:
Браслеты из волос с оправой золотою,
А здесь с рубинами на память сантиман;
Колечки, перстеньки, сердечки дорогие;

Вот бриллиантовый султан!

Не правда ли, что всё сокровища прямые?»
— «Кому ты говоришь! — Амур в ответ. — Цена
Вещицам таковым у нас означена

В тарифе пристани Цитерской».

— «Играю: вот стрела — пять — пароли — убил!»
Тогда, разгораясь, Амур с отвагой дерзкой

Горсть целую схватил:

«На карту всё! Постой! Последние прибавлю,
Колчан и лук к ним мазу ставлю...»

О горе! о беда!

Берет всё Интерес без всякого стыда.
Амур с отчаяньем, с досадой отлетает

Скрыть слезы в глубине лесов,
А Интерес с тех пор оружием управляет,
Которым нас разил нежнейший из богов.

(1808)

356. ДИТЯ И ЦВЕТЫ

Аврора щедрою рукой
На зелень юную алмазы рассыпала
И аромат рекой
На всю природу изливала.
Малютка резвенький, в то время по лугам

Гуляючи, срывал цветочки там и там,
Эмальной тканью их день целый любовался.
 Когда ж луч солнца погасал,
 Бедняжка сокрушался,
 Что весь букет завял.
Тогда отец его, старик благоразумный,
Сказал: «Ребенок безрассудный!
О чем печалишься? Цветов
 И жребий есть таков,
Что к утру расцветут, а к вечеру завянут.
Для удовольствия ты можешь их срывать,
Но должен между тем познания обретать,
Чтоб после не скучать, когда дни вянуть станут».
(1808)

357. КОТ-ПРОПОВЕДНИК

Богатый кот в сынке всё видел утешенье
И отдал к мудрецу известному в ученье,
Который славился примерным житием,
 Был кроток, тих и добрых правил,
 И отдал с тем,
Чтоб он счастливо жить сынка его наставил.
Трудится наш мудрец по дням и вечерам
Котенку толковать, что только знает сам;
И первым правилом его ученья было:
Не только самому других не обижать,
Но в случае всегда слабейших защищать.
Проходит месяц, два, и время наступило
Котенка возратить отцу.
«Спасибо! — кот сказал почтенну мудрецу.
Потом, оборотясь: — Ну, мой сынок любезный,
Какой ты приобрел в ученьи плод полезный?»
— «Ах, батюшка! теперь другой я стал совсем!
Узнал: нет сладостней, как в мире жить с собою,
 Всегда с покойною душою,
И ближнего отнюдь не обижать ничем.
Жизнь наша коротка, одни благоденья
 Ее лишь могут продолжить
И кратковременность нам в вечность обратить.

Увы! Что может быть ужасней злодеянья!
Терзанье совести мучительней стократ,
Чем самый ад!»

Те речи слышав, мышь, живущая в соседстве,
Которая влекла жизнь горестную в бедстве,
С надеждою спешит философа обнять,
Что в бедности ее он, верно, не оставит.
Но только лишь себя успела показать,
Котенок-философ — кидается и давит.

Кто судит о людях лишь по одним словам,
Тому несдобровать — уж верно быть бедам!
Хочу попотчевать сентенцией другою, —
Не знаю, будет ли согласен свет со мною:

Наука то ж,
Что нож.

Мудрец на пользу нам ее употребляет,
Злодей лютее умерщвляет.

(1808)

358. ЗОЛОТОЙ ГАЛУН И КРУЖЕВО

«Скажи, на что это похоже,
Что все ценят тебя в пять раз меня дороже?» —
С досадою Галун у Кружева спросил.
«Дивиться нечему, — ответ на это был. —
Искусство завсегда в произведениях вкуса
Дороже ценится материи самой».

О вы, ценители молодых умов искуса!
Нашедши только в нем слог легкий и простой,
А не предметы к размышленью,
Не будьте скоры к осуждению
И помните всегда,
Что лен и золота дороже иногда!

(1809)

359. ПАВА И ФИЛИН

Тщеславна Пава, ослепясь
Богатством Филина-урода,
Который был в чести у птичьего народа,
Со всеми знатными имел коротку связь
И не последнего меж ими сам был рода,
Решилась брачные с ним цепи наложить.
Когда ж подружки все ей стали говорить,
Что в жизни шаг сей самый важный,
Так можно ль на него решиться столь отважно,
Что Филин скуп
И глуп,
Угрюм, надменен,
Летами древен,
Собою непригож.
«Так что ж? —
Красавица им возразила. —
Худого в этом нет.
Я благодарна вам за дружеский совет,
Но непременно быть за ним уж положила.
Меня любя,
Он переменится, конечно;
Надеюсь на себя;
К тому ж и жить ему не вечно;
Хоть год-другой и потомлюсь,
Зато с каким же я вновь блеском в свет явлюсь!
Во всех собраньях отличусь!»
Желанный Павою брак вскоре совершился,
И Филин через день с женой
В свой замок удалился,
Опалый и пустой,
В уединении стоявший над рекой.
Там Пава бедная не видит сердцу милых;
Одна в стенах унылых
Влачит печальны дни; отрады никакой;
Лишь слышит мужнины себе всяк час угрозы.
Ах! через золото текут у Павы слезы!
Томилась года два тоской
И, вместо чтобы ей со блеском в свет явиться, —
Во гроб ложится!

(1810)

А. П. Б у н и н а

360. ВОЛ, ОСЕЛ И КОНЬ

Однажды Вол, Осел и Конь между собою
О первенстве вступили в спор.
«Осел? — вы скажете. — То сущий вздор!
Уродине такой и гордостью пустою
Прилично ль мысли надувать?»
Но гордость никому, по правде, не под стать,
Однако же встречаем и меж нами,
Что голову иной наполня пустяками,
Всех ставит за ничто,
И даже то
Не только с *умными* — бывает с *дураками*.

Итак, Осел стал утверждать,
Что вряд полезнее его где приискать.
Тут Вол, сколь ни был тих, умерен,
Но, все свои дела по пальцам разочтя,
Сказал: «В том целый мир уверен,
Что всех полезней я».

Взмахнул красивый Конь волнистой гривой
И с выступкой манежной, горделивой
«Молчите! — закричал. —
Не я ли с воином победы разделял?
Не я ли был от века
Всем предпочтен скотам?
Но чтобы в пустяках не спорить нам,
То спросимте о том решенья человека».

А человек — как тут, и не один:
Их трое в ряд, и все различных состояний:
Цыган, да Мельник, да Поселянин.
Осел, без дальних разысканий,
Кто ближе был, тому поклон:
«Пожалуй, рассуди: полезней я иль он?
О первенстве у нас размолвка меж собою».

— «Ты, подлинно, — сказал Цыган, —
С пустою головою!
Такой ли склад коню и образ дан,
Какой имеешь ты, безумная скотина?

На взгляд он — сушая картина,
 А пользы от него так вдруг и не сочтешь...»
 — «Нет, брат, ты врешь! —
 Тут Мельник закричал. — Ослиная порода
 Полезней всей
 Скотины для людей.
 Ну где бы с мельницы нам ждать дохода,
 Когда б Ослы перевелись?»
 — «Пожалуйста, остановись, —
 Прервал Поселянин. — Могу на всех послаться,
 Что первенство должно быть отдано Волам.
 И чем бы нам
 Без них питаться?»
 — «О, наш, — сказал тут конь, — напрасен труд!
 Я вижу, у людей на всё своя причина
 И их пристрастен суд».
 — «Да, польза частная есть общая пружина. —
 Цыган ему в ответ. —
 Не ею ль движется издавна свет?»
 (1809)

361. ПЕКИНСКОЕ РИСТАЛИЩЕ

Иносказание

Когда-то в Пёкине вельможны старшины
 В часы народной тишины,
 Желая по трудах вкусить отдохновенье,
 Стеклись в ристалище своих изведать сил.
 Не злато получить там победитель мнил,
 Но плески дланей в награждение;
 И бескорыстных столь наград
 И сами мудрецы отнюдь не возгнушались.
 Две меты в поприще пекинцев назначались:
 Одна для малых чад,
 Другая юношам и возмужалым.
 Бег начался — и вдруг жена явилась там.
 Хочу сказать в Китае небывалым,
 Что жены тамошни сидят в нем по домам
 И к беганью у них все заперты дороги,

Что с детства нежного, едва изыдут в свет,
Тесьмами крутят им и стягивают ноги,
Без ног же в поприще стяжаться выгод нет.
Но счастью их чрез то, казалось, нет утраты.

Других забав, другой и платы
В награду чаяли они своих трудов.

Да и к чему в краю нам царства
Искать того, что внутри находится домов?
Будь доброю женой, без прихотей, коварства,
По кротости души кажи всем кроткий взгляд,

Пекись о благонравьи чад,
О нуждах подданных и их забавах,
Будь доброй дочерью, сестрой,
Блюди семейственный покой
И славу обретай в своих незлобных нравах —
Вот поприще обширное для нас!

Однако в Пекине на этот раз
В ристалище жена возмнила состязаться.
То, видно, праздная иль сирая была,
Иль, дома не найдя полезней чем заняться,
За славою от скуки притекла,
Иль ближних чаяла увеселить тем взоры.
Не знаю в истину, для нужд она каких,
Но знаю, что, забыв скудельность ног своих,
С мужами вздумала войти в неравные споры.

Знак к бегу дан трубой.
Коснея трепетной стопой,
Бежит сподвижница, шатаясь с каждым шагом,
И, сил не ощутив, считает благом,
Что меты детские достигла, не упав;
Ждет общего презора,
Угрюмого от старцев взора,
Насмешек юношей, от малых чад забав;
Ждет — и с стыда главу на перси преклоняет...
Но что ж?.. Собор судей во длани ей плескает!

Мир судит в нас дела и подвиг лишь единый,
Знаток их меряет со способом и с силой.

(1810)

362. ДУБ, КУСТЫ И ТРОСТЬ

На высоте холма ветвистый Дуб стоял
И тень обширную в долину простирает;
Кругом его кусты рядами, —
Казался гордый Дуб царем между рабами!
Внизу на гибком стебельке,
От исполина вдалеке,
Трость тонкая качалась
И скромной головой к болоту приклонялась.
Кусты,
Надменно с высоты
Взглянувши на долину,
Сказали: «Тросточка! ты, думаем, клянeshь
Всяк час свою судьбину:
Ты мучишься, а не живешь!
Какая разница меж нами и тобою!
От бурь защищены мы сению густою!
Тебя луч солнца жжет,
А нас — лишь согревает;
Тебя и дождь сечет,
А нас — лишь прохлаждает.
Смотри, когда тебе ветер гибелью грозит,
Листами нашими едва он шевелит.
Смотри...» Но свистнул вихрь, дубравы застонали,
Завыло эхо в ребрах гор,
Шумит в смятении черный бор,
И тучи запылали!
Что ж Тросточка? Лежит!
А Дуб? Не двинется! Всё тот же гордый вид!
Но грянул гром, по тучам гул помчался,
И холм под Дубом зашатался.
Еще удар — Дуб рухнул — корни вверх,
И, пышной грянувшись главою,
В долине распростершись лег,
Засыпавши кусты землею.
Утихнул гром, опять сияет Феба свет.
Встает и Тросточка — кустов и Дуба нет!
Смирная, взглянув на холм высокий

И видя там уж ров глубокий,
Сказала про себя: «Блажен, стократ блажен,
Кто дале от дубов расти определен!
Хоть сению своей его не защищают,
Однако ж, падая, землей не засыпают».

(1808)

363. КУЗНЕЧИК И ВОЛ

Однажды в летний день Кузнечик, под листьями
Покоясь в холодке, не быв знаком с трудами,
От скуки песню напевал;
И тут же Вол пахал.
«Как плохо ты орешь! И криво, и неровно!
Ну что за борозда! Как на смех словно!..» —
Кузнечик пахарю кричал.
А Вол, окинув глазом ниву,
«И подлинно, — сказал, —
Я эту борозду провел немного криву.
Сам вижу, что плоха!
Да мудрено ль одной и ошибиться?..
Зато уж прочими могу я похвалиться».
— «Какая чепуха!
И от одной всё поле не годится!» —
Невежда пропищал
И — поскакал.

Невежда-критик! Вот твое изображение!
За слово иль за стих ты гложешь — сочиненье.

(1811)

364. ПЛЮЩ И ДИКАЯ РОЗА

Взобравшись по стене плющ очень высоко,
Стал бариться, и, видя под собою
В равнине далеко,
Над тихою рекою,
Кусточек диких роз, хохочет великан.
«Смотри! — кричит. — Удел какой нам разный
дан!» —
И низостью кусток бесстыдно упрекает.

Кусток с насмешкой отвечает:
«Недолго счестся нам.
Что высоко ты влез, о том уж я ни слова:
Угодно то судьбам;
Но я и рос, и поднимался сам;
Ты — ползал бы весь век без помощи другого».

(1815)

365. ДВА ОСЛА

Встарь было при дворах тепло гнездо льстецам.
Пусть Лев и не любил докучной сей скотины,
Но Лев хоть Лев — всё зверь. По дачам, по лесам
Он вздумал походить; из дворския дружины
Взял в свиту одного с собой,
Который льстить хотя был мастер невеликий,
Да голос у него такой был дикий,
Что ужас наводил всей челяди лесной.
Отправилися в путь. Лев, как отец народу,
Рассматривал зверей житье-бытье
И слышал мелких лишь вытье:
Там в зубы стряпчего, там в ухо воеводу,
Там в крюк согнул дьяка; Лев львиным чередом
И судит, и решит, и бьет, и награждает.
Лев грозен! Что ж Осел? При случае таком
Осел ушами всех бодает.
Случись ему, как шел он за лесным царем,
Вдруг с тезкой встретиться, с Ослом,
Который, тонкостей, учтивостей не зная
И с барином-Ослом как с ровным поступая,
Спросил: здоров ли он? и как живет?
Что нового? куда идет?
«Невежа! Грубиян! — придворный восклицает. —
Ты не узнал? . . .» — «Тебя? — рабочий отвечает. —
А по ушам? . . .
Нет, брат! Хотя ты бродишь по лесам
И при особе Львиной,
Но ведь не мог сокрыть ты поступи Ослиной!»

(1815)

366. СОСНА И ТЕРНОВНИК

Перед Терновником расхвасталась Сосна:
 «Равняться лъзя ль тебе со мною! —
 Сказала с гордостью она. —
Я все превосхожу деревья высотой;
И для строения домов и кораблей,
И для топления зимой своих печей
Везде народ меня, везде употребляет.
 А о тебе, дружочек мой,
 Никто не думает, не знает». —
 «Я спорить не хочу с тобой, —
Терновник ей в ответ. — Но утренней порою,
Как дровосек придет с секирой на плечах,
 Тогда хвались передо мною.
Не гордой ли Сосне секиры страшен взмах?»
(1810)

367. ТРОСТНИК И ЛЯГУШКА

Тростник с лягушкою вступает в разговоры.
«Смотри, — сказал Тростник, — как зелен я, высок!
Как украшаю я реки сей быстрый ток,
Как трости гладкие собой пленяют взоры!»
Лягушка же в ответ: «Так! Зелен ты и густ;
 Жаль только, что внутри ты пуст».
(1810)

368. СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Посвящена М. Н. М(акаро)ву

«Завидую тебе, любезный Соловей, —
Так Чижик говорил. — Когда ты воспеваешь
 Красу весенних дней,
Ты нежной песнею своей
Весь хор пернатых восхищаешь;

На ветке ль сядешь где густой,
Тебя в минуту там все птички окружают;
Раздастся ль нежный голос твой,
Все сладку песнь твою хвалами осыпают». —
«Ты ошибаешься, дружок мой!
Не в этих похвалах я счастье поставляю:
Подружке я своей понравиться желаю», —
В ответ Соловушка сказал.

Улыбка милых нам дороже всех похвал.

(1811)

369. МОЛВА И СЛАВА

Однажды ехала Молва на однороге,
Сзывая громкою трубой
Толпу народа за собой;
А Слава между тем сидела при дороге.
«Чего ты здесь, сестрица, ждешь? —
Молва с презрительной усмешкою сказала.
«Мой друг! — ей Слава отвечала. —
Я жду, куда ты пройдешь!»

(1811)

А. Н. Н а х и м о в

370. ЖИВОПИСЕЦ

Был живописец славный,
Рафаилу в искусстве равный
И очень, очень не дурак;
Но сердцем жалкий был простак:
Уж до того он совести держался,
Что даже знатным льстить боялся!
А кто сие почтет за грех?
Спросите вы у всех.
Сей добрый человек хотел себя прославить,
И чем же? Вздумал он представить
Пороки все и глупости людей.

Судя по мастерству, он сущий чародей:
Нельстива кисть его, что ни изобразила,
Одушевила.

Картину кончивши, тотчас
Он выставил ее народу напоказ.
Но лишь ее узрели —
Кокетки обомлели,
У плута волос дыбом стал,
Лжец трепетал,
Грызть ногти начал скряга,
Грозил указами сутяга,
Кобенился пред живописцем франт
И Катилиною назвал его педант.
Пылая в сердце мщеньем,
Порочные кричат художнику с презреньем:
«Ты пасквиль написал,
Честь нашу обругал;
В картине сей хотел смеяться ты над нами».
— «Бог с вами! —

Художник отвечал. —
Я глупость и порок изобразить желал,
А вас не трогал я, да я вас и не знал;
Уродов можно ли вам сравнивать с собою,
Когда красавцы вы душою?»
Но мастер сей себя не мог тем оправдать;
Хоть умные его взялись защищать,
Но их немного было,
И всё витийство их глупцов не убедило.
Художник отдан был под суд,
Который сжечь велел его прекрасный труд.
Так будет всякому, кто только дар имеет
И льстить пороку не умеет.

(1810)

371. ВОЛЫ И ЛОШАДЬ

Спросили некогда у Лошади Волы:
«За что боярину понравились Ослы?
Ведь работать они нам мало помогают,
Однако больше их и кормят и ласкают».

— «И вы не знаете, — Конь отвечал Волам, —
За что такая честь Ослам.
И барская немилость к нам?
Так знайте, братцы:
Мы — русские, Ослы же — иностранцы!»

372. СВИНЬИ И ЯГНЕНОК

Ягненку погулять без матери случилось,
И горе страшное бедняжке приключилось:
Увяз в болоте он; барахтаясь там,
Блеял о помощи к свиньям,
Что в тине нежились, в серали как султан.
Расхрюкалося вдруг эпикурейцев стадо;
Не помогать оно — упреки делать радо:
«В какую ты забрел, бесстыдник, грязь?
Вот молодость, увы! к чему приводит нас;
А если б пожилым скотам повиновался,
Тогда б, молокосос, в беду ты не попался.
Каков ты прежде был? Как свинка бел, пригож;
Теперь же, посмотри, ну на кого ты схож!»
Так мудрецы сии Ягненка укоряли;
Но между тем они того не примечали,
Что сами глубже всё в болото погрязали.

Всяк скажет, кто сию — уж какова ни есть —
Изволит басенку прочесть:
Бывают и у нас наставники такие;
Всем проповедуют, а сами не святые.

373. МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ

«Ах! сжался надо мной, сиятельная Моська! —
Любимцу барскому Пес старый говорил. —
Весь век усердно я на привязи служил;
Смотри, изранена дубиной грудь геройска;
Я ужас был всегда для здешних всех воров,
Я был прямой слуга, не из числа льстецов.

Воззри, премудрый Мопс, на многие заслуги,
На дряхлость лет моих, на слабость и недуги;
Доставь в награду мне, почтенный мой патрон,
Хоть каплю молока». — «Да где такой закон! —
С презреньем временщик речь Псову прерывает. ---
Нет! Барин милостей своих не расточает.
Послушай! Молоко дается только нам,
Придворным господам;
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тем, что вам дают помой».

374. ПЧЕЛА И ОСА

Оса Пчеле так говорила:
«Давно во мне ты зависть возбудила;
Наш род везде гоним,
Ваш род везде любим,
Хоть так же вашего боится всякий жала
И лучше нас еще умеете язвить!»
— «Не спорю, что язвим, — Пчела ей отвечала. —
Но, мед любя, нас можно ль не любить?»

Пчела — то критики полезной сочинитель;
Оса — безмозглый шпынь, завистливый хулитель.

375. ЖЕЛЕЗО И КУЗНЕЦ

«Мучитель! — к Кузнецу Железо вопияло. —
На то ль я создано, чтоб от тебя страдало,
Чтобы переносить ужасный, адский жар,
Чтоб сильный молота разил меня удар?»
— «Терпение! — Кузнец Железу отвечает. —
Минёт страдание, ты примешь лучший вид,
И свет, что на тебя с холодностью взирает,
Полезное в тебе орудие почтит».

Таков сей басни смысл, читатель:
Наш возвышает дух чрез бедствия создатель!

376. МОРЕ И РЕКА

Надулось Море пред Рекою;
Ревет: «Что значите вы, реки, предо мною?
Я с важностью теку по безднам, по скалам
И с шумом в ярости стремлюся к облакам. . .»
— «А мы, — Река в ответ, — не столь шумим
волнами,
Но нашими водами
Питается земля,
Тучнеют гордые моря!»

377. ЮПИТЕР И НЕТОПЫРИ

О просвещении Юпитера просили
 Нетопыри, хотя во тьме счастливо жили.
 Смеясь Юпитер тварям сим,
 Тотчас исполнил их прошение:
 В жилище мрачное гнилушку бросил им,
 Сказав: «Нетопыри! вот ваше просвещение».

378. МОЛЬ И КАФТАН

Жил-был суконный великан,
Приказная версты Кафтан,
Отличный от других Кафтанов
Ужасной глубиной карманов.
Подъячий сей кафтан от деда получил,
А дед подъяческий подъячий также был,
Верстою также слыл
И также клал в карманы взятки.
Кафтан-старик имел премногие заплатки
И требовал отставки.
Не скоро от него прошение принял внук,
Но наконец старик уволен был в сундук.
Покоился Кафтан. Вдруг Моли страшна сила
К его карманам приступила
И их без жалости точила.
Вскричал Кафтан: «Помилуй, Моль!»

Точить карманов не изволь!
Ей-ей, они невинны,
Не грабили они, а берегли алтыны,
А грабили всегда приказны дед и внук». —
Почто не точишь, Моль, подъяческих ты рук?

379. ПРАВДА И ПОДЪЯЧИЙ

Считал алтыны драч тайком, подобно вору,
Вдруг Правда хищному его предстала взору.
Затрясся, побледнел крючок,
И дыбом стал его пучок.
Алтынник правды испугался,
Алтыннику бес в правде показался!
Но Правда не страшна,
То видит всякий зрячий;
Лишь зеркало она,
А дьявол — сам Подъячий.

В. Л. Пушкин

380. СТАРЫЙ ЛЕВ И ЗВЕРИ

Все звери на поклон пришли ко Льву в пещеру.
Лев был и стар и дряхл, он шуму не любил;
Услужливых гостей к себе он не просил;
Не ко всему имел он веру;
Он был умен, и для него
Покой милее был всего.
Однако ж принял Лев своих гостей учтиво.
Все в голос начали кричать,
Бранить других, себя ж, как можно, величать —
Такое общество и меж людьми не диво!
Волк начал говорить, что всех смелее он;
Лисица — что она хитрее;

Медведь — что всех зверей, конечно, он сильнее.
«Какие дураки, — ворчал тихонько Слон. —
Хотят блеснуть в глаза и удивить собою;
А кто из них в уме равняется со мною?»
И начал слон болтать о подвигах своих.

«Что нужды мне до них? —
Лев молвил наконец, всё потеряв терпенье. —
Ступайте по домам!

Вы очень все умны, я знаю цену вам,
Но для меня ума дороже снисхождение.
Овечка милая останется со мной;
Она не хвалится своею остротой

И ваших качеств не имеет;
Но с нею хорошо: она любить умеет».

Читатель согласится сам,
Что в старости не ум, а сердце нужно нам.

(1802)

381. ЛЕВ И ЕГО ЛЮБИМЕЦ

Собачку Лев любил,
И все тогда ее ласкали:
Лисицы в гости звали,
Медведи кланялись и Тигры уважали;
Спесивый даже Слон Собачке другом был,
И хоботом своим огромным
То на спину сажал, то гладил он ее.
Надеяться нельзя на счастье свое!
Врагам угодно было злобным,
Чтоб царь зверей сослал любимца своего.
Любимец изгнанный не стоит ничего!
Все стали клеветать насчет Собачки бедной,
Что ум она имеет вредный.
Лисица голос подала,
Что будто так Собака зла,
Что гнусную на всех сатиру сочинила;
Медведь всех уверял,
Что две сатиры он читал
И что всё истину Лисица говорила;
А Заяц побежал —

В том зайцев вся и сила, —
Не выслушав конца, рассказывать везде,
Что было, как и где.

И мы как звери поступаем:
Нередко зло ко злу нарочно прилагаем.

(1802)

382. ГОЛУБКА

Голубка, под кустом прижавшись, говорила:
«Ах, Ястреб пролетел! Какая злость и сила!
Но, право, я должна судьбу благодарить,
Что Ястребом она меня не сотворила.
Не лучше ль жертвою, а не злодеем быть?»

(1806)

383. МЕРКУРИЙ И УМЕРШИЕ

К Плутону грозному, в жилище страшных Фурий,
Умерших провожал Меркурий;
Их было четверо: Красавица, Герой,
Старик и Стихотворец. Они тотчас дорогой
Вступили в речи меж собой
«Удар судьбы, несносный, строгий! —
Сказала девушка. — Как в юности такой
Оставить белый свет, с весельями проститься?
Любовник нежный мой
Навеки осужден крушиться:
Он счастье во мне лишь находил одной.
С такою пылкою душой
Он без меня и жить не будет,
А если будет жив, то, верно, не забудет».
— «Что делать? — говорил Старик. —
Поверь, Красавица, и мой урон велик:
Расстался я с женою,
С любезными детьми; над гробовой доскою,
Я знаю, что они теперь льют реки слез...»

Пошли отраду им Зевес!»

— «Что вы передо мною! —

С презрением Герой вскричал. —

Я именем моим вселенну наполнял

И ужас был врагов. В истории, конечно,

Великого вождя жить будет имя вечно.

Скажите, кто со мной равняется из вас?»

— «Не обижайте нас! —

Ответствовал Пиит. — Вы служите примером:

Всем полководцам... может быть!

Но в памяти людей я доле буду жить.

Что Ахиллес перед Омером?

Все будут наизусть стихи мои твердить,

И, прославляя оды громки,

Восплачут обо мне, любимце муз, потомки...»

— «Вы ошибаетесь, — крылатый бог сказал, —

Любовник твой теперь другую уверяет,

Что ей он сердце посвящает

И что прямой любви доселе он не знал.

В твоём, Старик, огромном доме

Идет ужасная война:

В суд просьба на детей женою подана;

Она б хотела их всех видеть на соломе;

Мешки разложены, и детки — в кладовой;

Не слезы льются — дождь златой.

О подвигах твоих, непобедимый воин,

Никто не говорит;

Лишь имя твоего преемника гремит:

Он более тебя всех почестей достоин,

Он истинный герой — так носится молва.

А ты, набитая стихами голова,

Великий рифмоткач, слынешь певцом нескладным

И журналистам в снедь остался непощадным».

Меркурий точно прав. Мы, люди, таковы:

Ближайших к сердцу забываем

И с ними навсегда — увы! —

Любовь и горесть погребаем.

(1808)

384. ЧИЖ

Чиж вылетел из клетки
И сел в саду на верх беседки;
Свободой веселясь, он песенку запел.
Ванюша горевал и издали смотрел
На пестрого Чижа. «Что сделал ты со мною? —
Он птичке говорил. —
И чем я виноват, скажи, перед тобою?
Бывало, я тебя из рук моих кормил,
Водицею поил
И сделал для тебя палаты золотые.
О, милый Чиж, оставь намеренья дурные
И возвратись ко мне скорей!»
— «Пустое! — Чиж сказал. — И в дружбе мне твоей
Нет пользы никакой; зеленый сад, беседка
Любезнее тебя; твои палаты — клетка».

(1809)

385. БОЛЬНОЙ

Волк хищный занемог. Раскайные с недугом
Приходит часто и к зверям.
«Нет, — так он рассуждал с кумой своей и другом, —
Нет, полно рыскать мне по рощам и лугам!
Довольно подушил овечек я невинных;
Не лучше ль смирно жить, питаться мне травой?
Мы, кумушка, с тобой
Забудем о делах бесчинных!
Поверь мне, грешнику: в прожорстве нет добра!
И нам опомниться пора!
Советую тебе оставить кур в покое;
Смиренье — дело золотое.
Увидишь, я во всем с ягненком буду схож
И, если не лицом, обычаем хорош».
Лисица слушала, дивилась;
«Волк, — думала она, — недаром слезы льет
И злость свою клянет;
Он, верно, завтра же умрет».
С почтеньем, молча поклонилась.
Но, к счастью, у волков
Не знают докторов:

Больной оправился. Курятница-лисица,
В политике, как всем известно, мастерица,
Пустилась волка поздравлять:
Не худо иногда зубастым угождать!
Итак, угодница является в пещеру
К нравоучителю, иль, лучше, лицемеру.
Что ж видит там она? Покойно волк сидит
И кушает барана;
Овца несчастная полмертвая лежит,
Такой же участи ждет скоро от тирана.
«Прекрасно, куманек, — лисица говорит. —
Ты каялся в грехах и плакал, как ребенок,
Но видно, что в тебе глас совести умолк?»
— «Так что ж? — вскричал злодей. — В болезни —
я ягненок;
Когда здоров — я волк».

(1812)

386. СЫЧИ

Сияние златого Феба
Не может нравиться Сычам.
Когда по тонким облакам,
Средь светло-голубого неба,
Он, гордо шествуя, дарит отраду нам,
Враги его в дуплах скрываются, стоняют
И Феба проклинаят.
Меж солнца и земли луна
Однажды проходила
И в полдень темнотой вселенную покрывала:
Луне такая власть дана,
И мы, знакомые с небесным сим явленьем,
Зовем его затмением.
Итак, затмился солнца свет...
В восторге Сыч кричит: «Друзья, злодея нет!
Светильник пагубный не существует боле;
Нет, полно жить в неволе!
Глядеть во все глаза нам велено судьбой;
Тьма благотворная навеки воцарилась;
Летите вслед за мной!»
Безумцев стая возгордилась,
И тучею они стремятся к небесам.

Но вечно ль ликовать Сычам?
Затменье кончилось, и солнце воссияло,
В величии свой путь небесный восприяло;
Возвеселился мир; всё оживилось вновь:

Долины, горы, рощи;
Воспели соловьи безумство и любовь;
Одни любимцы темной нощи,
Прослыть орлами возмечтав,
Валяются на землю стремглав.

Как солнца светлого лучи,
Сияют дар, ученье;
Невежество — умов затменье,
Невежды-авторы — Сычи.

(1812)

387. СТАРУШКА И БОГИНЯ ИСТИНА

Средь хижин мирных и смиренных
Старушка добрая жила;
Несчастных, огорченных
Она помощницей была
И их дарила, чем могла:
Простою пищею, советом иль слезою.
Вечернею порою
Богиня Истина пришла однажды к ней;
Стучится у дверей
И просит помощи, почти совсем нагая:
«От бури и дождя несчастной дай покров!» —
Она кричит, изнемогая.
Чувствительным сердцам не нужно много слов;
Старушка с радостью богиню принимает,
У камелька ее одежду осушает,
И тотчас ужин ей готов.
«Трапезой бедною моей не погнушайся, —
Старушка говорит. — Вот крынка молока,
Хлеб, яицы. Садись — ты шла издалека —
И силы возвратить старайся!
Но кто ты такова и как тебя зовут?»
— «Я — Истина. Меня и хвалят и поют;
Пристанища нигде, однако ж, не имею.

Ласкать я не умею
И правду говорю, вот вся моя вина;
За то и в рубище бродить осуждена.
Мне плохо жить на свете». —
«Переночуй ты в хижине моей, —
Старушка отвечает ей, —
А завтра на рассвете
Увидим, чем могу несчастной я помочь».
Проходит ночь,
И солнце келью освещает.
Богиня примечает,
Что добрая ее хозяйшюшка крива,
С горбом, и что у ней трясется голова.
«Какой урод! — вскочив, немедля восклицает. —
Куда девался глаз другой?»
— «Не смейся надо мной! —
Старушка ей сказала. —
Когда гонимую судьбой
От бури я спасала,
В награду от нее насмешек не ждала.
— «Пожалуй, не сердись! Я вижу: ты мила,
Умна; но ты горбата,
Крива, дурна лицом. Я в том не виновата!»
— «Поди ж, оставь меня! Мне кажется, с тобой
И с доброю душой
Ужиться никому не можно.
Ты правду говори, да только осторожно».
Богиня с посохом и в рубище своем,
Вздохнув, пошла путем,
Не говоря ни слова.
Проказнице такой,
Я слышал, вечно бы шататься здесь нагой
Без Дмитрева и без Крылова.
(1816)

388. ПРЕИМУЩЕСТВО ДАРОВАНИЙ

Сосед однажды за обедом
Довольно чудный спор завел с своим соседом.
Один — убогий был певец,
Другой — богач, невежда и глупец.

Конечно, догадаться можно,
Что откупщик во всем хотел поверхность взять
И в гордости мечтал, что непременно должно
Гнуть спину перед ним и, слушая, молчать.

Я, признаюсь, другого мнения:
Богатство без ума не стоит уваженья.

«Послушай, — говорил богач, —
Я знаю, ты учен, философ и рифмач,
Но что твои стихи и ум перед рублями?
Читаешь много ты, но прибыли в том нет;
Ты можешь ли, как я, дать лакомый обед
И потчевать гостей шампанским, стерлядями?
Я барином живу, а ты на чердаке;
Смотри, везде фарфор, и бронзы, и картины!

Курильницы во всяком уголке,
И на диванах левантины.
Не хвастайся своей ученой головой;
Я вижу, плохо быть поэтом!
Ты в декабре одет так точно, как я летом,
И тень твоя бежит слугою за тобой!
Мы счастье раздаем. Художники, портные,
Газетчики и авторы дурные,
Торговки модных шляп и те, кто носят их, —
Все нами кормятся; а в сказочках твоих,
Поверь, приятель, мне, нет проку никакого».

Бедняк не отвечал ни слова.
Война отмстила за него:
Дом богача сожжен и всё его именье.
Поэт не потерял войною ничего!

Талант его, воображение
И благородный дух, бесценный дар небес,
В стране другой нашли награду и почтенье.
На чьей же стороне, скажите, перевес?

(1817)

389. ДВЕ СТАРЫЕ КОШКИ

Две Кошки старые смиренно рассуждали
О прежних радостях своих;
Как в старину они живали,
Как все любили их!

Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих,
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой,
Захочешь с музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.

Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,
Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком

Листы колеблемы шептали
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.

Из рощи соловей
Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Всё душу пастуха задумчиво пленяло,
Как вдруг певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш пастух просил о песнях новых.
Печальный соловей, вздохнув, ему сказал:

«Недолго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!
Пройдет и петь охота,
Когда с соседнего болота
Лягушки кваканьем как бы назло глушат;
Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!»
— «Пой, нежный соловей, — пастух сказал

Орфею, —

Для них ушей я не имею.
Ты им молчаньем петь охоту придаешь:
Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»

391. СОН МОГОЛЬЦА

Могольцу снилися жилища Елисейски.
Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски,
В числе угодников святых,
Покойно спал на лоне гурий.
Но сонный видит ад,
Где, пламенем объят,
Терзаемый бичами Фурий,
Пустынник испускал ужасный вопль и стои.

Моголец в ужасе проснулся,
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что Пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал.
Тотчас гадателя призвал,
И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь нimalo,
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье;
Пустынник на поклон таскался к визирям».
С гадателем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! Ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах, кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пусть пленил меня источников журчанье,
И я любовь и мир пустынный воспою!

Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом;
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он?
Зимой — близ огонька, в тени древесной — летом,
Без страха двери сам для Парки отопру;
Беспечно век прожив, спокойно и умру.

(1808)

392. ФИЛОМЕЛА И ПРОГНА ¹

Когда-то Прогна залетела
От башен городских, обители своей,
В леса пустынные, где пела
Сиротка Филомела;
И так сказала ей
Болтливая певица:
«Здорово, душенька сестрица!
Ни видом не видать тебя уж много лет!
Зачем забыла свет?
Зачем наш край не посещала?
Где пела, где жила? Куда и с кем летала?
Пора, пора и к нам,
Залетом, по веснам;
Здесь скучно: всё леса унылы,
И колоколен нет».
— «Ах, мне леса и милы!» —
Печальный был ответ.
«Кому ж ты здесь поешь, — касатка возразила, —
В такой дали от жила,
От ласточек и от людей?
Кто слушает тебя? Стада глухих зверей
Иль хищных птиц собрание?
Сестра! грешно терять небесно дарованье
В безлюдной стороне.
Признаться... здесь и страшно мне!

¹ Филомела и Прогна — дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил ее в замок, во Фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филомелу в соловья, а Прогну — в ласточку.

Смотри: песчаный бор, река, пустынные виды,
Гора, висящая над горой,
Как словно в Фракии глухой,
На мысль приводят нам Тереевы обиды.
И где же тут покой?»
— «Затем-то и живу средь скучного изгнания,
Боясь воспоминания,
Лютейшего сто раз:
Людей боюсь у вас», —
Вздохнув, сказала Филомела,
Потом: «Прости, прости!» — взвилась и улетела
Из ласточкиных глаз.

1811

А. Д. Агафьи

393. КОТЕНОК И ЧИЖ

Котенок с Чижиком от самой колыбели
Всё вместе жили как друзья;
С одной посуды пили, ели
И ненавистных слов: мой, твой, твоя, моя —
В их не входило разговоры.
Случалось им играть; однако же до ссоры
Им не случалось доиграть:
Чиж носиком клюнёт, а Кот, как больно стало,
Легонько лапкою дает Чижу узнать,
Что у него почти терпенье всё пропало.
К таким приятелям однажды Чиж другой,
Совсем незнаемый, лесной,
Изволил прилететь в беседу.
Две птицы подрались за что-то меж собой.
«Как! Наших обижать! — Кот думает. — Постой!
Вот я дружка доеду!»
И вмиг на помощь полетел,
Схватил врага и — съел...
«Да мясо у Чижей
Превкусное, ей-ей!
Мне этого и в ум совсем не приходило, —
Кот думает в себе. — Ну, как бы то ни было,

Вперед я буду знать. А между тем...
Еще поем».

Потом он съел другого,
Не дикого, лесного,
Но друга дорогого.

Какую же мораль я должен здесь сказать?
О вы, которым власть употреблять законы
Судьбою вручена для слабых обороны!
Вам смысл сей басенки нетрудно отгадать.

(1814)

394. ССОРА

В один из летних вечеров
Окончив все труды, оставив все заботы,
Пафнутьич с Сидором выходят за ворота.
На небе не было нимало облаков.
Итак, огромный свод, усеянный звездами,
И тихая луна,
Которая тогда была уже полна,
Явились перед их глазами.
«Послушай, Сидор, брат, — Пафнутьич начал
речь, —
Что, если б у меня такое было стадо,
На небе сколько звезд; мне больше, ей! не надо.
Маланья бы моя сама не стала печь,
Ни ткать, ни молотить; сидела б, склавши руки,
Да ела б пряники от скуки.
Тогда бы сшил я ей кумашный сарафан...
И сам бы перед ней я не был уж болван:
Рубаху красну с галунами
Да шапку с длинными ушами
Не токмо в маслену, всегда бы я носил.
Ну, словно так, как барин, жил!..
Посмел бы староста Васюха
На барщину меня послать!
Чуть рот разинул он, тотчас и оплеуха
Готова возле уха,
Да и суда нельзя сыскать!»
— «Как ты, Пафнутьич, глуп! Впервой я увидел, —
Качая головой, Сидорка так сказал. —

Ну, если б у меня всё небо было поле, —
Ты, умна голова, послушай слов моих, —
Ведь не в твоей бы было воле
Пасти свой скот в лугах чужих.
Я стал бы каждый день и с каждой десятины
По сотне брать твоей скотины.
Ну! что ты скажешь мне теперь?»
— «А вот что я скажу, хоть верь, хотя не верь:
Ты на вид взял собой, хоть бы куда детина,
А по уму — скотина».
— «Как?»
— «Да так.
Я собрал бы друзей, знакомых и родных —
Ведь у богатых много их —
Да и ломись к тебе, покуда силы стало.
А может ли один противу десяти
Когда-либо на бой идти?
Такого никогда примера не бывало.
Что, много взял ты, брат?
Видал я не таких, каков у нас ты хват».
Тут Сидор, не стерпев товарищева смеха,
Пафнутьичу как раз вцепился в волосы,
А сей наоборот — и началась потеха!
Прости и стадо звезд, прости и небеса!
И те, которые считались друзьями,
С увечьем разошлись в дома свои врагами.

(1814)

395. ГОРА В РОДАХ

Гора в мучительных родах
Кричит и вопит, так что страх!
Все любопытные стекаются толпами
В надежде, что она недаром так кричит
И, верно, город уж родит,
Который будет царь над всеми городами,
Стократ пространнее, чем Лондон иль Париж.
Она родила — мышь...

Не то ли самое писатель есть надутый,
Который говорит: «Пою войну богов

Противу дерзостных Титановых сынов,
Всемощну Зевса власть и рок Гигантов лютей!»
Начало хорошо. Что ж далее сего?
Набор надутых слов — и больше ничего.

(1814)

396. БЫК И ЛЯГУШКА

Лягушка, увидав огромного Быка,
Хотела так же быть толста и велика.

Итак, чтоб с ним во всем сравняться,
Старалась она как можно надуваться.

«Послушай-ка, мой свет! —
Кричала так она подружке,
Одноболотной с ней Лягушке. —

Похожа ли теперь я на Быка иль нет?»
— «Никак». — «Ну, вот теперь?» —

«Нимало».

— «Фу, пропасть! Ну, еще?» — «Еще всё ничего».

— «Во что бы то ни стало,
А буду походить я очень на него!» —
Так думала она; и снова надуваться
В досаде принялась, сколь можно было ей.
Однако ж лопнула, но не могла сравняться
С Быком величиной своей.

(1814)

Н. Ф. Остолопов

397. ПЧЕЛЫ И ШМЕЛИ

В то время пчелы как царями управлялись,
Все счастьем они, покоем наслаждались;
Их труд довольство им, богатство доставлял,
И мед засеки их доверху наполнял.
Но вёдру ведь всегда последует ненастье!
И сих блаженных пчел прошло, исчезло счастье.
Не то чтобы для них цветы уж не цвели,
А что влетели к ним ленивые шмели.

Все тунеядцы те работать не хотели,
Лишь увещания да поученья пели.
Пчела, по их словам, им давшая свой мед,
Дорогу в небеса легчайшую найдет,
И счастье, кое там получит непреложно,
Ни сердцу, ни уму представить невозможно;
Хотя б и до смерти ужалила кого,
Они ей всё простят, не будет ничего.
Все бросились на то, спасенья пожелали,
И воск и мед к ногам шмелей сих жадных сложили.
Что ж вышло из того? Повсюду голод стал.
Кто рая захотел, тот ад здесь испытал;
Иные померли, иные истощились
Так — так, что на ногах насилу волочились
И были помощи принуждены просить.
Соседний царь ее не преминул явить.
Тогда опомнились и обще для покоя
Они условились изгнать шмелей из роя.
Изгнали — и опять все стали процветать...
Ах! скоро ли пчелам мы станем подражать?..

(1804)

398. ЮНОША И СТАРИК

«Скажи, почтенный муж, чтоб счастье найти,
Каким путем идти?
Я думаю, что ты довольно это знаешь», —
Эраст философа спросил.
«Послушай, юноша! Когда желаешь, —
Мудрец Эрасту говорил, —
Найти фортуна в здешнем свете,
Два средства я скажу. Имеешь ли в предмете
Героем славным быть?
Так надобно тебе отечеству служить
И, сопостатов побеждая,
Рекою кровь их проливая,
Себя нимало не щадить.
Вот средство первое! Скажу теперь другое.
Когда желаешь жить в покое,
То мудрость возлюби, сограждан просвещай;
Пороки, страсти отвращай

И сам примером будь. Тогда, конечно,
Не будешь ты забвен согражданами вечно...»

Эраст ему внимал

И, выслушав, пришел в ужасное смущенье.

«Как! Боже мой! — с собой он рассуждал. —

Иль жизнью жертвовать, иль век жить в принужденье?»

Мудрец, приметив то, с улыбкою сказал:

«Еще легчайшее одно я средство знаю:

Всем кланяйся да льсти. Тебя я уверяю,

Что счастье тогда скорее ты найдешь;

В чины войдешь,

Заставят управлять доходными местами,

И будешь наравне с большими господами».

(1805)

399. ВОЗЫ С СЕНОМ

«Нет, нет, Гнедой! никак не уступлю!

Я унижаться не люблю!

Как возы повезем, смотри, ступай за мною!

Я в Питере возил секретаря с женою;

Да только иногда

С дворцовой пристани вода

В бочонке легоньком на мне каталась;

Теперь-то черная работа мне досталась!

Однако дух мой не уныл;

Смотри, как впереди пойду я горделиво».

— «Изволь идти счастливо», —

Сказал Гнедой... и вóзы повезли.

Послушайте ж. Когда дорогой шли,

Гнедой к переднему всё возу подвигался,

Щипал сенцо да наедался.

А Рыжий с гордостью лишь удила глодал,

И так оголодал,

Что до ночлегу чуть добрался.

Я выскочек таких между людьми видал.

У них в уме всегда тревога:

Чинок бы лишний взяв, опередить других.

Избави господи от замыслов таких!

Переднему трудней дорога.

(1812)

400. НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Слыхали ль вы когда историю об Осле?
Слыхали, я уверен;
Но кстати — повторить намерен.
Не знаю, в нашей ли или в чужой земле,
Жил-был Осел. Из всей породы
Счастливей этого Осла никто не знал:
Всегда почти из рук хозяина едал,
Всегда резвился и брыкал,
Был сущий *баловень природы*.
Хозяин об одном лишь только сожалел,
Что мало друг его толстел;
Но и тому помочь хотел.
Любовь на выдумки богата!
Ослу назначена особая палата,
Везде ковры, а на коврах
Во всех углах
Готовы ворохи ячменя, и пшеницы,
И проса, и овса. . . И вот Осел введен!
Как был он восхищен
Приятностью светлицы!
И вот поворотил зеницы
На приготовленный запас. . .
Он вздрогнул. . . вскрикнул громогласно
И улыбался целый час
Таинственно и сладострастно.
Потом он думал так: «Я дам себя узнать!
Лишь дело в том, с чего начать:
Всё сытно и прекрасно!»
Он думал целый день — напрасно!
Назавтра всё еще не кончил рассуждать,
И, словом, до того в раздумьи испостился,
Что и с запасами, и с жизнью простился.

1821

401. ДИТЯ И БРИТВА

Дитя, взяв бритву, бриться стало,
Порезалось и закричало.
Вот маменька на крик бежит! —
Уж я бы баловня такого! . . —

Но маменька ему ни слова:
Целует да крестит;
Лишь бритву всю она в кусочки изломала.
«Помилуй, душенька, — супруг ей говорит, —
Чем бритва виновата стала?
Я бреюсь ею десять лет
Вреда ж, по чести, нет».

Так виновато ли, скажите, просвещение,
Когда ему дают худое направленье?

(1822)

402. АРАБ И БЕЛЫЙ

Араб и Белый при огне
Вдвоем сидели,
Рассорились и зашумели.
«Ты смеешь ли, урод, противоречить мне? —
Вдруг Белый закричал. — Не на смех ли природа
Арабов создала для человечья рода?»
— «Хвастун! — сказал Араб в ответ,
И тотчас черною рукою
Он потушил огонь. — Теперь я схож с тобою:
Во тьме различья нет».

Гасите свет наук, невежды, поскорее!
При свете — вы виднее.

(1822)

403. ЖУРАВЛЬ И ЛЯГУШКА

«Смотри, беды б не наворчатъ!
Журавль подходит близко!»
— «Ах, сватьяшка! мне низко
С моими чувствами молчать!
Нет, нет! не только что ворчатъ,
Хочу кричать, кричать...
Ужели мать-природа
Нас в пищу создала для журавлина рода?
На что ж нам разум дан?»

Пора нам рассуждать по-философски, здраво,
Что право сильного — неправо! . . .»
— «Ну, сватьяшка! уж великан
Носище направляет».
— «А это более мне жару прибавляет!»
— «Прости ж!» — «Куда?» — «Подальше скакну,
А там и в глубину».
— «Трусиха!» — «Дерзкая! тебя я долго слушал, —
Сказал журавль. — В болоте ль рассуждать
О том, кому и что хотел Юпитер дать?
Ты скоро замолчишь!» Сказал — схватил —
и кушал.

Эй, полно, господа! из мрачных ваших нор
Повсюду распускать свой *либеральный* вздор
И восставать противу тронов!
Не журавлей вы бойтесь, а законов.

(1822)

404. ОСЕЛ И КАМЕНЬ

«Умен и терпелив! Толкал его и бил —
Не охнул! — так Осел о камне говорил. —
Вот скотник наш мне кажется скотиной:
Я давеча того немного зацепил —
А он меня дубиной!»

И поделом, Осел! Ты знай себя,
Того не задирай, кто смышленей тебя.

(1823)

405. ОСТОРОЖНЫЙ СЛЕПЕЦ

Слепец в одной руке хрустальную нес вазу,
В другой держал зажженную свечу:
То было ночью. «Кум! и верить не хочу,
Чтоб выкинул такую ты проказу, —
Сказал, с ним встретяся, Антон. —
Помилуй, что тебе в огне? Ведь он
Свети хоть солнышком, а для тебя нет прока».
— «Любезный! — отвечал слепой. —

Ей-ей, не заслужил я твоего упрека!
Ты без огня столкнуться мог со мной,
И я лишился бы сей вазы дорогой».

Ужели не найдешь, читатель, здесь урока?
Я на ушко скажу тебе:
Полезный для других — полезен сам себе.

(1827)

В. В. Измайлов

406. БАРС И БЕЛКА

По сучьям Белочка и вверх и вниз скакала,
Но оступилась и стремглав
На Барса старого упала;
А тот, с пресытного обеда задремав,
Едва опомнился впросонках;
Поднявшись на ноги, сквозь зубы зверь ворчит,
А Белка перед ним на задних двух ножонках
Трясется, и сама не видит, как сидит:
Вздрогнёшь и нехотя под лапою тиранской!
Подумав, Барс сказал: «Я милую тебя
По истинной щедроте царской;
Но с тем условием, чтоб ты, так жизнь любя,
Призналась, отчего тебе так жить приятно:
Я вижу, ты всегда покойна, весела;
А я в лесах, где власть природа мне дала,
Скучаю и грущу; мне это непонятно».
— «Великий государь! —
Смиренно отвечает Белка. —
Ты милостив ко мне, но рассуди: ты царь,
А правду говорить великим не безделка.
Смелее б доложить о том тебе могла
Повыше, с деревца. . .» — «Всходи туда!» Взошла.
«Теперь услышишь ты язык души правдивой. . .
Не делаю я зла —
И так умею быть счастливой.
Я чистой совестью и сердце веселю;

Не знаешь первого ты в мире наслажденья:
Спокойно засыпать без мук и угрызенья.
Ты ешь ягнят, а я и лист и плод делю
С моими Белками-сестрами;
Ты ненавидишь — я люблю:
Всё сказано двумя словами».

(1814)

407. ФЕНИКС

Однажды Феникс-птица
Из стран Аравии к нам в рощи прилетел.
Народ пернатых зашумел;
Огромная станица
Несется к гостю на поклон.
Уж все вокруг его, уж всех пленяет он
Огнем блестящих глаз, гармонией прелестной,
Драгими перьями, красой своей небесной;
Он царь воздушных птиц, ему природа — трон.
Умолкла зависть вдруг, любовь не ревновала.
Тут в первый раз еще влюбленный соловей
Красу чужую пел с подругою своей,
И пава важная пред всеми признавала,
Что сын Аравии, лесов их новый гость,
Собою затемнил павлиний самый хвост.
Уж гимны в честь ему по воздуху гремели,
Уж птички хором пели
Историю его:
Как он, пернатых царь, сын неба благодатный,
Под старость века своего
Слагает сам костер кедровый, ароматный,
Садится на него,
Мгновенно сам собой весь в пепел истлевает
И снова юным оживает
Из праха своего.
Тут горлица одна на горлицу взглянула
И тихо про себя вздохнула.
Сидящий вместе с ней дружок
Под крылышко ее тихонько — толк! —
И милую спросил: «Что томно так воркуешь?

О чем, о чем тоскуешь?
Иль Фениксов тебе завиден лестный рок?»
— «Нет! я грущу о нем, мой миленький дружок!
Увы! он в мире одинок!»
(1814)

408. МАЛИНОВКА И ГОРЛИЦА

В цвету весны, в начале мая,
Пригожая и молодая
Малиновка в лесу запела под рассвет;
И с утра до ночи без умолку поет.
А горлица, ее соседка,
Как ветер машется с дружками ночь и день:
То выпорхнет на свет, то спрячется под тень.
Соседок наших в ночь делила только ветка.
Случилось как-то им в досуг заговорить.
И Горлица Малиновке сказала:
«Как жаль в твоей поре день красный проронить!
Давно цветет весна, а ты не начинала
Любовных связей заводить;
И век свекуешь свой, крушася и тоскуя!
Какой затейницей ты в песнях ни слыви,
Но что затеи те пред ласками любви?
Нет, умница! от поцелуя,
Признайся, песня далека!»
— «Не спорю, как сравнять! Один ответ имею, —
Певица возразить осмелилась слегка. —
Петь весело. Пою. . . и, право, не жалею,
Что роев влюбчивых привет мне незнаком». —
На это горлица вернулась к ней хвостом
И скрылась вмиг из глаз. Соседки не встречались
С десятком красных весн. Но утром в летний день
Вдруг обе под кусточки в тень
Слетелись. Видятся. . . смешались. . .
Одна в глаза другой
Заглядывают робко:
Ни взору нежного, ни пышного подзобка,
Ни гордой стати нет. Где младость с красотой?
Их время глубоко в морщинах схоронило.

Всмотрясь, малиновка к знакомке подступила,
Учтиво наперед:
«Всё ль подобру и поздорову?
Идет ли в лад любовь? И водятся ль, мой свет,
Сердечные дружки, — спросить пришлось к слову, —
Как было за десяток лет?»
— «Не говори ты мне, пожалуйста, об этом.
Рассталась с дружбой я, с любовью, с целым светом,
И всё прошло, как сон.
О, лета старости! Они, они нас губят!
Сама еще люблю, меня уже не любят».
— «А для меня не так чувствителен урон
Младых годов моих, — певица отвечает, —
Состарилась и я. . . мне голос изменяет;
Но музыку люблю
И молча, притаясь в углу кустов тенистых,
Искусством птиц других, молодых и голосистых,
Себя под старость веселю:
Еще имею вкус для наслаждений чистых».

Красавицы, с одним прелестным их лицом,
От скуки без искусств приятных не спасутся.
Проходит красота, таланты остаются;
Таланты восхищать нас могут и в другом.

(1817)

409. АВТОР И МЫШИ

У автора в шкафу труды его бесщадно
Так грызли мыши день и ночь,
Что стало автору досадно.
Чего ни делал он, чтоб отогнать их прочь. . .
Пускал и кошек в шкаф, и ставил мышеловки,
Переменял и кабинет —
А нет;
Всё то ж да то ж: назло проклятые воровки
Подкрадутся и всё теребят и вертят,
Что на зуб попадет, и в злости не щадят
Ни прозы, ни стихов. Рассказ ли об герое,
Покрытом блеском славных дел,

Любовью ль песенка внушенная в честь Хлое —
Всё гложут. Автор наш от сердца закипел!
А сердцу гневному писатели не рады
И сами, верьте мне, я опыт в том имел.

И что ж? Он с горя и досады
На дно чернильницы, стоящей на бюро,
Горсть бросил мышьяку; потом, схватив перо,
Присел к трудам. Чрез две, иль много три, недели
Все мыши до одной в шкафу переколели!
И дельно, скажете, их автор отравил!

Нет, я, я не такого мнения.
Чьего, скажите мне, не грызли сочиненья?
Кого из авторов зуб критики щадил,
Какую б ни имел он славу?
Но кто вливал в перо отраву,
Тот сам его пятном бесславия покрыл.

(1823)

410. КОНЬ И ЖЕРЕБЕНОК

Конь вдовый и отец добрейший от природы,
Имея сына одного,
Вспойл, вскормил его
На тучных пажитях, где травы, тень и воды
Избытком окружали их.
Не зная меры, как ребенок,
Во вкусах, в прихотях своих,
Сверх сыта ел и пил роскошный жеребенок,
Катался в луговой траве,
Скакал туда-сюда без цели,
Без всякой усталости; в тени кудрявой ели
Покоился на мураве;
И наконец, заплывши жиром,
Наш юный сибарит,
Пресытись яствами, наскучив вечным пиром,
С досадою к отцу бежит.
«Не знаю, что-то мне не по себе и скучно, —
Жеребчик говорит. —
Давно не нахожу я вкуса в снеди тучной
Зеленых наших берегов,
Нет вкуса в клевере, а воды пахнут гнилью,

И душный воздух так испорчен зноем, пылью
 И влагой луговых паров,
 Что нездорова мне, клянусь я, почва эта.
 Короче, батюшка, не пережить мне лета,
 Когда не перейдем отсюда в край другой».

— «О сын мой дорогой!
 За чем же стало дело?
 Отправимся сей час», — сказал отец в ответ
 И странствовать его вдаль с родины ведет.
 Дорогой на отца сын озираясь смело,
 Ржет, скачет и бежит вперед;
 А старец опытный, ступая скромным шагом,
 С ним далее и далее идет
 Горами, пропастью, оврагом,
 Нагою степью, где былинки не видать.
 Вот вечер и пора ночлега,
 А корму нет; наш конь ложится тощий спать.
 Под утро — где и прихоти и нега? —
 От тощеты пришлось глотать ковыль степной;
 Не прытко уж бежит голодный путник мой,
 И в третьи сутки он едва шаг в шаг тащился.

Задав ему урок,
 Наш умный старичок
 Дорогой скрытной в ночь в отчизну возвратился,
 И с ним родной земли беглец.
 Коснувшись сладких трав, их с жадностью хватает
 Обрадованный жеребец.
 «Какое сено! — восклицает. —
 Нашли мы лучшее из пастбищ, мой отец!
 Останемся на нем, прошу вас. Где на свете
 Есть столь привольные места?
 Какие пажити, какая красота!»
 Едва договорил — и в утреннем рассвете
 Зазеленел пред ним знакомый с детства луг.
 Но от стыда и удивленья
 Не вспомнился наш конь. Отец ему, как друг,
 Сказал: «Не позабудь, мой сын, нравоученья:
 Тот лучшим благом дней наскучит наконец,
 Кто расточает наслажденья,
 А их не бережет, как истинный мудрец».

(1827)

411. ОСЛЫ

В местах гористых
Куда-то на войну
Потребно было везть казну.
Известно, что в дорогах каменистых
Ослы удобнее гораздо лошадей;
Так для поездки сей
Ослов с полдюжины завербовали,
Навьючили и навязали
На шею им бубенчиков, звонков;
А сверх ковров,
Которыми казна была накрыта,
Поставили гербы, чтоб всякий знал,
Что государственный везется капитал;
Да сверх того Ослам дана и свита;
И велено: и впереди,
И позади
Идти солдат по взводу.
Пошла казна, бубенчики звенят,
Гербы блестят,
Погонщики кричат,
Давая знать народу,
Чтоб всякий, кто Ослов встречал,
Дорогу им давал.
Хоть рад, хотя не рад, народ повиновался
И в сторону бросался;
Иль, шляпу сняв, стоял
И дожидался,
Чтобы Ослы
Скорей прошли.
Они же, как на смех, никак не поспешают:
Красуются в звонках
И шаг за шаг
Переступают,
Гордяся торжеством своим.
Ослы воображают,
Что из почтенья к ним
Такое видится смятение в народе:

Подобные скоты все горды по породе.
Пришла казна: развьючили Ослов
И на другой же день их в лес послали
С погонщиком для возки дров.
Но что за чудеса? Уборы все пропали!
Нет более мешков,
Нет более гербов,
Не стало и звонков,
Не стало и ковров!
Никто с дороги не съезжает,
Никто и шляпы не снимает;
Кто встретится, тот первый их толкает;
А между тем погонщик по бокам
И по ушам
Их то и дело знай стегает.
Задумались ослы и, воротясь домой,
Толкуют меж собой
Об этом приключенье,
И ну просить Коня, который с ними был,
Чтобы решил он их недоуменье.
«Да тут чего решить? — ответ Коня им был. —
Потребно ваше ослепленье,
Чтобы подумать, что Ослам
Кто мог оказывать покорность и почтенье». —
— «Кому же, коль не нам?»
— «Ослы, Ослы! не вам,
А деньгам да гербам».

(1811)

412. ВОЛ И ОСЕЛ

Осел, увидев Льва, поднявши хвост бежит
И, хлопая ушами,
Издалека Волу кричит:
«Прогневался творец над нами!
За мною Лев бежит. . . Ну, время ли стоять?
Или задумал испугать
Его своими ты рогами?
Нет, брат! Уйдем, покамест время есть,
А то какая честь,
Как он в клочки нас растерзает?»

— «Подлец! — Вол с гневом отвечает. —
Беги, когда его тебе так страшен зев!
Он — Лев,
И мне приятно с ним сразиться».

Кто храбр, противника тот силы не страшится.
(1816)

413. МЕДВЕДЬ-ПЛЯСУН

«Куда как Мишка жалок стал! —
Лисица Волку говорила. —
С тех пор как к людям он попал,
Куда его девалась сила?
Бывало, усмотря его,
И конь стрелой домой несется,
А ныне Мишку самого
Мальчишка дразнит и... смеется!»
— «Хотите ль знать, — тут молвил Пес, —
Причину, отчего, оставя лес,
Он силы всей своей лишился?
Плясать с людьми он научился».

(1816)

414. ГНИЛУШКА

В чаще лесной
Ночной порой
Гнилушка между пней блистала
И с гордостью мечтала,
Что ей подобных в мире нет.
Но солнышко взошло... погас гнилушки свет.

Во тьме невежества, между глупцами
И сплошь да рядом мы найдем
Людей, кичащихся своим умом,
Которых рассмотрев, мудрец пожмет плечами
И скажет с горестной душой:
«Ах! Сколько есть гнилушек меж людей».

(1817)

415. СОЛОВЕЙ

В весенний вечерок средь рощицы тенистой
На ветке Соловей свистал,
Гармонией своей дивил и восхищал;
Раскаты, дробы, трели, свисты
Вечерний ветерок по роще разносил.
«О, как ты сладко воспеваешь,
Любезный Соловей! — так чижик говорил. —
Ты всех собою восхищаешь;
Пернатых целый хор на голос твой летит,
Внимает — и молчит,
Завидуя твоей гармонии небесной».
— «Что мне в их похвалах, до них мне нужды нет! —
Так Соловей сказал в ответ. —
Когда пою, доволен я,
Что заслужу за то один лишь взор прелестный
Подруги моя».

Элиза милая! Один твой взор бесценный
Для сердца моего пребудет навсегда
Дороже всех похвал, даров Фортуны тленной,
И ежели когда —
О, сбудьтеся, мечты! — мне суждено судьбою
Изойти наверх честей величия стезею,
Чтоб в мире сем умом и славой я блистал,
Делами громкими вселенну удивлял,
Ужели я тогда, Элиза несравненна!
Сей признак ложный благ мгновенных
На страстные твои объятья променял?
Нет, нет! один твой взор небесный
Всё красит для меня в сей жизни горькой, слезной.
(1812)

416. МАЛЬЧИК И ЗМЕЯ

Мальчишка увидал змею;
Вскричал: «Всю жизнь мою
Не видывал такой! Ползет ли иль свернется,
Неможно наглядеться;
И, верно, так добра,
Как вся пестра!
И стоит только приласкаться,
Чтоб с нею наиграться!»
Но только подошел, ужалила его.
Мальчишка прочь бежит, крича: «Какая злая!
Вся пестрая, дурная,
Вид испугает хоть кого!»
(1812)

417. ВОЛК И ПАСТУХ

Волк, думав об обеде,
В овечий хлев зашел,
Но обманулся так в расчете,
Что не успел
Приняться за барана;
Услышал крик: «С цепей Полкана!
Сюда, сюда, Барбос, Пазор!»
Хотел скорее в поле —
Ворота на запоре;
Решается через забор,
Но встречен Пастухом, и так, что поневоле
Присел
И говорит: «Ах, мой создатель!
Как платят за добро! Ведь я сюда пришел
Как твой приятель,
Поверить за тебя,
Как ночью ведут себя
Твои собаки;
Готовы ли для драки
В недобрый час:
Бывают воры и из нас!
А то, что доброго, пожалуй,
Разучатся, и лаять как.

И мой тебе совет: собак
Отнюдь не балуй,
И покороче привяжи
Неугомонного Полкана...»
— «Зачем же так схватил барана,
Что бедный вовсе без души?»
— «В наш век не чудо
О добром слышать худо;
Узнал я в эту ночь,
Что у тебя в хлеве так тесно!
Все знают, как мне лестно
Приятелю помочь;
Так я хотел в свой лес, в котором, как известно,
Есть где ходить,
Двух-трех овечек пригласить,
Чтоб у меня и жить и кушать;
А глупый твой баран не захотел и слушать!
Вот вся вина моя.»
— «А кто вчерась унес ягненка?»
— «Конечно, я;
И сделал это не тихонько,
А в наставление овцам,
Чтобы по вечерам
Не смели отставать от стада;
И может быть,
Урок сей повторить
Еще раз будет надо.
Служить готов...»

Пастух! когда ты будешь слушать
Все оправдания волков,
Тебе твоих овец не кушать!
(1819)

418. БАРАН, СОБАКА И КОЗЕЛ

Баран, Собака и Козел
Вступили в спор о том, по воле иль неволе
И для каких причин день каждый рой пчел
Из ульев прилетают в поле.
Собака думала пред всеми доказать,

Что если б пчелы те на страже пред амбаром
Умели, как она, и лаять и дремать,
То, верно б, не летали даром.
Баран толкует: «Думать так —
Плохая честь уму собак!
Я ведаю, и люди знают,
Что пчелы в поле к нам от скуки прилетают,
Где с тем, чтоб пожужжать, над травкою кружась,
А где при ветерке на листьях покачаться...»
— «Совсем не для того! — Козел вскричал сердясь. —
Слетаются они над мной полюбоваться;
Быть надо без ума, чтоб в этом сомневаться,
Увидя, как мои чудесные прыжки
Без меры высоки».

Так общество невежд — а где от них не тесно? —
Обсуживает труд ученого, певца,
Приятный для ума, для общества полезный,
Но непонятный для глупца.
(1823)

В. И. Тибеккин

419. СОЛОВЕЙ И ЖАВОРОНОК

У Жавронка спросил однажды Соловей:
«Ужели любишь ты высоко так взвиваться,
Затем чтоб в пении невнятным оставаться?»

Так можно бы спросить у многих рифмачей.
(1816)

420. КОНЬ И РАК

Однажды Рак,
увидевши Коня, пришедшего напиться
К реке, где он давно изволил в тине рыться,
Сказал с насмешкою: «Какой ты, Конь, дурак!

Я думаю, раз сто поднимешь вверх ногою,
 То этой, то другою,
И всё ни с места — то ж да то ж,
Как будто сил не соберешь;
 А если уж пойдешь,
И тут размера ты не знаешь никакого:
 То вскачь запустишься, то в рысь,
 То зашагаешь, как корова,
 То вдруг помчишься снова;
А ты вот у меня ходить понаучись!»
Тут длинными повел надменный рак усами,
Повыпучил глаза и, обопрясь клешнями,
Приподымается. Конь смотрит. Наконец
Учитель, в критике удалый молодец,
 С Конем уладясь рядом,
 Поползпреважно задом!

И в людях есть, к стыду, подобны чудаки,
Которы в поприще поэзии такие,
Как в этой басне рак, смешные ходоки;
А между тем еще хулят стихи чужие!

(1819)

421. ДОЖДЬ И ПЫЛЬ

Дождь чуть накрапывал, а Пыль, успев подняться,
Крутилась вверх столбом — темнила свет и взор;
И понесла дождю почти подобный вздор:
 «Смотри, откуда я взвилась,
 А как высоко вознеслась!
Свободно в воздухе туда-сюда летаю
И с светом солнечным связь дружества вкушаю.
А ты, нахмуренный всегда имея вид,
 Как будто солнца убегая,
В сгущенном мраке туч желаешь быть сокрыт;
И, тяжестью гнетом, движения алкая,
Стремишься долу лишь, других путей не зная.
Отменно я люблю вредить и досаждать
И с тонкостью могу сей цели достигать.

А ты творить добро, прельщаяся мечтою,
Идешь на шар земной открытою войною
И часто, молнию, гром совокупя с собою,
Наместо мнимых благ в подвластных мне странах
Вселяешь ужасы одни в людских сердцах.
Охотно я всё то, что блещет, помрачаю,
Но этим я себя тем большеставляю;
А ты без всяких нужд свод ясный неба тмишь
И вредоносные растения родишь.
Да что и говорить! Ты так-то в древни годы
Потопом землю наводнил
И в нем тьмочисленные роды
Животных и людей без нужды погубил».
Дождь слушал всё с терпеньем прежде,
В той будучи надежде,
Что скоро Пыль себя уймет;
Но, о потопе слыша бред,
Сказал он ей: «Молчи, болтунья дерзновенна!
Достоинства мои вся ведаёт вселенна.
Потопом мне не упрекай
И, глупая, познай,
Что я движение приемлю
Велением творца:
Он рек, и наводнил я землю,
Чтоб смыть с ее лица
В сорокодневное время
Неблагодарное в грехах утопше племя;
Что без меня бы был несносен солнца зной,
Что все растения, лелеянные мной,
Назначил бог от века
Для пользы человека.
Когда же дал чему последний ход иной
И вред произошел — он сам тому виной.
А сверх того тюльпан, лилея, ландыш, роза,
Все травы, все цветы,
Деревья, их листья,
Избавившись цепей мороза,
Не мной ли будучи сперва орошены,
Те летом, те весною
Являясь вновь оживлены,
Взор, обоняние пленяют так собою?

Не мной ли греча, рожь, пшеница и ячмень,
И просо, и овес, лимоны, винограды
И тьмы других плодов, для жизни и прохлады,
Не мною ль вызваны в назначенный мне день,
Выходят из земли, растут и созревают,

Питают, услаждают

В приличной полноте;

И воздух, спершийся в излишней теплоте,
Где ядовитые частицы заражают,
Не мной ли чистится, приемля аромат?

Не мною ли благоухают

Поля, луга, леса, как самый лучший сад?

А если бы не так для смертных был любезен,

Полезен,

Необходим

Я качеством моим,

То, верно б, обо мне они не воздыхали

И в храмах бы своих к себе не призывали.

О силе же моей и власти над тобой

Докажется борьбой:

Мне время оросить целительной водою

Иссохшие поля» — и зашумел рекою.

Персть к облакам себя почти хоть вознесла,

Гордилась дерзкая своей обширной связью,

Но пала с трепетом и долу прилегла

И вместо Пыли стала Грязью.

Вот если б пред дождем, Пыль, не кичилась ты

И крылась в тишине угольника смиренья,

То не упала б с высоты

И не узнала бы такого превращения.

(1819)

422. БОЛЬНОЙ И СМЕРТЬ

Приходит Смерть с косой

К совсем иссохшему больному за душой;

И, видя перед ним за скрепой документы:

Контракты, записи, рапорты, тестаменты,

А подле — рубль, пятак, гроши, —
Спросила у него: «Кто ты, скелет лежащий?»
А тот, подставя горсть: «К услугам, я подьячий».
— «Какая ж дура я! Искала в нем души!» —
Смерть проворчала
И будто не бывала.

(1819)

423. КОНЬ

Взбесился в стойле Конь и говорит: «Что ж в том,
Что кормят здесь меня овсом
И держат завсегда в опрятности и в холе?
Да я в неволе.
Терплю от конюха, терплю от седока:
То плетью по спине, то шпорами в бока.
Слуга покорнейший! Пущусь-ка в чисто поле!
Прощай, конюшенька! Не быть уже мне тут!»
Махнул — и более его уж не видали.
Что ж? Волки в ту же ночь беднягу растерзали.

Свобода хороша, да нужен и прият.

(1819)

424. ГОРА В РОДАХ

Какое зрелище! Там, мучаясь родами,
Гора напыщилась: шумит, ревет, трещит
И страшным бедствием вокруг себя грозит...
А тут поэт Глупон пыхтит, стучит ногами,
Кричит и бесится, всё искусал перо;
То по лбу кулаком, то треснет им в бюро,
Глаза навывкате, из рта клубится пена...
Но вдруг и там и тут переменялась сцена:
Гора растреснулась, с улыбкой встал поэт.
Что ж вышло? Примечай! Там — мышь, а тут —
сонет.

(1819)

425. ГУСЬ

На Гусе перья так белы отменно были,
Что цветом даже снег вновь выпавший стыдили.
Блестящим даром сим природой наделен,

Гусь сделался надмен.

Не Гусем он себя, а Лебедем считая,
С презрением глядит на весь гусиный род,
Отдельно от него поверхность рассекая
Зеркаловидных вод.

Преважно Лебедю Гусь гордый подражает,
То шею вытянет, то обручем сгибает;

Но что ни делает, а нет!

Весь ясно видит свет,

Что Гусю далеко до птицы Аполлона.

Иной так, удивить предполагая Русь,
За гением на верх тащится Геликона:
Но всё не гений он, а только — странный Гусь.

(1822)

П. П. Лобыевич

426. СВЕТЛЯКИ И ЛЕСНОЙ СВЕРЧОК

Ночною темнотою блестящи червяки,
В отличие от других
Прозванны Светляки,
Собравшись на кустах растений,
Имели много рассуждений
О превосходстве рода их,
Что в темноте они блистают
И ярки вдаль лучи бросают.
Один из Светляков, декан,
Вещал: «Наш блеск не есть обман,
А незаимствованно от света отраженье;
Так, следственно, происхожденье
От звезд имеем мы,
Чтоб тварей озарять средь тьмы».
Услыша то педантско положенье,
Лесной Сверчок
Велеречивому сказал декану:

«О лучезарный червячок!
Про вашей светлости рожденье
Я знаю, но вещать не стану.
Мгновенно ты блестишь, и вмиг тебя как нет!
На что ж возносишься до светлых вечно звезд?»

Подобны Светляку деканы
Адамовых детей в кругу;
Слагая в томах чепуху,
В системах выдают туманы
И так теорию высоко занесут,
Что к цели от нее никак не доползут.
Другой, неверствуя, уверить всех стремится,
Смеется истине, чтоб соблазнить людей,
А свет преострому уму дивится
Того, кем писан «Кум Матвей».
Пусть слаб суждением своим простосердечный,
Но вникнуть в то нельзя, что скрыл творец предвечный.

(1816)

427. МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Медведь, попавшийся в ученье у людей,
Учителем лишен был с пальцами когтей,
Который выдергал ему и зубы;
Потом, продернувши колечко с цепью в губы,
Лесного жителя легко мог просвещать:
Ходить на двух, вертеться, танцевать,
Протягивать по слову лапу,
Скидать и надевать профессорову шляпу,
Стоять с дубинкой на часах,
Поджав живот и выпятивши груди,
Уметь кувёркаться вразмах
И многому, чему умеют люди.
В три года Мишка просветился;
Однак всегда постился,
Имея стол простой:
То хлеб, то месиво с водой.
Такое в жизни принужденье
Постылым сделало ученье;
Итак, задумав в добрый час,
С ущербом губ от цепи свободился,

С лицеем распротясь, сам в лес пустился
И от профессорских навек сокрылся глаз.

Но без зубов и без когтей
Живиться в лесе трудно,
И пропитанье очень скудно
От муравьев и желудей;
Так Мишеньке судьба велела
Век горе горевать
И более не пировать.

Лиса, пронюхав то, с вопросом подоспела:
«Что это, милый гость, сосед мой дорогой!

Я удивляюсь твоёму поведению,
Что, пристрастясь к сухоядению,
Проходит месяц уж другой,
Ты не пускаешься на лов искать добычи;
Конечно, ваша честь не любит кушать дичи?»
— «О, так, голубушка! — наш постник отвечал. —
Я много о судьбе животных размышлял
И, разум мой вперея в познания высоки,
Постигнуть не могу, как звери толь жестоки,
Что и зверей могут терзать;
Что в угождение Мамону
Не внемлют благодати закону,
Друг друга алчут пожирать.
Я — филоскот,
Люблю подобных мне из самых нижних
И не хочу, чтоб мой живот
Был гробом ближних».

Лиса с улыбкою на то сказала:
«О истинный мудрец, звериный Пифагор!
В восторг привел меня ваш умный разговор!
О филоскотии еще я не слыхала;
А вы учились ей, конечно, у людей,
Когда лишились кусалков и когтей?»

И злые престают быть злыми,
Когда не могут быть такими.
Пафнutyч нынече святошею живет,
Душою не кривит и взятку не берет,
И ненавидит сам подъячески мытарства
С тех пор, как удален навек от секретарства.

(1816)

428. ВОР И ВИСЕЛЬНИК

Товарища узря на виселице, Вор
Сказал: «Теперь с нескромностью своею
Живи меж небом и землею
И в горняя вперяй свой взор,
Болтаясь в эфире;
А я помаюся
Еще в подлунном мире
И постараюсь
От простофиль здесь поживляться.
Всего вернее запираюсь,
Когда нет и улик:
Тебя тянули ль за язык?
Теперь виси ты с покаяньем.
А я так не сказал того, что ведал в-точь,
Отделался незнаньем.
Прощай! Уже настала ночь».
Еще он речи не скончал,
Как шнур, на коем Вор висел, порвался,
И Висельник как сноп подле его упал,
И краснобаю он ожившим показался.
И на него напал внезапный страх;
Ему уже мерещится в глазах,
Что Висельник за ним стремится
И в съезжу хочет с ним явиться.
Бежит, кричит: «Спасите! Вот здесь Вор,
Повешенный товарищ мой, сорвался,
Неведь за что ко мне он привязался!»
На крик как тут является дозор,
А он несет всё ту же ахинею;
И столько наболтал, что и его за шею
Спустили три дня туда ж взцепили
И в атмосфере поселили.
Мошенник в этот раз себя не оправдал:
Хотя и запирался,
Но тем не отыгрался
И, быв повешенным, не крал.

Когда кто обличен, к чему тогда признание!
По смерти есть ли покаянье?

(1816)

П. А. Ладыжинский

429. ПЧЕЛА И БАБОЧКА

Пчела пред Бабочкой гордилась,
Богатством хвастала своим.
А пестра Бабочка резвилась
И говорила ей: «Я жребием моим
С тобой не соглашусь меняться;
Ты можешь потерять — мне ж нечего бояться»,
(1817)

430. ТРЕСКА И РЫБАК

Сеть целую Трески Рыбак поймал
И головы со всех снимал.
Одна его так вопрошает:
Что делать с ними он желает?
«Сняв головы, я всех вас расплащу
И путешествовать пушу», —
Рыбак так отвечает.
— «Как! Путешествовать без головы?»
— «Об этом не заботьтесь вы;
Нередко то бывает.
На это не глядят;
И дети князя и вельможи
На вас тем только не похожи,
Что не пластят,
В бочонки их не набивают,
А без голов они частехонько бывают». (1817)

431. КУЛИК И ЖУРАВЛЬ

«Позвольте мне у вас спросить,
Давно ли нос такой изволите носить
Предлинный?» — Журавля Кулик так вопрошает.
Тот с гневом отвечает:
«На что тебе то знать?»

— «Не с тем, чтоб обижать мне вашу знать;
Но так как мой отец такой же нос имеет
И я ношу, так смеет
Кулик спросить, кто был у вас отец?»
— «Ах, мой творец!
Ужели с нами вы желаете равняться!
Да может ли Кулик так высоко подняться?» —
Журавль сказал и полетел.
Кулик же вслед ему глядел:
«Да нос-то, нос-то вас изобличает,
Что вам родней себя недаром почитает
Кулик», — он Журавлю кричал,
Пока из виду тот пропал.
(1817)

432. ДЕРВИШ И ЧЕРТ

Дервиша жирного свалило;
Уж оттого ль, что стар он был,
А может, и грибов в желудке не сварил.
Подробности на что? Час смертный бил.
Через реку его Харон уж переправил,
Сам за другими поспешил.
Путь в ад Дервиш направил;
Ну, видно, тож грешил...
Черт, встретясь с ним тогда, с учтивостью сказал
И вправо лапкой показал:
«Вот вам дорога;
А в ад впустить невозможно вас.
Почтенный мой отец! Мы просим вас премного —
И впредь не беспокойте нас:
Мы дали клятву в том, чтоб с вами не якшаться;
Без практики совсем нам лучше оставаться,
Чем с вами заводить дела;
Уж ваша братья здесь и в должности была;
Мы коротко Дервишей знаем.
Не трогайте лишь нас: мы вас не обижаем».
(1817)

433. ШАРЛАТАНЫ

Из четырех углов
Скотов и дураков
Один только почали.
«Ступайте к нам, народ! —
Фигляры так кричали. —
Смотрите: вот урод
С семью ногами,
Вот Аргус с тысячью глазами,
А вот Наполеон,
С ним войска миллион;
Смотрите, как весь мир к нему в рот пролезает,
Он точно так его, как устрицу, глотает.
Смотрите, вот слоны, и самый крупный род!»
Стекается народ
Толпами.
Чем забавляют их? — Китайскими тенями!
(1817)

434. ПОДУШНЫЙ СБОР

Какой-то господин в деревне жил;
Крестьян своих любил,
Вот и они его любили,
Но избалованы им были,
Затем что господин тот был не строг.
Он раз в подушном им помог,
С тем чтоб они ему вносили
По времени, кто сколько мог.
Пред праздником они его просили:
«Поможет вам-де бог!
А вы еще нам помогите
И к празднику винца купите;
С вас за хорошее рублей лишь пять возьмут,
А нам и за восемь водою разведут;
А деньги на вино уж мы собрали».
И с тысячу рублей помещику отдали!
Помещик им вина купил;
И праздник — праздником, всяк как свинья пьян
был.
Как в голове имели,

О деньгах не жалели,
А подать как пришло опять платить,
Не знают, как и быть;
И барина опять просили —
Хотя и прежней не вносили, —
За них чтоб подать заплатить.
«Ну, — барин говорит, — уж так и быть!
Мне подать заплатить за вас придется,
Но только с тем, что не напьется
Из вас никто, пока всю подать не внесет».

Кто шкуру с мужиков дерёт,
Из басни сей тому советую учиться,
С людьми как должно обходиться.
(1817)

Г. И. Лузанов

435. ВОЛЧОНОК И СУРОК

«Блаженной памяти родитель мой
Великий был герой! —
Так говорил Сурку Волчонок молодой. —
Ах, сколько он, гоняся за славой,
Сразил противников в лесах!
Вся жизнь его была по трупам след кровавый,
И слава о его делах
Гремит и в рощах и в горах!»
— «И, полно! — перервал Сурок хвастливость
эту. —
Его дела всему известны свету:
Всю жизнь почтенный твой отец
Душил коров, быков, овец,
Которые бессильны защищаться;
А как напал на стадо вдруг,
В котором умный был пастух,
То с жизнью своей был должен распрощаться!»

Французов храбрыми дотоле всяк считал,
Пока их злобный дух в Россию не загнал.

(1815)

436. КОРОНА И КОЛПАК

Корона и Колпак лежали как-то вместе.
Корона приняла в бесчестье
С таким соседом быть,
И ну в укор ему себя пред ним хвалить.
И трудно ли хвалы Короне находить?
Она прославлена из рода в роды;
Везде гласят поэмы, оды
О блеске царского венца!
Так не было б ее рассказам и конца.
«Пусть так! —
Прервал ее Колпак. —
Но чем славней венец, чем более сияет,
Тем более царю забот он причиняет;
А скинувши его, он иногда со мной
Вкушает сладостный покой!»
(1815)

437. СТАРИК С ФОНАРЕМ

В то время как шумел ветер сильный меж древес
И сумрак стал темнить лазурный свод небес,
С зажженным фонарем старик шел через лес,
Плащом его своим от ветра прикрывая;
А двое молодых, идя ему вослед
И меж собою рассуждая,
Винили старика: зачем он прячет свет?
«Любезные мои! — сказал старик в ответ. —
Как ваша молодость всегда неправо судит!
Нам будет свет нужней, когда темнее будет;
Теперь же прячу для того,
Чтоб сохранить его!»

Так точно иногда и мудрый поступает:
От глупых истину до времени скрывает.
(1815)

438. СТОЛП

Верст: «Триста от Москвы, и столько ж от Смоленска,
Четырнадцать от Мценска,
А шестьдесят и семь от города Орла», —
Так столп, или верста исписана была,
Чтобы дорогу знал проезжий и прохожий.
Но бедный столп, хоть всем указывал пути,
А сам по тем путям никак не мог идти!

Как с этой стороны и все *столпы* похожи! . .

Иной . . .

Иной . . .

(1817)

439. УГОЛЕК

Горячий Уголек в ночи
Однажды выпал из печи
И, тлея на полу, с собою рассуждает,
Что он теперь один всю избу освещает,
А к утру, разгораясь, — хоть солнце и взойдет, —
Он светлостью его наверно превзойдет.
Меж тем, как на беду, хозяин в избу входит,
На Уголь плюнул раз —
И жар его и свет погас!

Я слышал, временщик на этот Угль походит.

(1819)

Н. М а ц и е в

440. ВОЛК И ОВЦА

У загородки Волк
С Овечкою разговорился;
О дружестве, любви у них предлинный толк;
Всем показалось бы, что он в нее влюбился.
Ан, Волк лишь думает, как дать бы ей щелчок.

Вот бедная моя овечка
Приходит к матушке своей:
«Ах, маменька, мой свет! Позволь мне в роще сей,
Где протекает речка,
Гулять с моим дружкой». — «Изволь. Но кто твой
друг?»

— «А Волк, что вон идет на луг».
— «О, эдаких друзей на свете очень много,
Сердечушко мое!
С ним впредь знакомиться я запрещаю строго;
Презлой он негодяй и дружество твоё
Лишь ищет для того, чтобы тебя покушать».
Моя Овечушка старух не хочет слушать;
Они-де все городят вздор:
«Что Волк лукав, сердит, то всё пустые слухи;
Мне зла не делал он, а что мне до старухи», —
И с этим — прыг через забор
В объятия дружка любезна.
Наш Волк того и ждал.

Овечку бедную постигла участь слезна:
Друг истинный ее сожрал.
Мы часто опыт презираем,
Советы чем за пустяки;
Тогда лишь истину узнаем,
Как попадемся в дураки.

{1815}

441. ГОРБАТЫЙ

Не новость я скажу, оно известно всем:
Не надо никогда смеяться ни над кем;
За это в добрый час подшутят так над нами,
Что, право, от стыда мы покраснеем сами.

Вот что случилось на днях
В моих глазах
У Зимнего дворца на самом бульваре.
Гуляли дамы тут, гуляли знатны бары,
Гулял и весь народ,
Как появился там нечаянно урод
С пристрашными двумя горбами.

Все следуют за ним глазами,
Дивуются, а он и усом не ведет,
Идет себе вперед.
Таким он образом с час времени гулял,
Как встречу шалуны попались.
Один из них его Эзопом вдруг назвал,
И все расхохотались.
«Так точно, я Эзоп, или почти таков, —
Горбатый отвечал, — и это сам я знаю;
Он прежде заставлял всех говорить скотов,
А я их нонече смеяться заставляю».

(1816)

442. КРЕСТЬЯНИН И ТАРАНТУЛ

Как враг ни мал, его нам презирать не должно;
И искрою пожар великий сделать можно.
Примером этому богатый мне мужик,
Который в Персию отправился с товаром.
Обоз был у него велик,
Так ехал он туда недаром.
При отправлении прощалась с ним семья
И прочие родные;
Соседи были все давно ему друзья;
И как не провожать в края совсем чужие?
Тут много раз ему твердили старики,
Что в жарком климате бывают пауки,
Которых жители тарантулом зовут,
И у негодников преядовито жало;
Коли людей они куснут,
Так уже очень-очень мало
Что дней через пяток в страданиях все помрут.
«Ого! — сказал мужик. — С тарантулом-то должно,
Я вижу, поступать отменно осторожно.
Да как-то ростом он?
Неужто так велик, как петербургский слон?»
— «Нет, нет, как это можно?
И весь-то он едва с кулак».
— «Так что ж, — сказал мужик, — вы так
И в самом деле им меня перепугали?»

Завижу лишь его и раздавлю ногой,
А там и поминай как звали.
Куда как подлинно опасен зверь такой! . . .»
В сих мыслях в Персии у речки прохладжаясь,
Смотрел с презреньем он на этих пауков
И думал про себя, над ними насмехаясь:
«Хотят, чтоб трусили мы этих дураков!
Чего же бы я тут боялся?»
Пока он рассуждал, паук к нему подкрался,
Ужалил молодца,
А чрез неделю слух промчался,
Что и на свете нет уж боле храбреца.
(1816)

443. СТАЛЬ И КРЕМЁНЬ

Однажды как-то сталь вечернею порою,
Не ведаю за что, прогневала кремёнь;
И дело до того дошло уж меж собою,
Что молодцы мои дерутся целый день.
Друг об друга они жестоко ударяют,
И искры кучами от обоих летают.
Случись тут человек,
Который, увидав столь странное явленье,
О коем преж сего не слыхивал в свой век,
Сперва было пришел в большое удивленье;
Потом, пооглядась, он так к нему привык,
Что искру в пользу стал употреблять для дому;
Лишь надо печь топить, вот тотчас наш мужик,
Вдруг сделав одного большим врагом другому,
Сим способом себе достанет огонек.

Не то ли стряпчие, что этот мужичок?
Стараются, чтоб мы тягались;
Мы бьемся год, другой;
Потом глядишь — и что ж? Без денег мы остались,
Они сей саранче за хлопоты достались.
(1816)

444. СОВЕТ

Четыре молодца — купец да дворянин,
Пастух да царский сын —
В час грозный кораблекрушенья
Успели на доске спастись от потопленья!
В волнах погибло всё. Но кто не любит жить? ..
Спокоясь, обсушась и побранивши море,
Раздумались они, что делать в общем горе.
Составили Совет. Принц начал говорить
О бедствиях людей, рожденных для короны,
О бедствиях *своих*. Пастух на эту речь
Сказал, что жалобой несчастья не пресечь,
А лучше от судьбы искать им обороны
Работой и трудом.
«Работой, господа, — он говорил потом, —
Не только здесь себе мы верный хлеб найдем,
Но и до родины дойдем!»
На умные слова нельзя не согласиться,
И решено — трудиться!
Купец науку числ и счет торговый знал.
«Я стану, — он сказал, —
Хоть арифметикой кормиться!»
— «Я школу заведу, — сын царский перервал, —
Где будут у меня политике учиться!»
— «А я геральдикой уж верно хлеб найду! —
Промолвил дворянин с улыбкой уверенья. —
Кому не нужно знать свое происхождение?»
— «Друзья! — сказал пастух, дождавшись
череду. —
Все ваши способы помочь беде и горю
Прекрасны, я не спорю,
Но слишком далеки!
Проголодаться вам с ученостью своею!
Прощайте ж, оставайтесь с нею;
А у меня... есть две руки!»
Окончив речь свою, пастух мой в лес пустился;

Там нарубил он дров, связал да продал их;
Потом к товарищам с припасом возвратился
И накормил их всех троих.

Чем в нужде толковать, не лучше ли скорее
Надежду полагать на деятельность сил? ..
Так добрый Лафонтен нам сказку заключил.
И я согласен с ним: *что ближе, то вернее!*

(1818)

445. ПЛЮЩ И ФИАЛКА

«Ты жалко, бедное растенье! —
Сказал Фиалке Плющ, надменный высотой. —
Удел твой — жить в тени; что ждет тебя? — Забвенье!
Ты с самой низкою равняешься травой.

Какая разница со мной!

Смотри, как я вокруг дуба выюся;
Смотри, как вместе с ним я к облакам взношуся!»
— «Пожалуй, не жалей! — Фиалочка в ответ. —

Высок ты, спору нет;

Но я сама собой держуся».

(1820)

446. УЧЕНЫЙ ЦАРЬ

Какой-то государь был мудрым наречен:
Не потому, чтоб он был вправду всех умнее,

Но потому, что был учен!

Он знал течение звезд вернее,

Чем царство, где он был царем;

И этот страстный астроном,

Затмится ли луна, явится ли комета,
Стрелю вылетал из царского Совета!

При блеске месячного света,
Придворных окружен толпой,
Ученый государь любимую тропой
К обсерватории однажды пробирался
И, землю позабыв, небесным восхищался!
«Послушайте, друзья! —

Сказал придворным он. — Мне кажется, что я
 Посредством нового большого телескопа
 Увижу то, чего не видит вся Европа,
 А именно: в луне людей!»
 — «Конечно, государь! — ответ толпы был всей. —
 Конечно! — повторили снова. —
 Вы дальше видите, сомненья никакого!»
 Меж тем к царю бедняк, с смиренною клюкой
 И за плечьями с пустой
 Сумой,
 Подходит с робостью и руку простирает;
 А царь идет себе дорогою своей
 И только изредка сквозь зубы припевает:
 «Увижу ль я в луне людей!»
 Бедняк опять к нему, и просьбу повторяет;
 А царь всё то же напевает:
 «Увижу ль я в луне людей!»
 Тут бедный, потеряв терпенье,
 Схватил за мантию ученого царя:
 «Прости мне, государь, такое дерзновенье
 И выслушай меня!
 Что пользы для тебя узнать пределы неба?
 Оставь свою луну, ты царь не над луной!
 Смотри-ка на землю: увидишь пред собой
 Людей, которые . . . с слезами просят хлеба!»
 (1830)

А. К. М а з д о р ф

447. ТРУБАЧ

Во время одного жестокого сраженья —
 А у кого и с кем, такого поясненья
 Вы и не требуйте! — я знаю только то:
 Попался в плен трубач. «Друзья мои! за что, —
 Так он упрашивал, — меня вы взять хотите?
 Ну сами рассудите,
 Чем мог вредить я вам? Ни сабли, ни ружья,
 Ни пистолетов, ни копья

Нет у меня,
Хоть обыщите!»
Ему в ответ: «Не спорим в том с тобой;
Но ты своей трубой,
Которую других к сраженью возбуждаешь,
Не меньше бед нам причиняешь!»

Опасен и советник злой.
(1815)

448. БЕКАС, СНЕГИРЬ И ВОРОН

Бекас летал, летал по чуждым сторонам,
Но скучился и утомился
И в лес родимый возвратился
К своим знакомым и друзьям.
А те Бекаса обступили
И рассказать его просили,
Что видел он и что хорошего узнал.
«Счастлив! — Снегирь ему сказал. —
Ты видел то, чего мы с роду не видали!
Ты веселился там — мы здесь скучали...
И можно ль не скучать?
Какая сторона и местоположенье!
Пустыня здесь, уединенье!
Да это б ничего; но птичники, стрелки,
Приманки тайные, силки,
Злодеи Коршуны грозят всегда бедою!
С спокойною душою
Нельзя минуты здесь прожить!
Пришлось дни горькие влачить!
Ей-ей, наскучило! Когда бы только можно,
Давно вспорхнул бы сам в прелестные края.
Но как быть? Поневоле должно
Томиться и скучать! Лететь нельзя!
Ну как друзей, родных оставить?
Лишь к горю горя им прибавить».
— «Ах! — отвечал Бекас. —
И там, где я бывал, беды, поверьте, те же;
И там, друзья мои, не реже
Губят, стреляют, ловят нас!

Такие же стрелки, такие ж птицеловы,
Такие ж сети, ковы,
Силки и коршуны! . . Уж ныне век таков!
Везде опасности! Вот если бы мы жили
В век наших прадедов, то, верно б, не тужили
И не страшились бы силков,
Иль птичников, или стрелков. . .»
— «Не врите пустяков! — так Ворон устарелый,
Проживший с сотню лет
И знавший опытностью свет,
Бекаса перервал. — Ваш разум несозревший
Еще не в силах рассуждать!
Старинный век хвалить и новый оуждать
Лишь опытности можно!
Впредь помните совет:
Когда болтлив — болтай, но только осторожно.
В веках, поверьте, нет
Различия нимало!
Что ныне, то и встарь бывало;
И сети, и стрелки,
И птицеловы, и силки
Бывали, есть везде и будут вечно!
Вы сомневаетесь, конечно;
Но вот еще пословица для вас:
Там только хорошо, где нет лишь нас!»

(1815)

449. ЭЗОП И ОСЕЛ

Осел к Эзопу приступил.
— «Послушай, — говорил, —
Зачем меня так в баснях унижаешь?
Ты умным никогда осла не представлял;
Но всякий раз таким невежей выставляешь,
Что наш несчастный род у всех насмешкой стал!
Друг! Сделай одолжение,
Поправь вину свою и в баснях обо мне
Дай выгодное мнение!
Заставь меня, хотя во сне,
Словечно умное промолвить».

— «Такую просьбу мне никак нельзя исполнить, —
Эзоп на это возразил. —
Когда бы в баснях ты умно заговорил,
Я был бы жалкий сочинитель!
И, верно б, всякий заключил,
Что я уже — осел, а ты — правоучитель».

(1819)

450. ГОРОДСКАЯ МЫШЬ И ПОЛЕВАЯ

Случилось к Мыши полевой
Зайти когда-то городской.
«Ах! милая моя! ты жизнь ведешь страдая! —
Со вздохом говорит, знакомку обнимая. —
Я с грусти б умерла,
Когда бы здесь жила!
А ты — не надивлюсь! — довольна, весела.
Иль, может быть, привычка?»
— «Ты ошибаешься: мне столько горя нет, —
Ей та в ответ. —
Но что с тобой, скажи? Ты высохла как спичка.
Знать, городская жизнь различна с полевой!
Здесь царствует покой;
У вас же, думаю, заботы бесконечны. . .
А от забот нельзя не похудеть.
Не гневайся; мы здесь чистосердечны:
Ты так худа, что страшно и смотреть!
Или больна была?» — «Да. . . я недомогала, —
С запинкою вострушка отвечала. —
Но засиделась я, мне время и домой».
— «Да посиди со мной;
Уж тотчас и бежать!» — «Мне, право, недосужно.
Еще в местах двух-трех быть нужно. . .
Я б рада. . .» — «Ну, прости». Простились, обнялись,
Друг друга в рыльце чмок еще, и разошлись.
Неделю погодя, затворница решила
Узнать жите-бытие знакомки городской;
Простившись со своей смиренною норой,
Тихонько поплелась и кой-как дотащи-лась.
Хозяйка вне себя! На шею госте прыг,

Целует, обнимает,
 В любви своей и дружбе уверяет.
 «Садись-ка, гостыюшка, садись, а я вот вмиг
 Попотчую тебя; уж прямо одолжила!
 А я лишь об тебе с друзьями говорила.
 Жалела, милая, жалела всё тебя!
 Ты погребла себя;
 Живешь почти в тюрьме, без всяких наслаждений,
 Без всех увеселений.
 Какая это жизнь! Послушайся меня:
 Оставь поля свои, оставь уединенье!
 Ну, сделай одолжение,
 Переселись к нам,
 Своим друзьям.
 Мы в роскоши живем, нужды совсем не знаем;
 Сыр, сало... словом, всё запасено у нас.
 Веселье ж каждый час!
 И часто в радостях опасность забываем».

— «Опасность? Разве есть?» — «Да... иногда...
 Случается... но редко, не всегда...
 И где, скажи сама, опасности минуешь?
 Но, милая, ведь ты, конечно, здесь ночуешь?
 Я в том уверена... Не время ль нам поесть?
 Изволь сюда подсесть.
 Вот видишь ли: и хлеб, и сыр, и солонина,
 И рыба есть; вот стерлядь, осетрина...
 Всё, всё ты здесь найдешь! Покушай, не чинись».

Но только лишь они за пищу принялись,
 Еще куска не съели,
 Как двери с шумом заскрыпели
 И вдруг в чулан —
 И Ключница и Кот-буян,
 И прямо на Мышей, но Мышки ускользнули.
 Однако же с трудом... насилиу отдохнули!
 Но вот по-прежнему в чулане тишина;
 Кота и Ключницы как будто не бывало.
 Полегче Мышкам стало.
 «Ты, гостыюшка моя, конечно, голодна, —
 Хозяйка говорит. — Не хочешь ли покушать?
 Спокойно, тихо здесь; изволь сама послушать,
 Кота и Ключницы давно в чулане нет».

«Спасибо! — та в ответ. —

Изволь-ка здесь одна с богатством оставаться.

Пусть всё перед тобой!

А я в тюрьму свою хочу скорей обратиться:
Где Ключница и Кот, какой Мышам покой!»

Друзья любезные! согласны ль вы со мною,
Что счастье средь забот не может процветать?
Где нет спокойствия, там счастьем не бывать!
Сдин лишь селянин с невинною душою,
Под мирну сень лесов навек уединясь,
Беседует в глуши с сокровищем бесценным.
О вы, поля мои! мой скромный уголок!
По гроб останусь я вам другом неизменным.
Простите, суеты, и роскошь, и порок;
Простите, хитрости, заботы, обольщенья! . .
О вас ли думать мне в раю уединенья!

(1819)

451. ЦАРЬ И ЕГО ШУТ

У одного восточного Царя
Был умный Шут. Он, правду говоря
Под видом шуточек, последствий не боялся,
И чудом оттого он в той стране считался.
И царь его любил;
В беседе лишь его он отдых находил
От разговоров вздорных
Своих придворных!
К несчастью, умер Шут. Потерею такой
Царь сильно огорчился!
А рой
Придворных веселился.
Один из них, Царя задумав утешать,
Осмелился сказать,
Что шут не заслужил такого огорченья,
Что надобно и всем, как Шуту, умирать,
Без исключения!
«Согласен! — Царь на это отвечал. —
Но смертью его нельзя не огорчиться:
Он истину мне открывал;
А кто из вас на то решится?»

(1819)

452. ВОЛК И ЛИСИЦА

Волк тощий встретился с Лисою.
«Ах, куманек! — Лисица говорит. —
Что сделалось с тобою?
Какой печальный вид!
И как же тощ! Знать, ты, мой друг любезный,
Постился всё, не ел!
А отчего? Робел!
Трусишка! хочешь ли принять совет полезный?
Брось робость, будь отважен, смел!
От этого ведь ты и голоден бываешь,
Что часто верную добычу упускаешь!
Чего робеть!
Увидел лишь ягненка иль барашка...
Ну что смотреть!
Смелее, и тащи! А то, бедняжка,
Боишься пастуха! Что сделает пастух!
Да и при стаде-то всегда ли он бывает?»
— «Ах, кумушка, сердечный друг! —
Так Волк Лисице отвечает. —
Не он меня пугает!
Но... признаюсь:
Собак его боюсь».

(1819)

Ф. Н. Глинка

453. ФИАЛКА И ДУБЫ

В глуши под хворостом, в долине
Фиалка на судьбу задумала роптать:
«За что так счастливы там Дубы на вершине?
Куда им весело на высоте стоять!
Для них и свет открыт, они и к солнцу ближе!
А я! Что может быть моей здесь доли ниже?
Мне, право, жребий мой постыл!..»
Еще не кончила — вдруг страшно бор завыл,
Стемнели небеса и ветры налетели:
В гремящих тучах блеск!

В лесах дремучих треск!
И Дубы гордые, шатаясь, закричали! . .
Фиалка слышала их вопль, их тяжкий стон;
Но слышала вдали и словно как сквозь сон:
Ей буря, в высоте ревуша, не вредила.
Когда ж всё стихло в небесах,
Она увидела, что буря на холмах
Все Дубы с корнем вон и лоском положила. . .
И тут-то распознал неопытный цветок,
Что доля мирная, что тихий уголок
Надежней и верней, чем горды те вершины,
Где часто падают под бурей исполины.

(1816)

454. ДВА РУЧЬЯ

В горах у пропасти шумящей
(Весенней было то порой)
Сошлись два Ручья. Тот вился под горой
Чуть-чуть журча; а тот, клубя волной кипящей,
Шумел и с ревом мчал ток бурный чрез поля.
«Ну, верно, и теперь дрожит еще земля;
И темный лес, и бор, пустыни отдаленны,
Моим величьем изумленны,
С почтеньем вторят шум теченья моего!
Я век был мнения того:
Когда уж течь, так течь! . . А что ручьи ленивы —
Текут и не текут, чуть зыблют лишь волной.
Нет, нет, я не таков: всё в прах передо мной!
Взгляните на поля, на доли, селы, нивы,
Я всё, где только пробежал,
Подрыл, раздвинул, разметал! . .
А ты, товарищ, что?» — сказал Ручей надменный.
«А я, — в ответ ему Ручей смиренный, —
Я был простой лишь ручеек
И в скромных берегах скромнехонько протек:
Кропил зеленый луг, живил златую ниву,
И часто юных роз чету счастливую,
Когда ее губил полдневный зной,
Отпаивал моей волной».
— «Так прочь же от меня, ничтожное творенье!» —

Воскликнул, пеною кипя, гордец.
«Потише, не гордись: *здесь* равный всем конец.
А *там*, где *разница* была у нас в течение,
Там, может быть, о мне со вздохом вспомянут;
Тебя ж, когда твои промчались волны,
Где селы и поля твоим злодейством полны,
Тебя, губитель! там всечасно все клянут!»
Сказал — и волны их смешались,
И оба в бездну погрузились.

Друзья! я кончил мой рассказ.
«А где ж нравоученье?»
Знать, худо рассказал; иначе всяк из вас
Конечно, сделал бы сравненье.

(1817)

455. ПРУД И КАПЛЯ

Заглохший осокой и весь, как паутиной,
Подернутый зеленой тиной,
Дремал ленивый Пруд. В звездах лазурный свод;
Но жалкий он слепец, не видит звезд мерцанья,
Ни ласковой луны приветного сиянья.
И долго было так; но вот
Наскучил он сносить светил пренебрежение
И, потеряв последнее терпенье,
Языком вод заговорил,
И близкую свою соседку он спросил —
Соседку-Капельку, что на листок упала
И ясной звездочкой, качаяся, сверкала:
«Что за счастливица ты, Капелька, у нас?
Так светишь, так блестяшь, ну словно как алмаз!
Тебе и солнце угождает:
Вот, сжавшись всё, в тебе, как в зеркале, сияет!
По солнцу ль зеркало! Я сажень пять в длину,
Да три, а может быть и больше, в ширину;
Однако ж всё во мне не видны горни своды;
И хоть бы раз луна в мои взглянула воды!
Скажи, пожалуйста, любимица светил,
За что же я им так немил?»

А Капелька в ответ: «Давно я это вижу,
Сказала б, да боюсь: я, может быть, обижу?»
— «О нет!» — «Так слушай же; причина тут проста:
Ты засорен, а я чиста!»
(1817)

456. ДИТЯ И ПТИЧКА

Певица-Пеночка, летая в чистом поле,
Вдруг видит сад... «Мне в нем хотелось быть давно!»
Порх, порх — и вот уж там... В сад отперто окно:

Она к окну, в окно — и, ах! в неволе!

Боярское Дитя

В летунью-пашечку то тем, то сем швыряет;
Раз мимо!.. Вот ушиб и, за крыло схватя,

Бедняжку тормошит, таскает.

«Ну Птичка! — говорит. — Ну взвейся, ну запой».

А Птичка глазки вверх, дрожа, век кончит свой.

То видя, чувствует Дитя в душе мученье,

И в слезы, и в тоску, а Няня — поученье:

«Тебе бы пашечку легонько изловить,

Ее беречь, за ней ходить,

Ее кормить, ее поить;

А Птичка стала бы и в зимние морозы

Весь дом наш песенкой весенней веселить.

Теперь уж не помогут слезы,

Всему виною сам:

Ах, снявши голову, не плачь по волосам!»

О басенка моя! туда, туда, к вельможе,

Чтоб счастьем сие испорченно Дитя,

Тебя хоть невзначай прочтя,

Что с бедной птичкою, с людьми не делал то же.

(1819)

457. ПИРАМИДА

М(ихаи)лу К(ириллович)у Г(рибовско)му

Гром грянул, вихри засвистали,

И воздух — молний блеск и мгла!

Трещала гордая скала,

И дубы мощные трескали.

Но грозный стихнул ураган,
Исчезла ночь и мгла седая;
Подруга утра молодая
Румянит в высоте лазури океан...
Опустошения кругом открылись виды:
Там рухнул в волны брег, здесь сломлен ряд дерев...
Везде протекшей бури гнев!
Но радостью чело сияет Пирамиды.
«Скажи, соседushка, что значит твой покой?
Бодра и как ни в чем по буре роковой! —
Соседни Дубы к ней. — Ведь гор сердца стенали,
И треснула скала, и даже мы дрожали,
А ты? .. Ужель мы все слабей тебя одной?
Ты удержалася какой уловкой тайной?
Конечно, гибкостью для нас необычайной?»
— «Ошиблись, я держусь — одною прямизной!»
Честон! гордись, мой друг, что гибкому вельможе
Сказать ты можешь то же!
(1820)

458. КРЕМЕНИ И СТАЛЬ

Кремень подругу сталь благодарил
И говорил:
«Спасибо, милая, лишь ты меня тронула,
Когда полмертвенный я зябнул в тишине,
Вдруг что-то новое родилось во мне,
И искра из меня звездой блеснула...»
— «Напрасно! — отвечала сталь. —
Твое всегда в тебе хранилось:
Огонь и свет в тебя вложила я ль?»
— «Всё так, но если б мы не сблизились с тобою,
Я был бы хладен, как мертвец...»
Вот так и с головой, вот так и для сердец!
Что сталь? Не случай ли, даруемый судьбою?
Ах, сколько б светлых искр в умах
И пылких чувств в застынувших сердцах
Остались навсегда сокрыты далью,
Когда б судьба своей их не коснулась сталью!.,
(1829)

459. РУЧЕЙ И РЕКА

Ручей журчал Реке: «Река! Река!
Зачем шумишь, кипишь? Зачем ты глубока?
С меня пример! — я так, чуть зыблюсь под цветами». —
Ему Река: «Мой друг! есть разница меж нами.
Чуть видимый, как бисерная нить,
Ты, правда, ни цветка, ни травки не тревожишь,
Но уж зато и никогда не можешь
Ни потопить, ни напоить!»

(1830)

А. К. Дурон

460. ГРАНИТНЫЙ УТЕС И МОРЕ

Над бездною морской
Утес гранитный возвышался
И гордою главой
Чуть сводов неба не касался.
Надменно, гордо он взирал
На море, что под ним спокойно протекало.
«Счастливо ты, — утес сказал, —
Что между ребр моих убежище сыскало,
Где вод твоих корабль не тяготит,
Узрев меня вдали, со страхом прочь бежит,
Мое величие и степень уважает;
Где спорить самый ветер с тобою не дерзает!»
Так о могуществе мечтал безумец сей,
Но море скромное молчало
И хвостуну не отвечало.
Вдруг грянул страшный гром, сорвался ветер с цепей,
Ужасна буря заревела,
Пучина, пенясь, закипела,
И гордый сей утес
Рассыпался, исчез!
Что ваш надменный взор, вельможи величавы?
Ударит гром судьбы — и вас уж нет,
И на земле исчезнет след
Величья вашего и славы!

(1818)

461. СВЕЧА И ШИПЦЫ

«Что вашей участи несносней может быть! —
Горящая Свеча Шипцам сказала. —
Вы созданы на то, чтоб мне служить
И всё то исполнять, чего б ни пожелала.
Ну, словом, созданы для прихотей моих!»
Шипцы, которые смиренно
Лежали близ Свечи зажженной,
Ни слова не сказав, приподнялись — и вмиг
Хвостунью Свечку загасили.

О, если б хвастунов
Так завсегда учили,
То, верно бы, они скромнее были
И цену знали бы Шипцов.
(1818)

462. ВОСПОМИНАНИЕ

Поутру в летний день у хижины своей
Сидел расслабленный старик, лишенный зренья,
И о приятностях мечтал минувших дней,
«Ах! за какие прегрешенья
Тебя всевышний наказал? —
Прохожий бедняку сказал. —
Увы! — примолвил он. — Несчастный!
Тебя сей мир не веселит;
Природы красоты ничто не заменит,
А для тебя повсюду мрак ужасный!
И блеск зари на тверди голубой,
И солнца пробужденье,
И луг, цветущий пред тобой,
Тебе не наслажденье;
Такая жизнь — не жизнь, мученье.
По-моему, так лучше умереть,
Чем заживо сидеть перед могилой,
Всю тяжесть бытия терпеть
И ждать конца сей жизни хилой».
— «Мой друг! — старик ему в ответ. —

То правда, что слепцу не красен свет,
Что жизнь ему не может быть отрадой;
Но что он должен ввек снедаем быть досадой,
Что радостей не может он вкушать,
Того со всем своим познанием
И самый мне мудрец не в силах доказать:
Я жить еще могу воспоминаньем».

(1819)

Н. Д. Иванчин-Писарев

463. ТРОЙКА ЛОШАДЕЙ

Стояла тройка у ворот
Коней завидных, борзых, славных;
А кучер, на беду, — как быть! — разинул рот
На маленьких детей забавных,
На сельскую, всегда веселу молодежь,
Болтал с хозяином, зевал и на хозяйку:
Ведь мастера на грех и вправду не найдешь.
В дворе был Конь-шалун, который плеть, нагайку,
Как добрый негодяй, успел уж испытать,
Но всё сие привык издавна презирать.
Сорвавшись с привязи, он к тройке приютился;
Сперва по-своему им скромно поклонился,
Знакомство завели и сделались друзья;
Как раз сочлись родством: старинны кумовья!
Потом мой сорванец, вздохнув раз пять, поболе:
«Как жалки вы, друзья мои!
Вы страждете в неволе
И юны дни свои
Под игом варвара влачите.
Вы сами рассудите:
Не стыдно ль быть Конем,
Быть сильным, гордым и красивым,
И в то же время быть рабом,
Поносным, подлым и трусливым,
Творенья слабого, каков есть человек?
Не слушайте его велений;
Вам счастье предстоит, златой настанет век!

Свобода — дар небес, источник наслаждений!
Свобода...» Он хотел Рейналя им читать,
Однако при гостях боясь, чтоб не побили:
«Прощайте, мне пора, друзья, ложиться спать».
Оратор отошел, а гости расхвалили
Его познания, ум. «Он правду говорил,
Он словно нам глаза открыл!» —
Сказали Лошади; все трое согласились:
«Нет, полно жить чужим умом;
Хоть раз бы мы повеселились!»
Храпнули, бросились, помчали — пыль столбом!
«Свобода — дар небес!» — в восторге повторяли.
Но вдруг пришла река. Что ж? На мост не попали,
А прямо с берегов крутых
В реку так и — бултых!..

Друзья! Ах, если б мы в сей басне не встречались!
Не рвали разума оков
И, дряхлых слушая отцов,
На свежие свои умы не полагались!

(1810)

464. ХОЛСТ

«Что грубо так меня ты мечешь, негодяйка! —
На пряху сельскую однажды крикнул холст. —
Хоть ныне ты моя хозяйка,
Хоть я суров и толст,
Но знаешь ли, к чему назначен providеньем?
Быть дивом, идиолом веков
И наравне стоять с самим Преображеньем». ¹
Велика спесь была, но жребий не таков.
Рафаэлю он не достался;
Простым поденщиком был куплен мой гордец
И на плечах его смиренно истаскался.
Но гордость не прошла. «Лишь навернись купец,
Тогда узнает свет, к чему и холст родится;

¹ Нужно ли упоминать, что здесь говорится о лучшем произведении кисти славного Рафаэля Урбинского.

Не мудрено судьбе однажды ошибиться,
Но дважды... Нет, не может быть!» —
Так мыслит он. Кто мог нам мыслить запретить?
Но вот торгаш с тряпьем... И бисерны сережки
Жену поденщика выводят из ума:
«На них прельстилась бы и барыня сама.
Давай сюда тряпье, все старые ветошки,
Яиц десятка два еще в прибавок к ним!»
— «Меня? Меня бросать с презрением таким! —
Уже изношенный мой холст им восклицает. —
Теперь я докажу, как рок вознаграждает
За опыт горестный! Нет, он меня избрал,
Чтоб я Державина потомству передал».
И кто бы думал? В самом деле
На следующей же неделе
На фабрику мой холст бумажную слетел
И в типографию поспел.
«Авось на мне блеснет хоть Пушкин иль Жуковский!»
Увы, на бедного взвалился Тредьяковский!
Забвенным бы ему на полке простоять
И света божьего вовеки не видать!
Но вот смягчился рок, престало искушенье;
Книгохранилища для счета, украшенья
Он к знатному попал;
И видел я, как он в сафьяне щеголял.
(1819)

465. ПТИЦЫ

Когда Клеантов гимн гремел среди природы,
Тогда пернатые народы,
Казалось мудрецу, сливая общий хор,
Несли его хвалу на холм, в долины, бор
И пению его с восторгом соплескали.
Конечно, он не знал, что птицы песнь его
Тогда насмешливо пересужали.
«Коль свиста не дано Клеанту моего,
Зачем же он поет, зачем же он срамится?» —
Был голос звонкий соловья.
По мнению же воробья,
Клеанту надлежит учиться

Чирикать так, как он; по мнению же кур,
Кудахтать, как они. . . Пошла такая ломка
У стаи умных птиц и дур,
Что как ни пел Клеант и хорошо и громко,
Но скоро тише — и замолк.
Таков-то птичий толк!

Не избежал и ты воздушных щебетаний,
Падения римлян вину открывший нам!
Великий человек! Среди забот, стараний
Ты нес сокровища в наследие векам.
Страницы мудрые о разуме законов,
Сии светила хижин, тронов,
О критика! могли б и гений охранить,
И острия твоих *булавок* притупить! ¹
Кто пишет для большого света,
Тот пишет и для стаи птиц,
И участь автора-поэта
Терпеть разбор людей-синиц. . .
А я, пустынный незаметный,
Не свету нравиться рожден;
Жду друга похвалы приветной
И ею прямо награжден.

(1819)

466. ГЕРОЙ И КИПАРИС

Не помню, Кесарь иль Помпей,
А только важный чудодей,
Ходя по рощице, изволил любоваться
Красивым лавром, говоря:
«Не знаю, право, я,
Какое дерево с ним может поравняться!
Не только гордостью иль веток красотой,
Он здесь заметней всех и силою самой.
Смотрите, лишь сучком аллой иль мирту тронет,
Их разом и наклонит!

¹ A-t-on de la force et de la vie? on vous l'ôte à coups d'épingles. — Montesquieu. (Есть у тебя жизненная сила? Тебя ее лишат булаво-чны-ми уколами. Монтескье (франц.). — *Ред.*)

От тяжести его Ахилл поник головой,
А Македонские под ним едва ходили!
Гордись, могущий лавр, гордись!»
— «Он силен! — шепчет кипарис. —
Венки его меня к могилам придавили».

О слава! И тебе придется умирать!
Гиганты гордые! Ветр дунет — вы во прахе!
И времени крыло не разберет в размахе
Вельможу с Лазарем: всех в землю зарывать.

(1819)

П. А. Вяземский

467. ГУСЬ И ЗМЕЯ

«Ну был ли кто когда
Щедрее наделен меня рукой природы? —
Кричал спесивый Гусь на берегу пруда. —
Покорны и земля, и воздух мне, и воды,
Всё делаю, что б я ни захотел;
Препятствий нет моей непостоянной воле!
Наскучил плавать? Полетел.
Наскучилось летать? Прогуливаюсь в поле».
— «К чему изволишь, Гусь, так величать себя? —
С насмешкой хвастуну Змея,
Подкравшись, просвистала. —
Оленьего, мой друг, в тебе проворства нет,
С полетом сокола не равен твой полет;
А шука о тебе на дне и не слыхала!
Итак, советую смиренхонько сидеть.
И милости твоей я доложу: не трудно
На всё кидаться безрассудно,
Но трудно в чем-нибудь успеть».

Поэт! Нет-нет! Рифмач! Наш трагик, наш сатирик,
Наш баснослов, наш лирик,
Назвать тебя остерегусь,
Но на ухо тебе шепну: ты тот же Гусь!

(1815)

468. ДОВЕДЬ

Попавшись в доведи на шашечной доске,
Зазналась шашка пред другими,
Забыв, что из одной она и кости с ними
И на одном сработана станке.
Игрок по прихоти сменил ее другою
И продолжал игру, не думая о ней.
При счастье чванство впрок бывает у людей.
Но что, скажите, в нем, как счастье к нам спиною?
О, доведи-временщики!
На шахматном паркете
Не забывайте, что на свете
Игрушки царской вы руки!
(1817)

469. СТОЛ И РЕПА

Кичлива Репища сидела на столе,
Как будто сосна на земле,
И, ослабляя рыло
И возвеличившись, Столу так говорила:
«Послушай, Стол,
По милости моей ты стал теперь престол;
Сойду, так будешь пешкой».
А Стол ей отвечал с усмешкой:
«В тебе от гордости дух сперт;
Пожалуйста, ты не бочись, как Ферт:
Как скушают тебя, так подадут десерт».
Так думает гордец надутый,
Что общества он честь и витязь пресловутый,
1817

470. СОБАКА

Легавая в болоте
Увязла на охоте
И думает себе: «Ну, если б здесь был мост,
Я прямо пробежала

И со стыдом бы здесь в грязи не утопала,
Не грызли б мне лягушки хвост». —
Хоть у собаки ум и прост,
Но в этом случае не так-то глупо судит.
Вдруг издали плывет бревно.

Одно

Оно

Надежду на душе Легавой будит.
Великий аргумент: авось.
И говорит себе Легавая: «Небось».
Приблизилась к бревну и вот уж поравнялась;
Собака кое-как уж на него взобралась
И села попросту верхом.

Потом

Собака сделалась гребцом:
Гребет, гребет не веслами, ногами,
И не поет, как вечерами
Поют матросы на Неве
Иль матушке Москве,
А просто лает,
Но к берегу, однак, счастливо приплывает.
Учитель лучший нам нужна.

Приди беда:

И всякая собака —
Не хуже Телемака.

1817

471. ДВА ЧИЖА

«О чем так тужишь ты? — чиж говорил чижу. —
Здесь в клетке во сто раз приятней жить, чем в поле».
— «Так, — молвил тот, — тебе, рожденному в неволе.
Но я — я волю знал, и я о ней тужу».

(1819)

472. ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк вздумал добрым и смиренным быть.
Злодеям мудрено любить, —
Не спорю, но прошу прослушать
С терпеньем мой рассказ.

Каким-то случаем, в какой-то добрый час
Привыкший Волк овец, ягнят невинных кушать
Задумался и говорит:

«Кому не сделал я обид?

Я — общий враг, меня за дело проклинают;

Все гибели моей желают:

Псари, собаки, пастухи.

Давно за тяжкие грехи

Изгнали нас из Альбиона.

Жизнь волчья — сущий ад. Не лучше ль наконец

Муравку мне щипать и не душить овец?

Утешно ль быть виной несчастья и стона?» —

Сказал смиренник наш, и видит пастухов,

Сидящих вокруг огня под рослыми дубами.

Волк тихими шагами

Подходит. Ужин был готов.

Барашек жареный, растерзанный на части,

Приятной пищею хозяевам служил.

«И у людей такие ж страсти! —

Прожора закричал. — Напрасно я грустил;

Напрасно в постники хотел я записаться;

Стад караульщики изволят забавляться

Не хуже нас, волков.

К чему мне быть смирей и лучше пастухов?

Овечки милые! я с вами расставаться

Теперь, поверьте мне, не буду никогда.

Прошу пожаловать сюда!»

Волк прав, и, несмотря на все людские толки,

Мы точно те же волки.

(1821)

473. ПАСТУХ И ОВЦА

Пастух стриг шерсть с Овцы и говорил ей так:

«Ну, может ли меня отец нежнее быть к дочке?

День целый от тебя не отхожу на шаг;

Признайся, что на свет ты родилась в сорочке!

Кормлю тебя, пою, от Волка берегу,

А подрастет ли шерсть, всё я ж тебя стригу».

— «Чем мне воздать тебе, о добрый пастырь
стада? —
Под острием Овца смиренно говорит. —
За все твои труды Зевес тебе награда.
А из чего, позволь спросить, тулуп твой сшит?»
(1821)

474. ЮПИТЕР, ФЕБ И МОМ

Давно у нас пословица твердится,
Что дело мастера боится.
Я басенкой хочу напомнить вам о том.
Отец всех стиходеев в свете,
Кудрявый Феб слывет в божественном совете
Отличнейшим из всех богов певцом.
Но как-то Зевс, с рождения хвастливый,
Однажды вздумал горделиво,
Что лучше он споет, — и вызвал Феба в бой.
«Увидим, — он сказал, — над чьей главой
счастливой
Возвысится венец!» Мом избран судьей
И, выслушав их терпеливо,
Короткий суд дает:
«Пуškai Зевес гремит, а Аполлон поет!»
Смысл басни справедлив, и вопреки — ни слова;
Но, посмеявшись, друзья, на Зевсов счет,
Не представляю ль вам Зевеса я другого,
Пускаясь в мастерство Крылова?
1822

475. КАЛИФ И ДЕРВИШ

Восточный аполог

Однажды утренней порой
Калиф роскошный и надменный,
Толпою всадников отовсюду окруженный,
На колеснице золотой
Скакал в окрестности из пышного Багдада;
Там зрелся древний храм, там падшая ограда,
Там груда камней вкруг разбросанных лежит,
И с сребровидными власами,

С челом нахмуренным, с поникшими очами,
Между обломками столетний муж сидит.
Калиф лишь бросил взор — и далее помчался. —

Встречаем всюду с торжеством,
Он мнил на свете быть не смертным — божеством!
И вечером уже в Багдад свой возвращался.
И видит тот же храм, и тот же старец был,
И так же старец сей свой мрачный вид хранил.
Калиф, сим зрелищем невольно изумленный,
Свой путь остановил.

«Зачем, скажи, ты здесь? — он старца спросил. —
Один, в безмолвии, и думой отягченный? ..

Но что я зрю? В руках своих
Ты держишь череп — образ тленья!»
— «Так, он, — сей старец рек, — причина

размышленья
И горестный предмет столь мрачных дум моих!
Я здесь его нашел и угадать стараюсь,
Чей был он: дервиша ль иль первого в царях?
Гляжу... В догадках лишь теряюсь...
Не узнаю никак... Один ничтожный прах!»
Калиф в молчании от старца удалился,
И после, так как слух носился,
Он верил иногда, влача в шуму свой век,
Что он, хотя калиф, однако ж человек.

(1823)

476. ЯЗЫК И ЗУБЫ

Восточный аполог

Один Султан пенял седому Визирю,
Что твердой стойкости он не имел во нраве.
«За недостаток сей судьбу благодарю!
Им удержался я и в почести и в славе, —
Сказал Визирь ему, — и при дворе твоём
Средь частых перемен он был моим щитом.
Мне шестьдесят пять лет, — прибавил он

с улыбкой, —

Из твердых тех зубов, которые имел,
Ты видишь — редкий уцелел.
Но все их пережил один язык мой гибкий».

(1823)

477. МОЛОТОК И ГВОЗДЬ

«По милости твоей я весь насквозь расколот, —
Кирпич пенял Гвоздю, — за что такая злость?»
— «За то, что в голову меня колотит Молот», —
Сказал с досадой Гвоздь.

(1823)

478. КРЫЛОВСКАЯ ХАВРОНЬЯ

Свинья в театр когда-то затесалась
И хрюкает себе: кому хвалу,
Кому хулу.
Не за свое взялась, Хавронья, ты зазналась.
Театр не по тебе: ты знай свой задний двор,
Где, не жалея рыла,
Ты с наслаждением перерыла
Навоз и сор.
Какой ты знаешь толк в искусстве, в песнопеньях?
Ушам твоим понять их не дано.
В твоих заметках и сужденьях
И брань и похвала — всё хрюканье одно.
В роскошный тот цветник, где в изобилии милом
По вкусам и глазам разбросаны цветы,
Незванная, с своим поганым рылом
Не суйся ты.
И в розе прелесть есть, и прелесть есть в лилее:
Та яркостью берет, а эта — чистотой.
Соперницы ль они? Одна ль другой милее?
Нет нужды! Радуйтесь и тою и другой.
Но мой совет цветам: гнать от себя Хавронью
И хрюканьем ее себя не обольщать;
Она лишь может их обдать своею вонью
И грязною своей щетиной замарать.

(1845)

479. ТЫКВА И ЖЕЛУДЬ

Не нам судить о том, что создал наш творец;

Мы все — и глупый, и мудрец —

Должны его за всё благодарить и славить;

А как что создано и на какой конец,

О том излишние суждения оставить.

Наш суд нередко крив. Я это докажу,

Когда вам басенку о тыкве расскажу.

В саду, близ дуба, тыкв насеял огородник,

И тыквы у него прекрупные растут.

Однажды, сидя тут,

Пустился старый греховодник

О божиих делах нелепо рассуждать:

«Ну, право, трудно отгадать,

К чему творцу угодно было,

Чтоб это дерево нам желуди родило,

А тыквы ко траве негодной привязать!

Меж нами-то сказать,

Не догадался бог меня в совет позвать;

Уж люди ахнули б — ай, Гур! — да поглядели!

Орехи, желуди, стеляся у земли,

В траве б росли,

А тыквы б на дубу висели,

И были бы крупней, и раньше бы созрели.

Пускай толкуют нам попы, что белый свет

Есть подлинное чудо;

Я сколько ни сужу, да нет,

Иное, право, худо!»

В таких суждениях нашел на Гура сон,

И, к дубу прислонясь, вздремал немного он;

Качается, ну так, что любо!

Вдруг ветер посильней подул,

И градом желуди посыпались с дуба.

Один тут Гура в нос щелкнул.

Вскочил бедняжка, испугался!

Кровь из носу ручьем лилась,

А желудь в бороде завяз.

«В дупло, Сова! в дупло! вот солнышко взойдет!»
Чтоб наглых болтунов заставить вмиг уняться,
Лишь стоит славному со блеском показаться.

(1819)

482. СТЕКЛО И АЛМАЗ

С Алмазом как-то на столе
Стекло граненое лежало;
Хотя презренью быть не место бы в Стекле,
Но камнем дорогим Стекло пренебрегало.
Звучит ему: «Ах, как ты мал!
Передо мною ты не больше как пылинка
Иль малая песчинка.
Напрасно ты, дружок, со мною рядом стал;
Тебя невольно я от взоров заслоняю
И свету на тебя блеснуть не допускаю;
Лежишь, невидимый, впотьмах,
Тогда как я сияю
В бесчисленных огнях.
Смотри: наперерыв себя изображают
Предметы разные на гладкости моей,
И радуги во мне играют
От ярких солнечных лучей,
А ты. . .» — «Постой, Стекло! и перестань гордиться,
Позволь и мне немного похвалиться, —
Стеклу в ответ Алмаз сказал. —
Я мал,
Однако ж и во тьме, как ясный день, блистаю;
Я тверд и прочностью своей не уступаю
На свете вещи ни одной.
Сперва изведай, как ты прочно,
Потом гордись передо мной!»
В то время, как нарочно,
Хозяйка, подойдя к столу,
Хотела взять Алмаз — рукою повернула,
Стекло нечаянно толкнула —
И бедное Стекло уж с пылью на полу,
Разбито вдребезги, не то, что прежде было!
Одно движение руки сей спор решило.

(1819)

483. РОЗА И ДИКАЯ РОМАШКА

А. Н. Велланской

Велланская, любимица Парнаса
И чтительница муз!
Не столько вкус тебе приятен ананаса,
Не столько нравится арбуз,
В царицынских полях взращенный,
Сколь сладки для тебя певцов согласны тоны,
В литературе ты имеешь тонкий вкус.
Не столь прельщаешься на шляпке ты цветами,
Сколь умной прозою и легкими стихами!
Вот басенка моих трудов.
Но знай, не Дмитриев — Маслович, не Крылов;
Далек искусством я от славных сих певцов,
Которые твой ум и сердце занимают,
Подчас развеселить, подчас разнежить знают.
Пигмею можно ли Алкидам вслед идти?
Но все-таки мою ты басенку прочти.

Ромашка дикая однажды на рассвете
На Розу в полном цвете
Смотрела пристально и так сказала ей:
«Ты, Роза, запахом прельщаешь всех людей,
Твой вид любезен всем, твоя завидна доля!..»
— «Ромашка! не грешно ль тебе
Моей завидовать судьбе?
Во всем богов есть воля!
Поверь, нам Флора всем равно
Свои щедроты ниспослала
И каждому цветку богиней то дано,
Что нужным дать она считала.
Меня царицей вашей чтут,
Меня прекрасно зовут,
А, может быть, сию минуту
Увидим в цветнике Аниоту:
Ты будешь жить — меня сорвут,
И я до вечера увяну,
И больше возбуждать в вас зависти не стану».

(1814)

484. КУКУШКА И СКВОРЕЦ

Кукушка некогда спросила у Скворца:
«Что говорят про Соловья-певца?»
— «Любителям давно известно,
Что он поет прелестно».
— «А о Чиже как идет толк?»
— «Жалеют, что умолк».
— «Неужели? — Кукушка отвечала. —
Я бы весьма обязана вам стала,
Когда б... Нельзя ли мне открыть...
Что слышно обо мне, позвольте вас спросить?
Признаться вам, и я певала,
И на Парнас не раз летала.
— «Об вас, сударыня? Но я боюсь сказать...»
— «Не бойтесь; ну что же-с, что же-с?»
— «О ваших песенках всё что-то непригоже-с
Изволят толковать».
— «Добро ж, когда такие люди стали,
Мои все песни освистали
И не хотят меня хвалить,
Так всех поставлю ни в полушку
И буду о себе сама я говорить».
Есть много авторов, похожих на Кукушку.
(1814)

485. ДУБ И ТРОСТЬ

«Нет, не поддамся я Борею!» — Дуб кричал;
А Трость с молчанием пред ветром бьет поклоны.
Зато она стоит, а гордый Дуб упал.
Дарю вам эту баснь, о молодые жены!
А вашим муженькам я дам совет другой:
Когда в супружестве хотите быть счастливы,
Не будьте грубы вы, не будьте вы строптивы,
Иль так сказать — брюзгой!

Между 1814 и 1817

486. ДУБ И СВИНЬЯ

И Свиньи не всегда так хрюкают, как свиньи,
А говорят они подчас и по-латыни.

Легко я это докажу,
Коль анекдот один про Свинью расскажу.
Свинья задумала однажды проходиться

И прямо в лес идет;

И думает — авось ей там случится

Наполнить свой живот.

И не напрасно так Хавронья полагала:

Лишь только в лес она вошла,

Под Дубом желуди нашла

И с аппетитом кушать стала.

Досадно Дубу, что его

Свинья плод славный пожирает,

А благодарности не знает.

«Не стоишь ты вниманья моего, —

Так наконец он к ней вещает, —

О грубая и глупая Свинья!

Ты милостей моих ничуть не понимаешь, —

За вкусный плод, который ты съедаешь,

Не смотришь даже на меня».

— «Я б вашей преподобной чести, —

Так говорит Свинья в ответ, —

Отвесила б поклонов двести

За вкусный ваш обед,

Когда бы ведала я точно,

Что вы бросаете мне желуди нарочно».

(1816)

487. КОНЬ БАРСКИЙ И КЛЯЧА

Увидя барский Конь Клячку за сохою,
Запрыгал и заржал, качая головою;

Потом, приняв надменный вид,

Пред Клячей стал бодриться

И начал говорить:

«Клячка, можешь ли ты этак умудриться,
Чтобы подобно мне так ловко танцевать?»

— «Молчи и не мешай пахать, —
Смиренно Кляча отвечала. —
Не будь на свете нас,
Тогда у вас
Охота бы плясать пропала».

И между нами есть премного сих Коней,
Что взыскивают всё с подвластных им людей,
Гордятся перед ними;
А только и живут крестьянами своими.

(1816)

488. ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб не хотел смириться пред Австером,
Но Трость отвесила ему земной поклон.
Зато она растет, Дуб вырван с корнем вон.
Пусть будет эта Трость вам, женщины, примером.

1823 или 1824

489. ЗОЛОТО

О, как неблагодарен свет!
Я всем благотворю, меня же все ругают.
Кричат, что Золото причиной зла и бед!
А дело в том: меня не так употребляют.

1824 или 1825

490. ПЛОТИНА И ПОТОК

«Зачем протекаешь с журчаньем долину? —
Сказала Плотина Поток. — Позволь
Для пользы твоей же сдержатъ мне стремнину».
Поток есть народ, а Плотина — король.

1824 или 1825

А. Д. Илличевский

491. ЗЕРКАЛО И ВОДА

Прозрачностью перед Водюю
Гордилось Зеркало. Вода ему в ответ:
«Ты пятна всякие в сравнении со мною
Яснее кажешь, спора нет;
Но вывести не выведешь, я знаю;
А я кажу слабей, но их зато смываю».

Не сходны ль в этом меж собой:
Сатира — с Зеркалом, а критика — с Водой?
(1820)

492. МЕЧ И ПЛУГ

Меч гордый, встретившись с Сохой крестьянской в поле:
«Жалею о твоей, — сказал, — безвестной доле;
Ты роешься в пыли — я молнией ражу,
Делю вселенную, в страх царства привожу». —
Смирренная в ответ: «Пусть мой удел — безвестный:
Не славной быть хочу, стараюсь быть полезной».
(1820)

493. ЧАЙ И ШАЛФЕЙ

Из Кяхты едучи большим обозом, Чай
В дороге встретился с Шалфеем невзначай.
«Куда?» — Шалфей спросил. «В Европу». — «Это дело:
Богатства ждут тебя на нашей стороне».
— «А ты куда?» — «В Китай». — «Ты к нам? Ступай же
смело:
Там многие тебя предпочитают мне».
Пророком трудно быть в отеческой стране.
(1821)

494. КАМЕНЩИК И ПЛОТНИК

Клал стену Каменщик, ушибся кирпичом:
«То ль дело Плотнику — знай только стружит доску».
Сруб Плотник выводил — порежься топором:
«То ль дело Каменщик — знай месит лишь известку».

Мы любим, менее иль боле,
Всё видеть, как ни мудрено,
Одно худое — в нашей доле,
В чужой — хорошее одно.

(1827)

495. КОРШУН И ГОЛУБЬ

Злой Коршун Голубя клевал
И приговаривал: «Негодный!
Вы все мои враги по злости, вам природной.
Вот я тебя поймал:
Есть боги-мстители!» — «О если б!» — Голубочек,
Чуть жив, проворковал.
«О если бы? Так ты еще, дружочек,
Безбожник! Не прошу ж; вперед богов ты знай:
Умри и на себя пеняй».

(1827)

496. ПЕНЬКА И ВЕРЕВКА

Пенька веревке говорила:
«Стыдись! На то ли я на свет тебя пустила,
Чтоб вешать на тебе людей?»
— «Меня же, матушка, на помощь им бросают,
Когда их из воды спасают», —
Веревка отвечала ей.

Виной добра и зла все вещи могут быть:
Всё в том, как их употребить.

(1827)

497. ДВЕ УЛИТКИ

В урочный час отлива
На голом берегу приморского залива
В день жаркий, летнею порой,
Улитке молодой
Остаться в первый раз случилось.

Светлей

И веселей

На свежем воздухе сперва казалось ей;
А там, как солнышко пригрело потеплей,
И невзлюбилось.

«Нет! — всплакалась она. — Здесь с жару пропадай!
Подумаешь, в воде — ну то ли дело? Рай!

Купайся знай.

Да чем пособишь горю?

Дай, попытаюсь-ка; авось, нельзя ли к морю».
И ну, сердечная, с усилием и трудом

На плеча поднимать свой дом.

Улитка старая, терпя с ней участь ту же,

Не трогаясь, сидела в луже;

Но, сжалившись над нею вчуже:

«Соседка! — говорит. — Куда, нельзя ль узнать?

И далеко ли?»

— «Да к морю, тетушка». — «Ах, милая! легко ли?
Ведь море отлилось, что глазом не видать.

Подумай, как решиться?

С умом ли ты, мой свет?

Ползком и с ношею тебе и в десять лет

Не дотащиться!

Судьба у нас одна. Послушай же, чем биться

Без толку и по пустякам,

Дай срок, сама вода не возвратится ль к нам?

Скрепися так, как я, будь, друг мой, терпелива

И подожди прилива».

Подчас и людям я совет улитки дам:

Жизнь наша то же море;

Всяк — больше ль, меньше ль — несчастлив;

Но злу положен срок: отлив — несчастье, горе,

А счастье — прилив.

(1827)

498. ДВЕ МЫШИ

Лишь только в доме ночь сменила шум дневной
И улеглося всё от погребов до крыши,

Из келеек подполицы родной

Пустилися на промысел две мыши.

Одна, постарее, поживу вмиг нашла,
Кусочек лакомый. Но где она была?

Да на беду воровке —

В мышеловке!

Как щелкнула доска,

Узнала мышь, куда попалась: плохи шутки,

Сидеть в неволе сутки.

А там что? Страх сказать! Уж ей не до куска,

Ей только б вон. Да как освободиться?

За все проказы вдруг пришлось поплатиться!

На грех такой

Случилось прибежать и мыши молодой.

Сквозь проволочную решетку

Пронюхав сестрину находку,

Туда же поскорей

Хотелось б и ей;

Да к счастью глупенькой, чего она не знает,

Не ловит дважды западня.

Она сестре: «Пусти меня!»

Сестра молчит; ловушка не пускает.

С досады тут мышонок мой

Давай подругу звать и жадной и скупой.

Пищит ей: «Хороша! Не хочешь поделиться.

Извоила — не стыдно ль? — затвориться,

Чтоб скушать всё одной».

И у людей бывает страсть

Напрашиваться на напасть;

Когда же им не потакают,

Они же вас за то ругают.

(1832)

499. ЗВЕРИНОЕ УЧИЛИЩЕ

Желая царь зверей открыть в лесной державе
Для подданных своих путь к счастью и славе,
 Наук училище завел,
 Иль просто школу,
Где принят всякий зверь мог быть по произволу,
Хотя бы в том числе случился и Осел.
 Такого в силу уложения
Пустились все почти в дорогу просвещения;
 Однако из того
Полезного, скажу, не вышло ничего.
 Со всем своим ученым толком
 Волк всё остался хищным Волком;
Медведь по-прежнему имел угрюмый вид,
И так же всё, как был, и нравен и сердит;
Лукавая Лиса еще хитрее стала,
И кур и пташечек проворнее хватала;
 Баран же и Козел
Не сделались умней, равно как и Осел.

Познания одни, без правил воспитания,
Не могут вредных свойств нисколько истребить,
 Ниже тому полезны быть,
 В ком нет ума и дарованья.

(1821)

500. ГЕЛИКОНСКИЕ ЖУКИ

Увидя Жу́ков Бобр премножество повсюду,
 «Ну, кумушка! быть худу, —
 Лисе сказал. —
Бывают, спору нет, на свете и уроды;
 Но толь чудесныя породы
В таком большом числе я Жуков не встречал.
 Да как же все они надменны
 И честолюбьем зараженны,

Что вечную войну ведут между собой
И славятся везде рассудка остротой!
Не ведая, кума, их имени и роду,

Пожалуй, объясни

Вину их множества, равно и кто они,
И отчего у всех вошли в большую моду?»
Лиса ему на то: «Ах, милый кум и сват!
Ужель ты не узнал тех Жуков Геликона,
Что свету обо всем в изданиях жужжат,

Друг с другом ссорятся и мнят

Умнее даже быть и муз и Аполлона?

И потому-то, кум, они теперь у нас,
Как новочудное творение в природе,

Находятся в чести и моде.

А что нет счету им, тому виной Пегас,

Который, много лет хромая,

Столь удобрения для всей горы припас,

В покое, неге пребывая,

Что славный Геликон с избытком этот плод

Приносит свету всякий год.

И у людей не все издатели с Парнаса,

А также водятся и из хлева Пегаса.

(1821)

501. СЛОН И СУРОК

Увидя Слон Сурка,

«Послушай, — говорит ему, гордясь собою, —

Заметив ты меня еще издалека,

Конечно, встретиться воображал с горою?

Не правда ли, Сурок, что малый рост ты свой

Охотно б променял на мой,

Когда б в твоей то было воле?»

Сурок на то ему в ответ:

«Ах, нет!

Завидовать твоей я и не думал доле.

И кто счастливее из нас,

Наверное сказать невозможно:

Я, например, споткнусь — и на ногах тотчас;
А ведь тебе, Слону, ступить неосторожно —
 Не прогневись — беда!..
Не скоро на ноги поднимешься тогда».

И падшему вельможе
Подняться вновь — трудненько тоже.

(1821)

502. ИСТУКАН

Не славной отрасли потомок,
 А попросту сказать —
Недальнего ума богач, попавшись в знать
И только в мире быв одним богатством громок,
 Желал чрезмерно быть и он
В историю мужей великих помещен.
 А как не постигал надменный,
Что добродетель нас к бессмертию ведет,
То рассудил не храм, наукам посвященный,
И не пристанище для бедных и сирот,
 Но ярко позлащенный,
 Из меди весь литой
Потомству и векам воздвигнуть образ свой.
 Гордясь таким изображеньем,
 А более всего
 Сиянием его,
И вправду думал быть он света украшеньем
И в памяти людей остаться навсегда.
И что же? Не шутя всю честь себе тогда
И славу приобрел своим он истуканом:
Народ, который тут толпился и зевал,
Уж не простым его, как прежде, величал,
 Но золотым болваном.

(1825)

503. ЧЕРЕПАХА

Раз Черепаха Льву прошение вручила:
Она о месте Льва просила.
«В какой же должности желаешь ты служить?» —
Спросила у нее Собака.
«Я, — отвечала Черепаха, —
Хотела б скороходом быть».
— «Ну можно ли? — Собака возразила. —
Сама бы по себе ты прежде рассудила:
Ну как тебе в том званье быть?
Ты ползаешь, а надобно ходить!
Ты по-пустому Льва просила».
— «Так, видно, ты при знатных не служила? —
От Черепахи был ответ. —
Не по способности ведь судит ныне свет;
Лишь дал бы бог определиться!
Довольны будут здесь услугою моей».
И что ж? Искательством друзей
Дано то место ей!
И ею не могли довольно нахвалиться.
(1827)

504. МЕДВЕДЬ

Медведь Львом сделан был судьей.
Спустя немного дней
Вот Волк его по дружбе навещает.
«Что, брат, — у Миши он спросил, —
Когда проситель к вам смиренно прибегает
И даст медку — возьмешь?» Ответ Медведя был:
«О, нет! Лев очень строг; я свято чту уставы.
Но с медом он пускай идет к моей жене;
Она возьмет, и мне
На лапу попадет, а будем — оба правы!»

Таких судей
Немало встарь бывало у людей.
(1828)

505. СОЧИНИТЕЛЬ И ПЕРО

«Несносное перо!» — вскричал, сердясь, Поэт,
И, изломав, его он кинул.
«Меня ты не вини, — Перо ему в ответ. —
Кто виноват, что смысл тебя покинул?»

(1828)

506. СИНИЦА В КЛЕТКЕ

Синицу в клетку посадили,
Насыпали семян и говорили:
«Теперь не знай забот, живи да песни пой».
Но клетка не светлица!
С неделю прожила и умерла певича.
Не льститеся, друзья, неволей золотой!
Есть лучше хлеб с водой,
Но свой.

(1836)

507. ФИАЛКА

Весной
В густом лесу между травой,
Как бы таясь, Фиалка расцветала.
Но можно ли цветку между травой расти?
Трава, расширясь вокруг, ни места не давала,
Ни солнечных лучей к цветку не допускала.
Фиалка не могла обид перенести!
Час от часу ослабевала,
И скоро, бедную, постигнул жребий злой!
Склонясь головкою на стебелечек свой,
Она, не распустясь, увяла.

Примолвлю я вдобавок к басне сей:
Как дарования велики ни бывают,
Но если их не ободряют —
Погибнут на заре своей!

(1836)

508. НОЖИ

Пахом купил ножи:
На взгляд — отлично хороши!
Их подали к столу; он начал резать ими:
О, мой творец! не накажи
Такими же тупыми.
Пахом до усталости измучился над ними;
Пот градом льет,
А проку всё-то нет.
Кусочка он не мог отрезать ими.
В тупых ножах какой уж прок?

Вам, господа, написан сей урок!
Вы ищете себе людей во услуженье,
Одетых щегольски, с пригоженьким лицом;
Не обращаете внимания притом
На нравы их, на поведенье
И с основательным иль нет они умом...
А после мучитесь с ними,
Как наш Пахом с ножами столь тупыми.

(1836)

Е. И. Алипанов

509. ПАСТУХ И ВОЛЧОНОК

У Пастуха была плохая собачонка,
А стадо надобно уметь оберегать;
Другого сторожа Пастух придумал взять:
Поймал в лесу Волчонка,
Воспитывать при стаде стал;
Лелеял да ласкал,
Почти из рук не выпускал.
Волчонок пободрел. Пастух с ним забавлялся,
И, глядя на него, не раз он улыбался
И приговаривал: «Расти, Волчок, крепись.
Защитника себе ягнятки дождались!
Не даст он никому моей овечки скушать».

Как видно, наш Пастух
К пословицам был глух;
А надо бы ему прислушать:
Кормленный Волк не то, что пес;
Корми, а он глядит всё в лес.
Волчонок к осени порядочным стал Волком;
Отцовский промысел в уме своем держал
Да случай выбирал.
Надеясь на него, Пастух позадремал;
А сторож задушил овечек тихомолком
Да был таков.
Опасно — выбирать в Собаки из Волков!
(1831)

510. МЕЛЬНИЦА

Дед-мельник посильней пустил в колеса воду
И, жерновам прибавя ходу,
Пошел поспать домой,
А внук на мельнице остался;
Он был детина молодой
И за помол еще не брался,
А потому не знал он, отчего
Вертелись жернова в глазах его.
К тому же молодца немало удивило:
С чего-то колесо заржало вдруг, завывало,
Ну так, что малого чуть-чуть не оглушило.
В испуге он остолбенел!
Приходит дед: на жернов посмотрел,
Помазал колесо, и скрип стал тише, тише;
Затих. Тут дед сказал: «Смотри же:
Помажешь колесо — и в свой черед
Оно охотнее пойдет,
Тебе в работе помогая;
Труды же скупко награждая,
Услышишь ропот, вой,
Как скрип колесовой».
(1831)

511. СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

За пляску нежилась Фиделька у господ;
Барбос, хранящий двор, прикован у ворот,
А потчуют его костями лишь на стуже.

Вот правда светская: полезному — жизнь хуже!
(1832)

512. ЗОНТИК

Валялся зонтик. С красным днем
Забыта вся его бывалая услуга.
Пошло ненастье, дождь — тут вспомнили о нем.

Приди беда, найдем оставленного друга!
(1832)

513. ЗАЖИГАТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО

Простое белое стекло
В знакомство с солнышком вступило
И от лучей его огонь произвело.

Счастливец тот, кого ученье просветило!
(1831)

514. СКВОРЕЦ

Застигнутый в лесу ненастьем и грозой
Скворец летал и утомился,
И Ястреб уж над ним издалика кружился,
Но благотворною он был спасен рукой:
Шел мимо птицелов и взял Скворца с собой.
Спокойней Скворушка; есть домик теплый, сытный,
И вместе с домиком — к вельможе он попал;
Вельможа тот был адмирал,
И в бурю кораблем России управлял,
Был столько ж добр душой, как саном знаменитый.
Отвел Скворцу решетчатый приют,
И Скворушку теперь лелеют, берегут;

Лишь только он проснется,
То зернышки к нему летят,
И свежая водица льется,
И с лаской на него глядят;
Укрыт от бури и погоды,
От хищных ястреба когтей,
И в доле счастливой своей
Поет, как на лугу в дни радостной свободы.
Случилось раз, что земледел
К вельможе в дом пришел;
И смотрит он, как Скворушке в отраду
Манили птичку на прохладу.
Из клетки в водоем Скворец перелетел,
Расправил крылья, разыгрался
И, веселясь, в воде плескался.
Прохлада Скворушке мила!
Вельможа, видя то, душою утешался;
Крестьянин так же восхищался:
Приятно и смотреть на добрые дела!
Но Скворушка уже на воле.
Что ж, не летит ли в чисто поле?
Нет, — вспомня свой уютный дом,
Он в клеточку летит с веселою душою,
Чтоб благодетеля потешить голоском.
Живи, Скворец, и старцу пой зимою;
Напоминай ему о сделанном добре
И весели его при вечера заре.

Во всякой счастлив тот поре,
На помощь к ближнему простерта чья десница;
А к благодетелю признательна и птица.
(1831)

515. СВИНЬЯ В ОГОРОДЕ

Сибирская свинья безвестною жила
На винокуренном заводе;
Безвестно жить и у людей не в моде,
Так в знать войти неряхе мысль пришла
И счастья искать на это в огороде.

Как видно, подстрекнул Хавронью бес,
 Иль, может статья,
 Наскучило в грязи валяться,
 Но только решено на чудо из чудес!
 Въезжает уж в Москву она с свиньями пышно,
 Но всё еще в Москве о ней не слышно!
 «Узнает же, кто я, московский весь народ», —
 Хавронья хрюкнула; вломилась в огород,
 А в нем хозяина, на грех, не видно было;
 Вот по грядам она прилежно водит рыло,
 И что-то начала искать и землю рыть;
 Сама взъерошилась, подняв свои щетины,
 Однако ничего нигде не мог найти
 По вкусу ум свининый.
 «Всё плохо, плохо здесь! —
 Она ворчит себе. — И видно неуменье!
 Я б огород пересадила весь
 На образец, на загляденье.
 Здесь место заняли капустой да травой,
 А лучше б посадить крапивы полевой;
 А тут бы с бårdой чан поставить.
 Какую пользу бы могли они доставить!
 Но всё у них не так. О! я, как захочу,
 За это проучу,
 И всё, что тут растёт, на славу в грязь втопчу!»
 Что долго думать? Принялася;
 Ну теревить капусту с гряд,
 Укроп, и мяту, и салат;
 Не полевым кротом, но бурей поднялася!
 Левкой, алый мак,
 Петрушку, спаржу, пустарнак
 Смешала с грязью в кавардак!
 Случись к тому, ослов тут мимо гнали;
 В забор уставя лбы, ослы забормотали.
 «Ну, Хрюкушка! — тут Долгоух сказал. —
 Такой я смелости в тебе не ожидал!
 Теперь-то я смекнул, и вот мои догадки:
 Ведь ты умней,
 Смелей,
 Ну, даже и чудских свиней!
 Такие чудеса кто б сделал без ухватки?»
 Хавронья голову вскружила похвала,

Хавронья рыло подняла, —
До честолюбия и свиньи, видно, падки! —
И хрюкает: «О мне везде молва;
Я знаю Русь, и ей о мне известно;
А похвалу услышать лестно!»
— «Молчать, кума, молчать! —
Тут Ворон наградил ее советом. —
Не величайся так! Какая польза в этом,
Что худо, что добро, не зная,
Да братья разбирать?
А твой разбор такой, чтоб грязью всё марать.
Подумай, сколько ты хорошему вредила,
Но лишь ослам ты угодила,
А нам хвалить какая статья?»

Иной Зоил не только пишет,
Но даже в критике сам глупой спесью дышит!
И тем довольнее, чем больше разругал.
Пускай чужие недостатки
Завистнику б казались сладки;
А то наш шарлатан, нахал,
Добро и худо
В одно воротит блюдо,
И, радуясь, что тем ослов он насмешил,
Сам думает: «Я славу заслужил!»

(1831)

Б. М. Федоров

516. МЕРКУРИЙ И РЕМЕСЛЕННИКИ

Меркурию Юпитер присудил,
Чтоб яда лжи во всех ремесленников влил.
Натерши яд и сделав меру,
Чтоб к ним не потеряли веру,
Меркурий поровну яд каждому делил.
Но как в остатке яд еще с избытком был,
А лишь один сапожник не был в доле,
То влил в него, что в ступке было тут.

С тех пор сапожник лжет всех боле
И все ремесленники лгут.

Так рассказал Эзоп.¹ Но я в том сомневался;
В число б ошибок внес в последний книги лист,
Что не сапожник оставался,
А, вероятно, журналист.
(1823)

517. ПУТНИКИ

«Какая вышина!
Гора до облаков, и как крута она!» —
Так говорил прохожий, удивляясь,
И на гору смотрел.
Другой, на высоту тропинкою взбираясь,
Шел шаг за шагом и взошел.

Земные путники! Судьбы вы не вините;
Имея целью счастье, честь,
Не медлите трудом и часом дорожите;
А здесь на всё — тропинка есть.
(1823)

518. ПРАКСИТЕЛЕВА СТАТУЯ И ОСЕЛ

Посвящается С. В. Р.

Великий Пракситель свершил бессмертный труд;
Статую кончив Аполлона,
Он выставил ее на всенародный суд.
Бог дышит в мраморе, властитель Геликона.
Случилось, что осел чрез площадь проходил;

¹ Не будучи археологом, не могу ручаться, были ли сапоги во время Эзопа в таком употреблении, чтоб сапожники были плутоватее прочих ремесленников и даже портных! Я перелагал с перевода известного литератора и знатока греческого языка И. И. Мартынова. Впрочем, нравоучение переменял в честь искусства многих гг. журналистов обманывать публику мнимыми сведениями своими и поддельным беспристрастием.

Грязь брызжет вокруг с ослиного копыта,
И Фебу на лицо ком грязи наскочил;
Но меньше ль оттого статуя знаменита?

Ты прав, усердный Руси сын,
Что не нуждается в защите
Великий Карамзин, —
Хоть грязь у многих на копыте.
(1834)

519. КОМАР

Лошадка воз везла куда-то на базар;
С тяжелой кладью воз, — Лошадка приустала;
А на возу сидел Комар,
В нем жалость к Лошади припала.
«Быть так, — сказал Комар, — тебя я облегчу,
Чтоб ты под бременем тяжелым не упала,
И с воза я слечу».
Слетел Комар, жужжит, летает,
Свою умеренность и жалость прославляет:
И то, как был тяжел,
И то, как он слетел.

Пигмейкин, критик, тож мечтает,
Что, тяготя одних, других он облегчает. . .
Заносчив и хвастлив! . . Комар всегда таков,
Хоть был бы из числа — Журнальных комаров.
(1841)

520. КРЫСЫ

В книгопродавческой обширной кладовой
Среди печатных книг, уложенных стеной,
Прогрызли как-то из подполья
Лазейку Крысы для себя
И, поживиться всем любя,
Нашли довольно тут и пищи, и приволья.
Не знаю, как печать
Учились Крысы разбирать;

Но дело в том: они, как знали,
Стихотворения читали, —
Поэзию зубами рвали.
И начали судить, рядить,
Поэтов, как Котов, бранить,
И на Державина напали.
Одна, бесхвостая, на полку взобралась;
Давно у этой забияки
Отгрызли хвост собаки,
Но крыс учить она взялась:
«Державин был талант, для всех времен великий!
Великий он поэт — лишь для своей поры,
А не для нашей он норы:
Для нас — певец он полудикий,
Для нас — поэзии в нем нет,
Для нас — едва ли он какой-нибудь поэт,
Для нас — всё мёртво в нем, скажу чистосердечно.
Не наша то вина и не его, конечно;
Мы не виним его, а судим лишь о нем;
Пусть судят же и нас — путем!..»
Такую Крыса речь и доле б продолжала,
Но груда книг, свалясь, бесхвостую прижала;
Она пищит, скребет... Кот серый близко был
И суд по форме совершил.

Литературных Крыс я наглости дивился.
Знать, серый Кот запропастился?
15 ноября 1842

521. ПРОФЕССОР И СТУДЕНТ

Профессор лекцию истории читал;
Хваля историка, студентам толковал:
«Язык Карамзина — изящество искусства,
Слог — красноречия река;
Его возвышенные чувства
И мысли — перейдут в века!
Всё в нем живет для нас; Карамзина устами
Любовь к отечеству беседовала с нами». —
Вот после лекции воспитанник Грифьяк

Вдруг начал бормотать, что часто с ним случалось,
О том же, да не так;
Всё в глупой голове его перемешалось:
«В творениях Карамзина
Всё чуждо в наши времена!
Язык и мысли, слог и чувства —
В них нет природы и искусства;
Всё умерло для нас, и мертво навсегда».
Так говорил Грифьяк, и спорить с ним — беда.
«Ты враль!» — кричит ему товарищей собрание,
А наш Грифьяк свое несет
И в исступлении несносное болтанье
За суд науки выдает.
Профессор тут вошедший
Всё слышал и шепнул: «С ним осторожней быть!
Не враль он, сумасшедший!
Скорее в лазарет его препроводить».

Вралей встречается немало,
Да лазарета бы для всех их — не достало.

(1844)

522. ЗАДАЧА

Кикимора задачу дал,
Чтоб люди говорить как люди разучились,
Законы б смысла изменились;
Гремушку и колпак в награду обещал.
Вот разрешители из Греции явились:
Пигмей да козлоногий Фавн.
Обоим им экзамен дан.
Пигмей сбор пышных слов представил, —
Без смысла и без правил, —
Какие по своим понятиям составил:
Замкнѣтость, женственность и тысячу таких
Диковинок других.
А Фавн так выбрал *прототипы*
Да *принсіпы*,
И, словом, он
Латинский, греческий очистил лексикон
И, эллинским словам дав русскую походку,

Представил, как свою находку,
Разыдеализировать
Разнационализировать под статью.
Уж нечего сказать!
Кикимора, таким довольный разрешеньем,
Пигмею погремушку дал,
А Фавну дал колпак с приличным украшеньем.
(1844)

В. С. Филимонов

523. АРАБ И БАРЫШНЯ

У нас на севере и летом и зимой
Встречался с Барышней, красоткой молодой,
Молодчик-хват, Араб, и ловкий, и проворный.
Бесследна встреча их была.
Та говорит: «Хорош, да черный!»
А тот: «Прекрасна, да бела!»
Но вот Амурова стрела
Обоих как-то вдруг задела.
Чудесна сила этих стрел:
От солнца дева — загорела,
Араб от снега — побелел!
Бывало это встарь; случается и ныне,
Да только по другой причине:
Сердце владыка днесь уж не Амур-стрелок,
А полновесный кошелек.
1810

524. МУЖ

У мужа доброго случилась жена
И зла, и чванлива, и слишком прихотлива,
Как смертный грех дурна
И чересчур ревнива,
Ну, словом, точно сатана.

Друзья из жалости о муже
Твердят всё: «Разведись!» А муж кричит: «Боюсь!
Как разведусь, да как опять женюсь —
Так не было б еще и хуже!»

1843

525. СКВОРЕЦ И ЧЕРВЯК

Червяк сказал Скворцу:
«Ты — в клетке, я — свободен;
Ты крылья опустил, не можешь вдаль идти,
А я — везде ползу, для кой-чего и годен. . .»
Скворец ему в ответ: «Попробуй, полети!
Я связан оттого, что я летать способен;
Едва приметен ты — тебе дают ползти».

1843

526. ПТИЧИЙ МИР

Конечно, удивить в наш век кого-нибудь
Воздушным шаром — труд напрасный;
Теперь без шара в небо путь
Открыт поэтам безопасный.
Нет невозможного, особенно для басни.
Хотите ль, например, в мир птичий заглянуть?
Представьте, что во всем с людьми сравнялись птицы:
Живут в обширных городах,
Не только что писать — печатать мастерицы;
И недостатка нет в певцах:
Поют элегии, сонеты, мадригалы,
И свой театр у них, свои у них журналы.
В журнальном птичнике, садов и рощ краса,
Когда-то дивные бывали голоса,
Певали птички всё отличные! . . А ныне?
Я не был на небе, а слышал, что с тех пор,
Как там и Кулики уж стали в певчем чине,
Из птиц безгласных на отбор,
Сычи лишь серые журналят на задор.
Им проповедовать сполагоря в пустыне:
Скончались три славных Соловья,
Взвилася Иволга в далекие края. . .

Малиновка, хоть петь большая мастерица,
 Да не журнальная то птица,
 И с ней же на беду плохой съякшался Стриж.
 Порою и теперь недурно свищет Чиж,
 Недурно щелкает Щегленок,
 Кой-где у Соловьев и новых голос звонок!
 Но им ли петь по дудочке Сычей?
 Поют лишь про себя, вдали Сычиной стаи...
 С Сычами ж взапуски горланят Попугаи,
 Да тьма повыгнанных из клеток Снегирей,
 Тупоязычные Синицы,
 А хором правят две Совы,
 Без перьев, в пятнах все от ног до головы,
 Неугомонные сестрицы.
 В театрах птичьих тож, писатель зауряд,
 Один Журавлик взял их сцены на подряд,
 И к святкам, масленой им ставит в бенефисы
 Комедий жалких тьму и тьму забавных драм —
 И ниже критики и ниже эпиграмм.
 Актеры добрые и добрые актрисы,
 Не зная лучших птиц, пристали к Журавлю.
 И вот в искусстве им Журавль дает уроки:
 «Я с вами, — говорит, — барыш мой разделю:
 Хвалите вы меня, и я вас похвалю!»
 «Ура!» — в райке кричат Сороки.
 «На сцену автора!» — Грачи.
 Журавль собирает с них посильные оброки,
 И славят Журавля журнальные Сычи.

Не так идут дела людские,
 От каверз птичьих бог народ крещеный спас:
 У нас журналы не такие,
 И не такой театр у нас!

1843

527. ДВА ЧИНОВНИКА

В суде под сению законов,
 В числе чиновников-господ
 Служил чиновник *Сейионов*
 И с ним же вместе *Этот-тот*.

Исчадья образец подъяческой породы,
Из неучей строка приказная в судах,
 Сей мастер был в былые годы
 Писать, под титулом в крепостях,
С размаху, с буквой *е* превычурное лето!
 И скрепой славился в крючках,
 И кудреватую пометой.

В речах и на письме как бисер сыпал он
 И *сиречь*, и *зело*, и *вяще*,
Понеже, *дондеже*, и *абие*, и *аще*!

Тот был в грамматике крещен,
 Повит журналом и газетой,
 Им первый звук был изречен:
 Великолепнейшее *это*!

 Тому-сему

Его семь мудрецов учили,
За прилежание хвалили,
Дипломы выдали ему!
И *Сей* и *Тот* с значеньем равным
Бывали в равных должностях,
Но отличались самым главным:
Составом деловых бумаг.
Напишет *Сей* — шероховато,
Но ясно, сметливо, умно!
Напишет *Тот* — витиевато,
Но безотчетно и темно;
Сей кратко все дела и внятно,
Как деловедец, объяснял,
А *Тот* — предолго, непонятно,

Затем что он и сам тех дел не понимал.
Когда б *Сего* равно, как *Этого*, учили,
Так вышел бы юрист, наверно, из него;
А вот из *Этого*, хотя в него долбили
Науки всякие, — не вышло ничего.

Уж точно противни чиновники те двое:
 В *Сем* без художества — добро,
 А в *Том* художество — худое.

Конечно, очень не хитро
Твердить наук номенклатуру
Лишь наизусть. Пожалуй, сдурю

В головку, где гнездится тьма,
Энциклопедию всю всучишь.
Но что ж наука — без ума?
А ведь уму-то не научишь!

1843

528. КУМ И КУМА

История легко нам может доказать,
Что басни были до Эзопа;
А больше их еще осталось рассказать,
Чем порассказано со времени потопа.
Большой проказник мир земной!
И всякий, верно, в том согласен,
Что в нем с тех пор, как род размножился людской,
Не проходило дня без басен.
От крыш соломенных до каменных палат,
С Парижа шумного до тихого Китая
Запас для басенок богат!
И вся-то наша жизнь — не басня ли большая?
Да какая!
Вот басню мы на днях узнали про куму.
Услужим ею кой-кому.
Была у мужика, у кума Аввакума,
Кума Наумовна, дочь мельника Наума.
Кум жил с кумой, как брат с сестрой;
Но вдруг кума прогневалась на кума.
А что ж виной вражды такой?
Да кум куму обидел страшно:
Шубенку у него подтибрил вор домашний,
Так на шубенку у кумы
Он денег попросил взаймы.

Будь хоть поэт лихой, иль будь прозаик скромный,
Будь сошка мелкая, будь знатный господин —
Всё деньги вам оселок пробный:
Был другом куманек куме не год один,
А с куманьком кума рассталась за алтын.

1843

529. ДРОВОСЕК И СОЛОВЕЙ

Поденщик, нехотя, рубил дрова в лесу,
А соловей пел песню вольно, —
И дровосек постиг ее красу!
«Поешь ты хорошо, бесспорно! —
Сказал работник соловью. —
Но кто же даст тебе за песню награждение?»
— «Как? — возразил певец. — Награды ждать
за пенье!
Да я уж награжден за песенку мою:
Мне весело, когда пою!»

1843

530. ВОЛК И КРЫСА

В деревне у одной помещицы зимой
Стоял в сенях ларец большой,
Весь кухонным битком набит запасом;
Так пахло от него съестным:
Копченой рыбой, свежим мясом,
Дичиной жареной, вареньем медовым!
В те сени раз врасплох забрались — Волк голодный
Да Крыса натошак.
И хищнику овец,
И хищнику сыров — обоим есть угодно.
Да как же взяться за ларец?
Конечно, Крысы Волк гораздо посильнее,
Но ведь не всё ж одной лишь силою возьмешь.
А кто из них двоих окажется ловчее?
Увидим. Жадный Волк щетинится, как еж;
Вдруг налились глаза косые кровью,
Махает загнутым хвостом,
Глядит всё на ларец и с злобой, и с любовью;
То ходит вокруг ларца, о крышу трется лбом,
То пробует ларец ногою сбоку,
Вот рылом в доску — заперто.
Он так и так, он то и то,
Но всё нет проку.
А Крыса в уголку, поджавши хвост, сидит.
Волк из сеней пошел сердит, надувши губы,
И, Крысу издали заметя, говорит:
«И ты, чай, слышь, туды ж, на ларчик точишь зубы?»

— «Где нам, Мышам,
Мешать Волкам! —
Пищала Крыса. — Знать, не выпьешь глазом моря...»
Волк, выйдя из сеней, прилег у стенки с горя.
Но Волк лишь за порог,
А Крыса на ларец: ну грызть!
Всё грызла, грызла,
Да дверцы и прогрызла,
И скок в ларец, и прямо на творог!
Тут масло, молоко, а тут калач, там сайка,
Икра, балык, с сигом пирог!
Вот Крыса ну кутить! В ларце сама хозяйка!
И ест, и пьет, тарелки бьет,
Стучит, звенит, повсюду шнырит ловко,
То вверх скакнет, то вниз нырнет, —
Везде всё харч, в раю плутовка!
Услыша Крысий шум, Волк в сени вдруг вбежал:
То воет, тычет лбом, то зубы стиснет —
Всё ж Крысы не достать; так он браниться стал!
Но что ж и в том? Ведь брань на вороту не виснет.
Волк к дверцам у ларца поближе подошел,
Да в дверцы не пройдет, от голода чуть дышит.
А Крыса кушает, он слышит;
Она пирует, ей раздол,
И, пресыщенная, не просит Волка в гости;
Обглоданной ему не кинет даже кости!
Как варом волка обдаёт
Неутолимое страданье,
Яств лакомых благоуханье!
Их чует нос, а зуб неймет.
Кто басенку сию прочесть изволит с толком,
То, без сомнения, поймет,
Кто из людей похож на эту Крысу с Волком.
(1857)

531. КОШКА И ЛЬВИЦА

Вот Кошка вдруг котят народила десяток,
И, чванясь чересчур приплодием большим,
Так Львице говорит: «Взгляни-ка на ребяток,
Как много их! А ты всё нянчишься с одним.

Знать, с муженьком-то несчастлива...»
Тут Львица молвила: «Как ты чадолюбива! —
Потом, с улыбкою на Кошку поглядев,
Прибавила: — Детьми, конечно, ты богата,
Да дети-то твои... котята,
А у меня хоть сын один, да Лев!»

(1857)

А. М. З и л о в

532. ЧИЖ И СОЛОВЕЙ

Ученый Чижик в клетке
Висел в растворенном окне;
Он песню знал «Ах, тошно мне...».
Вдруг Соловей порхнул и сел в саду на ветке.
Запел в тени ветвей
Свободный ученик природы,
Волшебно-звучный Соловей.
Какие переходы
Из тона в тон! Какая трель!
Ну что твоя свирель!
Тут даже б и осел развесил уши;
А Чижик наш долбит у клеточки столбец.
«Сосед, каков певец!» —
Сказал Чижу Скворец.
«Ох, темные вы души! —
Чирикнул с злости Чиж. —
Для вас певец и стриж.
Да как бы он ни пел, болтун непросвещенный,
Но всё он не ученый».

(1831)

533. СТИХОТВОРЕЦ И ПРИЯТЕЛЬ

«Что ж ты молчишь, лукавец!
Твоим стихам в журналах похвала;
Я чай, твои поправились дела
И денежек принес книгопродавец?

Шампанского, дружок!» — «Благодарю за честь!
Мы выпьем, но тогда, как будет мне что есть.
В наш век охотников довольно есть
Прочесть,
Но чтоб купить...» Вдруг стук кареты...
То был комический актер;
Он развозил на бенефис билеты
И помешал, злодей, дослушать разговор.
(1831)

534. ДЕД И ВНУК

В каминной на софе сидел подагрик Дед,
Смотря, как огонек стухал в камине,
И вдруг занес приличный старцам бред:
«Какой же ныне
Чудесный век;
Любви уж нет в помине!
Как изменился человек!
Давно ль, при матушке Второй Екатерине,
Вдыхали сладко на Руси?
А уж теперь так боже упаси!
У всех сердца подобны льдине.
И даже девушки на смех
Поднять готовы тех,
Которые вздыхают...»
А сам вздохнул седой наш сибарит Иван.
«Чего ж теперь на смех не поднимают?» —
Тут Внук его спросил. «С червонцами карман!»
— «О чем же, Дедушка, вам сокрушаться?»
— «Как! — вскрикнул Дед. — Так это ничего,
Что вместо сердца моего
К карману станут прижиматься?»
— «Для сердца был черед;
Вы, Дедушка, свое уж взяли,
Да и теперь, хотя бесчувствен стал народ,
Но всё вы не пропали.
А вот по-нашему пускай кто поживи —
Нам не видать в наш век ни денег, ни любви!»

И тут он тронул под золою
Щипцами угольки;
Кой-где сверкнули огоньки,
Но всё опять покрылось мглою.

1831

535. ОСЕЛ И КОНЬ

Однажды, хлопая ушами,
Осел спросил арабского Коня:
«За что вы перед нами
Себя ведете господами?
Ужели в нас недостает огня?»
— «С тобой вступать я не желаю в споры, —
Конь отвечал, — но в нас есть разность та,
Что борзого Коня не тронут даже шпоры,
А на Осла так мало и кнута».

(1833)

536. ОВЦА И СВИНЬЯ

Вблизи
Жидовского местечка
По перекладкам шла Овечка
И видит, что Свинья в грязи
Валяется, как на постеле.
«Ахти, беда! —
Кричит Овца. — Как ты попалася сюда
В такую топь и грязь? Дай кликну хоть жида,
Чтоб вытащить тебя отселе».
Свинья ж в ответ: «Пожалуйста, молчи
И обо мне не хлопочи;
С тобой мы вещи видим разно:
Здесь только мягко, а не грязно».

(1833)

537. ДУБ И ТРОСТЬ

Взглянувши Дуб на Трость, сказал: «Бедняжка!
Как сиротливо ты стоишь;
От всякой малости дрожишь!
Лишь на тебя присядет пташка,
Тебе уж тяжко;
И вешний ветерок, резвясь,
Тростиночку гнет долу,
Подобно бурному Эолу.
Природа о тебе, мой друг, не попеклась,
Создав тебя столь слабой и ничтожной.
Взгляни ты на меня: каков мой вид вельможный!
Чуть не ровесник я земле;
Со мной не раз, лесов тираны,
Боролись ураганы;
Я устоял, и на моем челе
Легли века. Вокруг меня сменялись виды:
Где были города, там кущи рыбарей;
Болота были где, там славный трон царей;
Я пред собой видал довольно алтарей,
Меня священным чли Друиды.
А ты, Тростинка, мне жалка;
Ты терпишь от судьбы обиды,
И, будучи слаба, низка,
Хотя б ко мне была близка:
Я мог бы защитить тебя от бурь ветвями». —
«Поберегитесь сами, —
Трость Дубу говорит, — я бури не боюсь:
Подует ветер — к земле склонюсь;
А вы, хотя не раз боролись с непогодой,
Но положен всему конец природой». —
Едва успела Трость сказать,
Вдруг начали из-за дубрав вставать,
Как великаны, грозны тучи,
И обложились тьма кругом;
Сверкает молния, грохочет страшный гром,
Бушует ветер ревучий,
Дрожит земля.
Тростинка прилегла,
Крепится Дуб могучий.

Но свистнул ветер летучий,
Рванул... и тот, кто жил в веках,
Был божеством — пал в прах.

(1833)

538. МИЗАНТРОП

«Вот Спасова икона,
Пред ней я побожусь,
Что если я вперед с людьми свяжусь,
То соглашусь
Слететь с высокого балкона
В овраг, как нетопырь.
Ох, эти люди мне! Так сладки, как имбирь
С толченым перцем!
Я с пламенным родился сердцем,
Я человечество любил,
Друзьям в угоду
Готов был в воду.
И жизни не щадил —
И вот за всё про всё мне плата!
Я обеднял, и от меня
Все прочь, как от огня,
Как будто бы от супостата.
Нет, лучше в степь уйду, где зыбкие пески,
Иль брошусь в лес дремучий,
Иль к морю на скалу, где будет вал гремучий
Свидетелем моей тоски;
Там от предательской руки
Избегну хладных рукожатий.
Пусть в сиротстве моя погибнет голова;
Я сострадания скорей дождусь от льва,
Чем от людей любви исполненных объятий.
Ой, ой!» — тут Мизантроп внезапно закричал.
— «Что с вами сделалось?» — вбежав, слуга сказал
(Он за дверями пыль сметал).
— «Смерть, зуб схватил! Зови цирюльника Петрушу,
Пожалуйста, скорей. Ох, отведите душу!
Ох, выдерните зуб!»
— «Ну вот, сударь, — сказал слуга, — хоть я и глуп,

А как тут не сказать? Пусть люди скверны, грубы
И вовсе без души,
Однако тем уж хороши,
Что друг у друга рвать больные могут зубы».
(1833)

539. СЧАСТЛИВЕЦ

Бездетный дворянин, вдовец, имел
С соседом тяжёбое дело,
Которое в судах лет двадцать тлело
И ходу не имело.
Меж тем истец уж постарел;
Таскаться по судам отяжелел.
Но вот, чтоб жить прилично
И сиротой не быть весь век,
Он рассудил, как умный человек,
Вступить в законный брак вторично.
И, взявши за себя красавицу жену,
Как будто ожил он . . . и, вспомнив старину,
Схватился за процесс; однако же не лично.
Растормошив свою казну,
Он снарядил жену-помощницу в дорогу
По делу хлопотать
И покровительства вельмож искать.
Красавица, дела все кончив понемногу,
Через год приехала обрадовать дружка:
Именьё отдано, с него доходы тоже,
И место сыскано в секретари к вельможе
Покойное. . . но что всего дороже —
Через месяц бог им дал наследника-сынка.

Как на кого Фортуна нежно взглянет,
Нет радостям конца.
Увидев этого счастливец и отца,
Кто красоты в жене и тяжб **желать** не станет?
(1835)

540. ВОЛК И ЛИСИЦА

Однажды Лисинька так Волка упрекала:
«Как дорожишь ты честью мало,
Любезный кум!
И что пришло тебе на ум
Возиться с этими овцами. . .
Всё красть бы лишь овец, сказать чтоб между нами,
Ведь это худо, друг; и долго ль до беды?
Подчас найдут твои следы,
И выйдет шутка предурная!
Да что овца за вещь такая,
Что для нее ты жертвуешь собой?
Уймись, любезный кум, совет прими ты мой.
К тому ж воров, ты знаешь, презирают
И их нигде не принимают. . .»
— «Помилуй, кумушка, давно ль я видел сам,
Как ты таскалась по ночам
Вокруг курятника, и, не стыдясь нимало,
Ты кур отважно крала.
К чему ж так умничать со мной!» —
Сказал с досадой Волк седой.

Другой весь век советы расточает;
Он ими всем надоедает
И вам поет такие чудеса! . .
А смотришь, он — лиса.

(1836)

541. МАЛЬЧИК И БАСНИ

«Ах, эти басни — смех!
Малюткам нам дают их для утех, —
Так с баснями в руках мой мальчик рассуждает. —
То у вороны сыр лисица похищает,
То давит волк овец,
То соловьем поет скворец;

А вот, какие дуры!
 Равняются с орлом хохлатки-куры;
 А тут
 Слона по городу ведут
 И Моська... Vien ici, Нарциска, поскорее!
 Ты этой Моськи не умнее.
 Прочтем-ка басенку с тобой.
 Да слушай, Нарца дорогой,
 Не гни же в сторону ты шею».

И мальчик мой с болонкою своею
 «Слона и Моську» стал читать
 И над болонкой хохотать.

Собачка шалуна то лижет, то кусает.
 Но вот мой мальчик подрастает,
 Мой Петя стал давно Петром;
 Теперь он завелся умом,
 В гостинной бойко рассуждает

И басни уж не так, как прежде, понимает.

 Слонин покрылся сединами,
 Богат как Крез, в родстве с князьями;
 Но как не пожалеть об нем:
 Он всё Петрушей слыл и не был век Петром!

(1836)

542. ПОЭТ

 Когда-то жил Поэт;
 Он весь свой век дарил стихами свет.
 Бывало, ночь не досыпает,
 Сидит, пыхтит и всё стихи кропает.
 Но вот беда: хоть много он писал,
 Его стихов свет вовсе не читал.
 Другой бы лопнул от досады!
 Но мой поэт всё ждал награды.
 «Вот, — думал он, — еще стишок,
 Еще поэма и венок —
 И мне отворят Капитолий!
 Тогда писать не буду боле.
 Писал я много — сколько лет!

Меня давно уж знает свет.
Стихи мои, конечно, милы;
Но я так стар, нет вовсе силы —
И гений мой давно пропал! . . .»
Но мой поэт писать не перестал —
Лишь прибавлял всё шагу,
И только смерть его спасла бумагу.
Поэт отправился к богам,
Поэт писать не будет там!
О, плачьте, музы, свет! Поэта схоронили.
Прощай! . . . И все его забыли.
Таков-то свет!
Как счастлив был поэт,
Что не видал своего он горя
И всё погоды ждал, сидя у моря!

Оставить взятки Фирс век целый помышляет
И так, бывало, рассуждает:
«Лишь триста душ куплю — а там
Не буду брать! Ну что за срам!
Хоть я концы скрывать умею,
Но ежели беда навяжется на шею —
Тотчас под суд,
А там-то лихо оберут!»
Но души куплены; теперь нужна карета;
Тут дачу надобно для лета:
Как будет жить он в городе один —
Мой Фирс помещик, господин!
Глядит — нельзя не брать: дает он часто балы,
Ну так, что для гостей уж тесны залы.
Потом берет он для детей. . .
И столько выдумок, затей,
Что бедный Фирс и делать что не знает
И всё хватает.
Хоть я и не пророк, но как не отгадать,
Что Фирсу век не перестать!
Теперь нужда, а там он будет брать от скуки,
И только смерть ему опустит руки!

(1836)

Наш век уж подлинно премудрый, золотой!
 Ума! . . Возами хоть возите.
 А сколько выдумок — глядите!
 Там ход устроен под рекой,
 Здесь улицы блестят невиданным огнем,
 Тут тянутся железные дороги —
 И скоро повезут дома, пруды, остроги!
 Что древние? . . Да мы их за пояс заткнем.
 Что сделали они в их чудный, славный век?
 За ум безумье выдавали,¹
 Долбили статуи да в тогах щеголяли!

Какой-то умный человек
 По воздуху решился погулять;
 Придумал крылья, и такие
 Большие,
 Что всех он птиц затеял распугать.
 В афишах тиснул мой дракон,
 Что представленье дать на диво хочет он.
 Об крыльях чудных извещает
 И час и место назначает.
 «На крыльях полетит. . . О, верно, уж обман!
 Какой-нибудь сеньор Макаронетти,
 Безумец, шарлатан,
 Решился нас завлечь, конечно, в сети!» —
 Такая шла по городу молва:
 Однако город весь к сеньору приезжает.
 Сеньор, как водится, раскланялся сперва,
 Потом на дерево влезает,
 И, крылья прицепив, затейник мой,
 Довольный страх собой,
 Пустился с дерева. . . Вот крылья замотали. . .
 Но хитреца они не поддержали;
 И как он ни мудрил, как ни был он удал,
 А оземь грянулся и ногу изломал.
 Что не по силам нам, за то не должно браться.
 А сколько есть таких отчаянных людей:

¹ Речь идет о системе мира древних, их идолослужении и других промахах.

Поэтов, зодчих и судей!
О, я готов ручаться,
Что риск такой опасен страх
И им ходить на костылях.

(1836)

544. СВЕЧА И ЗЕРКАЛО

В гостиной вечером пред Зеркалом большим
Свеча на столике стояла
И светом слабеньким своим
Его пребебно освещала.
А Зеркало огромностью своей
Дивило всех домашних и гостей.
И вот мое стенное диво
Свече сказало горделиво:
«Как ты жалка: с трудом горишь!
Людей, конечно, ты винишь,
Что создали тебя ничтожною такою.
Вот я — не то; пленяются все мною,
Всех в доме мебели дороже, верно, я,
И если б осветить сумела ты меня,
Увидела б, как я нарядно, как блистаю;
Недаром я собой всех удивляю.
Не будь меня — беда:
Гостиная была б совсем не та».
— «Тебе и честь, — Свеча смиренно отвечала. —
Таких зеркал, как ты, конечно, мало!
Однако же и я к чему-нибудь гожусь,
Хоть, это говоря, я вовсе не горжусь.
Ведь я тебя, как видишь, освещаю;
Хоть тускло, очень знаю,
Да без меня бы мрак совсем тебя сокрыл,
А может, кто-нибудь впотьмах бы и разбил.
Но будь теперь свечей десятка три-четыре —
Тебя не будет краше в мире!»

Иной надменный господин
Крестьянина свою в копейку не считает.

Глупец того не понимает,
Что хлеб ему даёт крестьянин лишь один;
Без мужиков гордец пропал бы с горя
И век бы ветра ждал, сидя у моря.

(1836)

Н. Охлебинин

545. СОРОКА И ЧИЖ

Сорока встретилась с Чижом
И говорит ему: «В большом я восхищенье!
Поздравь меня: со мной ведь Попугай знаком,
И даже сделал мне сегодня посещение.
Поверишь ли, дружок, как он красив,
Умен, красноречив,
Какие перышки и голосок имеет;
Вполне достоинством своим
Гордиться может он. Мне кажется, что с ним
Никто у нас из птиц сравниться не посмеет».
— «За что ты отдаешь ему такую честь? —
Сороке Чиж с досадой отвечает. —
По голосу у нас ведь птицы лучше есть!
А Попугай твой глуп и только что болтает
О том, чего и сам не понимает».
— «Как? Наших птиц равнять ты с Попугаем
смел? .. —
Сорока говорит. — Ведь к нам он прилетел,
Ты знаешь ли? .. из-за границы!
Так уважать его должны за то все птицы!»

Как многие у нас в отечестве родном
Людей с талантами, с умом
Пренебрегают.
Но появись какой-нибудь пришлец,
Хоть будь, пожалуй, и глупец,
Его превознесут, возвеличают.

(1844)

546. БЫК И ВОЛК

Бык Волка, встретивши, тотчас остановил

И с состраданием его спросил:

«Скажи мне, живодер, за что вчера Ягненка
У нас ты в поле ободрал?»

А Волк ему с насмешкой отвечал:

«Какой же ты простак! Глупее и теленка.
Ведь Волк на то рожден, чтобы Ягненка драть,
А он и на глаза не должен нам казаться;
Но если встретится — так просим не зевать!

А поскорей от нас, Волков, спасаться.
Так знай же ты вперед пословицу Волков!»

И у людей-плутов

Пословица одна, как общая наука,
Которую из них всяк правилом избрал:

На то ведь в море щука,
Карась чтоб не дремал.

(1844)

547. ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Волк кость однажды отыскал

И так прожорливо глодал,

Что ею чуть не подавился

И от беды такой чуть с жизнью не простился.

На счастье его Журавль вблизи ходил;

Волк сделал знак ему, чтоб он его избавил.

Тотчас же Волку в пасть Журавль свой нос

направил

И долго, долго кость ташил. . .

Но вынул наконец и просит награжденья.

«Бездельник! — Волк вскричал. — И так награда
есть:

Считай за одолженье,

Что носу твоему такую сделал честь!»

(1844)

548. ХВАСТУН

Кто с малых лет начнет хвалиться,
Не размышляя никогда,
Ложь в совершенные года
Тому в привычку обратится.
И даже лжец бывает сам не рад,
Когда соврет что невпопад.

Знавал я Хвастуна такого,
Который всем на свете говорил,
Что он во всех столицах жил
И даже близ Петра Святого
Он в Риме двадцатипятиэтажный дом купил.
Раз некто у него спросил,
Во лжи поймать стараясь,
Когда Хвастун наш врал:
«А Папу ты видал?»
— «Нет, нет! — Хвастун вскричал,
Ничуть не запинаясь. —
Хоть Папу не видал я самого,
Зато уж каждый день встречал (жену его)!»
(1844)

549. ДВА ОСЛА

«Послушай, брат! за что нас все зовут глупцами? —
Осел спросил однажды у Осла. —
Скорей назвать нас можно мудрецами!
Пожалуй, спросим мы о том хоть у Козла».
— «Зачем же спрашивать? Согласен я с тобою!»

Да, дураки всегда согласны меж собою.
(1844)

И. Ваненко

550. ОВЦА И ВОРОНА

Овечка на лугу гуляла;
Откуда ни возьмись — Ворона. Увидала,
Скок на спину к Овце и ну рвать шерсть с нее,
Как будто что свое.
Желая упрекнуть ее, Овца сказала:
«Что, если бы Собака я была?
Ведь ты бы шерсть тогда щипать на мне не смела!»
— «Я знаю, с кем имею дело! —
Ворона ей в ответ. — Затем я и смела».

Нахалам смирные не жалки,
Нахал бессовестен всегда;
Для кроткого упрек беда,
Наглец боится только палки.

(1854)

551. УЧЕНЫЙ ОСЕЛ

Хозяин полюбил Осла.
Тут нет еще большого зла, —
Осел полезная скотина, —
Да он любил его, как сына,
Берег,
Стерег,
Сам стриг и мыл,
Сам есть ему давал, поить его водил;
Отправясь в дальний путь, к Ослу взял гувернантку,
Из ближнего села крестьянку;
А чтоб он сделался умней,
Так нанял знающих людей
Учить его наукам разным,
Искусствам, знаниям вполне разнообразным.
Осел — порок один — ужасно был ленив
И — добродетель есть — ужасно терпелив.
Осла учили,
Били, били —
И хладнокровно он всю муштру перенес;

Но родился каким, таким же он и взрос:
 Ел, пил он, что дадут,
 Не утомлял себя познаний чудесами,
 Что спросят — только лишь похлопывал ушами,
 И всё тут.
 На родину его вернулся благодетель;
 К наставникам вперед:
 «Ну, что Осел и как?» — «Живет».
 — «А каково он рассуждает?»
 — «Немногословно *да* иль *нет* лишь отвечает
 И мыслит про себя, один, а не сам-друг;
 Итак, нельзя понять, какой наукой дух
 Его напитан. . .» — «Ясно,
 Что философией! Да это и прекрасно:
 О, мудрость — жизни свет!
 И мудрому Ослу цены на свете нет».
 И вот питомца он идет постигнуть цену;
 А тот стоически гнилое кушал сено.
 «А, здравствуй, философ!
 Ну, что? Как чувствуешь теперь себя?» — «Здоров».
 — «Ну, нет ли у тебя к высокому желаний?
 Позыва нет ли?» — «Нет». — «Стремлений
 и исканий? . .»
 — «Нет, слава богу, я порядком закусил
 И не умаялся до изнуренья сил».
 — «Возьми ж награду, друг: вот кожаный ошейник!
 Лишь мудрость вырази, науке сделай честь:
 Скажи, как понял ты, что лучше в мире есть?»
 Осел отвечивал: «Репейник!»
 На что не по уму искать иным хлопот!
 Родится для ярма, не для науки скот.
 (1854)

К. П. Масальский

552. МЕДВЕДЬ, МАРТЫШКА И СВИНЬЯ

Однажды с просьбою Медведь пристал к Мартышке
 «Любезная кума! Не откажи ты Мишке.
 По сущей истине нельзя ли мне сказать:
 Горазд ли я плясать?»

— «Изволь, посмотрим мы!» — та отвечала; села
 И с важностью очки надела.
 Медведь же ну плясать! «Ну что, кума, каков
 Я в пляске? Ась?» — «Скажу без дальних слов —
 Я не люблю терять слова-то! —
 Ты пляшешь очень плоховато».
 — «Неужто, — заворчал плясун на то, — иль нет?
 Наверно, шутишь ты, мой свет.
 Я в пляске, кажется, довольно ловок, плавлен...
 Неужто я
 И впрямь тебе не нравен?»
 Случись вблизи от них Свинья.
 «Ну, господин Медведь, прекрасно! —
 Захрюкала она. — Я беспристрастно
 Сказать должна,
 Что лучше плясуна
 Я сроду не видала
 И не видать мне никогда!»
 Нахмурясь проворчал Медведь на то: «Когда
 Меня Мартышка оуждала,
 Я сомневаться было стал.
 Теперь уверился, что плохо я плясал!
 Кума мне правду говорила.
 Какой уж я плясун: Свинья меня хвалила!»

1 января 1821

553. ДВА КОЛОСА

На ниве Колосок, спесиво
 Подняв головку выше всех,
 Соседа своего хотел поднять на смех
 И говорил: «Сосед, скажи мне, что за диво,
 Зачем согнулся ты? В сравнении со мной
 Ты ниже вполовину».
 — «Легко понять тому причину! —
 Сказал другой. —
 Чем меньше зерен в нас, чем голова пустее,
 Тем поднимаемся мы выше и гордее».

1823

554. ЛЯГУШКА-ПТИЦА

Стрелок убил в лесу Орла:
Ружье попробовать над ним пришла охота.
Вот жертву поднял он, понес и близ болота
Потом оставил. Там жила
Лягушка; то еще не диво:
Могла бы жить себе прохладно и счастливо;
Но вот беда! Она завистлива была,
Зачахла с зависти; ей не спалось, не елось,
Всё птицею прослыть хотелось,
Чтобы об ней заговорил весь лес.
Тут дело ясное: смущал Лягушку бес,
Лукавые на это доки.
Раз выползла с тоски Лягушка из осоки,
Глядь: на траве Орел лежит.
Вот и внушил ей мысль прехитрую лукавый.
«Теперь-то я добьюсь известности и славы!» —
Лягушка говорит.
Тотчас к покойнику Орлу она прыгнула,
Заплакала, вздохнула
И причитанье затянула,
Да так, что из болот всех вызвала сестриц,
Что даже из лесу слетелись стаи птиц.
«Какая горькая, ужасная утрата! —
Лягушка квакает. — Лишился лес Орла,
Лишилась друга я, которого, как брата,
Любила я и берегла.
А вы, завистники его, теперь стыдитесь!
В полете кто из вас сравняется с Орлом?
Никто! Он был один. Куда вы все годитесь,
Хоть бы с хваленым Соколом?
Не вам летать, не вам парить под облаками;
Удел ваш по земле таскаться с петухами!
И кто постиг Орла? Лишь я могла постичь.
Одна лишь я его ценила, понимала,
Да разве что Сова, да Нетопырь, да Сыч,
Мои приятели. Толпа ж его ругала.
Хотя Орел толпу, как я же, презирал,
Но без меня бы так высоко не летал!
Он дружбою моей гордился, подкреплялся,
И оттого под облака взвивался.

О! Будь он жив еще, мы удивили б лес!
Да! Мы с Орлом наделали б чудес!
Безмерна в нем моя утрата!»
— «Вы слышали ль, ребята? —
Примолвил тут Дудак,
Из птиц известный всем простак. —
Лягушка-то летать сама, знать, торовата.
Жаль, очень жаль покойника Орла!
А то у них потеха бы пошла!
Взвились бы так, что ай люли! мое почтение!»
— «Какое в том сомнение!» —
Сказали хором Дудаки.
— «Ах, дураки вы, дураки! —
Им Ласточка, смеясь, прощebetала. —
Ведь на покойника, что хочешь, то клепли.
Лягушка-то сама когда летала
Хоть на аршин иль на два от земли?
Видал ли кто из вас? Орлу ль она под пару!»
— «Да, слышь, она жила с Орлом-то, что сестра;
Она ему, слышь, придавала жару;
Так, стало быть, летать сама она хитра.
С чего ж взводить ей небылицы?»
И вот во всем лесу причли Лягушку в птицы.
(1842)

555. ТОЛСТЯК

В селе крестьянин жил Семен.
Не то чтоб он был глуп, не то чтоб и умен,
А так себе! Но всё желал он отличиться
И уважения всего села добиться;
А как достичь того, Семен не знал.
Задумал думу он и вдруг на мысль попал,
Что толщина и дюжее дородство
Дают почет, над всеми превосходство.
Решился наш Семен толстеть:
Стал непомерно есть, тянуть ковшами пиво,
Щи кислые и квас, за чаем стал потеть,
И вскоре наш Семен так растолстел, что диво!
Пришел к нему Антон-сосед.

«Послушай, — говорит, — не наживи ты бед!
Кажись, ты потерял рассудок.
Ты всякой всячиной свой пичкаешь желудок,
Всё, что попало, ешь!
Ведь водяную так, любезный, наживешь,
И ни за денежку ты этак пропадешь!
Взгляни-ка на себя: ведь от моей коровы
Немногим ты отстал по толщине!»
— «Вот это-то и любо мне! —
Так возразил Семен. — Сам видишь, мы здоровы.
Как в праздник по селу идешь,
Снимает шапки молодежь,
Бегут за мной мальчишки, бабы,
И все кричат: «Смотри! Идет Семен-толстяк!»
Здоровьем-то, сосед, как видишь, мы не слабы.
Дородство — главное! Всё прочее — пустяк!
Стращать ты не моги Семена водяною!»
— «Ахти, сосед! Не говори!
Пожалуйста, ты этак не дури,
Побереги себя! Что хвастать толщиной;
Не в брюхе дело всё, а главное-то — ум!
Послушайся совета, кум!»
— «Пошел ты вон! Да черт ли ум-то видит?
Дородному дорогу всяк дает,
Как он по улице идет,
А умного и баба разобидит.
Я вижу, ты несметлив, туп
И очень глуп!
Не смей вперед учить ты своего соседа
И убирайся вон!»
Тем кончилась крестьян беседа.
Затылок почесав, пошел домой Антон,
Советовать вперед Семену отказался.
Семен же через год от водяной скончался.

Желалось очень нам
Быль эту посвятить журналам-толстякам;
Да беспокоить их не смеем.
На то причины мы секретные имеем.

(1847).

556. ЗВЕЗДА И РАКЕТА

В ночь темную Звезда на небе засияла,
Цветами разными прелестно так играла,
Что любовались все на ту Звезду.
В каком-то фейерверк назначен был саду.
Услышав похвалы Звезде, Ракета
Сказала про себя: «Ну что хвастунья эта!
Дай срок: не так я заблещу
И всех гуляющих собою восхищу».
Вот наконец Ракета засвистела,
Блеснула с треском в высоте
И тихо звездочкой по небу полетела.
Она была прелестна в темноте,
Прекрасный цвет ее менялся —
Ну, каждый ею восхищался
И «браво» ей кричал.
Но вдруг — увы! — весь блеск ее пропал,
Ракета на землю слетела.
Меж тем лучи Звезды, как прежде, хороши.

Ракету мы сравним с красою тела,
Звезду же — с красотой души.
(1851)

А. В. Антонов

557. КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ

На сцене кукольной под кровлей балаганной
Носастое лицо — Петрушка деревянный
Дубинкой толстою вокруг себя махал,
Закинув голову, отвагой отличался
И так на весь базар кричал:
«Шири-бири! Я вот как разгулялся,
Что никого на свете не боюсь!
Ох, в руки лишь ко мне кто б только ни попался,
Я вот как . . . вот теперь со всяким уберусь! . . .»
И что же! Вправду им с отвагою нахальной

Прибит и офицер, и доктор, и квартальный,
И даже будочников двух
Он растрепал едва не в пух.
Какой же вдруг постиг его конец печальный!
Петрушку черный пес за долгий нос схватил
И за кулисы утащил.

Бывают и у нас подобные Петруши,
Какие о себе всегдашней похвальбой
Бесстыдно нам терзают уши.
И даже к случаю, поре, из них иной,
Пожалуй, прослывет особой знаменитой,
Пока судьба его, как кукольник, сокрытый
От взоров публики за ширмой холщевой,
Его делами управляет,
Толпу хвастливыми речами занимает,
Сказать короче вам — всю роль его ведет,
Которую подчас сама же сочиняет, —
Но кончит лишь она — и тут Петруша тот,
Судьбою брошенный, без всякого сомненья,
Уж сам-то по себе, по сущности своей,
Казаться будет для людей
Лишь куклой после представленья.

5 ноября 1856

558. МЕТЕЛКА

«Скажи, пожалуйста, Егор,
Какая этому причина,
Что нынче так у нас чистехонек весь двор? —
Спросила дворника кухарка Акулина. —
Бывало, я тебе скажу,
Куда ни погляжу,
Не только на дворе солома да мякина,
И на крыльце-то у бояр
Проходу нет от пыли».
— «Вот то-то. . . Мы вчера ходили на базар,
Да новую метелку и купили. . .
А новая, ведь знаешь, как метет!

Да ты вот погоди, недельки две пройдет, —
Примолвил он, — метелка оботрется,
Опять у нас всего довольно заведется!»

Вот так же иногда
Бывают случаи: иные господа
Когда в начальство поступают,
Как внове хлопотать усердно начинают!
И деятельность в них какая тут кипит —
Ну просто жар, и треск, и пар столбом валит!
Везде, во всем прогресс, чистехоньки ступени,
Застоя по делам не видно даже тени;
А поглядишь, — пройдет годок, другой, —
Сравнился прогрессист с негодною метлой
И всё кругом его покоится от лени! . .

1763 или 1764

559. КОМИТЕТ

Какой-то странною судьбой
Фасонистый портной,
Гурей мясник,
Сысой мучник,
Корнет в отставке да поэт
В один попали комитет,
Который вздумалось начальству учредить,
Чтоб где-то кровлю починить.
И комитет дремать, как видно, не любил,
В собраниях он всегда во всем комплекте был,
Где шел и мелкий толк, и крупный разговор,
Суждения лились, звучал порою спор,
Но только лишь о чем?
Портной — о выкройках, о фраках с новым швом,
Мясник — известно, о скотах,
Мучник — о мельницах, хлебах,
Корнет — о прежних днях кавказских боевых,
О картах, выпивках лихих,
Поэт — о девах, о луне.
Прямое ж дело их лежало в стороне.

Да сколько времени! Я слышал, с лишком год,
И только тронулось, когда от непогод
 Та кровля стала решетом,
А бывший свод под ней, размоченный дождем,
 Упал
И комитет, увы! под следствие попал
На горе для себя, а публике на смех! . .
Но, впрочем, похвалить, кажись, нельзя и тех,
Которые, — зачем, не знаю я и сам, —
Людей, хотя весьма хороших по душам,
Да не годящихся к назначенным делам,
 Приставят, а потом
И не глядят на них, пока не грянет гром!

1871

В. И. Аскоченский

560. ОРАТОР И ЖЕРЕБЯТА

В дворе со всех сторон закрытом
Табун был собран Жеребят.
 Все говорят
 Табунщику сердито,
Что Жеребятки-то уж чересчур шалят.
 — «Да что ж мне делать? Ведь остратки
 Им нету никакой!»
 — «Всё б вам остратки! Это сказки! —
Сказал стоявший тут Берейтор молодой. —
 Ручаюсь головой,
Что я их усмирю рацеею одной!»
Пошел наш краснобай к буянам Жеребят
И речь такую к ним повел: «Честные господа!
Вести себя, как вы, прилично лишь ребятам.
 Вы собраны сюда
Как представители грядущих поколений;
 На вас почуют, господа,
Надежды лучшие высоких убеждений.
Свобода мысли и труда —
Вот ваша будущая доля!

Тогда —
Брыкаться полная вам воля!»
— «А почему же не теперь? — вскричали Жеребята. —
Ведь мы уж не ребята!»
И подняли такой ужасный гам,
Что, убоясь тревоги,
Оратор наш скорее к воротам,
И подавай бог ноги.

Прости мне, «дедушка», что я на этот раз
Припомню кой-кому разумный твой наказ:
Оратору такому
На стенке надо б зарубить,
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где должно власть употребить.

1862

561. БАРСУК

По случаю чьего-то юбилея
Решил Барсук картину написать
И, никаких издержек не жалея,
Велел реклам сто тысяч разослать.
Пошла подписка понемногу.
Барсук, чем взяться бы за кисть,
Начал отстраивать берлогу
И приговаривать: «Вот это жисть так жисть!»
Он, видите ль, народностию дышит
И, как глаголет, так и пишет.
— «А что же, милый кум,
Когда ж возьмешься ты за ум? —
Толкует Барсуку Лисица. —
Пора б картинке-то явиться». —
— «И, мать моя, кума!
Да нешто дело-то веду я без ума?
И без картинки как-нибудь с тобою мы продышим,
А всех подписчиков мы в поминанье впишем».

1868

562. СЕРКО И ОРЕЛКА

Посвящается гг. Г—ву и П—ву

Серко с Орелкой в дружбе жили.
Да ведь в какой!
Одну и ту же песню выли:
Брехнет один — брехнет наверно и другой.
Кухмистер Фалалей
Натешиться не мог на таких друзей.
Да и они ж его любили!
Бывало, только Фалалей
Засвищет песенку какую,
Они, забыв собачий нрав,
Летят к нему стремглав
И воют вместе с ним. На музыку такую
Сердились лишь ближайшие соседи.
Но надобно ж такой беде случиться:
В какой-то там приятельской беседе
Случилось повару опиться
И окочуриться потом.
Честь честью повезли на дорогах Фалалея;
За дорогами следом,
Кормильца своего жалея,
Хвост опустив, пошли Орелка и с Серком.
В могилу повара, как должно, опустили,
Засыпали землей и тризну сотворили.
— «А что, Серко, — Орелка говорит, —
Уж не повыть ли нам?» — «Повыть!»
— «Ну, так уж я сначала». —
— «Ну, нет, брат, я». —
— «Да у тебя
И голосу-то мало,
И воешь ты черт знает как!»
— «Да уж не так,
Как ты, дурак!»
И, слово за слово, сцепились друзья,
Хоть в пору разливать водою.
Мне сказывали, что... Не верю, впрочем, я...
Что над могилою одною
Погрызлись так между собою
Отчаянных два прогрессиста

Из-за того,
Что будто бы у одного,
Вишь, оказался зуб со свистом.
Что за смешной народ!
В могиле даже не дает
Своей пустою болтовнею
Костям умершего покою!

1868

563. ДВА СОСЕДА

Куда как хорошо, Петрович, ты певал
Про черну немочь ли, иль, например, про то,
Как наш какой-то князь Царьград завоевал!»
— «А что?

Ты думаешь, теперь не запою?
А вот же запою, и песенку мою
Еще другие переймут,
И мне за то и честь и славу воздадут».
И затакнул старик.
Но голос старческий то падал, то дрожал,

То издавал
Болезненный какой-то крик
И поминутно обрывался.
Старинушка не унимался
И продолжал всё петь,
Так что со стороны
Жаль было на него смотреть.
— «Нет, друг Петрович, старины, —
Сказал сосед, — знать, не воротишь, брат.
Лет сорок пять тому назад
Певали мы с тобой;
Теперь же нам пора и на покой.
Давай-ка вспоминать года свои былые
Да слушать, как поют другие».

Писатель в шестьдесят пять лет!
Кто б ни был ты — прозаик иль поэт,
Прими мой дружеский совет!
Всему на свете есть
Своя известная пора,

И что легко плыло
С пера,
Что доставляло вам читателей и честь,
Теперь ложится тяжело;
И в вашем старческом брюзжанье
Лишь слышится одно старанье
Прикрикнуть горячо на пишущий народ —
Да голосу недостает.

1868

Козьма Прутков

564. КОНДУКТОР И ТАРАНТУЛ

В горах Гишпании тяжелый экипаж
С Кондуктором отправился в вояж.
Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула;
А муж ее меж тем, увидя Таранту́ла,
Вскричал: «Кондуктор, стой!
Приди скорей! Ах, боже мой!»
На крик Кондуктор поспешает
И тут же веником скотину выгоняет,
Промолвив: «Денег ты за место не платил!»
И тотчас же его пятою раздавил.

Читатель! разочти вперед свои депансы,
Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы,
И норови, чтобы отнюдь
Без денег не пускаться в путь;
Не то случится и с тобой, что с насекомым,
Тебе знакомым.

1851

565. ЦАПЛЯ И БЕГОВЫЕ ДРОЖКИ

На беговых Помещик ехал дрожках.
Летела Цапля; он глядел:
«Ах, почему такие ножки
И мне Зевес не дал в удел?»

А Цапля тихо отвечает:
«Не знаешь ты, Зевес то знает!»

Пусть баснь сию прочтет всяк строгий семьянин:
Коль ты татаринoм рожден, так будь татарин,
Коль мещанином — мещанин,
А дворянином — дворянин.
Но если ты кузнец и захотел быть барин,
То знай, глупец,
Что наконец

Не только не дадут тебе те длинны ножи,
Но даже отберут коротенькие дрожки.

1851

566. СТАН И ГОЛОС

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то Становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос Горлицы внезапно услышал. . .
«Ах, если б голосом твоим я обладал, —
Так молвил Пристав, — я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А Горлица на то головкой покачала
И Становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».

1851

567. РАЗНИЦА ВКУСОВ

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слышать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,

Случилось так, что с дедом за столом,
В собрании гостей большом,
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: всё тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно.
Я этой басней пояснил тебе:
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь.

1854

568. ЗВЕЗДА И БРЮХО

На небе вечером светилася Звезда.
Был постный день тогда:
Быть может, пятница, быть может, среда.
В то время по саду гуляло чье-то Брюхо
И рассуждало так с собой,
Бурча и жалобно и глухо:
«Какой
Хозяин мой
Противный и несносный!
Затем что день сегодня постный,
Не станет есть, мошенник, до звезды;
Не только есть — куды! —
Не выпьет и ковш воды! . .
Нет, право, с ним наш брат не сладит:
Знай бродит по саду, ханжа,
На мне ладони положа;
Совсем не кормит, только гладит».

Меж тем ночная тень мрачней кругом легла.
Звезда, прищурившись, глядит на край окольный:

То спрячется за колокольной,
То выглянет из-за угла,
То вспыхнет ярче, то сожмется, —
Над животом исподтишка смеется. . .
Вдруг Брюху ту Звезду случилось увидеть.
Ан, хватъ!

Она уж кубарем несется
С небес долой
Вниз головой
И падает, не удержав полета, —
Куда ж? — в болото!
Как Брюху быть? Кричит: «ахти» да «ах!»
И ну ругать Звезду в сердцах.
Но делать нечего: другой не оказалось,
И Брюхо, сколько ни ругалось,
Осталось,
Хоть вечером, а натошак.

Читатель! басня эта
Нас учит не давать, без крайности, обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
(Я говорю из дружбы):
Спасайся, слова нет,
Но, главное, — не отставай от службы!
Начальство, день и ночь пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,
Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда, — в день постный, в день
скромный, —
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

569. ЧИНОВНИК И КУРИЦА

Чиновник толстенький, не очень молодой,
По улице с бумагами под мышкой,
Потая и пыхтя и мучимый одышкой,
Бежал рысцой.
На встречных он глядел заботливо и странно,
Хотя не видел никого,
И колыхалась на шее у него,
Как маятник, с короной Анна.
На службу он спешил, твердя себе: «Беги,
Скорей беги! Ты знаешь,
Что экзекутор наш с той и другой ноги
Твои в чулан упрячет сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь!»
Он всё бежал. Но вот
Вдруг слышит из ворот:
«Чиновник! окажи мне дружбу,
Скажи, куда несешься ты?» — «На службу!»
— «Зачем не следуешь примеру моему
Сидеть в спокойствии? Признайся напоследок!»
Чиновник, Курицу узревши эдак,
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак;
Несусь я, точно так,
Но двигаюсь вперед; а ты несешься сидя!»

Разумный человек коль баснь сию прочтет,
То, верно, и мораль из оной извлечет.

ПРИМЕЧАНИЯ

В сборник «Русская басня» входит более 500 стихотворных переложений басенных сюжетов, принадлежащих 73 авторам. Хронологически книга охватывает период с середины XVIII до середины XIX века, то есть время становления и расцвета басенного жанра в России. Речь в данном случае идет именно о стихотворной басне, так как в прозе классические образцы басни-притчи были перенесены на русскую почву много раньше. Книга «Стефанит и Ихнилат», перевод-переделка «Панчатантры», более известной в России как книга басен индийского философа Пильпая (Бидпая), расходилась в многочисленных списках с XV века; басни Эзопа были переведены на русский язык в самом начале XVII века и стали одной из наиболее популярных и читаемых книг. Басенные сюжеты мы встречаем также среди фавстий, жартов и фразек, попадавших в Россию через польское посредство.

История русской стихотворной басни начинается с силлабических басен А. Д. Кантемира, остававшихся ненапечатанными до 1762 года, когда их появление представляло уже только исторический интерес: в начале 1750-х годов на основе силлабо-тонической системы стихосложения, разработанной и внедренной В. К. Тредиаковским, М. В. Ломоносовым и А. П. Сумароковым, возникла русская басня того типа, который общеизвестен по классическим произведениям И. А. Крылова. Однако его отточенная манера опиралась на опыт многочисленных предшественников, которые испробовали различные пути совершенствования жанра, иногда плодотворные, иногда бесперспективные. Помещенные в сборнике произведения иллюстрируют наиболее важные тенденции развития басни до Крылова.

Басня, несмотря на ее некоторую обособленность в связи с особым кругом сюжетов, условным миром животных персонажей и т. п., все же развивалась не имманентно, а вместе с жанровой системой литературы в целом. В ее истории отражаются периоды господства сатиры и вытеснения сатиры моралистическими жанрами, стремление к изяществу изложения и неумеренная архаизация стиля, исчезновение жанровых границ и появление среди басен «нетипичных» произведений. Все эти оттенки жанра басни в его историческом развитии составители стремились продемонстрировать путем подбора характерных и показательных стихотворений.

Крылов в своем творчестве гениально осуществил синтез основных тенденций развития басни. Но еще в годы его активной литературной деятельности, растянувшейся более чем на сорок лет, стало очевидным, что доведенный им до совершенства жанр в его классической форме не способен к дальнейшему развитию. Уже у современника Крылова, А. Е. Измайлова, басня превратилась в бытовой стихотворный рассказ, иногда с конкретными и легко узнаваемыми прототипами. В 1830-е годы басня становится в основном достоянием малоталантливых подражателей Крылова, под пером которых она окончательно мельчает, превращаясь в дидактическое чтение для детей и простонародья. В баснях этого времени преобладает элементарная аллегория, для которой басенная форма является только прикрытием памфлетного содержания. Таковы басни В. С. Филимонова, Б. М. Федорова, В. И. Аскоченского, посвященные очень конкретным и сиюминутным событиям. Становление реализма в литературе, связанная с этим процессом ломка жанровой системы, ранее такой стройной и четкой, ускоряют деградацию басни как жанра. Она отесняется на периферию литературы и, как форма устаревшая, наивная, окостенелая, становится объектом пародирования. Пародийными баснями, появившимися под именем Козьмы Пруtkова, завершается история русской классической басни. Новые разновидности басни как одной из форм подцензурной сатиры, расцветающие в журналах эпохи первой русской революции 1905 года, а затем в дореволюционном творчестве Демьяна Бедного, представляют самостоятельный интерес и выходят за рамки данного сборника.

Настоящий сборник, посвященный русской классической басне, ставит целью познакомить читателей с образцами творчества возможно большего числа поэтов, причастных к русскому баснописанию. Сочинения наиболее крупных из них — И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова — переиздавались в недавнее время, однако составители не сочли возможным на этом основании исключить этих авторов из книги и тем самым заведомо обеднить ее за счет образцовых в своем роде сочинений. Вместе с тем наряду с упомянутыми поэтами в сборнике представлено творчество почти всех авторов, сыгравших сколько-нибудь значительную роль в истории русского баснописания. Прежде всего это писатели, выступившие с отдельными сборниками басен, затем баснописцы, хотя и не издавшие отдельных книг, но много печатавшиеся в журналах, и, наконец, авторы немногих, но характерных для различных направлений в баснописании произведений. Такой принцип отбора материала из безграничной массы басен дает возможность представить этот литературный жанр не только в лучших с эстетической точки зрения образцах, но и в его развитии, движении, которое не всегда было равно поступательным.

Когда речь идет об истории целого жанра, встает вопрос о его типологической характеристике, то есть об основных признаках, выделяющих этот жанр среди других. Определяя жанровую принадлежность публикуемых произведений, составители ориентировались на те определения, которые им давали сами авторы. До середины XVIII века очень употребительным синонимом более позднего термина «басня» было название «притча», восходящее к лексике предшествующего столетия. Позднее И. И. Хемницер, по образцу немецких сборников, назвал собрание своих басен «Басни и сказки». Тео-

ретики позднего классицизма — в России Н. Ф. Остолопов и другие, — добиваясь точной классификации жанров, чисто умозрительно поставили знак равенства между «притчей» и стихотворной «сказкой» и оставили за басней только те сюжеты, где в качестве действующих лиц выступали звери и вещи. Такое, не учитывающее специфических особенностей жанра «сказки», подразделение было положено в основу А. Н. Соколовым при составлении сборника «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века» (1969), вышедшего в Большой серии «Библиотеки поэта». Следуя этому принципу, он включил в книгу большое количество «притч». Между тем большинство русских баснописцев, в том числе И. А. Крылов, на практике объединяли все морально-дидактические сюжеты под названием «басня». В тех же случаях, когда делалась попытка выделить «сказки» из общего числа басен в качестве особого раздела, например И. И. Дмитриевым, А. Е. Измайловым, критерии деления оказывались крайне зыбкими и состав таких разделов менялся от сборника к сборнику.

С одной стороны, басня постоянно эволюционирует и какие-то ее признаки постоянно меняются; с другой стороны, форма басни является достаточно стабильной, сюжеты остаются неизменными на протяжении очень длительного времени.

Подавляющее большинство басенных сюжетов интернационально. Вопрос об иноязычных источниках русских басен тесно связан с этой главной спецификой жанра, использующего традиционный набор сюжетов. Теоретики басни всегда различали «изобретение» и «рассказ» басни, то есть сюжет и его обработку. Задача, стоявшая перед баснописцем, сводилась прежде всего к оригинальному изложению существующих сюжетов, а не к изобретению новых. Поэтому обычно басня не столько «переводилась» на русский язык, сколько «перелагалась» на русский быт, нравы, иногда русифицируясь до неузнаваемости. Выяснение степени близости русских произведений к аналогичным иноязычным басням не было специальной целью комментария. Содержащиеся в примечаниях указания на источник сюжета имеют в виду наиболее близкую иноязычную обработку, которая могла быть доступна русскому автору. Отсылки такого рода делаются на языке оригинала, за исключением ссылок на античные источники, которые указываются в русских переводах по изданиям: Федр, Бабрий, Басни, М., 1962, и «Басни Эзопа», М., 1968.

В целом составители пытались представить басенные сюжеты как можно разнообразнее. Вместе с тем наиболее популярные и многократно обрабатывавшиеся сюжеты представлены в разных вариациях у нескольких авторов. В отдельных случаях в примечаниях делаются указания на ранние или параллельные обработки сюжета в русской традиции. Как представляется, такое сопоставление помогает понять, что в отношении басни проблема перевода решается иначе, чем для других жанров, и каждая новая обработка сюжета является не столько подражанием, сколько самостоятельным произведением. Расположенные в хронологической последовательности стихотворения разных авторов наглядно демонстрируют эволюцию басенной поэтики, изменение стиха и языка, показывают, как традиционный сюжет применяется баснописцем к определенным обстоятельствам и видоизменяется в зависимости от конкретных намерений автора. Наиболее ясное представление об эволюции жанра дает со-

поставление четырех сюжетов — «Гора в родах», «Мышь городская и Мышь деревенская», «Дуб и Трость», «Волк и Журавль», обработки которых разными баснописцами представлены по возможности полно.

Тексты сгруппированы по персональному принципу, в виде подборок произведений отдельных авторов. В целом же разделы, каждый из которых посвящен определенному баснописцу, располагаются в историко-литературной последовательности. Некоторые отступления от общего хронологического порядка имеются только в тех случаях, когда автор выступал в качестве баснописца не на протяжении всего своего творческого пути, а лишь в какие-то определенные годы. Внутри персональных разделов сначала помещаются произведения, которые поддаются датировке, и те, крайняя дата создания которых определяется первой прижизненной публикацией (приводится в угловых скобках); за ними следуют посмертно опубликованные недатируемые произведения. В ряде случаев для относительных датировок использованы данные о публичных или частных чтениях произведения и сведения о прохождении рукописи через цензуру. При этом даты первого чтения и цензурного разрешения журнала или сборника приравниваются к дате первой публикации.

Тексты произведений, помещенных в сборнике, даются, как правило, по последней прижизненной публикации. Единичные отступления от этого принципа оговорены в примечаниях особо.

На протяжении полутора столетий литературного развития, отраженных в книге, русские орфография и пунктуация претерпели существенные изменения. Независимо от грамматических особенностей оригинала в настоящем сборнике тексты воспроизводятся по современной орфографии. Исключение сделано лишь для тех отклонений от современной нормы, которые связаны со стилевым и интонационным своеобразием произведений.

В примечаниях указываются кроме первой и последней публикации также те из промежуточных, которые свидетельствуют об авторской работе над текстом; отмечаются отдельные наиболее существенные прижизненные перепечатки; затем даются необходимые для понимания текста пояснения, главным образом историко-литературного характера. Сведения о датах чтения басен в литературных кружках и обществах, кроме особо оговоренных случаев, приведены в примечаниях по следующим источникам: в отношении «Беседы любителей русского слова» — по официальным отчетам, печатавшимся в «Чтениях» Общества и по протоколам его заседаний, опубликованным В. А. Десницким (Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв., М.—Л., 1958); для «Вольного общества любителей российской словесности» — по книге В. Г. Базанова «Ученая республика» (М.—Л., 1964); для «Общества любителей российской словесности при Московском университете» — по официальным отчетам в «Трудах» Общества; для «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» — по материалам архива Общества, хранящегося в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького в Ленинградском университете; сведения по этому фонду составителям любезно предоставил В. Э. Вацуру. Описания журналов, книг, сборников и альманахов в большинстве случаев даются в сокращении. Сокращения названий журналов и альманахов раскрыты

в особом списке; полные названия книг и сборников приведены в соответствующих биографических справках, предшествующих комментарию.

В биографических справках дается лишь краткая характеристика творчества писателя, преимущественно в жанре басни и смежных жанрах. Биографические сведения ограничиваются самыми общими, особенно в отношении известных писателей. Достаточно подробные их биографии читатель может найти в других сборниках настоящей серии. Сведения о большинстве малоизвестных баснописцев были приведены в сборнике «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века»; в данной книге они по возможности дополнены. В целях экономии места биографические справки, как правило, не документируются, исключение составляют лишь те сведения, которые почерпнуты из малоизвестных архивных источников. Мифологические, исторические имена, устаревшие слова, географические названия и т. п. поясняются в Словаре.

Список сокращений, принятых в примечаниях

- Беседа — «Беседа любителей русского слова».
Бл — «Благонамеренный».
ВВ — «Всякая всячина».
ВЕ — «Вестник Европы».
ВОЛРС — «Вольное общество любителей российской словесности».
ВОЛСНХ — «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств».
ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДБ — «Домашняя беседа».
ДВ — «Драматический вестник».
Десницкий — В. А. Десницкий, Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв., М.—Л., 1958.
ДЖ — «Дух журналов».
ЕС — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».
Жихарев — С. П. Жихарев, Записки современника, М.—Л., 1955.
ЖПЧ — «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения».
ЖРС — «Журнал российской словесности».
Иртыш — «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».
Кеневич — В. Кеневич, Библиографические и исторические примечания к басням Крылова, изд. 2, СПб., 1878.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛОИИ — Лен. отд. Института истории АН СССР.
М — «Маяк».
НА — «Невский альманах».
НЕС — «Новые ежемесячные сочинения».
НЛ — «Новости литературы».
ОЛРС — «Общество любителей российской словесности при Московском университете».
ПВ — «Праздное время, в пользу употребленное».
ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
ПЗ — «Полярная звезда».

ППВ — «Приятное и полезное препровождение времени».
 ПсП — «Полезное с приятным».
 ПУ — «Полезное увеселение».
 РВ — «Русский вестник».
 РИ — «Русский инвалид».
 РС — «Русская старина».
 С — «Современник».
 СЧ — «Свободные часы».
 СиП — «Сочинения и переводы».
 СЛРС — «Собеседник любителей русского слова».
 СО — «Сын отечества».
 СПбВ — «Санкт-петербургский вестник».
 СПбЖ — «Санкт-петербургский журнал».
 СЦ — «Северные цветы».
 ТВОЛРС — «Труды Вольного общества любителей российской словесности».
 ТОЛРС — «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете».
 ТП — «Трудолюбивая пчела».
 ХД — «Харьковский Демокрит».
 ЧтБЛРС — «Чтения в „Беседе любителей русского слова“».

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Д. КАНТЕМИР

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744), поэт-сатирик, один из основоположников новой русской литературы. Его творчество развивалось еще в рамках силлабической стихотворной традиции, которую он пытался более органично приспособить к возможностям русского языка. Шесть басен в стихах, один из многих новых стихотворных жанров, разработанных Кантемиром, написаны между 1730—1740 гг. Сюжеты басен совпадают с баснями эзоповских сборников, но Кантемир подробно и самостоятельно развивал их. Некоторые басни представляют отклики на современные Кантемиру события политической жизни. Они не печатались при жизни автора; рукописные списки басен встречаются относительно реже, чем списки «Сатир» Кантемира. Первое русское издание сочинений Кантемира, куда вошли и его басни, было осуществлено по инициативе библиотекаря Академии наук И. И. Тауберта поэтом и переводчиком И. С. Барковым и вышло под заглавием «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни» (СПб., 1762). Тексты Кантемира подверглись в нем исправлениям издателей. Самым авторитетным современным изданием стихотворений Кантемира является «Собрание стихотворений» («Б-ка поэта» (Б. с.), 1956), подготовленное на основе изучения рукописных списков.

1. Сатиры, 1762, с. 167. Печ. по Собр. стих., с. 225. Датируется по указанию в одной из авторитетных рукописей-списков произведений Кантемира («Курбатовской»): «писана в Лондоне в 1735 году и сначала учреждена была заключить вторую сатиру, но потом автор

отменил свое мнение». Имеется в виду сатира «Филарет и Евгений. На зависть и гордость дворян злонравных». Кантемиром к басне были сделаны следующие примечания:

«Ст. 1. *Воевода*. Начальник войска, фельдмаршал. Ст. 2. *Из воздушного рода*. Из птиц, сиречь, понеже воздух обитают. Ст. 16. *Славы жало*. Славы любовь, склонность та, которая нас к трудам ободряет в надежде получения чрез них себе славного имени. Ст. 17. *Седина бесплодна*. Старость не лучший плод принесет. Ст. 18. *Что павлину перья так, как и гордость, сродна*. Что перья павлину никакого достоинства не придают, понеже они дар природы, а не трудами своими добыты. К тому ж та, без трудов, от самой своей природы данная ему красота его гордым делает. Сим стихом стихотворец означает дворян спесивых, которые кроме своего знатного имени, которая украса им от предков доставлена, никакого собственного достоинства не имеют. Ст. 22. *Недремно та бодрствует, пока унывает*. Не туды совет клонится, чтоб народа начальникам ночь не спать, но чтоб бодрствовать о благосостоянии народном гораздо больше своих подчиненных».

2. Сатиры, 1762, с. 169. Печ. по Собр. стих., 1956, с. 226. Басня написана тринадцатисложным силлабическим стихом с цезурой после седьмого слога и предцезурным ударением на 5 или 7 слогах, характерным для поздних сочинений Кантемира. «Мораль» басни написана обычным для русской силлабики одиннадцатисложником. Кантемиром сделаны к басне следующие примечания:

«Сия басня переведена в Лондоне в 1738 г. из Горациевой в сат(ире) VI, книги II, который ее занял у Езопа, хотя в нынешнем собрании Езоповых притч не находится. Ст. 4. *От воздуха злости*. Как, наприклад, от дождя, от снега, града и прочих беспокойств, которым подлежат те, что живут не под крышкою. Ст. 12. *И подносит черствые*. Порядочное расположение слов сне быть должно: и черствые крохи хлеба ему подносит. Ст. 14. *Гордым той зубом, пожимаясь, того, другого куснет*. Tangentis male singula dente superbo. Изрядно сим стихом изображена нежность и прихотливость городской мыши, которая, к лакомым ествам приобыхши, грубую пищу есть гнушается. Ст. 27. *Земной рок пал*. Следующие речи толкуют, что рок тот есть общий, сиречь смертным быть. Ст. 31. *Мира вещьми*. Забавами, сладстями сего света. Ст. 37. *Средину неба уж ночь самую обняла*. То есть уже полночь была, понеже тогда ночь самую половину неба обнимает. Ст. 46. *Как слуги все звывли чинити*. Обычайно слугам прикушивать все, что хозяевам на стол подают, лакомством побуждены. Ст. 53. *В дрожи, в поту*. Часто случается в великом страхе потеть и дрожать от стужи. Ст. 55. *Сводь*. Значит весь дом, в самом деле голос наипаче в сводах отдается. Ст. 59. *Хоть корку зуб гложет*. Хоть я ем корку сухую. Ст. 63. *Те, что довольны* и проч. Порядок слов есть следующий: те, что знают быть довольны малым, те лишь достойны умными зваться».

М. В. ЛОМОНОСОВ

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), ученый и писатель, один из создателей литературы русского классицизма, напечатал при жизни всего три басни, которые, однако, оставили заметный след

в истории жанра. Эти первые в России силлабо-тонические переложения басен Лафонтена им были включены в «Краткое руководство к красноречию...» (СПб., 1748), известное также под названием «Риторика», в качестве примеров, как следует сочинять басни. «Риторика» была отпечатана в 1747 г., но тираж ее погиб во время пожара Кунсткамеры, и книга была заново набрана в следующем году. Она выдержала несколько переизданий и долгое время служила пособием для начинающих авторов. В 1750-е годы ряд поэтов, опираясь на предложенные Ломоносовым правила, выступили против практики баснописцев сумароковской школы. Ломоносов определял притчу как «вымышленное повествование, имеющее в себе нравоучение, кратко и ясно изображенное». Такое понимание специфики басни не предполагало в ней ни сатиры, ни комизма, требуя лишь «ясного», то есть логично вытекающего из содержания и недвусмысленного, «нравоучения». Поэтому переложения Ломоносова из Лафонтена короче оригинала, выдержаны в общепонятном «среднем штиле», последовательно, без отступлений развивают основную тему и имеют пуантированный «прилог», «мораль». Ломоносов отказывается от разностопного стиха Лафонтена, имитирующего разговорную речь. Спокойную повествовательность его басен подчеркивает равносложный (четырех- и шестистопный) ямб. От этого принципа он отступает лишь в поздней сатире на Сумарокова «Свинья в лисьей коже», однако, в этом случае подражание Сумарокову было всего лишь пародийным приемом. Из других баснописцев, писавших по правилам «Риторики» и составивших как бы школу Ломоносова в баснописании, следует отметить А. И. Дубровского (см. с. 544) и И. С. Баркова, осуществившего первый полный стихотворный перевод басен Федра («Федра нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные...». СПб., 1764). Более подробно о Ломоносове см. во вступ. статье (с. 10) и в кн.: М. В. Ломоносов, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965.

3. Риторика, с. 303. На сюжет басни французского баснописца Ж. Лафонтена (1621—1695) «*Le loup devenu berger*».

4. Там же, с. 304. На сюжет басни Лафонтена «*La femme pouée*».

5. Там же, с. 305. На сюжет басни Лафонтена «*Le meunier, son fils et l'âne*».

6. Печ. по М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, М.—Л., 1959, с. 737. При жизни Ломоносова не публиковалась, но широко распространялась в рукописных списках. Текст известен по нескольким рукописным сборникам. Сокращенный вариант текста был опубликован в «Российской универсальной грамматике» Н. Г. Курганова (СПб., 1769, с. 276) и входил в ее многочисленные переиздания (под загл. «Письмовник...»). Представляет перифраз басни А. П. Сумарокова «Осел во львовой коже» (см. № 27) и является ответом на нее. Датируется в соответствии с намеком на увольнение Сумарокова от управления придворным русским театром (*Таким от рока суд бывает: Он хлеб их отымает*), о котором стало известно в 1760 г. (состоялось в апреле—июле 1761 г.). *Кривляя рожу, моргала*. Намек на нервный тик, которым страдал Сумароков.

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1769) открыл для русской поэзии силлабо-тоническую систему стихосложения, исключительно в рамках которой и развивалась далее русская стихотворная басня. Сын астраханского священника, он в 1725 г., обуреваемый жаждой знаний, самовольно, без паспорта отправился за границу и несколько лет провел в Голландии и Париже, где слушал лекции в Сорбонне. По возвращении в 1730 г. в Россию Тредиаковского оставляют при Академии наук, где он пользуется славой придворного поэта, первым из русских добывается звания профессора и предпринимает первые попытки реформировать литературу по европейскому образцу. Тратат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) касался не только стихосложения; в нем Тредиаковский также определил особенности основных поэтических жанров и дал соответствующие примеры на русском языке. В «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину», включенной в трактат, упоминался и Ж. Лафонтен как образцовый баснописец нового времени. Сам Тредиаковский обратился к басням только в своей книге «Сочинения и переводы» (чч. 1—2, СПб., 1752), где с их помощью иллюстрировал некоторые разновидности вводимых им стихотворных размеров. Дело в том, что соображение Тредиаковского о предпочтительности для русского языка хореических многостопных стихов было в 1740-е годы отвергнуто практикой М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, благодаря которым широкое распространение получают ямбические размеры. В 1752 г. Тредиаковский заново изложил основы своей системы в «Способе к сложению российских стихов...», апеллируя к античной метрике и образцам. Гекзаметры «иамбический» и «хореический», примененные им в баснях «для опыта», являлись, по его теории, исходными формами, из которых производились другие размеры. Примером «гексаметра хореического», представляющего собой тринадцатисложник с цезурой и мужской рифмой, служат его басни «Муха и Муравей», «Ворон и Лисица». «Иамбический гекзаметр» (практически — александрийский стих) находим в басне «Осел во львиной коже». Выступив в качестве баснописца уже после выхода в свет «Риторики» Ломоносова и в то время, когда, по-видимому, уже были написаны первые басни Сумарокова, Тредиаковский принципиально подчеркнул, что перелагает Эзопа-моралиста, а не Лафонтена, легкого рассказчика. На самом деле многие из выбранных им сюжетов, как и сама традиция стихотворной басни, восходят не к Эзопу-прозаику, а к Федру и Бабрию, с которыми Тредиаковского связывает и отсутствие отдельной «морали» в баснях. Это ни в коей мере не смягчало тяжеловесной нравоучительности басен, преподносивших читателю «полезное» в форме «приятного» вымысла. Опыты Тредиаковского последователей не имели. В негативном плане его опыт, по-видимому, был учтен И. С. Барковым при выборе ямбов, а не «гексаметров» Тредиаковского, для полного перевода басен Федра. Последний период жизни Тредиаковского был омрачен литературными и житейскими неудачами. Упорно отстаивая свои устаревшие стилистические принципы, он подвергался насмешкам со стороны младших современников, был изгнан из журнала «Ежемесячные сочинения», уволен из Академии наук и одиноко доживал свои дни на Васильевском острове, занимаясь многочисленными перево-

дами. Подробнее см. о нем в кн.: В. К. Тредиаковский, Избр. произв., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1963.

7. СиП, ч. 1, с. 196. Использован сюжет, известный по сборникам басен Эзопа, Федра, Бабрия, Лафонтена и др.

8. Там же, с. 196. На сюжет басни древнеримского баснописца Федра (ок. 15 до н. э. — ок. 70 н. э.) «Гора рождающая».

9. Там же, с. 187. На сюжет басни Федра «Муравей и Муха».

10. Там же, с. 192. На сюжет басни Федра «Лиса и Ворон». *Птица. . . Зевсова* — орел. *Без сердца мех* — чучело.

11. Там же, с. 212. На сюжет басни древнегреческого баснописца Эзопа (VI в. до н. э.) «Лисица и виноград».

12. Там же, с. 215. На сюжет басни Эзопа «Галка и птицы».

13. Там же, с. 221. На сюжет басни древнегреческого баснописца Бабрия (II в. н. э.) «Осел во львиной шкуре».

14. Там же, с. 226. На сюжет басни Эзопа «Хвастливый пятибопец». Если справедливы предположения, что басня направлена против вернувшегося из-за границы Ломоносова (см. в кн.: В. К. Тредиаковский, Избр. произв., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1963, с. 503), то ее создание следует отнести к первой половине 1740-х годов. Высказывалось также мнение, что басня метила в Артемия Волынского и была той «сатирической песенкой», за которую Тредиаковский был жестоко избит им в 1740 г. (см.: П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. 2, СПб., 1873, с. 166). По мысли П. Н. Беркова, басня связана с полемикой между Ломоносовым и Тредиаковским о «Предупреждении» к «Аргениде» в 1751 г. и ответом на нее была «Сатира на Самохвала» И. С. Баркова (см.: П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765, М.—Л., 1936, с. 97).

А. П. СУМАРОКОВ

Александр Петрович Сумароков (1717—1777) был одним из основоположников литературы русского классицизма. С его именем связаны как разработка литературной теории, так и становление основных литературных жанров XVIII века: драматических — трагедии и комедии, и лирических — элегия, эклога, литературная песня и др. Сумароков воспитывался в Сухопутном шляхетном корпусе, где процветали литературно-театральные интересы и откуда вышло большинство его поклонников и последователей. В 1740-х годах существовал единый творческий союз Сумарокова, Ломоносова и Тредиаковского, совместно разрабатывавших силлабо-тоническую систему стихосложения, вопросы языка и стиля новой литературы. Но уже в 1747 г. было напечатано своеобразное «*Ars poetica*» Сумарокова, его «Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве», явившиеся манифестом новой литературной школы. С начала 1750-х годов разгорелась острая литературно-обще-

ственная борьба, начатая сторонниками Сумарокова. Она не ограничилась резкими рукописными памфлетами; ее отзвуки прослеживаются и на страницах академического журнала «Ежемесячные сочинения». Споры были обусловлены резкими расхождениями по вопросам стиля и во взглядах на общественные задачи литературы. Сумароков отстаивал рационалистически строгую, легко воспринимаемую читателем, образную систему поэзии и «средний стиль» языка, близкий к языку культурного общества («естественный»). Ориентируясь на лучшие образцы литературы французского классицизма, он боролся против метафорического стиля одической поэзии Ломоносова. Особенно интенсивно дворянские писатели сумароковской школы разрабатывали сатирические жанры, активно вмешиваясь в общественную жизнь. Большинство из них приняли участие в дворцовом перевороте 1762 г. в пользу Екатерины II, которой, еще в ее бытность великой княгиней, Сумароков посвятил свой журнал «Трудолюбивая пчела» (1759). Первые притчи Сумарокова появились в «Ежемесячных сочинениях», но упражняться в басенном роде он начал раньше: уже в «Эпистолу о стихотворстве» Сумароков включил исчерпывающую характеристику этого жанра. В своей творческой практике он отошел от традиции русского прозаического «рукописного Эзопа» и в качестве образца рекомендовал греческую басню Лафонтена. Сумароков создал басню привычного нам вида — сюжетное стихотворение, написанное «вольным» (разностопным) ямбом; он же придал русской басне несвойственный ей ранее злободневный сатирический характер. Этот тип басни был разработан и развит его учениками. В 1762 г. «Притчи» Сумарокова вышли отдельным изданием (кн. 1—2, СПб., 1762); в 1769 г. в дополнение к первым двум он напечатал 3-ю книгу. Эти издания создали автору репутацию «русского Лафонтена», продержавшуюся до 1790-х годов. В последний год жизни Сумароков подготовил к печати 4-ю и 5-ю книги притчей, которые, однако, увидели свет только в части седьмой посмертного «Полного собрания всех сочинений А. П. Сумарокова», осуществленного Н. И. Новиковым (М., 1781—1782). Из печатавшихся в разных изданиях, а также распространявшихся рукописно стихотворений издатель дополнительно составил 6-ю книгу притчей. Более подробно о баснях Сумарокова см. вступ. статью (с. 13—17) и в кн.: А. П. Сумароков, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

15. Притчи, кн. 1, с. 56. Сюжет имеет сходство с басней Лафонтена «Les frêlons et les touches à miel». По предположению П. Н. Беркова, направлена против В. К. Тредиаковского и относится ко времени выхода в свет его сборника «Сочинения и переводы» в 1752 г. (см.: А. П. Сумароков, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957, с. 539). *Они работают, а вы их труд идите*. Этот стих был выбран Н. И. Новиковым в качестве эпиграфа к сатирическому журналу «Трутень»; в сознании позднейших читателей ассоциировался с обличением крепостного права.

16. Там же, с. 56. По предположению П. Н. Беркова (см. примеч. 15), направлена против В. К. Тредиаковского, неоднократно заявлявшего, что именно он был зачинателем новой русской поэзии.

Издавая сборник своих «Сочинений и переводов» (1752), одно из первых в истории русской литературы собрание сочинений писателя, Тредиаковский как бы подкреплял эти претензии. Возможно, что Тредиаковский отвечал на эту басню сатирой «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...», относимой исследователями к 1753 г. (см.: «Поэты XVIII века», т. 2, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972, с. 392).

17. ЕС, 1755, май, с. 452. На сюжет басни Лафонтена «*Le loup devenu berger*». Принадлежит к числу первых басен, опубликованных Сумароковым. Написанная разностопным ямбом, басня противопоставлена по форме басне Ломоносова («Волк-пастух») (№ 3) на тот же сюжет и восходящей к тому же источнику.

18. ЕС, 1756, январь, с. 62. Сюжет получил в европейской литературе широкую известность по шестой сатире Горация. Для русских авторов при освоении этого сюжета отправной точкой служила не краткая басня Эзопа, а сатира Горация и ее европейские обработки, напр., басня Лафонтена «*Le rat de ville et le rat des champs*».

19. ЕС, 1756, ноябрь, с. 440. Перепечатано: «Разные материи, собранные Матвеем Комаровым», М., 1791, с. 18; «Дело от безделья», 1792, ч. I, с. 69. На сюжет одноименной басни Федра.

20. СиП, 1758, июнь, с. 582. Написана четырехстопным анапестом, редчайшим для басенного жанра размером (ср. басню П. П. Сумарокова «Две собаки», № 170).

21. ТП, 1759, май, с. 305. Печ. по Притчи, кн. 2, с. 5. На сюжет басни Лафонтена «*Le meunier, son fils et l'âne*». До Сумарокова сюжет обрабатывал М. В. Ломоносов в басне «Старик, его сын и осел» (см. № 5). Притча Сумарокова была использована в лубочной картинке XVIII в. «На всех не угодишь», обеспечившей сюжету фольклорную известность.

22. Там же, июль, с. 413. На сюжет басни Лафонтена «*Le rat qui s'est retiré du monde*». Экспозиция басни имеет в виду «Батрахомиомахию»; у Лафонтена речь идет о войне мышей с кошками. Направлена против русского духовенства, отказавшегося оказать правительству финансовую поддержку во время Семилетней войны (1756—1763 гг.). У *коих бороды пошире*. Имеется в виду духовенство, монашество, освобожденное Петром I от брития бороды.

23. Там же, август, с. 476. Печ. по Притчи, кн. 2, с. 11.

24. Там же, с. 479. На сюжет басни Федра «Гора рождающая».

25. ПВ, 1760, 14 октября, с. 245. Направлена против откупной политики правительства, широко пропагандируемой графом П. И. Шуваловым (1711—1762), дядей фаворита императрицы Елизаветы Петровны, И. И. Шувалова.

26. ПВ, 1760, 18 ноября, с. 320. Печ. по Притчи, кн. 2, с. 34. На сюжет басни Эзопа «Лисица и терновник».

27. ПВ, 1760, 19 февраля, с. 146. Печ. по Притчи, кн. 2, с. 7. На сюжет басни Лафонтена «L'âne vêtu de la peau du lion». Эту притчу Сумарокова принял на свой счет М. В. Ломоносов, увидевший в стихах *Или когда в чести увидишь дурака... Которого пахать произвела природа* грубый намек на свое крестьянское происхождение. В целом стихотворение отражает недовольство возвышением Ломоносова во время фавора И. И. Шувалова, от которого Сумароков зависел как директор придворного театра.

28. ПУ, 1761, май, № 19, с. 161. На сюжет басни Лафонтена «Le regard et le buste». *Хераскова* Елизавета Васильевна (1737—1809) — поэтесса, жена писателя М. М. Хераскова.

29. ПУ, 1761, май, № 19, с. 165. Печ. по Притчи, кн. 2, с. 50. Сюжет заимствован из притчи, использованной в проповеди «Слово в неделю цветную» Феофана Прокоповича (1681—1736), писателя и церковного деятеля (см.: «Слова и речи», ч. 1, СПб., 1760, с. 263).

30. ПУ, 1761, май, № 19, с. 166. На сюжет басни Лафонтена «Le serpent et la lime». У Сумарокова имеется также притча «Ехидна и пила» на тот же сюжет, но представляющая переложение одноименной басни Федра.

31. Притчи, кн. 1, с. 5. На сюжет басни Лафонтена «Phébus et Borée». *Борей — Калигула, а Феб — Екатерина*. Имя римского императора Калигулы (см. Словарь) в просветительской литературе XVIII в. использовалось как символ необузданного деспотического правления. В данном случае имеется в виду Петр III, свергнутый в результате дворцового переворота, возведшего на престол Екатерину II.

32. Там же, с. 29. На сюжет басни Лафонтена «La cour de lion». *И вместо португей имеют кушаки* — то есть еще не купили за деньги чин, обеспечивающий дворянское звание, дававшее право носить шпагу.

33. Там же, с. 55. На сюжет басни «Осы в меду» из сборника эзоповских басен, составленного Р. Летранжем (русский перевод С. С. Волчкова: «Езоповы басни...», СПб., 1747). Притча является откликом на указ Екатерины II от 1762 г. о запрещении государственным чиновникам брать взятки под угрозой уголовного наказания. В лице хозяйки персонифицирована Екатерина II.

34. Там же, с. 59.

35. Там же, с. 68. Стих. принадлежит к экспериментам Сумарокова в области стихотворных басенных размеров; написано неупотребительным в жанре басни размером — дактилем. Использован сюжет басни Федра «Верная собака» в обработке Летранжа (см. примеч. 33).

36. Там же, с. 69. На сюжет басни Лафонтена «Le coche et la poushe». Строфическая форма басни (встречающаяся, в частности, у Лафонтена) позволяет отнести ее, как и предыдущую, к ранним экспериментам Сумарокова в области басенной формы.

37. Там же, с. 12. Сюжет восходит к басне Эзопа «Дуб и Тростник». Сумароков, как и другие русские баснописцы, обращаясь к этому сюжету, опирался на басню Лафонтена «Le chêne et le roseau».

38. Притчи, кн. 2, с. 39. На сюжет басни Лафонтена «Les têtues et l'estomac». Идея рационального подчинения личных и сословных интересов интересам общегосударственным являлась основополагающей для социальных воззрений Сумарокова и неоднократно аргументировалась им как в публицистической, так и в художественной форме (см.: Г. А. Гуковский, Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов, М.—Л., 1936). Она излагается также в его притче «Единовластие».

39. Там же, с. 50. На сюжет басни Эзопа «Светильник».

40. Там же, с. 53. Переработка сюжета басни Лафонтена «La femme pouée»; вместо упрямой жены выведен муж, враль и пьяница. Ср. обработку сюжета М. В. Ломоносовым в басне («Утонувшая жена») (см. № 4).

41. Там же, с. 56. На сюжет басни Федра «Петух к Жемчужине».

42. Там же, с. 64.

43. Там же, с. 70. Сюжет сходен с басней Эзопа «Жрецы Кибелы». Сочетание шестистопного «хореического гекзаметра», пропагандировавшегося В. К. Тредиаковским именно в жанре басни (ср. его басню «Лисица и виноградная кисть», № 11), и излюбленного им же трехсложного хорея позволяет отнести басню к ранним опытам Сумарокова в этом жанре.

44. СЧ, 1763, апрель, с. 244. Направлена против М. В. Ломоносова, у которого в тексте «Оды на взятие Хотина» была дважды пропущена опечатка: «кастильский» (испанский) вместо «кастальский» (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. разных соч., кн. 1, СПб., 1751, с. 158; изд. 2, кн. 1, СПб., 1757, с. 142). *И стала петь, Гомера подражая*. Речь идет о замысле незавершенной поэмы Ломоносова «Петр Великий», две песни которой были изданы в 1760 г. *Вселенная дрожит* и т. д. — пародия на одический стиль Ломоносова, который Сумароков с помощью подобных приемов осмеивал также в «Одах вздорных» (конец 1750-х годов).

45. ВВ, 1769, январь, с. 34, без загл. Загл. дано в Полн. собр. всех соч., ч. 7, с. 202.

46. ВВ, 1769, январь, с. 34, без загл. Загл. дано по публикации в Полн. собр. всех соч. (ч. 7, с. 202). На сюжет басни Эзопа «Волы и Ось».

47. Притчи, кн. 3, с. 3. Притча имеет автобиографический смысл и связана с неприятностями, постигшими Сумарокова после публикации его памфлетных комедий «Лихоимец» (1769) и др. Заключительные два стиха Н. И. Новиков взял эпиграфом к изданию «Трутня» на 1770 г. В басне обыгрывается распространенное в XVIII в. представление, что происхождение сатирической поэзии связано с мифологическими сатирами.

48. Там же, с. 38. На сюжет басни немецкого писателя Хр. Геллерта (1715—1769) «Die Nachtigall und der Kuckuck».

49. Притчи, кн. 3, с. 39. Возможно, притча намекает на брак сестры Сумарокова Е. П. Сумароковой и А. И. Бутурлина, которого драматург вывел под именем Кашея в комедии «Лихоимец». *Четвертый способ был доныне прежде кнут*. Имеется в виду пытка, официально отмененная при Екатерине II (1767).

50. Там же, с. 41. На сюжет басни Эзопа «Эфиоп». *Козицкий Григорий Васильевич* (1726—1775) — переводчик, редактор журнала «Всякая всячина» (1769). Сумароков высоко ценил литературное дарование Козицкого и поддерживал с ним дружеские отношения.

51. Там же, с. 50.

52. Там же, с. 56.

53. Там же, с. 58. Сходный сюжет известен по басне французского баснописца Б. Имбера «Le fusil et le lièvre».

54. Там же, с. 62.

55. Там же, с. 68.

56. Там же, с. 69.

57. Полн. собр. всех соч., ч. 7, с. 196. На сюжет басни Лафонтена «Le vieillard et ses enfants», восходящий к Эзопу. Сумароков имеет в виду эпоху татаро-монгольского ига, сопровождавшегося феодальными княжескими междоусобицами, облегчившими татарским ханам завоевание русских земель.

58. Там же, с. 196. На сюжет басни Лафонтена «Le villageois et le serpent».

59. Там же, с. 225. Сюжет имеет сходство с народным анекдотом о том, как бабы взялись исполнять мужскую работу.

60. Там же, с. 238. На сюжет басни Лафонтена «La chose impossible».

61. Там же, с. 261. На сюжет басни Лафонтена «Le pot de terre et le pot de fer».

62. Там же, с. 284. На сюжет басни Лафонтена «*Le dragon a plusieurs têtes et le dragon à plusieurs queues*». Н. И. Новиков, издатель сочинений Сумарокова, обозначил отточиями те места текста, которые ему не удалось разобрать в рукописи.

63. Там же, с. 253.

А. И. ДУБРОВСКИЙ

Адриан Илларионович Дубровский (1732—1780-е годы), сын дьячка, был отдан родителями для обучения в Московскую славяно-греко-латинскую академию. В 1748 г. способный мальчик обратил на себя внимание В. К. Тредиаковского, приехавшего отбирать студентов для пополнения Академического университета, и был определен в Академическую гимназию. Дубровский прошел весь положенный курс обучения и в 1757 г. получил звание академического переводчика. Еще будучи студентом, он переводил на русский язык немецкие «надписи» к иллюминациям и фейерверкам, готовил материалы для журнала «Ежемесячные сочинения». Внимание Дубровского привлекали умеренные идеи ранних французских просветителей. В частности, он первым начал переводить стихами роман Фр. Фенелона «Похождения Телемака» (1755), напечатал диалог Вольтера «О славе» (1756), к 1759 г. у него уже был закончен стихотворный перевод трагедии «Заира» (опубликован в 1779 г.). В поэзии Дубровский выступил учеником Тредиаковского. Тяжелый синтаксис, пристрастие к церковнославянизмам, подчеркнутая серьезность изложения темы (особенно в дидактической поэме Дубровского «На ослепление страстями») скоро сделали его сочинения неинтересными для читателя, а Н. П. Николев оценил «Заиру» как надругательство над Вольтером-поэтом. В басне Дубровский отказался от рекомендуемых Тредиаковским «хореических гекзаметров» и обратился к шестистопному ямбу, пример применения которого в этом жанре дал Ломоносов. Характерно, однако, что, выбрав очень популярные сюжеты, Дубровский в качестве жанрового образца ориентировался все-таки на классического Федра, а не на Лафонтена. Литературные занятия Дубровского были недолгими. В 1759—1760 гг. он в качестве наставника сопровождал в путешествии по России С. Р. Воронцова, а с 1761 г. служил секретарем при русском посланнике в Гааге А. Р. Воронцове.

64. ЕС, 1755, октябрь, с. 382, подп. А. Л. На сюжет басни Лафонтена «*Le corbeau voulant imiter l'aigle*». *Но сколь пред сыром был баран ему тяжеле* — намек на басню Федра «Лиса и Ворон» (ср. перевод В. К. Тредиаковского, № 10).

65. Там же, с. 383, подп. А. Д. На сюжет басни Лафонтена «*Le lion et le moucheron*».

М. М. ХЕРАСКОВ

Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) связал свою просветительскую деятельность с Московским университетом, при котором с небольшими перерывами прослужил в разных должностях с 1755

по 1802 г. Все эти годы он был одной из центральных фигур литературной жизни Москвы. К концу 1750-х годов вокруг него сгруппировался кружок любителей литературы, известный как «херасковский кружок». Их усилиями при университете издавались журналы «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763), был начат перевод важнейших статей из «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Даламбера, частью изданных в 1767 г. Младший современник А. П. Сумарокова, Херасков вслед за ним утверждал принципы классической эстетики, проявляя, однако, известную самостоятельность мнений, и в некоторых отношениях шел дальше вождя литературной школы, к которой принадлежал. В его творчестве особое значение приобретают идеи добродетели и моральных достоинств человека, наиболее полно отразившиеся в лирике, драматургии и романах Хераскова. Они не только связывают его с масонской литературой, но делают предшественником сентименталистов с их интересом к человеческой личности, ее внутренней жизни и этическим исканиям. В то же время Херасков завершил и становление системы русского классицизма, создав национально-историческую эпопею «Россиада» (1779), пример «высшего» жанра в поэтике классицизма. В последние десятилетия жизни он оставался признанным литературным мэтром среди русских писателей, хотя его произведения уже не пользовались никаким успехом. В жанре басни Херасков начал выступать в журнале «Ежемесячные сочинения» 1750-х годов, придерживаясь сатирической манеры Сумарокова. Еще в его баснях периода «Полезного увеселения» встречаются злободневные выступления против подьячих, новоиспеченной аристократии, откупщиков и т. п. Но постепенно он разочаровывается в возможностях сатиры уничтожить общественные пороки. В его баснях начинает преобладать морально-философская аллегория, а обличение заменяется печальной констатацией недостатков человеческой природы, исправить которые не во власти писателя. Таков лейтмотив «Нравоучительных басен» в двух книгах (М., 1764). В этом отношении Херасков выступил предшественником И. И. Хемницера, так же как в области стилистики басни он готовил реформу И. И. Дмитриева, стремясь к «естественности» слога и отказываясь от намеренной «грубости» сумароковской притчи. У самого Хераскова эти тенденции еще не получили четкого выражения. Растворив повествовательные элементы в побочных моралистических рассуждениях, Херасков часто делает свои басни вялыми и монотонными. Подобно другим мелким сочинениям, басни не вошли в «Творения» Хераскова, изданные незадолго до смерти поэта (чч. 1—12, М., 1796—1803).

66. ЕС, 1756, июнь, с. 564, подп. М. Х. Перепечатано: «Прохладные часы», 1793, ч. 1, июнь, с. 449. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et la cigogne».

67. ПУ, 1760, июнь, № 21, с. 213.

68. ПУ, 1761, ч. 2, декабрь, № 22, с. 206.

69. ПУ, 1761, ч. 2, декабрь, № 23, с. 222. Сюжет в основе своей восходит к рассказу Плиния Старшего в «Естественной истории»

о легендарном живописце Апеллесе. Позднее использован А. С. Пушкиным в басне-эпиграмме «Сапожник».

70. ПУ, 1761, ч. 2, декабрь, № 23, с. 224.

71. Нравоучительные басни, 1764, кн. 1, с. 3.

72. Там же, с. 13. На сюжет басни французского баснописца Ш. Песселье (1712—1763) «L'homme et la marmotte».

73. Там же, с. 33. На сюжет басни Федра «Престарелый Лев, Кабан, Бык и Осел».

74. Там же, кн. 2, с. 37.

75. Там же, с. 40. Тема клеветы и клеветников в поэзии Хераскова, по предположению Г. А. Гуковского, связана с нападками на кружок Хераскова в Москве (см: Г. А. Гуковский, Очерки по истории русской литературы XVIII века, М.—Л., 1936, с. 210—211). См. также притчи А. А. Ржевского (№ 91, 92, 97).

76. Там же, с. 72. На сюжет басни Песселье «Le tableau et le cadrec».

В. И. МАЙКОВ

Василий Иванович Майков (1728—1778) пришел в литературу через увлечение театром. В Ярославле, где прошла его юность, он познакомился с Ф. Г. Волковым, когда тот был еще случайным руководителем труппы провинциальных актеров-любителей. В 1750-е годы в Петербурге Майков через него сближается с А. П. Сумароковым, первым директором придворного театра. Верным учеником Сумарокова Майков остался до конца жизни; его влияние особенно отчетливо ощущается в драматических сочинениях и одах Майкова. Несмотря на близкие связи с литературной средой, первое выступление Майкова в печати состоялось лишь в 1762 г., после переезда в Москву, где он был доброжелательно принят М. М. Херасковым, с кружком которого он навсегда связал свою литературную деятельность, позднее приняв также участие в издании журнала «Вечера» (1772). Известность Майкову — и среди современников, и у потомства — принесли две ирои-комические поэмы: «Игрок ломбера» (1763) и «Елисей, или Раздраженный Вахх» (1771). В первой шутивно описывался процесс модной карточной игры и переживания игрока-неудачника; вторая рассказывала о похождениях валдайского ямщика Елеси, которого Вахх, бог вина и веселья, избрал орудием мести откупщикам, повышающим цену на вино. Сюжет «Елисея» отчасти пародировал «Энеиду» Вергилия, а в тексте содержались насмешки над ее русским переводом В. П. Петрова, посвященным Екатерине II. Комическое описание простонародного быта в поэме Майкова, вплоть до кабацких драк и сцен в публичном доме, в известной степени связано с общей разработкой басенного слога в 1760-е годы и его собственным опытом баснописца. Хотя своему сборнику он дал название «Нравоучительные басни» (чч. 1—2, М., 1766—1767), повторяя за-

главные книги Хераскова, помещенные здесь произведения являются типичными притчами сумароковской школы. Серьезный морализм остался чужд Майкову. В притчах же Сумарокова вырабатывались приемы комического рассказа, в том числе и элементы «бурлескного» слога, представляющего игру на столкновении «высокого» и «низкого», с точки зрения классической эстетики, как по стилю, так и по теме. Подобно Сумарокову, Майков в своих баснях тяготеет к анекдоту, как правило завершая его остроумной и отточенной концовкой. Вместе с тем он рассказывает свои сюжеты гораздо обстоятельнее, чем это было принято в типичной «басне-притче» 1760-х годов, закладывая основы жанра «стихотворной сказки» (новеллы). Майков не владел в достаточной степени ни одним иностранным языком. Поэтому сюжеты басен он черпал из русских переводов Эзопа, Федра, Бидпая, Гольберга, из фольклора и фавей. Впрочем, современники считали, что отсутствие у Майкова переводов и переложений придает его басенному творчеству особое своеобразие. Подробнее о нем см. в кн.: В. И. Майков, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1966.

77. Нравоучительные басни, ч. 1, с. 6.

78. Там же, с. 7. На сюжет басни Лафонтена «Les grenouilles qui demandent un roi».

79. Там же, с. 27. Сюжет басни известен по фавейям и многочисленным печатным сборникам анекдотов, выходившим в XVIII в. («Письмовник» Н. Г. Курганова, «Товарищ разумный и замысловатый» Н. Семенова и др.).

80. Там же, с. 30. На сюжет басни Эзопа «Живот и Ноги». Вариант сюжета, разработанный Майковым, позднее был использован в «вольной» басне Д. В. Давыдова «Голова и Ноги».

81. Там же, с. 32.

82. Там же, ч. 2, с. 7. На сюжет басни датского баснописца Л. Гольберга (1684—1754) «Обезьяна живописцем».

83. Там же, ч. 2, с. 12. Принадлежность Майкову печатной редакции 1774 г. (см.: «XVIII век», сб. 3, М.—Л., 1958, с. 474) сомнительна.

84. Там же, с. 20.

85. Там же, с. 25. Сюжет басни восходит к притче из «Повести о Варлааме и Иоасафе».

86. Там же, с. 33. Сюжет совпадает с сюжетом прозаической одноименной басни В. Т. Золотницкого (см.: «Новые нравоучительные басни...», СПб., 1763, с. 73).

А. А. РЖЕВСКИЙ

Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804) был учеником А. П. Сумарокова в поэзии. Он начал печататься в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759) и с 1760 г. сблизился с московской группой последова-

телей Сумарокова — кружком М. М. Хераскова при Московском университете. Несмотря на то, что Ржевский жил в Петербурге, он оказался самым активным вкладчиком в выходившие при университете журналы «Полезное увеселение» (1760—1761) и «Свободные часы» (1763), поместив здесь более двух сотен стихотворений в самых различных жанрах. Затем его творческая активность идет на убыль. Известно, что до 1769 г. он написал две не имевшие большого успеха трагедии — «Прелеста» и «Подложный Смердий»; к более позднему времени относится лишь несколько случайных стихотворений. Вместе с тем, сосредоточившись на придворной и служебной карьере, Ржевский не порывал с петербургской литературной средой. Он был членом Российской Академии и принимал участие в работе над «Академическим словарем русского языка», поддерживал тесные отношения с Державиным, издал на свой счет «Душеньку» И. Ф. Богдановича. Общение с Херасковым, оригинальным интерпретатором учения о добродетели, не только привело Ржевского в масонскую ложу Н. И. Новикова, но повлияло и на направление его раннего творчества. У него чаще, чем у Сумарокова, встречаются элегические и моралистические мотивы. Менее всего претерпела перемен басня, собственно «притча» по авторской терминологии; Ржевский продолжал разрабатывать ее в рамках правил, сформулированных Сумароковым, сохраняя ее сатирический характер. Правда, склонный к формальному экспериментаторству, он иногда гипертрофировал приемы своего учителя. В этих случаях появлялись притчи с непомерно разросшейся «моралью», с огромными авторскими отступлениями, «фигурные» притчи, включавшие строки с самым разным числом стоп, допустимым в русском вольном ямбическом стихе. Ржевский следовал за А. П. Сумароковым и в тематике своих притч, нападая на откупщиков, подьячих и т. п. Но его сатирические нападки в значительно большей степени исходят от лица автора, чем вытекают из сюжета басни, фабула которой поэта, как правило, мало интересует: он стремится развернуть перед читателем аллегорический смысл рассказа.

87. ПУ, 1761, № 13, апрель, с. 116.

88. ПУ, 1761, № 26, июнь, с. 217.

89. ПУ, 1761, № 26, июнь, с. 218.

90. ПУ, 1761, № 5, август, с. 48.

91. ПУ, 1761, № 6, август, с. 55.

92. ПУ, 1761, № 6, август, с. 56.

93. ПУ, 1761, № 10, сентябрь, с. 94.

94. ПУ, 1761, № 21, декабрь, с. 191. На сюжет одноименной басни Эзопа.

95. ПУ, 1761, № 24, декабрь, с. 230. Близкий сюжет известен по басне Гольберга «Суд между правдой и ложью». Басня Ржевского

связана со стихотворением И. Ф. Богдановича «Понеже», напечатанным незадолго до нее (ПУ, 1761, № 2, июль, с. 15).

96. ПУ, 1762, № 6, июнь, с. 254.

97. ПУ, 1762, № 6, июнь, с. 260.

98. ПУ, 1762, № 6, июнь, с. 261. Аналогичный сюжет известен по басне Бабрия «Свинья и Львица».

99. СЧ, 1763, февраль, с. 96. Басня отражает споры вокруг принципов «философии оптимизма» Г.-В. Лейбница (1646—1716), в особенности обострившиеся после появления «Кандида» Вольтера и его поэмы «На разрушение Лиссабона». Этой теме посвящены также басня Гольберга «Китайская», переведенная в числе других Д. И. Фонвизина (1761), и ее полемическая обработка А. А. Аблесимовым под заглавием «Разговор с ученым» (1781).

100. СЧ, 1763, май, с. 277.

Н. В. ЛЕОНТЬЕВ

Николай Васильевич Леонтьев (1739—1824) воспитывался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, затем в чине подпоручика служил при нем. Его карьере способствовало участие в дворцовом перевороте 1762 г., который он приветствовал одой на восшествие на престол Екатерины II. В 1760-е годы он уже был офицером привилегированного гвардейского Измайловского полка; позднее занимал разные административные должности, был сенатором, получил чин действительного тайного советника. При организации Российской Академии в 1783 г. Леонтьев был назначен в число ее первых членов и участвовал в работе над «Академическим словарем русского языка». В это время он, по-видимому, уже не выступал в печати. Последнее из его известных стихотворений — «Чувствования отца, скорбящего о кончине незабвенной дочери своей, графини Анны Николаевны Салтыковой» (СПб., 1823). Книга «Басни» (СПб., 1766; две части одной пагинации) является самым значительным сочинением Леонтьева. Она возникла на волне интереса к жанру басни после выхода в 1762 г. «Притч» А. П. Сумарокова. Характерно, что Леонтьев одним из первых, видимо под влиянием немецкой традиции, употребляет слово «басня» в современном нам значении, вместо общепринятого в XVIII в. термина «притча». Басни Леонтьева получили одобritельную оценку в так называемом «Лейпцигском известии о русских писателях» (1768): «Хотя они и не могут выдержать строгой критики, однако ж обличают, что автор не лишен вкуса и что любовь к изящным искусствам может повести его далеко». «Превеликую надежду», что Леонтьев станет хорошим стихотворцем, выразил, также основываясь на «Баснях», Н. И. Новиков в своем «Опыте словаря» (СПб., 1772). О Леонтьеве см. также в кн.: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века» «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969.

101. Басни, 1766, с. 24.

102. Там же, с. 35. Сюжет басни близок к переведенному Д. И. Фонвизинным «Торгу семи Муз. Из Кригеровых снов» (1762).

103. Там же, с. 39. Сюжет близок к басне Эзопа «Земля и Об-лако». Басня с таким сюжетом имеется в кн.: В. Т. Золотницкий, Новые нравоучительные басни, СПб., 1763, с. 125.

104. Там же, с. 50.

105. Там же, с. 52. На сюжет басни Лафонтена «Le lion s'en allant en guerre».

И. А. ТЕЙЛЬС

Игнатий Антонович Тейльс (1744—1815) был сыном врача-голландца, переселившегося в Россию при Петре I. Скорее всего, он воспитывался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, так как в 1760-е годы его имя фигурирует в списке членов Совета корпуса, где он преподавал немецкий язык. Тейльс принадлежал к организовавшемуся при корпусе кружку переводчиков-беллетристов и напечатал в его типографии два имевших успех переводных романа: «История о славном ламанском рыцаре Дон Кишоте» Сервантеса (по французской редакции) и «Гузартские султанши, или Сны неспящих людей» Т. Геллета. Вместе с И. Ф. Румянцевым он принял участие в литературно-общественной полемике 1769 года о сатире. Издававшийся ими двухнедельный журнал «Полезное с приятным» не носил характера злободневных сатирических листков — издатели прежде всего преследовали цели воспитания «российского юношества» и помещали довольно большое количество отвлеченно-моралистических статей. Основная часть мелких сочинений Тейльса появилась в этом журнале. Его пристрастие к нравоучению, возможно, связано с принадлежностью к ранним масонским ложам в России. Впоследствии Тейльс сблизился с Н. И. Новиковым и играл видную роль среди петербургских масонов. Итогом его литературной деятельности следует считать анонимно изданное «Собрание трудов одного россиянина...» (СПб., 1781), включавшее все ранее напечатанное Тейльсом и изданное в пользу воспитанников заведенных масонами училищ. Произведения сборника естественно смыкались с этической проблематикой популярной литературы новиковского кружка: добродетель, благотворительность, любовь к ближнему, самовоспитание и т. п.

106. ПсП, 1769, полумесяц 4, с. 11. Печ. по Собр. трудов, с. 70.

107. ПсП, 1769, полумесяц 9, с. 30. Печ. по Собр. трудов, с. 71.

108. ПсП, 1769, полумесяц 10, с. 32. Печ. по Собр. трудов, с. 66. Сюжет восходит к басне из псевдозоповских сборников «Луна и ее мать»; известен также в пересказе Плутарха.

А. А. АБЛЕСИМОВ

Александр Анисимович Аблесимов (1742—1783) в 1756 г. был взят А. П. Сумароковым в качестве копииста для переписки ролей при только что организованном Российском театре. Это определило его литературную судьбу. В 1759 г. он напечатал несколько стихо-

творений в журнале «Трудолюбивая пчела». К 1769 г. он уже был автором комедии «Подъяческая пирушка», малой комической оперы (не сохранилась) и сборника стихотворных «Сказок» (СПб., 1769). Оказавшись в Петербурге в год расцвета сатирической журналистики, Аблесимов стал сотрудником новиковского «Трутня» (1769). Он выступил здесь со статьей, в которой заявил о себе как о стороннике сатиры «на лицо» и, таким образом, противнике «Всякой всячины» Екатерины II, а также стал печатать свои новые «сказки» и «были», явно метившие в конкретных лиц и события. Этот бурный период участия в журнальной полемике прерывается возвращением Аблесимова на военную службу. Его имя снова появилось в литературе только в конце 1770-х годов в связи с небывалым для русской сцены успехом комической оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779). Последние годы жизни Аблесимов провел в Москве, где служил в Московской управе благочиния (городской полиции). В 1781 г. он предпринял издание еженедельного журнала «Рассказчик забавных басен», подражая сатирическим изданиям Н. И. Новикова. Скорее всего Аблесимов был также и единоличным автором своего издания, в котором, в частности, перепечатал некоторые из своих старых сочинений. Журнал Аблесимова не затрагивал серьезных общественных вопросов, ограничиваясь нападками на подъячих, на галломанию дворянства, на петиметров; в целом он скорее был юмористическим, чем сатирическим. «Сказки», «были» и «басни» Аблесимова, несмотря на различные названия, представляют частные разновидности «притчи» сумароковской школы. Аблесимов продолжал относить этот жанр к числу «низких» по сюжету и по предмету изображения, что в свою очередь требовало и «низкого» слога. Правда, сюжет в его баснях излагается более стройно и последовательно, чем в притчах Сумарокова, и рассказчик не столь свободно «беседует» с читателем, вторгаясь в ход повествования. Вместе с тем Аблесимов не окончательно отказывается и от этого приема, который, с его точки зрения, оживлял рассказ. Вводя текст басен в текст журнала, он часто сопровождал их автокомментарием как в прозе, так и в стихах. «Низкая» тематика стихотворений Аблесимова, в том числе и басен, вызвала резкие критические замечания в «Сатире I» В. В. Капниста, который включил Аблесимова в перечень бездарных, мелкотравчатых писателей.

109. Сказки, с. 16.

110. Рассказчик, 1781, лист 4, с. 25.

111. Рассказчик, 1781, лист 11, с. 86.

112. Рассказчик, 1781, лист 43, с. 129.

М. Н. МУРАВЬЕВ

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) проделал внешне не эффектный, но глубокий и плодотворный путь в литературе. Он начал его в качестве верного последователя эстетических и стилистических принципов А. П. Сумарокова, а его посмертное «Полное собрание

сочинений» было подготовлено К. Н. Батюшковым и В. А. Жуковским, видевшими в Муравьеве своего ближайшего предшественника. Появившись в Петербурге в 1772 г., Муравьев был доброжелательно принят в кругу М. М. Хераскова и В. И. Майкова, дружеские отношения связали его с Н. А. Львовым и другими членами львовско-державинского литературного кружка; Н. И. Новиков пытался привлечь его к работе в масонских ложах и к участию в масонских изданиях. Несмотря на это, практически Муравьев остался чужд узким кружковым пристрастиям, сохранив большую самостоятельность мнений. Так, из общения с масонами он вынес лишь глубокую веру в идею самовоспитания как средства образовать характер человека. Это он и пытался осуществить, оказавшись с 1785 по 1796 г. воспитателем великих князей Александра и Константина. По воцелении Александра на престол Муравьев занимал должность товарища министра народного просвещения и попечителя Московского университета. «Басни в стихах» (СПб., 1773) были первым стихотворным сборником Муравьева. О том, что он сознательно подражал типу басни, созданной А. П. Сумароковым, говорит общая сатирическая направленность его сборника, «низкий» стиль с употреблением просторечия, провинциализмов, характерный оттенок непринужденного балагурства автора-рассказчика. Впоследствии, в конце 1770-х годов, Муравьев переработал ряд басен сборника в сторону большей литературности стиля и серьезности общего тона рассказа. В это же время он собирался сочинить вторую книгу басен; сохранился ее общий план и отдельные наброски. Эта работа, которая приходится уже на 1780-е годы, показывает, что Муравьев в это время пытается примирить сумароковское просторечие с принципами изысканного стиля раннего сентиментализма. Изменяется образ рассказчика в его баснях: место нравоучителя и сатирика занимает литератор, которого мало интересует практическая мораль, а волнуют вопросы более широкого, философско-этического порядка. Намечавшееся, по-видимому, новое издание басен Муравьева не появилось в печати. Реформу басни XVIII в. в более широком масштабе осуществил в 1790-е годы И. И. Дмитриев, младший современник Муравьева. О Муравьеве см. также в кн.: М. Н. Муравьев, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1967.

113. «Ученые записки Лен. гос. ун-та», 1939, вып. 4 (47), с. 7. Печ. по Стих., 1967, с. 53. В рукописи 1772—1773 гг. стих. (под загл. «Нептун, Минерва, Вулкан и Момус») открывало сб. «Басни», но не вошло в окончательный печатный текст. Переработанный текст относится, предположительно, к концу 1770-х — началу 1780-х годов. *Засодимский* Михаил Андреевич — преподаватель риторики в Вологодской духовной семинарии в 1770-е годы. *Такую повесть нам оставил Лукиан*. Имеется в виду риторический пример из диалога греческого сатирика Лукиана (ок. 120 — после 180) «Гермотим».

114. Басни, 1773, кн. 1, с. 6. Печ. по Стих., 1967, с. 57, где сняты изменения, внесенные автором в печатный текст по цензурным соображениям.

115. Там же, с. 15. Печ. по Стих., 1967, с. 62, где восстановлен первоначальный рукописный текст басни. Концовка, появившаяся

в печатном тексте, была написана позднее по совету неизвестного, отрецензировавшего рукопись сборника «Басни» (ГПБ). Он рекомендовал поэту более резко оттенить «неразумность» народных мнений, что и отразилось в заключительных стихах печатной редакции:

Как на верхушку корнь, ол часто негодует,
Мнит вредным, что она ко благу предписует.
Но что? Возможен ли сплетенный вымысел сей
В таком народе быть приличен,
К великим что давно монархам приобычен,
С младенства изучил по боге власть царей.

116. Там же, с. 15.

117. Там же, с. 24. Печ. по Стих., 1967, с. 68, где опубликована позднейшая редакция по списку ГИМ, относящаяся предположительно к концу 1770-х — началу 1780-х годов. *Ермолов* Александр Петрович (1754—1836), гвардейский офицер, кратковременный фаворит Екатерины II, был человеком не чуждым литературе; известно также о его знакомстве с И. П. Пнинным, А. С. Грибоедовым и другими писателями. *Олешев* Алексей Васильевич (1724—1788) — вологодский помещик, писатель, составитель сборников нравственно-философского содержания.

118. «Переводные стих.», СПб., 1773, с. 15. Концовка басни, возможно, намекает на неудачу замысла Ломоносова написать поэму «Петр Великий». На сюжет басни Лафонтена «*La montagne qui couche*».

119. Там же, с. 29. Печ. по Стих., 1967, с. 72, где приведена поздняя редакция по списку ГИМ, относящаяся предположительно к концу 1770-х — началу 1780-х годов.

120. «Опыты истории, словесности и нравоучения М. Н. Муравьева», М., 1810, с. 62. Печ. по Стих., 1967, с. 79, где воспроизведено по автографу. В основе сюжета лежит античный миф об Аполлоне, который в наказание за убийство циклопов служил пастухом у фессалийского царя Адмета.

И. И. ХЕМНИЦЕР

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) очень поздно поверил в свое поэтическое призвание. Он был сыном военного лекаря-немца, принявшего русское подданство, и сам до 1769 г. служил в армии в унтер-офицерских чинах. Выйдя в отставку в чине поручика, Хемницер определился в штат Горного училища; его непосредственным начальником оказался М. Ф. Соймонов, образованный и благорасположенный к Хемницеру человек. Первые стихотворные опыты Хемницера относятся к этому периоду; они показывают, что в это время он еще слабо владел литературным русским языком. Определить свое место в литературе Хемницеру помог Н. А. Львов, с семьей и дружеским окружением которого он познакомился через Соймонова. В львовско-державинском литературном кружке не нашли одобрения

ни оды Хемницера в традиционном стиле, ни его попытки подражать сатирической поэзии Сумарокова. Выражением эстетического кредо кружка стали басни Хемницера, первая книга которых составила к 1778 г. и вышла анонимно под заглавием «Басни и сказки N.N. . . .» (СПб., 1779). Кто-то из друзей приветствовал басни стихами, которые традиция приписала М. А. Львовой: «Их Истина располагала, Природа рассказала, Хемницер написал». Отзыв точно зафиксировал новаторский элемент в творчестве Хемницера: вместо того чтобы «низким» стилем сатирически изображать «низкую» действительность, он поставил перед басней задачу верно («истинно») рисовать «натуру» (характер) человека и нравы общества, перестав рассматривать басню как низкий в иерархии классицизма жанр. Это ставило басню в ряд с другими серьезными поэтическими жанрами, расширяло круг проблем, которые она могла затрагивать. По философским представлениям Хемницер тяготел к идеям Ж.-Ж. Руссо, и, как для многих просветителей, «естественный», не испорченный обществом человек был для него мерилom нравственной ценности. Ему, однако, оставался чужд радикализм взглядов французского просветителя Руссо. Столкновение просветительской мечты с реальным бытом крепостной России было, по-видимому, главной причиной скептических нот в его баснях. Сатира в них отходит на второй план; лейтмотив большинства басен — грустное философское раздумье над несовершенством мира, где царит зло. Этому злу Хемницер мог противопоставить только пример «доброего» человека, довольного малым. Трансформированные таким образом и перенесенные в басню горацянские мотивы очень ценили друзья Хемницера, в кругу которых личное благородство, честность, умение «стоять за правду» были своеобразной гражданской позицией. В этом смысле характерно предпочтение, которое отдавал Хемницеру Державин даже перед такими блестящими поэтами, как Крылов и Дмитриев:

Эзоп, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Последнему сказал: «Ты тонок и умен»;
Второму: «Ты хорош для модных нежных жен»;
С усмешкой первому сжал руку — и ни слова.

Усилиями друзей в потомство перешел образ Хемницера, во многом построенный на аналогии с образом великого Лафонтена: скромный, рассеянный человек, бесребреник, неудачник в любви — наивный ребенок-мудрец. В 1782 г. Хемницер отправился на место своей последней службы — консулом по торговым делам в Смирну, где он и умер. До отъезда он успел еще раз издать свои сочинения, добавив к ним вторую часть — «Басни и сказки» (чч. 1—2, СПб., 1782). Наиболее полное издание подготовили его друзья уже после смерти поэта — «Басни и сказки в 3-х частях» (СПб., 1799). Чтобы приблизить басни Хемницера к читателю начала XIX в., В. В. Капнист и Львов подправили и подновили затрудненный синтаксис и устаревший язык басен, а несколько произведений полностью переписали, сгладив неровности стиха. Издавая «Сочинения и письма» Хемницера (СПб., 1873), Я. К. Грот по рукописям частично устранил редакторскую правку. Все эти наслоения сняты в подготовленном с использованием рукописей «Полном собрании стихотворений» Хемни-

цера («Б-ка поэта» (Б. с.), 1963). Посмертная популярность Хемницера была велика. В XIX в. он наряду с Крыловым оставался самым издаваемым и известным баснописцем.

121. Басни, 1779, с. 3. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 13. На сюжет басни Геллерта «Das Pferd und der Esel».

122. Там же, с. 6. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 16.

123. Там же, с. 8. Печ. по Баснѹ, 1782, ч. 1, с. 18.

124. Там же, с. 10. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 20.

125. Там же, с. 15. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 25.

126. Там же, с. 25. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 35. На сюжет басни Геллерта «Das Land der Hinkenden».

127. Там же, с. 37. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 47. На сюжет басни Геллерта «Der baronisierte Bürger».

128. Там же, с. 50. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 60.

129. Там же, с. 54. Печ. по Басни, 1782, ч. 1, с. 64. На сюжет басни Геллерта «Das Kutschpferd».

130. Басни, 1782, ч. 2, с. 6.

131. Там же, с. 8.

132. Там же, с. 9.

133. Там же, с. 11.

134. Там же, с. 15. Басня связана с литературной полемикой, развернувшейся вокруг «Сатиры I» (1780) В. В. Капниста, в защиту которого выступили члены львовско-державинского кружка.

135. Там же, с. 24.

136. Там же, с. 31. На сюжет басни Геллерта «Der grüne Esel».

137. Там же, с. 43. На сюжет басни Геллерта «Cleant».

138. Там же, с. 53.

139. Басни, 1799, ч. 3, с. 5. Печ. по РС, 1872, № 4, с. 587.

140. Там же, с. 7. Печ. по РС, 1872, № 4, с. 589.

141. Там же, с. 10. Печ. по РС, 1872, № 4, с. 593. На сюжет басни Геллерта «Der Fuchs und die Elster».

142. Там же, с. 15. Печ. по Полн. собр. стих., 1963, с. 131, где текст воспроизведен по недатированному автографу. *Не в лице посла* — намек на притчу А. П. Сумарокова «Посол Осел» (впервые опубликована в Полн. собр. всех соч., 1781) с заключительными стихами: «И мы не скудны здесь Ослами, Однако мы Ослов не делаем послами».

143. Там же, с. 17. Печ. по РС, 1872, № 4, с. 598. *Об откупщиках слово одно сказать*. Имеется в виду система винных откупов, введенная в России повсеместно с 1767 г. и позволявшая частным лицам, получившим монопольное право на торговлю водкой, произвольно поднимать цены на нее.

144. Там же, с. 29. Печ. по РС, 1872, № 4, с. 600.

145. Там же, с. 32, под загл. «Статуя». Печ. по СиП, с. 256. Загл. восстанавливается по рукописи ПД.

146. Там же, с. 34. Печ. по Полн. собр. стих., 1963, с. 137, где текст исправлен по рукописи ПД.

147. Там же, с. 38, в редакции В. В. Капниста, под загл. «Метафизик». Текст Хемницера напечатан в СиП, с. 259. Печ. по Полн. собр. стих., 1963, с. 138, где басня опубликована в соответствии с автографом Хемницера (ПД).

148. РС, 1872, № 4, с. 591.

149. СиП, с. 248.

В. А. ЛЕВШИН

Василий Алексеевич Левшин (1746—1826) известен прежде всего как прозаик, неутомимый переводчик и компилятор, многотомные сочинения, сборники и переводы которого исчисляются десятками названий. Его литературная деятельность началась в 1770-е годы, когда он после кратковременной военной службы поселился в Белеве и занялся усовершенствованием приемов ведения крепостного хозяйства. В связи с этим он активно сотрудничал в «Трудах Вольного экономического общества», а также близко познакомился со знаменитым агрономом и переводчиком А. Т. Болотовым. В 1780-е годы Левшин становится масоном, сближается с Н. И. Новиковым, а через него знакомится с кругом масонских литераторов тех лет — Ф. П. Ключаревым, Н. М. Карамзиным и др. Идеология масонства нашла отражение в филантропических проектах Левшина (с 1803 г. он, в частности, служил «по особым поручениям» при известном филантропе А. А. Витовтове); явно масонскими представлениями навеяны некоторые аллегорические и мистические мотивы в известных сборниках Левшина «Русские сказки» (1780—1783) и «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787—1788). С общими моралистическими тенденциями масонской литературы связаны также «Нравоучительные басни и притчи Василия Левшина» (М., 1787), в значительной части представляющие переложения басен Геллерта.

Наряду с этим Левшин использовал и некоторые фольклорные мотивы, подобно тому как он поступал при сочинении своих «сказок». В целом же басни Левшина представляют собой отход от традиции сатирической басни и скорее продолжают линию «нравоучительных» басен М. М. Хераскова, также не чуждых умеренной сатиры.

150. Нравоучительные басни, с. 1. *Да та беда, что крыльев нет* — намек на Пегаса, крылатого коня, символ поэтического вдохновения.

151. Там же, с. 12. Сюжет восходит к народному анекдоту.

152. Там же, с. 23. Сюжет восходит к народному анекдоту; в русской версии он представлен сказками и повестью о суде Шемяки.

153. Там же, с. 28.

154. Там же, с. 51. Басня отражает полемику вокруг драматургии Я. Б. Княжнина, борьбу с которым вел кружок Н. П. Николева. По-видимому, связана с выходом в свет «Собрания сочинений» Княжнина (1787). «Переимчивого Княжнина» (А. С. Пушкин) неоднократно упрекали в заимствовании сюжетов и сюжетных ситуаций у его европейских предшественников. *Пермесский жар* — поэтическое вдохновение (от реки Пермес, стекающей с Геликона, см. Словарь). *Семирин творец* — А. П. Сумароков, автор трагедии «Семира». *Творец Росьядин* — М. М. Херасков, автор эпической поэмы «Россиада»; был также известен и как драматург.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

Ипполит Федорович Богданович (1743—1803), автор знаменитой поэмы «Душенька» (1783), создавшей ему репутацию легкомысленного поэта-эпикурейца, начинал свой поэтический путь в московском кружке М. М. Хераскова как последовательный ученик А. П. Сумарокова. Сотрудничая в журналах «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Невинное упражнение» (1763), он испробовал силы почти во всех жанрах, предусмотренных поэтикой классицизма, кроме торжественной оды. Значительное место в его ранней поэзии занимает и басня. Как это характерно и для притч Сумарокова, повествовательный жанр басни не имел у Богдановича четко фиксированной формы и не всегда включал в себя особо выделенную «мораль». Автор сам не всегда мог последовательно определить жанровую принадлежность своих, чаще всего сатирических по заданию, сюжетных стихотворений, давая им наравне с «басней» подзаголовки «сказка», «пословица», «превращение», «притча». Подобные дидактические формы встречаются у Богдановича вплоть до периода его сотрудничества в «Собеседнике любителей русского слова» (1783). Характерно, что, вообще много занимаясь переводами, Богданович в баснях не использовал классических сюжетов. Зато в нескольких случаях он обрабатывает хорошо известные широкому читателю рукописные фации, что сделало эти стихотворения популярными в народной картинке. В годы успеха и известности, последовавшие за выходом «Душеньки», Богданович был привлечен к литературной работе для двора и сочинил несколько пародийно-комических пьес, поставленных

на Эрмитажном театре. Он служит в эти годы при Государственном архиве и с конца 1780-х годов практически прекращает занятия литературой. «Собрание сочинений» Богдановича было издано только после его смерти (тт. 1—6, М., 1809—1810). При жизни он напечатал всего один, очень небольшой по объему, сборник стихотворений «Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» (СПб., 1773). Подробно о Богдановиче см. в кн.: И. Ф. Богданович, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

155. ПУ, 1761, июль, № 2, с. 15, под загл. «Притча». Печ. по Лира, с. 67.

156. ПУ, 1761, март, № 11, с. 102. Печ. по Лира, с. 92.

157. СЛРС, 1783, ч. 1, с. 88.

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1829) был типичным салонным поэтом-дилетантом и никогда не стремился к литературной славе, довольствуясь известностью в узком кругу друзей. Даже то небольшое, что он сам отдавал в печать, появлялось анонимно. Широкому читателю имя Нелединского как поэта стало известно лишь после опубликования И. И. Дмитриевым его песен в «Карманном песеннике» (1793). Само сближение Нелединского с литературными кругами началось только в Москве, где он поселился после отставки с военной службы в 1785 г. В детстве Нелединский бывал в обществе великого князя Павла Петровича и сохранил с ним на всю жизнь дружеские отношения. После смерти Екатерины II император вызвал Нелединского на службу при дворе; после убийства Павла он остался другом и секретарем вдовствующей императрицы Марии Федоровны и завсегдатаем Павловска. В эти годы он уже пишет только стихи «на случай». Сделанные Нелединским переложения басен Лафонтена в основном не публиковались при жизни автора и появились в виде самостоятельного раздела только в посмертных «Стихотворениях» (СПб., 1876). Точные даты их создания неизвестны, но, по-видимому, они создавались в те годы, когда уже появились в печати басни И. И. Дмитриева, к которым Нелединский стилистически очень близок. Его басни так же «очищены» от грубоватости, почти не содержат просторечия, живы и естественны по рассказу. О Нелединском см. также в кн.: «Поэты XVIII века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

158. НЕС, 1787, № 5, с. 53. На сюжет басни Лафонтена «Parole de Socrate».

159. Стих., с. 163. На сюжет басни Лафонтена «La grenouille qui veut se faire aussi grosse que le boeuf».

160. Стих., с. 169. На сюжет басни Лафонтена «La cigale et la fourmi». Басня Нелединского имеет текстуальные совпадения с пере-

ложением этого сюжета И. А. Крыловым, однако их хронологическое соотношение неясно.

161. Стих., с. 164. На сюжет басни Лафонтена «Le chêne et le roseau».

Я. Б. КНЯЖНИН

Яков Борисович Княжнин (1740—1791) был выдающимся драматургом и вошел в историю литературы прежде всего как автор тироборческих трагедий «Росслав» (1784) и «Вадим Новгородский» (1789), пьесы, преданной сожжению рукой палача. Громкий и продолжительный успех сопровождал также его комедии «Хвастун» (1785) и «Чудаки» (1790). С наследием Княжнина-комедиографа во многом связан стихотворный строй и сатира «Горя от ума» А. С. Грибоедова. Как драматург и сатирик Княжнин сложился в 1760-е годы под сильным влиянием А. П. Сумарокова, с которым его связывали также родственные отношения: он был женат на Е. А. Сумароковой, дочери поэта. Однако если в стихотворных сатирах он следовал некоторым темам и приемам сумароковской сатиры, то басни и стихотворные сказки, первые из которых датируются концом 1770-х годов, принадлежат уже другой традиции. Княжнин достигал комического эффекта другими средствами, путем усиления и пуантировки басенного диалога, и добивался, чтобы сатирическая цель басни проявлялась развитием самого сюжета и лишь отчасти пояснялась «наравоучением» от автора. Такая басня, как «Мор зверей», является непосредственным предвестием басенной манеры И. А. Крылова. Басни Княжнина первоначально печатались в журналах; затем они были включены в 4-й том прижизненного «Собрания сочинений» Княжнина (СПб., 1787), которое, в связи с гибелью архива писателя, остается основным источником текста.

162. СПбВ, 1778, ч. 2, с. 272; СЛРС, 1783, ч. 1, с. 122. Печ. по Собр. соч., т. 4, с. 183.

163. «Академические известия», 1779, ч. 2, с. 275; СЛРС, 1783, ч. 1, с. 112. Печ. по Собр. соч., т. 4, с. 173. На сюжет басни Лафонтена «Les animaux malades de la peste».

164. НЕС, 1788, ч. 20, февраль, с. 68. Печ. по Собр. соч., т. 4, с. 243. На сюжет басни Лафонтена «Le chêne et le roseau». *Из ветвей же моих полубогам венцы Сплетаются.* Дубовыми венками в древности увенчивали царей и полководцев.

О. П. БЕЛЯЕВ

Осип (Иосиф) Петрович Беляев (ок. 1763—1807) в ранней юности был из семинаристов взят в студенты Академического университета, из числа которых готовились служащие для учреждений Академии наук. С 1783 г. до конца жизни Беляев служил при Кунсткамере, попутно исполняя обязанности корректора типографии и преподавателя Академической гимназии. Им было составлено подробное описание экспонатов Кунсткамеры — «Кабинет Петра Великого...»

(чч. 1—2, СПб., 1793), выдержавшее при жизни автора два издания. Памяти Петра I посвящено и другое издание Беляева — «Дух Петра Великого...» (СПб., 1798), представляющее компилятивное собрание исторических анекдотов о русском царе-преобразователе и его военном сопернике Карле XII. К этому изданию обращался А. С. Пушкин во время работы над «Историей Петра». В книжке «Муза, или Собрание разных забавных сочинений в стихах» (СПб., 1794) собраны стихотворения, печатавшиеся анонимно или за подписью О. Б. в журнале «Новые ежемесячные сочинения», в котором Беляев сотрудничал начиная с 1787 г. Сюда вошли подражания французской легкой поэзии — дружеские и любовные стихи, «песенки», но основную часть книги занимают сатирические произведения — притчи, басни, эпиграммы. В стих жанрах Беляев выступал как ученик и подражатель А. П. Сумарокова.

165. НЕС, 1787, ч. 17, ноябрь, с. 63. Печ. по Муза, 1794, с. 33.

166. НЕС, 1788, ч. 23, май, с. 80. Печ. по Муза, 1794, с. 35. На сюжет басни Лафонтена «Le coq et le renard».

И. И. БАХТИН

Иван Иванович Бахтин (1754—1818) как поэт принадлежал полностью XVIII веку, хотя единственный сборник своих сочинений «И я автор, или Разные мелкие стихотворения» (СПб., 1816) он издал только к концу жизни. По его собственному признанию, вошедшие сюда стихотворения писались на протяжении 1780—1790-х годов, были в большинстве своем напечатаны в разных журналах и для отдельного издания лишь «поправлены». Наиболее примечательным в биографии Бахтина явилось его сотрудничество в журнале П. П. Сумарокова «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789). С кружком Сумарокова Бахтин сблизился во время службы тобольским губернским прокурором и поместил в журнале свои самые резкие стихотворения, осуждавшие злоупотребления помещиков-крепостников. С 1803 по 1816 год Бахтин занимал пост губернатора Слободской Украины. Он был близок с В. Н. Каразиным, харьковскими литераторами и профессурой Харьковского университета. Несколько мелких его стихотворений, совершенно незначительных по содержанию, появилось в «Духе журналов» за 1816—1817 гг. О Бахтине см. также в кн.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

167. Иртыш, 1790, февраль, с. 17, под загл. «Проповедь и ростовщик». Печ. по «И я автор», с. 32. В басне обработан сюжет сто тридцатой фацции итальянского писателя Поджо Браччолини.

168. Иртыш, 1791, август, с. 31. Печ. по «И я автор», с. 46. По указанию автора, басня является подражанием немецкому.

П. П. СУМАРОКОВ

Панкратий Платонович Сумароков (1765—1814), образованный гвардейский офицер, в 1787 г. по обвинению в подделке ассигнаций был приговорен к двадцатилетней ссылке в Тобольск. Здесь, в дале-

кой провинции, и развернулась его литературная деятельность. Он объединил вокруг себя немногочисленную местную интеллигенцию и стал душой кружка, силами которого при Главном народном училище издавался журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791). Инициатива Сумарокова во многом обусловила кратковременное, но бурное оживление общественной жизни Тобольска, оставившее след в культурной истории Сибири. Кроме многочисленных произведений в «Иртыше» он лично осуществил многотомное компилятивное издание «Библиотека ученая...» (1792—1794). В конце 1790-х годов ему удалось установить связи с московскими литераторами, в частности со знакомым еще по гвардии Н. М. Карамзиным, и печатать свои стихи в «Аонидах» и других журналах. В Москве полуанонимно вышла в свет первая часть «Собрания сочинений, подражаний и переводов Пан(кратья) Сум(арокова)» (М., 1799); часть вторая появилась в 1808 г. и фактически подытожила литературную биографию Сумарокова: остаток жизни он посвятил составлению популярных экономических и медицинских наставлений. Дело Сумарокова было пересмотрено в 1801 г., и он получил полное прощение. Возвратившись из Сибири, он большую часть времени проводил в Москве, издавая в 1802—1804 гг. «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», а в 1804 г. редактируя «Вестник Европы». Басня, как и связанная с нею стихотворная сказка, занимающая основное место в наследии Сумарокова. Долгое время оторванный от литературных центров, он остался чуждым и даже враждебным по отношению к сентиментальному движению и не принял ни нового стиля, ни новой тематики. Его излюбленными жанрами были малые жанры литературы позднего классицизма, а образцами — Г. Р. Державин и И. Ф. Богданович. По складу таланта Сумароков не был моралистом-нравоучителем. В баснях и сказках он широко использовал комические приемы бурлескной поэзии, не боялся обыгрывать грубоватые эпизоды, вводить просторечие. О П. П. Сумарокове см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

169. ППВ, 1795, ч. 7, с. 31. Печ. по Собр. соч., 1799, ч. 1, с. 88.

170. ЖПЧ, 1802, ч. 2, с. 112. Печ. по Собр. соч., 1808, ч. 2, с. 61.

А. В. ХРАПОВИЦКИЙ

Александр Васильевич Храповицкий (1749—1801), автор знаменитых «Памятных записок» о Екатерине II, занимался литературой с юношеских лет, но при жизни, не считая переводов, напечатал лишь несколько стихотворений и комическую оперу «Песнолюбие». Наиболее значительным периодом в его жизни были 1783—1793 гг., когда он служил статс-секретарем при Екатерине II, «у принятия прошений на высочайшее имя». Главной обязанностью его была, однако, помощь императрице в ее литературных и исторических трудах. Он разыскивал необходимые книги и материалы, наблюдал за перепиской, исправлял орфографию и слог Екатерины, нетвердо знавшей русский язык. Храповицкому принадлежат все стихотворные вставки в драматических сочинениях Екатерины II, не умевшей писать русские стихи. Он также следил за постановками ее пьес

в Эрмитаже, а в 1789—1791 гг. вместе с М. Ф. Соймоновым управлял императорскими театрами. Благодаря особому положению при дворе у Храповицкого были разветвленные связи со многими писателями, особенно с людьми державинского круга. В 1790-е годы он сотрудничал в изданиях Н. М. Карамзина, напечатав в «Аонидах» несколько переложений из Лафонтена. Но наибольший интерес представляют «домашние» юмористические и сатирические стихи Храповицкого, не предназначенные для печати и обращенные к доверенным друзьям. Здесь Храповицкий, ловкий царедворец, не боялся ни называть значительных лиц, ни выражать свое отношение к ним, используя для этого и жанр басни.

171. «Аониды», 1798—1799, кн. 3, с. 82. На сюжет басни Лафонтена «*Le lion abattu par l'homme*».

172. Печ. по копии Н. В. Сушкова в архиве ПД. Басня связана с предпринятыми И. И. Дмитриевым попытками во второй половине царствования Павла I уйти в отставку; его официальное увольнение от службы относится к декабрю 1799 г.

173. Печ. по копии Н. В. Сушкова в архиве ПД. Использован сюжет анекдота, на протяжении XVIII в. неоднократно печатавшегося в различных сборниках («Письмовник» Н. Г. Курганова, «Товарищ разумный и замысловатый» П. Семенова и др.). Н. В. Сушков в примечании указывает, что басня была направлена против семейства Разумовских, происходивших из простых украинских крестьян.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Гавриил Романович Державин (1743—1816) дважды на протяжении своего творческого пути обращался к жанру басни — в 1780-е и 1800-е годы. Первый раз это было, по-видимому, вызвано выходом в свет «Басен и сказок» И. И. Хемницера, которого как баснописца Державин ставил выше, чем И. А. Крылова и И. И. Дмитриева; второй раз — под влиянием успеха двух последних. Характерно, однако, что в начале XIX в. Державин пробует силы и в некоторых других традиционных жанрах классицизма — трагедии, комической опере, шутовой поэме, которые раньше не привлекали его внимания. Во всяком случае, его интерес к басне не был мимолетной прихотью гениального писателя. Сохранившиеся многочисленные рукописные редакции свидетельствуют о целенаправленной работе поэта над сюжетами и стилем басен в течение полутора десятилетий. Собираясь в конце жизни издать дополнительный том своих сочинений, Державин около 1814 г. окончательно составил и отредактировал раздел басен, озаглавив его «Басни и притчи». Произведения, так и не увидевшие света при жизни писателя, тем не менее почти наверняка были известны его современникам. По наблюдению Я. К. Грота, впервые издавшего их в составе «Сочинений» Державина (т. 3, СПб., 1866), они представляют зловещие отклики, своего рода памфлеты, на события политической и придворной жизни. Весьма прозрачная аллегория не скрывала полемику Державина, стоявшего в оппозиции, с реформами Александра I. В художественном отношении басни

интересны по тому значению, которое Державин придавал оригинальности, «изобретению» сюжета; он не пользуется ни традиционными, ни заимствованными сюжетами. Басни Державина, отражающие консервативную точку зрения на либеральное движение начала XIX в., принадлежат к одному из ответвлений русской политической басни, представляющей своеобразный «урок царям».

174. Соч., т. 3, с. 540. В рукописи 1776 г. (ГПБ) басня была озаглавлена «Общество». Сюжетно связана с басней Федра «Лев, Корова, Овца и Коза».

175. СЛРС, 1783, ч. 8, с. 62, под загл. «Басня: заслуги свои часто измеряем мы несправедливо». Печ. по Соч., 1864, т. 1, с. 178, где воспроизведена редакция 1790-х годов. *С лентою* — то есть кавалеры какого-либо высшего ордена, знаком которого была лента, надевавшаяся через плечо. В первой публикации — с полемическим примечанием, очевидно, от редакции: «Смысл басни сей выводит, что самолюбие наше употребляет разные весы, когда свои или чужие достоинства мы весим. Кажется, довольно ясно». Басня направлена против известного царедворца Л. А. Нарышкина. Ко времени ее появления в печати относятся еще два выпада против Нарышкина: басня Н. А. Львова «Заяц, обойденный при произвождении» (без указания подлинного автора в сборнике И. И. Хемницера «Басни и сказки», 1779) и напечатанный в СЛРС за 1783 г. в числе прочих вопросов к Екатерине II вопрос Д. И. Фонвизина: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?»

176. Соч., т. 3, с. 547. *Кулибин* Иван Петрович (1735—1818) — механик-самоучка; был изобретателем фонаря с зеркальным отражателем.

177. Там же, с. 550. Печ. по «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969, с. 257, где текст дан по последней беловой редакции.

178. СО, 1816, ч. 34, № 49, с. 154. Печ. по Соч., 1865, т. 2, с. 449, где приведена рукописная редакция. Басня написана Державиным в Калуге, во время ревизии по жалобам на губернатора Д. И. Лопухина, и аллегорически изображает борьбу поэта с противодействием местных властей. Сохранился стихотворный ответ какого-то калужского чиновника на эту басню (опубликован в кн.: Г. Р. Державин, Стих., Л., 1957, с. 435).

С. А. ТУЧКОВ

Сергей Александрович Тучков (1766—1839) принадлежал к литераторам-масонам, продолжавшим традицию масонских журналов Н. И. Новикова. Он был членом-учредителем близкого к масонским ложам петербургского «Общества друзей словесных наук» и активно выступал в издаваемом им журнале «Беседующий гражданин» (1789) с довольно резкими сатирическими стихотворениями. В это время он познакомился с сотрудничавшим в том же журнале А. Н. Ради-

шевым, после ареста которого «Общество друзей словесных наук» распалось. Тучков был профессиональным военным, участником русско-шведских и русско-французских войн; в мирное время его служба протекала в армейских полках, в провинции, и он был оторван от активной литературной жизни в столицах. О его участии в журналистике XIX в. сведений не имеется, хотя очевидно, что он не прерывал своих литературных занятий, так как выпустил сборник «Собрание сочинений и переводов в стихах» (М., 1797) и четыре части «Сочинений и переводов» (СПб., 1816—1817). Басни Тучкова, пронизанные отчетливыми моралистическими мотивами, входили в оба издания. В их стилистике сказывается его приверженность архаическим языковым принципам, которыми он руководствовался и в своих вольных переводах трагедий Расина. Появившись в издании 1816 года, эти переводы окончательно скомпрометировали Тучкова как поэта в глазах молодого поколения литераторов и вызвали несколько язвительных эпиграмм. О Тучкове см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

179. «Покоящийся трудолюбец», 1785, ч. 4, с. 242.

180. «Беседующий гражданин», 1789, ч. 2, июль, с. 295. Печ. по Собр. соч. и переводов, 1797, с. 49.

181. Соч. и переводы, 1817, ч. 4, с. 63. На сюжет басни Геллерта «Der Kuckuck».

182. Там же, с. 67. *Скажи, за что тебя Минерва почитает?* Сова была птицей, посвященной Минерве (Афине), античной богине мудрости.

П. М. КАРАБАНОВ

Петр Матвеевич Карабанов (1764—1829) был одновременно членом Российской Академии и «Беседы любителей русского слова», двух последних оплотов литературного классицизма в начале XIX в. Наибольшую известность Карабанову принес перевод трагедии Вольтера «Альзира, или Американцы» (1786), с одной стороны ставившийся на сцене вплоть до первой четверти XIX в., а с другой — многократно осмеянный за напыщенную тяжеловесность стиля. По происхождению Карабанов был разночинцем, в юности — семинаристом, но ему удалось закончить Московский университет, и с 1785 г. он начал службу в придворном ведомстве, где многие годы был хранителем архива императорского Кабинета. Он начал печататься с конца 1780-х годов в журналах, как правило, противостоявших сентиментализму, в том числе и в сатирических журналах И. А. Крылова. Среди его произведений существенное место занимают торжественные похвальные оды, но он также обращался и к малым поэтическим жанрам; в частности, известностью пользовались его «стихотворные сказки». О сознательном смещении в творчестве Карабанова «важного» и «шутливого» свидетельствует и заглавие дважды изданного собрания его стихотворений — «Стихотворения нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе» (СПб., 1801; изд. 2 — чч. 1—2, М., 1812). Басни Карабанова, пере-

ложенные из Пфеффеля, представляют интерес как непосредственный и враждебный отклик определенных слоев русского общества на события французской революции.

183. «Лекарство от скуки и забот», 1786, ч. 1, № 12, сентябрь, с. 143, под загл. «Пустынник и Орел». Печ. по Стих., изд. 2, 1812, ч. 1, с. 98. В басне Лафонтена «L'hogorscore» этот сюжет отнесен к древнегреческому трагику Эсхилу (525—456 до н. э.).

184. НЕС, 1793, ч. 80, февраль, с. 96, под загл. «Французская вольность и равенство. Две притчи господина Пфеффеля в Кольмаре. 1. Употребление вольности. К другу моему Николаю в С.-Петербурге. Вольный перевод с немецкого». Перепечатано: «Санкт-петербургский Меркурий», 1793, ч. 3, сентябрь, с. 209. Печ. по Стих., изд. 2, 1812, ч. 1, с. 102. Басня немецкого баснописца Г.-К. Пфеффеля (1736—1809) «Der Gebrauch der Freiheit. In herrn V. Nicolai in Petersburg» является откликом на Великую французскую революцию. Николай Г.-Л. (1738—1820) — немецкий писатель, с 1798 по 1803 г. президент русской Академии наук; до этого был библиотекарем при великом князе Павле Петровиче.

185. НЕС, 1793, ч. 80, февраль, с. 97; перепечатана: «Санкт-петербургский Меркурий», 1793, ч. 3, сентябрь, с. 211. Печ. по Стих., изд. 2, 1812, ч. 1, с. 103. Переложение басни Пфеффеля «Die Orgel». См. также прим. 184.

И. П. ПНИН

Иван Петрович Пнин (1773—1805) был незаконным сыном фельдмаршала Н. В. Репнина, и это обстоятельство наложило отпечаток на его судьбу. Он был воспитан как дворянин из состоятельной семьи, окончил Инженерно-артиллерийский корпус и получил чин офицера. Однако ожидания Пнина, что Репнин узаконит свое отцовство и включит его в число наследников огромного состояния, не оправдались: он не был даже упомянут в завещании. Порицанию несправедливых законов о незаконнорожденных детях дворян был посвящен памфлет Пнина «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1802), обращенный к Александру I. Как можно судить, решение отца разрушило многие надежды Пнина и ускорило его смерть от чахотки. Пнин был типичным поэтом-идеологом эпохи Просвещения. Его довольно умеренные убеждения сформировались к 1798 г., когда он вместе с А. Ф. Бестужевым начал издавать «Санкт-петербургский журнал». На его страницах находили отражение некоторые идеи просветительской философии и новейшей политической экономии, пропагандируемые кружком ближайших друзей Александра I, которыми журнал субсидировался. Взгляды Пнина наиболее полно выразились в «Опыте о просвещении относительно к России» (1804), книге, тогда же запрещенной цензурой к переизданию, несмотря на поддержку, оказанную автору П. А. Строгановым и Н. Н. Новосильцевым. В конкретно русских условиях просветитель Пнин предлагал сохранить сословную иерархию, но требовал постепенного освобождения крестьян как условия для окончательного «просвещения» общества. При этом все практические надежды он возлагал на монарха. Начало

царствования Александра I было временем наибольших литературных успехов Пнина. Он вновь печатается в журналах, готовит сборник «Моя лира», впрочем так и не изданный; его авторитет очень высок среди молодых сослуживцев по Министерству народного просвещения. В 1802 г. они избирают Пнина членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», а в 1805 г. — его президентом. Принять активное участие в деятельности Общества Пнин не успел, но сочлены многое сделали для увековечения его памяти. Несколько басен, принадлежащих Пнину, иллюстрируют и пропагандируют идеи умеренного просветительства о взаимозависимости народа и власти, общественных добродетелях и т. д. О Пнине см. также в кн: «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1935.

186. СПбЖ, 1798, август, с. 61. *Южный ветер* — Нот (см. Словарь).

187. СПбЖ, 1798, сентябрь, с. 85.

188. «Любитель словесности», 1806, ч. 2, № 6, с. 207.

И. И. ДМИТРИЕВ

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) был дальним родственником и ближайшим другом Н. М. Карамзина; в литературной борьбе конца XVIII — начала XIX в. он выступал в качестве его верного соратника. Литературное предание так тесно связало эти два имени, что Дмитриева часто рассматривали как ученика Карамзина, хотя на деле он очень самостоятельно определил свой путь в литературе. Дмитриев впервые как поэт выступил в журнале «Санкт-петербургские ученые ведомости» (1777) с вполне традиционной «надписью к портрету» сатирика А. Д. Кантемира. Затем наступил длительный период случайного и мимоletного участия Дмитриева в самых разных журналах с оригинальными сочинениями и переводами. По-настоящему широкое поле деятельности открылось перед ним в журналах и альманахах, издававшихся Карамзиным в 1790-е годы. Его песни, лирические стихотворения, басни и «стихотворные сказки» сразу получили всеобщую известность. Присоединившись к основным принципам стилистической реформы карамзинистов, Дмитриев привнес новое содержание в стихотворные жанры. Во фривольной «стихотворной сказке» появилась сатира на нравы, литературный романс обогатился образами и мотивами народной песни, и басня утратила черты строгого дидактизма. В своих попытках сделать классические жанры более современными Дмитриев оказался самым талантливым из последователей Державина, проявлявшего в конце века особое внимание к «легкой» поэзии. Характерно, что в эти годы Дмитриев становится завсегдатаем державинского кружка и, осмеивая одописцев в сатире «Чужой толк», сам пишет стихотворения в одическом жанре, но принципиально непохожие на традиционную оду. Итоги этого периода подвели сборники стихотворений Дмитриева «И мои безделки» (М., 1795) и «Басни и сказки» (СПб., 1798). Павловское царствование было переломным в биографии Дмитриева. Гвардейский офицер, он в 1796 г. сначала был обвинен в заговоре, а затем осы-

пан милостями императора. Получив высокую должность обер-прокурора Сената, Дмитриев тем не менее решил переждать смутное время в отставке, в которой он и пробыл с 1799 по 1806 г. Поселившись в Москве, он стал центром кружка молодых поклонников Карамзина и возглавил их борьбу против петербургской Российской Академии и сторонников А. С. Шишкова. В эти годы в основном формируются три книги басен, вошедшие в его первое собрание сочинений — «Сочинения и переводы» (чч. 1—3, М., 1803—1805). Позднейшее творчество Дмитриева мало что добавило к этой группе произведений. Вернувшись в 1806 г. на службу, Дмитриев уже в 1810 г. получил пост министра юстиции и оставался в этой должности до 1814 г. Последние двадцать лет жизни он практически не покидал Москвы, где жил окруженный почтением молодого поколения писателей, живо откликаясь на литературные новости и литературные распри. Из немногих созданных им в эти годы произведений наиболее значительными являются «Апологи в четверостишиях», вышедшие отдельной книгой (М., 1826). Они представляют попытку обновить умирающий жанр басни за счет одной из ее разновидностей. «Сочинения» Дмитриева неоднократно переиздавались при его жизни (изд. 3 — М., 1810; изд. 4 — М., 1814; изд. 5 — М., 1818). Наибольший интерес представляет 6-е, «исправленное и уменьшенное», издание под заглавием «Стихотворения» (чч. 1—2, СПб., 1823). Изданное в годы борьбы классиков и романтиков по инициативе «Вольного общества любителей российской словесности» и со статьей П. А. Вяземского, оно должно было зафиксировать вклад поэта в национальную культуру. Дмитриев расположил его по жанровому принципу стихотворных сборников эпохи классицизма, изъяв большинство произведений, непосредственно связанных с эпохой раннего русского сентиментализма. Всю вторую часть «Стихотворений» заняли басни и сказки. О Дмитриеве-баснописце см. вступ. статью (с. 32—39) и в кн.: И. И. Дмитриев; Полн. собр. стих., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1967.

189. «И мои безделки», 1795, с. 113. Печ. по Стих., ч. 2, с. 122. На сюжет басни Лафонтена *«L'alouette et ses petits avec le maître d'un champ»*. Первоначальная редакция басни послужила причиной полемики между Дмитриевым и Н. М. Карамзиным о допустимых границах просторечия в жанре басни. Дмитриев убрал из басни слово «парень» как грубое и внес ряд других стилистических изменений.

190. «Аониды», 1797, кн. 2, с. 82. Печ. по Стих., ч. 2, с. 12. На сюжет басни Лафонтена *«L'homme qui court après la Fortune, l'homme qui l'attend dans son lit»*. В некоторых изданиях Дмитриев включал стихотворение в раздел «сказки». На родине никто пророком не бывает — перифраз библейской цитаты «Нет пророка в отечестве своем».

191. «И мои безделки», 1795, с. 133; Соч., 1803, ч. 2, с. 29, с дополнением шестнадцати заключительных стихов. Печ. по Стих., 1823, ч. 2, с. 82. На сюжет басни Лафонтена *«Les deux pigeons»*.

192. Там же, с. 208. Печ. по Стих., ч. 2, с. 142. На сюжет басни Лафонтена *«Le vieillard et les trois jeunes hommes»*.

193. Там же, с. 249. Печ. по Стих., ч. 2, с. 59. На сюжет басни Лафонтена «*Le chêne et le roseau*».

194. ВЕ, 1802, ч. 6, с. 213. Печ. по Стих., ч. 2, с. 146. На сюжет басни французского баснописца Флориана «*Le roi et les deux bergers*». Стих. затрагивает вопрос о смысле и цели реформ государственного управления, предпринятых в первые годы царствования Александра I. Подобно Карамзину, Дмитриев возлагал надежды не на реорганизацию системы учреждений (проекты М. М. Сперанского), а на составление администрации из «честных» людей.

195. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 45. Печ. по Соч., 1818, ч. 3, с. 68.

196. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 129. Печ. по Стих., ч. 2, с. 97. Непосредственный источник басни не установлен. Сюжет встречается среди анекдотов о французском короле Генрихе IV.

197. ВЕ, 1803, ч. 9, с. 239. Печ. по Стих., ч. 2, с. 7. На сюжет басни Флориана «*L'éducation du lion*». В некоторых изданиях стихотворение помещалось Дмитриевым в разделе «сказки». Басня содержит намек на необычное воспитание, полученное императором Александром I под руководством швейцарского республиканца Лагарпа, и одновременно является апологией принципов «просвещенной монархии», установления которой современники ожидали от Александра I.

198. Соч., 1803, ч. 1, с. 84. Печ. по Стих., ч. 2, с. 63. На сюжет басни Лафонтена «*Le rat qui s'est retiré du monde*».

199. Там же, с. 94. Печ. по Соч., 1818, ч. 3, с. 46.

200. Там же, с. 99, под загл. «Книга». Печ. по Соч., 1818, ч. 3, с. 80. На сюжет басни французского баснописца Обера (1731—1763) «*Le livre de la raison*».

201. Там же, с. 107. Печ. по Стих., ч. 2, с. 141. На сюжет басни Песселье (1712—1763) «*Le fer et l'aimant*».

202. ВЕ, 1805, ч. 22, с. 115. Печ. по Стих., ч. 2, с. 149. На сюжет басни Лафонтена «*La mort et le mourant*».

203. Соч., 1805, ч. 3, с. 10. Печ. по Стих., ч. 2, с. 98.

204. Там же, с. 11. Печ. по Стих., ч. 2, с. 67. На сюжет басни Флориана «*Le renard qui grêche*».

205. «Патриот», 1804, № 2, с. 101. Печ. по Соч., 1818, ч. 3, с. 9. На сюжет басни французского поэта Б. Имбера (1747—1790).

206. Соч., 1805, ч. 3, с. 16. На сюжет басни Флориана «*Le jeune homme et le vieillard*».

207. Соч., 1805, ч. 3, с. 26. Печ. по Стих., ч. 2, с. 94. На сюжет басни французского баснописца Т. Буассара (1743—1831) «*Le silence du rossignol*».

208. Там же, с. 34. Печ. по Соч., 1818, ч. 3, с. 38.

209. Там же, с. 35. Печ. по Стих., ч. 2, с. 73. На сюжет басни французского поэта Ножана «*L'aiguille de montre*».

210. Там же, с. 40. Печ. по Стих., ч. 2, с. 76.

211. Там же, с. 41. Печ. по Стих., ч. 2, с. 17. На сюжет басни Флориана «*Le calife*». Помещалось в некоторых изданиях сочинений Дмитриева также в разделе «сказки».

212. Соч., 1810, ч. 3, с. 83. Печ. по Стих., ч. 2, с. 114. См. также басню А. В. Храповицкого «Телица белая...» (см. № 172), адресованную Дмитриеву.

213. Там же, с. 102. На сюжет басни Ламота «*Les grillons*».

214. Соч., 1818, ч. 3, с. 39. Печ. по Стих., ч. 2, с. 95. На сюжет басни Буассара «*L'histoire*». Басня Дмитриева является откликом на споры вокруг первых восьми томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1818). Говоря об «истории правдивой», Дмитриев выступал против мнений, исходивших в основном из либеральных кругов, что «История» Карамзина является неприкрытой апологией самодержавия. Отчасти стихотворение намекает на содержание готовившегося к изданию девятого тома «Истории», повествовавшего об эпохе Ивана IV Грозного.

215. НЛ, 1823, кн. 3, с. 143. Печ. по Апологи, с. 19. По указанию самого Дмитриева, аполлоги его представляют переложение басен французского поэта Ш.-Л. Мольво (Ch.-L. Mollevaut, 1776—1844) «*Cents fables en quatre vers chacune*» (1820).

216. ПЗ на 1824 г., с. 397 (ц. р. 20 дек. 1823), без загл. Печ. по Апологи, с. 45.

217. Аполлоги, с. 21.

218. Там же, с. 77. Одновременно: НЛ, 1826, кн. 16, с. 49.

219. Там же, с. 81.

220. Там же, с. 89.

221. Там же, с. 103.

222. Там же, с. 113.

Д. В. ДАВИДОВ

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839), знаменитый партизан 1812 г., певец гусарской вольницы, по его собственному признанию начал путь поэта с подражаний второстепенным участникам карамзинского альманаха «Аонида». Начало его службы в лейб-гвардии пришлось на царствование Павла I, военные порядки которого подтолкнули Давыдова к сближению с оппозиционным офицерством. Особенно важным для него было знакомство с С. Н. Мариним, остроумным сатириком и пародистом, консерватором в литературном и политическом отношении, близко стоявшим к организаторам и участникам дворцового переворота в пользу Александра I, которые не смогли примириться и с либеральными веяниями нового царствования. Несколько ранних произведений Давыдова отражают противодействие дворянства правительственным реформам и не предназначались для печати. Басни являются наиболее удачными из этих стихотворений. По мере развития освободительных настроений в русском обществе басни были переосмыслены в целом как антидеспотические произведения. Они широко распространялись в рукописном виде; многие из участников тайных обществ отмечали позднее роль этих басен в формировании и распространении идеологии декабризма.

223. РВ, 1869, № 11, с. 70. Печ. по «Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века», Л., 1970, с. 222. На сюжет басни французского поэта Л.-Ф. Сегюра (1753—1830) «L'enfant, le miroir et la rivière».

224. «Русская потаенная литература XIX столетия», отд. I, ч. 1, Лондон, 1861, с. 199. Печ. по Полн. собр. стих., Л., 1933, с. 69. О сюжете в русской традиции см. примеч. 80. Широко распространялось в списках (см.: «Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1970, с. 780).

В. А. ОЗЕРОВ

Владислав Александрович Озеров (1769—1816), автор прогремевших на русской сцене начала XIX столетия стихотворных трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал» и «Дмитрий Донской», как поэт был известен только узкому кругу друзей: все его стихотворения появились в печати лишь посмертно. Озеров в 1789 г. окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус, где находился под сильным влиянием преподававшего словесность Я. Б. Княжнина. В 1790-е годы он служил при А. В. Храповицком, был вхож в домашний круг Г. Р. Державина, но окончательной литературной средой для него стал кружок-салон А. Н. Оленина. Возможно, общение с поэтами, которые сами писали басни и интересовались спорами вокруг них, было причиной, почему Озеров обратился к этому жанру, казалось бы, столь противопоказанному его дарованию драматурга-трагика. Точная датировка четырнадцати его сохранившихся басен неизвестна. Скорее всего, они писались на протяжении 1790—1800-х годов, до выхода басен И. А. Крылова, которому, как другу Олениных, могли быть известны в рукописи. Озеров перелагал исключительно сюжеты Лафонтена, причем сравнительно вольно по отношению к источнику. Впервые

полностью эти переложения были опубликованы в сборнике: В. А. Озеров, Трагедии. Стихотворения (Л., 1960). По наблюдениям комментатора, некоторые из них представляют отклики на события общественной жизни и биографии Озерова. Все они выдержаны в традиционной форме басни, с обязательным выделением нравоучения.

225. СО, 1828, ч. 3, с. 109. Направлена против Н. П. Николева, ожесточенного противника Я. Б. Княжнина, которого Озеров считал своим учителем в поэзии. Николеву принадлежат два трактата по вопросам поэзии: «Рассуждение о российском стихотворстве» (1787) и «Лиро-дидактическое послание к Дашковой» (1791), вызывавшие насмешки многословной тяжеловесностью стиля и претензиями на «учительность». Николев ответил на басню Озерова стихотворением «Басня» («Болван-молокосос из силы вон кричал...»), напечатанным в его «Творениях» (1797). *И чванится, как будто Цицерон, Как за Лигария вступился он.* Речь Цицерона (106—43 до н. э.) в защиту полководца Лигария, обвиненного в измене, является прославленным памятником античного красноречия.

226. Стих., 1960, с. 397, где опубликовано по автографу ПД. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et la cigogne».

227. СО, 1817, ч. 1, с. 129. Печ. по Стих., 1960, с. 392, где текст выправлен по автографу Озерова. На сюжет басни Лафонтена «L'âne et le petit chien».

228. СО, 1828, ч. 3, с. 110.

229. Стих., 1960, с. 391. На сюжет басни Лафонтена «La cigale et la fourmi».

Д. И. ХВОСТОВ

Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), граф, богатый вельможа, сенатор, в истории русской литературы приобрел репутацию стихотворца-графомана, сложившуюся, главным образом, в начале XIX в., когда он стал объектом многочисленных эпиграмм, сатир и пародий. Его творчество, однако, очень показательно как реакция отживающего классицизма на появление новых литературных течений. Сложившись как писатель в кружке поздних классиков — Н. П. Николева, Ф. Г. Карина, Д. П. Горчакова, будучи одним из организаторов «Беседы любителей русского слова», Хвостов в своем творчестве последовательно пытался придерживаться эстетических предписаний Буало и Сумарокова. В эпоху распада жанровой системы классицизма подобная попытка приобрела полемический смысл. Насмешки современников над «Избранными притчами из лучших сочинителей российскими стихами» Хвостова (М., 1802) были во многом обусловлены тем, что собственные «притчи» Хвостов принципиально противопоставил басням И. И. Дмитриева и его последователей. Свое понимание сущности жанра Хвостов изложил в послании «О притчах», восполняя «Поэтическое искусство» Буало, где характеристика жанра басни отсутствовала, и в брошюре «Некоторые мысли о сущности басни». Хвостов призывал вернуться к архаиче-

скому типу «эзоповской», дидактической и «неукрашенной» басни. Он подчеркивал, что получившие распространение у современных писателей изящный рассказ, остроумный и фривольный сюжет, легкий стиль разрушают басню как жанр, так как не соответствуют серьезной моральной цели баснописания. Басня требует простоты; ничто не должно мешать читателю увидеть в конкретном рассказе нравственную аллегория, доказательство определенной моральной истины. Следует отметить, что именно такая теоретическая установка объясняет, почему в своих притчах Хвостов часто пренебрегал внешним правдоподобием деталей (голубь, зубами перегрызающий сети; осел с когтями, взбирающийся на дерево и т. п.), вызывая веселье критики: как он пояснял, главным для него была верность «естественной нравственности», а не «натуральной истории».

Отрицая «поэтическую» басню, восходящую к Лафонтену, Хвостов отчасти повторял взгляды Г. Лессинга, ограничивавшего сферу басни только моральным апологом. Отстаивая вместе с А. С. Шишковым дидактические тенденции литературы классицизма, он фактически противостоял всем школам баснописания в начале XIX в. Круг его сторонников был ничтожно мал и ограничивался третьестепенными баснописцами вроде В. Тибеккина, иногда просто искавшими покровительства у богатого и чинового вельможи. Поэтому практическим подтверждением теории (впрочем, не всегда последовательным) являлись собственные притчи Хвостова, которые он писал на протяжении всей жизни, выпустил еще тремя изданиями («Притчи», М., 1807; «Избранные притчи...», СПб., 1816; «Басни», СПб., 1820) и включал во все свои «Полные собрания стихотворений» (изд. 1 — ч. 3, СПб., 1817; изд. 2 — ч. 3, СПб., 1822; изд. 3 — чч. 4—5, 7, СПб., 1829—1830). О Хвостове см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

230. Притчи, 1802, с. 1; «Друг просвещения», 1805, ч. 4, с. 217. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 18. На сюжет басни Лафонтена «Le chène et le roseau».

231. Там же, с. 7. На сюжет басни Эзопа «Блоха и Атлет».

232. Там же, с. 19. С переработками входила во все позднейшие переиздания «притчей» Хвостова. На сюжет басни Эзопа «Мышь полевая и Мышь городская».

233. Там же, с. 32. Позднее не перепечатывалась. На сюжет басни Федра «Гора рождающая».

234. Там же, с. 59. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 76, с прим. Хвостова: «Она есть собственное изобретение автора. Благосклонные любители иносказательного рода похвалят в ней стихи: «Ползя, упасть нельзя», хотя и оные могут быть подвергнуты критике: ползя с горы, упасть можно» (с. 298). Хвостов избрал данный стих в качестве эпиграфа ко второй книге своих басен. Поскольку его репутация как поэта крайне бездарного установилась уже в начале XIX в., современники толковали эпиграф как автоэпиграмму. Использован сюжет басни Эзопа.

235. Там же, с. 67. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 90, где с примеч. Хвостова: «Содержание сей басни почерпнуто из творений знаменитого Сковороды, малороссийского грамотея и мудреца» (с. 299). Имеется в виду басня Григория Сковороды (1722—1794) «Щука и Рак».

236. Там же, с. 114, под загл. «Лягушки и их царь». Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 141, с прим. Хвостова: «Слово якобинцы относится к употреблению того времени (1802 г. — *Ред.*). В Париже 1791 года были якобинские клубы, и вообще сим именем назывались те люди, которые бунтовали против Людовика XVI. См. басню Ив. А. Крылова» (с. 303). Имеется в виду одноименная басня Крылова (см. № 275). К стиху «Такого дай, чтобы умел пошевелиться» имеется прим. Хвостова: «Когда войска наши были в Париже, то говорили француженки из Лафонтена: *«Donnez nous un roi qui se gemit»*. По сей причине и я обязанностию почел перевести сей стих, которого в первых изданиях не было» (с. 303). Басня Хвостова написана на сюжет басни Лафонтена *«Les grenouilles qui demandent un roi»*.

237. Там же, с. 144. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 169. На сюжет басни Лафонтена *«Le loup et la cigogne»*.

238. Там же, с. 194. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 227, с прим. Хвостова: «Историческое происшествие, приноровленное автором к нравоучению, что зависть истинно знаменитым людям вредить не может. Цель оной та же, какая у Езопа в басне „Змея и пила“» (с. 303). Историю, положенную в основу басни, рассказал римский оратор Цицерон в трактате «О старости». По этому преданию, греческий драматург Софокл так увлеченно предавался литературным трудам, что его домашние дела пришли в упадок, и его сыновья обратились в суд, чтобы отец, как влывший в старческое слабоумие, был отстранен от управления имуществом. Софокл, только что закончивший трагедию «Эдип в Колоне», прочел ее в суде вместо оправдательной речи и спросил судей, кажется ли она им сочинением слабоумного. *Марон* — Вергилий (см. Словарь).

239. Там же, с. 200. Сюжет, по-видимому, заимствован из одноименной притчи А. П. Сумарокова. См. также притчу А. А. Ржевского «Клоп» (№ 91).

240. Полн. собр. стих., 1830, ч. 5, с. 226, с примеч. автора: «Содержание сей басни есть собственного изобретения». Датирована Хвостовым.

241. Полн. собр. стих., 1817, ч. 3, с. 129, под загл. «Живописец и навозная куча». Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 127, с прим. Хвостова: «Последний стих целит на тех поэтов, которые, забыв об изящной природе, все смешивают. Знаменитый лирик наш Г. Р. Державин, по безвкусице одного живописца, написан и представлен был на выставке Академии Художеств в колпаке. Искусство изображает натуру, но только изящную. Живописец! представляй мне Суворова во всеоружии на Альпах, а Державина на Геликоне в лавровом

венке». Хвостов говорит о портрете работы художника Васильевского, который был представлен на выставке Академии художеств в 1815 г. *Вернет* — по всей видимости, К.-Ж. Верне (1714—1789), французский художник, пейзажист.

242. ТВОЛРС, 1821, ч. XIII, кн. 2, с. 397. Печ. по Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 207, с прим. Хвостова: «Сия басенка была читана в Обществе любителей словесности и напечатана в их издании, называемом «Соревнователь». Автор обрадовался случаю упомянуть о русском комике Н. Ив. Хмельницком, который обогатил нашу сцену прекрасными произведениями». На сюжет басни Лафонтена «*La laitière et le pot au lait*». Читалась в заседании ВОЛРС 28 февраля 1821 г. *Хмельницкий* Н. И. (1789—1845), известный комедиограф начала XIX в., автор комедии «Воздушные замки» (1818). *Кубра* — речка, на которой находилось имение Хвостова Слободка.

243. Полн. собр. стих., 1829, ч. 4, с. 259. В примеч. Хвостов раскрывает смысл басни: «Просвещение необходимо нужно, невежество вредно, гордое же и корыстолюбивое полуучение, или лжеумудрование, и того еще вреднее» (с. 310).

Е. И. СТАНЕВИЧ

Евстафий Иванович Станевич (1775—1835), поэт и переводчик, принадлежал к числу членов-сотрудников «Беседы любителей русского слова». Его литературная деятельность началась в Москве, где он учился в Демидовском коммерческом училище и сотрудничал в сентиментальном журнале «Иппокрена, или Утехи любословия». Как писатель он окончательно сформировался в лагере, резко враждебном Н. М. Карамзину и его последователям. Несколько лет ему пришлось прожить в качестве домашнего учителя на Украине, недалеко от Сум, постоянно общаясь с кружком А. А. Палицына — В. Н. Каразиным, С. Н. Глинкой, Н. Ф. Алферовым и др. Здесь, в имении Палицына Поповке, порывая с прежней сентиментальной лирикой, он перевел описательно-дидактические поэмы Г. Делиля «Сельский житель, или Георгики французские» (1803) и К. Маркези «Ландшафты, или Опыт о сельской природе» (1805). По рекомендации Палицына Станевич сближается с А. С. Шишковым, поступает на службу в Адмиралтейский департамент под его начало и вскоре вступает в полемику с критиками его языковой теории в брошюре «Рассуждение о русском языке» (1808). Полемический задор, с которым Станевич нападал на карамзинистов, был подогрет язвительными эпиграммами и насмешками критики над «Собранием сочинений в стихах и в прозе» (ч. I, СПб., 1805), отвечавших его новым воззрениям. Опровержению статей М. Т. Каченовского о «Послании к Привете» Палицына и своем «Собрании сочинений» Станевич посвятил брошюру «Способ рассматривать книги и судить о них» (1808). Этой полемикой, предшествовавшей организации «Беседы», собственно завершилась его литературная деятельность, если не считать кратковременного участия в журнале В. Г. Анастасевича «Улей». Продолжить издание своих сочинений Станевич уже не решился. К 1818 г., когда Станевич служил в канцелярии статс-секретаря П. А. Кикина,

относится его несвоевременная (в период министерства А. Н. Голицына) защита ортодоксального догмата о бессмертии души от лжетолкований. «Беседа над гробом младенца о бессмертии души...» Станевича, задевавшая конкретных лиц из числа высокопоставленных приверженцев мистицизма, модного в эти годы, была сожжена, а сам он сослан на родину. Дело о Станевиче и его книге было пересмотрено лишь в 1824 г. по ходатайству А. С. Шишкова, и в последние годы жизни Станевич управлял училищами Курской губернии.

244. Собр. соч., 1805, ч. 1, с. 59.

245. Там же, с. 60. Посвящено полемике о языке, развернувшейся вокруг «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» А. С. Шишкова (1803), выступившего против языковой реформы Н. М. Карамзина и его последователей.

246. Там же, с. 63.

247. Там же, с. 67. Связана с полемикой А. С. Шишкова против Карамзина и карамзинистов (см. примеч. 214), которых консерваторы предвзято изображали как поклонников французской революции и антипатриотов. *О Волге слышать речь* и т. д. Возможно, Станевич имеет в виду В. Л. Пушкина, путевые письма которого о поездке во Францию (1803—1804) печатались в ВЕ.

248. Там же, с. 69. Рассказ о мужике, убившем осла, который выпил луну, имеется у испанского писателя XV в. И.-Л. Вивеса.

А. С. ШИШКОВ

Александр Семенович Шишков (1754—1841) в начале XIX в. приобрел шумную известность прежде всего как глава партии литературных архаистов, выступавших против русского сентиментализма и языковой реформы Н. М. Карамзина. Причины этой борьбы не были сугубо литературными. В «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» (1803), с которого началась открытая и многолетняя полемика, Шишков поднял животрепещущий (на фоне событий Великой французской революции) вопрос о разнице русской и европейской культуры. Поэтому защита церковно-славянского языка в качестве основы языка литературы переплелась со спорами о вреде тех идей и понятий, которые приходили из Франции, а борьба за самобытную национальную культуру превратилась в защиту патриархальных устоев. В эти годы Шишков, в чине адмирала, возглавлял Ученый департамент Адмиралтейства. С 1807 г. вокруг него собирается литературный кружок, который перерастает в литературное общество «Беседа любителей русского слова», открытое в 1811 г. Его знаменем в преддверии войны 1812 г. стал всеобъемлющий патриотизм. Этой теме Шишков посвятил свою речь при открытии «Беседы» — «Рассуждение о любви к отечеству». Впечатление, ею произведенное, во многом обусловило его назначение статс-секретарем во время Отечественной войны. Все правительственные обращения этих лет к нации были составлены также Шишковым. С 1813 г. он за-

нимал место президента Российской Академии; в 1820-е годы был министром народного просвещения, завершив свою служебную деятельность введением ужесточенного цензурного устава. Басня как жанр классически устойчивый особенно интересовала архаистов. В 1808 г. Шишков в журнале «Драматический вестник» напечатал статью «Сравнение Сумарокова с Лафонтенем...», доказывая превосходство русского баснописца над классиком европейского баснописания. Таким образом, он защищал поэтику басни как «низкого» сатирического жанра, преодолению которой были посвящены усилия И. И. Дмитриева и, в значительной мере, И. А. Крылова. Собственные переложения Шишкова из хрестоматии Кампе для детей были практическим применением этих теоретических взглядов. Краткость, ясность, поучительность — основные достоинства басни, к которым он стремился. Перевод из Кампе пользовался большой популярностью и неоднократно переиздавался, будучи основной книгой для детского чтения в России. Кроме того, он вошел в «Собрание сочинений» Шишкова (чч. 1—14, СПб., 1818—1834). О Шишкове-поэте см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

249. «Собрание детских повестей А. Ш.», ч. 2, СПб., 1806, с. 44. Печ. по Соч., 1818, ч. 1, с. 221. «Собрание детских повестей» является вторым расширенным изданием сделанного Шишковым перевода «Детской библиотеки» немецкого педагога И.-Г. Кампе (1746—1818).

250. Там же, с. 61. Печ. по Собр. соч., 1818, ч. 1, с. 235.

251. Там же, с. 203. Печ. по Собр. соч., 1818, ч. 1, с. 353.

252. РИ, 1819, № 229, 1 октября, с. 918, под загл. «Медведь». Печ. по Соч., 1831, ч. 14, с. 181. Автограф — ПД. На сюжет басни немецкого поэта М. Клаудиуса «Eine Fabel». В РИ басня напечатана с примеч. от редакции: «По поводу различных мнений и споров о свободе книгопечатания и ее пределах помещена в «Гамбургских ведомостях» остроумная басня одного из уважаемых стихотворцев Германии, покойного Клавдиуса. Нам сообщен весьма близкий перевод оной, и хотя стихотворения не входят в собственный план нашего журнала, но в сем случае для удовольствия наших читателей охотно делаем исключение из правил». Басня является выражением взглядов Шишкова на цензуру; в 1825 г. он выступил в качестве одного из создателей русского цензурного устава.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852) начал печататься еще будучи воспитанником Московского благородного пансиона. Однако серьезные поиски собственного пути в поэзии, которые поставили его во главе ранних русских романтиков, начались лишь в первые годы XIX в. В это время сильно расширяются литературные знакомства Жуковского. Кроме сверстников из «Дружеского литературного общества» братьев Тургеневых он знакомится с широким

кругом сторонников Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, изучает русских и западных образцовых авторов. В 1808 г. он начинает редактировать «Вестник Европы», журнал, основанный Карамзиным и еще сохранявший направление, данное основателем. Именно к этому времени относится короткая, но очень интенсивная и производительная работа Жуковского по переложению басен Лафонтена и Флориана, которые до того времени не переводились на русский язык. Очевидно, эти переводы имеют отношение к сохранившемуся в бумагах Жуковского за 1804 г. плану самообразования, в котором перечислены имена одиннадцати немецких и французских баснописцев, сочинения которых он собирался штудировать. В «Вестнике Европы» была напечатана только часть переведенных басен; известно также некоторое количество незавершенных рукописных заготовок. Попыты Жуковского появились в печати параллельно с журнальными публикациями первой книги басен Крылова. На выход отдельного сборника басен Крылова Жуковский откликнулся серьезной рецензией-разбором, в которой впервые поставил рядом Крылова и Дмитриева как крупнейших современных баснописцев. Сам он после этого не только не возвращался к басням, но даже не включал их в сборники своих стихотворений, предав полному забвению. Исключение составляет лишь «Сон Могольца», по-видимому из-за блестяще разработанной концовки, созвучной элегическому творчеству поэта. Выступая в роли баснописца, Жуковский в целом ориентировался на Дмитриева, к которому в эти годы относился с большим пиететом. Характерно, однако, что он в меньшей степени, чем Дмитриев, чуждается просторечия и словесной игры. Это иногда придает рассказу комический оттенок. В этом проявился восхищавший друзей поэта юмористический дар, сделавший Жуковского признанным мастером составления пародийной «арзамасской галиматши». По преданию, именно Жуковский (он «отпевал» Хвостова в одном из заседаний «Арзамаса») обратил внимание арзамасцев на «Притчи» Д. И. Хвостова в издании 1802 г. и был вдохновителем пародий П. А. Вяземского на них. О Жуковском-поэте см. также в кн.: В. А. Жуковский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956.

253. BE, 1807, ч. 32, № 5, с. 41. На сюжет басни Флориана «Le singe qui montre la lanterne magique». *Творцы и прозой и стихами* — эпигоны высокой одической поэзии XVIII в., против которых выступали карамзинисты. *Царь Горох с Морковкою царицей* — персонажи лубочных картинок. *Журка-долгонос обедает с Лисицей* — картинка на сюжет басни «Лисица и Журавль».

254. BE, 1807, ч. 32, с. 192. Печ. по Стих., т. 1, СПб., 1849, с. 16. На сюжет басни Лафонтена «Le songe d'un habitant du Mogol».

255. BE, 1807, ч. 35, № 19, с. 185. На сюжет басни Лафонтена «Le vieux chat et la jeune souris».

256. BE, 1807, ч. 34, № 15, с. 176. На сюжет басни Лафонтена «Le faucon et le charon». *Пришлец из Арзамаса*. Город Арзамас славился домашней птицей, которою снабжал Москву. Когда в 1814 г.

возникло литературное общество «Арзамас» (одним из организаторов его был Жуковский), «арзамасский гусь» стал шутивым символом Общества.

257. ВЕ, 1808, ч. 41, с. 49.

А. П. БЕНИТЦКИЙ

Александр Петрович Бенитцкий (1780—1809), рано умерший поэт, критик, переводчик, считался одним из самых многообещающих литераторов в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств». Он выступал в его изданиях с 1805 г., в 1806 г. стал корреспондентом Общества, позднее исполнял весьма важные обязанности секретаря. Особой активности достигает его творческая деятельность к 1809 г. Вместе с А. Е. Измайловым он предпринимает издание журнала «Цветник» и открыто вторгается в современную литературную борьбу, выступив с развитием и защитой стилистической реформы Карамзина. Одновременно он требует, чтобы литература обращалась к темам общественно более значимым, чем это было у русских сентименталистов. Его собственными первыми опытами в этом направлении были «восточные повести», сочувственно встреченные современниками. По своим литературным симпатиям Бенитцкий был преромантиком немецкой ориентации, с особым интересом к Гердеру, к его теоретическим трудам. В частности, и в основу своей статьи «О басне» (1809) Бенитцкий положил взгляды Гердера на этот жанр литературы. Будучи человеком весьма радикальных взглядов (о чем свидетельствует, например, его перевод трагедии Лессинга «Филотас»), в басне Бенитцкий избегал как прямого морализирования, так и сатирических выпадов. Он старался, чтобы рассказ басни не был простой иллюстрацией моральной истины; мораль должна была естественно вытекать из самого рассказа. В своих баснях Бенитцкий затрагивал в основном общечеловеческие пороки. Однако такая басня, как «Волк и Лисица», показывает, что под прикрытием аллегории он иногда касался и вопросов, по существу политических. О Бенитцком см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971, и «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1935.

258. ЖРС, 1805, ч. 2, с. 46, подп. А. Бе. Печ. по «Талия», 1807, кн. 1, с. 173. В ЖРС басня сопровождается благодарностью издателя «господину неизвестному сочинителю за присылку басни и многих других стихов».

259. «Талия», 1807, кн. 1, с. 169.

260. Там же, с. 170.

261. Там же, с. 183. На сюжет басни Лафонтена «Le coq et la perle».

262. Там же, с. 187.

263. «Цветник», 1809, ч. 1, с. 17, подп. Б. На сюжет басни Лафонтена «L'écrevisse et sa fille».

264. Там же, с. 210, подп. Б. На сюжет басни Лафонтена «Le chène et le roseau».

И. А. КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов (1768? — 1844) пришел к жанру басни, принесшему ему всемирную славу, и всецело посвятил себя баснописанию только в начале XIX в., после долгих поисков собственного пути в литературе в качестве журналиста, прозаика-сатирика, драматурга. Ранние, напечатанные анонимно опыты в журнале «Утренние часы» (1788) Крылов никогда не вспоминал. Первые басни, подписанные именем Крылова, появились в печати в 1806 г., когда практически уже прекратилось басенное творчество И. И. Дмитриева. Дмитриев и был первым, кто приветствовал нового баснописца, чьи произведения сразу получили широкое признание. Первый сборник «Басни И. А. Крылова. В девяти книгах» (СПб., 1809) в общем был встречен единодушным одобрением критики. За ним последовали отдельные издания «Новых басен» (СПб., 1811; СПб., 1816) и дополненные переиздания первого сборника «Басни» (СПб., 1815; СПб., 1819; СПб., 1825; СПб., 1830; СПб., 1843); еще большим было количество коммерческих переизданий. В этот период жизни Крылов служит библиотекарем только что организованной Публичной библиотеки. Абсолютно одинокий, вне службы он находит приют в доме, семье и литературно-художественном салоне директора библиотеки А. Н. Оленина. Постоянно избираемый в члены разных литературных обществ, Крылов теснее всего был связан с «Беседой любителей русского слова», консервативной литературной организацией, возглавляемой А. С. Шишковым, однако занимал в ней очень самостоятельную позицию и не стеснялся исподтишка осмеивать литературных староверов. В годы Отечественной войны он активно печатался в патриотическом журнале Н. И. Греча «Сын отечества»; ряд басен в 1820-е годы он поместил в ставших популярными альманахах, в том числе и тех, которые издавались декабристами. Внешне спокойная и однообразная жизнь Крылова с 1805 по 1825 г. на протяжении двух десятилетий была насыщена напряженным литературным творчеством, откликавшимся на все злободневные и общественно значимые события в жизни России. Однако не это было главной причиной успеха. Крылов в последний раз реформировал русскую басню и привел ее в соответствие с общими потребностями литературного развития. Он осознал, что басня — литературный аналог устной притчи, аполога — хорошо приспособлена к выражению народного, национального самосознания в характерных для него афористических и конкретно-образных формах. Воспользовавшись результатами стилистической реформы Дмитриева, Крылов отказался от его подчеркнуто субъективной манеры рассказа, таившей потенциальную возможность разрушения басни как исконно дидактического жанра. Однако, сохраняя «эзоповский» дидактизм, Крылов довел до высокого совершенства тип «поэтической», лафонтеновской басни, оживляя рассказ баснописца драматическими сценками, полными движения и самостоятельного значения. Басня Крылова дала развернутую

картину народного образа мысли. В эпоху романтического интереса к народности, в преддверии возникновения аналитического метода критического реализма Крылов довел русскую басню до крайних пределов совершенства (см.: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 1, М., 1953, с. 61).

В данном издании текст басен Крылова воспроизводится в соответствии с последним прижизненным изданием (СПб., 1843), повторенным в «Полном собрании сочинений» Крылова (М., 1946), с учетом подготовленного А. П. Могиланским издания «Басни» (М.—Л., 1956, Изд-во АН СССР, Серия «Литературные памятники»), его датировок и комментария. В связи с тем, что современные перепечатки «Басен в 9-ти книгах», как правило, и по составу, и по композиции воспроизводят издание 1843 г., однообразные ссылки на эту последнюю прижизненную публикацию в комментариях опущены. О Крылове см. также в кн.: И. А. Крылов, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1954.

265. «Московский зритель», 1806, ч. 1, январь, с. 73; 1808, ч. 1, № 2, с. 22. На сюжет басни Лафонтена «Le chène et le roseau».

266. ДВ, 1808, ч. 4, № 81, с. 24. Перепечатано: «Цветник», 1809, ч. 2, № 5, с. 213. Басня читалась на литературном вечере у А. С. Шишкова 3 февраля 1807 г. (см.: Жихарев, с. 349). На сюжет басни Лафонтена «La mort et le bûcheron».

267. ДВ, 1808, ч. 1, № 17, с. 142. Басня читалась на литературном вечере у А. С. Хвостова 4 мая 1807 г. (см.: Жихарев, с. 505). На сюжет басни Лафонтена «L'ours et l'amateur des jardins».

268. ДВ, 1808, ч. 1, № 6, с. 56. В мае 1807 г., по свидетельству С. П. Жихарева, басня читалась в литературном собрании у Шаховского (см.: Жихарев, с. 534).

269. ДВ, 1808, ч. 1, № 1, с. 16. На сюжет басни Лафонтена «Le corbeau et le renard».

270. ДВ, 1808, ч. 1, № 15, с. 128.

271. ДВ, 1808, ч. 1, № 24, с. 199. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et l'agneau».

272. ДВ, 1808, ч. 2, № 34, с. 61. На сюжет басни Лафонтена «La cigale et la fourmi».

273. ДВ, 1808, ч. 3, № 63, с. 85. На сюжет басни Лафонтена «Le coche et la bouche».

274. Басни, 1809, с. 18. На сюжет басни Лафонтена «Le coq et la perle».

275. Там же, с. 36. На сюжет басни Лафонтена «*Les grenouilles qui demandent un roi*». Современники воспринимали эту басню Крылова как отклик на Великую французскую революцию и диктатуру Наполеона, сменившую республику (см. примеч. 236).

276. ДВ, 1808, ч. 4, № 79, с. 7 (ц. р. 16 марта 1809).

277. ДВ, 1808, ч. 4, № 80, с. 16 (ц. р. 16 марта 1809). На сюжет басни Лафонтена «*Le renard et les raisins*».

278. ДВ, 1808, ч. 4, № 85, с. 55.

279. ЧтБЛРС, 1811, кн. 1, с. 51. Басня «Огородник и философ» вместе с баснями «Гуси» и «Осел и Соловей» была первоначально прочтена в закрытом заседании «Беседы» 28 февраля 1811 г.; затем в публичном заседании при официальном открытии «Беседы» 14 марта 1811 г. (см.: Десницкий, с. 111, 113). *Чем лучше: заступом их взрыть, сохой или плугом* — отзвук полемики о сравнительных достоинствах сохи и плуга, которая нашла отражение в печати и в которой приняли участие А. Н. Оленин, Ф. В. Растопчин и ряд других лиц. Использован сюжет басни Флориана «*Les deux jardiniers*».

280. ЧтБЛРС, 1811, кн. 1, с. 53. Басня читалась на заседаниях «Беседы» (см. примеч. 279). *Которым некогда был должен Рим спасеньем*. По преданию, гуси, посвященные Юпитеру, первыми предупредили спящих защитников Рима, осажденного галлами, о приближении неприятеля.

281. Там же, с. 55. Басня читалась на заседаниях «Беседы» (см. примеч. 279). Свидетельства мемуаристов В. Т. Плаксина, И.-Г. Кони, М. А. Дмитриева (приведены в кн. Кеневича, с. 83—84) о том, что Крылов данной басней отвечал на критические противопоставления басенной манеры И. И. Дмитриева собственному баснописному стилю (в частности, в статье В. А. Жуковского «О басне и баснях Крылова», 1809 г.), нельзя считать достаточно убедительными.

282. Новые басни, 1811, с. 1. На сюжет басни Лафонтена «*Le savetier et le financier*». Существует предположение, что басня Крылова является откликом на стихотворное послание к нему Д. И. Хвостова (1808), который рекомендовал Крылову написать сатирический портрет откупщика в манере оды Г. Р. Державина «К первому соседу» (см.: «И. А. Крылов. Проблемы творчества», Л., 1975, с. 257—262).

283. Там же, с. 8. На сюжет басни Лафонтена «*La goutte et l'araignée*».

284. Там же, с. 12. Современники воспринимали басню как злободневный отклик на преобразование Государственного Совета в 1810 г. Департаменты Совета возглавляли П. В. Завадовский, А. А. Аракчеев, Н. С. Мордвинов, П. В. Лопухин, к которым будто бы соответственно относятся прозвища Осел, Медведь, Мартышка, Козел (Кеневич, с. 96). Утверждение Ф. Ф. Вигеля (см. там же), что басня

написана в связи с торжественным открытием «Беседы любителей русского слова» (1811), находится в противоречии с датой создания басни.

285. Там же, с. 37. Перепечатана в ЧТБЛРС, 1811, кн. 4, с. 100. Близкий сюжет в русской басенной традиции см. в басне М. Н. Муравьева «Верхушка и Корень» (№ 115), на которую, возможно, опирался Крылов.

286. Там же, с. 41. Басня была воспринята как личный намек М. Т. Каченовским, выступавшим в эти годы с довольно резкими рецензиями в ВЕ. В ответ он специально остановился на данном стихотворении в статье, посвященной разбору сборника «Новые басни» (ВЕ, 1812, № 4). Литературное предание прочно ассоциировало образ Хавроньи с Каченовским-критиком; известно упоминание в этой связи басни «Свинья» А. С. Пушкиным («Пушкин в воспоминаниях современников», т. II, М., 1974, с. 35, 383). «Свинья» послужила объектом насмешек, исходивших и из другого литературного лагеря, враждебного «Бесede»: введение в поэзию «Хавроньи» сочли недопустимо грубым и безвкусным также карамзинисты. Известно замечание Д. Н. Блудова о том, что «Новые басни» вышли «со свиньями и виньетками». Блудову же принадлежит и ответ на замечание Крылова об отвратительных картинах и площадном слого в басне А. Е. Измайлова «Пьяница» (см. № 328): «Это ваша «Свинья» в квартального платье» (Е. Ковалевский, Граф Блудов и его время, СПб., 1866, с. 243). Отзвуки сюжета см. № 447, 478. См. также сб. «Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1975, с. 751.

287. ЧТБЛРС, 1811, кн. 4, с. 102. Басня читалась на заседании «Беседы» 3 ноября 1811 г. (см.: Десницкий, с. 122).

288. ЧТБЛРС, 1813, кн. 8, с. 67. Басня читалась на закрытом заседании «Беседы» 19 марта 1812 г. и на публичном заседании 23 марта (см.: Десницкий, с. 127).

289. СО, 1812, ч. 1, № 2, с. 7. В басне отразились события решающего периода войны 1812 г. — попытка Наполеона, захватившего Москву, начать мирные переговоры. *Волк* — Наполеон, *Ловчий* — М. И. Голенищев-Кутузов. Есть свидетельства, что Крылов через Е. И. Голенищеву-Кутузову отправил Кутузову собственноручный список басни. По преданию, после сражения под Красным (6 ноября 1812 г.) Кутузов прочел офицерам только что полученную из Петербурга басню и при словах «А я, приятель, сед» снял фуражку, обнажив свои седые волосы (Ф. В. Булгарин, Собр. соч., т. 4, СПб., 1839, с. 198).

290. СО, 1812, ч. 2, № 8, с. 87. В предыдущем, седьмом номере СО была помещена заметка о том, что «очевидцы рассказывают, как в Москве французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон и не могли нахвалиться своим „soupe aux corbeaux“»; к номеру была приложена карикатура И. И. Теребенева «Французский вороний суп». По-видимому, к этим материалам и восходит сюжет басни.

291. ЧтБЛРС, 1813, кн. 12, с. 92. Современники считали, что басня направлена против адмирала П. В. Чичагова (1756—1849), командующего армией, которая должна была воспрепятствовать французам переправиться через Березину (ноябрь 1812 г.). В результате неудачного маневра Чичагов потерпел поражение и не смог соединиться с основными силами под командой Кутузова. Чичагова называли «сухопутным адмиралом» (Кеневич, с. 123).

292. ЧтБЛРС, 1813, кн. 11, с. 95. По воспоминаниям М. Е. Лобанова, басня была прочитана Крыловым в публичном заседании «Беседы», происходившем в доме Г. Р. Державина, в самом конце заседания, после утомительного и долгого чтения ряда других сочинений. «Тогда Иван Андреевич руку в карман, вытащил измятый листочек и начал: «Демьянова уха». Содержание басни удивительным образом соответствовало обстоятельствам, и приношение было так ловко, так кстати, что публика громким хохотом от всей души наградила автора за басню, которою он отплатил за скуку ее». Конкретно басня метила в Д. И. Хвостова, члена «Беседы», любившего читать знакомым свои сочинения; известны многочисленные анекдоты и сатиры, обыгрывающие эту страсть Хвостова (см.: М. Г. Альтшуллер, Крылов в литературных объединениях 1800—1810 годов. — В кн.: «И. А. Крылов. Проблемы творчества», Л., 1975, с. 175—176). Сюжет о бездарном поэте, до смерти «зачитавшем» даже самого черта, известен в России по переложениям басни Геллерта «Das Gespenst».

293. ЧтБЛРС, 1813, кн. 11, с. 97.

294. СО, 1814, ч. 17, № 40, с. 69.

295. Новые басни, 1816, ч. 4, с. 10. Современники связывали сюжет басни с несогласиями между членами Государственного Совета (см. примеч. 284).

296. Там же, ч. 5, с. 1. Сходный сюжет известен по басне Федра «Воробей и заяц».

297. СО, 1814, ч. 15, № 27, с. 23. Толчком для создания басни послужили толки вокруг бракоразводного процесса военного историка Е. Б. Фукса (1762—1829). По воспоминаниям Н. И. Греча, когда дело рассматривалось в Сенате, кто-то из сенаторов сказал: «Что же нам рассуждать об этом? Крылов прежде нас решил дело» (см.: Кеневич, с. 150). Сюжетно басня примыкает к многочисленным сочинениям о злых женах; см., например, басню А. Е. Измайлова «Купец Брюханов» (№ 332).

298. Басни, 1815, ч. 3, с. 11.

299. Там же, с. 37.

300. СО, 1815, ч. 23, № 27, с. 24.

301. Новые басни, 1816, ч. 4, с. 27.

302. СО, 1816, ч. 27, № 1, с. 32. Басня была прочтена Крыловым на годовичном акте Публичной библиотеки 2 января 1816 г. (отчет о заседании см.: СО, 1816, № 1, с. 44).

303. Новые басни, 1816, ч. 5, с. 22. На сюжет одноименной басни Эзопа, известной по пересказу Плутарха.

304. «Северный наблюдатель», 1817, ч. 1, № 4, с. 129.

305. «Журнал древней и новой словесности», 1818, ч. 1, № 4, с. 179.

306. Басни, 1819, с. 66.

307. Там же, с. 73.

308. «Северная пчела», 1825, № 5, 10 янв., с. 4. На сюжет басни Лессинга «Die Eiche und das Schwein».

309. СЦ на 1825 г., с. 284. Басней «Прихожанин» Крылов выразил свое отношение к статье П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (1823; обсуждалась в «Вольном обществе любителей российской словесности» в 1822 г.) и его же посланию «И. И. Дмитриеву» (1823), где автор отдавал предпочтение басням Дмитриева перед крыловскими. Сюжет басни повторяет анекдот, известный по книге «Спутник и собеседник веселых людей» (1776) и ряду других сборников анекдотов. М. Е. Лобанов, биограф Крылова, уверял, что этот «анекдот о мужике» Крылов узнал непосредственно от него (см.: Кеневич, с. 205—208). Митрополит Московский Платон (Левшин П. Е.) — известный своим красноречием поповедник (1737—1812).

310. ЛГ, 1830, № 18, 27 марта, с. 143. Басня сопровождается примечанием А. А. Дельвига: «Издатель «Литературной газеты» весьма благодарит знаменитого нашего баснописца за прекрасный подарок и с удовольствием извещает читателей, что И. А. Крылов написал до двадцати новых басен, носящих на себе яркую печать его остроумия и поэтического таланта».

311. Басни, 1830, с. 278.

312. «Библиотека для чтения», 1834, т. 3, № 5, с. 235.

313. СО, 1836, ч. 175, № 1, с. 64. Перепечатана: «Лит. прибавления к РИ», 1836, № 14, 15 февраля, с. 111. Басня была запрещена цензурой, и разрешение на публикацию Крылову пришлось испрашивать лично у Николая I. По преданию, еще до публикации басня распространялась в списках. Мотив ловкого и корыстолюбивого секретаря при глупом и несведущем начальнике был широко распространен в сатирической литературе XVIII в.

314. «Сто русских литераторов», т. 2, СПб., 1841, с. 15. Сохранился автограф басни, на котором Крылов набросал портреты

Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и цензора А. В. Никитенко (ПД). Басня направлена против двух первых и имеет в виду взаимные восхваления, которыми журнальные союзники Греч и Булгарин поддерживали друг друга в литературной борьбе 1830-х годов. При публикации басню сопровождала иллюстрация-кариатура.

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) наряду с И. А. Крыловым и И. И. Дмитриевым являлся крупнейшим русским баснописцем XIX в. Начало его литературной биографии уходит в XVIII век. Уже в 1799—1801 гг. был напечатан нравственно-сатирический роман Измайлова «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества». Первые стихотворения Измайлова появились в «Санкт-петербургском журнале» И. П. Пнина, а в 1802 г. он стал членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», позднейшая история которого оказалась теснейшим образом связана с именем Измайлова. В 1807 г. он был избран секретарем Общества, в 1812 г. редактировал издававшийся от имени Общества журнал «Санкт-петербургский вестник», в 1816 г. его усилиями деятельность Общества была возобновлена (неофициально по месту собраний в Михайловском дворце его в это время называли «Михайловским»), а сам он оставался бессменным председателем Общества до 1825 г., времени своего отъезда в Тверь. Измайлов представлял умеренную в общественно-политическом, но энергичную в литературном отношении часть членов Общества. Он был сотрудником всех его изданий, темпераментно участвовал во внутренней организационной борьбе, старался вовлечь сочленов в разгоравшуюся полемику шишковистов и карамзинистов. В 1809—1810 гг. Измайлов вместе с А. П. Бенитцким и П. А. Никольским издавал журнал «Цветник», предоставивший страницы для памфлетов Д. В. Дашкова и выступлений в защиту Карамзина. Сатирическими выходками против А. С. Шишкова и Д. И. Хвостова славился и сам Измайлов, вместе с К. Н. Батюшковым сочинивший известную пародию «Певец в Беседе любителей русского слова». Как баснописец Измайлов приобрел известность лишь по выходе своего первого сборника «Басни и сказки» (СПб., 1814), но басни он начал печатать много раньше, откликаясь на имевшие широкое распространение в Обществе воспитательно-просветительские идеи. Стихотворения этих лет позднее были радикально переработаны или отброшены Измайловым. Его настоящим призванием оказалась сатирическая басня. Измайлов пользовался в своем басенном творчестве широким кругом источников, французских (Лафонтен, Флориан) и немецких (Геллерт), строил басню на основе устного анекдота или в духе анекдота, обрабатывал случайные сюжеты. Сильной стороной его басен была разработка сюжета как конкретной бытовой ситуации со всеми красочными бытовыми подробностями. Так сложился специфически измайловский, «фламандский» стиль, позволивший современникам называть его «русским Теньером». «Басни и сказки» Измайлова непрерывно переиздавались при его жизни, постоянно пополняясь новыми произведениями (изд. 2 — СПб., 1816; изд. 4 — СПб., 1821; изд. 5 — СПб., 1826); третьим изданием сам автор считал сборник «Новые басни и сказки, также разные мелкие

стихотворения» (СПб., 1817). Задуманное издание «Сочинений в стихах и прозе» не было доведено до конца; из печати вышли только прозаические произведения (ч. 1, СПб., 1826). Измайлов пытался также выступать в качестве теоретика басни и критика современных баснописцев; компилятивный «Опыт о рассказе басни» был им приложен к третьему, а «Разбор некоторых образцовых басен лучших российских фабулистов» к четвертому изданию собственных басен. Он широко привлекал баснописцев к участию в издаваемом им журнале «Благонамеренный» (1818—1826). Последние годы жизни поэта были омрачены материальными трудностями. В поисках лучше оплачиваемой службы он уезжает в Тверь, затем в Архангельск, но нигде не может ужиться с провинциальной бюрократией. Перед смертью он числился преподавателем словесности при Пажеском корпусе. О баснях Измайлова подробнее см. вступ. статью (стр. 40), а также в кн.: «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1935 и «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

315. «Любитель словесности», 1806, ч. 1, с. 167; Басни, 1814, с. 3. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 3. В ноябре 1804 г. басня была одобрена к печати цензором «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» А. Х. Востоковым. В 1813 г. текст переработан автором. Использован сюжет басни Геллерта «Der Hund».

316. «Любитель словесности», 1806, ч. 2, с. 253. На сюжет басни Лафонтена «La montagne qui assouche», восходящий к трактату Горация «Искусство поэзии». Вторичную обработку Измайловым этого сюжета см. в № 324. Басня пародирует выпренный стиль одической поэзии позднего классицизма.

317. СПбВ, 1812, № 1, с. 61. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 9. На сюжет басни Лафонтена «Conseil tenu par les rats».

318. СПбВ, 1812, № 3, с. 281. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 19. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et la cigogne».

319. СПбВ, 1812, № 5, с. 165. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 13. Сюжет неоднократно обрабатывался русскими баснописцами (см. № 259, 386, 481). Связана с борьбой, начатой Измайловым против только что образовавшейся «Беседы любителей русского слова» и ее членов. *Филин* — организатор и духовный руководитель «Беседы» А. С. Шишков. *Ворон, мой сосед* — по-видимому, Д. И. Хвостов, живший недалеко от Шишкова, на Фурштатской улице в Литейной части. *Черный Грач* — П. Ю. Львов (1770—1823), автор исторического сочинения «Храм славы российских героев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (1803). В вариантах сатиры К. Н. Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова», записанных рукой Измайлова (ПД), имеется стих «Хвала тебе, грач черный Львов». *Кукушка* — вероятно, П. И. Голенищев-Кутузов, переводчик мистической поэмы «Ночи» английского поэта Э. Юнга (1683—1765). *Сыч* — С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837), автор эпических поэм «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» и «Петр Великий»;

он был любимым литературным учеником Шишкова. Д. И. Хвостов полагал, что под *Соловьем* Измайлов подразумевал Н. М. Карамзина (см.: «Литературный архив», т. 1, М.—Л., 1938, с. 376). На самом деле смысл басни не сводится к спору о языке; скорее всего Измайлов имел в виду поэтическую практику молодых последователей Карамзина (В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, В. Л. Пушкина и др.), с которыми он сближается в 1810—1812 гг.

320. «Пантеон русской поэзии», ч. 4, кн. 8, СПб., 1814, с. 231. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 56. На сюжет басни Лафонтена «L'huître et les plaideurs».

321. СО, 1814, ч. 11, с. 156. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 23. В автографе басни (ГПБ) имеется относящееся к 1822 г. стихотворное посвящение басни А. Я. Есиповой и стихотворное заключение, отсутствующее в печатном тексте. Использован сюжет басни Флорина «La tourterelle et la fauvette».

322. СО, 1815, ч. 19, с. 23. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 17. На сюжет басни Лафонтена «Le trésor et les deux hommes».

323. ВЕ, 1815, ч. 82, с. 251. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 28. В первой публикации эпиграф из басни Лафонтена «Le lion, le singe et les deux ânes»: «Ici-bas maint talent n'est que pure grimace Cabale, et certain art de se faire valoir Mieux su des ignorants que des gens de savoir» («Часто лишь уменье притворяться Таланты заменяет нам; Уменье то дано невеждам и глупцам», пер. А. Зарина). На сюжет басни Лафонтена «Le lion, le singe et les deux ânes». *Совет* — Государственный Совет (см. примеч. 284); *Фенелон* Фр. (1651—1715) — французский писатель; был наставником детей Людовика XIV; автор трактата «О воспитании девиц». Измайлов в басне высмеивает взаимные реверансы, которыми обменивались члены «Беседы». Тема «воспитания» могла метить как в Шишкова, который перевел и русифицировал «Детскую библиотеку» Кампе, так и в И. С. Захарова, сочинение которого «Похвала женам» читалось на заседаниях «Беседы» в 1811 г. *Притом и в нужде не оставят* — намек на покровительство по службе, которое оказывали сановные действительные члены «Беседы» начинающим писателям, числившимся членами-сотрудниками.

324. СО, 1815, ч. 23, с. 65. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 35. Другая обработка Измайловым этого же сюжета — см. № 316.

325. СО, 1815, ч. 23, с. 246. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 37. На сюжет басни французского поэта конца XVIII в. Ле Маршан де Ла Вьевиля «Les échelons». Басня является откликом на поражение Наполеона под Ватерлоо 18 июня 1815 г. и его вторичное отречение от престола 22 июня.

326. ВЕ, 1816, ч. 87, с. 13. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 30. На сюжет стих. французского поэта Виге (1768—1820) «L'intérêt». *Леванда* И. В. (1734—1814) — протоиерей, известный киевский проповедник.

327. ВЕ, 1816, ч. 89, с. 9. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 34. На сюжет эпиграммы французского поэта П.-Ш. Руа (1683—1764) «Le libertin vieilli». Возможно, басня намекает на А. Н. Голицына, с 1817 г. ставшего министром духовных дел и народного просвещения. В юности он был вольтерьянцем, любителем светских удовольствий, позднее превратился в гонителя вольнодумцев и официального покровителя мистицизма. *Штиллинг* — Юнг-Штиллинг И.-Г. (1740—1817), немецкий писатель-мистик.

328. СО, 1816, ч. 30, с. 66. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 38. Стих. «Пьяница» особенно способствовало укреплению репутации Измайлова как поэта «низкой» природы, писателя «не для дам», как он охарактеризован в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова. *Промена с бумажки беленькой напрасно не платить*. Имеется в виду плата, которая бралась за размен крупных купюр (здесь двадцатипятирублевая ассигнация, «беленькая»). *Два воина ... с секирами, в броне сермяжной* — караульные будочники, форменная одежда которых шилась из грубой сермяжной ткани, а оружием была секира на длинном древке. Приведенные стихи А. С. Пушкин использовал для характеристики будочника в повести «Гробовщик».

329. СО, 1817, ч. 38, с. 63. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 35. На сюжет басни французского поэта аббата Ж. Реира (1735—1812) «Les deux hommes laids». Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 22 февраля 1817 г.

330. Басни, 1817, с. 36. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 44. Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 10 мая 1817 г.

331. Бл, 1818, ч. 1, с. 18. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 48. Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 17 января 1818 г.

332. Бл, 1818, ч. 1, с. 192. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 52. К имени «Пробтер» имелось авторское примечание: «Ужаснейшей толщины англичанин, о котором Княжнин упоминает в послании от дяди Рыфмоскрыпа племяннику». Измайлов имел в виду следующие стихи Я. Б. Княжнина: «О, ужас! .. толщиной он с Проптера казался, но спичкой стал, когда от драмы опростался». Басня читалась на заседании ВОЛСНиХ 31 января 1818 г. Сюжет близок к басне Геллерта «Der ungeratene Sohn», переведенной И. И. Хемницером под загл. «Усмирительный способ». Начальные стихи басни — пример автоиронии Измайлова: он отличался дородством и был большим любителем поест.

333. Бл, 1819, ч. 5, с. 10. Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 61. На сюжет басни французского баснописца Ж. Обера (1731—1814) «La servante». *Мост Тучков* — Тучков мост через Неву, соединяющий Петербургскую сторону и Васильевский остров в Петербурге.

334. Бл, 1819, ч. 5, с. 267. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 40. На сюжет басни французского баснописца Удара де Ла Мотта (1672—1731) «Le renard et le lion».

335. ПЗ на 1823 г., с. 289. Печ. по «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959, с. 348, где басня воспроизведена по автографу (ГПБ). На сюжет басни французского поэта О. Патрю (1604—1681) «La corde d'or». Первоначально басня, очевидно, имела в виду практику выборов в Российскую Академию, президентом которой был А. С. Шишков. Но публикация басни была приурочена Измайловым к инциденту в Академии художеств, конференц-секретарь которой, А. Ф. Лабзин, в заседании 13 сентября 1822 г. в ответ на предложение избрать почетным членом А. А. Аракчеева ввиду «близости» последнего к государю выдвинул также кандидатуру царского кучера Ильи, как человека еще более «близкого».

336. Бл, 1824, ч. 20, с. 356. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 74. Связана с полемикой литераторов круга «Благонамеренного» против «союза поэтов» (А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский и др.). Курсивом выделена фразеология поэтов романтической школы, с которой вели последовательную борьбу Измайлов, Н. Ф. Остолопов, Б. М. Федоров. (См.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972, с. 717—718.) Ср. басню Остолопова «Нерешительность» (№ 400). В 1823 г. Измайлов читал басню на заседании ВОЛСНиХ.

337. Бл, 1824, ч. 25, с. 50. Одновременно: ПЗ, на 1824 г., с. 192 (ц. р. 20 декабря 1823). Печ. по Басни, 1826, ч. 2, с. 765. Направлена против издателя журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньина, широко публиковавшего исторические материалы, собиравшего сведения о самоучках «из народа» и пр. Публикации Свиньина не отличались добросовестностью, а иногда носили чисто рекламный характер. *Тюльери* — Тюильри, дворец французских королей в Париже с большим садом при нем. *С Адмиралтейство*. Фасад здания Адмиралтейства в Петербурге имеет в длину 400 м; высота здания со шпилем — 72 м. *Коломенский мясник*, *Софрон Егорович Кулик* — нарек на загл. статьи Свиньина в «Отечественных записках»: «Федор Алексеевич Семенов, мясник-астроном в Курске» (1822, ч. 9, с. 98). См. также басню Измайлова «Кулик-астроном» (№ 338). *Кале* — порт на севере Франции. *Э! полно, миленькой* — по словам В. П. Бурнашева, это «выражение, которое Свиньин по привычке в нецеремонном разговоре постоянно употреблял» (Касьян Касьянов (Бурнашев В. П.), Наши чудоден. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода, СПб., 1875, с. 215).

338. Басни, 1826, ч. 1, с. 77. В рукописи (ГПБ) с подзаголов. «...или Свинья и Лисица). То же загл. указано в протоколах ВОЛСНиХ, где в 1824 г. Измайлов читал басню. *Свинья* — намек на П. П. Свиньина. *Кулик* — персонаж басни «Лгун» (см. примеч. 337), также посвященной Свиньину и «гениям-самоучкам», которых он открывал и пропагандировал. Кс. Полевой (Записки, Л., 1934, с. 89, 135) упоминает, что «куликом-самоучкой» Свиньин называл его брата, Н. А. Полевого; по-видимому, подобно слову «миленькой», это также было ходовое выражение Свиньина.

339. ЛГ, 1831, № 23, 21 апреля, с. 188. Измайлов пытался напечатать басню в 1824—1825 гг. в Бл и альманахе «Мнемозина», но цензура не пропустила ее (см.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959, с. 693). При публикации в ЛГ басня также встретила цензурные затруднения (Н. К. Замков, К истории «Литературной газеты» барона Дельвига. — РС, 1916, № 5, с. 277). Басня была отправлена Измайловым О. М. Сомову за 9 дней до смерти, при письме от 7 января 1831 г. История возникновения басни рассказана Ф. В. Булгариным («Северная пчела», 1849, № 142, 30 июня, с. 565) в рецензии на «Сочинения» Измайлова в издании А. Ф. Смирдина (СПб., 1849). Причиной ее создания была полемика вокруг литературных обзоров А. А. Бестужева (Марлинского) «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) и «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» (1824), к которым Измайлов отнесся крайне враждебно как к апологии принципов романтической школы. Булгарин в «Литературных листках», критическом приложении к журналу «Северный архив», защищал Бестужева. В своей заметке по поводу критических приемов Измайлова («Литературные листки», 1824, № 6, с. 237) он, в частности, процитировал стихи из басни Измайлова «Пьяница и судьба»: «С прямой дороги сбился. И где ж? У полыньи, каналья, очутился». Отсюда обыгрывание Измайловым купанья в полынье в публикуемой басне. *Брылан* — Ф. В. Булгарин, вступивший в литературную перебранку со Свиным (большая Свинья) в фельетоне «Свидание Зерова с самоучкою, или Разговор о всякой всячине» («Литературные листки», 1823, № 4; 1824, № 2) по поводу статей Свинына о «природных самоучках». *Пудель Брех* — Н. И. Греч. *Слон* — сам Измайлов, известный своей дородностью; некоторые современники относили стихи о Слоне к А. А. Дельвигу (см.: В. П. Гаевский, Дельвиг. — «Современник», 1854, № 1, отд. III, с. 38—39). *В родню хоть толст, Да не в родню, быть может, прост* — цитата из басни И. А. Крылова «Слон на воеводстве». Эти же строки цитировал Булгарин, полемизируя с эпиграммой Свинына «Зеров, наш журналист...» («Литературные листки», 1824, № 2, с. 56—57). *Завиашка* — Бестужев. *Кого лизать — лижи, И всю правдою в неправдах нам служи* — выступление против журнального союза Булгарина — Греча. Сюжет «собачьей» драки был намечен уже в письме Измайлова к П. Л. Яковлеву от 29 июля 1820 г., в котором он рассказывал о стычке О. М. Сомова с Гречем в книжной лавке И. В. Сленина. Сомов возмущался появившимися в СО похвалами в адрес В. А. Жуковского: «Греч назвал его москью («Ай, москья! знать она сильна» и пр.). — „Пусть я москья, — возразил Сомов, — однако не из тех, которые лижут задницы!“» («Поэты 1820—1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972, с. 721).

340. НА на 1825 г., с. 145 (ц. р. 4 декабря 1824). Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 83. В 1824 г. Измайлов читал басню на заседании ВОЛСНиХ. В письмах Измайлова к П. Л. Яковлеву (ПД) есть указание, что Измайлов давал эту басню А. А. Дельвигу для публикации в альманахе «Северные цветы», но тот ее по неизвестной причине не напечатал. Басня обращена к Анне Яковлевне Никольской, вдове рано скончавшегося П. А. Никольского, издателя «Пантеона русской поэзии» и друга Измайлова. Она и ее любимый черный кот

неоднократно упоминаются в «домашних» стихах Измайлова первой половины 1820-х годов (по рукописям ГПБ). О ней идет речь в послании «Я. Н. Г(оворову)»:

У Анны Яковлевны должно
За то, что нам прибавила лета,
Искусно отравить любимого кота.

О коте упоминается также в стихотворении «А. Я. Н(икольской)»:

Отмщу вам — котку отравлю!
Чрез Говорова яд чудесный я достану
И эпитафию писать коту не стану.
Быть, быть вам без кота!
Не сядет более он к вам на фортепьяна.

В рукописи ГПБ к стиху «Кто подарил его, тот с жизнью расстался» имеется стихотворное примеч.:

Оставил всё: бостон, Христину, кур, парик;
Мир праху твоему, почтеннейший старик!

В шутовском стихотворении Измайлова «Послание П. А. Н(икольского) к А. Я.», датированном «Елисейские поля, 23 июня 1823 г.», к этому же неизвестному лицу относятся стихи:

Мне пишет Александр Ефимыч,
И, признаюсь, меня тревожит эта весть,
Что в Петербурге есть
Какой-то Александр Максимыч.
Имеет каменный большой в Коломне дом,
В котором и живет с Христиной, с петухом...
Максимыч у тебя всегда на языке.

Мурлычет и ворчит — цитата из басни И. А. Крылова «Кот и повар». *Жестокосердием превосходил судей В республиках* — напоминание о якобинском терроре во время Великой французской революции. *Ну не хочу и не хочу* — постоянная поговорка С. Д. Пономаревой (1794—1824), хозяйки литературного салона, в котором сложилось «Дружеское литературное общество» (ок. 1820 г.) куда входили ближайшие сотрудники журнала «Благонамеренный». Измайлов цитирует это выражение в альбоме Пономаревой (ЦГАЛИ). *И поминай как звали* — цитата из басни И. И. Дмитриева «Заяц и Перепелка».

341. НА на 1830 г., с. 306. На сюжет басни Лафонтена «Les deux chèvres». *Направо кругом* — военная команда. *Исправник барин мой! Майор!*... — *И мой осьмого также класса* — военный чин майора соотвествовал чину штаб-лекаря. *Брамербас* — персонаж комедии «Якоб фон Тибое» датского драматурга Л.-Х. Гольберга (1684—1754); имя стало нарицательным для обозначения грубого, хвастливого солдата.

342. СЦ на 1830 г., с. 46 (ц. р. 20 декабря 1829). Перепечатана в альманахе «Радуга», М., 1832, с. 177.

343. СЦ на 1830 г., с. 71. Перепечатана в альманахе «Радуга», М., 1832, с. 171. *К своим собакам звал соседских по билетам* — выражение «по билетам» употреблялось применительно к приходящим учителям, которые за данный урок получали квитанцию, оплачиваемую позднее. *Наружность иногда обманчива бывает* — цитата из басни И. И. Дмитриева «Нищий и собака». *Или в грязи свинья, Иль ядовитая змея* — отсылка к реплике змеи из басни Измайлова «Змея и свинья»: «Марай же и врагов своих, Коль хочешь быть страшна для них». Обе басни Измайлова продолжают полемику с П. П. Свиным.

344. Соч., т. 1, СПб., 1849, с. 87. Басня обыгрывает сюжет «Брито-стрижено» о ссоре мужа с женой, широко распространенный в русских пересказах фацеций.

345. Там же, с. 173. Автограф — ГПБ, под загл. «Матюшка-книгопродавец». По всей вероятности, басня направлена против Якова Васильевича Матюшина (ум. 1869), книгопродавца из Апраксина двора, где торговали поддержанными книгами. Дурную репутацию Матюшина как перекупщика подтверждает отзыв А. А. Григорьева (1859 г.): «...книгопродавец Шнейдер дал мне — ни дать ни взять, как бы сделал какой-нибудь Матюшин на Шукином дворе — только двадцать талеров под вещи, стоящие вчетверо более» («Уч. зап. Тартуского ун-та», 1975, вып. 358 (XXIV), с. 344). Не исключено, однако, что речь идет о Матвее Ивановиче Заикине (1782—1854), книгопродавце и издателе. «Оракулы» — гадательные книги, наиболее известной и постоянно переиздававшейся из которых был «Древний и новый всегдашний гадательный оракул», приписывавшийся Мартыну Задеке, личности апокрифической. «Деяния Петра» — многотомный труд И. И. Голикова (1735—1801), представляющий подробный свод материалов к биографии Петра I. *Три безжалостных сестры* — фурии (эриннии), см. Словарь.

346. Там же, с. 187.

347. «Пантеон русской поэзии», ч. 5, кн. 9, СПб., 1814, с. 96; СО, 1814, ч. 16, с. 193. Печ. по Басни, 1826, ч. 1, с. 62. На сюжет басни Флориана «Les deux paysans et le puage».

П. И. ШАЛИКОВ

Петр Иванович Шаликов (1767—1852) принадлежал к числу первых русских писателей-профессионалов. В наследство от родителей он получил только грузинский княжеский титул и по выходе в отставку из военной службы в 1799 г. должен был изыскивать средства к существованию. С 1813 г. он занимал место редактора «Московских ведомостей», но продолжал издавать «Дамский журнал» (1823—1833) и выпускать отдельными сборниками свои сочинения и переводы. Шаликов начал печататься в 1790-е годы, находясь под сильным влиянием начинавшегося сентиментального движения, и до

1830-х годов, почти не меняясь, оставался последовательным защитником эстетики сентиментализма. Первые сборники «Плод свободных чувствований» (чч. 1—3, М., 1798—1801) и «Цветы граций» (М., 1802) выдвинули его в число наиболее модных московских писателей. Именно к первым годам XIX в. относится наибольший литературный успех Шаликова. Он становится центром, вокруг которого группируются начинающие авторы, возглавляет в Москве борьбу с литературными староверами. В 1806 г. он организует журнал «Московский зритель»; в 1808—1812 гг. издает «Аглаю», самым названием подчеркивая преемственность по отношению к альманаху Н. М. Карамзина. Однако по мере эволюции сентиментализма он постепенно оказывается на периферии литературного движения, тяжело переживая утрату популярности. Литературная традиция фиксирует репутацию Шаликова как писателя слащаво-чувствительного и пустого. В 1819 г. Шаликов выпускает две части своих «Сочинений» (М., 1819) в прозе и стихах, а через три года последний сборник — «Последняя жертва музам» (М., 1822). Шаликов был типичным представителем кружковой, притом специфически московской, поэзии «сердечных излияний». Послания к друзьям и женщинам, любовные стихи, альбомные мелочи «ча случай» — таковы его излюбленные, весьма расплывчатые в жанровом отношении стихотворения. Басни занимают среди них подчиненное положение. Шаликов обратился к баснописанию под несомненным влиянием И. И. Дмитриева, с которым его связывало долготелее знакомство и которого он рассматривал как главу и законодателя русских сентименталистов в поэзии. Басни Шаликова представляют любопытный пример приспособления дидактического жанра к сентиментальной тематике: стилистически гладкая, изящная по сюжету, мягкая моральная сенсация, противопоставленная традиционно «низкому» жанру. О Шаликове см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

348. «Аглая», 1808, ч. 4, кн. 2, с. 34; ТОЛРС, 1819, ч. 13, кн. 20, с. 73. Печ. по Соч., т. 2, с. 238. Басня читалась в заседании ОЛРС 25 января 1819 г.

349. «Аглая», 1808, ч. 4, кн. 2, с. 34; ТОЛРС, 1819, ч. 13, кн. 20, с. 73. Печ. по Соч., ч. 2, с. 239. Под «характером» в басне понимается совокупность душевных, моральных качеств человека в противоположность дарованию, уму.

350. ВЕ, 1814, ч. 73, с. 287. На сюжет басни Лафонтена «La portagte qui accouche».

351. ВЕ, 1815, ч. 81, с. 161.

352. ТОЛРС, 1819, ч. 15, кн. 24, с. 47. Печ. по «Последняя жертва музам», с. 25. Басня читалась в заседании ОЛРС 29 ноября 1819 г.

353. НЛ, 1822, кн. 1, с. 46. Печ. по «Последняя жертва музам», с. 94.

354. «Последняя жертва музам», с. 25.

Б. К. БЛАНК

Борис Карлович Бланк (1769—1825) начинал литературную деятельность как театральный переводчик. Он обработал для сцены несколько пьес повседневного репертуара — либретто комических опер, комедии и т. п. Страсть к театру он сохранил до конца жизни. Он переводил также популярные романы — сентиментальные и романы ужасов в духе Анны Радклиф, но более всего известен как стихотворец, представитель типичной для Москвы начала XIX в. салонной поэзии. Многочисленные альбомные стихи — мадригалы, послания, стихи «на случай», на семейные происшествия и т. п. — Бланк печатал почти исключительно в журналах, издававшихся П. И. Шаликовым, которому покровительствовал в юности и с которым был дружески близок всю жизнь. Только в этих изданиях появилось более трехсот его произведений. Откровенный дилетант, Бланк не связывал себя никакой жесткой литературной программой, выражая в стихах некое расплывчатое сентиментальное мироощущение, чувства преданной дружбы и нежной любви, весь набор эмоций, популярный у эпигонов карамзинизма. Такова тематика и большинства из довольно многочисленных басен Бланка. Очищенный от всего «низкого» сюжет, изящное и благопристойное нравоучение, стиль, избегающий «грубых» выражений, делают их типичными произведениями сентиментального направления русской басни.

355. «Аглая», 1808, ч. 3, № 1, с. 65, подп. Б*. *Стрела, пять, пароли, убил, мазу ставлю* — карточные термины. *Цитерская пристань* — пристань на острове Любви (Цитере, см. Словарь), аллегорически изображенном в романе французского писателя П. Тальмана «Езда в остров Любви» (в переводе В. К. Тредиаковского).

356. «Аглая», 1808, ч. 4, № 1, с. 65.

357. «Аглая», 1808, ч. 4, № 3, с. 36.

358. «Аглая», 1809, ч. 5, № 3, с. 57.

359. «Аглая», 1810, ч. 9, № 3, с. 44.

А. П. БУНИНА

Анна Петровна Бунина (1774—1829) занимает особое место в истории русской поэзии. Она была первой женщиной, всецело посвятившей себя литературе. Современники относились к ней как к необычному культурно-бытовому феномену, что определило ее положение вне литературных партий. Оставшись в раннем детстве сиротой, Бунина воспитывалась в семье старшей сестры и часто бывала у своих дальних родственников Бланков. Знакомству с Б. К. Бланком, П. И. Шаликовым и другими московскими поэтами, поклонниками Н. М. Карамзина, Бунина обязана первыми литературными впечатлениями. Когда она начала заниматься самообразованием, с правилами словесности ее знакомил П. И. Соколов, непременный секретарь Академии наук, известный архаик. В 1808 г. она завершила перевод «Правил поэзии» Батте, популярного позднеклассического эстетика. Ей покровительствовали А. С. Шишков, Г. Р. Державин; при

организации «Беседы любителей русского слова» она была избрана ее почетным членом, а И. А. Крылов самолично прочел в одном из заседаний поэму Буниной «Падение Фазтона» (1811). Восхищаясь баснями Крылова, Бунина тем не менее образцом для себя в этом жанре считала изящно-уравновешенную манеру И. И. Дмитриева, которому и посвятила несколько своих басен. На деле при несомненных стилистических достоинствах ее басни остаются рассудочно-аллегоричными и растянутыми. Все же критика оказалась снисходительной к первым попыткам поэтессы в таком «не-женском» роде поэзии и отнесла басни к числу ее удачнейших стихотворений. Бунина мало участвовала в периодических изданиях. Поэтические произведения ее дважды издавались отдельными сборниками: «Неопытная муза» (чч. 1—2, СПб., 1809—1812) и «Собрание стихотворений» (чч. 1—3, СПб., 1819—1821). Басни были включены автором в оба сборника. О Бунинной см. также в кн.: «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

360. Неопытная муза, 1809, ч. 1, с. 55. Печ. по Собр. стих., 1819, ч. 3, с. 137.

361. ВЕ, 1810, ч. 49, с. 278. Печ. по Собр. стих., 1819, ч. 3, с. 157. Является откликом на благожелательную оценку членами Российской Академии представленного на их рассмотрение «Поэтического искусства» Буало в переводе Буниной. *Тесьмами крутят им и стягивают ноги*. Имеется в виду старинный китайский обычай бинтовать ноги женщинам из состоятельных семей, чтобы придать им изящную форму и миниатюрность.

Ф. Ф. ИВАНОВ

Федор Федорович Иванов (1777—1816) известен прежде всего как драматург, автор имевшей длительный успех пьесы «Семейство Старичковых, или За Богом молитва, а за царем служба не пропадают» (1807). Другая его пьеса, трагедия в стихах «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» (1809), обратила внимание современников весьма резкими тираноборческими тирадами, из-за которых, будучи уже напечатанной, не могла попасть на сцену. Вся деятельность Иванова была связана с московскими литературными кружками. Воспитанник Университетского благородного пансиона, он был близок с братьями Тургеневыми и В. А. Жуковским, в качестве страстного театрала и актера-любителя считался своим человеком в кругу Ф. Ф. Кокошкина. Искренняя дружба связывала Иванова с А. Ф. Мерзляковым, его первым биографом и внимательным издателем его «Сочинений и переводов» (чч. 1—2, М., 1824). Он был также активным членом «Общества любителей словесности при Московском университете». Иванов помещал свои стихотворения в изданиях разных направлений; многие из них появились в журнале «Амфион» (1815), который он издавал совместно с Мерзляковым и С. В. Смирновым. По своим литературным симпатиям поэт принадлежал к писателям карамзинской школы, но его сентиментализм имел всегда дидактический оттенок; критика «Амфиона» была нацелена против романтических веяний. Обращение Иванова к жанру басни на протяжении всего литературного пути было своеобразным протестом про-

тив засилья «легкой» поэзии, протестом, вообще характерным для окружения Мерзлякова, выступавшего за совмещение «легкого» стиля с серьезным «классическим» содержанием. Дочь Иванова, Н. Ф. Иванова-Обрезкова, также известна в истории литературы: она была той загадочной «Н. Ф. И.», которой посвящен цикл лирических стихотворений Лермонтова. Об Иванове см. также в кн.: «Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1964 и «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

362. ВЕ, 1808, ч. 40, с. 216; СиП, ч. 1, с. 125. На сюжет басни Лафонтена «*Le chène et le roseau*».

363. ВЕ, 1811, ч. 59, с. 110. Печ. по СиП, ч. 1, с. 127.

364. «Амфион», 1815, № 9, с. 31. Печ. по СиП, ч. 1, с. 123. На сюжет басни Флориана «*Le lierre et le thuyt*».

365. «Амфион», 1815, № 10-11, с. 169. Печ. по СиП, ч. 1, с. 124.

В. И. КОЗЛОВ

Василий Иванович Козлов (1793—1825), разночинец по происхождению, сын московского купца, был высокообразованным человеком и подававшим большие надежды литератором, одним из первых популяризаторов немецкой романтической эстетики в России. Однако если он достаточно последовательно излагал некоторые ее положения в качестве литературного критика, то его самостоятельное поэтическое творчество имеет ясно выраженный оттенок эклектики и дилетантизма. Прожив большую часть своей короткой жизни в Петербурге, где он служил помощником у П. П. Пезаровиуса и А. Ф. Воейкова, издававших газету «Русский инвалид», Козлов теснее всего был связан с литераторами московского шаликовского кружка. В журналах П. И. Шаликова он преимущественно и печатался, хотя поддерживал также добрые отношения с некоторыми членами «Беседы любителей русского слова» — А. С. Шишковым, А. П. Буниной, Е. Н. Пучковой и др. Основная часть стихотворений Козлова — переводы и переложения с немецкого, французского и английского языков, которыми он свободно владел. Его излюбленные жанры — характерные для поздних последователей Карамзина элегия, дружеское послание и мелкие альбомные жанры. Басни относятся к раннему, московскому (до 1814 г.) периоду творчества Козлова и принадлежат к типу «изящной», сентиментальной басни. О Козлове см. в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

366. РВ, 1810, ч. 11, № 9, сентябрь, с. 91.

367. РВ, 1810, ч. 11, № 9, сентябрь, с. 92.

368. «Журнал драматический», 1811, ч. 2, № 6, июнь, с. 171. Басня обращена к писателю М. Н. Макарову (1785—1847), издававшему «Журнал драматический».

369. «Журнал драматический», 1811, ч. 3, № 11, ноябрь, с. 237.

Жизнь и литературная деятельность Акима Николаевича Нахимова (1782—1814) были тесно связаны с Украиной, с Харьковом. Хотя печататься он начал в московских журналах, еще во время учения в Университетском пансионе, его талант сатирика развернулся после того, как он ближе познакомился с нравами русской провинции. Окончив Харьковский университет в 1808 г., Нахимов был оставлен при нем в качестве преподавателя словесности чиновникам, сдававшим экзамен на чин. Эти занятия давали ему массу житейских наблюдений и оставляли достаточно досуга для творчества. Из стихотворений этих лет Нахимов почти ничего не печатал, но они широко расходились в рукописи, создав ему в Харькове репутацию мизантропа и множество личных недоброжелателей из числа людей, которых они задевали. Имена конкретных адресатов сатир Нахимова забыты. В целом же в своих стихотворениях он выступает непримиримым врагом «крапивного семени», подьячих, которых осмеивал еще А. П. Сумароков. Басни Нахимова непосредственно примыкают к традиции созданной Сумароковым резко сатирической басни. В начале XIX века такая манера прямого обличения воспринималась уже как архаичная. Но басни Нахимова оживляло присущее ему поэтическое остроумие и живой задор. Сюжеты басен он в большинстве случаев изобретал сам. Нахимов умер, едва достигнув 33 лет. В последние годы он готовил к изданию свои сочинения. Изданы же они были его другом Д. С. Борзенковым под заглавием «Сочинения Акима Нахимова в стихах и прозе, напечатанные по смерти его» (Харьков, 1815). Об их популярности у читателей свидетельствуют два повторных издания 1816 и 1822 гг., каждое с новыми дополнениями по оставшимся после Нахимова рукописям. О Нахимове см. в кн.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959.

370. «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения», 1810, № 24, с. 94. Печ. по Соч., 1815, с. 22. *Рафаил* — Рафаэль Санцио (1483—1520), великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

371. Соч., 1815, с. 28.

372. Там же, с. 29.

373. Там же, с. 30. Ср. соответствующую басню А. П. Бенитцкого (№ 258).

374. Там же, с. 30. На сюжет басни Флориана «La guêpe et l'abeille».

375. Там же, с. 30.

376. ХД, 1816, февраль, с. 77. Печ. по Соч., 1816, с. 47.

377. ХД, 1816, апрель, с. 78. Печ. по Соч., 1816, с. 47.

379. Там же, с. 728; вместе с первоначальной редакцией басни (перепечатана в сб.: «Поэты-сатирики XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959, с. 652).

В. Л. ПУШКИН

Василий Львович Пушкин (1770—1830) впервые приобщился к литературе в качестве салонного поэта-дилетанта. Светски образованный человек, он легко переводил с нескольких языков, писал французские стихи, с успехом играл в любительских спектаклях. В московских литературных кружках 1790-х годов завязались близкие отношения Пушкина с Н. М. Карамзиным, П. И. Шаликовым; во время кратковременной службы в гвардии (1797—1799) устанавливается на всю жизнь полная преданности и пиетета дружба с И. И. Дмитриевым. Дружеские связи открывают Пушкину возможность широко печататься в «Аонидах», «Приятном и полезном препровождении времени», «Вестнике Европы», а в 1810 г. он оказывается одним из застрельщиков в открытой борьбе с шишковистами и «Беседой любителей русского слова», начатой молодыми сторонниками Карамзина. Его послания к В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову, напечатанные в 1810—1811 гг., имели программный смысл и послужили сигналом к началу обоюдострой полемики. В это же время появилась и его наиболее известная сатира «Опасный сосед», где он также язвительно задел своих противников. Активная полоса творчества Пушкина завершается его участием в литературном обществе «Арзамас»; членом этого общества был также и молодой А. С. Пушкин, его племянник, которого Василий Львович ввел в мир петербургских литераторов. В 1822 г. В. Л. Пушкин выпускает свой единственный сборник «Стихотворения» (СПб., 1822), издание, задуманное еще в 1812 г. К последним его сочинениям относятся несколько мелких альбомных стихотворений и антиромантическая поэма «Капитан Храбров», оставшаяся незаконченной. В литературе начала XIX в. Пушкин был одним из последних сторонников рациональной и стилистически отточенной «легкой поэзии» классицизма. Преромантические искания его литературных друзей остались ему непонятными; он более ценил стилистические достижения традиционалиста Дмитриева, чем новое содержание в поэзии Карамзина. Отсюда интерес Пушкина к обновленному Дмитриевым жанру басни, по существу исконно классическому жанру. Вместе с тем, отдавая дань времени и моде, Пушкин интересуется в основном сентиментальными или подпадающими сентиментальной обработке сюжетами, заимствуя их из новейших французских баснописцев, главным образом, у Флориана. В этом отношении он является не только учеником Дмитриева (которому он во многом прямо и сознательно подражал), но и наиболее значительным представителем отличающейся культом «чувствительности» басни дмитриевского толка. Басни его, при несомненных поэтических достоинствах, отмечены, однако, некоторой отвлеченной литературностью содержания, особенно заметной на фоне басен Крылова и Измайлова. О В. Л. Пушкине см. также в кн.: «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959 и «Поэты 1790—1810-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1971.

380. ВЕ, 1802, ч. 5, с. 187. Печ. по Стих., с. 41.

381. ВЕ, 1802, ч. 6, с. 51. Печ. по Стих., с. 50.

382. ВЕ, 1806, ч. 25, с. 118. Печ. по Стих., с. 43. На сюжет басни французского баснописца Буассара «La colombe».

383. «Аглая», 1808, ч. 2, кн. 1, с. 66. Печ. по Стих., с. 90. На сюжет басни Удара де Ла Мотта (1672—1731) «Mercure et les om-bres».

384. ВЕ, 1809, ч. 45, с. 199. Печ. по Стих., с. 49.

385. СП6В, 1812, № 1, с. 58, под загл. «Волк и лисица»; ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 14, с. 83, под загл. «Волк больной и лисица»; Стих., с. 60. Печ. по НА на 1825 г., с. 103. На сюжет одноименной басни французского поэта П.-Л. Женгене (1748—1815).

386. СП6В, 1812, № 3, с. 284. Печ. по Стих., с. 80. Направлено против «Беседы любителей русского слова», в известном смысле являвшейся предшественницей славянофильского движения. Понятие «просвещения» в истолковании Пушкина включало, главным образом, освоение рационалистической культуры европейского Просвещения. В «Послании к Д. В. Дашкову», одном из основных документов полемики против «Беседы», Пушкин писал:

Слова невежд — пустой кимвала звук,
Они безумствуют — сияет свет наук!
Ученым быть не грех, но грех во тьме ходить.
Невежда может ли отечество любить?

В обстановке литературной полемики 1810-х годов образ «сыча» становится традиционным обозначением автора — архаика и гонителя просвещения (см. примеч. 319).

387. ВЕ, 1816, ч. 88, № 16, с. 255. Печ. по Стих., с. 73.

388. ТОЛРС, 1817, ч. 7, кн. 12, с. 67. Печ. по Стих., с. 100. Басня читалась на заседании ОЛРС 27 января 1817 г. На сюжет басни Ла-фонтена «L'avantage de la science».

389. Стих., с. 77. На сюжет басни Обера «Les deux vieilles chat-tes».

К. Н. БАТЮШКОВ

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), самый значительный представитель «легкой поэзии» в начале XIX в., написал несколько басен в самом начале своего короткого творческого пути, который в 1821 г. оборвало тяжелое душевное заболевание. Воспитанник М. Н. Муравьева, он в 1800-е годы еще юношей вошел в литературную среду, с одной стороны, через салон Олениных, а с дру-

гой — общаясь с членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», особенно с приступившими к изданию журнала «Цветник» А. П. Бенитцким и А. Е. Измайловым. В этих литературных кругах жанр басни пользовался особым вниманием; одновременно здесь же определилась антиархаическая позиция Батюшкова, приведшая его к созданию «Видения на берегах Леты», злой сатиры на «Беседу любителей русского слова» и ее председателя А. С. Шишкова. В своих баснях Батюшков также шел не за Крыловым, а за И. И. Дмитриевым. Он сам никогда не придавал большого значения этим своим ранним литературным опытам. Тем не менее, составляя в 1810—1811 гг. план издания своих сочинений, он включил в него и басни, которые нравились современникам. В частности, как баснописец Батюшков был представлен в 5—6-й частях «Пантеона русской поэзии», составленных А. Е. Измайловым, а также в хрестоматии «Собрание образцовых русских сочинений в стихах». Единственное прижизненное собрание сочинений Батюшкова вышло под заглавием «Опыты в стихах и прозе» (чч. 1—2, СПб., 1817).

390. ДВ, 1808, ч. 3, с. 145. На сюжет басни Флориана «Le berger et le rossignol». Озеров — см. с. 570—571. Своей басней Батюшков выступил в защиту Озерова в связи с относящимися к 1808 г. нападками театральной критики (в басне — *лягушки*) и театральной администрации на его драматические сочинения. Болезненно самолюбивый Озеров тяжело переживал критические замечания со стороны бывших друзей из окружения А. А. Шаховского; в середине 1808 г. он вышел в отставку и уехал из Петербурга в деревню (см.: М. И. Гиллельсон, Молодой Пушкин и «арзамасское братство», Л., 1974, с. 30—31). В письме А. Н. Оленину от 23 ноября 1808 г. Озеров писал о Батюшкове: «Прелестную его басню почитаю истинно драгоценным венком моих трудов» («Русский архив», 1869, с. 137). «Дмитрий» — трагедия Озерова «Дмитрий Донской», имевшая шумный успех при постановке 14 января 1807 г. Одна из трагедий Озерова, «Эдип в Афинах» (1804), основана на античном сюжете.

391. ДВ, 1808, ч. 5, с. 78. Перепечатана: ВЕ, 1810, ч. 49, с. 286. Печ. по Опыты, 1817, с. 186. На сюжет басни Лафонтена «Le songe d'un habitant du Mogol».

392. ВЕ, 1811, ч. 40, № 23, с. 186. На сюжет басни Лафонтена «Philomèle et Progne». Сам Батюшков не считал свое переложение известного сюжета удачным и не желал включать басню в «Опыты» 1817 г., куда она попала лишь по настоянию Н. И. Гнедича, готовившего это издание. Между тем стих. Батюшкова было напечатано в «Пантеоне русской поэзии» (ч. 5, СПб., 1814, с. 239) в числе лучших русских басен. См. также одноименную басню В. А. Жуковского (№ 254).

А. Д. АГАФИ

Александр Дмитриевич Агафи (1795—1816) был сыном образованного грека, путешественника по странам Ближнего Востока, осевшего в России и занимавшего должность директора училищ Кавказской губернии. С 1809 по 1811 г. он был студентом Казанского уни-

верситета. Затем служил в канцелярии астраханского губернатора (см. письма В. Перевощикова и П. Кондырева к Д. И. Хвостову, 1816 г., ПД). Его «Басни» (Астрахань, 1814), единственный сборник, который успел напечатать рано умерший баснописец, являются первой книгой оригинальных басен, изданной в провинции. Большие выдержки из этого редкого малотиражного издания появились в журнале «Сын отечества», в рецензии Н. В. Сушкова, отметившего, что, наряду с чисто ученическими опытами, среди двенадцати вошедших в сборник басен имеются стихотворения, свидетельствующие об оригинальности дарования Агафи.

393. Басни, с. 8.

394. Там же, с. 10.

395. Там же, с. 18. На сюжет басни Лафонтена «*La montagne qui assouche*». Стих. является поздним откликом на полемику сентименталистов с «высокими» жанрами классицизма. *Пою войну богов Против дерзостных Титановых сынов*. Имеется в виду война богов и титанов («Гигантомахия», греч. миф.), в результате которой потомство титана Иапета было низвергнуто Зевсом в Тартар.

396. Там же, с. 25. На сюжет басни Лафонтена «*La grenouille qui veut se faire aussi grosse que le boeuf*».

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

Николай Федорович Остолопов (1782—1833) начал литературную деятельность в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств», в которое вступил в 1802 г. Он принимал активное участие в жизни Общества, но всегда был далек от тех сочленов, которых можно считать «радищевцами». Не коснулись его и преромантические поиски, характерные для некоторых членов Общества, например, для Г. П. Каменева. В своих литературных воззрениях и симпатиях Остолопов на протяжении всей жизни оставался последователем эстетики позднего классицизма в изложении Лагарпа, Батте, Бутервека. Их труды и легли в основу «Словаря древней и новой поэзии» (чч. 1—3, СПб., 1821), безнадежно устарелого теоретически ко времени выхода в свет, но вплоть до 1830-х годов сохранявшего популярность в качестве справочного пособия. «Словарь» сделал имя Остолопова известным в большей степени, чем другие его сочинения, хотя он и был весьма плодотворным автором. Он сотрудничал почти во всех изданиях начала XIX в., в 1806 г. сам издавал «Любитель словесности», наполовину заполненный собственными сочинениями издателя. Чуть реже появлялось имя Остолопова в печати с 1809 по 1819 г., когда он служил в Вологде. С 1820 г. вновь обосновавшись в Петербурге, он опять возвратился в ряды «Вольного общества», правда, к этому времени радикально реформированного (так называемого «Михайловского») и объединившегося вокруг «Благонамеренного» А. Е. Измайлова. В позднем творчестве Остолопова усиливаются сатирические мотивы. Вместе со своим старым другом А. Е. Измайловым он участвует в полемике против молодых поэтов-романтиков, которая разворачивается на страницах «Благонамеренного», пишет

куплеты на А. А. Дельвига и Е. А. Баратынского, собирает рукописные сатиры и т. п. Свои ранние стихотворения Остолопов почти полностью собрал в книге «Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства» (СПб., 1816). Последним, итоговым сборником явились «Апологические стихотворения, с присовокуплением поэмы „Привидение“» (СПб., 1827), куда он включил свои лучшие басни. Этот факт свидетельствует об особом значении, которое он придавал жанру басни в своем творчестве. Требование нравоведения восходило у Остолопова к общепросветительским пунктам программы Общества. Не замечая, что морализм как эстетическая категория доживает в литературе последние дни, он продолжал и позднее считать басню полезным, воспитывающим читателя жанром. Именно в этой форме, чуждой сатире и бытописанию И. А. Крылова и А. Е. Измайлова, он продолжал культивировать ее и в 1820-е годы. Об Остолопове см. также в кн.: «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1937.

397. «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», кн. 1, СПб., 1804, с. 1. Переложение стих. Вольтера «Les abeilles».

398. «Журнал для пользы и удовольствия», 1805, ч. 2, с. 217, под загл. «Юноша и мудрец»; «Прежние досуги, 1816, с. 81, под загл. «Юноша и старик». Печ. по Аполлог. стих., с. 14. На сюжет басни Геллерта «Der Jungling und der Greis».

399. СПбВ, 1812, № 9, с. 264. Печ. по Аполлог. стих., с. 21.

400. Аполлог. стих., с. 33. 20 ноября 1821 г. басня читалась на заседании ВОЛСНиХ под загл. «Нерешимость». Примыкает к полемике кружка А. Е. Измайлова против «союза поэтов» (см. примеч. 336). Выделенные курсивом слова пародируют эпитеты поэтов романтической школы. Сюжет восходит к известному парадоксу об осле («Буриданов осел»), приписываемому позднему схоластику Иоанну Буридану (ум. после 1358).

401. ПЗ на 1823 г., с. 184 (ц. р. 30 ноября 1822). Печ. по Аполлог. стих., с. 17.

402. ПЗ на 1823 г., с. 336 (ц. р. 30 ноября 1822). Печ. по Аполлог. стих., с. 50.

403. Бл, 1823, ч. 21, № 1, с. 12 (ц. р. 2 декабря 1822). Басня была исключена цензурой из Аполлог. стих. (см. ЦГИА). Терминами «либерализм», «либеральный» в 1820-е годы обозначали принадлежность к декабристской антиправительственной оппозиции.

404. Аполлог. стих., с. 5. Первая редакция басни предназначалась для публикации в Бл, но была запрещена цензурой (см.: «Ежегодник Рукописного отдела ПД на 1972 г.», Л., 1974, с. 56).

405. «Календарь муз на 1827 г.», СПб., 1827, с. 61 (ц. р. 21 декабря 1826). Печ. по Аполлог. стих., с. 54.

В. В. ИЗМАЙЛОВ

Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830) принадлежал к писателям школы Карамзина. Желая посвятить себя всецело литературным занятиям, он отказался от карьеры гвардейского офицера, в 1790-х годах вышел в отставку и начал сотрудничать в журналах московских сентименталистов. Он обратил на себя внимание повестью «Ростовское озеро» (1795) и «Путешествием в полуденную Россию» (1800—1802), представляющим раннее подражание «Письмам русского путешественника» Карамзина. Большой поклонник Ж.-Ж. Руссо, Измайлов усиленно пропагандировал его идеи относительно воспитания юношества в своем журнале «Патриот» (1804), основанном специально для этой цели, и попытался применить на практике теории, изложенные в романе «Эмиль, или О воспитании», открыв в Москве пансион для дворянских детей. Позднее он широко сотрудничал в самых разных журналах и альманахах, а в 1814 г. редактировал «Вестник Европы». Получив хорошее домашнее образование, Измайлов много переводил с французского, немецкого и английского языков. Только мелкие его переводы составили шесть частей сборника «Переводы в прозе», изданного в Москве (1819—1820). Как баснописец Измайлов был последователем И. И. Дмитриева. Однако, оставаясь верным сентиментальной эстетике, он специально подбирает для своих басенных переложений «трогательные» сюжеты, а в качестве педагога-теоретика стремится не упустить из виду дидактическую цель басни. Материальные затруднения в конце жизни вынудили Измайлова поступить на службу в московскую цензуру. В 1827 г. он также издал альманах «Литературный музеум».

406. «Пантеон русской поэзии», ч. 1, кн. 2, СПб., 1814, с. 253. На сюжет басни Флориана «Le léopard et l'écureuil».

407. Там же, ч. 4, кн. 8, с. 240. На сюжет басни Флориана «Le phénix».

408. ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 14, с. 80. На сюжет басни Флориана «La tourterelle et la fauvette».

409. ПЗ на 1824 г., с. 265 (ц. р. 20 декабря 1823). На сюжет басни Флориана «L'auteur et les souris».

410. СЦ на 1828 г., с. 62 (ц. р. 3 декабря 1827). На сюжет басни Флориана «Le cheval et le poulain».

Д. И. ВЕЛЬЯШЕВ-ВОЛЫНЦЕВ

Дмитрий Иванович Вельяшев-Волынцев (1771—1818) как поэт сформировался в эпоху расцвета московских сентиментальных журналов 1790—1800-х годов. Он был недорослем записан в гвардию, затем учился в Московском благородном пансионе и по склонности к математическим наукам перешел сначала в армейский артиллерийский полк, а затем в «понтонные» (саперные) роты. В 1800 г. Вельяшев-Волынцев в чине полковника вышел в отставку и, поселившись в Москве, отдался страсти к театру, литературе и математике. Еще

в пансионе он был участником «Дружеского общества любителей словесности», объединявшего воспитанников, и печатал свои ученические сочинения в «Полезном упражнении юношества», а позднее сотрудничал в «Аонидах» Н. М. Карамзина и «Приятном и полезном препровождении времени» В. С. Подшивалова. Ранние стихотворения Вельяшев-Волынцев собрал в книжке «Лира» (М., 1805). Свои драматические переводы и переделки он издал в виде нескольких выпусков журнала «Талия» (1810—1811). После 1811 г. началась его активная деятельность в качестве члена-учредителя «Общества любителей российской словесности при Московском университете». Без его участия не выходила ни одна книжка трудов Общества; тому же Обществу Вельяшев-Волынцев завещал свою библиотеку. В эти годы им была написана большая часть басен, регулярно читавшихся в заседаниях вместе с баснями В. Л. Пушкина, П. И. Шаликова и других представителей запоздалого московского карамзинизма.

411. ТОЛРС, 1812, ч. 3, кн. 6, с. 47. Басня читалась в заседании ОЛРС 25 ноября 1811 г. На сюжет басни Эзопа «Осел со статуей на спине».

412. ТОЛРС, 1817, ч. 7, кн. 12, с. 70. Басня читалась на заседании ОЛРС 25 ноября 1816 г.

413. ТОЛРС, 1817, ч. 7, кн. 12, с. 71. Басня читалась на заседании ОЛРС 25 ноября 1816 г.

414. ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 14, с. 79. Басня читалась на заседании ОЛРС 15 июня 1817 г.

Н. В. НЕВЕДОМСКИЙ

Николай Васильевич Неведомский (1791—1853) как писатель не принимал активного участия в современной литературной жизни, что и нашло отражение в каламбурной эпиграмме П. И. Колошина:

Неведомский, поэт, неведомый никем,
Печатает стихи неведомо зачем.

Между тем он был колоритной фигурой и в жизни, и в литературе. Вступив в 1812 году корнетом в казачий полк, Неведомский попал в партизанский отряд А. С. Фигнера, познакомился с немецким поэтом-партизаном Теодором Кернером, был ранен в том же бою, когда погиб Фигнер, и побывал во французском плену. Боевая гусарская молодость наложила отпечаток на творчество Неведомского. Памяти Т. Кернера он посвятил свой сборник, озаглавленный «Воин-поэт», многие стихотворения которого перекликались с лирикой Д. В. Давыдова. Позднее появляются: «Лирические поэмы. „Русский орел“, „Наполеон“» (1828), «Партизаны. Описательная поэма» (1829), «Бурка. Поэма» (1835), также связанные с событиями Отечественной войны. Неведомский работал над историей партизанских действий в разных странах, посвятив этому вопросу обстоятельный семитомный труд. Отрывки из него печатались в «Современнике», издатель которого, П. А. Плетнев, высоко оценил самобытность таланта и

увлеченность Неведомского-историка. Басни являлись первым жанром, в котором Неведомский испробовал свои силы. Сборник «Басни и сказки» (СПб., 1812), как отметил в рецензии на него А. Е. Измайлов, был наполнен ученическими произведениями, во многом подражательными по отношению к предшественникам. За исключением двух сильно переработанных басен, Неведомский не включил эти произведения в «Воин-поэт» (М., 1819), ограничившись новыми, написанными к тому времени стихотворениями. Более полно он собирался представить свое басенное творчество во второй книге стихотворений; издана, однако, была только часть первая: «Стихотворения. Песни и романсы» (СПб., 1821).

415. БиС, с. 35.

416. Там же, с. 60. Печ. по Воин-поэт, с. 19. На сюжет одноименной басни Эзопа.

417. Воин-поэт, с. 12. Обработка сюжета весьма близка к басне И. А. Крылова «Волк на псарне» (см. № 289).

418. ТОЛРС, 1823, ч. 23, с. 259. Басня читалась на заседании ОЛРС 24 февраля 1823 г.

В. И. ТИБЕКИН

Василий Иванович Тибекин (1769—1831) принадлежал к числу литераторов, связанных с Д. И. Хвостовым, который широко патронировал писателей-неудачников. Сын екатеринославского губернатора, Тибекин в молодости служил в гвардии; после смерти разорившегося отца он занимал мелкие должности в статской службе. С 1816 г. Тибекин служил в Петербурге и вынужден был усиленно искать покровительства сановных лиц (см. его формуляр в ЦГИА). Его первая книга «Басни и сказки» (СПб., 1816) была посвящена князю А. Б. Куракину; в 1820 г. он подал в цензуру новую книгу басен, испрашивая разрешения посвятить их Александру I (издание не вышло, цензурное дело хранится в ЦГИА); сохранилась также рукопись сборника «Новые басни» (1822), поднесенная автором графу М. С. Воронцову, которую Тибекин столь же безуспешно надеялся напечатать (см.: ЛОИИ). Посылая Д. И. Хвостову экземпляр «Басен и сказок», он благодарит его за литературные советы и просит для руководства в поэзии брошюру А. Рихтера «Два опыта в словесности», где были расхвалены притчи адресата (ПД). В данном случае комплименты Тибекина вряд ли были искренни. Но в целом он придерживался тех же архаических представлений о басне, что и Д. И. Хвостов, рассматривая ее как серьезное нравоучение под маской аллегории. «Я употребил всевозможное старание, — писал он о своих баснях, — чтобы книга сия была как можно привлекательнее и приятностию рассказа, и нравственными истинами, на которых я основывался». Однако первое же выступление Тибекина-баснописца в печати было осмеяно в рецензии А. Е. Измайлова, подытожившего впечатление от сборника 1816 г. словами: «Трудно решить, что лучше: подражания ли Лафонтену и Лессингу или оригинальные басни г. Тибекина. И те и другие весьма забавны». После такого отзыва Тибекина.

кину удалось напечатать лишь маленький сборник «Басни» (СПб., 1819). Из других его сочинений известны патриотические стихи под названием «Ура на победы... М. Л. Голенищева-Кутузова» (СПб., 1812). О Тибекине см. также в кн.: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — первой половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969.

419. БнС, с. 10. Печ. по Басни, 1819, с. 12.

420. Басни, с. 7. По-видимому, направлена против А. Е. Измайлова, встретившего резкими насмешками первый сборник басен Тибекина 1816 г. (см.: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969, с. 680—681).

421. Там же, с. 10. Печ. по тексту рукописного сборника 1822 г. «Новые басни» (ЛОИИ), где дана совершенно новая подробная разработка сюжета.

422. Там же, с. 21.

423. Там же, с. 25.

424. Там же, с. 28. На сюжет басни Федра «Гора рождающая».

425. Печ. впервые по тексту рукописного сб. 1822 г. «Новые басни» (ЛОИИ).

П. П. ЛОБЫСЕВИЧ

Петр Павлович Лобысевич (р. ок. 1764—1768) принадлежал к семье, издавна связанной с литературой. Его дядя, А. К. Лобысевич, — сотрудник «Всякой всячины» и заметная фигура в украинской литературе, а брат, С. П. Лобысевич, был переводчиком с французского. Сам он в первый раз выступил в печати с одой «на случай», напечатан в 1794 г. «Песнь Екатерине II». Ряд подобных произведений, писавшихся в разные годы, вошел также в книжечку «Оды и разные стихотворения Петра Лобысевича» (СПб., 1811). В 1811 г., отзываясь на просьбу Лобысевича и ходатайство А. С. Хвостова, «Беседа любителей русского слова» оказала ему денежное вспомоществование (см.: Десницкий, с. 127). В 1812—1813 гг. Лобысевич выпустил отдельными листовками несколько стихотворений в честь побед русской армии и «карикатурное песнопение» в духе бурлескных поэм — «Ретирада большой французской армии» (СПб., 1813). Они остались незамеченными. «Новые басни и сказки» (чч. 1—2, СПб., 1816) были названы автором «новыми», как можно предположить, потому, что он попытался сам «изобретать» сюжеты для своих басен, вместо того чтобы «подражать» Эзопу и Лафонтену. Вторую часть сборника занимали две нравоучительные новеллы в стихах — «Корей, прозревший слепой. Сказка» и «Рыбак и откупщик. Новость». На выход басен откликнулся рецензией А. Е. Измайлов, который осудил в них то, что связывало Лобысевича с традицией басни XVIII века: как «низкого» сатирического жанра — невыдержанность стиля, злоупотребление грубым просторечием и диалектизмами. В 1800-е

годы Лобысевич служил при Черниговском генеральном суде; позднее он управлял имениями министра внутренних дел В. П. Кочубея. К 1817 г. относится его «Мнение о даровании прав свободы крепостным, при соблюдении преимуществ и выгод дворянства». Примерно около этого времени против Лобысевича было возбуждено дело о нанесении ущерба имуществу Н. К. Загряжской, приемной матери жены Кочубея, и он был посажен в крепость. Сведений о дальнейшей судьбе Лобысевича не имеется. См. о ней также в кн.: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — первой половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969.

426. НБис, ч. 1, с. 12. «*Кум Матвей*» — антиклерикальный роман французского писателя-просветителя А.-Ж. Дюлорана (1719—1798), переведенный на русский язык в 1803 г. и запрещенный цензурой.

427. Там же, с. 21.

428. Там же, с. 46.

П. А. ЛАДЫЖИНСКИЙ

Павел Алексеевич Ладыжинский (даты жизни не установлены) является автором двух басенных сборников, вышедших почти одновременно — «Басни и сказки» (кн. 1—2, М., 1816—1817) и «Новые басни и сказки» (М., 1817). Первая книга продавалась с благотворительными целями, «в пользу инвалидов», то есть старых и увечных отставных солдат, помещенных в Московский инвалидный дом; вторую сочинитель посвятил своему брату, Василию Алексеевичу. Другие следы литературной деятельности Ладыжинского неизвестны, хотя не исключено, что ему принадлежит подпись «П. Ладыжинский» под стихотворением «Меналк, превращенный в розу», которое вышло отдельным изданием (СПб., 1801).

429. Бис, кн. 2, 1817, с. 7.

430. Там же, с. 16.

431. НБис, с. 3.

432. Там же, с. 19.

433. Там же, с. 21.

434. Там же, с. 23.

Г. И. ЛУЗАНОВ

Герасим Иванович Лузанов (р. 1788) большую часть жизни прослужил в провинции и имел мало возможностей сотрудничать в столичных журналах. Он происходил из мелкопоместных дворян Черниговской губернии, окончил Московский университет со званием «студента». В годы его ученья в московском журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» помещал свои стихи его старший брат, Павел

Иванович, впоследствии глуховский полицеймейстер. Служба Лузанова при Малороссийском почтамте, куда он попал по рекомендации Д. П. Трошинского, дважды прерывалась причислением к армии. С 1808 по 1811 г. он «по знанию иностранных языков» был прикомандирован к штаб-квартире П. И. Багратиона в Молдавии, а в 1812—1814 гг. был правителем канцелярии Черниговского ополчения. К 1814—1816 гг., когда он в должности чиновника Особенной канцелярии Министерства полиции находился в Петербурге, относится его сотрудничество в «Духе журналов», издававшемся земляком Лузанова, Г. М. Яценко. Лузанов был одним из немногих оригинальных авторов этого компилятивного издания и поместил в нем около полусотни стихотворений, почти исключительно басен. В это время, очевидно, завязалось знакомство Лузанова с А. Е. Измайловым. До 1821 г. Лузанов, в 1816 г. переехавший в Орел, присылал в «Благонамеренный» свои мелкие стихотворения (см.: Г. Гераков, Продолжение путевых записок. 1820—1821 г., СПб, 1830, с. 123). По воспоминаниям В. П. Бурнашева, ссылавшегося на признания самого Измайлова, Лузанов печатался здесь и позднее, но анонимно, так как орловский губернатор не пожелал, чтобы среди его чиновников был «литератор» (см.: «Дело», 1874, № 4, с. 159). Не исключено, что причиной этого недовольства послужил изданный Лузановым по приезду в Орел сборник «Басни и сказки» (Орел, 1819), который местные чиновники расценили как сатиру на провинциальные порядки (см.: РС, 1891, № 4, с. 25—26). В 1828 г. Лузанов был советником Орловской палаты уголовного суда. Далее следы его теряются.

435. ДЖ, 1815, ч. 4, кн. 28, архив лит-ры, с. 180. Печ. по БиС, с. 5.

436. ДЖ, 1815, ч. 6, кн. 34, архив лит-ры, с. 229. Печ. по БиС, с. 23.

437. ДЖ, 1815, ч. 8, кн. 45, архив лит-ры, с. 1002. Печ. по БиС, с. 48.

438. ДЖ, 1817, ч. 17, кн. 11, архив лит-ры, с. 39. Печ. по БиС, с. 45. Басня построена на каламбуре: *верстовой столб* и *столп* — лицо сапожное.

439. БиС, с. 46.

Н. МАЦНЕВ

Николаю Мацневу (даты жизни не установлены) принадлежит сборник «Басни, сказки и мелкие сочинения» (СПб., 1816). В предисловии к книге он сообщал своим читателям: «Сии басни писаны собственно для моих детей. По желанию приятелей моих я решился их напечатать». На самом деле он писал стихи не только для домашнего употребления. Незадолго до выхода сборника он анонимно поместил ряд стихотворений в «Духе журналов» и в журнале третьегостепенного литератора А. Кропотова «Демокрит». Судя по перечню подписчиков, приложенному Мацневым к своей книге, он находился в дружеских отношениях с Варатынскими и семьей Е. Ф. Муравьевой, вдовы

М. Н. Муравьева и матери декабриста Никиты Муравьева: и те и другие подписались сразу на несколько экземпляров. Сохранилась авторизованная рукопись «нового издания» сборника Мацнева, «исправленного и многими сочинениями пополненного», которая была представлена автором в цензуру 18 ноября 1819 г. (см.: ГПБ). Цензор сделал в ней ряд купюр, и в свет издание не появилось. Количество басен было доведено в новом издании до шести книг, причем все ранние произведения подверглись стилистической переработке. Большинство басен Мацнева представляют переводы и переделки иноязычных сюжетов, главным образом почерпнутых из сочинений П. Флориана.

440. «Демокрит», 1815, ч. 2, кн. 6, с. 131; Басни, 1816, с. 27. Печ. по тексту цензурной рукописи не вышедшего сборника 1819 г. «Басни и сказки» (ГПБ).

441. Басни, 1816, с. 4. Печ. по цензурной рукописи 1819 г. (ГПБ). *Эзопом вдруг назвал*. В «Жизнеописании», традиционно сопровождающем сборники басен Эзопа, его внешность описана следующим образом: «С виду он был урод уродом: для работы не гожд, брюхо вспученное, голова что котел, курносый, грязный, кожа темная, увечный, косноязычный, руки короткие, на спине горб, губы толстые, — такое чудовище, что и встретиться страшно» («Басни Эзопа», М., 1968, с. 7).

442. Там же, с. 39. Печ. по цензурной рукописи 1819 г. (ГПБ).

443. Там же, с. 56.

М. А. ДМИТРИЕВ

Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866) родился и воспитывался в исконно литературной среде: его отец был плодовитым переводчиком с французского; И. И. Дмитриев, известный баснописец и соратник Н. М. Карамзина, приходился ему дядей. В 1814 г. в «Вестнике Европы» Дмитриев напечатал свои первые стихотворения. Московский благородный пансион, университет, дом дяди, быть принятым в котором считалось за честь для любого автора, сделали его своим человеком в литературных кругах. В «Общество любителей российской словесности при Московском университете» его рекомендовал М. Т. Каченовский, в «Вольное общество любителей российской словесности» — К. Ф. Рылеев. Известность Дмитриеву принесли его выступления 1824—1825 гг. против предисловия П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», в котором излагались принципы романтической поэзии, и резкая полемика с Грибоедовым по поводу образа Чацкого и изображения фамусовской Москвы в «Горе от ума». Журнальные выступления сопровождались острой рукописной полемикой, которую Дмитриев любил и умел вести (известны также его позднейшие сатиры на Н. А. Полевого, М. Т. Каченовского, Л. А. Краевского, В. Г. Белинского). В 1830—1840-е годы Дмитриев занял глубоко враждебную позицию по отношению к писателям «натуральной школы», примкнув к славянофилам и «Москвитянину». Это не мешало ему высказываться в либерально-оппозиционном духе

по ряду общественных вопросов. В своих поздних мемуарах он оставил резкую характеристику николаевского царствования. В последние годы он много времени посвящал работе над переводами, осуществив перевод «Науки поэзии» и сатир Горация. Подчеркнутая нормативность литературного мышления, апелляции к образцовым авторам, сглаженность стиля Дмитриева давали основание современникам называть его последним представителем умершего классицизма. В прямом значении такая оценка была полемическим преувеличением, но традиционализм поэзии Дмитриева несомненен. В ее жанровую систему органически входили и басни, которые он писал в манере своего дяди И. И. Дмитриева. Первоначально опубликованные в журналах, они были затем включены в сборник Дмитриева «Стихотворения» (чч. 1—2, М., 1830). О Дмитриеве см. также в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 2, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

444. ТОЛРС, 1819, ч. 13, кн. 20, с. 71. Печ. по Стих., ч. 1, с. 166. На сюжет басни Лафонтена «Le marchand, le gentilhomme, le père et le fils de roi». В. Л. Пушкин читал басню на заседании ОЛРС 7 декабря 1818 г.

445. ТОЛРС, 1820, ч. 18, кн. 28, с. 91. Одновременно: СО, 1821, ч. 69, с. 37. Печ. по Стих., ч. 1, с. 172. На сюжет басни Флорана «Le lierre et le thuy». Басня читалась на заседании ОЛРС 26 ноября 1820 г.

446. Стих., ч. 1, с. 177. На сюжет басни Флорана «Le roi Alphonse».

А. К. МАЗДОРФ

Александр Карлович Маздорф (ум. 1820) жил в Симбирске и занимал незначительную должность частного пристава при конторе симбирского полицмейстера. После его смерти в журналах Москвы и Петербурга появились обращения к благотворителям с призывом помочь семье Маздорфа, которую он оставил в глубокой бедности. Литературные связи Маздорфа не были широки: известны его стихотворное послание к М. Н. Сушкову (1819), послание к нему казанской поэтессы А. Наумовой, сохранились сведения о помощи ему со стороны Д. И. Хвостова. Основную часть известных сочинений Маздорфа составляют басни, с которыми он выступил впервые в «Вестнике Европы» 1811 г., сохранив связи с этим журналом до конца жизни. Его стихотворения появлялись также в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова. Попытка Маздорфа в 1816 г. сотрудничать в «Духе журналов» закончилась его размовкой с издателем, Г. Яценко, который слишком произвольно обошелся с текстом присланных басен; позднее Маздорф перепечатал их в исправленном виде. В своих баснях Маздорф шел вслед за И. И. Дмитриевым и стилистически подражал ему. Однако его произведения, подобно басням Агафи, заслуживают внимания как образцы провинциальной литературы первых десятилетий XIX в.

447. ВЕ, 1815, ч. 80, № 7, с. 259. На сюжет одноименной басни Эзопа.

448. ВЕ, 1815, ч. 82, № 14, с. 104.

449. Бл, 1819, ч. 6, № 9, с. 137. На сюжет басни Лессинга «Aesop und der Esel».

450. Там же, с. 348. На сюжет басни Лафонтена «Le rat de ville et le rat des champs».

451. ВЕ, 1819, ч. 105, № 10, с. 105.

452. ВЕ, 1819, ч. 106, № 15, с. 174.

Ф. Н. ГЛИНКА

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) еще в ранней юности начал помещать свои сочинения в журнале «Русский вестник», издававшемся его старшим братом С. Н. Глинкой. Литературное имя ему создали «Письма русского офицера» (1815—1816), своеобразный дневник участника Отечественной войны 1812 года и европейских походов русской армии. Патриотизм, вера в возможность просвещения общества и в «честных граждан», которые ликвидируют злоупотребления судопроизводства и крепостного права, привели Глинку в тайные декабристские организации. Будучи президентом «Вольного общества любителей русской словесности» (1819—1825), он сыграл важную роль в литературной пропаганде декабристских идей, хотя сам и не принял участия в подготовке восстания 1825 года. Гражданский пафос в поэзии Глинки тесно переплетался с религиозными мотивами, уважением к православным и патриархальным чертам крестьянского мирозерцания. Он одним из первых начал сочинять нравоучительные рассказы для народа. Ему принадлежит несколько стихотворных сказок из народного быта, причем вместо традиционно комического освещения Глинка трактует тему приподнято серьезно. Нравоучительность, некоторая философичность характерны и для его басен, которые он писал вплоть до 1830-х гг., но которые никогда не пытался объединить в книгу. В последние десятилетия своей долгой жизни Глинка примыкал к славянофильскому движению. См. о нем также в кн.: Ф. Н. Глинка, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957.

453. РВ, 1816, кн. 3, с. 50; ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 14, с. 88. Печ. по ТВОЛРС, 1818, ч. 3, № 7, с. 100. Басня обсуждалась на заседаниях ОЛРС 15 июня и 30 ноября 1817 г. и читалась на заседании ВОЛРС 28 января 1818 г.

454. СО, 1817, ч. 40, № 34, с. 65. Басня читалась на заседании ВОЛСНХ 5 июля 1817 г.

455. Бл, 1818, ч. 1, с. 16; ТВОЛРС, 1822, № 4, с. 111. Печ. по «Новые Аониды на 1823 г.», М., 1823, с. 90. Басня читалась на заседании ВОЛСНХ 11 октября 1817 г.

456. ТВОЛРС, 1819, ч. 7, с. 89.

457. ТВОЛРС, 1820, ч. 11, с. 97. Басня читалась на заседании ВОЛРС 8 июня 1820 г. Посвящена *Михаилу Кирилловичу Грибов-*

скому, члену Коренной управы Союза Благоденствия, одной из ранних декабристских организаций; впоследствии он явился автором записки, информировавшей правительство о тайных обществах в России (1821).

458. «Северная звезда», СПб., 1829, с. 95. Печ. по «Лит. прибавления к РИ», 1831, № 80, 5 октября, с. 639.

459. «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 г.», кн. 3, СПб., 1830, с. 339. Печ. по «Лит. прибавления к РИ», 1832, № 92, 16 ноября, с. 735.

А. Х. ДУРОП

Александр Христианович Дуроп (даты жизни не установлены) в 1813 г. окончил курс в Демидовском училище высших наук в Ярославле и на протяжении 1810—1830-х годов служил в Петербурге в Департаменте горных и соляных дел. Он и его брат Андрей (1783—1846), также поэт, были в числе первых действительных членов «Вольного общества любителей российской словесности» (с 25 января 1816 г.) и принимали деятельное участие в «Соревнователе просвещения и благотворения». Среди других стихотворений Дуропа басни количественно занимают первое место. Написанные в духе общепросветительских идей, они являются весьма типичными для круга нравоучительных и моралистических жанров, культивировавшихся умеренной частью членов Общества.

460. ТВОЛРС, 1818, ч. 2, кн. 1, с. 107.

461. ТВОЛРС, 1818, ч. 4, кн. 2, с. 225.

462. ТВОЛРС, 1819, ч. 5, кн. 2, с. 223.

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (ок. 1795—1849) начал свою литературную деятельность в кружке П. И. Шаликова. Первые его стихи появились в журнале «Аглая» за 1809 г., позднее он сотрудничал в «Вестнике Европы», «Сыне отечества» и многих других журналах и альманахах, преимущественно выходивших в Москве. Он был близок с И. И. Дмитриевым, А. Ф. Мерзляковым, В. В. Измайловым и до конца своих дней оставался преданным поклонником Н. М. Карамзина. В 1827 г. в память его он произнес панегирическую речь в «Обществе истории и древностей», неоднократно защищал от нападок недоброжелательной критики «Историю государства Российского» и подражал Карамзину в своих исторических работах, впрочем, весьма дилетантских. Иванчин-Писарев был человеком хорошо образованным, владел французским, немецким и итальянским языками, прекрасно знал историю живописи и собрал ценную коллекцию гравюр европейских мастеров. Эта вполне европейская образованность сочеталась у него с сильными русофильскими настроениями, которые в 1840-е годы привели Иванчина-Писарева к сближению с редакцией

«Москвитянина». Он был плодовитым стихотворцем и выпустил три сборника стихотворений: «Сочинения и переводы в стихах» (М., 1819), «Новейшие стихотворения» (М., 1828) и «Чем богат, тем и рад» (М., 1832). Как баснописец он откровенно подражал И. И. Дмитриеву, обращаясь за сюжетами в основном к французским источникам.

463. «Аглая», 1810, ч. 12, кн. 3, с. 77, под загл. «Свобода», подп. Н. И. П. Печ. по СиП, с. 222. *Рейналь Т.-Фр.* (1713—1796) — французский историк и философ; имеется в виду наиболее прославленный его труд «Философская и политическая история ... двух Индий» (1770), в котором, в частности, поставлен с большой резкостью вопрос об освобождении невольников в Северной Америке.

464. СиП, с. 188. *Преображение* — одна из последних незавершенных картин Рафаэля Санцио. *На бедного взвалился Тредьяковский*. Тредиаковский в начале XIX в. пользовался репутацией тяжелого и бездарного поэта, предшественника «Беседы любителей русского слова».

465. Там же, с. 207. *Клеантов гимн* — «Гимн Зевсу», одно из произведений античной литературы, автором которого считается стоик Клеанф, ученик философа Зенона. *Падения римлян вину открывший нам* — Ш. Монтескье (1689—1755), автор сочинений «Размышление о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748), оказавших большое влияние на социальные представления эпохи европейского Просвещения.

466. Там же, с. 234. *Македонские* — цари Филипп и его сын Александр (см. Словарь).

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), друг А. С. Пушкина, известный поэт, имя которого связано с важнейшими эпохами культурной жизни России XIX столетия, никогда не имел репутации баснописца в прямом смысле этого слова. Многочисленные обращения Вяземского к жанру басни были в глазах современников заслонены его лирикой, сатирами, эпиграммами. Между тем эти произведения тесно связаны с общей эволюцией басни и критической полемикой вокруг этого жанра. Теоретические представления Вяземского о басне нашли отражение в статье «Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» (1823), имевшей шумный литературный резонанс, поскольку в ней в острой форме проводилось сравнение манеры двух крупнейших современных баснописцев — Дмитриева и Крылова. Ироническому литературному рассказу Дмитриева Вяземский отдал предпочтение перед бытовой, диалогичной и просторечной басней Крылова. Такая точка зрения (хотя Вяземский и признавал огромный талант Крылова) была обусловлена культурно-бытовыми связями Вяземского с кругом Карамзина — Дмитриева, его участием в борьбе с архаической «Беседой любителей русского слова», членом которой был Крылов; не последнюю роль сыграли здесь вольтерьянство и общественный либерализм Вяземского, усилившиеся в годы работы над

статьей. В поэзии Дмитриева его привлекало также доведенное до совершенства изящество «среднего слога», культивировавшееся и в «Арзамасе». Свои первые басни — пародии на басни Д. И. Хвостова — Вяземский написал в 1816 г. для чтения на шуточных собраниях этого литературного общества сторонников Карамзина. В них осмеивалась воскрешенная Хвостовым поэтика сумароковской притчи. Во время цензурных гонений эпохи министерства А. Н. Голицына (1818—1824) Вяземский напечатал ряд аллюзионных басен, иносказательной формой вуалируя намеки на современные события. Не без влияния примера И. И. Дмитриева он позднее создает цикл коротких философских апологов. Использовал Вяземский басню и как оружие литературной сатиры, в частности, в борьбе с Ф. В. Булгариным. Он был одним из ранних переводчиков и пропагандистов польской басни в России. «Полное собрание сочинений» Вяземского, подготовленное на основе его богатейшего архива, вышло в 1878—1896 гг.

467. «Российский музеум», 1815, ч. 4, с. 225. На сюжет басни испанского баснописца Т. Ириарте (1750—1791) «El rato y la serpiente», заимствованной Вяземским из французского издания басен в переводе П.-М. Ломанди (1804), где она носила загл. «Le serpent et l'oiseau» (см.: «Пушкинский сборник», вып. 2, Рига, 1974, с. 121). Басня направлена против Хвостова, гордившегося тем, что он трудится равно во всех родах поэзии. В анонимной современной эпиграмме ему дана сходная характеристика: «Наш Русский Буало, Корнель и Флакк, И баснослов, и драматург, и лирик...» («Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века», т. 1. М.—Л., 1931, с. 174).

468. ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 14, с. 80. Басня читалась на заседании ОЛРС 24 февраля 1817 г.

469. «Записные книжки (1813—1848)», М., 1963, с. 12. Басня принадлежит к циклу пародий на притчи Д. И. Хвостова, написанному для литературного общества «Арзамас». *Пожалуйста, ты не бочись, как Ферти!* По словам А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» выказал предпочтение ферту («Ф») перед фитой («Ф»), так как «эта литера стоит подпершиися, и следовательно, бодрая» (Соч., т. 10, М., 1782, с. 9).

470. Там же, с. 11. *Великий аргумент: авось.* В кругу Вяземского слово «авось» обыгрывалось как своего рода национальный символ; А. С. Пушкин назвал его «народным шиболетом» в связи с упоминанием шуточных стихов И. М. Долгорукова «Авось».

471. СО, 1819, № 58, с. 34.

472. «Новое собрание образцовых сочинений и переводов в стихах...», ч. 2, СПб., 1821, с. 132. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et le berger». *Изгнали нас из Альбиона.* Начало полному уничтожению волков в Англии было положено еще в 961 г. при короле Эдуарде.

473. СО, 1821, № 50, с. 178. На сюжет басни польского поэта И. Красицкого (1735—1801) «Owieczka».

474. Полн. собр. соч., 1880, т. 3, с. 280, где воспроизведено по рукописному сб. Вяземского, содержащему произведения 1822 г.

475. «Дамский журнал», 1823, ч. 2, с. 133.

476. НЛ, 1823, кн. 5, № 38, с. 187.

477. ПЗ на 1824 г., с. 31 (ц. р. 20 декабря 1823). На сюжет аполога из сборника немецкого поэта И.-Ф. Кастелли (1781—1862) «Hundert vierversige Fabeln» (Wien, 1822) или из совпадающего с ним по содержанию сборника апологов Мольво «Cent fables en quatre vers chaques» (1820). В 1823 г. аполог Вяземского читался на заседании ВОЛСНХ.

478. «Отечественные записки», 1845, № 4, с. 328, подп. ***. Направлена против театральных рецензий и обзоров Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле». Басня послужила поводом для статьи В. Г. Белинского «Несколько слов о фельетонисте „Северной пчелы“ и „Хавронье“» (1845). Булгарин отвечал Вяземскому в «Северной пчеле» (1845, № 106) не столько по существу обвинений, сколько подчеркивая грубость басни: «Едва ли кроме двух-трех сцен в «Мертвых душах» появлялось что-либо подобное в печати, как стихотворение «Хавронья». В русской литературе никогда не появлялось картины отвратительнее. Хавронья «Отечественных записок» входит в театр во всей нечистоте: с грязною щетиною и запахом». *Где, не жалея рыла* — перифраз из басни И. А. Крылова «Свинья», также посвященной проблеме несправедливой критики. Название басни Вяземского восходит к этой же басне Крылова, где имеется строка «Ну как же критика Хавроньей не назвать» (см. № 286). См. также примеч. к басне А. Е. Измайлова «Обманчивая наружность» (№ 343). Особое раздражение Вяземского и, как следствие, обращение к крыловскому сюжету вызвали, очевидно, воспоминания Булгарина о Крылове («Северная пчела», 1845, № 8), где довольно язвительно разбирались отношения Крылова и Вяземского в связи с басней «Прихожанин» (см. № 309).

О. М. СОМОВ

Орест Михайлович Сомов (1793—1833) вошел в историю литературы как критик, трактат которого «О романтической поэзии» (1823) явился программным документом в борьбе за национальную самобытность литературы. Известен он также и как литературный сотрудник К. Ф. Рыльева и А. А. Бестужева по изданию альманаха «Полярная звезда» (1824), а также А. А. Дельвига и А. С. Пушкина по изданию «Литературной газеты» (1830—1831), органа кружка литературных аристократов, противостоявших Н. И. Гречу и Ф. В. Булгарину. Поэтическое наследие Сомова невелико и представлено в основном его ранними произведениями. К ним относятся и басни, которые он, будучи еще студентом Харьковского университета, печатал в местных журналах на русском языке «Украинский вестник» и «Харьковский Демокрит» 1816—1817 гг. Интерес к басне также поддерживало сближение Сомова по приезде в Петербург с кружком А. Е. Измайлова и сотрудничество в «Благонамеренном». Несколько басен Сомов

представил на обсуждение в «Вольное общество любителей российской словесности», и они появились на страницах его периодического издания «Соревнователь просвещения и благотворения». О Сомове см. также в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

479. Бл, 1818, ч. 2, № 6, с. 271. На сюжет басни Лафонтена «Le gland et la citrouille». Басня Сомова читалась на заседании ВОЛСНХ 25 апреля 1818 г.

480. Бл, 1819, ч. 6, № 7, с. 9.

481. ТВОЛРС, 1819, ч. 5, кн. 2, с. 225.

482. ТВОЛРС, 1819, ч. 7, кн. 8, с. 215.

В. Г. МАСЛОВИЧ

Василий Григорьевич Маслович (1792—1841) принадлежал к группе украинских литераторов начала XIX в., которые хотя и писали на русском языке, но теснейшим образом были связаны со становлением национальной украинской культуры и литературы. Он был издателем юмористического журнала «Харьковский Демокрит» (1816), в котором печатались произведения местных литераторов, в том числе, например, Г. Ф. Квитки; некоторые из них были на «малороссийском наречии». Маслович учился на словесном факультете Харьковского университета, который в 1813 г. окончил со степенью кандидата, и был оставлен при нем для чтения лекций. В 1816 г. благополучно состоялся диспут по его докторской диссертации «De nature pulchri et sublimis». По-видимому, в основе ее лежал курс эстетики Эшенбурга. Во всяком случае, толкование «по Эшенбургу» представляла собой одна из пробных лекций Масловича — «О важнейших баснописцах на русском языке»; она легла в основу его рассуждения «О басне и баснописцах» (Харьков, 1816). Эту тему Маслович выбрал не случайно. Еще в 1814 г. он здесь же, в Харькове, выпустил свои «Басни в стихах»; ряд новых басен был напечатан в «Харьковском Демокрите». Они написаны под сильным воздействием А. Н. Нахимова, с которым Маслович находился в дружеских отношениях и сочинения которого издавал посмертно. С Нахимовым его сближают краткость басен, вольное обращение с традиционными сюжетами, стилистическая небрежность и сатирический тон, хотя сатира Масловича и не касается серьезных общественных вопросов. Второе, исправленное, издание басен (СПб., 1825) Маслович дополнил подборкой кратких апологов, отчасти сюжетно совпадающих с «Апологами в четверостишиях» И. И. Дмитриева, но, по утверждению автора, сочиненных независимо от него. Маслович использовал немецкий сборник стихотворений Кастелли, в первую часть которого вошло большое количество переводов басен французского баснописца Мольво. Из других изданий Масловича заслуживают упоминания «Замечания и чувствования, или Путешествие, каких очень много, из Харькова до Санкт-Петербурга» (СПб., 1818); в рукописи сохранились отрывки его продолжения, посвященные описанию Петербурга, Невского проспекта, с упоминанием известных петербургских литераторов.

483. Басни, 1814, с. 16. Печ. по Басни, 1825, с. 31. *Велланская* Анна Николаевна — сводная сестра архитектора К. А. Тона, жена Д. М. Велланского (1774—1847), известного пропагандиста идей Окена и Шеллинга.

484. Там же, с. 19. Печ. по Басни, 1825, с. 30. На сюжет басни Геллерта «Der Kuckuck».

485. Басни, 1825, с. 77. Датируется по указанию автора в предисловии, что работа над тремя книгами басен была завершена к 23 августа 1817 г. Вольная переработка басни Лафонтена «Le chêne et le roseau». См. также № 490.

486. ХД, 1816, январь, с. 18. Печ. по Басни, 1825, с. 64. На сюжет басни Лессинга «Die Eiche und das Schwein».

487. ХД, 1816, февраль, с. 78. Печ. по Басни, 1825, с. 74. Вольная вариация на сюжет басни Геллерта «Das Kutschpferd».

488. Басни, 1825, с. 133. На сюжет аполога из сб. Кастелли «Hundert viersverse Fabeln» (Wien, 1882).

489. Там же, с. 134. На сюжет аполога из сб. Кастелли (см. примеч. 488).

490. Басни, 1825, с. 192. Датируется в соответствии с указанием автора, что работа над четвертой книгой велась в 1823—1824 гг. На сюжет аполога из сб. Кастелли. См. также № 485.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

Алексей Демьянович Илличевский (1798—1837), лицейский однокашник А. С. Пушкина, является одним из значительных представителей «легкой» поэзии в России. В начале XIX в. к ней относили малые стихотворные жанры — эпиграмму, мадригал и т. п., требовавшие тщательной стилистической отделки. Первые стихотворения в этом роде плодovitый Илличевский написал еще в Лицее. Он продолжал сотрудничать в петербургских журналах и после того, как определился на службу в далекий Тобольск. Заочно он был избран в члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Это сблизило его с кружком А. Е. Измайлова и сделало постоянным сотрудником «Благонамеренного». Здесь он поместил статью «О погрешностях в стихосложении» (1820), сделав попытку вслед за К. Н. Батюшковым определить роль «легкой» поэзии на русской почве. В своей поэтической практике он ознакомил читателей с подобными сочинениями европейских авторов при помощи изощренных и отшлифованных переложений. Стихотворения Илличевского были собраны в книге «Опыты в антологическом роде» (СПб., 1827). Содержание сборника вполне соответствовало его названию. Он действительно состоял из кратких, афористически заостренных стихотворений в духе классических «антологий». Многочисленные басенные сюжеты, вошедшие в сборник, были обработаны Илличевским как аполог, то есть моралистическая сентенция в стихах. В этом отношении он

шел вслед за И. И. Дмитриевым, выпустившим в 1823 г. свои «Апологи в четверостишиях». Басни Илличевского также представляют попытку с помощью формы аполога оживить умиравшую традицию дидактического стихотворства. Об Илличевском см. в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

491. Бл, 1820, ч. 10, с. 126. Печ. по Опыты, с. 2. В 1820 г. басня читалась на заседании ВОЛСНХ.

492. Бл, 1820, ч. 10, с. 127. Печ. по Опыты, с. 7. В 1820 г. басня читалась на заседании ВОЛСНХ.

493. Бл, 1821, ч. 13, № 5, с. 270. Печ. по Опыты, с. 43. Басня читалась на заседании ВОЛСНХ 20 января 1821 г. *Кяхта* — пограничный пункт на границе с Китаем, через который в XVIII в. шла вся русско-китайская торговля. *Пророком трудно быть в отеческой стране* — см. примеч. 190.

494. Опыты, с. 15.

495. Там же, с. 55. На сюжет басни Флориана «Le milan et le pigeon».

496. Там же, с. 61.

497. «Памятник отечественных муз на 1828 г.», с. 162 (ц. р. 21 декабря 1827).

498. «Русский альманах на 1832 и 1833 годы», СПб., 1832, с. 325 (ц. р. 20 января 1832).

М. А. МАЙКОВ

Михаил Александрович Майков (1770 — ок. 1848), приходившийся племянником В. И. Майкову, известному автору «Елисея», свое первое стихотворение опубликовал еще в 1786 г. в журнале «Лекарство от скуки и забот». Другие его произведения появились в печати лишь после многолетнего перерыва, в 1820-е годы. В 1821 г. вышло небольшое «Собрание басен и стихов Михайлы Майкова» (чч. 1—2, М., 1821). Вскоре в дополнение к этому сборнику Майков издал «Новые басни 1824 года» (М., 1825; автограф этого сборника хранится в ЦГАЛИ). Ко времени выхода этих книг относится и его окончательная отставка: после очередной ревизии учебного округа он был уволен с должности директора ярославского Демидовского лицея. Письма Майкова за 1830-е годы к А. А. Майкову и К. М. Полторацкому позволяют думать, что он провел старость в глубокой нищете. Из своих поздних стихотворений Майков продолжал печатать только басни. В 1832 г. он выпустил в Ярославле переиздание старых произведений под заглавием «Басни. Новое, исправленное и умноженное издание», а в 1836 г. там же вышел совершенно новый сборник «Басни». Судя по отдельным полемическим замечаниям Майкова, вкрапленным им в свои стихотворения, он оставался убежденным противником не только романтической школы, но и более ранней сентимен-

тальной литературы. Вместе с тем он отчетливо чувствовал, что тяжеловесные правоучительные басни, которые он сочинял, были анахронизмом ко времени их появления в свет, и он сильно перерабатывал их от издания к изданию. О Майкове см. также в кн.: «Стихотворная сказка (новелла) XVIII — первой половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1969.

499. Собр. басен, ч. 2, с. 1, под загл. «Училище наук». Печ. по Басни, 1832, с. 15.

500. Там же, с. 16. Печ. по Басни, 1832, с. 45. Возможно, басня представляет намеренное развитие сюжета и образов притчи А. П. Сумарокова «Жуки и пчелы» (см. № 15).

501. Там же, с. 18; Басни, 1832, с. 21. Печ. по Басни, 1836, с. 24, где опубликовано с примеч.: «Эта басня, вновь сочинителем исправленная, помещена здесь из прежних басен его, напечатанных в Ярославле 1832 года».

502. Новые басни, с. 5. Печ. по Басни, 1832, с. 25.

М. Д. СУХАНОВ

Михаил Дмитриевич Суханов (1801—1843) был «экономическим» (государственным) крестьянином родом из-под Архангельска. В стремлении к грамотности и образованию его морально поддерживал пример великого земляка — Ломоносова. С большим трудом Суханову удалось из-под опеки сельского «мира» в 1825 г. перебраться в Петербург. Первое его стихотворение было посвящено коронации Николая I и по инициативе Ф. В. Булгарина появилось в журнале «Сын отечества». Впоследствии в судьбе Суханова принимали участие Б. М. Федоров, П. П. Свиньин, А. С. Шишков. Он был обязан им изданием книги «Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михайлы Суханова» (СПб., 1828), освобождением от рекрутчины, присуждением ему за его сочинения серебряной медали Российской Академии. Одновременно руководящее влияние этого круга писателей толкало Суханова на путь официозной народности. Н. И. Греч в рецензии на сборник стихотворений Суханова рассматривал его и других поэтов-крестьян как посредников «к распространению хороших понятий между людьми, равными им по рождению». И хотя Суханов тяготел к фольклору, о чем свидетельствуют его популярные в народе песни (иногда его называли «архангельским Кольцовым»), жизнь крестьян в его изображении приобретала литературно-идиллическую окраску. Басня как жанр, способный выразить житейскую народную мудрость, пользовалась большой любовью поэта. Сюжеты он большей частью изобретал сам; некоторые басни были заимствованы им из принадлежащего Д. И. Фонвизину прозаического перевода басен Л. Гольберга. Для многих его басен характерна апологическая краткость, связанная с особым значением, которое Суханов придавал провозглашенным в басне моральным истинам. По свидетельству современной критики, эти небольшие апологи особенно нравились читателям «простотою рассказа, свободным стихосложением и удачно приисканными нравственными примечаниями». Как

баснописец Суханов продолжал выступать и по выходе в свет своей первой книги. Значительное количество вновь написанных басен было им включено в сборник «Время не праздну» (СПб., 1836).

503. «Памятник отечественных муз на 1828 г.», с. 171 (ц. р. 21 декабря 1827). Печ. по Басни, с. 6. На сюжет басни Гольберга «Черепашка желает быть скороходом».

504. Там же, с. 129. Печ. по «Время не праздну», 1836, с. 72, где опубликована с пометой: «Басня, вновь исправленная».

505. Басни, с. 20.

506. «Время не праздну», 1836, с. 3.

507. Там же, с. 42, с пометой «Вятское».

508. Там же, с. 108, с пометой «Вятское».

Е. И. АЛИПАНОВ

Егор Ипатьевич Алипанов (1800—1860) был сыном крепостного мастерового человека и сам работал плотником на калужском заводе своего помещика И. А. Мальцева. Первые известные стихи Алипанова относятся ко времени его поездки в Петербург в 1824 г. Здесь он попал в поле зрения П. П. Свиньина и Б. М. Федорова, пропагандировавших самоучек из простонародья. Свиньин поощрил Алипанова в занятиях литературой, напечатав его стихи в журнале «Отечественные записки». В 1830 г. с предисловием Б. М. Федорова вышли «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова» (СПб., 1830). Сборник «Басни» (СПб., 1832) в 1831 г. был представлен на рассмотрение членов Российской Академии. Он удостоился серебряной медали Академии и был издан ею в пользу автора. Кроме того, президент Академии А. С. Шишков выхлопотал Алипанову «вольную» и место управляющего дачами сенатора Н. С. Мордвинова. В 1837 г., женившись на дочери Ф. Слепушкина, также поэта из крестьян, Алипанов завел собственную типографию, но быстро разорился и вернулся на службу к своему прежнему владельцу И. А. Мальцеву. Прогрессивная критика в общем довольно доброжелательно отнеслась к произведениям крестьянина-поэта, но реагировала настороженно на его связи с казенно-патриотической литературой. Творчество Алипанова, действительно, в сильной степени направлялось его сановными покровителями, желавшими видеть в поэте образ патриархально-идиллического мужика. Начав писать сравнительно поздно, Алипанов достаточно быстро и хорошо овладел стихотворной техникой. Однако узкий литературно-общественный диапазон тематики привел к быстрому оскудению его творчества. К 1840-м годам Алипанов уходит из литературы.

509. Басни, с. 24. На сюжет одноименной басни Бабрия.

510. Там же, с. 35.

511. Там же, с. 70.

512. Там же, с. 71.

513. Там же, с. 72.

514. Там же, с. 72. Басня является откликом на помощь и внимание, которые оказывал Алипанову А. С. Шишков, содействовавший его освобождению от крепостной зависимости. *И в бурю кораблем России управлял*. Адмирал Шишков был статс-секретарем во время Отечественной войны 1812 г.

515. «Лит. прибавления к РИ», 1832, № 49, с. 391. Печ. по Басни, с. 90. Направлена против Н. А. Полевого (1796—1846), издателя журнала «Московский телеграф». Полевой происходил из купеческого сословия, из семьи выходцев из Сибири, и был владельцем винокуренного завода. Его выступления в качестве журналиста и критика против литературных и общественных авторитетов, в защиту принципов романтической школы послужили причиной острой литературной борьбы, принимавшей по временам форму грубых оскорблений. Яростными врагами Полевого были А. Ф. Воейков, издатель «Лит. прибавлений к РИ», и Б. М. Федоров, литературный покровитель Алипанова. Басня Алипанова преемственно связана с басней И. А. Крылова «Свинопя» (ср. позднейшую басню П. А. Вяземского «Крыловская Хавронья», № 478). *Посадить крапивы полевой; Не полевым кротом, но бурей поднялася* — намеки на фамилию Полевого; каламбур получил известность по куплетам А. И. Писарева (1825) со стихами «Всем мил цветок оранжевый, и всем наскучил полевой» (водевиль «Три десятки, или Двухдневные приключения»). *Чудские свиньи* — северные, петербургские журналисты. *Я знаю Русь, и ей о мне известно* — перифраз слов Полевого «Я знаю Русь, и Русь меня знает» из предисловия к его роману «Клятва при гробе господнем» (1832). *А нам хвалить какая статья?* Перифраз из басни Крылова «Прихожанин» (см. № 309).

Б. М. ФЕДОРОВ

Борис Михайлович Федоров (1798—1875) представлял тип литератора, который сформировался в России в процессе становления коммерческой журналистики. Он мог писать в каком угодно жанре, сотрудничал в любых изданиях, сам издавал и редактировал журналы и альманахи. Литература была для него, мелкого чиновника, средством к существованию в прямом смысле этого слова. Он откровенно искал меценатов и покровителей среди чиновных дилетантов, не стесняясь выступать с подносными стихотворениями. В общественном отношении Федоров не просто принадлежал к числу «благонамеренных» писателей. Он неоднократно предлагал властям свои услуги в качестве защитника устоев, вплоть до готовности стать агентом III Отделения. В частности, в течение 1830—1840-х годов он яростно нападал на В. Г. Белинского и «Отечественные записки» как на страницы мракобесного журнала «Маяк», так и в болгаринских изданиях. Федоров был достаточно чуток к модным литературным приемам. У него можно встретить темы и мотивы сентиментальной, ре-

ально-бытовой и даже романтической литературы. Однако в основе своей его политический консерватизм прочно соединялся с консерватизмом эстетическим. В борьбе «классиков» и «романтиков» Федоров очень активно действовал на стороне А. Е. Измайлова, возглавлявшего так называемое «Михайловское общество». Его представление о цели литературного произведения — «развлекая, исправлять» — восходит к классицизму XVIII в. Отсюда проистекало и пристрастие Федорова к басне как жанру дидактическому и вместе с тем сатирическому. В своей симпатии к нему он был последователен на протяжении почти сорока лет. Раздел басен имелся уже в сборнике Федорова «Опыты в поэзии» (СПб., 1818). В 1820-е годы он принял и довел до конца стихотворный перевод басен Эзопа («Эзоповы басни в стихах...», СПб., 1829). Позднее Федоров превратил басню в орудие общественно-литературной полемики, в своеобразный памфлет с моралью, рассчитанный на массового читателя. О Федорове см. также в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. I, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

516. Бл, 1823, ч. 23, № 17, с. 354. На сюжет басни Эзопа «Гермес». *И. И. Мартынов* (1771—1833) — писатель, переводчик и издатель серии книг «Греческие классики», в числе которых были напечатаны и басни Эзопа. Возможно, направлена против П. П. Свинына (см. примеч. 337).

517. «Календарь муз на 1826 г.», СПб., 1826, с. 126.

518. «Лит. прибавления к РИ», 1834, № 94, с. 749. Басня обращена к С. В. Руссову (1768—1842), историку, поклоннику «Истории государства Российского» Карамзина; он, в частности, одним из первых выступил против «Истории русского народа» Н. А. Полевого в защиту исторических воззрений Карамзина (см.: «Мысли о критике автора «Истории русского народа» на «Историю» Н. М. Карамзина», СПб., 1830).

519. «Русская беседа», т. 1, СПб., 1841, с. 1 (отд. пагинации). Использован сюжет басни А. П. Сумарокова «Тяжелый комар». Басня направлена против В. Г. Белинского. Была перепечатана последним в его рецензии на сборник «Русская беседа» («Отечественные записки», 1841, № 11, отд. VI, с. 3). Совпадение заглавия басни с названием сборника полемических статей Ф. В. Булгарина «Комары. Всякая всячина» (1842) является, видимо, случайным, так как он вышел в свет только в апреле 1842 г. По-видимому, введенное Федоровым прозвище *Пигмейкин* имел в виду Н. А. Полевой, который в 1845 г. писал по поводу отзывов Белинского о Державине: «Великая тень Державина призывается к пигмейскому суду и осуждается по статьям мирмидонского журнального уложения».

520. М, 1842, т. 6, Смесь, с. 50. Печ. по «Москвитянин», 1842, т. 12, Смесь, с. 111, где басня датирована. Басня направлена против суждений В. Г. Белинского о поэтическом наследии Г. Р. Державина в статье «Русская литература в 1841 году». Белинский перепечатал басню «Крысы» в своих «Литературных и журнальных заметках» 1843 года («Отечественные записки», 1843, № 2, отд. VIII, с. 117).

521. М., 1844, т. 17, Смесь, с. 19. Направлена против оценки В. Г. Белинским литературной деятельности Н. М. Карамзина во второй статье «Сочинения А. С. Пушкина». Белинский, в частности, писал здесь: «В сочинениях Карамзина все чуждо нашему времени — и чувства, и мысли, и слог, и самый язык. Во всем этом ничего нет нашего, и все это навсегда умерло для нас» (Полн. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 139). Студент Белинский был исключен из Московского университета, что давало врагам основания третировать его как «недоучившегося студента». Прозвище *Грифьяк* — по-видимому от франц. «griffer» (царапать).

522. Там же, с. 28, подп. Б. Ф. Направлена против отвлеченной гегельянской фразеологии статей В. Г. Белинского (*Пигмей* — см. примеч. 519). Почти одновременно с похожими нападками на «Отечественные записки» выступил Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле» (1843, № 6).

В. С. ФИЛИМОНОВ

Владимир Сергеевич Филимонов (1787—1858), оставивший весьма значительное по объему наследие в виде переводов, оригинальных стихотворений и романов, известен главным образом только по поэме «Дурацкий колпак» (1824—1828). Его первый сборник «Проза и стихи» (чч. 1—2, М., 1822), подводивший итог раннему творчеству и в целом продолжавший жанровые традиции XVIII в., появился в годы победы литературного романтизма и прошел незамеченным. Переехав в 1825 г. в Петербург, Филимонов общается с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, А. Бестужевым, издает литературную газету «Бабочка» (1829—1830), навлекает на себя недовольство правительства запиской по крестьянскому вопросу. Но уже в 1830 г., привлеченный к процессу по делу о студенческом кружке Н. П. Сунгурова, он был выслан под надзор полиции в Нарву и таким образом изъят из литературной жизни. Органически войти в нее в 1840-е годы ему, очевидно, не удалось. Он почти не участвовал в журналистике, хотя стесненные обстоятельства заставляли его искать литературных заработков. Изданные им в последние годы жизни романы и повести не привлекли особого внимания. Басни, которые Филимонов писал всю жизнь, но которые наиболее полно собрал в книге «Басни Владимира Филимонова» (СПб., 1857), также оказались запоздалым, несвоевременным явлением. По общему характеру развернутого анекдотического рассказа и сатирической направленности они ближе всего стоят к басням и сказкам А. Е. Измайлова. Хотя сатира Филимонова и не была особенно глубока, сборник басен встретил цензурные препятствия и ряд стихотворений подвергся запрещению. Те басни Филимонова, которые создавались в 1840-е годы, отразили происходившую в эти годы утрату басней жанровой специфики. Басенная метафора сменяется в них прямой аллегорией, за которой читаются намеки на конкретные факты и лица. О Филимонове см. также в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 1, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

523. Басни, с. 34, с пометой «Москва, 1810».

524. Там же, с. 27, с пометой «Васильевский остров, 1843».

525. Там же, с. 30, с пометой «Васильевский остров, 1843».

526. Там же, с. 47, с пометой «Васильевский остров, 1843». Перечень певчих птиц представляет своеобразное подведение итогов литературной эпохи, к которой принадлежал Филимонов. *Скончались три славных соловья* — имеются в виду И. И. Дмитриев, А. С. Пушкин и, возможно, М. Ю. Лермонтов. *Взвилася Иволга в далекие края* — В. А. Жуковский, в 1841 г. покинувший Россию и обосновавшийся в Германии. *Малиновка* — скорее всего, В. Г. Бенедиктов, как правило печатавший свои стихотворения отдельными сборниками, но в конце 1830 — начале 1840-х годов начавший сотрудничать в «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского. В середине 1830-х годов Бенедиктов был приятелем Филимонова (см.: В. Г. Бенедиктов, Соч., т. 1, СПб., 1902, с. VII). *Порою и теперь недурно свищет Чиж*. Возможно, имеется в виду И. А. Крылов, назвавший себя чижом в басне «Чиж и Еж». *Две Совы* — Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин. *Писатель зауряд, один Журавлик* — скорее всего, Ф. А. Кони, плодовитый драматург и издатель-редактор журналов «Пантеон русского и всех европейских театров» и «Репертуар русского и пантеон всех европейских театров», изданий, дававших рецензии на русские спектакли; в журналах Кони сотрудничал Булгарин.

527. Там же, с. 55, с пометой «Васильевский остров, 1843». Басня является откликом на спор между О. И. Сенковским и Н. И. Гречем о характере современного литературного языка, начавшийся в 1836 г. и продолженный в 1838 г.; он получил известность как полемика о «сих и оных». Сенковский, предсказывая неизбежное сближение письменного языка с разговорным, в собственной практике редактора журнала «Библиотека для чтения» широко применял просторечные формы, в частности местоимения «этот» и «тот» вместо обычных для литературного употребления «сей» и «оный». Греч, автор популярной нормативной грамматики, настаивал на относительной самостоятельности литературного языка и требовал сохранения традиционных грамматических и стилистических норм; наиболее подробную критику «вольностей» Сенковского Греч дал в брошюре «Литературные пояснения» (1838). Очевидной для современников подоплекой лингвистического спора была борьба Сенковского против Греча и Булгарина за преобладание в области журнальной, «торговой», литературы. Басня свидетельствует, что Филимонов равно отрицательно относился к действующим лицам спора, нашедшего широкое отражение в полемической литературе 1830-х годов. Кроме многочисленных эпиграмм, сатир и пародий существуют также водевили К. П. Бахтурина «Сей и оный», метивший в Сенковского и поставленный на сцене (1839), и «Кукольная мелодрама» К. П. Масальского «Сей и этот, или Вражда двух братьев» (опубл. 1848). Стихотворение Филимонова, видимо, связано с появлением в альманахе Н. Кукольника «Новогодник» (1839) отрывка из автобиографической статьи Греча «Воспоминания юности». Здесь Греч рассказывал о своем определении в Юнкерскую школу при Сенате для подготовки чиновников, знакомых с юриспруденцией. Отсюда в басне изображение Греча как чиновни-

ка старых времен, приверженца «приказного», канцелярского слога и замечание, что «вышел бы юрист, наверно, из него». Греч, журналист и одновременно преподаватель русского языка и словесности, действительно служил «в равных должностях» с Сенковским, профессором арабского и турецкого языков Петербургского университета. Сенковский был высокообразованный для своего времени человек, получивший образование в Виленском университете и пополнивший его во время путешествия в Сирию и Египет, на Восток (в «страну мудрецов»); он числился почетным членом ряда ученых обществ. Характеризуя Сенковского («Этот-тот»), Филимонов делает намеки на замысловатый орнаментализм стиля, господствовавший в статьях «Библиотеки для чтения».

528. Там же, с. 60, с пометой «Васильевский остров, 1843».

529. Там же, с. 119, с пометой «Васильевский остров, 1843».

530. Там же, с. 106. Первоначальный вариант басни подвергся авторской переработке в связи с запрещением цензором В. Бекетовым (цензурное дело, ЦГИА) следующих стихов:

Вот точно так плохой Палаты председатель
При подписи бумаг от зависти шипит,
Когда проворный заседатель
Под носом у него просителей щечит.

531. Там же, с. 112. По данным цензурного дела (см. примеч. 530), первоначальный вариант басни, запрещенный цензором, кончался стихами:

А если б кошке той случилось в лапы
Историю людскую брать,
Могла бы львице так сказать:
«Да ведь не все же львы-то Папы!»

Намек на часто принимаемое римскими папами имя Лев. На сюжет басни Бабрия «Свинья и львица».

А. М. ЗИЛОВ

Алексей Михайлович Зилов (1798—1865), по возрасту принадлежавший к пушкинскому поколению, заявил о себе как писатель лишь после восстания декабристов. Гвардейский офицер, он в 1823 г. вышел в отставку и занялся хозяйством. Его общественно-литературные воззрения определились под влиянием последних хранителей традиций старого русского масонства — О. А. Поздеева, Руфа Степанова, П. И. Красильникова, семьи Римских-Корсаковых. Из литературных деятелей Зилов поддерживал отношения с Н. М. Шатовым, С. Н. Глинкой. Стихи Зилова, особенно помещенные в сборнике «Стихотворения» (М., 1835), пронизаны религиозными мотивами; в них звучит недовольство молодым поколением, по мнению поэта, уклонившимся от правильного пути, сетования на суетность и тщету жизни, призывы к добродетели. Те же настроения характерны и для

«Басни» (чч. 1—5, М., 1831—1835), печатавшихся отдельными выпусками. Обращаясь к жанру, вышедшему из моды и осмеянному, Зилов принципиально противопоставлял себя современной профессиональной литературе; как писатель, свободный от групповых пристрастий, он собирался провозглашать читателям «истину под басенною дымкой». Хотя кружок близких друзей приветствовал выход басен как значительное событие, в целом они прошли не замеченными критикой. С годами консерватизм взглядов Зилова усиливался, а его выступления в печати становились все более редкими. В 1843 г. он издал «Дневник русского путешественника по Европе»; последние произведения появились в сборниках «Раут» (1851—1854).

532. Басни, 1831, ч. 1, с. 11.

533. Там же, ч. 2, с. 26.

534. Там же, с. 48.

535. Там же, 1833, ч. 3, с. 39.

536. Там же, с. 54.

537. Там же, ч. 4, с. 4. На сюжет басни Лафонтена «Le chêne et le roseau».

538. Там же, с. 41.

539. Там же, с. 54.

К. И. ЦИМБАЛИН

Константин Иванович Цимбалин (р. 1807), родом из саратовских дворян, получил образование в Московском университете, куда поступил в 1826 г. Единственный его литературный труд — «Басни и сказки. В пяти книгах» (СПб., 1836), собрание моралистических стихотворений. Басни Цимбалина, так же как и аналогичные сборники А. Зилова, Н. Охлебинина и других, показывают, что умирание басенного жанра начинается еще при жизни И. А. Крылова. Басня становится достоянием массовой благонамеренной литературы, дилетантов и начинающих литераторов.

540. БиС, с. 37.

541. Там же, с. 43. В первой части перечисляются сюжеты басен Крылова «Ворона и Лисица», «Волки и Овцы», «Скворец», «Орел и Куры». «Слон и Моська» — басня Крылова.

542. Там же, с. 100.

543. Там же, с. 135.

544. Там же, с. 176.

Н. ОХЛЕБНИН

Николай Охлебинин (даты жизни неизвестны) является автором всего одной книги: «Басни. В трех книгах» (М., 1844). По-видимому, он был дилетантом в литературе. По крайней мере рецензенту «Отечественных записок» Охлебинин как писатель не был известен. Выход его сборника совпал со смертью И. А. Крылова и распродажей последнего издания крыловских басен. Это обстоятельство в глазах критика особенно оттеняло подражательность стихов Охлебинина и свидетельствовало о бесплодности попыток воскресить в современной литературе 1840-х годов жанр, ставший анахронизмом. Как пример благонамеренности Охлебинина-баснописца можно отметить «мораль» к басне «Совет зверей», которая явно имеет в виду общественную оппозицию деспотизму николаевского царствования:

О вы, которые в подобном заблужденье
Так на правительство весь ропщете свой век,
Поверьте мне, что честный человек,
В каком бы ни был он правленьи,
На строгость никогда не станет и смотреть;
Злодеев лишь одних она так ужасает;
А он спокойно проживает
По самую свою уж смерти!

545. Басни, с. 31.

546. Там же, с. 35.

547. Там же, с. 36. На сюжет басни Лафонтена «Le loup et la cigogne».

548. Там же, с. 83. *Близ Петра Святого* — рядом с собором св. Петра. В этом средневековом районе Рима никаких двадцатитажных домов быть не могло. *Встречал (жену его)*. В тексте пропуск, очевидно, цензурного характера; стих восстанавливается по смыслу: папа римский, глава католической церкви, при избрании дает обет безбрачия.

549. Там же, с. 105.

И. ВАНЕНКО

И. Ваненко — один из псевдонимов Ивана Ивановича Башмакова (ум. 1865), необыкновенно плодовитого автора сказок, песен, рассказов, повестей и т. п., рассчитанных на простонародного читателя. Его сочинения начали появляться в печати с середины 1830-х годов. Литературный талант Ваненко отметил еще В. Г. Белинский, одновременно выразив сожаление, что писатель растрчивает его на низкопробные псевдонародные поделки. В 1840-е годы Ваненко в значительной степени выступал в качестве подражателя В. И. Даля, как по содержанию, так и по стилю своих рассказов, наполненных прибаутками и экзотическими простонародными и областными словечками. Но в отличие от беллетристики Даля произведения Ваненко носят

полу-лубочный характер. Он подвизался также в качестве составителя и редактора литературных сборников разнообразного содержания. Составленную им хрестоматию «Басни и баснописцы русские...» (изд. 1 — М., 1854; изд. 2 — М., 1858) следует считать на фоне целого ряда подобных изданий XIX в. самой представительной по количеству включенных в нее авторов и самой интересной по подбору произведений. В частности, здесь был представлен сюжет «Дуб и трость» в обработке разных русских баснописцев. В этом сборнике среди произведений прочих авторов Ваненко поместил и басни собственного сочинения.

550. Басни и баснописцы, 1854, с. 213. Печ. по Басни и баснописцы, 1858, с. 197.

551. Там же, с. 214. Печ. по Басни и баснописцы, 1858, с. 198.

К. П. МАСАЛЬСКИЙ

Константин Петрович Масальский (1802—1861), популярный исторический романист, редактор-издатель журнала «Сын отечества» в 1842—1852 гг., в качестве баснописца и начинал свой литературный путь и завершил его. Его ранняя рукописная тетрадь с беловыми текстами басен датируется самым началом 1820-х годов, а намерение подготовить переиздание сборника «Басни» (СПб., 1851) относится к середине 1850-х годов (ПД). Владея древними и несколькими новыми европейскими языками, Масальский мог знакомиться с мировыми басенными сюжетами в подлинниках. В частности, он первый начал переводить басни Томазо Ириарте непосредственно с испанского. Не удивительно, что среди басен, которые появились в его сборнике «Сочинения, переводы и подражания в стихах» (СПб., 1831) и в «Сочинениях» (ч. 5, СПб., 1844), большинство составляли «подражания». В дальнейшем Масальский принципиально отказался от заимствованных сюжетов, особо оговорив это обстоятельство в предисловии к сборнику 1851 г. и поставив себе в заслугу «изобретение» сюжетов подлинно русских. Интерес Масальского к басне естественно поддерживался общим нравственно-сатирическим, в духе прозы Ф. В. Булгарина, направлением его творчества. Примером такого развернутого бытописания в поэтическом произведении может служить его стихотворная повесть «Терпи, казак, — атаманом будешь» (1829), свидетельствующая об умении Масальского создавать живые бытовые зарисовки. Поэтом, близким себе по духу, Масальский считал А. Е. Измайлова с его «фламандскими», «теньеровскими» картинками из жизни, которого он характеризовал как «самого оригинального, замечательного русского баснописца». Однако подлинно критическое отношение к действительности подменялось у Масальского намерением исправлять нравы. Рецензенты единодушно оценили выход его басен в 1851 г. как литературный анахронизм, отметив с насмешкой свойственное их автору плоское морализирование. О Масальском см. также в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов», т. 2, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1972.

552. СиП, с. 89. Печ. по Басни, с. 45. Автограф с датой — ПД. На сюжет басни Ириарте «El oso, la mba y el cerdo».

553. Бл, 1823, № 19, с. 17; НА на 1829 г., кн. 5, с. 343. Печ. по Басни, с. 42 (ц. р. 22 ноября 1850). В первой публикации ошибочно подписано: «М. Загорский» (см.: «Новости литературы», 1825, кн. 11, март, с. 153). Датируется по автографу ПД. По указанию автора, написано на сюжет басни Федра. В 1823 г. басня читалась на заседании ВОЛСНиХ.

554. СО, 1842, № 8, отд. 3, с. 9. Печ. по Басни, с. 83.

555. СО, 1847, № 1, отд. 3, с. 11. Печ. по Басни, с. 61. *Журналы-толстяки* — «Современник», «Отечественные записки» и другие издания, постоянно увеличивавшиеся в объеме, конкуренции с которыми не выдерживал редактируемый Масальским «Сын отечества».

556. Басни, с. 100.

А. В. АНТОНОВ

Александр Васильевич Антонов (1825—1892), один из поздних представителей так называемых писателей «из народа», был сыном рязанского купца. Стихи он начал писать самоучкой. Первые опыты его в стихотворном роде получили одобрение К. П. Масальского и появились в «Сыне отечества» за 1849 г. В 1853 г. Антонов по протекции губернатора П. П. Новосильцева напечатал в «Рязанских губернских ведомостях» несколько патриотических стихотворений, посвященных Крымской войне, которые обратили на него внимание двора. Впоследствии он неоднократно подносил стихи членам царской семьи в качестве официального «народного» поэта. Первые басни Антонова датированы 1850 г., но баснописцем по преимуществу он становится после 1856 г., когда выходит его первый сборник «Басни». Басни его выдержали пять прижизненных изданий — в 1863, 1867, 1871, 1875 и 1878 гг. Первое и третье издания вышли в Москве, остальные — в Рязани (под загл. «Басни и эскизы»), где Антонов со временем стал местной культурной знаменитостью и занимал почетные должности в различных благотворительных организациях. Человек откровенно консервативных взглядов, он остался в стороне от деятельности крестьянских поэтов, объединявшихся вокруг С. Д. Дрожжина и И. З. Сурикова. Басни Антонова в значительной степени восходят к традиционной эзоповской тематике, разработанной с уклоном в бытописание, откровенно моралистичны и рассчитаны на мещанского читателя. В некоторых из них осуждаются новшества, которые внесла в народную жизнь крестьянская реформа 1861 г. и которые, по мнению сочинителя, были враждебны исконно патриархальному русскому человеку.

557. Басни, 1863, с. 19. Печ. по Басни, 1878, с. 8. На сюжет басни Эзопа.

558. Басни и эскизы, 1867, с. 65. Печ. по Басни, 1878, с. 37.

559. Басни и эскизы, 1875, с. 180. Печ. по Басни, 1878, с. 135.

Виктор Ипатьевич Аскоченский (1813—1879), писатель и журналист, первоначально рассчитывал сделать богословскую карьеру. В 1839 г. он окончил Киевскую духовную академию и, зарекомендовав себя глубоким знатоком сочинений отцов церкви, был оставлен при ней адъюнкт-профессором по курсу патрологии. Характерно, что в эти годы он не только не был фанатиком-обскурантом, но скорее мог быть заподозрен в религиозном вольномыслии. Он помещал вполне светские стихи и заметки в «Маяке», «Москвитянине» и выпустил «Собрание стихотворений» (1846); впоследствии его ранняя любовная лирика послужила предметом насмешек над автором, боровшимся с «безнравственностью» разночинцев-шестидесятников. В 1846 г. Аскоченский переходит на статскую службу, затем в 1851 г. выходит в отставку и пытается заняться научными изысканиями, издав несколько работ по истории Киева; наконец, в 1857 г. он оседает в Петербурге в качестве издателя журнала «Домашняя беседа» (1858—1877). Все остальные произведения Аскоченского этих лет, вроде антинигилистического романа «Асмодей нашего времени» (1870), были лишь дополнением к журналу. Еженедельник Аскоченского, составлявший им почти единолично, был рассчитан для народного чтения; его программой была защита православия от атеистов и материалистов и борьба с общественным либерализмом. Фанатическая набожность издателя, усилившаяся с годами, по мере роста общественного движения приобретала при этом такие формы, что отпугивала даже ортодоксальное духовенство. С 1860 г. в «Домашней беседе» появился отдел «Блестки и изгарь», своего рода злободневный редакционный фельетон. Этот раздел Аскоченский оживлял своими баснями, которые печатались под полемическим псевдонимом «Незамай». «Басни Незамая» также дважды выходили отдельным изданием (СПб., 1863; изд. 2, дополненное — СПб., 1869). Все они несут тот же публицистический оттенок, который сделал само название «Блестки и изгарь» в 1860-е годы символом журнальной реакции. В жанровом отношении «Басни Незамая» представляют крайний тип аллюзионной басни. Аскоченский понимал иносказание только как средство избежать прямого пасквиля, не называя событие или лицо их действительными именами. В остальных отношениях он строит свои басни таким образом, чтобы современный читатель мог безошибочно угадывать реальные прототипы.

560. ДБ, 1862, № 38, с. 237. Печ. по Басни, 1869, с. 16. Отклик на студенческие беспорядки 1861—1862 гг. и полемику вокруг них. Название басни, по-видимому, связано со статьей В. Д. Скарятинна «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» (1862), вызвавшей насмешки в прогрессивной печати. В. С. Курочкин, в частности, откликнулся на нее фельетоном «Табунное ржание. (Изъявление лошадиной признательности г-ну Скарятину)» («Поэты „Искры“», т. 1, Л., 1955, с. 749—751). Конкретно Аскоченский имел в виду сходку студентов Петербургского университета 23 сентября 1861 г. в самовольно занятом актовом зале. Исполнявший обязанности ректора И. И. Срезневский, пытавшийся успокоить молодежь, был студентами освящен (см.: С. Ашевский, Русское студенчество в эпоху 60-х годов. — «Современный мир», 1907, № 9, с. 73). «Дедушка» —

И. А. Крылов. *Оратору такому На стенке б надо зарубить* — перифраз из басни Крылова «Кот и Повар» (см. № 288).

561. ДБ, 1868, № 1, с. 21. Печ. по Басни, 1869, с. 63.

562. ДБ, 1868, № 38, с. 897. Печ. по Басни, 1869, с. 133, с учетом правки Асоченского в экземпляре ПД, подаренном автором Б. М. Федорову. Басня является откликом на похороны Д. И. Писарева, состоявшиеся в июле 1868 г. в Петербурге на Волковом кладбище. *Господа Г-в и П-в* — по-видимому, П. А. Гайдебуров (1841—1893) и Ф. Ф. Павленков (1839—1900, зять Писарева и организатор похорон), между которыми на кладбище произошла словесная перепалка. Несмотря на противодействие Павленкова, Гайдебуров прочел над могилой Писарева посвященные ему стихи Н. А. Некрасова и Д. К. Гирса. О суде над Ф. Павленковым за напечатание сочинений Писарева «в противность цензурным постановлениям» Асоченский написал также в фельетоне «Непроходимая изгарь», где называет Павленкова «прогрессистом» и «апологетом» Писарева (ДБ, 1868, № 34, с. 806). Гайдебуров в 1860-е годы был известен как автор «Очерков прогресса», напечатанных в журнале «Искра». *Зуб со сви-стом* — реминисценция из «Ревизора» Н. В. Гоголя (диалог Бобчинского и Добчинского).

563. Басни, 1869, с. 138. Басня обращена к М. П. Погодину (1800—1875), историку и журналисту. «*Черная немочь*» — одна из ранних романтических повестей Погодина (1829). *Как наш какой-то князь Царьград завоевал*. Имеются в виду победы над Византией Игоря и Олега, достоверность сведений о которых Погодин доказывал в своей полемике со «скептической» школой в русской историографии, отрицавшей подлинность ранних договоров русских с греками. *А вот же запою*. По-видимому, имеется в виду возвращение Погодина к журнальной деятельности в качестве редактора-издателя газеты «Русский» (1867—1868).

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Козьма Прутков — литературный псевдоним братьев Жемчужниковых — Александра (1826—1896), Алексея (1821—1908), Владимира (1830—1884) и А. К. Толстого (1817—1875), выступивших с пародийными и сатирическими стихотворениями в некрасовском «Современнике» 1850-х годов. Комические «басни» были первыми печатными произведениями из составившегося позднее «Собрания сочинений» Козьмы Пруткова, самодовольного и благонамеренного поэта-чиновника, директора Пробирной палатки. Первые басни создавались как насмешка над развернувшейся в 1840-е годы верноподданнической интерпретацией басен «дедушки Крылова» в качестве стихов для простонародного чтения и над нравоучительной литературой в целом. В. М. Жемчужников вспоминал впоследствии, что, когда писался «басни» Козьмы Пруткова, авторы шутили, будто «ими доказывается излишество похвал Крылову и другим, потому что написанные теперь басни не хуже тех». Позднее басни Пруткова воспринимались как сатира на запоздалые сборники таких баснописцев, как К. Масаль-

ский, А. Антонов и др. В «официальной» биографии К. Прутков, написанной В. Жемчужниковым, засвидетельствовано, что перед Александром и Алексеем Жемчужниковыми в начале их литературной деятельности как объект пародии маячил образ Крылова, каким он представлял в биографиях М. Е. Лобанова и П. А. Плетнева (1847) и к славе которого «возревновал» Козьма Прутков, ибо «Крылов тоже состоял в государственной службе и тоже был кавалером ордена Св. Станислава». В литературном отношении «басни» Прутков продолжали традицию арзамасских пародий П. А. Вяземского на Д. И. Хвостова, стихотворных шуток самого И. А. Крылова, написанных для кружка Олениных, поэзии И. П. Мятлева. Образцы такой шутильной поэзии, не предназначавшейся для печати, прочно сохранялись в той высококультурной среде, в которой прошла юность создателей образа Козьмы Пруткова. Их техника басенной пародии также связана с традицией «литературной галиматии». Почти все басни Пруткова построены на пародийно-алогическом каламбуре, совершенно внешнем и бессмысленном (например, «стан» у «станового»). «Мораль» в точном смысле слова исчезает из басни; она превращается в абсурд. Популярность этих басенных пародий в 1850—1860-е годы свидетельствовала об окончательном кризисе жанра русской классической басни. О Козьме Пруткове см. также в кн.: Козьма Прутков, Полн. собр. соч., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965.

564. С, 1851, № 11, с. 90. Печ. по Соч., 1884, с. 15. Авторы — Александр и Алексей Жемчужниковы.

565. С, 1851, № 11, с. 90. Печ. по Соч., 1884, с. 21. Авторы — Александр и Алексей Жемчужниковы.

566. С, 1853, № 1, с. 104. Печ. по Соч., 1884, с. 43. Автор — Алексей Жемчужников. *Стан* — часть уезда, подведомственная становому, полицейскому чиновнику.

567. С, 1854, № 2, «Литературный ералаш», с. 13, под загл. «Урок внучатам». Печ. по Соч., 1884, с. 33. Автор — В. М. Жемчужников.

568. «Новое время», 1881, 18 октября, № 2026, с. 3. Печ. по Соч., 1884, с. 65. Басня была представлена в 1854 г. в редакцию «Современника», но не была опубликована, видимо, по цензурным соображениям. Авторы — Алексей Жемчужников и А. К. Толстой. *Быть может, пятница, быть может, среда.* Среда и пятница по православной религии постные дни. *До звезды* — то есть полный пост, до появления на небе первой звезды. *При звезде* — нагрудный знак ордена Св. Станислава имел форму звезды.

569. С, 1861, № 1, «Свисток», с. 44. Печ. по Соч., 1884, с. 58. Рукописные редакции имели заглавия «Служащий» и «Чинovníк». Автор — Алексей Жемчужников. *С короной Анна* — особая, более высокая степень ордена Св. Анны.

СЛОВАРЬ

Абие — тотчас, немедленно.

Авантажи — преимущества.

Австер (Нот, римск. миф.) — бурный южный ветер.

Автомедонт (Автомедон, греч. миф.) — описанный в поэме Гомера «Илиада» возникший Ахиллеса, героя греков, осаждавших Трою (Илион).

Аквилон (римск. миф.) — бурный северный и северо-восточный ветер.

Алкид (греч. миф.) — настоящее имя героя, прозванного Гераклом (Геркулесом).

Аллой (алоэ) — растение, символ религиозного подвижничества; его прикрепляли над дверьми мусульмане, совершившие паломничество в Мекку.

Аполлон (Феб, греч. миф.) — бог поэзии, а также солнечного света; горный массив Парнас и гора Геликон в Греции считались местопребыванием Аполлона и муз, покровительниц искусств и наук.

Аполог — краткое нравоучительное произведение, построенное на аллегорическом изображении животных и растений.

Аргус (греч. миф.) — многоглазый великан, часть глаз которого всегда бодрствовала; переносно — бдительный сторож.

Аретуза (греч. миф.) — нимфа источника в Сицилии, посвященного Артемиде, богине лесов и охоты.

Ахилл, Ахиллес (греч. миф.) — герой Троянской войны, воспетый в поэме Гомера «Илиада».

Аще — если.

Балы точить — болтать, точить ляды.

Барда — гуца после выгонки хлебного вина, идет на откорм скота.

Беллона (римск. миф.) — богиня войны.

Борей (греч. миф.) — бог ураганных северных ветров.

Вещба — дар предсказания.

Взмурзиться — заупрямиться, задурить.

Взрютить — взгромоздить.

Втора — вторая скрипка в оркестре.

Вулкан (римск. миф.) — бог огня и кузнечного искусства. Предполагалось, что кузницы Вулкана находятся под Этной и Везувием, — когда он работал, происходили извержения этих вулканов.

Геликон (греч. миф.) — гора в Средней Греции, где обитали музы.
Геркулес — латинская форма имени греческого героя Геракла, который, согласно мифу, совершил двенадцать чудесных подвигов, в том числе умертвил Лернейскую гидру.
Гомер — легендарный древнегреческий поэт, автор поэм «Илиада» и «Одиссея», воспевавших героев Троянской войны.
Горняя — высота, небесная высь.
Гулючки — игры в прятки, жмурки.
Гурии — вечно юные девы, которые, по Корану, встречаются в раю праведных мусульман.

Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — греческий философ-материалист; по преданию, он осмеивал пороки своих сограждан, жителей города Абдеры, за что получил прозвище «Насмешник»; позднее считался родоначальником обличительной сатиры («смешющийся Демокрит»).

Депансы (франц. *dépense*) — издержки, расходы.

Дмиться — гордиться.

Доведь — шашка, прошедшая в дамки.

Долиман (доломан) — род гусарского мундира.

Дондеже — до тех пор, покуда.

Драч — обдирала, взяточник.

Дриады (греч. миф.) — нимфы, покровительницы деревьев.

Друиды — жрецы у древних кельтских племен.

Епанча — широкий плащ без рукавов.

Зевес (Зевс, греч. миф.) — верховный бог, царь и отец богов и людей, изображался в скульптурах с посвященной ему птицей — орлом.

Зефир (греч. миф.) — легкий теплый ветер.

Зоил — злобный, завистливый, несправедливый критик.

Икар (греч. миф.) — герой античного мифа, сын художника Дедала; на изготовленных Дедалом из перьев и воска крыльях он поднялся слишком близко к солнцу и упал в море.

Имоверное — достоверное, вызывающее доверие.

Инде — в другом месте, где-то.

Кадий — судья у мусульманских народов.

Калигула (12—42) — римский император, отличавшийся неумеренной деспотичностью; чтобы показать свое пренебрежение к мнению сограждан, он назначил своего любимого коня членом римского Сената и заставил воздавать ему почести, как сенатору.

Капитолий — храм в античном Риме, где были помещены статуи прославившихся граждан.

Кастальский ключ (греч. миф.) — источник у подножия горы Парнас, посвященный Аполлону и музам; переносно — источник поэтического вдохновения.

Катилина (108—62 до н. э.) — римский патриций, глава заговора против республики, в речах Цицерона изображен злодеем и развратником.

- Квартальный* — полицейский чин, ведавший порядком в городском квартале.
- Кесарь* — см. Цезарь.
- Киклопы* (циклопы, греч. миф.) — одноглазые великаны, населявшие землю в древности.
- Кипарис* — символ смерти, дерево мертвых.
- Кислые щи* — разновидность кваса.
- Клоб* — клуб.
- Корнет* (франц. *cornet*) — дамский чепец особого покроя.
- Кошница* — корзина.
- Крез* (VI в. до н. э.) — лидийский царь, прославившийся своим богатством; переносно — богач.
- Крин* — лилия.
- Кропотать* — суетиться, хлопотать.
- Крючок* — презрительное прозвище подьячих.
- Ксантиппа* — жена греческого философа Сократа (469—399 до н. э.), по преданию крайне сварливая женщина.
- Лавр* — символ военных подвигов; лавровым венком в древности увенчивали полководцев-победителей.
- Ласкать* — лстить.
- Левантины* — восточные ковры.
- Лестная* — многообещающая.
- Лихва* — процент, прибыль.
- Ломбер* — название карточной игры.
- Лукнуть* — бросить, швырнуть.
- Мамон* (Маммона, библ.) — злой дух, покровитель богатства; переносно: богатство вообще.
- Манить* — лстить.
- Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии.
- Меркурий* (римск. миф.) — вестник богов, покровитель торговли, купцов, мошенников, игроков, продажных женщин и т. п.
- Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости, покровительница искусств; отождествлялась с греческой богиней Афиной, главное святилище которой, Парфенон, находилось в Афинах.
- Мирт* — символ гражданской власти; миртовый венок носили греческие архонты при исполнении своих официальных обязанностей.
- Мнемозина* (греч. миф.) — богиня памяти и мать девяти муз.
- Моголец* — подданный Великих Моголов, династии, правившей крупнейшей державой средневековой Индии — Могольской империей.
- Мом* (греч. миф.) — божество смеха, олицетворение иронии и насмешки.
- Мошна* — кошелек.
- Мрежи* — сети.
- Наветки* — клевета, наветы.
- Намет* — полог.
- Нарцисс* (греч. миф.) — прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение; переносно: самовлюбленный человек.
- Наследить* — унаследовать.
- Ньютон* (Ньютон, 1643—1727) — английский физик и математик.

Негде — где-то.

Нептун (римск. миф.) — бог моря, отождествлялся с греческим богом Посейдоном, который подарил царю Крита Миносу прекрасного быка, ставшего отцом чудовища Минотавра.

Нечивый — скупой, не щедрый.

Нот (греч. миф.) — бурный южный ветер.

Оромазд (Орозмад, Ахурамазда) — верховный бог в религии зороастрийцев.

Откуп — купленное у государства монопольное право на определенные виды торговли и ремесла.

Откупщик — владелец откупа.

Пан (греч. миф.) — бог лесов и рощ.

Парки (римск. миф.) — богини человеческой судьбы.

Паче — особенно, тем более.

Пеней — река в Греции.

Перун (слав. миф.) — верховное божество, повелитель грома и молнии; переносно: молния.

Пестун — воспитатель, дядька.

Петиметр (птиметр) — щеголь.

Пигмей — карлик.

Пила — напильник.

Пифагор (ок. 570 — ок. 500 до н. э.) — древнегреческий математик, основатель религиозно-философского учения пифагоризма.

Пифик — обезьяна.

Плутон (греч. миф.) — бог подземного мира и царства мертвых.

Побот (побыт) — способ, образ действия.

Подкурить — напиться пьяным.

Подушный сбор — государственная подать, которой облагался каждый взрослый крестьянин.

Подъячий — приказный служитель, судейский чиновник.

Помпей Гней (106—48 до н. э.) — римский военный и политический деятель, завоеватель восточных римских провинций.

Понеже — ибо, потому что.

Потазать — побранить, наказать.

Пракситель (IV в. до н. э.) — легендарный древнегреческий скульптор.

Прах — пыль, пепел.

Прилог — прибавка, дополнение.

Прима — первая скрипка в оркестре.

Прошахать — проиграть в шашки или шахматы.

Пря — спор.

Птиметр — см. Петиметр.

Пучок — волосы, связанные в косичку, прическа подъячих.

Расправа — разбирательство, суд.

Расщечить — воровски растащить, расхитить.

Регистратор — один из низших гражданских чинов.

Робронд — парадное придворное платье с широкой юбкой.

Рост — прибыль за данные в долг деньги.

- Салоп* — верхняя женская одежда, род плаща с накидкой.
- Сатир* (римск. миф.) — лесное божество.
- Сибарит* — житель города Сибариса; по преданию, сибариты отличались изнеженностью и утонченным развратом.
- Сирены* (греч. миф.) — женские морские божества, способные сладкозвучным пением околдовать человека.
- Скаредство* — скупость, жадность.
- Складень* — ожерелье, моноисто из драгоценных камней.
- Скрынка* — сундук, ларец, укладка.
- Собенный* — собственный.
- Сурат* — название города в Индии; буквально: «хорошая страна».
- Тазать* — наказывать, задавать задачу.
- Телемак* — герой романа французского писателя Фр. Фенелона «Полохождения Телемака» (в переводе В. К. Тредиаковского — «Тилемахида»), в котором описываются странствия сына Одиссея в поисках пропавшего отца.
- Тестамент* (франц. testament) — завещание.
- Тины* — болота.
- Титаны* (греч. миф.) — великаны, дети Урана (Неба) и Геи (Земли).
- Тороватый* — гостеприимный, щедрый.
- Трисет* — название карточной игры.
- Тягло* — подать с крестьянской семьи.
- Угар* — сорванец, бойкий человек.
- Фавн* (римск. миф.) — бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов.
- Фаэтон* (*Фаэтон*, греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса, погиб, не справившись с упряжкой огненных коней своего отца.
- Фальбала* — оборка на одежде.
- Феб* — см. Аполлон.
- Ферт* — старое алфавитное наименование буквы «Ф».
- Фетида* (греч. миф.) — старшая из дочерей морского бога старца Нерея.
- Филипп II Македонский* (382—336 до н. э.) — македонский царь, отец Александра Македонского, объединитель Македонии.
- Филоскот* — почитатель скотов.
- Флеровый* — сделанный из тонкой шелковой ткани.
- Флора* (римск. миф.) — богиня цветов и юности.
- Фортуна* (римск. миф.) — богиня судьбы и удачи.
- Фурии* (римск. миф.) — богини мщения, преследующие в подземном царстве Анда людей за убийство, клятвопреступление и т. п.
- Харон* (греч. миф.) — перевозчик, который на челноке переправляет души умерших в подземное царство.
- Хирагра* — подагра рук.
- Цитера* (греч. миф.) — остров, на котором обитала богиня любви и красоты Афродита.
- Цукерброт* — немецкое название коврижки.
- Цыганить* — ругать, насмехаться.

Частный пристав — начальник полиции в городском районе (части).
Чухна, чухонцы — карело-финское население окрестностей Петербурга.

Шалфей — ароматическое растение, применяемое в медицине и косметике, настой шалфея употребляется как напиток.

Штукарь — искусник, фокусник.

Шумен — пьян.

Шустер — сапожник.

Щечить — теревить, растаскивать.

Эак (греч. миф.) — один из судей в подземном царстве мертвых.

Эврипид (ок. 480—406 до н. э.) — древнегреческий драматург; в начале XIX в. Эврипида считали самым «чувствительным» драматургом античности.

Экзекутор — чиновник-администратор, следивший за внутренним порядком в учреждении.

Эринии (греч. миф.) — богини мщения, обитающие в царстве мертвых.

Юша (юща) — жидкий; промокший на дожде.

СОДЕРЖАНИЕ

Русская басня. Вступительная статья Н. Л. Степанова	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

А. Д. КАНТЕМИР

1. Ястреб, Павлин и Сова	65
2. Городская и полевая Мышь	66

М. В. ЛОМОНОСОВ

3. (Волк-пастух)	67
4. (Утонувшая жена)	68
5. (Старик, его сын и осел)	69
6. (Свинья в лисьей коже)	69

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

7. Волк и Журавль	71
8. Гора, мучающаяся родами	71
9. Муха и Муравей	72
10. Ворон и Лисица	72
11. Лисица и виноградная кисть	73
12. Ворона, чванящаяся чужими перьями	73
13. Осел во львиной коже	74
14. Самохвал	74

А. П. СУМАРОКОВ

15. Жуки и Пчелы	75
16. Сова и Рифмач	75
17. Волк, ставший пастухом	76
18. Мышь городская и Мышь деревенская	76
19. Волк и Журавль	77
20. Мужик с котомой	78
21. Старик со своим сыном и Осел	78

22. Огрекшаяся мира Мышь	80
23. Подьяческая дочь	80
24. Гора в родах	82
25. Шубник	82
26. Лисица и Терновый куст	83
27. Осел во Львовой коже	83
28. Лисица и Статуя	85
29. Кисельник	86
30. Змея и Пила	86
31. Феб и Борей	87
32. Пир у Льва	88
33. Шершни	89
34. Коловратность	90
35. Собака и Вор	90
36. Комар	91
37. Дуб и Трость	91
38. Голова и члены	92
39. Свеча	93
40. Противуестественник	93
41. Петух и жемчужное Зерно	94
42. Девка	94
43. Ослова кожа	95
44. Обезьяна-стихотворец	95
45. Блоха	96
46. Ось и Бык	96
47. Сатир и гнусные люди	97
48. Соловей и Кукушка	98
49. Ослица и Кобыла	99
50. Арап	100
51. Чинолюбивая Свинья	101
52. Непреодолеваемая природа	102
53. Ружье	102
54. Калигулина лошадь	103
55. Истина	103
56. Надежда	104
57. Пучок лучины	104
58. Змея согретая	105
59. Деревенские Бабы	105
60. Волосок	106
61. Горшки	108
62. Единовластие	108
63. Недостаток времени	109

А. И. ДУБРОВСКИЙ

64. Ворон, хотящий Орлу последовать	110
65. Лев и Комар	110

М. М. ХЕРАСКОВ

66. Волк и Журавль	111
67. Басня («Народы разные живут здесь на земли...»)	112
68. Муха и Огонь	113

69. Живописец и Сапожник	113
70. Мартышка во дворянах	114
71. Труба и Свирелка	115
72. Человек и Хомяк	116
73. Старый Лев	116
74. Цветник	117
75. Комар	118
76. Картина и Рамы	119

В. И. МАЙКОВ

77. Вор	120
78. Лягушки, просящие о Царе	121
79. Нерону острый ответ Дворянина, приехавшего в Рим	123
80. Голова и Ноги	124
81. Роза и Змея	124
82. Суд картине	125
83. Лисица и Бобр	127
84. Пчела и Змея	128
85. Дуб и Мышь	129
86. Солнце и Луна	129

А. А. РЖЕВСКИЙ

87. Смиренная Вдова	130
88. Дуб и Ветер	131
89. Модный Доктор	131
90. Фортуна	132
91. Клоп	133
92. Кошка, Еж и Мышь	133
93. Притча о Сатире	134
94. Собака и сено	135
95. Правда, Порок и Обман	135
96. Волк-откупщик	136
97. Волк и Лисица	137
98. Коза и Львица	138
99. Ученых спор	139
100. Некстати	140

Н. В. ЛЕОНТЬЕВ

101. Павлин и Курица	140
102. Четыре Купца	141
103. Земля и Пары	141
104. Свеча в фонаре	142
105. Лев, предпринимающий войну	143

И. А. ТЕЙЛЬС

106. Слепой и Сорока	144
107. Гудок и Скрыпка	145
108. (Луна и ее мать)	146

А. А. АБЛЕСИМОВ

109. Лисица и Колдун	147
110. Конь и Мешок	148
111. Осел-наследник	149
112. Странники слепые	151

М. Н. МУРАВЬЕВ

113. Суд Момов	154
114. Кучер и Лошади	155
115. Верхушка и Корень	156
116. Половица	157
117. Перо	158
118. Баснь. <i>Подражание Де Ла Фонтеню</i>	159
119. Зеркало	159
120. Изгнание Аполлона	160

И. И. ХЕМНИЦЕР

121. Конь и Осел	161
122. Дерево	161
123. Пожилой гадатель	162
124. Обоз	163
125. Тень мужня и Харон	163
126. Земля хромоногих и картавых	164
127. Барон	165
128. Лев, учредивший совет	167
129. Конь верховый	167
130. Великан и Карлики	168
131. Желание Кашея	168
132. Паук и Мухи	169
133. Привязанная Собака	170
134. Соловей и Вороны	170
135. Слепцы	171
136. Зеленый Осел	172
137. Стряпчий и Вору	173
138. Лестница	175
139. Ленивые и ретивые Коня	175
140. Невежество и Скупость	176
141. Лисица и Сорока	176
142. Осел в уборе	178
143. Привилегия	179
144. Побор Львиный	180
145. Резчик и Статуя	181
146. Буквы	181
147. Метафизический Ученик	182
148. Добрый Царь	184
149. Лев-сват	184

В. А. ЛЕВШИН

150. Осел-стихотворец	185
151. Кузнец	186

152. Каменщик	188
153. Снегирь	189
154. Бессмертный автор	190

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

155. Скупой	191
156. Неумеренность	192
157. Пчелы и Шмель	193

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ

158. (Сократово слово)	194
159. Бык и Лягушка	194
160. Стрекоза	195
161. (Дуб и Трость)	196

Я. Б. КНЯЖНИН

162. Рыбак	197
163. Мор зверей	198
164. Дуб и Трость	201

О. П. БЕЛЯЕВ

165. Орел и Солнце	202
166. Лисица и Петух	202

И. И. БАХТИН

167. Проповедник и Ростовщик	203
168. Змея-любимец	205

П. П. СУМАРОКОВ

169. Пыль и Алмаз	205
170. Две Собаки	206

А. В. ХРАПОВИЦКИЙ

171. Подражание Лафонтену. Книга 3, баснь 10 («Картину выставил народу...»)	207
172. Баснь, посланная к И. И. Дмитриеву («Телица белая...»)	208
173. Мужик и Господа	209

Г. Р. ДЕРЖАВИН

174. Медведь, Лисица и Волк	210
175. Лев и Волк	210
176. Фонари	211
177. Струя и Дом	211
178. Крестьянин и Дуб	212

С. А. ТУЧКОВ

179. Ворона и Орлы	212
180. Зеркало и Обезьяна	214
181. Кокушка и Скворец	215
182. Сова и Ворон	216

П. М. КАРАБАНОВ

183. Плешиный и Орел	217
184. Употребление вольности	218
185. Органы. На равенство	219

И. П. ПНИН

186. Южный ветер и Зефир	220
187. Терновник и Яблоня	220
188. Верховая Лошадь	222

И. И. ДМИТРИЕВ

189. Жаворонок с детьми и Земледелец	223
190. Искатели Фортуны	225
191. Два Голубя	227
192. Старик и трое Молодых	230
193. Дуб и Трость	231
194. Царь и два Пастуха	232
195. Башмак, мерка равенства	234
196. Прохожий	234
197. Воспитание Льва	235
198. Мышь, удалившаяся от света	237
199. Дряхлая старость	238
200. Книга «Разум»	239
201. Магнит и Железо	240
202. Смерть и умирающий	240
203. Муха	241
204. Лиса-проповедница	242
205. Три Льва	243
206. Отец с Сыном	244
207. Воробей и Зяблица	244
208. Амур, Гимен и Смерть	244
209. Часовая Стрелка	245
210. Лебедь и Гагары	245
211. Калиф	246
212. Бык и Корова	247
213. Сверчки	247
214. История	248
215. Чужеземное растение	249
216. Репейник и Фиалка	249
217. Плоды мудрого правления	249
218. Хлеб и Свечка	249
219. Мячик	250

220. Каменная гора и водяная Капля	250
221. Узда и Конь	250
222. Садовая Мышь и кабинетская Крыса	250

Д. В. ДАВЫДОВ

223. Река и Зеркало	251
224. Голова и Ноги	251

В. А. ОЗЕРОВ

225. Оратор и Болван	252
226. Волк и Журавль	253
227. Осел и Собачка	254
228. Ворона-просительница	255
229. Кузнецик	255

Д. И. ХВОСТОВ

230. Дуб и Трость	256
231. Мужик и Блоха	257
232. Городская и деревенская Мышь	257
233. Гора в родах	258
234. Орлица и Черепаха	258
235. Щука и Уда	259
236. Лягушки, просящие царя	259
237. Волк и Журавль-лекарь	261
238. Софокл и его доноситель	261
239. Лев и Клоп	262
240. Ветр и дуб	262
241. Живописец и наземная куча	263
242. Молочница и Кувшин с молоком	264
243. Змея и Пчела	265

Е. И. СТАНЕВИЧ

244. Вельможа и Мудрец	266
245. Дерево и Дриада	266
246. Подушка и Перо	267
247. Волга	268
248. Осел	269

А. С. ШИШКОВ

249. Гусь и Утка	269
250. Лисица и Лев	270
251. Голубь и Пчела	271
252. Басня (Подражательный перевод с немецкого) («Также ходят вести...»)	271

В. А. ЖУКОВСКИЙ

253. Мартышка, показывающая китайские тени	273
254. Сон Могольца	275
255. Старый Кот и молодой Мышонок	276
256. Каплун и Сокол	277
257. Расстройка семейственного согласия	278

А. П. БЕНИЦКИЙ

258. Собака	279
259. Сыч, Филин, Совы и Нетопырь	279
260. Волк и Лисица	280
261. Петух и Алмаз	281
262. Голубь-историк	282
263. Рак и сын его	283
264. Кедр и Лоза	283

И. А. КРЫЛОВ

265. Дуб и Трость	285
266. Крестьянин и Смерть	286
267. Пустынник и Медведь	286
268. Ларчик	288
269. Ворона и Лисица	289
270. Музыканты	290
271. Волк и Ягненок	290
272. Стрекоза и Муравей	291
273. Муха и Дорожные	292
274. Петух и Жемчужное зерно	293
275. Лягушки, просящие царя	294
276. Слон на воеводстве	295
277. Лисица и виноград	296
278. Слон и Моська	297
279. Огородник и Философ	297
280. Гуси	299
281. Осел и Соловей	299
282. Откупщик и Сапожник	300
283. Подагра и Паук	302
284. Квартет	304
285. Листы и Корни	305
286. Свинья	306
287. Синица	307
288. Кот и Повар	308
289. Волк на псарне	308
290. Ворона и Курица	309
291. Щука и Кот	310
292. Демьянова уха	311
293. Лисица и Сурок	312
294. Любопытный	313
295. Лебедь, Щука и Рак	314
296. Чиж и Голубь	314
297. Троеженец	314
298. Мартышка и Очки	315

299. Крестьянин и Работник	316
300. Тришкин кафтан	317
301. Волк и Журавль	317
302. Зеркало и Обезьяна	318
303. Волк и Пастухи	319
304. Пчела и Мухи	319
305. Трудолюбивый Медведь	320
306. Две Бочки	320
307. Муравей	321
308. Свинья под Дубом	322
309. Прихожанин	323
310. Щука	324
311. Собака и Лошадь	325
312. Разбойник и Извозчик	325
313. Вельможа	326
314. Кукушка и Петух	327

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

315. Умирающая Собака	327
316. Гора в родах	329
317. Совет Мышей	329
318. Волк и Журавль	330
319. Филин и Чиж	331
320. Устрица и двое прохожих	332
321. Горлица и Малиновка	332
322. Два человека и клад	334
323. Два осла	335
324. Гора в родах	336
325. Лестница	336
326. Слезы Кашея	336
327. Исправление	337
328. Пьяница	337
329. Два Красавца	339
330. Совесть Разбойника	340
331. Кашей и Лекарь	341
332. Купец Брюханов	343
333. Служанка	345
334. Лев и Лисица	346
335. Золотая струна	347
336. Макарьевнина уха	347
337. Лгун	348
338. Кулик-астроном	349
339. Слон и Собаки	350
340. Черный Кот	352
341. Две Козы	355
342. Скотское правосудие	356
343. Обманчивая наружность	357
344. Чиж и Стриж	359
345. Гордюшка-книгопродавец	360
346. Фонарь	363
347. Два крестьянина и облако	363

П. И. ШАЛИКОВ

348. Бумага и Перо	364
349. Талант и Характер	364
350. Гора в родах	365
351. Глухой и часы	365
352. Дорога	366
353. Поэт, вышедший в знать	366
354. Карета	367

Б. К. БЛАНК

355. Амур и Интерес	367
356. Дитя и цветы	368
357. Кот-проповедник	369
358. Золотой Галун и Кружево	370
359. Пава и филин	371

А. П. БУНИНА

360. Вол, Осел и Конь	372
361. Пекинское ристалище. <i>Иносказание</i>	373

Ф. Ф. ИВАНОВ

362. Дуб, Кусты и Трость	375
363. Кузнечик и вол	376
364. Плющ и дикая роза	376
365. Два Осла	377

В. И. КОЗЛОВ

366. Сосна и Терновник	378
367. Тростник и лягушка	378
368. Соловей и Чиж	378
369. Молва и слава	379

А. Н. НАХИМОВ

370. Живописец	379
371. Волы и Лошадь	380
372. Свиньи и Ягненок	381
373. Моська и Собака на привязи	381
374. Пчела и Оса	382
375. Железо и Кузнец	382
376. Море и Река	383
377. Юпитер и Нетопыри	383
378. Моль и Кафтан	383
379. Правда и Подьячий	384

В. Л. ПУШКИН

380. Старый Лев и звери	384
381. Лев и его любимец	385
382. Голубка	386
383. Меркурий и умершие	386
384. Чиж	388
385. Больной	388
386. Сычи	389
387. Старушка и богиня Истина	390
388. Преимущество дарований	391
389. Две старые Кошки	392

К. Н. БАТЮШКОВ

390. Пастух и соловей	393
391. Сон Могольца	395
392. Филомела и Прогна	396

А. Д. АГАФИ

393. Котенок и Чиж	397
394. Ссора	398
395. Гора в родах	399
396. Бык и Лягушка	400

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ

397. Пчелы и шмели	400
398. Юноша и Старик	401
399. Возы с сеном	402
400. Нерешительность	403
401. Дитя и Бритва	403
402. Араб и Белый	404
403. Журавль и Лягушка	404
404. Осел и Камень	405
405. Осторожный Слепец	405

В. В. ИЗМАЙЛОВ

406. Барс и Белка	406
407. Феникс	407
408. Малиновка и Горлица	408
409. Автор и Мыши	409
410. Конь и Жеребенок	410

Д. И. ВЕЛЬЯШЕВ-ВОЛЫНЦЕВ

411. Ослы	412
412. Вол и Осел	413
413. Медведь-плясун	414
414. Гнилушка	414

Н. В. НЕВЕДОМСКИЙ

415. Соловей	415
416. Мальчик и змея	416
417. Волк и Пастух	416
418. Баран, Собака и Козел	417

В. И. ТИБЕКИН

419. Соловей и Жаворонок	418
420. Конь и Рак	418
421. Дождь и Пыль	419
422. Больной и Смерть	421
423. Конь	422
424. Гора в родах	422
425. Гусь	423

П. П. ЛОБЫСЕВИЧ

426. Светляки и лесной Сверчок	423
427. Медведь и Лиса	424
428. Вор и висельник	426

П. А. ЛАДЫЖИНСКИЙ

429. Пчела и Бабочка	427
430. Треска и Рыбак	427
431. Кулик и Журавль	427
432. Дервиш и Черт	428
433. Шарлатаны	429
434. Подушный сбор	429

Г. И. ЛУЗАНОВ

435. Волчонок и Сурок	430
436. Корона и Колпак	431
437. Старик с фонарем	431
438. Столп	432
439. Уголек	432

Н. МАЦНЕВ

440. Волк и Овца	432
441. Горбатый	433
442. Крестьянин и Тарантул	434
443. Сталь и Кремень	435

М. А. ДМИТРИЕВ

444. Совет	436
445. Плющ и Фиалка	437
446. Ученый Царь	437

А. К. МАЗДОРФ

447. Трубач	438
448. Бекас, Снегирь и Ворон	439
449. Эзоп и Осел	440
450. Городская Мышь и полевая	441
451. Царь и его Шут	443
452. Волк и Лисица	444

Ф. Н. ГЛИНКА

453. Фиалка и Дубы	444
454. Два Ручья	445
455. Пруд и Капля	446
456. Дитя и Птичка	447
457. Пирамида	447
458. Кремень и Сталь	448
459. Ручей и Река	449

А. Х. ДУРОП

460. Гранитный Утес и Море	449
461. Свеча и Щипцы	450
462. Воспоминание	450

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

463. Тройка Лошадей	451
464. Холст	452
465. Птицы	453
466. Герой и кипарис	454

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

467. Гусь и Змея	455
468. Доведь	456
469. Стол и Репа	456
470. Собака	456
471. Два Чижа	457
472. Волк и Пастухи	457
473. Пастух и Овца	458
474. Юпитер, Феб и Мом	459
475. Калиф и Дервиш. <i>Восточный аполог</i>	459
476. Язык и Зубы. <i>Восточный аполог</i>	460
477. Молоток и Гвоздь	461
478. Крыловская Хавронья	461

О. М. СОМОВ

479. Тыква и Желудь	462
480. Конь и Кляча	463
481. Сова и Петух	463
482. Стекло и Алмаз	464

В. Г. МАСЛОВИЧ

483. Роза и дикая Ромашка	465
484. Кукушка и Скворец	466
485. Дуб и Трость	466
486. Дуб и Свинья	467
487. Конь барский и Кляча	467
488. Дуб и Трость	468
489. Золото	468
490. Плотина и Поток	468

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

491. Зеркало и Вода	469
492. Меч и Плуг	469
493. Чай и Шалфей	469
494. Каменщик и Плотник	470
495. Коршун и Голубь	470
496. Пенька и Веревка	470
497. Две Улитки	471
498. Две Мыши	472

М. А. МАЙКОВ

499. Звериное училище	473
500. Геликонские Жуки	473
501. Слон и Сурок	474
502. Истукан	475

М. Д. СУХАНОВ

503. Черепаха	476
504. Медведь	476
505. Сочинитель и Перо	477
506. Синица в клетке	477
507. Фиалка	477
508. Ножи	478

Е. И. АЛИПАНОВ

509. Пастух и Волчонок	478
510. Мельница	479
511. Собачья жизнь	480
512. Зонтик	480
513. Зажигательное Стекло	480
514. Скворец	480
515. Свинья в огороде	481

Б. М. ФЕДОРОВ

516. Меркурий и Ремесленники	483
517. Путники	484
518. Праксителева Статуя и Осел	484
519. Комар	485
520. Крысы	485
521. Профессор и Студент	486
522. Задача	487

В. С. ФИЛИМОНОВ

523. Араб и Барышня	488
524. Муж	488
525. Скворец и Червяк	489
526. Птичий мир	489
527. Два чиновника	490
528. Кум и Кума	492
529. Дровосек и Соловей	493
530. Волк и Крыса	493
531. Кошка и Львица	494

А. М. ЗИЛОВ

532. Чиж и Соловей	495
533. Стихотворец и приятель	495
534. Дед и Внук	496
535. Осел и Конь	497
536. Овца и Свинья	497
537. Дуб и Трость	498
538. Мизантроп	499
539. Счастливец	500

К. И. ЦИМБАЛИН

540. Волк и Лисица	501
541. Мальчик и басни	501
542. Поэт	502
543. Артист	504
544. Свеча и Зеркало	505

Н. ОХЛЕБНИН

545. Сорока и Чиж	506
546. Бык и Волк	507
547. Волк и Журавль	507
548. Хвастун	508
549. Два Осла	508

И. ВАНЕНКО

550. Овца и Ворона	509
551. Ученый Осел	509

К. П. МАСАЛЬСКИЙ

552. Медведь, Мартышка и Свинья	510
553. Два Колоса	511
554. Лягушка-птица	512
555. Толстяк	513
556. Звезда и Ракета	515

А. В. АНТОНОВ

557. Кукольная комедия	515
558. Метелка	516
559. Комитет	517

В. И. АСКОЧЕНСКИЙ

560. Оратор и Жеребята	518
561. Барсук	519
562. Серко и Орелка	520
563. Два соседа	521

КОЗЬМА ПРУТКОВ

564. Кондуктор и Тарантул	522
565. Цапля и беговые дрожки	522
566. Стан и Голос	523
567. Разница вкусов	523
568. Звезда и Брюхо	524
569. Чиновник и Курица	526

Примечания	527

Словарь	633

РУССКАЯ БАСНЯ XVIII—XIX ВЕКОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1977,
656 стр.

План выпуска 1977 г. № 381

Редактор Д. М. Климова

Художник И. С. Серов

Худож. редактор А. Ф. Третьякова

Техн. редактор В. Г. Комм

Корректоры

Ф. Н. Аврунина и И. Г. Клейнер

Сдано в набор 22/IV 1977 г. Подписано
к печати 10/VIII 1977 г. М 26537. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Печ. л. 20¹/₂.
Усл. печ. л. 34,44. Уч.-изд. л. 35,7. Тираж
48 000 экз. Заказ № 481. Цена 3 р. 10 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель». Ленинград, Нев-
ский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3

